РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ
И ПОЛКОВОДЦЫ

А. В. ШИШОВ

ПОЛКОВОДЦЫ КАВКАЗСКИХ ВОЙН

РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ
И ПОЛКОВОДЦЫ

А.В. ШИШОВ

ПОЛКОВОДЦЫ КАВКАЗСКИХ ВОЙН

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ
2001

ББК 63.3(2)47-8
Ш55

Под общей редакцией предводителя
Российского Дворянского Собрания
князя А.К. Голицына

Авторы проекта:
Валентина Алексеевна БЛАГОВО
Сергей Алексеевич САПОЖНИКОВ

Художественное оформление
художника И.А. Озерова

Шишов А.В.
Ш55 Полководцы кавказских войн. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. — 559 с

ISBN 5-227-01396-9

Книга рассказывает о жизни, государственной и полководческой деятельности восьми крупных военачальников России, с чьими именами связано утверждение южных рубежей нашей государственности, защита народов Кавказа от турецкой и персидской экспансии, исчезновение работорговли, культурный взлет и экономическое процветание Кавказского региона.

Это В.А. Зубов, И.В. Гудович, А.П. Ермолов, И.Ф. Паскевич-Эриванский, В.О. Бебутов, И.М. Андроников, Н.Н. Муравьев-Карский, Н.Н. Юденич. Подвиги первого из них были в конце XVIII, последнего — в начале XX века. Они обогатили сокровищницу военного искусства невиданными до той поры походами, сражениями, штурмами, военными и дипломатическими победами.

Знаменитые в свое время на всю страну, ныне они почти забыты. Книга восстанавливает историческую справедливость и помогает современному читателю вспомнить и зримо представить себе личности этих незаурядных в российской истории полководцев, из деятельности которых можно извлечь еще много полезных уроков.

Книга адресована массовому читателю.

ББК 63.3(2)47-8

© А.В. Шишов, 2001
© Художественное оформление серии,
ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2001
© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2001

ISBN 5-227-01396-9

ОТ АВТОРА

Войны на Кавказе... В истории государства Российского с ними связаны целых полтора столетия. Они следовали устрашающей непрекращающейся чередой: от Персидского похода 1796 года до Первой мировой войны 1914—1918 годов.

Одни войны, вспыхнув, укладывались, по сути дела, в одну летнюю кампанию. Другие — растягивались на долгие годы. А Кавказская война с «немирными» горцами, закончившаяся пленением Шамиля, длилась с перерывами чуть ли не пятьдесят лет. Но все они требовали от Российской державы большого напряжения сил и средств. И самое главное — многотысячных войск, чтобы на поле брани добывать победы для Отечества, для ушедшей в историческое прошлое Российской империи.

Этими войнами отстаивалась собственная государственность, национальное достоинство, раздвигались и защищались родные пределы. Ценой пота и крови, жизни многих тысяч российских воинов подавалась дружеская помощь народам Закавказья, на долгие столетия оказавшиеся под игом султанской Турции и шахской Персии. С приходом русских на Кавказ там прекратились кровавые междоусобицы и исчезла работорговля, горный край обрел мир и законность, обрел надежды на культурный взлет и экономическое процветание.

Славные «кавказские» страницы ратной летописи Российского государства не подлежат забвению, сомнениям или ревизии, как это не раз пытались и пытаются сделать конъюнктурщики от истории. Правда о них рано или поздно находит путь к людям, к потомкам тех, кто торил дорогу за Кавказский хребет и отстаивал там интересы России и интересы самих же народов Кавказа.

Исторические оценки должны быть прежде всего справедливыми, объективными, открытыми для суждений, раскрепощенными от официального догматизма.

Историческая правда требует сказать, что Россия в войнах на Кавказе слабых противников не имела. Ими были султанская Турция, величавшая себя Блистательной Портой или Оттоманской Портой, шахская Персия в расцвете военного могущества, движение горцев под руководством упорного имама Шамиля. При этом противников России всегда поддерживали, материально, морально и инструктажем, западноевропейские державы, в первую очередь Англия. В Восточной войне 1853—1856 годов на стороне турок выступили войска Франции, Великобритании и Сардинии. Вся Европа была готова тогда наброситься на Россию.

Ареной боевых действий России на Кавказе были огромные пространства Северного Кавказа и Закавказья, берега рек Терека, Кубани, Куры, Аракса, побережье и воды Черного моря и Каспия, земли грузин, армян, азербайджанцев, пашалыки азиатской Турции и северный Иран...

Войны на Кавказе дали отечественной истории большое созвездие полководческих дарований, героических подвигов, кровопролитных сражений в чистом поле, не менее тяжелых штурмов и обороны крепостей, рейдов во вражеские тылы, походов целых армий. Каждая такая война доставляла честь и славу русскому оружию.

Так уж случилось, что имена большинства героев этой книги с началом 20-х годов XX столетия оказались «за бортом» исторических, художественных и научных публикаций. Славные фамилии кавказских воителей, честно отдававших жизнь служению родному Отечеству, были известны лишь узкому кругу специалистов. И были почти не доступны познанию массовой читательской аудитории.

Причин здесь видится немало. В не столь отдаленном времени одних снисходительно объявляли царедворцами только по той причине, что всероссийские государи императоры им доверяли, другим приклеивали ярлык ретроградов за то, что на Сенатской площади Санкт-Петербурга в 1825 году они не изменили данной ими присяге и не присоединились к заговорщикам-декабристам.

Еще больше «подкузьмили» памяти о прославленных полководцах так называемые революционные потрясения в Европе и борьба «свободолюбивых» горцев против Российской империи.

Некоторые из них командовали в походах царских армий против революционных войск Польши (Царства Польского) и Венгрии или участвовали в долгой борьбе с Шамилем, по сути дела создававшим внутри Российской империи теократическое государство-имамат с сомнительными нравственными устоями.

Можно с разных позиций подходить к оценке исторической справедливости той или иной войны на Кавказе, применению вооруженной силы в локальном конфликте. Оценивать как с той, так и с другой стороны. Но можно не сомневаться, что стратегически Россия вела совершенно правильную и справедливую политику. Не раздвинь мы пределы государства на юге до Карса и Аракса, турки и персы наверняка довершили бы порабощение христианских кавказских народов и до сих пор стояли бы у нашего «подбрюшия» — у Азова, Кубани и Терека, если не севернее.

Наш рассказ пойдет о полководцах кавказских войн России. На поле брани доминирует поступок: будь то целой армии или ее полководца. Это особая человеческая ценность. И невозможно вымарать самоотверженность и мужество, героизм и стойкость, полководческий дар и великодушие в экстремальных условиях войны не на жизнь, а на смерть.

Кто же они, полководцы кавказских войн государства Российского, чьи славные, но во многом забытые подвиги вобрала в себя бранная слава русской армии?

Руководитель Персидского похода генерал-аншеф граф Валериан Александрович Зубов являлся родным братом последнего фаворита Екатерины II Великой — князя Платона Александровича Зубова. В.А. Зубов тоже являлся любимцем императрицы-воительницы, в чье правление Российское государство вело почти беспрерывные войны. Генерал-инвалид, он возглавил успешно начатый военный поход на юг Кавказского побережья Каспийского моря, чтобы в первую очередь обезопасить православную Грузию от новых персидских вторжений. Зубовский Персидский поход неожиданно прервался по воле воцарившегося Павла I, и только по этой причине он не дал результата.

Анапа, крупнейшая турецкая крепость на Черноморском побережье Кавказа, стала звездой первой величины в полководческой биографии генерал-фельдмаршала Ивана Васильевича Гудовича, познавшего в полной мере и взлеты, и неудачи в своей долгой воинской жизни. На то она и война, чтобы давать уроки всем, включая командующих многочисленными войсками. Однако одно

то, что именно Гудовичем была надежно установлена государственная граница на Кубанской линии, дает ему право на достойное место в отечественной, и не только военной, истории.

Одной из самых сложных для понимания фигур в военной и политической истории старой России был и остается Алексей Петрович Ермолов. Человек, имевший два высших воинских звания — генерала от артиллерии и генерала от инфантерии. С его именем связано начало Кавказской войны 1817—1864 годов, усмирения Чечни, Горного Дагестана и Черкесии. Те события почти двухвековой давности по сей день волнуют и исследователей, и массового читателя. Так уж случилось в российской истории, что полководец Ермолов, герой Отечественной войны 1812 года, навечно связал свою биографию с Кавказом, с той крепостью, которую он решил взять штурмом.

Генерал-фельдмаршалу Ивану Федоровичу Паскевичу некоторые историки почему-то приписывают на войне только одно везение. Но для того, чтобы победить достойного противника, одного везения явно мало. Надо еще и умение, большое полководческое дарование. Им-то он обладал в достаточной мере, пользуясь огромным авторитетом командующего армией и войсками России не у одного Императора. Граф Паскевич-Эриванский, он же князь Варшавский, вполне достоин стоять в первом ряду отечественных полководцев вслед за русским военным гением Суворовым-Рымникским, великими Голенищевым-Кутузовым-Смоленским и Румянцевым-Задунайским... Однако его польские и венгерские победы «отобрали» заслуженную славу у полководца, служившего Отечеству верно и примерно.

Генерала от кавалерии Ивана Малхазовича Андроникова и генерала от инфантерии Василия Осиповича Бебутова роднит то, что славу себе они добыли, защищая российские границы в Закавказье. Под их командованием русские войска одержали несколько блестящих побед над армиями Османской Порты, не дав туркам вторгнуться ни в Грузию, ни в Восточную Армению, ни в Азербайджан. Как говорится, победа победе рознь. Но когда более многочисленный враг в кровопролитной сече останавливается на рубежах Отечества, то цена таких викторий имеет особое звучание. Равно как и полководческий талант людей, стоявших во главе победителей.

Крымскую, или Восточную, войну николаевская Россия проиграла в Крыму, но выиграла на Кавказе. Оставление русскими войсками после героической обороны Севастополя и блестящее взятие ими мощной турецкой крепости Карс уравняли чаши весов, на которых взвешивались итоги этой войны. Оттоманская твердыня оказалась полноценной разменной монетой за главную базу русского Черноморского флота. «Конструктором» той большой победы отечественного оружия стал генерал от инфантерии Николай Николаевич Муравьев, вошедший в военную историю с прозванием Карский. Взятие мощнейшей неприятельской крепости стало украшением полководческой биографии человека, познавшего все тяготы войн на Кавказе.

Первая мировая война, или, как ее называли в то время в России, Великая, почти сразу же началась и на Кавказе. И хотя Кавказский театр военных действий трудно сравнить с европейскими фронтами по своему размаху, накал борьбы здесь тоже был очень высок. И в том, что почти половина сухопутных войск Турции была наголову разгромлена русской Кавказской армией, огромная заслуга такого полководца, как генерал от инфантерии Николай Николаевич Юденич. Впоследствии он стал одним из военных вождей Белого движения, в связи с чем советские историки на многие десятилетия «вычеркнули» его славное имя из истории той войны, которая впервые охватила большую часть нашей планеты.

Таковы они, герои нашего исторического повествования, так непохожие друг на друга во всем, кроме одного. Всех их сближает верность данной воинской присяге на благо Отечества, ратная доблесть, несомненное личное мужество, обладание большими победами. И право называться в военной летописи Российского государства полководцами. Словом, обязывающим ко многому. Прежде всего к поступкам и деяниям на «тропе войны» и на полях брани.

...Войны России на Кавказе — лишь часть ратной истории нашего государства, даже не самая большая. Среди полководцев того времени нет ни народных героев, ни тех людей, которых в наше время принято считать «прогрессивными» деятелями старой России. Все они вошли в ее историю как верные служители царскому трону. Теперь, когда мы отлично знаем, куда может заводить этот пресловутый прогресс, мы должны отдать должное этим рыцарям без страха и упрека, восстановить историческую справедливость и показать, не умаляя, их личные заслуги как военных вождей русских кавказских войск.

Нельзя забывать и того, что каждый герой этой книги, представленной на строгий суд читателей, стоял во главе российских

войск, что победу в конечном счете добывал на поле боя простой русский солдат — нижний чин, офицер из младших, казак и матрос, доброволец из местных кавказских ополчений. Почти всегда безымянный для истории той или иной войны. Под словом же «русский» подразумевается одно — воин государства Российского, многонационального по своей сути.

Для нас каждая фамилия полководца войн на Кавказе — будь то Зубов или Юденич, Ермолов, Паскевич или Муравьев, Гудович, Бебутов или Андронников — открывает собой фактически новую страницу русской военной истории. Забывать же их славные имена — значит обеднять родословную нашего государства, русской армии.

Только с позиций исторической правды, не подверженной каким-то политическим соображениям, можно показать истинные заслуги государственного мужа, наделенного судьбой воинской славой. Его победы — дела армии старой России, ее заслуги перед Отчизной.

Фигуры больших личностей, совершившие что-либо в истории, всегда вызывали противоречивые суждения о себе даже среди современников. Иначе просто и быть не может. В этой книге ее герои показаны прежде всего как воители, под знаменами которых сражались армии, корпуса, дивизии, полки...

Весьма сложно расставить их по ранжиру в полководческой иерархии. Да такое и не к чему. Пусть это рассудит наш читатель.

Алексей Шишов,
военный историк и писатель

«ЗОЛОТАЯ НОГА» ФАВОРИТА

Генерал-аншеф Валериан Александрович ЗУБОВ

РАЗОРЕНИЕ ГРУЗИИ ШАХОМ ПЕРСИИ. ОТВЕТ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

Предыстория появления войск России за Большим Кавказским хребтом, в Грузии такова. Когда персидский шах Али-Мурад, правивший в начале 1780-х годов, стал грозить царю Картли и Кахетии Ираклию II вторжением, тот обратился за помощью к Екатерине II Алексеевне, Императрице единоверной России. У правителя Восточной Грузии это была одна-единственная возможность получить поддержку и защиту.

Та, как действительно Великая государыня, действовала быстро и решительно. 5 августа 1783 года в городе Георгиевске (ныне расположенном на юге Ставропольского края) был подписан трактат, вошедший в историю как «Георгиевский», по которому над Картлийско-Кахетинским царством устанавливался российский протекторат.

15 ноября того же года два русских пехотных батальона с четырьмя полевыми орудиями вступили в город Тифлис. Отрядом командовал генерал-поручик Павел Сергеевич Потемкин (будущий граф и генерал-аншеф), родственник светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического. По пути он заложил крепость Владикавказ, связав ее цепью полевых укреплений с городом-крепостью Моздоком.

Павлу Сергеевичу Потемкину принадлежит честь открытия «большого пути» через Главный Кавказский хребет. Это он руками русских солдат переоборудовал древнюю караванную тропу, проходившую через Дарьяльское ущелье, «в некое подобие дороги». В дальнейшем ее расширят, благоустроят, и она станет знаменитой Военно-Грузинской дорогой, которая соединит Россию с ее закавказскими губерниями.

Появление русских войск в Тифлисе произвело должное впечатление на шаха Али-Мурада. Казалось, что опасность для царя Ираклия II миновала, и в феврале следующего, 1784 года русский отряд покидает Восточную Грузию и отходит на Северный Кавказ, за Кавказскую пограничную линию, и оставляет Владикавказ.

Время шло. И скоро лакомая и практически беззащитная грузинская земля снова стала искушать персидских завоевателей.

После многолетних междоусобных войн во главе Ирана стал Ага-Магомед-хан из тюркского племени Каджаров. Забегая вперед, скажем, что именно он явился основателем новой династии на персидском троне. Каджары будут править страной до начала XX века, пока их не заменит династия Пехлеви.

И вот огромная персидская конная армия Ага-Магомед-хана, вобравшая в себя по пути войска Гянджинского, Эриванского, Нахичеванского и других мусульманских ханств, осадила крепость Шушу, а 23 мая 1795 года внезапно появилась под городом Тифлисом. На следующий день небольшое войско царя Ираклия II (к которому никто из других грузинских правителей не пришел на помощь) было разбито под стенами города. А из царской столицы бежали все, кому было на чем бежать. Вождь персов решил преподать Грузии кровавый урок и повелел своим жаждущим добычи и пленников воинам «предаться варварской резне и грабежам».

Тревожная весть о вторжении в 1795 году в Закавказье огромных полчищ персидского шаха и полнейшем разорении грузинской столицы, естественно, шла до Санкт-Петербурга очень долго. Гонцы, меняя лошадей, пробирались через теснины Кавказа, мчались под охраной казачьих конвоев по кубанским и донским степям, неслись на почтовых тройках по российским просторам.

Самодержавная правительница Екатерина II Алексеевна, получив такое известие, сильно разгневалась. Ей было прискорбно узнать о постигшем Картлийско-Кахетинское царство страшном погроме, о бедствиях грузинского царя и его подданных, состоявших под покровительством Российского государства.

Императрица в подобных случаях принимала ответственные решения без долгих раздумий. И самое главное — без колебаний. На сей раз она пытливо осмотрела лица близких ей в управлении державой людей и привычно просто повелела:

— Потребовать в столицу Гудовича Ивана Васильевича. Беда случилась за его Кавказской линией. Ему и в Тифлис. — Затем,

обратившись менее строго к красавцу графу Платону Зубову, сменившему на месте первого сановника Российской империи светлейшего князя Потемкина-Таврического, сказала: — Что-то не у дел ноне наш Александр Васильевич. Пошли за ним или лучше сам съезди. Надо попросить Суворова, чтоб сходил за Кавказ да наказал шаха персидского за злодеяния против грузинцев.

Последний баловень счастья «золотого» века Екатерины Великой чуть склонил свою гордую голову:

— Сегодня же отпишу ему письмо, матушка государыня...

Императрица, не откладывая столь важного дела в долгий ящик, вызвала в столицу многих начальственных военных людей. Все они были по ее повелению озадачены.

Страшный в истории разгром шахской армией Восточной Грузии, находившейся под покровительством России, стал прямым оскорблением достоинства великой державы, прямым вызовом ей. Война с Персией была решена самодержавной Императрицей сразу и бесповоротно. Готовился военный поход, вошедший в историю как Персидский 1796 года.

Россия добросовестно выполняла свои обязательства по Георгиевскому трактату 1783 года и одновременно удовлетворяла просьбы дагестанских правителей. Кроме того, виделась прямая опасность усиления на российских южных границах воинственного персидского шаха. Не получив должного отпора в Картлийско-Кахетинском царстве, войска иранцев могли двинуться и на Северный Кавказ, и в русские пределы. О чем не раз заявляли до и после тифлисского погрома шахи Персии и подвластные им ханы.

В Санкт-Петербурге занялись формированием экспедиционного корпуса. Он составлялся из войск, которым Высочайшим указом повелевалось выступить в далекий поход на юг. Командовать сводным корпусом поручалось графу Суворову-Рымникскому, чей полководческий талант на Востоке знали далеко за пределами турецкой Малой Азии. Будущий российский генералиссимус представил Императрице список генералов, которых он хотел бы взять с собой в многотрудный Персидский поход: Исленева, Буксгевдена, Шевича и донского казачьего атамана Исаева — людей, на войне проверенных и опыта в них поднабравшихся.

Представленный Суворовым список «начальных людей» экспедиционных войск вызвал удивление Екатерины II Алексеевны. И что хуже всего — неприкрытое неудовольствие ее фаворита Платона Зубова. В списке не оказалось двух его братьев — графов Валериа-

на Зубова и Николая, женатого на дочери Александра Васильевича Наталии Александровне Суворовой — «Суворочке».

Так как поход на юг Каспия обещал немалую воинскую славу и щедрые награды, всесильный Платон Александрович Зубов, разобиженный и за себя, и за братьев, повел придворную интригу. Дело закончилось тем, что через пять недель — в феврале 1796 года — Суворов отказался от должности главнокомандующего в походе русских войск через Дагестан для покорения «немирной» Персии.

Сразу же встал вопрос, кем заменить полководца с блистательным именем. Кандидатура командующего войсками Кавказской линии, героя штурма турецкой крепости Анапы на берегах восточного Черноморья, «не проходила». Генерала Ивана Васильевича Гудовича решили направить с сильным отрядом прямо в Тифлис.

При обсуждении вопроса о главнокомандующем фаворит Императрицы сумел настоять перед ней на кандидатуре своего младшего брата Валериана. Возражений «матушки государыни» на сей счет не последовало. Война России против шахской Персии имела для него на сей раз большой смысл.

Есть все основания считать, что во времена Екатерины II Персидский поход находился в тесной связи со знаменитым «Греческим проектом», обновленным в редакции графа Платона Зубова. Согласно замыслам последнего фаворита Императрицы, генерал граф Валериан Зубов, покончив с Персией, должен был прорваться через сердце Турецкой империи — Анатолию и угрожать столице османов Стамбулу-Константинополю с малоазиатских берегов. В это же время графу Суворову-Рымникскому с войсками надлежало перейти через труднопроходимые Балканские горы и взять город Адрианополь, находившийся на самых ближайших подступах к столице Блистательной Порты со стороны Европы. Сама же Императрица Екатерина II, находясь лично на Черноморском флоте с Платоном Зубовым, должна была осадить турецкую столицу со стороны моря, блокировав корабельной эскадрой пролив Босфор.

Историки до сих пор спорят: был или нет такой план войны против Оттоманской Порты. Но в масштабных замыслах екатерининского фаворита он, скорее всего, существовал...

Итак, по «нижайшей» просьбе графа Платона Зубова Императрица Екатерина вверяет «главную команду» над 35-тысячным экспедиционным корпусом русских войск графу Валериану Зубову. Вскоре самодержавная правительница производит его в генерал-аншефы.

Известно, что великий Суворов это назначение принял с откровенной иронией, хотя, с другой стороны, он очень интересовался ходом подготовки военной экспедиции, а затем и ее результатами. В письме Д.И. Хвостову, мужу своей племянницы, Александр Васильевич с присущим ему «штилем» не без сарказма пишет:

«Театр на Востоке; герой граф Валериан за Дербент, покорит и укрепит Каспийское море, простирт свои мышцы до Аракса, далее завоеваниев Петра Великого, и ограничит (оградит от врагов. — *А. Ш.*) Грузию...»

Суворов имел здесь в виду Персидский поход Петра I Великого в 1722—1723 годах. Тогда русские войска прошли Кавказским побережьем до юга Каспия и присоединили его к Российскому государству. К России отошли тогда персидские провинции Гилян, Мазендаран и Астрабад. Правда, вскоре их по доброй воле возвратили Ирану...

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ СУДЬБА БРАТА ФАВОРИТА

Новому главнокомандующему в войне с шахской Персией, к слову сказать, она так и не разыгралась, отстукало в то время только двадцать четыре года. Он был младшим из братьев Зубовых, быстро возвысившихся благодаря фавору одного из них — графа, а затем князя Платона Александровича Зубова. Старшим же из них был Николай, зять нашего великого полководца Александра Васильевича Суворова. Был еще и четвертый брат — Дмитрий Александрович, — но в течение этого повествования он не будет попадать в поле нашего внимания.

Все они стали блистательными вельможами екатерининского века. В 1796 году до получения княжеского титула П.А. Зубов именовался так:

«Его сиятельство граф Зубов, генерал-фельдцейхмейстер, главноуправляющий инженерной частью; генерал-адъютант е. и. в. императрицы всероссийской; шеф кавалергардского корпуса, главнокомандующий легкою Екатеринославскою кавалерией и Вознесенскими казацкими войсками; генерал-губернатор Екатеринослава, Вознесенска и Тавриды; кавалер российских орденов св. Андрея, св. Александра Невского и св. Владимира большого креста первого класса; прусских: Орла Черного и Красного;

польских: Белого Орла и св. Станислава и великого герцогства Гольштинского — св. Анны».

Графы Зубовы «росли» при дворце стремительно. Хорошо «поспевал» за Платоном и младший Валериан. Карьера его смотрится весьма примечательно. Родившись в 1771-м, будучи на четыре года младше среднего брата Платона, он воспитывался дома, где отец поблажек не давал. Около 1784 года младший из братьев был записан на военную службу вахмистром в лейб-гвардии Конный полк.

Через год, в четырнадцать лет, стал офицером, когда его произвели в корнеты. В 1789 году поручика лейб-гвардии Валериана Зубова отправили в полевую действующую армию светлейшего князя Потемкина-Таврического.

Но повоевать с турками поручику-конногвардейцу Валериану Зубову не пришлось. Явившись в действующую армию после взятия крепости Бендеры, он тотчас же был отправлен Григорием Александровичем Потемкиным назад в Санкт-Петербург, правда, с почетной миссией — с известием об этой славной победе.

По всей видимости, светлейший князь и генерал-фельдмаршал, будучи прекрасно осведомлен о всех придворных делах, не испытывал большого желания держать его при своей штаб-квартире. В столице же за доставление «знатной вести» Зубова-младшего производят в полковники, назначают флигель-адъютантом Императрицы и осыпают денежными наградами и ценными подарками. То есть служебную дистанцию от корнета до полковника В.А. Зубов проходит всего за четыре года. В это время Платон Зубов уже пользовался благосклонностью Императрицы Екатерины II Алексеевны, которая сразу же стала осыпать своими монаршими щедротами и его братьев.

В 1790 году полковник Валериан Зубов не без желания возвратился в действующую армию. Екатерина II в собственноручном рекомендательном письме просила своего «Гришеньку» — всесильного на юге Потемкина-Таврического — «доставить Зубову случай отличиться». Светлейший князь Тавриды, по свидетельству современников, относился «противно» к фамилии Зубовых. Между ним и новым фаворитом в лице Платона Зубова шла нешуточная борьба за влияние на матушку государыню.

И потому будто бы генерал-фельдмаршал Потемкин, главнокомандующий русской армией, назначил волонтера Валериана Зубова на такую артиллерийскую батарею, что после первой же вражеской бомбардировки столичный полковник уцелел просто чудом.

Как тогда говорилось в подобных случаях, лишь сам-шест. Думается, что так говорили, скорее всего, злые языки.

В первом же деле, своем боевом крещении, флигель-адъютант Императрицы продемонстрировал на глазах у всех исключительную личную храбрость. Да еще в каком сражении — при штурме неприступного Измаила. Тогда и увидел в нем настоящего храбреца сам Александр Васильевич Суворов.

Полковник Валериан Зубов в ночь приступа командовал частью штурмовой колонны, нацеленной по диспозиции на Килийские ворота. Командовал колонной восходивший в зенит ратной славы генерал-майор Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов. Бойцы Зубова, который со шпагой в руках дрался в первой линии, в жарких рукопашных схватках овладели кавальером и частью крепостного вала у восточных ворот Измаила.

Отвага во время штурма Измаильской крепости — оттоманской твердыни на берегах Дуная — принесла родному брату фаворита Императрицы сразу орденский крест Святого Георгия 4-го класса. Георгиевская награда была им заслужена честно и «примерно». К ордену добавили еще чин бригадира и возведение в полковники лейб-гвардии Измайловского полка. Последнее воинское звание было не сродни чину армейского генерала.

В следующем, 1791 году Зубову-младшему был пожалован орден Александра Невского. Этой боевой награды он удостоился наравне с М.И. Голенищевым-Кутузовым, бывшим тогда в чине генерал-поручика и назначенным во время штурма Измаила комендантом еще не взятой турецкой крепости, «запиравшей» собой Дунайское устье.

В 1792 году Валериан Зубов участвовал с «отличием» в войне с Польшей. Наградой за боевые заслуги стало почетное звание корнета Кавалергардского корпуса, шефом которого являлся его брат Платон. В следующем, 1793-м Зубов-младший возводится в графское достоинство.

Наступает 1794 год. Генерал-майор Валериан Зубов снова принимает участие в Польской кампании, которой на этот раз начальствует граф Суворов-Рымникский. Новоиспеченный российский граф считал за честь сражаться под суворовскими знаменами, да и не только он один. Суворов, видя стремление подчиненного ему генерала отличиться в боях, хвалил его за доблесть и бесстрашие.

Лично храбрый, обладающий «симпатичными» душевными качествами двадцатидвухлетний генерал-майор скоро стал любим-

цем действующей армии. Нижние чины видели в нем суворовского отца-командира и были готовы идти за ним в огонь и воду. Валериан Зубов рано познал душу русского солдата, и он умел общаться с нижними чинами.

Покоритель Измаила Суворов-Рымникский в своих рапортах не раз доносил об успешных действиях в Польше генерал-майора Валериана Зубова. Так, 15 октября 1794 года он сообщал:

«Генерал-поручика Дерфельдена авангард под командою генерал-майора Валериана Зубова, две мили за Броком, разбил неприятельский авангард, положил на месте сего Мокрановского корпуса более 300 человек и отбита медная 3-х фун. пушка, в плен взято: офицеров 15, нижних чинов и рядовых 155».

Дело-то действительно состоялось жаркое. Мятежный корпус польского генерала Станислава Мокрановского числом до 8 тысяч человек при 20 орудиях намеревался прорваться к Варшаве. Для этого ему предстояло переправиться через реку Западный Буг между населенными пунктами Нуром и Броком (Броками).

Получив такое донесение от конной разведки, Суворов приказал генерал-поручику Отто-Вильгельму Христофоровичу фон Дерфельдену выступить из местечка Брянск (Браньск). Не просто выступить, а поспешать, нагнать и поразить неприятеля. Авангардный отряд генерал-майора Зубова, совершив по-суворовски стремительный марш-бросок, сумел-таки перехватить часть главных сил корпуса Мокрановского. Он навязал полякам бой, в ходе которого те были разгромлены и рассеяны по окрестностям.

Александр Васильевич Суворов, как полководец, ценил в младшем Зубове легкого на подъем, энергичного и бесстрашного командира. В одном из своих писем он, отзываясь о брате фаворита Императрицы с теплотой, с сожалением пишет, что хорошо, если бы граф Валериан был еще и «послушный». Естественно, что служебное непослушание Зубова было следствием понимания своего исключительного положения при Императорском дворе.

Но вот происходит непредвиденное. В одном из рядовых боев в Польше, а именно при переправе через все тот же Западный Буг, верстах в 20 от Варшавы, вражеское ядро отрывает генерал-майору Валериану Зубову ногу. Дело обстояло так.

Зубовский авангардный отряд ночью настиг неприятельский арьергард князя Гедройца у реки близ деревни Поповки. Высланные вперед казаки-черноморцы донесли, что поляки, переправившись на противоположный берег, ломают («рушат») мост. А на

той стороне засели их стрелки-егеря с пушкой и не подпускают русских к переправе.

Валериан Зубов наступал тогда во главе Софийского карабинерского полка, пополненного волонтерами. К нему в тот час, поспешая, пришел на помощь полковник Рарок, посадивший гренадеров своего полка на обозных лошадей. Полковые командиры в окружении многочисленной свиты подскакали к бугскому берегу. Им хотелось воочию узнать, в каком месте польские солдаты рушат за собой мост. На берегу Рарок успел только сказать:

— Господа! Разъезжайтесь! Неприятель, увидев генерала, окруженного столь многочисленной свитой, будет по нему стрелять...

В ту же минуту с противоположного берега раздался последний в том бою пушечный выстрел. Ядро в полтора фунта весом метко ударило в Зубова и Рарока, чьи кони стояли бок о бок. Графу оторвало левую ногу, гренадерскому полковнику — правую ногу. Последний скончался тут же от большой потери крови.

Валериану же Зубову полковые медики в ближайшей лощине сделали удачную операцию, и он, хотя и стал инвалидом, остался жив. С берегов Западного Буга тяжело раненного генерала перевезли в армейскую штаб-квартиру, и он оказался надолго прикован к постели. В Санкт-Петербург поскакал специальный курьер, чтобы известить двор о несчастье, случившемся с братом фаворита.

Императрица Екатерина II, узнав о такой беде, собственноручно написала искалеченному генералу трогательное письмо, прося его возвратиться в столицу. Она послала ему «покойную» английскую дорожную карету — дормез и 10 тысяч червонцев на дорогу. На каждой почтовой станции для него готовили подставу в 110 лошадей. В начале 1795 года Валериан Зубов прибыл в Санкт-Петербург.

Он представился матушке государыне сидя в кресле на колесах. Увидев его, Императрица не могла удержаться от слез. Ее щедрость, казалось, не знала пределов. На Валериана Зубова одна за другой сыпались монаршии награды. Сначала он награждается орденом Святого Георгия 3-й степени (с крестом для ношения на шее). Затем ему вручается высшая награда Российской империи — орден Святого Андрея Первозванного, и он производится в генерал-поручики. Ему жалуются: невероятно дорогая соболья шуба, 300 тысяч рублей на уплату долгов и роскошный дворец на Большой Миллионной улице (принадлежавший некогда Густаву Бирону и перекупленный теперь Екатериной II у камергера Дивова).

Наконец, ему опять следует денежная награда — единовременно 20 тысяч рублей золотом и ежегодная пенсия в 13 тысяч целковых серебром. И все это «свалилось» на раненого брата фаворита, как принято говорить, «в одночасье».

Лечение принесло Зубову-младшему немало страданий и продвигалось медленно. Врачи даже указывали причину этого — их подопечный «предавался многим излишествам». Полное лечение Зубова, в том числе и за границей, заняло три долгих года. Английские ортопеды так удачно сделали ему протез, что он мог свободно ездить верхом на коне и сутками оставаться в седле.

Впоследствии кавказские горцы и персы прозовут русского генерала-инвалида «кизил-ага», что в переводе означало «золотая нога». Его имя на Кавказе окружат сказочные легенды...

Думается, что граф Валериан Зубов испытывал некоторую неловкость, когда узнал о том, что его чудаковатый и недавний по Измаилу и Польше начальник отказался вести русские войска в поход на Персию. Генерал-поручик не мог не знать и о тоне писем, которые его всесильный теперь брат-фаворит отправлял прославленному полководцу Суворову-Рымникскому. На что тот однажды, не сдержавшись, ответил как бы шаловливому мальчику:

«Ко мне штиль ваш рескриптный, указный, повелительный, употребляемый в аттестациях?.. Не хорошо, сударь!..»

Так или иначе, но должность главнокомандующего в Персидском походе граф Валериан Зубов принял с нескрываемым удовольствием и энтузиазмом. Военная экспедиция за Кавказские горы давала ему прекраснейший шанс прославить себя на военном поприще уже в ранге полководца, облеченного большими правами, и самое главное — самостоятельностью в ведении боевых операций.

К тому времени генерал Иван Васильевич Гудович уже возвратился из Санкт-Петербурга к себе на Кавказскую пограничную укрепленную линию. Там без промедлений приступил он к исполнению наставлений Императрицы по подготовке к войне с шахом Ага-Магомед-ханом.

Произведенный в генерал-аншефы вскоре после назначения главнокомандующим, Валериан Зубов начал исполнять свою новую должность с того шага, какой сделал с месяц назад Суворов. Он представил на утверждение Императрице Екатерине II список военачальников, которых он желал бы взять с собой в поход. Это были: генералы князь Цицианов, Римский-Корсаков, поступивший на русскую военную службу ганноверец Беннигсен,

старый знакомый Зубова по измаильскому штурму донской казачий атаман Платов и граф Апраксин. Российская Государыня утвердила своими указами все, о чем просил брат ее фаворита.

Забегая вперед, хочется сказать сразу: поход российских войск в ханства Северного Азербайджана, подвластные персидской державе, удался. Персидский поход принес георгиевскому кавалеру Валериану Александровичу Зубову славу полководца Российской империи.

Если бы не воцарение Павла I, с первых дней своего правления стремившегося низвергнуть многое, что было связано с именем и делами его матери, военные успехи двадцатичетырехлетнего генерал-аншефа могли бы быть много больше. Ибо граф В.А. Зубов обладал несомненными задатками способного военного вождя.

НАЧАЛО ПЕРСИДСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

...На исходе марта 1796 года для составления экспедиционного корпуса для похода на Персию через Дагестан к городу-крепости Моздоку уже собирались «назначенные» войска. Проделав большие переходы в степи, подошли полки Нижегородский и Астраханский драгунские, Хоперский казачий полк. Они квартировали около города Ставрополя. За ними по весенним степным дорогам запылила «царица» полей инфантерия — пехота. В станицах на Тереке готовилось к выступлению в дальний путь местное казачество.

Генерал-аншеф граф Валериан Александрович Зубов прибыл в Кизляр в самом начале апреля. Там уже находился с собравшимися войсками командующий Кавказской линией генерал Гудович, которому предстояло отправиться во главе отдельного отряда численностью в 8 тысяч человек по Военно-Грузинской дороге в Тифлис.

Собранные на терском левобережье пехотные и конные полки, артиллерия находились в состоянии готовности выступить в дальнюю дорогу. Главнокомандующий России в войне с Персией на месте сразу же продемонстрировал незаурядные способности организатора-генштабиста.

Вместе с генералом Гудовичем граф Зубов обстоятельно проработал маршрут Персидской экспедиции. Были приняты все меры к тому, чтобы войска не терпели нужды в самом необходимом. От грамотного тылового снабжения провиантом, фуражом и огневыми припасами на предстоящей войне зависело многое.

Согласовывались совместные действия с Каспийской военной флотилией (Персия на Каспии военного флота не имела). Ей предстояло сопровождать вдоль берега идущие на юг войска, подвозить из Астрахани собранные там различные армейские припасы, подкрепления в людях, высаживать на неприятельском побережье морские десантные отряды.

Всего в экспедиционном корпусе в наличии имелось 13 тысяч человек. Но это были не все назначенные в Персидский поход войска, ожидалось прибытие еще нескольких полков. За дальностью перехода с мест квартирования они еще не успели прибыть на берега Терека, так как, видно, не спешили в пути.

Когда последние походные приготовления завершились, генерал Иван Васильевич Гудович отправился к своему уже собравшемуся отдельному отряду. Ему вскоре предстояло выступить в грузинскую столицу и преодолеть при этом Кавказский хребет. В Закавказье войска Гудовича и Зубова должны были встретиться с тем, чтобы совместно воевать против персов.

Главнокомандующий после рекогносцировки назначил действующему корпусу место переправы через быстрый Терек — у станицы Каргалинской. Здесь саперы и казаки навели понтонный мост из деревянного настила на связанных между собой лодках. 8 апреля 1796 года его первым перешел Хоперский казачий полк, который стал походным лагерем на правом берегу реки.

На другой день Терек перешли Волгский и Донской полковника Машлыкина казачьи полки. Они сразу же выдвинулись вперед на 12 верст, составив авангардный отряд экспедиционного корпуса. Дозорные партии казаков ушли еще дальше, в Дагестан.

Затем стали переправляться другие корпусные войска под начальством генерал-майоров С.А. Булгакова и А.М. Римского-Корсакова. Полки двинулись в Дагестан по следам передового отряда. Во главе его стоял старый генерал Савельев, прославившийся на Кавказе руководством геройской обороной станицы терских казаков Наурской, осажденной большими силами горцев из Чечни.

В походный корпусной лагерь на реке Карган генерал-аншеф Валериан Зубов прибыл 12 апреля. Его встречали там с пушечной стрельбой. Солдатам и казакам было велено стоять в парадном строю без оружия. Главнокомандующий в сопровождении свиты ходил по всему лагерю и здоровался с людьми, побывав во всех полках и батареях.

13 апреля было подписано «Расписание» по действующему корпусу. Его генерал-аншеф, для удобства управления и боевого применения, разделил на четыре бригады: две пехотные и две кавалерийские.

1-я пехотная бригада под командованием генерал-майора Булгакова состояла из двух батальонов Кубанского егерского корпуса и двух батальонов Кавказского гренадерского полка.

2-я пехотная бригада была сформирована из трех батальонов — по одному от Кавказского гренадерского, Воронежского и Тифлисского пехотных полков. Бригадой командовал генерал-майор Римский-Корсаков.

1-я кавалерийская бригада под командованием генерал-майора барона Беннигсена состояла из Владимирского и Нижегородского драгунских полков. До прибытия назначенного начальника бригадой не без успеха командовал полковой командир драгун-нижегородцев Н.Н. Раевский, будущий герой Отечественной войны 1812 года.

2-я кавалерийская бригада также была сформирована из двух драгунских полков — Таганрогского и Астраханского. Командиром ее был назначен генерал граф Апраксин.

Вся иррегулярная казачья конница вверялась командованию донского атамана Матвея Платова. До его прибытия в походный лагерь казаками начальствовал командир Хоперского полка подполковник Баранов.

Действующий корпус во время Персидского похода постоянно пополнялся новыми войсками. Подкрепления прибывали из южных губерний России, с Кавказской укрепленной линии. В числе первых прибыли Моздокский казачий полк терцев, Легионный эскадрон, Гребенской и Семейный казачьи войска (численность каждого из них примерно равнялась одному конному полку).

18 апреля генерал-аншеф В.А. Зубов приказал начать наступательное движение на город-крепость Дербент, столицу одноименного ханства, являвшегося вассалом персидского шаха. Древний город с крепкой цитаделью своими мощными двойными стенами надежно запирал в удобном, самом узком месте прибрежную полоску всего в три километра шириной между Большим Кавказским хребтом и Каспием. Дербентские крепостные стены уходили аж в море.

Не случайно крепость Дербент, основанную еще в 438 году, на протяжении многих столетий называли Золотыми воротами Кав-

каза. За четырнадцать веков к его крепостным стенам то с юга, то с севера много раз подходили разноязычные войска. И далеко не всегда им открывались городские ворота Дербента, не всегда им удавалось с боем врываться в эти ворота Кавказа.

Для Персидского государства, вассалом которого являлся дербентский хан, Золотые ворота Кавказа тоже значили многое, особенно после того, как Петр I Великий совершил свой поход на юг Каспия и к России отошли прикаспийские персидские провинции. Не случайно Дербент в переводе с иранского означает такие понятия, как «узкий проход», «ущелье», «дверной засов».

Главные силы русского корпуса двинулись в путь в одной походной колонне. Тем временем ушедший вперед отряд генерал-майора Савельева первым вошел во владения Ших-Али-хана Дербентского. Владельцу ханства было тогда всего восемнадцать лет. В специальном послании ему предложили заключить с русскими оборонительный и наступательный союз против Персии. При этом хану обещалось высокое покровительство Императрицы России.

Но юный хан, настроенный весьма воинственно (как это показали дальнейшие события), высокомерно оставил письмо без ответа. А показавшиеся вблизи крепостных стен Дербента русские конные пикеты по его приказу были встречены пушечными выстрелами. Казачьим разъездам пришлось отступить от крепости на дальность орудийного выстрела. Потерь в людях и лошадях они не понесли.

Поскольку русский авангард не мог пойти на штурм такой сильной крепости из-за малого числа людей, то главнокомандующий приказал генерал-майору Савельеву отойти от Дербента и ждать остальной корпус где-нибудь на крепкой позиции на случай внезапного нападения ханского конного войска. Стать лагерем надлежало вне видимости с крепостных стен. В противном случае бездействие отряда русских могло только поднять боевой дух воинов хана Дербента.

Тем временем главные силы экспедиционного корпуса шли на юг, проделав первый переход в 40 верст. Реку Сулак обозы форсировали на паромах. Конница преодолела Сулак вплавь. Одежду, оружие, седла переправляли на лодках. Впереди корпусных войск продолжали двигаться легкие казачьи полки.

С продовольствием в пути проблем не было. На мясную порцию охотничьи команды били кабанов и многочисленную дичь. Местные жители-кумыки привозили на стоянки для ночлега много свежей рыбы и продавали ее дешево.

По пути следования корпусных войск и с дагестанцами складывались самые добрые отношения. Русских солдат и казаков приветливо встретили жители города Тарки. Походные лагеря по распоряжению Валериана Зубова ставили вне горских аулов, чтобы не стеснять их жителей обилием людей и лошадей. Горские торговцы стали постоянными гостями на местах стоянок.

Шамхал — владетель южных дагестанских земель — прислал навстречу генерал-аншефу Зубову для приветствия своего сына. Жители гор и особенно каспийского прибрежья всерьез опасались вторжения персидских конных полчищ на Терек. Угрозы воинственного шаха пустыми словами на Кавказе не назывались. Поэтому дагестанцы видели в русских войсках ту силу, которая в случае нашествия персов могла прийти им на помощь.

Русский главнокомандующий решил охватить крепость Дербент сразу с двух сторон — с юга и севера. Тем самым дербентский хан лишался всякой возможности получить вероятную поддержку персидского шаха. Такой замысел обложения Золотых ворот Кавказа можно смело отнести к проявлению полководческого искусства. Ведь крепость, запиравшая собой каспийский проход в Закавказье, по тем временам относилась к числу первоклассных. Да и к тому же она была усилена самой природой.

Отдохнув после первого перехода, русские полки, батальоны, батареи, эскадроны и сотни вновь двинулись с миром мимо горских селений. В табасаранских владениях сам Кади-хан прибыл на встречу с генерал-майором Булгаковым, отряд которого 29 апреля у аула Хаматеткали вошел в Кавказские горы. Им предстояло по труднейшему горному маршруту выйти в тыл Дербентской крепости.

По плану главнокомандующего этот обходной маневр совершался довольно большими силами. С Булгаковым в горы ушли два драгунских полка — Астраханский и Таганрогский, два казачьих — хоперцы и Семейное войско, батальон и еще четыре роты гренадер и два батальона егерей при шести полевых орудиях.

По пути следования булгаковского отряда местные феодалы-владельцы и старейшины горных аулов говорили о своей преданности России и оказывали необходимую помощь в проводниках. У местных жителей за хорошую плату серебряной монетой закупалась и часть провианта. Это было важно, поскольку больших обозов с собой обходной отряд в горы взять не мог.

Трудная дорога в горах с частыми крутыми подъемами и спусками заставляла воинов отряда Булгакова напрягать все силы, что-

бы вовремя выходить на лагерные стоянки. Ночевать приходилось под открытым небом, часто — под дождем. Обозные телеги, орудия с зарядными ящиками приходилось тащить по ущельям на руках. Командир отряда закрепил все походные тяжести за полками и ротами.

Из-за прошедших ливней горные речушки вышли из берегов и однажды ночью затопили походный лагерь булгаковских войск по колено. Высоко в горах стояла прохладная погода, особенно по ночам. В довершение ко всем бедам в обходном отряде стали падать кони, испробовавшие в пути какой-то ядовитой травы.

Булгаков с юга и Зубов с севера вышли к Дербентской крепости почти одновременно. Высланные вперед казачьи сотни и разъезды надежно перекрыли все дороги и тропы, ведущие к городу.

ШТУРМ КРЕПОСТИ ДЕРБЕНТ

2 мая главные силы русского экспедиционного корпуса встали перед Дербентом. В четырех верстах от него казачьи пикеты были встречены ружейным огнем ханских наездников, в большом числе вышедших из крепостных ворот. Завязалась перестрелка, которая продолжилась у самых дербентских стен.

Завязывался бой с ханским войском. Высыпавшая из ворот города многочисленная пехота засела за камнями, в ямах. Оттуда по русским повелась ружейная пальба. Когда на помощь казакам подошли спешенные драгуны, противник скрылся в крепости. Ее крепкие ворота были закрыты и изнутри завалены камнями и бревнами. Со стен Дербента началась частая, но бесприцельная стрельба. Перестрелка продолжалась более трех часов почти без ущерба для сторон.

За ночь генерал-аншеф Валериан Зубов лично разместил корпусные войска, обложившие Дербент. Казачьи полки встали на равнине близ моря. Егеря расположились в центре позиции, а драгуны заняли пригородные сады, разбросанные под отвесными скалами. Основной походный лагерь разбили недалеко от города, верстах в четырех от его стен. Это было сделано на случай возможной вылазки дербентского гарнизона, когда могло потребоваться оказать быструю помощь тем, кто стоял на позиции под крепостными стенами.

Проведенная главнокомандующим рекогносцировка показала, что в здешних местах успешно могла действовать только пехота.

Поэтому части казаков и драгун было приказано спешиться. Впрочем, драгуны так и назывались — конные солдаты, которых в мирное время готовили сражаться и в пешем строю, и умело вести огневой бой.

Особенностью Дербентской крепости являлось то, что перед ее стенами было возведено несколько мощных, хорошо защищенных башен. В каждой из них мог в безопасности отсиживаться большой отряд стрелков из ружей, которые поражали подступившего противника через многочисленные узкие бойницы. Такие гарнизоны вынесенных вперед крепостной ограды башен получали поддержку ружейными залпами и пушечными ядрами с близких городских стен.

Генерал-аншеф Валериан Зубов решил начать осаду со штурма одной из таких башен. Взять ее он поручил батальонному командиру полковнику Кривцову из отряда генерала Савельева. На ночной штурм был отряжен батальон Воронежского пехотного полка, подкрепленный двумя гренадерскими ротами. Приступ решили проводить без привычной в таких случаях артиллерийской поддержки.

К намеченной для захвата передовой башне русские пехотинцы подошли скрытно и столь же тихо приставили к ней штурмовые лестницы. Сигнал тревоги у защитников башни прозвучал только тогда, когда солдаты дружно полезли вверх. На головы штурмующих посыпался град пуль и камней. Из бойниц стреляли почти в упор.

От первых же залпов ханских воинов командир отряда полковник Кривцов получил три ранения в голову и не смог больше начальствовать приступом. Заменившему его майору Веревкину вскоре прострелили обе ноги, и он тоже выбыл из строя. Ранеными оказались все офицеры штурмующих, поскольку они шли впереди и вели в бой солдат. Среди нижних чинов убитых оказалось всего шесть человек.

Видя такое дело, командовавший ночным штурмом генерал-майор Римский-Корсаков приказал пехотинцам и гренадерам отступить от башни. Он решил не терять зря людей. Ведь корпусная артиллерия еще не показала ханскому войску силу своего меткого огня и искусство скорострельности.

На следующий день главнокомандующий приказал заложить против крепости осадные батареи. Их возводили по принятому в русской армии правилу — только по ночам. В таком случае на

рассвете неприятель мог совершенно неожиданно для себя увидеть направленные на него орудия осадных батарей и на восходе солнца почувствовать всю силу пушечного огня. Позиции для них возводились как можно ближе к крепостным стенам. Кроме того, ночь не позволяла неприятелю помешать строительству батарейных позиций и установке на них орудий.

Одновременно с устройством батарей копались осадные траншеи. Вскоре русские войска стояли всего в 400 саженях от крепостной ограды. Теперь они в случае штурма могли быстро приблизиться к стенам Дербента. Ханское войско так и не отважилось выйти из крепостных ворот и попытаться разрушить осадные батареи противника. Но по засевшим в траншеях русским пехотинцам из крепости велся частый ружейный огонь, который, впрочем, не приносил вреда осаждавшим.

Несколько дней русская артиллерия залповым огнем бомбардировала крепость. Даже невооруженным глазом было видно, какое замешательство начиналось среди защитников крепостных стен после каждого орудийного залпа в их сторону.

В те дни к генералу Булгакову явились посланцы армянских селений с берегов реки Самур. Они просили принять их в подданство российской Императрицы. В знак своего усердия и чтобы добиться благосклонности русского главнокомандующего, в этих селах в одну из ночей были пойманы посланцы Ших-Алихана. Те незаметно выбрались из осажденного Дербента на лодке и морем добрались до устья Самура.

Гонцы имели задание доставить письма дербентского владельца Хамутай-хану Казикумыкскому и воинственным лезгинам, проживавшим у самых вершин Кавказских гор. В письмах Ших-Алихан призывал их, как правоверных, прийти к нему на помощь. Он обещал взамен ни много ни мало, а русских невольников из числа взятых в плен и «похвальные грамоты» от персидского шаха.

Новый штурм генерал-аншеф Валериан Зубов назначил на 7 мая. В этот день он объехал все корпусные войска. В приказе главнокомандующего объявлялось:

«Башню надо взять непременно, штурм произойдет на глазах всего Дербента и неудача может повлечь за собой торжество персиян, которые издревле привыкли трепетать перед русским именем».

В состав штурмовой колонны назначались те же две гренадерские роты Воронежского полка и третий батальон Кавказского егер-

ского корпуса. Только теперь штурмом должен был командовать генерал-майор Булгаков. Приступ городской башни начали в десять часов утра 8 мая. Граф Зубов с походным штабом занял наблюдательный пункт на недалеком от башни высоком холме, чтобы в случае вылазки ханских войск из крепости организовать ее отражение.

Воронежцы, не отвечая на ружейный огонь из башни, быстро подошли к ней и приставили к ее стенам штурмовые лестницы. Засевшие в башне ханские воины отстреливались отчаянно, не давая нападавшим подняться по лестницам наверх. С близких городских стен также велась частая пальба.

Тогда русская артиллерия дала несколько пушечных выстрелов по верху башни, основательно повредив ее метко выпущенными ядрами. Ханские воины, оборонявшие верхний ярус башни, спасаясь, стали выпрыгивать из окон и бежать к городу. Там со стен беглецам спускали веревки и поднимали их наверх.

Когда первые штурмующие во главе с поручиком Чекрышевым взобрались наверх, там уже не было ни одной живой души. Засевших же в нижних ярусах защитников башни перебили в рукопашной схватке. Для этого воронежские гренадеры разобрали доски и балки и вместе с ними обрушились на врага вниз.

Пока гренадеры бились штыками внутри башни, егерский батальон стремительно атаковал наружную ограду крепости. За ней засели многочисленные ханские воины, вышедшие из городских ворот, чтобы ближней ружейной стрельбой отбить русских от башни. Атака егерей заставила неприятеля укрыться в крепости, и с ее стен усилилась пальба. В захваченной башне был выставлен усиленный караул, который стал прицельно обстреливать верх стены из ружей.

Ночью с северной стороны Дербента заложили еще две осадные батареи. Последовавшая затем сильная двухдневная бомбардировка крепости вконец сломила упорство дербентского гарнизона, насчитывавшего несколько тысяч воинов. Большинство из них входило в состав городского ополчения.

В эти дни дал о себе знать Хамутай-хан, который все-таки получил послание дербентского Ших-Али-хана. Крупный отряд его конников верстах в десяти от осадного лагеря напал на обоз Кавказского гренадерского полка, который порожним пошел встречать транспорт с провиантом, шедший с Терека. Нападавшие не успели наделать больших бед: они лишь разграбили четыре обозные повозки, убили двух солдат и увели с собой несколько лоша-

дей. Но самой тяжелой потерей полковых обозников было то, что ханские воины пленили и увели с собой в горы девять солдат.

Находившийся невдалеке казачий пикет поднял тревогу. Вдогон за отрядом хана пошел Хоперский казачий полк. На полпути к ним присоединились две сотни конных горцев, которых привел брат дружественно настроенного к России Кази-хана — Мурза-бек. Он прослышал о готовящемся набеге и решил прийти на помощь русским. Однако преследование налетчиков в горах успеха не имело и отбить попавших в плен обозных солдат не удалось.

Тем временем в ходе артиллерийского обстрела крепости была разрушена угловая башня с южной стороны. Древним же стенам большого урона не сделали — полевые орудия были почти бессильны против монолитной каменной кладки, надежно стоявшей уже более тысячи лет. Моральный же урон пушечные залпы наносили ханскому гарнизону несравненно более заметный.

И Зубов назначает генеральный штурм Дербентской крепости на 10 мая. Но... надобность в нем отпала утром того же дня. Хан и его войско сдались на милость победителей.

В тот день на стене вывесили большой белый флаг, и русские артиллерийские батареи, как по сигналу, прекратили залповую стрельбу. Затем растворились крепостные ворота, и в окружении многочисленной свиты из города вышел Ших-Али-хан с повешенной на шее в знак покорности драгоценной саблей. Вместе с ним находилась его родная сестра княжна Беке. Воины гарнизона длинной вереницей выходили навстречу русским войскам и складывали в установленном месте свое личное оружие.

Седой стодвадцатилетний старец приветствовал победителя в лице генерал-аншефа Валериана Зубова короткой приветственной речью. А затем поднес ему на блюде серебряные ключи от города. Это был тот самый старейшина, который семьюдесятью четырьмя годами ранее поднес те же ключи от Дербента, на том же самом месте первому российскому Императору-полководцу Петру I Великому.

Взятие Золотых ворот Кавказа стоило победителям 11 офицеров и 107 нижних чинов, по разным причинам выбывших из строя. Потери ханского войска при защите Дербентской крепости неизвестны.

В качестве военных трофеев в крепости было взято 28 орудий, 5 знамен и 11 тысяч единиц различного огнестрельного и холодного оружия. Много оружия горожане и ханские воины, естественно, при-

прятали по домам. Сданное же оружие собрали и закрыли на замок в одном из городских каменных зданий, поставив к нему караул.

Приняв в знак покорности серебряные ключи от города, главнокомандующий назначил комендантом Дербентской крепости генерал-майора Савельева, которому поручалось обеспечить полный порядок в городе. Затем четыре пехотных батальона вступили в цитадель под музыку, с барабанным боем и с развернутыми знаменами. В городских воротах, на крепостных стенах около орудий и у караван-сарая, куда снесли трофейное оружие, выставили караулы. При этом враждебных действий со стороны горожан не отмечалось.

Дербент был довольно большим городом по меркам Востока и весьма значительным для Кавказа. В нем проживало около 10 тысяч человек, из которых 3 тысячи были армяне. В городе имелось более 2 тысяч жилых домов, 450 купеческих лавок, 6 караван-сараев (восточных гостиниц), 15 мечетей, 30 шелковых фабрик и 113 бумажных. Разумеется, мелких, кустарного производства.

Генерал-аншеф 11-го числа отправил в Санкт-Петербург с победным рапортом подполковника Мансурова. Через два дня к Императрице с ключами от Дербента выехал подполковник Мелер-Закомельский. С ним из корпусного штаба отправили наградные листы победителям. Наград испрашивалось много, и по такому случаю острый на слово Александр Васильевич Суворов пошутил, что орденов требовалось «яко за Стамбул».

Торжественный въезд в поверженную крепость русского главнокомандующего отложили на несколько дней. Город требовалось привести в надлежащий для такого случая вид. 13 мая граф Валериан Зубов в сопровождении почетного эскорта совершил торжественный въезд в Дербент. С городской стены ударил праздничный салют из трофейных пушек.

Дербентские беи и старшины встретили генерал-аншефа Зубова, облаченного в полный парадный наряд, у крепостных ворот и приветствовали хлебом и солью. Тут же стояло армянское духовенство и местные муллы для приведения жителей столицы ханства к присяге на верность всероссийской Императрице Екатерине II Алексеевне.

Окруженный блестящей свитой в парадных мундирах при орденах, Валериан Зубов проехал через весь город, улицы которого украсили коврами и флагами, прямо в цитадель, где расположилась ставка коменданта крепости. Здесь была уже поставлена походная церковь и находились православные священники.

За дарованную Господом русскому оружию победу отслужили благодарственный молебен. Праздничная церемония богослужения проходила прямо на древних крепостных стенах Дербента. Затем столица ханства была объявлена присоединенной к Российской империи.

Лишенный наследственного владения, Ших-Али-хан остался в русском походном лагере почетным пленником. При этом он пользовался довольно большой свободой передвижения и имел возможность общения со своими бывшими подданными. Это позволило ему вскоре совершить побег в горы к своим приверженцам.

Случилось это так. Однажды, восхищая всех лихой джигитовкой, юный хан вдруг поскакал на резвом скакуне в гору, на которой виднелись какие-то всадники. Так джигитовка обернулась в дерзкий побег почетного пленника. Напрасно дежурный офицер тотчас же послал в погоню казаков. Те так и не смогли напасть в предгорном лесу на след беглеца и его сообщников.

Побегу побежденного дербентского хана поначалу не придали сколько-нибудь серьезного значения. Но вскоре Ших-Али-хан объявился в Горном Дагестане и начал поднимать его жителей на войну с русскими. Впоследствии он наделал много хлопот не только Валериану Зубову, но и его преемникам.

За покорение крепости Дербент и Дербентского ханства благодарная Императрица Екатерина II пожаловала генерал-аншефу Валериану Александровичу Зубову Военный орден Святого Георгия 2-го класса. Это была полководческая награда. В Высочайшей наградной грамоте говорилось:

«Во уважении на усердную службу и мужественныя подвиги, оказанныя им в предводительстве войск, вступивших в Персию, где он, достигнув города Дербента, благоразумными и искусными распоряжениями своими принудил оной к сдаче».

На большом кресте Георгиевской награды щедрость матушки государыни не ограничилась. За взятие Дербентской крепости Валерий Александрович получил еще бриллиантовое перо на шапку и алмазные знаки к ордену Святого Андрея Первозванного. И естественно, пришло и личное благодарственное письмо самодержавной правительницы Российской державы. Она во все времена высоко ценила победы русского оружия.

Все генералы, участвовавшие в так успешно начатом Персидском походе, получили Анненские ленты. Награды получили многие офицеры и особо отличившиеся нижние чины. А храбрый гренадерский поручик Чекрышев, первым «вошедший» в крепостную башню,

удостоился ордена Святого Георгия 4-й степени. Он во все времена был редкой боевой наградой для младших обер-офицеров.

Молва о столь быстром падении неприступного, как считалось на Кавказе особенно с виду, города-крепости Дербента быстро распространилась по Дагестану и Северному Азербайджану. Горские владетельные князья и старейшины, до того опасавшиеся прихода полчищ безжалостных персов, стали прибывать в город, чтобы изъявить дружественные чувства к России.

Царский главнокомандующий Валериан Зубов принимал всех с неизменной лаской и щедро одаривал приезжавших...

ПРИСОЕДИНЕНИЕ К РОССИИ ХАНСТВ СЕВЕРНОГО АЗЕРБАЙДЖАНА

Дальнейший план Персидского похода был таков. Генерал-аншеф давал главным силам экспедиционного корпуса две недели на заслуженный отдых под стенами Дербентской крепости. За это время должны были подойти свежие силы с Кавказской укрепленной пограничной линии, а по Каспию — транспорты судов с боеприпасами и провиантом. Предстояло еще установить связь и отладить взаимодействие с Каспийской военной флотилией, ожидавшейся со дня на день из Астрахани.

Однако как главнокомандующий Валериан Зубов время зря не терял. Он отправил в Северный Азербайджан (Южный, собственно персидские владения, находился за рекой Аракс) несколько сильных отрядов. Перед ними ставилась задача мирными средствами, а в случае отказа — военной силой, добиться от правителей небольших мусульманских ханств признания над ними протектората России.

Высылаемые в азербайджанские земли передовые отряды имели и еще одну задачу. В случае необходимости они могли и задержать авангард шахской армии. Если бы, конечно, персидские военачальники вознамерились двинуться на север и со своими преимущественно конными войсками перейти пограничный Аракс, а затем переправиться и через более полноводную реку Куру.

За время двухнедельной стоянки русского корпуса у стен Дербента в городе окончательно установилось спокойствие, и он зажил прежней мирной жизнью. В корпусной штаб-квартире из разных источников собиралась разведывательная информация о

предстоящем пути экспедиционных войск. Тогда же к генерал-аншефу Зубову прибыли посланцы от Хамутай-хана с извинениями за сделанные ханскими людьми «шалости». Они возвратили захваченных в полон обозных солдат.

Командиры высланных вперед отрядов вскоре известили графа Валериана Зубова об успехах. Генерал-майор Рахманов без сопротивления занял город-крепость Баку, расположенный в просторной и очень удобной для стоянки судов бухте. А отряд генерала Булгакова занял Кубинское ханство. Впереди этих армейских войск шел со своими казаками атаман Матвей Платов, нацелившийся на Муганьскую степь и берега Куры.

Высланным вперед от главных корпусных сил отрядам пришлось в трудных условиях переходить реку Самур, имевшую в то время девять бурных протоков. Провиант снимали с фур и перевозили его через бурлящие потоки воды на верблюдах. Пехота переправлялась через протоки на повозках. При той переправе через Самур вольные фурщики и маркитанты лишились нескольких повозок, лошадей и людей. Бурная горная река смыла их в Каспийское море.

Поскольку Ших-Али бежал в горы, Дербентское ханство осталось без управления. Валериану Зубову пришла в голову мысль назначить местным правителем родного дядю беглеца — Кассим-хана. Тот с откровенной благодарностью принял от представителя Императрицы престол своего племянника.

К началу развертывания главных сил экспедиционного корпуса в Северном Азербайджане к Кавказскому каспийскому побережью подошла русская военная флотилия. Она бросила якоря у Низабатской пристани, доставив туда из Астрахани запас провианта. Узнав об этом, Зубов направил туда Хоперский казачий полк. Ему предстояло принять и препроводить в главную квартиру привезенные морем припасы. Их погрузили на огромный караван, состоявший из 250 обозных фур и сотни верблюдов.

Русские войска начали продвижение на юг. 11 июля авангардный казачий отряд генерал-майора Платова уже стоял на берегах реки Ата-чай, а главные силы действующего корпуса — на реке Гелгели. Персидский поход продолжал складываться вполне удачно.

Однако доставленные с Кавказских гор известия встревожили Валериана Зубова. Беглец Ших-Али-хан успешно вербовал в горах в свое войско воинов, намереваясь в скором времени перейти к активным действиям. Выйдя из кавказских ущелий, ханская конница могла нанести серьезный ущерб тылам ушедшего из-под Дербента действующего корпуса, равно как и все более растягивающимся корпусным коммуникациям.

Пришедшие с гор сведения заставили генерал-аншефа отделить от себя арьергардный отряд генерал-майора Булгакова. Ему было приказано расположиться («стать на квартиры») в Кубинском ханстве и оттуда «наблюдать» за действиями бежавшего дербентского владельца, а также его союзника — хана Казикумыкского. Булгакову предписывалось в случае их «нападательных» действий принять ответные и самые решительные меры.

15 июня Каспийская военная флотилия под флагом адмирала Федорова стала спускаться вдоль Кавказского побережья на юг к городу Баку. Флотилия имела в своем составе четыре вымпела — фрегат с сильной артиллерией и три военные шхуны.

На судах находился сильный десантный отряд: 700 человек бывших запорожцев, по воле Императрицы Екатерины II превратившихся в казаков-черноморцев. Они находились в Каспийском походе под командованием полковника Головатого. В состав десантных сил входили также две роты Кабардинского пехотного полка.

На следующий день, 16 июня, в ставку главнокомандующего прибыли партии платовских казаков из Баку и города Шемахи. Они привезли с собой хорошие вести.

С первой казачьей партией приехал окруженный большой свитой бакинский хан, который просил принять его под «высокое» покровительство Российского государства, чем, впрочем, владелец Бакинского ханства пользовался и прежде.

В доказательство своей преданности и усердия как вассала хан Баку представил следующее. Когда персидский шах Ага-Магомед-хан наступал на него с конной армией, то он постарался во всем угодить ему и тем отвлек персидского владыку от намерения идти на помощь осажденному русскими Дербенту. А когда получил «приятное» известие о взятии Золотых ворот Кавказа, запиравших собой вход в Закавказье, то в знак великой радости приказал стрелять из пушки.

Другая казачья партия, возвратившаяся из города Шемахи, донесла, что дорога к нему весьма плохая. Но верстах в 30 от столицы Шемахинского ханства расположено лесное урочище Курт-Булак с множеством родников, с чистейшей питьевой водой и отменным подножным кормом для лошадей. В урочище можно было расположить со всеми походными удобствами боль-

шой военный лагерь. К тому же оно находилось в удобном месте, рядом проходило несколько дорог.

Это сообщение сильно обрадовало русского главнокомандующего, обеспокоенного дальнейшими перспективами продолжения Персидского похода. Трава в закавказских степях уже выгорела, и все труднее было в кавалерийских и казачьих полках находить корм коням, не говоря уже об обозных верблюдах и волах. Запасов фуража в корпусных тылах не было уже давно.

Кроме того, доносил начальник второй платовской казачьей партии, местный хан также изъявил покорность и желание встать под «высокую» руку России. Он даже сделал поистине широкий и дружественный жест: каждому казаку выдал по рублю денег серебром, а их усталых лошадей заменил на своих, свежих. На Востоке подобное означало очень многое.

К генерал-аншефу Валериану Зубову прибыл также знатный посол от ширванского хана Мустафы. Прибывший ханский посланник в доказательство усердия своего владельца на пользу России привел следующий случай. Во время последнего нашествия персидских конных полчищ на Закавказье хан Ширвана вместе со своими подданными укрылся от врага в горах и находился там с половины февраля до весны. Действиями отрядов ширванских воинов хан препятствовал шаху Персии в продвижении за Дербент, при этом было уничтожено три тысячи вражеских конников. За это Ага-Магомед-хан на обратном пути из разгромленного Тифлиса разорил город Шемаху до основания. Посол просил Зубова не сомневаться в самых дружественных чувствах ширванского населения и его владыки к России.

Оно в действительности так и было. Граф Валериан Зубов благосклонно выслушал бека-посланника, одарил его и обещал правителю ханства всяческое пособие. С чем тот и возвратился к Мустафе-хану Ширванскому, одному из самых влиятельных владельцев в землях Северного Азербайджана.

НУРИ-АЛИ-ХАН, ШИХ-АЛИ-ХАН И ДРУГИЕ

Валериану Зубову вскоре пришлось на себе испытать все вероломство восточных правителей за доверчивость к ним. Причем измена свила гнездо в самом русском походном лагере, и генерал-аншеф чуть не поплатился за дела свои собственной жизнью.

Дело обстояло так. Брат персидского шаха, Нури-Али-хан, владевший одной из богатых прикаспийских провинций, убоялся скорой мести грозного Али-Магомеда. Причина была для Востока веская: хан не захотел уступить брату-шаху редкой красоты жеребца, купленного им за четыре тысячи золотых червонцев. Персидский владыка в подобных случаях ослушания его шахским желаниям был скор на расправу. Родственные связи при этом во внимание никак не принимались.

Нури-Али-хану пришлось бросить все и спасать собственную жизнь и судьбу тайным бегством. Бежал же он на удивление многим на север, в Россию. В столичном Санкт-Петербурге он просил у российской Императрицы всяческого заступничества. Случилось это за год до начала Персидского похода.

Когда граф Валериан Зубов прибыл из столицы в город Кизляр, то с ним вместе приехал на Терек и шахский брат. Он не скрывал своих расчетов на то, что в случае полного успеха русского оружия сможет воссесть на персидский престол. Нури-Али-хану в русском лагере оказывали самые высокие почести. Достаточно сказать, что он находился на полном государственном обеспечении и имел личную свиту почти в 100 иранцев, которые содержались, как сам их беглый хан, тоже за счет российской казны.

Валериан Александрович Зубов насчет шахского брата имел, вне всякого сомнения, соответствующие указания Императрицы. Он не случайно относился к претенденту на персидский престол как к близкому другу и даже подарил ему все драгоценности, оставленные в шатре бежавшим Ших-Али-ханом и доставшиеся русским в качестве законных на войне трофеев.

Такие почести и ожидание блестящего будущего не сделали коварного по характеру Нури-Али-хана благороднее или просто благодарнее. По своему характеру он был готов на самую низкую измену. Такой случай «отблагодарить» генерал-аншефа графа Зубова-младшего ему представился довольно скоро.

В это время шекинский и карабагский ханы, «устрашенные участью» кубинского, бакинского и шемахинского владык и не желавшие следовать их примеру, заключили между собой тайный договор о противодействии русским. Однако на открытое вооруженное сопротивление они не решились пойти, хотя в военных действиях могли надеяться на полную поддержку Персии.

Как ни странно, но к ханам-заговорщикам вскоре присоединился и старый Кассим-хан, поставленный графом Валерианом

Зубовым управлять дербентскими владениями бежавшего Ших-Али. При этом Кассим-хана не смущало даже такое серьезное обстоятельство, как начавшиеся действия его воинственного племянника, вознамерившегося силой оружия вернуть себе город Дербент и все небольшое по территории родовое ханство.

Нури-Али-хана, как говорили, подкупили красотой дочери карабагского владетеля, о чем ходило много разговоров в закавказских землях. Шахский брат взялся убить русского генерала в назначенный день. Беглец должен был проникнуть к главнокомандующему, который никогда не держал возле себя никаких караулов, и своей рукой поразить его. Сумятица в походном лагере должна была стать для ханов-заговорщиков сигналом к внезапному нападению на русский стан. Так три восточных хана решили добыть себе военную победу и милость шаха Персии, а шахский брат-беглец — первую красавицу Карабага.

Только случай помешал осуществить этот злой умысел. По утрам претендент на персидский трон любил джигитовать на своем любимом иноходце, который стал причиной всех его бед. На этот раз конь споткнулся, и всадник, удержавшись в седле, уронил с головы папаху. Подбежавший казак поднял ее и вернул владельцу.

Но тот казак оказался человеком бывалым и на войне бдительным. Он сумел незаметно спрятать записку, выпавшую из ханской папахи. Записка была передана сотнику, а тот отнес ее генерал-аншефу Валериану Зубову. Записку с помощью доверенного толмача прочитали. То было послание одного из ханов-заговорщиков, правда из-за осторожности им не подписанное.

Шахского брата арестовали в тот же день и вместе с разоруженной свитой посадили под крепкий караул. С первой оказией вероломного и неблагодарного Нури-Али-хана отправили морем в город Астрахань под строгий надзор местного губернатора.

Проведенное следствие не дало прямых улик против владельцев Шеки, Карабага и Дербента. Но в ответ на готовившееся вероломство Зубов приказал немедленно занять войсками эти ханства и, если потребуется, силой оружия привести их в подданство России. За ханами сохранили власть, но, чтобы воспрепятствовать их дальнейшим враждебным действиям, заставили дать аманатов — заложников из сыновей самых знатных семейств этих ханств.

Тем временем атаман Матвей Платов, чьи казаки бедствовали в поисках подножного корма для своих коней, перешел со

своей конницей в урочище Курт-Булак и удобно расположился там. Люди и их лошади получили необходимый отдых. Из урочища Платов дальними разъездами вел «наблюдение» за возможными действиями персов, чьи войска пока не давали о себе ничего знать.

Главные силы экспедиционного корпуса выдвинулись к реке Атачай, направляясь на Шемаху. Причиной столь медленного движения русских войск стала затянувшаяся выгрузка с судов доставленного из Астрахани провианта у Низовой пристани. Неспокойный Каспий мешал выгрузочным работам, поскольку грузы с кораблей военной флотилии доставлялись на берег лодками.

Но это было еще полбеды. Огромный войсковой транспорт еще медленнее передвигался к новому месту походного корпусного лагеря под прикрытием казаков-хоперцев. Для тяжелых обозных фур местные дороги оставляли желать много лучшего. То есть все было как на войне — тылы не поспевали за авангардными силами.

20 июня в штаб-квартиру пришло неприятное известие. Ших-Али-хан во главе большого конного отряда дагестанских горцев напал на азербайджанский город Кубу, владетельный хан которого заявил о добровольном переходе в российское подданство. Ших-Али-хан взял находившихся там свою мать и жену и с отрядом умчался обратно в горы. Тогда Валериан Зубов впервые пожалел, что не отправил сдавшегося в плен дербентского владельца в Астрахань или в Кизляр для проживания там за казенный счет под строгим надзором.

Этот лихой налет на Кубу показал, что бежавший и низложенный хан собрал крупный отряд и, по всей видимости, теперь готовился к нападениям на русские войска в предгорьях Кавказа. Генерал-аншеф незамедлительно принял меры безопасности. Он приказал прикрыть провиантский подвижный магазин корпуса кавалерийской бригадой генерал-майора Беннигсена, решив, что двух драгунских полков вполне хватит для защиты тылов. В городе Кубе был поставлен крепкий гарнизон на случай повторного налета с близких гор.

Одновременно Валериан Зубов приказал генералам Платову и Булгакову сделать в горах поиск против бежавшего Ших-Али-хана. Однако экспедиция в горы результатов не дала. Стало известно, что бывший дербентский владелец беспрепятственно забрался еще выше и обосновался в Горном Дагестане с единственной потерей. Жители селения Калалык, где остановились на время мать и жена

хана, выпустили их, но предварительно до нитки обобрали обеих беглянок из Кубы.

Местный бек просил русское командование наказать селение Калалык за содеянное оружием. В такой просьбе ему решительно отказали. Тогда бек послал в горное селение своих чиновников-есаулов с воинами, которые доставили к нему 40 человек виновных в том, что за богатый откуп они выпустили ханскую семью. Разбирательство с виновными долгого времени не составило.

Судья — кади местного правителя — наложил на всех арестованных большой штраф. К этому он добавил еще и наказание битьем толстыми палками. После такой судебной процедуры по всем восточным обычаям мулла привел жителей селения Калалык к присяге на верность России. Она принималась перед Кораном и под штандартом Нижегородского драгунского полка.

В начале июля генерал-аншеф Зубов стал стягивать главные силы действующего корпуса к урочищу Курт-Булак. Русские воинские отряды, расходившиеся по Северному Азербайджану, всюду встречались приязненно. Местные ханы, беки и юз-баши один за другим присягали на верность России. Русское командование строго следило, чтобы во взаимоотношениях с местным населением не было никакого насилия или произвола, а в войсках соблюдался строгий порядок.

Персидская конница из-за Аракса, разделявшего Азербайджан на Северный и Южный, все не показывалась. Высылаемые на юг легкоконные казачьи разъезды и лазутчики из местного населения никаких тревожных вестей из речного приграничья не приносили.

Наступившее жаркое лето приносило русским войскам все больше трудностей с обитанием. Совсем сложно стало с кормом для лошадей. Теперь их приходилось сбивать в отгонные табуны, которые паслись под надежной охраной. В главный походный лагерь наконец-то пришел подвижный корпусной магазин, прикрывавшийся двумя драгунскими полками генерала Леонтия Беннигсена.

Войска, предназначенные для участия в Персидском походе, постепенно подтягивались из-за Кавказа. Из Тифлиса от генерала Ивана Васильевича Гудовича с отрядом прибыл князь Павел Цицианов, назначенный вскоре комендантом Бакинской крепости. Из России подошли Углицкий пехотный и Острогожский легкоконный полки. Из гарнизона Дербента прибыли две роты Казанского пехотного полка.

Вскоре вся обширная территория от реки Куры до пограничной реки Аракс оказалась под контролем отрядов военной Персидской экспедиции. Вооруженного противодействия русские войска при этом не встречали.

Наличие достаточных сумм денег в серебре позволяло русскому командованию делать закупки продовольствия на месте. Здесь на помощь, не бескорыстно, конечно, пришел Вальи-бек, собравший своей властью с Кубинской провинции пшеничную муку. В войсках она превращалась, как правило, в сухари. Вместо круп нижним чинам и офицерам выдавали немолотую пшеницу.

БОЙ В АЛПАНСКОМ УЩЕЛЬЕ

Военные события в азербайджанских предгорьях Кавказа не заставили себя долго ждать. Ших-Али-хан, собрав вместе с казикумыкским ханом значительные силы конных воинов, решил спуститься с гор на равнину. Он вознамерился еще раз напасть на город Кубу и внезапным нападением истребить немногочисленный отряд генерала Булгакова. Однако боевые действия дагестанских горцев приняли вскоре привычный для них набеговый характер.

Приверженцы Ших-Али-хана совершили ряд нападений на русских солдат и офицеров, занялись угоном лошадей и скота. Так, они попытались ночью на мельнице близ окраин города Кубы захватить в плен пост из четырех солдат, похитили поручика-интенданта, закупавшего провиант у местных селян. Затем напали на войсковой транспорт и отбили 40 пар волов с фурами. В довершение всего горцы угнали еще 50 пар волов из корпусного обоза, которые паслись под самым городом.

У селения Алпаны произошел настоящий бой с Ших-Али-ханом и его союзниками-казикумыкцами. Противник скрытно пришел с берегов Самура, занял это селение и блокировал вход в узкое ущелье, по которому только и можно было как спуститься с гор на равнину Кубинского ханства, так и с равнины подняться к Алпанам. Бывший дербентский хан стал готовиться к новому набегу на город Кубу, достоверно зная, что главные силы русских ушли далеко на юг.

Благодаря местным жителям генерал Булгаков вовремя узнал о грозящей опасности. Он выслал по направлению на Алпаны роту егерей под командованием капитана Семенова для разведки. Она своевременно обнаружила неприятеля в Алпанском ущелье и ос-

тановилась в ожидании помощи. Скоро к егерям Семенова подошел отряд подполковника Бакунина с тремя ротами того же егерского батальона, сотней казаков и двумя полевыми орудиями.

Как сообщили местные жители, воинственный в своих намерениях Ших-Али-хан сумел собрать под свои знамена до 15 тысяч вооруженных горцев. По всей вероятности, эти данные были сильно завышены, чтобы запугать с помощью такой дезинформации стоявший в Кубе небольшой русский гарнизон.

Как бы там ни было, подполковник Бакунин не стал дожидаться подхода всех сил своего отрядного начальника генерал-майора Булгакова. Он решил сам идти вперед и на рассвете атаковать неприятеля, который разместился походным лагерем в самом селении Алпаны и окрест его на лесных полянах. Офицеры, собранные на военный совет, единодушно одобрили это намерение.

В темную, непроглядную ночь батальон стрелков-егерей с сотней казаков, почти всю дорогу перенеся на руках две полевые пушки с зарядными ящиками, втянулся в узкое лесистое дефиле. Спустя несколько часов Алпанское ущелье станет для многих из них братской могилой.

Горное ущелье, по которому, далеко растянувшись, с трудом продвигался русский отряд, было сплошь покрыто дремучим чинаровым лесом. Извилистая дорога все время шла по каким-то косогорам, ямам и рытвинам. Измученные лошади едва двигали орудия и зарядные ящики. Егеря взводами, постоянно меняясь, помогали артиллеристам подниматься вверх по дороге.

Здесь-то неприятель и приготовил сильную засаду, будучи заранее предупрежден дозорами о приближении русских. Начинался рассвет, когда отряд подполковника Бакунина увидел вдали селение Алпаны, расположенное на покатости горы, очерченной глубоким лесистым оврагом. Вблизи селения дорога стала заметно лучше.

Едва егеря по узкой дороге стали выходить из девственного леса, как несметное множество горцев вдруг ринулось на них с яростными криками из близкого оврага. Главный удар нападавших пришелся по той части колонны, где двигались орудийные расчеты. Пушки, не сделав ни одного выстрела, сразу оказались трофеями в руках ханских воинов. Из-за внезапности нападения егерский батальон, не успевший даже развернуться для боя, понес большие потери. В рукопашных схватках погибли подполковник Бакунин, капитан Семенов и большинство офицеров.

Уцелевшие во время внезапной атаки егеря и казаки отступили от оврага к лесной опушке. Там они хорошо укрылись за сложенными в штабеля бревнами. Здесь стрелки и казаки отбивались от наседавших на них горцев до тех пор, пока на помощь не подоспел Углицкий пехотный полк под командованием полковника Стоянова с несколькими орудиями.

Увлеченные азартным боем, горцы заметили подход нового русского отряда только тогда, когда в их ряды ударил первый картечный залп. Ших-Али-хан, командовавший боем в Алпанском ущелье, тоже оказался застигнутым врасплох. Вскоре его войско оказалось окруженным почти со всех сторон. Не прошло и часа, как «превосходное» в силах ханское войско было совершенно разбито.

Противник в полном беспорядке бежал в горы, стремясь укрыться в лесах. Пешие и конные горцы, бросая по пути своих раненых и вещи, которые были сняты с убитых солдат и офицеров, быстро рассеялись по округе. Пехотинцы-угличане преследовали бегущего неприятеля.

Потери отряда подполковника Бакунина в Алпанском ущелье составили около 250 человек. Горцев погибло в тот день, как показали пленные и местные жители, до двух тысяч человек и примерно столько же оказалось ранеными. Причиной таких больших потерь в рядах ханского войска стали картечные залпы в упор и штыковые удары рот Углицкого пехотного полка.

Генерал-майор Булгаков, не довольствуясь одержанной полной победой над войском Ших-Али-хана, в наказание казикумыкцев решил опустошить ханские селения. Войска, имея надежных проводников, уже двинулись в горы, к аулам, как сам Хамутай-хан явился с повинной в русский лагерь. Чтобы отклонить угрозу собственного разорения, он заявил о безусловном выполнении им всех русских требований.

Хамутай-хан вооруженной рукой изгнал из своих владений Ших-Али-хана с его отрядом, дал аманатов. И со всем «своим народом», который представляли ханские приближенные, присягнул на подданство российской Государыне. Хамутаевцы стали возвращать угнанных с пастбищ вблизи города Кубы обозных волов...

В Персии истребление части отряда подполковника Бакунина признали, однако, крупной победой над «неверными». В Тегеране по повелению шаха Али-Магомед-хана ее отпраздновали тор-

жественно, с иллюминацией. Теперь дербентский вассал, лишенный русскими отцовского трона, оказался в большом почете у персидского владыки, получив его большое доверие. В том числе и на будущее.

Это и другие происшествия задержали главные силы экспедиционного корпуса Валериана Зубова в Шемахе более чем на месяц. Тем временем с Кавказской укрепленной линии пригнали для ремонта корпусной кавалерии 500 коней — то есть для замены выбывших из строя по разным причинам. Последние обозы, прибывшие на судах Каспийской военной флотилии, были под надежной охраной препровождены в корпусной походный лагерь.

В середине октября по вежливой, но настойчивой просьбе графа Зубова, стремившегося устроить мирную жизнь в присоединенном к России крае, в город Кубу приехала сестра Ших-Али-хана княжна Беке. По пути из Дербента ее сопровождала немалая вооруженная свита. Беке отправила в горы письмо своему младшему брату Гассан-беку, приглашая скрывавшегося у горцев-дагестанцев родича приехать без опасения за свою жизнь в Кубу и принять там от русского главнокомандующего ханство в управление.

Через день Гассан-бек в сопровождении близких ему людей прискакал в город. Его встречали пушечным салютом, полковой музыкой. Знатного гостя сопровождал эскорт — драгунский эскадрон. Все жители столицы Кубинского ханства вышли навстречу своему новому владыке. Вскоре состоялась торжественная церемония возведения младшего брата Ших-Али-хана на ханский престол.

Ших-Али-хан, узнав о том, собрал сотни две своих приверженцев и задумал напасть на кубинские земли, грозя пойти еще дальше. Однако обещанных шаху Персии «несметных» войск из горцев дербентский беглец не собрал. Более того, ему уже не верили и свои люди, прежде всего те, кто счастливо пережил разгром в Алпанском ущелье.

ГЯНДЖИНСКОЕ ХАНСТВО. НА БЕРЕГАХ АРАКСА

После «замирения» Кубинского ханства, отдавшегося под покровительство России, генерал-аншеф Зубов направил свои действия в сторону Грузии. Там, на пути к Тифлису, лежали владения

гянджинского хана Джавата. Надо думать, что русский главнокомандующий ожидал встретить здесь серьезное вооруженное сопротивление. Дело было в том, что во время последнего нашествия персидского хана на грузинскую столицу правитель Гянджи со своими воинами участвовал в кровавом погроме города Тифлиса и его окрестностей.

Оставаясь сам при главной штаб-квартире, граф Валериан Зубов двинул на хана Джавата трехтысячный отряд генерал-майора Римского-Корсакова. 13 декабря тот подошел к крепости Гянджа, известной мощью своих укреплений и высокими двойными стенами. Однако никакого «дела» под ней не случилось.

Из Гянджи навстречу русским выехал сам Джават-хан, сразу же заявивший о своем добровольном переходе под «высокое» покровительство России. Однако спустя всего несколько лет, когда огромная конная армия персидского шаха вновь встанет перед рекой Аракс, Джават-хан изменит данной присяге. Князю Цицианову, царскому наместнику и главнокомандующему на Кавказе, придется штурмовать сильную крепость Гянджу и овладевать ею с боя.

Одновременно с движением отряда генерала Римского-Корсакова к Гяндже главные силы экспедиционного корпуса перешли со своими тылами к урочищу Джеват и разбили там походный лагерь. Урочище находилось в операционно важной точке — оно лежало на водоразделе Северного и Южного Азербайджана. Знамена полков русской армии поднялись у слияния рек Куры и Аракса. Для участников Персидского похода 1796 года это было знаменательным событием.

И вновь шахская армия не давала о себе знать, хотя на противоположном речном берегу и начинались собственно персидские владения. Зубов, как главнокомандующий, прекрасно понимал, что неприятель в числе нескольких десятков тысяч конников мог довольно быстро появиться перед его походным лагерем. Поэтому усиливается сторожевая и дозорная служба, ведется дальняя конная разведка, через штабных толмачей опрашивается едва ли не каждый путник, следующий по своим делам из персидских пределов.

Валериан Зубов задумал на месте слияния двух больших рек заложить укрепленный город. Фаворит Императрицы и ее царедворец хотел назвать его Екатериносердом. В ожидании такого исторического события русские войска стали походным бивуа-

ком на обширной равнине, примыкавшей к левому берегу реки Куры. За ней начиналась Муганьская степь, где проживали кочевые азербайджанцы.

Вся корпусная казачья конница переправилась на другую сторону реки Аракс. Ею командовал деятельный и умеющий рисковать в принимаемых решениях атаман Матвей Платов. Казачьи усиленные разъезды высылались по территории Северной Персии почти до самого прикаспийского Гиляна. Однако и там не показывалось неприятельское войско, если не считать крепостных гарнизонов персидских городов, которые при приближении русских казаков закрывали перед ними крепостные ворота.

Шах Персии упорно избегал вооруженного столкновения с русскими войсками. Мудрый восточный правитель, он был, конечно, не прочь прославить себя новыми военными победами и повторить опустошительный набег на Грузию. Но он видел, сколь быстро русские покорили ханства Северного Азербайджана, бывшие его вассалами, взяли Золотые ворота Кавказа и пришли на помощь царю Восточной Грузии Ираклию II. С серьезным противником шутить не приходилось.

Однако к осторожности персидского владыку подталкивала и другая причина: Ага-Магомед-хан находился в это время в военном походе, усмиряя непокорное население других окраин Персии. Он теперь серьезно опасался за собственный трон и безопасность своей столицы Тегерана. Среда персидской знати постоянно таила в себе угрозу придворного заговора. Отношения с соседями — турками-османами и особенно с афганцами — желали много лучшего.

Шаха тревожило и то, что Каспийская военная флотилия русских курсировала вдоль Персидского побережья, высаживая в ряде мест десанты черноморских казаков. Последние на своих мореходных лодках смело вступали в морские баталии с лодками-киржимами с шахскими солдатами и всегда брали верх над ними. Воды Каспия, к которому на юге примыкали самые процветающие персидские провинции, оказались полностью в руках русских.

...Начавшийся с успешного взятия Дербента Персидский поход войск России под командованием генерал-аншефа Валериана Александровича Зубова обещал быть удачным. В считанные месяцы в российское подданство перешли Дербентское, Бакинское, Кубинское, Карабагское, Шемахинское и Гянджинское ханства. Весь за-

падный берег Каспийского моря был занят русскими войсками, которые расположились также на Мугани. С местным населением складывались добрые, доверительные отношения.

Дороги в Южный Азербайджан и на Тегеран лежали открытыми. По ним далеко на юг зашли дозорные партии платовских казаков. Они разведывали дальнейшие маршруты движения войск зубовского экспедиционного корпуса в приближающемся 1697 году.

Еще незакончившийся Персидский поход современники считали во многих отношениях уже выигранным. «Персиане» сдавали, по сути дела, без боя одну территорию своих закавказских владений за другой.

В складывающейся внешнеполитической ситуации официальному Санкт-Петербургу оставалось только воспользоваться результатами похода войск. То есть утвердить за Российским государством азербайджанские ханства. Тем более, что их правители и население присягнули на верность России и ее Государыне почти без пролития крови.

Екатерина II, вне всякого сомнения, предвидела такой ход исторических событий. Только этим можно объяснить то, что она своим Высочайшим указом назначила графа и георгиевского кавалера Валериана Зубова наместником Кавказского края вместо генерала Гудовича.

Поход почти в тысячу верст, изобиловавший всеми трудностями, связанными с военными действиями в горном и полупустынном крае, безусловно, должен считаться славной страницей ратной летописи российской армии, а действия Каспийской военной флотилии — в летописи военного флота Российского государства.

Отзывы современников в адрес участников Персидского похода и его предводителя были самые «лестные». Так, один из них отмечал, что в 1796 году «прославилось могущество, дисциплина, храбрость и терпение русских воинов».

Можно только предполагать, как бы в дальнейшем развивались события за Кавказом и дальнейший ход Персидской экспедиции. Известно, что генерал-аншеф граф Валериан Зубов намеревался пройти со своим действующим корпусом по территории собственно самой Персии, сразиться в генеральном сражении с армией шаха Ага-Магомед-хана и сурово наказать его за оскорбление Российской империи, нанесенное ей кровавым погромом в Тифлисе.

ВОЦАРЕНИЕ ПАВЛА I. НЕОЖИДАННЫЙ ФИНАЛ ПЕРСИДСКОГО ПОХОДА

Неожиданная смерть Императрицы Екатерины II, последовавшая 6 ноября 1796 года, сразу все переменила. Разом обрушились все планы Персидского похода и планы на будущее самого графа Валериана Зубова.

В декабре из Санкт-Петербурга в штаб-квартиру Зубова прибыл специальный курьер подполковник граф Петр Христианович Виттенштейн, будущий генерал-фельдмаршал. Он привез новоиспеченному кавказскому наместнику Императорский указ, извещавший, что на российский престол взошел новый Император — Павел I Петрович. С получением этого известия все военные действия войск экспедиционного корпуса прекращались до получения новых высочайших указаний.

16 декабря, без особых промедлений (которые всегда опасны в подобных случаях), генерал-аншеф Валериан Зубов привел подчиненные ему войска к присяге новому Государю России. Принятие присяги проводилось в русской армии по давно установившейся традиции.

В корпусных отрядах полки и батальоны, эскадроны и казачьи сотни становились в парадный строй. Барабанщики пробивали «генерал-марш». Потом составлялся общий круг, где зачитывались царский манифест и текст присяги на верность новому Императору (или Императрице), служился торжественный молебен. Затем из круга снова образовывался строй в линию, гремело многократное «ура». Церемония приведения войск к присяге заканчивалась 101 выстрелом из пушек. В торжественной церемонии участвовали и местные феодальные владельцы со своими приближенными и чиновниками.

Император Павел I Петрович, как известно, не разделял политических видов своей великой матери и тем более ее фаворитов. Братья Зубовы у него никаких симпатий не вызывали.

Поэтому с кончиной Екатерины II внешнеполитическая программа России начинала резко и крупно меняться. Такое положение дел довольно скоро приведет к дворцовому перевороту. Бывшие екатерининские вельможи составят заговор, и Император Павел I будет убит. В России воцарится его сын Александр I, который поведет Российскую империю своим путем.

Пока же с воцарением Императора Павла I из императорского окружения вскоре удалили некогда всесильного фаворита князя Платона Зубова, а блистательные результаты Каспийского похода признали... ничтожными. Война с шахской Персией, уже по сути дела начавшаяся, не входила во внешнеполитические планы нового самодержца России.

В середине декабря все полковые командиры экспедиционного корпуса внезапно получили именные Высочайшие указы о немедленном возвращении вверенных им полков в пределы России.

Казалось бы, такого рода игнорирование свыше главнокомандующего, официально даже еще не отстраненного от должности, могло внести серьезную дезорганизацию в войска действующего корпуса. Однако этого не произошло, очевидно, во многом благодаря личным качествам Валериана Зубова. Чувствуя личную ответственность за судьбы вверенных ему Екатериной II солдат, казаков и офицеров, он внешне с достоинством перенес нанесенную обиду и, забыв об уязвленном самолюбии, занялся организацией отвода войск назад, в Россию.

Генерал-аншеф приказывает всем командирам прибыть в «ставку главнокомандующего на военный совет». На нем обсуждался план Зубова обратного похода на Терек. Генералы и полковые командиры полностью согласились с предложениями опального полководца. Все согласились и с тем, что угроза столкновения с конной армией персидского шаха не исключена.

Войска стягивались в походные лагеря. Зубов приказал Семейному казачьему войску (полку) первым отправиться на Терек для «поправления лошадей». Пехота должна была идти в Баку, где в море ее поджидала Каспийская военная флотилия. Казачьи полки и регулярная кавалерия собирались на берегах Куры. В своих действиях главнокомандующий старался полностью избежать разрозненного отвода сил корпуса из Северного Азербайджана.

В первой половине февраля 1797 года генерал-аншеф Валериан Зубов отправил в Санкт-Петербург донесение о начале отвода действующего корпуса за Терек, в российские пределы. А сам деятельно занялся вопросами обеспечения полков продовольствием и фуражом. Это он делал уже по собственной инициативе, поскольку на последнем военном совете генерал-аншеф объявил собравшимся высочайшую волю и сложении с себя полномочий главнокомандующего. Но не его обязанностей. Бывший главно-

командующий Персидской экспедицией русских войск увольнялся в отставку с оставлением в прежнем звании.

Войска, стоявшие на Кавказской укрепленной пограничной линии, Валериан Зубов сдавал генералу Гудовичу, теперь числившемуся в любимцах нового Императора. Правда, им он будет недолгий срок.

Русские войска начали отход из Северного Азербайджана и прикаспийских земель Дагестана. Возвращение в Россию было безрадостным, с прежними дорожными тяготами и без каких-либо военных стычек по долгому пути.

Будущий герой Отечественной войны 1812 года и Кавказской войны Алексей Петрович Ермолов участвовал в Персидском походе в должности батарейного командира. Вспоминая о не менее знаменитом отходе русских войск, рисует безрадостную картину. Полки, по его словам, возвращались в Россию все-таки поодиночке, каждый сам по себе. Так они выходили на Терек, где их уже с нетерпением поджидал своенравный генерал Гудович, «пылавший» гневом на то, что не ему было вверено начальство над экспедиционным корпусом.

Но здесь надо отдать справедливость Гудовичу. Герой двух екатерининских турецких войн и штурма османской крепости Анапы, он все же имел значительно больше прав на должность главнокомандующего экспедицией за Кавказские горы, чем, хотя и безусловно, храбрый и способный брат последнего фаворита Императрицы. Однако Екатерина II рассудила иначе. Последнее слово тогда было за ней.

Войска, ходившие в Персидский поход, старались избежать встречи с генералом Гудовичем. Так, артиллерийская батарея, которой командовал Ермолов, «пробралась» степью прямо на Астрахань. Подобных примеров оказалось немало.

Для защиты Восточной Грузии в Закавказье оставался только небольшой воинский отряд генерал-майора А.М. Римского-Корсакова, зазимовавший в Гянджинской крепости. Но и он в течение 1797 года возвратился на Кавказскую линию, пройдя туда окольным путем через Дарьяльское ущелье, воспетое в будущем Михаилом Лермонтовым.

Так внешне бесславно закончился Персидский поход русских войск 1796 года. Начавшийся столь успешно, он завершился фактическим возвращением персидскому шаху всех присоединенных к России земель...

Такое в общем-то необычное явление для войн прошлого и настоящего вошло в анналы многовековой летописи Иранского государства поистине красной, победной строкой. Персидский придворный историк так описывает это радостное событие:

«Монархиня, — говорит он, — назначила главнокомандующим посылаемого ею войска военачальника, у которого одна нога была оторвана ядром, а вместо нее сделана золотая, почему его и прозвали кизыл-аяг, то есть золотоногий. Ему поручено было в командование 40 000 пехоты и 20 000 конницы, с несметною артиллериею (здесь шахский историк чересчур приумножил численность русского экспедиционного корпуса. — *А. Ш.*).

По прибытии к Дербенту он хотел овладеть им, разгромив ядрами его стены. Но так как стены были прочнее, шире и толще скалы, то ядра не произвели в них ни малейшего вреда. При этом Ших-Али-хан Дербентский множество людей покрыл кровью (то есть убил. — *А. Ш.*), но ему изменил некто Хазар-бек, и русские взяли город.

Кизыл-аяг явился в Муганьской степи. Шах, узнав об этом, поспешил к Ардебилю с бесчисленною армиею, покрывшею все горы и долины, и с таким торжеством выступил против врага, что кизыл-аяг потерял всякую надежду к спасению. А потому, видя себя, подобно воробью в когтях ястреба или ягненку в объятиях волка, он совершенно потерялся, не зная, что предпринять.

Вдруг пришло известие, что солнце-шапочная (хуршид-кулаг) монархиня скончалась. Пользуясь этим случаем, кизыл-аяг поспешил в Россию, бросив на произвол судьбы весь обоз, который сделался добычей шахских войск — милость великого и всемогущего Аллаха!»

...Можно оставить на совести персидского летописца такое историческое писание о попытке Российского государства раздвинуть свои границы за Большой Кавказский хребет и обезопасить православную христианскую Грузию от дальнейшего разорения шахской Персией. Эта попытка имела в эпоху Екатерины II для россиян глубокие нравственные начала.

Что же касается «наступления» шаха Ага-Магомеда против русского главнокомандующего генерал-аншефа Валериана Зубова, то здесь следует поправить придворного историка. Русские экспедиционные войска узнали о новом вторжении огромной персидской армии в Закавказье из письма дагестанского владельца шамхала Тарковского. Оно было получено тогда, когда гене-

рал Булгаков с корпусным арьергардом находился всего в нескольких переходах от Терека. А почти все другие войска уже находились в России.

Что же было на самом деле? Когда Ага-Магомед-хан узнал о приходе под Дербентскую крепость русских войск, он находился с войском в Хорасане, в городе Мешхеде — южнее современной Туркмении. Поручив армию одному из приближенных ханов из племени Каджаров, шах поспешил в Тегеран. Он озаботился судьбой Персидской державы и ее столицы. Но время показало, что спешил Ага-Магомед из Хорасана действительно зря.

Хотя время года было позднее и не располагало к большим военным предприятиям, восточный владыка приказал всем военачальникам состоять в готовности к большому походу. Шах громогласно назначил его на весну будущего года, когда свежая зеленая трава покроет степи и персидской коннице не будет угрожать бескормица и падеж лошадей. Поход под горы Кавказа предпринимался для «наказания, как говорилось в шахских указах, неверных, дерзнувших выйти из Европы похищать земли у правоверных».

Шах Ага-Магомед-хан слыл умным человеком. Он прекрасно понимал, как и его будущие преемники на престоле в Тегеране, что Персия находится в большой опасности. Россия, которая перед этим не раз громила могучего западного персидского соседа — Оттоманскую империю, — вполне может разгромить и Персию.

Думается, что в такой непростой для себя ситуации шах Ага-Магомед избрал правильную стратегию ожидания. И действительно, со смертью Императрицы Екатерины II политическая ситуация на Кавказе резко изменилась в самую благоприятную сторону для Персии. Русские войска стали сами уходить из Закавказья. О таком повороте дел в Тегеране могли только мечтать.

Шах Ага-Магомед-хан всегда был настроен воинственно. Узнав об уходе русских войск и их маршрутах весьма детально, он начал действовать с присущей ему энергией. Персидский владыка теперь смело двинулся в Закавказье (и вновь по весне) во главе 60-тысячной конной армии. Перейдя реку Аракс, шах сумел захватить в Нагорном Карабахе крепость Шушу и вступил в Ширванское ханство. Несчастная Грузия вновь оказывалась под ударом шахских полчищ.

Случай все изменил. На четвертый день пребывания в Шуше шах был разбужен ночью шумом ссоры между двумя своими рабами — грузином по имени Садук и таким же невольником Кодадагом. Разгневанный Ага-Магомед-хан приказал их умертвить. Но так как дело было ночью и в пятницу, посвященную по мусульманским канонам молитве, то исполнение смертного приговора отложили до утра следующего дня.

Отчаяние придало силы приговоренным к смертной, мучительной казни. Когда шах вновь уснул, Садук и Кодадаг прокрались в его шатер и ударом кинжала убили его. Так погиб персидский шах Ага-Магомед-хан, бывший евнух, на шестьдесят третьем году от рождения. Это был безжалостный восточный правитель, обагривший свои руки кровью многих десятков тысяч людей...

После его гибели в Персии сразу же началась междоусобная борьба за освободившийся шахский трон. И персидская армия сразу же возвратилась на родину. Угроза нового похода на Грузию миновала.

Каджары, однако, удержали власть за собой, и на персидский престол вступил племянник Ага-Магомед-хана Фетх-Али-шах, при котором Персия и Россия потом будут выяснять отношения в течение почти тридцати лет.

К истории Персидского похода следует добавить следующее. С русскими войсками в город Кизляр ушло довольно много армян: 375 семейств, 2500 душ. В пути их обеспечивали казенным провиантом, им помогали перевозить имущество через реки.

Когда 20 мая 1797 года генерал Савельев вывел русский гарнизон из Дербентской крепости, ее почти сразу же занял Ших-Али-хан. Он сразу же изгнал из Дербента брата Гассан-бека и первого городского бека (управителя) Хадыря. Первому он намеревался выколоть глаза, но младшего брата хана спасло заступничество сестры Беке и матери. Дербентскому владельцу пришлось уступить им.

Когда Ших-Али-хан, находившийся в горах Дагестана с небольшим отрядом своих воинов, узнал о смерти Императрицы Екатерины II и воцарении ее сына, то он увидел в этом известии «птицу удачи» для себя. Он послал несколько писем стоявшему против него с отрядом генералу Булгакову, в которых говорил о желании наладить дружественные отношения с Россией. В обмен, разумеется, на признание за ним прав дербентского владельца...

ОПАЛА. ЦАРЕУБИЙСТВО. ПОСЛЕДНИЕ БЛАГОДЕЯНИЯ

Все братья графы Зубовы попали при Императоре Павле I в опалу. Виновник персидских побед граф Валериан Александрович Зубов поселился в своих немалых имениях в Курляндии. Там он оказался под присмотром местной полиции. Его старшего брата светлейшего князя Платона Александровича Государь лишил почти всего: влияния, положения и большинства огромных имений, на которые государством был наложен секвестр. Отставили от придворной службы и самого старшего графа Николая Александровича Зубова, генерал-поручика и шталмейстера двора.

Впоследствии Павел смягчился, и братьев Зубовых вернули в Санкт-Петербург. В 1800 году графа В.А. Зубова вызвали из Курляндии в столицу и приняли на военную службу с чином генерала от инфантерии. Императорским указом он был назначен директором столичного 2-го кадетского корпуса.

В этой должности Зубов-младший проявил себя способным администратором, заботившимся о воспитанниках, улучшении их содержания и образования. При нем были отстроены новые капитальные здания этого военно-учебного заведения.

Замечательной чертой графа В.А. Зубова в те годы явилась его отеческая забота о кадетах, которые имели родителей без «приличного» состояния, то есть не имевших средств дать хорошее дворянское образование своим сыновьям. Граф стал широко практиковать прием в кадеты сверх штата. При этом родители юных дворян вносили только посильную денежную сумму, а прочее относилось решением генерала от инфантерии Зубова на хозяйственные расходы кадетского корпуса. Если порой у родителей вообще не оказывалось денег, то в таком случае директор платил в казну из собственных средств.

Когда директор 2-го кадетского корпуса ушел из жизни, то выяснилось, что таких «негласных» воспитанников, содержавшихся в основном за счет его личных средств, оказалось 212 человек (!). Разобравшись лично в таком необычном деле, Император Александр I Павлович повелел отпустить на их содержание из государственных средств особую сумму. Тем самым он дал возможность зубовским «подопечным» завершить образование и «выйти» в офицеры.

Вернувший графу Валериану Александровичу Зубову свою высочайшую милость, Император Павел I назначает его за военные заслуги членом Государственного совета.

Граф Зубов-младший не принимал заметного участия в заговоре против Павла I, хотя у него имелись веские основания предъявить ему и сугубо личные обиды, и обиды за вверявшиеся ему войска. Прекращение успешно развивавшегося Персидского похода некоторыми заговорщиками прямо ставилось в вину российскому монарху.

Братья же — Платон и Николай — без всяких колебаний вступили в ряды заговорщиков и самым активным образом участвовали в событиях в ночь на 12 марта 1801 года. Суворовский зять граф Николай Александрович Зубов, как известно, оказался одним из главных виновников трагической кончины Императора Павла I. За такой «подвиг» он уже и не поднялся выше должности шефа Сумского гусарского полка.

Не оставил воцарившийся Александр I без «внимания» и другого участника убийства отца-Императора — князя Платона Александровича Зубова, бывшего последнего фаворита своей любимой бабушки. Тот уже вскоре остался совсем не у дел при дворе. Тогда он посвятил остатки своей жизни увеличению собственных капиталов. Платон Зубов развил в себе к старости скряжничество до немыслимых размеров.

Главнокомандующего русскими войсками в Персидском походе генерала от инфантерии, георгиевского кавалера графа Валериана Александровича Зубова не стало 21 июня 1804 года. «Водяная болезнь», или «водянка», оборвала его жизнь, состоявшую из резкого взлета и столь же резкого падения, на тридцать четвертом году от рождения. Ни Валериан, ни Платон потомства не оставили. Графскую линию родословия Зубовых продолжили лишь дети Николая и Дмитрия Зубовых.

Прах екатерининского полководца, прославленного человека своего времени, графа Валериана Александровича Зубова упокоился в Сергиевской пустыни, расположенной под Петербургом. Над его могилой впоследствии воздвигли каменную церковь во имя мученика Валериана, христианского святого.

При церкви старшие братья Валериана в скором времени устроили богадельню — специальное помещение для солдат, изувеченных на войнах. Тридцать человек таких инвалидов многие годы находили здесь покой, кров и пропитание.

В старой России такая забота об увечных воинах была доброй традицией. Простой воин, ставший инвалидом при исполнении им ратного долга перед «Богом, Царем и Отечеством», знал, что о нем позаботится государство, Государь батюшка и просто добрые люди. Такие, как генералы из круга фаворитов Императрицы Екатерины II Великой — братья Зубовы. При всех их не всегда лестных личных характеристиках они чтили простого нижнего чина русской армии.

Самые добрые слова о Валериане Александровиче Зубове из числа его современников оставил, пожалуй, великий поэт того времени — Гаврила Романович Державин, поэзию которого Александр Сергеевич Пушкин называл «бичом вельмож».

По словам Державина, граф Зубов-младший имел:

«...Прекрасную душу; быв вельможей, внимал несчастным, откровенно принимал своих и чуждых; не оскорблял надменным взором старших и не одним участием, но делами приобрел уважение».

Главным делом в рано оборвавшейся жизни екатерининского полководца Валериана Александровича Зубова стало расширение границ Российского государства на Северном Кавказе и в Закавказье. Однако тогда его труды по раздвижению пределов России были аннулированы по воле Императора Павла I, который приказал русским войскам вернуться домой.

Екатерининскому полководцу не позволили довести до задуманного конца Персидский поход 1796 года. Поход, в котором генерал-аншеф и георгиевский кавалер граф Валериан Александрович Зубов шел маршрутом войск самого Императора Петра Великого. Но в том и другом случае Российская держава не смогла тогда закрепиться на границе с шахской Персией и присоединить к себе хотя бы часть Закавказья. Но оба эти похода заложили успехи, которые Россия реализует уже в начале XIX века.

АНАПА — КАВКАЗСКИЙ ИЗМАИЛ

Генерал-фельдмаршал Иван Васильевич ГУДОВИЧ

ПОТОМСТВЕННЫЙ ШЛЯХТИЧ СОЛДАТСКОЙ СЛУЖБЫ НЕ ПОЗНАЛ

Когда генерал-фельдмаршала графа Гудовича Ивана Васильевича уважительно спрашивали о начале воинской службы на благо Отечества Российского, то он привычно отвечал:

— Был я на службе в походах полковником...

Действительно, его военная биография, состоявшая не из одних громких побед под сенью бога войны Марса, начинается именно с чина полковничьего и с должности командира славного в русской армии Астраханского пехотного полка. До того биографию полководца можно уложить в немногие строки.

Род свой он вел от шляхтича Павла Станиславовича Гудовича, выехавшего в 1680 году в Россию из Польши и пополнившего собой дворянское сословие Русского царства. Отец, Василий Андреевич, дослужился до немалого гражданского чина тайного советника. Родился же будущий генерал-фельдмаршал в 1741 году на Украине, в Ольгополе ныне Бершадского района Винницкой области. По тем временам получил хорошее и разностороннее домашнее образование.

Вместе с братом Иван Гудович продолжил образование за границей в германских университетских городах Кенигсберге, Галле и Лейпциге. Состояние отца, видного и состоятельного малороссийского помещика, позволяло такое.

Военную службу, обязательную для дворянских детей, начал на удивление очень поздно. Не в двенадцать, скажем, и не в пятнадцать мальчишеских лет. А на девятнадцатом году, в 1759-м. Солдатских тягот не познал, став сразу же прапорщиком инженерного корпуса, поскольку имел прекрасное университетское

образование. Случай, скажем, далеко не частый для российского XX столетия.

Служба у Гудовича-младшего складывалась крайне удачно.

Блестяще образованного молодого офицера в следующем году берет к себе флигель-адъютантом влиятельнейший человек своего времени генерал-фельдцейхмейстер граф Петр Иванович Шувалов, занимавший при Императрице Елизавете Петровне исключительное положение в государстве. Когда дочь Петра Великого скончалась, Иван Гудович производится в подполковники и назначается генерал-адъютантом к генерал-фельдмаршалу графу Андрею Ивановичу Шувалову.

Такой стремительный, всего за два года скачок по лестнице воинских чинов от прапорщика до подполковника объясняется весьма просто. Брат Ивана Васильевича — Андрей Васильевич Гудович — состоял тогда генерал-адъютантом вступившего на престол Императора Петра III. И был не только его первым любимцем, но и доверенным лицом. Дружественное отношение монарха к придворному обошлось государственной казне в 15 тысяч крестьян в старообрядческих слободах, подаренных царскому фавориту.

Впрочем, воцарившаяся на штыках гвардейских полков Екатерина II Алексеевна отобрала назад в казну это огромное имение. К слову сказать, вскоре она сама начала раздаривать казенные богатства намного больше свергнутого ею с трона мужа.

Но в тот момент братья Гудович сразу же лишились своей роли при Императорском дворе, где с первого же дня стали заправлять братья Орловы, осыпанные наградами и возведенные в графское достоинство. Подполковника Ивана Гудовича во время вступления на престол Екатерины II три недели держали под строгим караулом.

Однако монаршия опала долгой для него не была, хотя и он, и брат оба от двора отдаляются. Уже в следующем, 1763 году он жалуется полковником и назначается командиром Астраханского пехотного полка. А полками инфантерии в то время начальствовали генералы. Так что с новым назначением перспективу в армейской службе двадцатидвухлетний офицер получил просто прекрасную.

С полком Гудович в 1764 году уходит в Польшу. Он причисляется к корпусу генерал-поручика Христофора Федоровича Штофельна (умершего чуть позже на ближайшей войне с Оттоманской Портой, первой екатерининской русско-турецкой войне, от моровой язвы)

В Польше происходили важные для всей Европы события. В последние польские короли избирался князь Станислав Август Понятовский. Но не все местные магнаты со своей «загонной» шляхтой поддерживали кандидатуру выдвиженца и фаворита новой всероссийской Императрицы. Дело в ходе выборной кампании доходило до вооруженных столкновений в ближнем приграничье.

Полковника Гудовича, как человека известной фамилии, посылают к гетману Ржевуцкому, зять которого Радзивилл действовал против вступающих в Польшу русских войск. Иван Васильевич нашел убедительные доводы, чтобы склонить авторитетного среди польской шляхты гетмана в пользу кандидатуры Станислава Понятовского. Сторону России принял и влиятельнейший князь Чарторыйский. В целом дипломатическая миссия полностью удалась молодому полковому командиру.

Затем его астраханцы стояли в городе Сандомире для наблюдения за ходом избирательной кампании в сеймиках округи. И в том случае все обошлось миром.

В 1765 году после избрания нового короля полк возвратился в Россию, забрав с собой из польских земель более трех тысяч беглых людей-соотечественников, большей частью старообрядцев...

ПЕРВАЯ РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА. ХОТИНСКОЕ ДЕЛО

С началом русско-турецкой войны 1768—1774 годов Астраханский пехотный полк походным маршем идет к Переяславлю для его защиты от крымских татар. Город стоял в приграничье и закрывал собой путь с южных степей на Киев.

Крымский хан Каплан-Гирей в первый же год войны напал на Новороссийскую губернию, сумев в декабре переправиться через Днепр южнее Кременчуга. Воинственный вассал Блистательной Порты вел в грабительский набег около 80 тысяч конницы.

Однако начавшиеся холода и обильный снег в степи не позволили многочисленной крымской коннице зайти далеко. Войска 2-й русской армии под командованием генерал-аншефа Петра Александровича Румянцева расчетливыми ударами от Полтавы и Бахмута отразили сильное нападение и отбросили врага к Перекопу.

Астраханцам, изготовившимся защищать городок Переяславль, не довелось тогда скрестить оружие со степной ордой. Время былых стремительных и опустошительных набегов крымских ханов, видно, уже кончилось.

Однако, чтобы поберечься от последующих вторжений конных полчищ крымчаков, в 1770—1771 годах создается Днепровская укрепленная линия. Она надежно перекрыла собой все степное пространство от города Изюма до крепости Борисоглебской. То есть от реки Северский Донец до Днепра.

Боевое крещение полковник Иван Гудович получил под сильной турецкой крепостью Хотин в Северной Буковине. Перестроенная французскими инженерами-фортификаторами по последним требованиям военной науки, она смотрелась мощно и неприступно, являясь самой северной твердыней на границах Оттоманской империи.

Однако миновать ее в войнах, которые разворачивались в приграничье, было просто нельзя. В противном случае в тылу у русских оказывался многочисленный хотинский гарнизон. Русским войскам за всю историю войн России с Турцией пришлось завоевывать Хотинскую крепость аж четыре раза.

Астраханский пехотный полк прибыл под Хотин в 1769 году. К неприятельской крепости стягивалась 1-я (главная) русская действующая армия под командованием генерал-аншефа Александра Михайловича Голицына. Затем армию у князя примет Петр Александрович Румянцев, будущий Задунайский и генерал-фельдмаршал России, один из ее великих полководцев.

Прибывший полк, находившийся в «примерном» состоянии, расположили в осадных траншеях. Здесь полковник Иван Гудович с одним только пехотным батальоном 11 июля отбил сильную вылазку гарнизонных турецких войск на осадный левый фланг.

Тот жаркий бой длился более четырех часов. Все наличествовало в нем — и ружейные залпы, и пушечная пальба, и штыковые контратаки астраханцев, и доблесть русских солдат. Атаку османов из крепости тогда отразили с большими потерями для них. Командующий армией отметил действия пехотного полковника и его личную храбрость.

Теперь астраханцев, хорошо показавших себя в настоящем деле, держат в армейском авангарде. 14 августа полк снова отличился в большом бою при Рачевском лесу близ Хотинской крепости.

В тот день неприятель во множестве перешел Днестр по наведенным заранее мостам. Вражеская пехота атаковала армейский передовой пост в Рачевском лесу, состоявший всего из двух батальонов — гренадерского и егерского при четырех полевых орудиях. Турки имели большой численный перевес и стали теснить русских стрелков, отбив у них все пушки.

Тогда на помощь передовому посту армии атакой пошли три гусарских полка под командованием бригадира Тикелли. Конницы неприятель имел тоже намного больше, и нашим лихим гусарам вскоре пришлось туго. Однако беды не случилось, поскольку русским легким конникам на помощь вовремя подоспел решительный полковник Иван Гудович.

Он быстро подошел к Рачевскому лесу с одним только батальоном астраханцев, с тем, который отличился 11 июля. Сноровисто выстроившись для боя, пехотинцы от лесной опушки атаковали османскую кавалерию. Той, рассеченной ударом батальонного каре на две части, пришлось прекратить преследование гусарских полков.

Турки и крымчаки, ошеломленные таким смелым ударом в штыки, однако, быстро разобрались в ситуации. К тому же в чистом поле пехотный батальон противника внушительно не смотрелся. И тогда султанский паша, командовавший боем, приказал своей коннице вырубить смельчаков астраханцев.

Подпустив к себе нахлынувшую вражескую конницу на дистанцию всего половины ружейного выстрела, солдаты Гудовича по его команде открыли плотный огонь плутонгами, то есть повзводно — так что стрельба велась беспрерывно. Залпы легли удачно, поскольку конная лава поражалась почти в упор.

Затем пехотинцы повели уже беглый огонь из ружей, стараясь заставить толпы яростно кричавших всадников повернуть вспять разгоряченных коней. Рискованность положения астраханцев заключалась в том, что два орудийных расчета, приданных батальону, к тому времени еще не подошли к месту боя.

Когда густой пороховой дым вокруг стреляющих рассеялся, то пехотинцы с немалой радостью увидели, что только еще с минуту назад нападавшая на русских гусар конная лава крымских татар и турецких спагов отходит. А перед плотными рядами стоящих локоть в локоть астраханцев бьются о землю в большом числе раненые лошади и валяются десятки убитых и тяжело раненных воинов султана.

Воспользовавшись временным затишьем, к позиции батальона вновь подвинулись гусарские полки бригадира Тикелли, приведшие себя в порядок. Воспрянули духом упорно сражавшиеся в глубине Рачевского леса гренадеры и егеря.

Когда прибыли наконец два долгожданных орудийных расчета, то полковник Иван Гудович приказал им метать гранаты по опушке леса, где густо расположилась неприятельская пехота. Против нее уже стоял второй батальон Астраханского полка, готовый встретить османов и ружейными залпами, и ударами в штыки.

Заметив замешательство в турецкой пехоте от прицельных пушечных выстрелов, русская инфантерия беглым шагом пошла в атаку. Ее хорошо с флангов поддержала гусарская кавалерия. Штыкового удара противник не принял и стал, огрызаясь рукопашными схватками и отстреливаясь, отходить через Днестр к Хотинской крепости. Отступление постепенно превратилось в настоящее бегство.

Настойчивое преследование велось до тех пор, пока астраханцы не попали под частый огонь крепостной артиллерии. Чтобы не понести неоправданных потерь в людях, полковой командир приказал пехотным ротам возвращаться, успев, однако, лично, до наступления темноты, произвести рекогносцировку местности впереди Рачевского леса. Захваченные в нем турками четыре русских орудия были отбиты назад.

Пока в лесу и перед ним в поле шел жаркий бой, армия князя Голицына, стоявшая в недалеком от Хотина Княжине, снялась с походного лагеря и поспешила на помощь своему авангарду. Главнокомандующий счел неприятеля весьма сильным, а завязавшееся дело — серьезным.

Войска торопились, слыша пушечные выстрелы. Когда же первые армейские части подоспели к месту жаркого боя, там уже все закончилось победой русского оружия.

При помощи майора Федора Фабрициана, ставшего вскоре за Галац первым кавалером Военного ордена Святого Георгия в истории армии России, Гудович собрал рассыпанные в лесу цепи гренадер и егерей. И возвратил им без словесного укора отнятые у турок батальонные пушки. Теперь полковник пехотинцев-астраханцев имел под командованием уже четыре батальона, только что одержавших трудную победу. С ними он и занял оборону по лесной опушке, выходящей на близкую крепость.

Такое соседство хотинскому гарнизону явно пришлось не по душе. Турки со стен попытались артиллерийским обстрелом заставить русских уйти или в глубь Рачевского леса, или вовсе покинуть его. Однако ядра из Хотина целей в густом лесу не находили. В то же время засевшие там русские пехотинцы, укрывшиеся за огромными деревьями, видели любое движение в стане противника.

Полковник Иван Гудович с четырьмя батальонами уверенно закреплялся на занимаемой позиции. Пехотинцы его пять суток оставались в «сухоядении». Людей за водой посылали к реке только с наступлением ночи, когда неприятель вылазок от крепости уже не делал.

Вконец измотанные постоянными стычками и перестрелками с османами авангардные батальоны на передовой позиции вскоре сменили. По приказу главнокомандующего генерал-майор Михаил Федорович Каменский, будущий генерал-фельдмаршал, вошел с тремя полками инфантерии в уже обжитый русскими солдатами Рачевский лес и полностью занял его.

Подвиг подчиненных полковника Ивана Гудовича получил в действующей армии звонкую известность. Собрав сведения о происшедшем «примерном» Рачевском деле, генерал-аншеф Голицын написал наградное представление. Его с первой оказией отправили в далекий Санкт-Петербург.

Оттуда без долгих ожиданий пришел указ государственной Военной коллегии о высочайшем пожаловании полковника Астраханского пехотного полка в очередное воинское звание, в бригадиры. Причем не по старшинству — то есть вне существовавшей тогда очередности на присвоение высших армейских и флотских чинов, а за отличие.

КОМАНДИР БРИГАДЫ. СРАЖЕНИЕ НА РЕКЕ ЛАРГЕ. КАГУЛ

В конце 1769 года армии воюющих сторон традиционно разошлись по зимним квартирам. Гудовича, чье имя получило военную славу, посылают на берега пограничного Южного Буга командовать у Браславля «особливым деташементом». Иначе говоря — сторожевым, передовым отрядом русской армии.

«Особливый деташемент» стоял напротив местечка Балты, где находился и турецкий подобный главный пост, и крепости Бен-

деры на нижнем течении реки Днестр. Таким образом прикрывался левый фланг главной 1-й действующей армии и одновременно обеспечивалась ее связь со 2-й русской армией.

Вверенные молодому бригадиру воинские силы оказались значительными. Армейское передовое охранение состояло из шести полков: Астраханского пехотного, трех карабинерских и двух полков донских казаков. За зиму деташемент постоянно тревожила наскоками крымская конница. Ее большие партии несколько раз терпели поражения в боях посреди бугских заснеженных степей. Как военачальник, Иван Васильевич Гудович набирался опыта прикрытия южных границ России.

Весной 1770 года боевые действия возобновились уже в масштабах армий. В апреле «особливый деташемент» Гудовича пошел к Хотинской крепости, где на левом берегу Днестра собирались в единое целое русские полевые войска. Бригадир получает в командование бригаду из двух полков инфантерии.

Вскоре 1-я действующая армия, которой командовал генерал-аншеф Петр Александрович Румянцев, в составе 38 тысяч человек при 115 орудиях выступила в поход на юг. Перейдя Днестр, русские войска пошли навстречу подходившей султанской армии. Причем бригадир Иван Гудович вел одну из походных колонн.

На подходе к реке Ларге высланная вперед конная разведка обнаружила огромную армию османов. Набиралось в ней 15 тысяч турецкой, преимущественно янычарской, пехоты и 65 тысяч крымской конницы. Неприятельскими войсками, расположившимися на удобных высотах, командовал владетель Крымского ханства Каплан-Гирей, которому помогали начальствовать три трехбунчужных паши из Стамбула.

По всему чувствовалось, что на реке Ларге сторонам предстояло сойтись в большом полевом сражении. Уж слишком далеко зашла русская армия во владения Блистательной Порты.

Беря инициативу в свои руки, полководец П.А. Румянцев в ночь на 7 июля сам повел в наступление большую часть армии, обходя правый неприятельский фланг. Второй дивизии генерал-поручика Петра Григорьевича Племянникова, в состав которой входила бригада Гудовича, приказывалось на рассвете атаковать левый фланг позиций турецкой пехоты, примыкавшей к заболоченному берегу реки Прут.

Для этого требовалось «кинуть портативные» мосты через реку Ларгу. Их наведение могло задержать наступление всей дивизии.

Кроме того, русским пионерам — саперам предстояло работать под плотным вражеским ружейным огнем с того берега.

Гудович решил лично проверить место предстоящей переправы. В сопровождении всего одного офицера он подскакал к реке и увидел, что продолжительная летняя жара превратила Ларгу в степную речушку. Воды в ней набралось лошадям всего по колено. То была просто большая удача на войне.

Бригадир немедленно доложил командиру дивизии генералу Племянникову, что пехота и кавалерия смогут спешно перейти водную преграду вброд без всякой переправы. С орудиями же и зарядными ящиками придется повозиться, но и для них мостовой переправы через реку возводить не требовалось.

Еще во время рекогносцировки переправы на реке Ларге в голове у Гудовича созрел свой план начала атаки вражеских позиций. Суть его заключалась в том, чтобы лишить турецких артиллеристов возможности нанести русским при переходе через реку большие потери в людях. Для этого требовалось сделать одно — сосредоточить войска на том берегу под крутой горой. И в таком положении дождаться, пока вся дивизионная артиллерия не переправится через Ларгу. Дивизионному командиру такой план понравился.

Наступление армии генерал-аншефа П.А. Румянцева развивалось успешно. Форсирование реки дивизией Племянникова ночью прошло так удачно, что турецкая батарея из 15 орудий с выгодных позиций не смогла помешать движению русских войск. Два раза крымская конница в большом числе, сама беспрепятственно перескочив через Ларгу, пыталась зайти атакующим в тыл, чтобы истребить артиллеристов противника, находившихся в дивизионном арьергарде. Такая задумка врагу не удалась, и оба раза атаки ханской конницы успешно отражались. В противном случае дивизию Племянникова ждала бы большая беда — потеря в самом начале сражения всех своих пушек.

Русская пехота настолько близко расположилась к речным берегам, что ее просто нельзя было обскакать иначе, как на дистанции половины ружейного выстрела. Поэтому при атаках многотысячная конница крымского хана неизменно попадала под разящие залпы стоящих в каре русских пехотных полков. Ружейный огонь их хорошо дополняла картечь тех гаубиц, которые уже успели перетащить через реку.

В том деле у переправы Астраханский пехотный полк, в обучение которого будущий полководец Гудович вложил много тру-

да, отличился среди других. Перед его плотными рядами, окутанными пороховым дымом, конная лава вражеских всадников дважды поворачивала вспять, не сумев подскакать даже на дальность пистолетного выстрела.

Подтянув к себе из-за реки всю артиллерию, дивизия генерал-поручика Племянникова пошла решительной атакой на крутую гору, послужившую русским при переходе через Ларгу превосходным укрытием от огня турецких пушек. Дивизионные войска наступали в строю каре, сметая перед собой любые заслоны. Уже взойдя на вершину горы, на которой пехотные полки развернулись, по неприятелю был открыт сильный ружейный огонь дружными залпами. Высокую эффективность стрельбы показали и быстро развернувшиеся батареи полевой артиллерии.

Успех атаки вверх по горе оказался полный, неприятель с ее вершины после непродолжительного сопротивления просто бежал. Причем пример к бегству подала султанская янычарская пехота, не ставшая обороняться в окопах при появлении первых русских перед ними. Османы бросили на горе не успевший сняться походный лагерь, весь обоз и пушки с немалым боезапасом.

Удар дивизии Племянникова поддержали своей атакой главные силы армии, ведомые вперед генерал-аншефом Румянцевым. Неудержимо идущие вперед пехотные каре с артиллерией в первых рядах смяли правый фланг и центр войска хана Каплан-Гирея. И здесь неприятель бросил все свои походные станы с тысячами шатров, палаток и шалашей, обозы и все, что мешало его поспешному отступлению на юг.

Сражение на реке Ларге, начавшееся в четыре часа утра и продолжавшееся восемь часов, закончилось полной победой русского оружия. Наиболее отличившихся военачальников ждали высокие награды. Высочайшим указом от 27 июля 1770 года бригадир Иван Васильевич Гудович жалуется орденом Святого Георгия сразу 3-го класса, минуя четвертый. Его пехотная бригада удостоилась немалых добрых слов из уст главнокомандующего за рвение нижних чинов и офицеров в сражении и проявленную храбрость...

За битвой на берегах обмелевшей Ларги вскоре последовала другая — на реке Кагул, левом притоке Дуная. Здесь 21 июля в кровопролитной баталии (не в пример сражению при Ларге) 1-я русская действующая армия Румянцева в том же составе — всего 38 тысяч человек, имея лишь на 31 орудие больше, — разгромила главные силы турецкой армии.

Великий визирь Халиль-паша собрал в походных лагерях восточнее селения Вулканешти войск до 150 тысяч человек при 130—180 (по разным источникам) орудиях. Неприятель имел четырехкратное превосходство в людях! И все же не он, а его бесстрашно атаковали румянцевские войска.

Георгиевскому кавалеру бригадиру Ивану Васильевичу Гудовичу не пришлось принять участия в самой Кагульской битве. Вместе с будущим генерал-фельдмаршалом Григорием Александровичем Потемкиным-Таврическим, а пока еще генерал-майором, он во главе вверенного ему большого воинского отряда прикрывал от крымской конницы армейские тылы. Румянцев тогда поручил пехотному бригадиру задачу не из простых.

Халиль-паша вознамерился лишить русскую армию ее тылов и обозов. Ханское конное войско встало на противоположном берегу реки Кагул, удерживаемое от нападения грозным видом русской пехоты и артиллерийских батарей на прибрежных высотах. Порой вспыхивали жаркие перестрелки и громыхала пушечная пальба со стороны отряда Гудовича. Крымчаки так и не решились на переправу через реку и налета на охраняемые обозы противника.

Ночью от главнокомандующего пришел приказ подтянуть тылы к наступавшей армии. На рассвете она готовилась атаковать султанское войско. В полной темени, стараясь не шуметь и оставив на прежнем месте непотушенные костры, Потемкин и Гудович скрытно снялись с лагеря и безлунной ночью подошли к главным армейским силам. Ханская конница «проспала» русские обозы. Однако схватиться с крымчаками бригадиру Ивану Гудовичу все же пришлось.

Хан Каплан-Гирей, сильно раздосадованный потерей, казалось бы, верной и богатой добычи, послал с рассветом вслед русским несколько тысяч всадников. Крымчаки надеялись отбить хотя бы хвост армейского обоза и разграбить его. Гудович с тремя эскадронами карабинеров смело отбил в конной схватке первый яростный наскок преследователей. А затем его отряд пушечным огнем развернувшихся орудийных расчетов и вовсе опрокинул конную лаву, обратив ее вспять.

Такие «примерные» действия бригадира заслужили высокую похвалу самого Петра Александровича Румянцева, удостоенного за Кагульскую победу звания генерал-фельдмаршала. Он хвалил Гудовича за распорядительность и мужество. Из столицы в адрес отличившегося военачальника последовало «высочайшее благово-

ление». Другой награды за выказанную доблесть не последовало. Следует здесь заметить, что в боевых орденах георгиевского кавалера обходили еще долго. При дворе Императрицы фамилия Гудовичей популярностью продолжала не пользоваться.

Вскоре Ивану Васильевичу вверяется пехотная бригада в корпусе генерал-поручика графа Брюса, которого затем сменил генерал-майор Глебов. Корпус целый месяц осаждал крепость Браилов, но ее сильный гарнизон сумел отразить штурм. Русские войска, потеряв больными, ранеными и убитыми около двух тысяч человек, отошли к урочищу Максимены на берегах реки Серет.

ВОЙНА В ВАЛАХИИ И НА ДУНАЕ

В конце октября 1770 года бригадир Иван Гудович назначается командиром особого корпуса. Он отряжается от главных армейских сил в Валахию против султанского сераскира, стоявшего с войсками на позиции вблизи города Бухареста, столицы современной Румынии. Задание считалось ответственным и серьезным по исполнению.

В состав корпуса вошли: два батальона гренадер, Апшеронский пехотный полк, состоявший в малом комплекте, Ахтырский гусарский полк, имевший только 150 человек на лошадях (меньше одного эскадрона), и четыре полка донских казаков. Подчинили бригадиру Ивану Гудовичу и плохо вооруженных волонтеров-арнаутов полковника Каковинского.

Ускоренными марш-бросками корпус вошел на территорию Валахии. В день на солдата выдавалось три четверти фунта сухарей, которыми питались и офицеры. Перейдя реку Яломицу, Гудович оставил корпусные тылы и больных в крепком монастыре под Бухарестом, дав в прикрытие один донской казачий полк. И пошел в наступление на сераскира.

Турки, умудренные в той войне опытом Ларги и Кагула, отступили с занимаемой позиции, стараясь не принимать навязываемого им боя. Отступавшие османы попытались сжечь за собой речной мост. Однако на их арьергард вовремя обрушился огонь русских пушек, и неприятель не успел полностью уничтожить переправу. В том деле это стало большой удачей наступающей стороны.

Гудович приказал наступать и дальше. Его пехотинцы, донцы и ахтырские гусары под ружейным огнем ринулись на тот берег и

скоро разгромили настигнутых османов. У турок было отбито два орудия и взято четыре знамени. Впрочем, сераскир так и не проявил должного упорства на земле Валахии, почти без сопротивления оставив русским ее столицу.

Войска корпуса Ивана Гудовича с песнями под барабанный бой вступили в Бухарест. Там нашлись богатые провиантские магазины, откуда конные полки и пехотные батальоны получили в достатке пшеничную муку, сухари и ячмень. Турки в поспешном отступлении не успели уничтожить даже собственные запасы.

Служивший верно турецкому султану валахский господарь Ипсиланти счел за благо бежать из собственной столицы, хотя ему никто не угрожал. В сопровождении личной охраны он покинул свой дворец и ускакал вверх по реке Дембовице, перейдя ее по небольшому мосту, который беглецы сразу же разрушили. Пришлось посылать вослед господарю погоню, но ей он по пути не попался.

Гудович не стал квартироваться в городе и расположил вверенные ему войска на удобных для боя высотах за рекой Дембовицей. Там он стал ожидать дальнейших распоряжений главнокомандующего. Теперь перед позициями корпуса находился Дунай с многочисленными турецкими крепостями по его берегам.

Столь успешное овладение городом Бухарестом дало награду победителю. По реляции генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева Императрица Екатерина II пожаловала 4 декабря 1770 года генерал-майорский чин по старшинству (тогда в русской армии 51 человек находился в звании генерал-майора).

Поняв, что от турок с противоположного дунайского берега опасностей ждать не приходится, Гудович разместил войска корпуса на зимние квартиры, а сам занялся румынскими делами, поскольку княжество Валахия оказалось без власти. Русский генерал созвал в столицу валахских бояр, бежавших в недавнем времени от турок в Трансильванию, и учредил «диван» — местное правительство.

Вскоре Ивана Гудовича вызвал в город Яссы, где расположилась армейская штаб-квартира, главнокомандующий. Сердечно поблагодарив за службу Отечеству на земле Валахии, Петр Александрович Румянцев направил способного генерал-майора на помощь генерал-аншефу Петру Ивановичу Олицу, осаждавшему неприятельскую крепость Журжу. Гудович прибыл в осадный лагерь во главе своей пехотной бригады.

Осада сильной турецкой крепости проходила трудно. Стержнем вражеской обороны являлся крепкий замок на острове между дунайскими рукавами с хорошо защищенными артиллерийскими батареями. Осада Журжи шла с февраля 1771 года. В ночь на 20-е число этого месяца военный совет осадных войск назначил штурм крепости.

На военном совете генерал-майор Иван Гудович, успевший достаточно хорошо изучить крепостную ограду, предложил следующее:

— Так как время наступило холодное, с провиантом становится трудно. Осадная же наша артиллерия заключается только в четырех орудиях. То и другое пополнить мы не можем. Посему считаю необходимым для воспрепятствования усиления неприятеля свежими силами взять крепость штурмом...

Бригадный начальник предложил провести приступ одновременно тремя штурмовыми колоннами. Генерал-аншеф Олиц, как старший, одобрил такое предложение. Гудовичу назначили в командование колонну, атакующую в центре, то есть там, где у неприятеля находились наиболее сильные позиции.

Атака на крепость Журжу с самого начала складывалась неудачно. Во фланговых колоннах возникло некоторое замешательство — еще перед крепостным рвом их командиры генерал-майоры де Малино и Гротенгельм получили тяжелые ранения. Вражеская артиллерия на предельной дальности открыла по штурмующим русским войскам беглый огонь.

Гудович же сумел со своей колонной прорваться за крепостной вал и обратить турок в бегство через мост — на остров к городскому замку. Неприятель на флангах тоже был вынужден отступить, поскольку его оборона оказалась прорванной в самом центре. В ходе того боя Ивану Васильевичу пришлось взять на себя командование над всеми тремя штурмовыми колоннами. Причиной стала болезнь генерал-аншефа Олица, который не смог в назначенный день руководить приступом.

После того как русские овладели ретраншементом и закрепились на нем, осажденные выслали парламентеров. Они просили перемирия на три дня. Гудович после некоторых раздумий дал на то согласие. За это время по ночам устроили брешь-батарею из осадных орудий прямо перед журжинским замком, а рядом поставили две батареи из полевых орудий. Днем с воинскими почестями погребли погибших при штурме.

Гарнизон Журжи запросил продлить перемирие еще на несколько дней, явно рассчитывая на скорую помощь. Гудович сумел убедить генерал-аншефа Олица не соглашаться на такую военную хитрость османов. Парламентеры турок получили вежливый, но решительный отказ.

Возведенные по диспозиции Гудовича батареи открыли огонь ядрами и чугунной картечью. Единороги «кидали» в стан врага бомбы. Стрельба русских пушкарей оказалась меткой и удачной. Точное попадание одного снаряда подняло в воздух пороховой погреб крепости Журжи.

Сразу после мощного взрыва осажденные, лишившиеся в единый миг всех своих огневых припасов, выбросили белый флаг. Бомбардировка крепости прекратилась. Турки соглашались на почетную капитуляцию: русские выпустили султанский гарнизон из крепости без знамен и только с личным оружием. Сорок пять разнокалиберных пушек стали трофеями победителей. Русский отряд из 600 человек с артиллерией стал в Журже на время войны крепостным гарнизоном.

За победное дело генерал-майор Иван Гудович награждается орденом Святой Анны. Тот тогда еще не делился на классы и считался высокой наградой на войне.

Главнокомандующий действующей армией П.А. Румянцев вверяет дивизию Олица, своего боевого товарища по Семилетней войне, рядовому армейскому генерал-майору Ивану Васильевичу Гудовичу. И приказывает тому скрытными марш-бросками спешить на соединение с отрядом Г.А. Потемкина к реке Ольте. Русским войскам предстояла осада турецкой крепости Турну.

Однако на берегах Ольты Гудовичу побывать не пришлось — обстановка на Нижнем Дунае стала меняться. К тому времени турецкое войско в большом числе осадило Журжу и вернуло ее себе. Командовавший гарнизоном майор Гензель сдал крепость на условиях свободного выхода из нее русских с личным оружием (невероятный случай в истории войн России с Османской империей). По воле Императрицы Екатерины II бывший комендант за такое позорное дело будет изгнан из рядов русской армии и отдан под суд.

Подошедшие было к крепости Журже на выручку войска генерал-поручика Н.В. Репнина и И.В. Гудовича вынужденно отошли к Бухаресту. В противном случае османы грозили истребить капитулировавший (выбросивший белый флаг) гарнизон крепости.

Вскоре под столицей Валахии объявился трехтысячный неприятельский отряд. Он подошел к ней с намерением ворваться в Бухарест, где почти не было русских войск, за исключением нескольких небольших случайно оказавшихся в городе воинских команд. Однако быстрыми действиями генерал-майор Гудович спасает Бухарест от погрома. Около монастыря Вакарешт его полки наносят туркам полное поражение, причем все вражеские атаки отбивались ближней картечью. Разгромленный неприятель преследуется до реки Сабары.

Вокруг Журжи, стоявшей на перекрестке нескольких важных путей, завязывается новый узел военного противоборства. На исходе июля 1771 года генерал-поручик Эссен, имея только пять тысяч пехоты, вознамерился быстро взять сильную крепость. А ее на сей раз защищал гарнизон в десять тысяч османского войска с более современными орудиями.

Тщетно генерал-майор Гудович советовал старшему начальнику сделать против середины неприятельского ретраншемента осадную батарею из имевшихся 12 орудий. Их сосредоточенный огонь позволял проложить дорогу в крепость через пролом. Однако самонадеянный Эссен на военном совете настоял на своем решении, хотя Гудович в своем предложении ссылался на опыт предшествующего приступа крепости.

В ночь на 7 августа русские войска пошли на штурм почти без артиллерийской подготовки. Бомбардировка вражеской крепости по всем правилам осадной войны не проводилась и укрепления Журжи, ее батареи ни в чем не пострадали. Генерал-майор Иван Гудович вновь командовал средней штурмовой колонной. Яростный ночной приступ крепостной ограды закончился полной неудачей.

Центральная колонна штурмующих билась на крепостном ретраншементе до последней возможности. Бойцы Гудовича отошли назад только тогда, когда в их рядах из 1180 человек в строю осталась только треть — остальные пали в ночном бою или получили серьезные ранения. Сам начальник колонны получил ранение в ногу и смог держаться только в седле, руководя атакой.

В итоге русским войскам пришлось оставить крепость Журжу в покое и отступить от нее. Правда, только на самое непродолжительное время.

Последний бой в военной кампании 1771 года генерал-майор Иван Гудович провел близ города Бухареста. Под его стенами он

не дал туркам переправиться через реку Дембовицу и совершить налет на валахскую столицу.

Вскоре русская действующая армия отошла в Молдавию на зимние квартиры. В ноябре Гудович вновь возглавил армейскую дивизию (в то время они не имели определенного штатного расписания) из нескольких полков: пехотных, кирасирских и карабинерских и двух казачьих. Эти войска с началом южной зимы переправились через Днестр и ушли зимовать в район города Могилева...

Весь 1773 год генерал-майор Гудович находился на излечении по ранению.

Конец первой екатерининской турецкой войны он встретил под командованием генерал-аншефа графа Ивана Петровича Салтыкова. По его приказу Гудович руководил возведением мощной батареи на дунайском берегу. Ее прицельным огнем закрывается проход по реке галерам и судам противника.

В 1775 году Гудовичу поручается формирование на Украине трех легкоконных полков: Киевского, Черниговского и Северского. Они создавались по инициативе фаворита Императрицы Г.А. Потемкина на случай новой войны с Турцией, имевшей многочисленную, в том числе крымскую, легкую конницу.

Затем следует служба на землях Северной Таврии. Генерал-майор командует войсками у Очаковской крепости, прикрывает государственную границу по реке Южный Буг, борется с эпидемией чумы в городе Херсоне и помогает там вице-адмиралу Сухотину в строительстве кораблей для молодого русского Черноморского флота.

Труды на южных окраинах Малороссии не остались без награды. Императрица Екатерина II вспомнила о Гудовиче и наградила его орденом Святого Александра Невского. Теперь его грудь украшали три высоких ордена Российской империи.

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР. НА ВТОРОЙ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ

...В 1785 году Иван Васильевич Гудович назначается генерал-губернатором Рязанским и Тамбовским. И почти сразу в «нагрузку» — инспектором армии по кавалерии и инфантерии с подчинением генерал-инспектору всех российских войск всесильному

Г.А. Потемкину. За губернаторские труды он получает орден Святого Владимира высшей, 1-й степени.

...Между тем на юге в 1787 году начинается новая война с Оттоманской Портой. Гудович чувствует себя неуютно в губернаторском кресле и едет в столицу. Иван Васильевич просит у Императрицы дозволения возвратиться в действующую армию. Та не отказала в настойчивой просьбе и отпустила его в распоряжение главнокомандующего Григория Александровича Потемкина, не сняв, однако, с него исполнения обязанностей по должности Рязанского и Тамбовского генерал-губернатора.

В марте 1789 Гудович прибыл в главную армейскую штаб-квартиру, стоявшую в городе Кременчуге. Генерал-майор получает под свое командование корпус, стоявший в уже взятом Потемкиным Очакове. То было знаменательное время в отечественной истории, когда Российская держава раздвигала свои пределы в Северном Причерноморье.

Однако первое время пришлось не воевать, а заниматься охраной морского побережья. Султанский флот в несколько десятков вымпелов курсировал у берегов Тавриды, и с него ожидалась высадка сильного десанта. Но на высадку его турки так и не решились. Одной из причин отказа от задуманного в Стамбуле стало то обстоятельство, что морская граница стереглась русскими войсками весьма зорко и повода для вторжения на Юг России через нее не давала.

Вскоре главнокомандующий Потемкин-Таврический (Таврическим он стал в 1787 году) приказывает корпусному командиру взять замок Гаджибей (стоявший на месте нынешней Одессы). Подле него, как доносили лазутчики, стоял турецкий флот, а в самой бухте на якорях — до трех десятков различных судов.

Гудович отправил из Очаковской крепости вдоль морского побережья генерал-майора Осипа Михайловича де Рибаса, испанца на российской военной службе. Он командовал отрядом мореходных лодок, экипажи которых состояли из черноморских казаков. А сам Гудович во главе главных сил корпуса скрытно двинулся сухопутьем, обходя лиманы северной стороной. 13 сентября русские войска подошли к Гаджибею и в ближайшую же ночь под проливным дождем овладели крепким замком.

На турецких судах, стоявших в большом числе в бухте, с первыми выстрелами на берегу началась тревога. Стреляя из пушек на вспышки близких выстрелов, корабли противника стали спешно сниматься с якоря и уходить в открытое море, подальше от Гаджибея. Но уходили только купеческие суда, поскольку султанский адмирал (капудан-паша, капитан-паша) решил «наказать» русских за ночное нападение.

Командир армейского корпуса в такой ситуации не растерялся, поставив на мысу у бухты батареи. Те своим огнем отбили бомбардирские и канонерские вражеские корабли, которые по приказу капудан-паши приблизились днем к Гаджибею. 16 сентября, так и не совершив ничего, султанский флот ушел от берегов. Все же русские пушкари меткой стрельбой принудили экипажи двух турецких кораблей сдаться в плен.

У портового Гаджибея оказалась славная судьба. В 1795 году он будет переименован в Одессу и станет самым крупным городом на берегах Черного моря. А испанец на русской службе де Рибас (иначе Дерибас) будет отстраивать Одессу, оставив в память о себе потомкам знаменитую Дерибасовскую улицу.

Захваченный замок Гаджибей генерал-фельдмаршал Потемкин-Таврический за ненадобностью приказал взорвать, а корпусу идти к Бендерам. Флотилия черноморских казаков пошла в устье Днестра к Аккерману. За успешную «одесскую» экспедицию наград не последовало.

После начала осадных работ под Бендерами турецкий крепостной гарнизон решил не дожидаться кровопролитного штурма и капитулировал. Корпус генерал-майора Ивана Гудовича разместили по зимним квартирам, а сам он уехал из действующей армии в подвластные ему губернии. Такое приказание ему поступило из столицы.

С началом весны 1790 года Иван Васильевич явился в город Яссы, в ставку главнокомандующего. Светлейшим князем Потемкиным ему поручается формирование за Южным Бугом армейского корпуса. Когда русская действующая армия собралась в полевом лагере вблизи Бендерской крепости, то Потемкин разделил ее на две дивизии. Одной командовать поручается генерал-аншефу князю Репнину, другой — Гудовичу, теперь уже генерал-поручику.

Войска дивизии Гудовича подступают к крепости Килия на северном дунайском берегу, которому впоследствии предстояло стать государственной границей России. Здесь светлейший князь Потемкин-Таврический предоставил Гудовичу полную свободу в выборе действий, чем тот и не преминул воспользоваться.

Город-крепость стали обстреливать из осадных орудий и знаменитых шуваловских единорогов. Турецкий гарнизон не выдержал только-только начавшейся бомбардировки и не стал испытывать судьбу. К тому же в Килии почти не оказалось речных судов и лодок для бегства через Дунай на противоположный берег.

Ночью из крепости на осадную брешь-батарею русских с фонарем вышли три парламентера. Килийский трехбунчужный паша соглашался на почетную капитуляцию. Около четырех тысяч турок выпустили из крепости с личным оружием уже на рассвете следующего дня. А сговорчивому паше дали еще два дня на вывоз немалого личного имущества.

Три батальона русских гренадер с барабанным боем при развернутых знаменах заняли Килийскую крепость, которой на протяжении двух столетий — XIX и XX — суждено было стать пограничным фортпостом российского Отечества на Дунае. Только больше военной крепостью Килия уже не была.

Капитулировавший турецкий гарнизон оставил победителям немалые трофеи. В их число входили: 72 пушки самых разных калибров, дюжина хороших новых мортир, знамена и военное судно, имевшее на вооружении несколько орудий. Трофейные неприятельские пушки в своем большинстве для вооружения русской армии не годились и их отправляли, особенно бронзовые, на переплавку.

В захваченной крепости для ее защиты был оставлен значительный гарнизон. От Килии генерал-поручик Гудович во главе своих войск пошел к сильнейшей не только на Дунае, но и всей северной части Оттоманской империи крепости Измаил. Там под его командование поступил генерал-майор Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов. Через несколько дней пребывания под Измаилом, 2 декабря, Иван Васильевич получил от светлейшего князя Потемкина-Таврического орден о производстве по старшинству в генерал-аншефы. Это была награда за «покорение» Килии.

Вместе с орденом пришел приказ главнокомандующего явиться к нему в крепость Бендеры, где располагалась теперь армейская штаб-квартира. Там Гудовичу предстояло получить инструкции в связи с новым назначением — на должность командующего войсками бывшей Кубанской армией. Боевого русского генерала посылали на укрепление пограничной Кавказской линии.

Назначение генерал-аншефа Ивана Васильевича Гудовича на столь ответственный пост было прежде всего признанием его заслуг военачальника. В соответствующем рескрипте говорилось, что он

направляется к «командованию войск у Кавказа и Кубани, где настоящие обстоятельства требуют начальника отличных достоинств».

Иван Васильевич сдал стоявшие под Измаильской крепостью осадные войска старшему среди подчиненных ему военачальников — генерал-майору Самойлову, известив при этом, что продолжать осаду дунайской твердыни османов светлейшим князем поручается генерал-аншефу графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому. Суворов, всегда легкий на подъем, уже находился в пути, сопровождаемый небольшим казачьим конвоем.

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ

Из главной армейской штаб-квартиры генерал-аншеф Гудович в последних числах декабря 1790 года отправился на Северный Кавказ. От главнокомандующего Потемкина Иван Васильевич получил задачу укрепить пограничную Кавказскую линию. Задача виделась в ходе войны с Турцией весьма серьезной: противник России имел на восточном берегу Черного моря ряд крепостей. Из них самой мощной являлась Анапа, расположенная вблизи Керченского пролива и как бы запиравшая собой Азовское море.

Турки всячески старались восстановить против России закубанские народы, которые еще совсем в недавнем времени участвовали в набегах ханской крымской конницы на южнорусские земли. Земли донского казачества, как приграничные, постоянно подвергались этим ударам из степи. Главной добычей были люди — полон, который захватывали для продажи в портовых городах Блистательной Порты. Работорговля процветала по всему кавказскому Причерноморью.

Турция считала Закавказье и Северный Кавказ своими исконными владениями, оставив в памяти народов, населявших тот край, печальный след. Исторически же Грузия, Армения, Кабарда, Осетия, другие земли тянулись к России. Российская империя, продвигая свои государственные границы на Юг, в Северное Причерноморье, со всей неизбежностью столкнулась здесь с интересами империи турок-османов.

Кавказская пограничная укрепленная линия, куда прибыл Гудович, служила передовым рубежом России на ее Юге. Тем рубежом, который почти три столетия находился в огне больших и малых войн, нападений и прорывов. Южная граница с времен

возникновения Древней Руси была местом массы хлопот и тревог, источников огромных людских и материальных потерь.

Возникновение Кавказской пограничной линии можно отнести ко времени присоединения в 1557 году к России Царем Иваном IV Васильевичем Грозным Астраханского ханства.. В тот год прекратил свое существование еще один осколок Золотой Орды, который граничил с дагестанскими землями.

Именно тогда Русское государство вошло в непосредственное соприкосновение с горскими народами западного побережья Каспийского моря. Причем отношения начали складываться мирно, во взаимном уважении друг друга. Торговля же на берегах Каспия виделась для всех живущих на ее берегах перспективной и многообещающей.

Русским, персидским, бухарским и другим восточным купцам издревле были хорошо известны торговые, морские и прибрежные сухопутные пути-дороги по Каспию, Волге и ее протокам. Забота об упрочении торговых связей, их сохранения и обеспечения безопасности всегда присутствовала в деятельности великих князей Московских и русских царей.

Так было во все исторические эпохи. Постоянно тревожное состояние государственной границы на Юге ушло в прошлое только после присоединения к России Крымского ханства и Кавказа...

Продвижение русских границ к предгорьям началось с того же времени Царя Ивана Грозного. Вступление русского монарха в брак с дочерью старшего князя всей Кабарды Темрюка Айдаровича — Кучиней, принявшей при крещении русское имя Мария, в 1561 году стало толчком для закрепления России на Северном Кавказе.

Князь Темрюк Айдарович пытался организовать борьбу разрозненных кабардинских княжеств против постоянной угрозы со стороны Крымского ханства, за спиной которого зримо стояла Оттоманская Порта. Вместе с другими князьями Кабарды Темрюк принимает в 1557 году русское подданство.

По просьбе тестя, которого «теснили» воинственные соседи, Царь Иван Васильевич приказал возвести около устья Терека небольшую крепость, получившую название Терский городок. Крепостица в степи встала на месте так называемого Тюменьского городища. Отныне недалекая Кабарда в случае сильного набега крымских татар могла опереться на помощь гарнизона этой крепости. А основу гарнизона составили стрельцы, вооруженные «огненным боем» — пищалями-ручницами.

В 1594 году сын Грозного Царь Федор Иванович (за которого фактически правил ближний боярин Борис Годунов) сделал попытку расширить здесь государственную границу. С этой целью на берега Терека посылается войско, сравнительно небольшое по численности, под начальством воеводы князя Хворостинина. Военная экспедиция имела частный успех, поскольку в Тарках, как говорит летопись, «пришли многие Шавкальские и Кумыцкие люди и Черкасы и Государевых людей побили».

Воцарившийся после смерти Федора Ивановича в Москве Борис Годунов, правитель умный и дальновидный, тоже сделал попытку закрепиться на нижнем Тереке. Туда посылается воинский отряд под командованием воевод Бутурлина и Плещеева. Начало похода было удачным: шамхал Тарковский бежал из Тарок к горцам. Русские захватили Тарки, начали укреплять городок и заложили еще крепостицу на реке Тузлук. Но в 1605 году шамхал получил помощь от турок и разбил царских воевод.

Так что первые попытки перенести государственную границу России в предгорья Северного Кавказа оказались неудачными. В течение последующих ста с лишним лет южным рубежом Русского царства оставались степи вблизи Астрахани. Никаких географических начертаний граница не имела, да и не могла иметь.

Персидский (или Каспийский) поход первого всероссийского Императора Петра I Великого в 1722 году в корне изменил ситуацию в кавказском Прикаспии. К тому времени на Тереке уже закрепились свободные общины русских терских казаков. Астрахань с ее судостроительными верфями «открыла» еще больше морские ворота России на Каспии.

По миру 1724 года с шахской Персией государство Российское получило новые земли по западному и южному берегу моря до города Астрабада. Теперь граница России переместилась далеко на юг и проходила уже совсем недалеко от иранской столицы.

Во время Персидского похода Петр I упразднил пограничную крепость Терки и заложил новую — под названием Святого Креста. Располагалась она на более выгодном рубеже — на берегу реки Сулак и позволяла контролировать большое пространство Каспийского побережья.

В 1735 году при Императрице Анне Иоанновне правительство России добровольно вернуло Персии петровские завоевания на южном Каспии. Взамен Россия получила значительные экономические выгоды от торговли на Каспийском море. Вместе с этим

расформировывались полки так называемого Низового корпуса, которые стояли гарнизонами в южных прикаспийских провинциях. Это заметно «облегчило» казенные расходы.

После такого щедрого «подарка» персидскому шаху государственная граница России вновь возвратилась на берега Терека. Основанием для Кавказской пограничной линии стала крепость Моздок и укрепленные казачьи станицы.

О терских казаках, несших в первую очередь пограничную службу, следует сказать особо. Их отдаленными предками были сторожевые (городовые) казаки и крестьяне княжества Рязанского, бежавшие в конце XV века на Северный Кавказ. Они поселились в верховьях Терека, у гребня Кавказских гор. Отсюда пошло их название — гребенские казаки. Поселения возникли у впадания Аргуни в Сунжу. В следующем столетии сюда переселились донские казаки с реки Калитвы.

Датой образования Терского казачьего войска считается 1577 год, когда гребенские казаки успешно оборонялись от нападений крымских татар в Терском городке, в устье реки Сунжи.

Через пять лет после той героической обороны с Дона прибыла другая партия казаков, которая поселилась на реке Акташ. С тех пор русские люди вооруженной рукой стали «держать» восточные границы извечно враждебного Руси Крымского ханства, вассала турецкого султана.

Русское правительство снабжало казаков-порубежников оружием, воинскими припасами, продовольствием и награждало их за «государеву» службу «денежной казной». Вольные казаки становились надежным заслоном на путях набегов крымских и ногайских татар.

Однако в 1665 году воинственные соседи-горцы оттеснили казаков с гор в предгорья. А в 1707 году большинство казачьих городков было уничтожено «кубанским» султаном Каибом. Тогда, в 1712 году, остатки казаков-гребенцов переселились вниз по Тереку.

Самодержавный Государь Петр I Алексеевич, лично осмотревший часть российской границы на Юге во время Персидского похода, понял, что ее необходимо укреплять. В 1722 году на берегах рек Аграхань и Сулак поселяются донские казаки с семьями, получившие название Аграханского казачьего войска. Позже — Семейного войска.

В 1735 году по указу из Санкт-Петербурга это войско переселили на Терек. После этого на кавказской границе России оформилось три Терских казачьих войска — Гребенское, собственно Терское и Кизлярское. Последнее получило название от основанной в 1735 году пограничной крепости Кизляр.

Кавказская пограничная линия постоянно укреплялась. В конце царствования Императрицы Елизаветы Петровны на левом берегу Терека, в 200 верстах от Кизляра, образовывается селение Моздок (осетинский аул). Население его составляют осетины и кашинцы, принявшие православие.

Моздок первоначально защищали земляные укрепления и засека. Но в ходе русско-турецкой войны, в 1769 году, крепостная ограда усиливается и в Моздоке ставится армейский гарнизон силой в один пехотный батальон и 40 артиллерийских орудий. Это было время, когда турецкий султан и его полководцы грозились дойти до берегов Волги.

Одновременно, для связи с пограничной крепостью Кизляр, образовывается пять новых укрепленных казачьих станиц — Калиновская, Мекенская, Наурская, Ищерская и Голюнчаевская. Их заселяют 517 семьями Волжского казачьего войска, которые составили Моздокский казачий полк. Промежутки между новыми станицами усиливаются двумя земляными редутами.

В 60—70-х годах XVIII века на Юге России создается Азовско-Моздокская пограничная линия, которая оборонялась как армейскими войсками, так и местными казаками. Эта линия стала прародительницей Кавказской пограничной укрепленной линии.

При завоевании Крыма в 1771 году русские войска занимают полуостров Тамань с прилегающей к ней Кубанской степью по берегу Азовского моря. Поскольку «закубанские народы» Черкесии постоянно совершали разбойные набеги через реку, то здесь тоже возводятся прибрежные полевые укрепления. Первоначально их было ровно десять, с гарнизонами от двух полков с орудиями до одной пехотной роты без пушек.

После окончания русско-турецой войны в 1774 году русские войска оставили эти укрепления. Однако светлейший князь Григорий Александрович Потемкин, «государственный муж» в самом лучшем понимании этих двух слов, вскоре вышел с докладом к Императрице Екатерине II Алексеевне. Он, как радетель южных границ страны, указал, что линия от Моздока до Азова является неприкрытой, чем в случае новой войны с турками (она действительно не заставила себя долго ждать) могут воспользоваться султанские войска.

В Санкт-Петербурге к потемкинскому докладу отнеслись самым внимательным образом. Принимается решение построить на Юге пограничную укрепленную линию от Моздока на северо-запад на протяжении около 250 верст. Она шла параллельно границам обширной Астраханской губернии и земель донского казачества.

На новой укрепленной линии расположили десять пограничных крепостей — Екатерининскую (впоследствии город Екатеринодар), Павловскую, Мариинскую, Георгиевскую, Андреевскую, Александровскую, Северную, Ставрополь, Московскую и Донскую. Линия получила название Степной Кубанской.

Далее, до земли Войска Донского, устроили линию сторожевых форпостов в степи. Они занимались небольшими отрядами донских казаков и военнообязанных калмыков.

Одновременно с возведением Степной Кубанской линии в 1778 году российское правительство командирует генерал-аншефа Александра Васильевича Суворова-Рымникского в кубанское приграничье, чтобы обезопасить его от набегов горцев Черкесии. Суворов на месте решает возобновить ранее возведенные укрепления от устья реки Кубани до степной крепости Ставрополь.

На фортификационные работы назначается три тысячи человек, которые за шесть недель возвели 8 земляных крепостей и 19 фельдшанцев. Эти пограничные укрепления состояли из глубоких рвов, брустверов, укрепленных турами и мешками с песком, имели перекидные мосты через ров, которые в случае тревоги и на ночь поднимались. Благодаря этому набеги «закубанских народов» на время почти прекратились.

В 1783 году Кавказская пограничная линия по официальным документам того времени делилась на две части: Моздокскую — на левом берегу Терека (три крепости и девять казачьих станиц) и по Кубанской степи (девять полевых крепостей) и Кубанскую — по правому берегу Кубани, состоявшую из «суворовских» 8 крепостей и 19 фельдшанцев.

С присоединением к России Крыма необходимость в хорошо укрепленной пограничной линии по течению реки Кубани стала очевидной. Турецкие войска, вышедшие из крепостей Черноморского побережья Кавказа, могли нанести удар по южным областям Российского государства. При этом османы могли поднять в набег и «закубанские народы» Черкесии.

Именно поэтому, сообразуясь с обстановкой, генерал-аншеф А.В. Суворов-Рымникский строил свои укрепления скоро и без

необходимого инженерного обеспечения их долговечности. Устроенные его трудами земляные укрепления со временем под действием ветров и дождей стали разрушаться. Такое, впрочем, было вполне естественно и неизбежно.

Высочайшим рескриптом Императрицы Екатерины тогда еще генерал-поручику Г.А. Потемкину поручается построить новую линию пограничных укреплений. Она должна была проходить от станицы Екатеринодарской по реке Малке до реки Лабы, впадающей восточнее в Кубань.

На реке Малке, против Большой Кабарды, строятся три казачьих станицы и два форпоста. А между Малкой и Кубанью, против Малой Абадзы, Константиногорская крепость, четыре форпоста и один штерншанец. По правому берегу Кубани — три небольшие крепостицы: Прочный Окоп, Григориполиская и Кавказская, девять редутов и одна казачья станица. Постройка всех этих укреплений по времени уложилась в 1783—1791 годы.

Одновременно со строительством новой укрепленной линии на южной границе России в 1784 году закладывается Военно-Грузинская дорога. В последующем она сыграла большую роль в закреплении Российской империи на Кавказе...

Светлейший князь Г.А. Потемкин, самый выдающийся государственный деятель екатерининской эпохи, прекрасно понимал значение укрепления южной границы, в том числе и на Северном Кавказе. Он словно бы предугадывал значение южных степей, бывших обширных владений Крымского ханства для процветания Российского государства. Поэтому генерал-фельдмаршал и главноуправляющий Югом России выходил с одним предложением за другим к Императрице Екатерине Великой.

На Кавказской пограничной линии требовался деятельный человек, влиятельный и способный самостоятельно принимать ответственные решения. И ко всему прочему — обязательно боевой генерал. Турецкая крепость Анапа находилась под боком, а еще южнее ее шла вереница других вражеских причерноморских укреплений. К тому же «закубанские народы» то замирялись на какое-то непродолжительное время, то вновь открывали набеговую войну через реку Кубань. Мира на ее берегах не предвиделось на многие лета.

Выбор главнокомандующего российским воинством на Юге России пал на Ивана Васильевича Гудовича. Ему в подчинение вверялась Кубанская армия, теперь уже бывшая. Организационно она

состояла из двух немногочисленных корпусов: Кавказского, стоявшего на самой пограничной линии, и Кубанского, расположенного в Воронежской губернии. В русские кавказские войска еще входили два донских и один уральский казачьи полки, полевая артиллерия в малом числе и небольшая военная флотилия на Каспийском море, которая базировалась на Астрахань.

АНАПА И ЕЩЕ РАЗ АНАПА

Новый командующий Кавказской пограничной укрепленной линии прибыл на место в последних числах января 1791 года. Главная штаб-квартира русских войск на Кавказе располагалась тогда в небольшом степном городке Георгиевске — как раз посередине линии.

Гудович на месте провел инспектирование вверенных ему войск и укреплений на границе. Он сразу же понял, что главная опасность исходит от османской крепости Анапы, расположенной к тому же вблизи Керченского пролива. Она, достаточно сильная, с немалым гарнизоном и возможностью получать все необходимое из Стамбула морем, служила своеобразным генератором враждебных действий черкесских племен против пограничной линии России. Первым делом генерал-аншеф решил «выкорчевать» эту турецкую занозу на Черноморском побережье Кавказа.

...Древняя Синдонская гавань, затем Горгиппия. Она попала в руки турок-османов в 1479 году. И при них она продолжала оставаться одним из центров судоходства на Черноморье.

В Оттоманской империи портовая Анапа «доставляла радость» далеко не всем жителям окрестных гор. Она стала крупным центром торговли невольниками на всем побережье Черного моря. Держава османов, в которой работорговля откровенно считалась прибыльной отраслью хозяйственной деятельности, не только провоцировала междоусобные конфликты, сопровождавшиеся захватом «живого товара», но и сквозь пальцы смотрела на подобную деятельность своих союзников.

В свою очередь, как отмечают многие исследователи, торговля «живым товаром» на османских рынках «была важнейшей экономической нитью, связывавшей адыгских феодалов с Турецкой империей и во многом способствовавшей их политической ориентации на Турцию в первой половине XIX века». И разумеется, в конце предыдущего столетия.

В Стамбуле (Константинополе) хорошо понимали стратегическое значение Анапы. Султан Абдул-Гамид не пожалел огромных денег на модернизацию крепости с помощью наемных французских фортификаторов, работавших два года на берегах удобной для больших и малых парусников бухте, много столетий назад обжитой мореходами самых различных народов.

К Анапской крепости до Гудовича уже дважды подступали русские войска, чтобы взять ее. Однако по разным причинам не могли этого сделать — то просто не хватало войск, то сказывалась острая нехватка продовольствия, то мешали болезни, выводившие из строя людей лучше, чем пушечные залпы.

В сентябре 1787 года не удалась военная экспедиция под командованием генерал-аншефа Тикелли, а в марте 1790 года — экспедиция генерал-поручика Бибикова. Анапский турецкий гарнизон, его паша и султан в далеком Стамбуле после двух серьезных неудач русских поверили в неприступность своей пограничной крепости, откуда они грозили Кавказской укрепленной линии и Крыму, оказавшемуся в руках «неверных» русских.

Гудович с первых дней своего появления на пограничной черте стал готовиться к большому походу на Анапу. Задачу взять ее во что бы то ни стало поставил перед ним сам «светлейший князь Таврический». Генерал-фельдмаршал Потемкин прозорливо и заинтересованно смотрел на будущее всего Кавказа в пределах Российской империи. Поэтому он и обрисовал Ивану Васильевичу Гудовичу поле его деятельности не в общих чертах, а с определением конкретных целей.

Более двух месяцев ушло на подготовку новой военной экспедиции против «кавказского Измаила» Блистательной Порты. Из разных крепостей, как с миру по нитке, собиралась полевая артиллерия. Составлялись вьючные транспорты, закупались арбы для подвижного войскового магазина и поднятия понтонов. В назначенное место свозились различные армейские припасы.

Командующий назначил для экспедиционных войск два сборных пункта. Полки Кавказского корпуса сходились к кубанскому пограничному посту Темижбек. Кубанский корпус под командованием генерал-майора Загряжского шел к Ейскому укреплению на берегу Азовского моря с севера от Воронежа. На порубежной линии оставлялось достаточно воинских сил, чтобы пресечь возможные вылазки «немирных» горцев.

Приказ генерал-аншефа Гудовича по войскам был строг. 4 мая у Темижбека стояло под ружьем 11 пехотных батальонов, 24 кавалерийских эскадрона и 20 орудий полевой артиллерии с двойным комплектом патронов и снарядов.

Инфантерия экспедиции состояла из Тифлисского, Воронежского, Казанского и Владимирского пехотных полков, имевших большой недокомплект в людях и насчитывавших по тысяче человек в каждом. Фактически каждый из полков имел двухбатальонный состав. Из Кавказского егерского корпуса под Анапу выделялось три батальона отличных стрелков, испытанных бойцов в горных сражениях, по 500 человек в каждом.

Кавалерия состояла из четырех эскадронов Ростовского, трех — Нарвского и одного — Каргопольского карабинерских полков. Астраханский и Таганрогский драгунские полки состояли из восьми эскадронов каждый. И кавалерийские полки, отправлявшиеся в поход под Анапу, имели большой недокомплект нижних чинов и офицеров. Карабинерские и драгунские эскадроны насчитывали всего по сотне всадников.

Казачья конница состояла из Хоперского, Волгского, донских Кошкина и Луковкина (по имени полковых командиров) полков. Их дополняли две сотни гребенских и полторы сотни терских семейных казаков. Все они хорошо знали условия ведения войны на Кавказе.

Кубанский корпус, силы которого собирались с берегов Дона и просторов огромной тогда по площади Воронежской губернии, в полном составе оказался только 10 мая. В Ейское укрепление пришли Нижегородский и Ладожский мушкетерские, Владимирский и Нижегородский драгунские, два Донских казачьих полка. При Кубанском корпусе насчитывалось 16 полевых орудий.

Для прикрытия Кавказской пограничной линии оставалось 9 пехотных батальонов, 17 кавалерийских эскадронов, 3 казачьих полка и всего 10 пушек. Начальство над остававшимися на линии войсками поручалось генерал-майору Савельеву.

ПОХОД НА АНАПУ И ЕЕ ОСАДА

В экспедиционных войсках царил боевой дух. То, что две недавние попытки овладеть турецкой крепостью закончились неудачей, не сказалось на моральном состоянии воинов, уходивших в

третий поход под Анапу. Шла большая война, и все горели желанием прославить русское оружие не только на берегах далекого отсюда Дуная. Взятие неприступного Измаила и гром суворовских побед были у всех на слуху.

От поста Темижбек русские войска, имея впереди бдительную сторожевую заставу из казаков, двинулись по правому берегу Кубани и, делая дневки через два перехода, 22 мая достигли Талызинской переправы. Сюда через два дня подошли с Приазовья полки генерал-майора Загряжского. Теперь экспедиционный корпус оказался в полном сборе.

Генерал-аншеф Гудович сразу же по приходе к Талызинской переправе приказал приступить к наводке понтонного моста через Кубань. Одновременно стали возводить полевое предмостное укрепление — на случай нападения неприятеля.

На пути к месту форсирования главной водной преграды устраивались укрепленные посты и редуты с небольшими гарнизонами. Они обеспечивали тылы и коммуникации войск, вступивших в поход. Одновременно по дороге на Ейское приморское укрепление в степи встало шесть земляных редутов.

Переход через Кубань экспедиционные войска совершили беспрепятственно. Понтонный мост надежно связал два речных берега, и движение по нему шло днем и ночью. Правда, «немирные» черкесы попытались разрушить наведенный мост, спуская в воду Кубани выше наведенной переправы стволы больших деревьев и направляя их по речному течению вниз. Но такая «диверсия» успеха не имела.

В одном переходе от Анапской крепости к главным силам экспедиции подошло еще одно подкрепление — из Крыма. Через Тамань из состава Таврического корпуса на Кубань пришел воинский отряд под командованием генерал-майора Шица. Прибывшие войска доставили с собой 90 штурмовых лестниц, без которых в предстоящем деле было просто не обойтись.

Успех похода во многом зависел от того, как поведут себя местные «закубанские народы» — племена черкесов, населявших западную часть Северного Кавказа. По пути Иван Васильевич Гудович, как человек предусмотрительный и большой дипломат от природы, дал знать горским владетелям-князьям и узденям (дворянам), жившим вблизи Анапы, что идет только с целью бить турок, с которыми Россия состояла в войне.

Русский командующий делал многое для налаживания дружелюбных отношений с горцами Закубанья. Он отпустил на волю плененных горцев, нападавших с оружием в руках на фуражиров. Походным колоннам строго приказывалось не травить и не топтать посевы местных жителей, не делать им никаких обид. За этим Гудович следил лично, не останавливаясь перед суровыми наказаниями виновных.

С началом Анапского похода все было как на большой войне. Конные разведки сторон зорко стерегли друг друга. Все же думается, что османы не очень-то верили в то, что русские после двух полнейших неудач попытаются в скором времени вновь подступить к Анапе. Хотя появление на Кавказской пограничной линии генерал-аншефа Гудовича, имевшего репутацию боевого военачальника, не могло не насторожить анапского коменданта-пашу.

Неприятель не тревожил русские войска почти на всем пути следования. Только перед самой крепостью отряд в несколько тысяч конных турок и горцев попытался преградить дорогу русскому авангарду. Неприятель заблаговременно занял господствующие высоты на берегах реки Нарпсухо у места, удобного для перехода через нее.

Однако шедший впереди авангард под командованием бригадира Поликарпова с ходу перешел через Нарпсухо и решительно атаковал врага. Командующий поддержал его действия вводом в бой нескольких драгунских эскадронов. Все же большого боя не получилось — османов и их союзников-черкесов быстро сбили с удобной позиции за рекой, и они обратились в бегство.

В тот же день русские войска расположились походным лагерем всего в четырех верстах от крепостных стен Анапы. Началась ее осада и подготовка к генеральному штурму.

Командующий лично провел рекогносцировку вражеской крепости. В сопровождающие он взял тех офицеров, которые уже повоевали под ее стенами в прошлые годы. В ходе рекогносцировки выяснилось следующее. Со времени последней неудачной экспедиции генерала Бибикова турки заметно усилили анапские укрепления. Причем сделали это умело, исходя из профессиональных инженерных расчетов на местности.

Особое внимание султанские фортификаторы обратили на усиление верков крепости. Заметно углубили и подновили рвы с каменными эскарпами и контрэскарпами. Мощный крепостной вал протяженностью около 700 саженей, упиравшийся концами в море,

усилили крепким палисадом (по примеру Измаила). В целом Анапская крепость имела внушительный вид и для своих, и для врагов.

По данным случайно взятых пленных, на вооружении крепости состояло 83 орудия и 12 мортир, большей частью крупного калибра. Гарнизон состоял из 10 тысяч турецкой пехоты и 15 тысяч вооруженных крымских татар и горцев. На рейде стояло несколько крупных судов, имевших на борту пушки. Нужды в продовольствии и боеприпасах осажденные не испытывали, поскольку русские, не имевшие еще сильного флота, не могли контролировать Черное море.

Командовал Анапской крепостью опытный трехбунчужный Мустафа-паша, а в его ближайших помощниках ходил сын известного султанского военачальника Батал-бея, пытавшегося в свое время возмутить горские народы против России и прорвать Кавказскую укрепленную линию в самом ее центре. Однако войска его были наголову разбиты, а на месте боя заложена казачья станица Баталпашинская.

В турецкой крепости нашел свое последнее прибежище самозваный «пророк» шейх Мансур. Он долгое время возбуждал горские народы в восточной части Северного Кавказа против «неверной» России. Собранное шейхом Мансуром войско было разбито, и ему с небольшим числом своих приверженцев пришлось искать спасение в турецкой крепости. «Пророк» оказался предвестником появления на Северном Кавказе движения мюридизма и имамов.

Исследователи так оценивают роль шейха Мансура в последующих событиях. По их мнению, он начал «первым проведывать и вести... священную войну против неверных русских на Кавказе», и, хотя потерпел неудачу в попытке объединить... дикие племена гор и лесов, он был первым, кто внушил им, что без реформированного исламского вероучения (то есть принятия идей мюридизма. — *А. Ш.*) им «не видать свободы и независимости, которыми они так дорожат».

Зная все это, генерал-аншеф Гудович не мог рассчитывать на легкий успех в задуманной операции. Да и, скорее всего, ознакомившись с материалами об экспедициях Тикелли и Бибикова, он и не рассчитывал на бескровное овладение Анапой. Дело предстояло трудное, связанное с потерей большого числа людей, а в случае победы, в которой Иван Васильевич не сомневался, — славное.

На следующий день после прихода на место командующий расположил войска на левом берегу реки Бугур, протянув свой

левый фланг по дороге к турецкой крепости Суджук-Кале. Она находилась южнее по морскому побережью (теперь на ее месте расположился портовый город Новороссийск). Отряд Таврического корпуса под командованием генерала Шица стал лагерем на правом берегу Бугура.

Таким хорошо продуманным расположением русских войск Анапская крепость отрезалась от окрестных гор, густо поросших вековым лесом. С них местные союзники османов несколько раз пытались подать помощь осажденному гарнизону, но каждый раз безуспешно.

В ночь на 13 июня русские заложили первую осадную батарею из десяти орудий. С восходом солнца грозный вид пушек произвел на осажденных нужное впечатление. Турки открыли по батарее сильную канонаду. Затем Мустафа-паша, решивший защищаться со всей активностью, послал на вылазку до полутора тысяч пехотинцев и конников.

Русский командующий не сомневался в намерениях османов разрушить осадную батарею и предвидел такой поворот дела. На ее прикрытие со стороны крепости были поставлены две сотни стрелков-егерей, начальство над которыми взял генерал-майор Загряжский. Ему и выпала честь отбить первую вражескую вылазку из крепости.

Когда огромная толпа конного и пешего врага накатилась на орудийные позиции, егеря, дав залп из ружей, контратаковали нападавших. Их опрокинули в штыковом бою и затем преследовали почти до самых анапских ворот. Расходившихся егерей удержали от дальнейших действий только пушечные выстрелы с вала почти в упор. Подобрав своих убитых и раненых, егеря отошли к батарее.

Ободренные первым успехом, кавказцы Гудовича возвели еще две осадные батареи — на десять и двенадцать орудий. Поставили свои пушки на батарейные позиции и в отряде Таврического корпуса. По распоряжению командующего каждая осадная батарея получила определенный сектор обстрела неприятельской крепости.

С рассветом 18 июня началась сильная бомбардировка Анапы. Противник отвечал на первых порах очень энергично, поскольку имел заметное преимущество в количестве орудийных стволов. К тому же еще и большего калибра. Завязалась упорная контрбатарейная борьба. От ее исхода зависело многое —

и число потерь при готовящемся штурме, и моральное состояние противных сторон, и в конечном счете судьба самого «кавказского Измаила».

Где-то днем артиллерийский огонь из крепости стал заметно ослабевать. Наступившей ночью громадное зарево разгоревшегося пожара осветило окрестности Анапы. Русские бомбы и брандскугели зажгли приметный издали дом анапского паши, провиантский магазин гарнизона и другие здания в городе. Осажденные безуспешно боролись с пожарами, хотя море было рядом.

Почти весь следующий день вражеские батареи молчали, подавленные метким сосредоточенным огнем русских пушек. Анапский гарнизон, достаточно многочисленный, больше не отваживался ни днем ни ночью на вылазки против осадных батарей противника. Это было несомненной ошибкой Мустафы-паши, поскольку в случае удачи он мог поправить свои дела, и положение осажденной крепости улучшилось бы.

Хорошо знавший султанское воинство, Гудович справедливо полагал, что вражеский гарнизон и жители города после двух дней бомбардировки «достаточно» упали духом. Генерал-аншеф послал с трубачом и парламентером анапскому паше письмо. Ему предлагалось сдаться с правом выхода всех неприятельских войск из крепости.

Мустафа-паша был готов согласиться на почетную капитуляцию и сдать вверенную ему крепость. Но этому самым решительным образом воспротивился упоминавшийся «пророк» шейх Мансур. В той конфликтной ситуации он оказался самым влиятельным лицом среди осажденных, и паше пришлось уступить.

Между тем русский командующий видел свое положение все более затруднительным. Экспедиционный отряд силой в 12 тысяч человек должен был блокировать сильную в фортификационном отношении крепость с «открытым морем». В Анапе защищался ни много ни мало, а 25-тысячный гарнизон. То, что султанский паша отказался капитулировать на почетных условиях, свидетельствовало, что крепостной гарнизон не потерял надежды на скорую поддержку с моря.

В ближайшем тылу осадных войск набиралось еще до восьми тысяч черкесов, среди которых оказалось немало турок. Они засели в окрестных поросших лесом горах и постоянно беспокоили сторожевое охранение русских внезапными нападениями; вели перестрелки и мешали фуражирам. Лошадей теперь приходилось

пасти под надежной охраной уже на расстоянии пяти верст от осадного лагеря. Ближе трава была вытоптана и съедена.

Для «правильной» осады Анапы, как того требовало военное искусство, недоставало крупнокалиберной артиллерии и квалифицированных военных инженеров. В довершение всего генерал-аншеф Каховский сообщил специальным курьером из Крыма, что огромный султанский флот показался против устья Днестра. Это говорило о том, что скоро неприятельская корабельная армада могла быть ожидаема под осажденной Анапской крепостью. Последнее означало получением Мустафой-пашой усиления гарнизонных войск людьми и мощной огневой поддержкой с кораблей. Гудовичу с получением письма от Каховского было над чем задуматься.

В силу таких обстоятельств Иван Васильевич после военного совета, «призвав Бога в помощь», решил без промедлений штурмовать крепость. Другого выхода в той ситуации ни командующий, ни его командиры не усматривали. Предстоящий генеральный приступ должен был неизбежно вылиться в кровопролитный бой и на крепостных укреплениях, и в самом городе.

ШТУРМ КАВКАЗСКОГО ИЗМАИЛА

В русско-турецкой войне 1787—1791 годов штурм Анапской крепости можно сравнивать разве что со взятием Измаила, хотя турецкая твердыня на Дунае, бесспорно, была более мощной, рассчитанной на «вмещение» в себя целой султанской армии.

За осадные дни Гудович хорошо изучил укрепления Анапы. Главную атаку он решил направить на юго-восточную часть крепостной ограды, считая ее слабейшей. Здесь валы и рвы имели меньший профиль и внешне выглядели менее внушительно, имелись удобные подходы. Все эти данные были получены во время рекогносцировок. Но на близкое расстояние к крепостному обводу турки не подпускали, открывая огонь из пушек по группе русских всадников, среди которых «скрывался» русский генерал.

Диспозицией командующего «к проведению атаки на крепость Анапу» 21 июня 1791 года войска Кубанского и Кавказского корпусов делились на четыре штурмовые колонны силой в 800 штыков каждая, с двумя частными резервами по 600 человек и одного общего резерва в две тысячи штыков и сабель. При общем резерве находилось 16 полевых орудий.

Первой (левофланговой) штурмовой колонне полковника Чемоданова предписывалось собраться для построения у самой крайней осадной батареи капитана Нелюбова. Колонне предстояло атаковать крепостную батарею на «кургане» — приметной возвышенности у самого берега моря в городской черте.

Четвертой колонне полковника Самарина, состоявшей в основном из мушкетеров Нижегородского полка, ставилась задача по овладению подъемным мостом у средних крепостных ворот. В случае успеха резервные русские войска могли здесь беспрепятственно войти в город.

Остальным штурмовым колоннам — второй полковника Муханова и третьей полковника Келлера — не указывалось ясно определенной точки направления приступа. В диспозиции командующего на сей счет говорилось, «что вторая колонна держится от первой в полтораста шагов, третья от первой в двухстах».

Приказ генерал-аншефа И.В. Гудовича на штурм крепости требовал от колонн в последующем, когда они взойдут на анапский вал, «строиться на валу, стараясь овладеть батареями». То же самое требовал генерал-аншеф Александр Васильевич Суворов-Рымникский от своих «чудо-богатырей» при штурме неприступного Измаила, приступ которого стал одним из самых кровопролитных.

Общее руководство первыми двумя штурмовыми колоннами возлагалось на генерал-майора Булгакова. Над третьей и четвертой колоннами начальствовал генерал-майор Депрерадович.

Пятую штурмовую колонну полковника Апраксина с частным резервом составили из войск Таврического корпуса в числе 1300 человек. Ей по диспозиции предписывалось следовать правым берегом реки Бугур и овладеть ближайшими крепостными воротами со вторым подъемным мостом. Считалось, что колонна полковника Апраксина будут наносить отвлекающий, как тогда говорили, «фальшивый» удар.

Частным резервам, которыми командовали подполковник Лебедев и премьер-майор Веревкин, приказывалось идти вслед за штурмующими. Последние могли получить действительно скорое подкрепление при неудаче первого приступа, а в случае успеха — для развития атакующих усилий уже по ту сторону крепостного вала.

Большому, то есть общему резерву, «при котором остались все знамена ведущих штурм», приказано было построиться впереди осадного лагеря, «противу среднего каре», и ожидать приказаний

командующего. Начальство над общим резервом поручалось бригадиру Поликарпову, который отличился в бою на реке Нарпсухо.

Следует отметить, что построение русских войск для штурма Анапской крепости во многом схоже с построением, которое применил военный гений России А.В. Суворов-Рымникский при взятии Измаила. Эти две современные для того времени крепостные твердыни, модернизированные европейскими фортификаторами, решали схожие задачи стратегического характера. Измаил и Анапа стерегли две крайние северные точки обширных владений Оттоманской Порты. Общим в судьбе этих двух крепостей являлось то, что они пали под натиском русских в одну войну.

В ходе штурма большую опасность для русских войск являл собой неприятель, засевший в окрестных лесах. Нападения с близких гор могли серьезно осложнить положение атакующих. Поэтому командующим формируется особый отряд для защиты тыла. Командовать им поручается генерал-майору Загряжскому. В отряд вошли 4144 человека, и боевой работы для них виделось не меньше, чем штурмующим войскам. Для охраны походного вагенбурга оставлялось 326 стрелков с семью пушками.

Таким образом, из 12 170 человек, составлявших боевую силу экспедиционных войск, для нанесения удара по Анапской крепости отряжалось только 6400 штыков и сабель. Выделить большее число бойцов генерал-аншефу Гудовичу не позволяла обстановка. Под Анапой его войска оказались как бы между двух огней — со стороны крепости и со стороны гор.

Когда вечерняя заря уже догорала, войска выстроились впереди своих стоянок. Солдаты и казаки за день проверили личное оружие, оставив в палатках и шалашах все лишнее, что могло бы помешать подходу к крепости и восхождению на вал. С наступлением полной темноты штурмовые колонны и частные резервы двинулись на сборные пункты, соблюдая полную тишину и порядок. От скрытности хотя бы начальных передвижений зависело многое в предстоящем приступе. В первую голову — внезапность нападения на турецкую крепость.

Колонна Апраксина шла вперед вдоль морского берега и сумела незаметно подойти совсем близко к крепости. Ее резерв пока оставался в строю перед осадным лагерем.

Ровно в полночь по приказу командующего осадные батареи начали интенсивную бомбардировку Анапы, метая в город бомбы. Под грохот артиллерийской канонады штурмовые колонны

придвинулись к крепостной ограде еще ближе. Орудийная стрельба скоро стихла. Через час-другой осажденные совсем успокоились, оставив на валу только густую цепь часовых да бодрствующие орудийные расчеты на батареях.

За полчаса до рассвета со всех осадных батарей снова открыли сильный огонь. Огневой налет на фоне восходящего за Кавказскими горами солнца стал сигналом к атаке. Штурмовые колонны решительно, в полном молчании пошли на приступ.

Турки, по всей видимости, не ожидали в ту ночь «генерального» нападения противника. Они даже не выставили на ночь вне крепости сторожевые пикеты. Однако анапский паша, умудренный опытом, все же поостерегся. С наступлением темноты он приказал впереди главных городских ворот укрыть в засаде человек 200 пехотинцев.

Однако вражеская засада вела себя на редкость беспечно, поскольку подобравшиеся к ней в ночной темени русские егеря в одну минуту перекололи турок штыками без единого выстрела с их стороны. Турки, сидевшие в засаде, в прямом смысле проспали и нападение русских, и собственные жизни.

Колоннам атакующих удалось скрытно и без препятствий подойти к крепостному рву. По условленному сигналу штурмующие бросились на приступ. Только тогда неприятель увидел смертельную для себя опасность. На валу, а затем в самой крепости подняли тревогу. Османский гарнизон во всем своем множестве бросился на защиту городских укреплений, на крепостной вал.

По атакующим повелся все усиливающийся ружейный огонь, который, впрочем, из-за темноты особой меткостью не блистал. Тем более, что стрельба велась в большой спешке. Скоро ударили крепостные батареи и над головами штурмующих засвистели картечь и ядра.

Яростная пальба с вала и бастионов не помешала штурмовым колоннам спуститься в крепостной ров там, где это было возможно без лестниц, которые требовались для подъема на вал. Его внешний обвод отличался большой крутизной, и взойти на него можно было только по лестницам.

Левая колонна полковника Чемоданова раньше других подошла к крепости и спустилась в ров. Впереди шли егеря под начальством капитана Доброклонского. Однако колонне с первых минут начала схватки за вал пришлось туго. Здесь штурмующих встретил жестокий огонь с батарей и кавальеров. Но все же левофланговым уда-

лось взойти на вал и ворваться в саму крепость, захватив в рукопашной схватке стрелявшие в упор турецкие батареи.

Из числа первых взошли на вал капитаны Воронежского полка Митякин и Владимирского — Чичагов. С крепостной стены было снято вражеское знамя. Сам полковник Чемоданов, увлекавший вперед бойцов личным бесстрашием, получил в самом начале штурма три ранения. Ему пришлось сдать командование колонной подполковнику Лебедеву, подоспевшему в трудную минуту с частью резерва.

Вторая штурмовая колонна полковника Муханова, состоявшая из спешенных драгунских эскадронов, встретила еще более сильное сопротивление. Драгуны все же взошли на вал и захватили на нем несколько орудий. Подоспевший к ним на помощь частный резерв из Нижегородского драгунского полка (едва ли не самого прославленного в армии России за все время войн на Кавказе) дружным ударом захватил соседнюю батарею, орудийные расчеты которой бежали в город.

Натиск спешенных драгун поколебал стойкость защитников крепостной стены. Солдаты очищали шаг за шагом широкий вал, а затем, спустившись вниз, завязали бой в самой Анапе. В это время стало светать.

Между тем яростный рукопашный бой охватил все крепостные верки. Третья штурмовая колонна полковника Келлера по диспозиции атаковала самое сильное укрепление Анапы — бастион левее средних городских ворот. Атакующие понесли здесь столь большие потери, что под огнем вынуждены были задержаться во рву.

Полковник Келлер получил тяжелое ранение и дальше не смог руководить приступом. Его место занял премьер-майор Веревкин, прибывший в поддержку с частным резервом. Штурм бастиона возобновился. Однако когда третья колонна взошла на вал, на бастионе уже завязали рукопашные схватки солдаты из соседней колонны полковника Самарина, подоспевшие на помощь.

По воинским уставам и традициям русской армии с петровских времен офицеры шли в первых рядах штурмующих. Поэтому так много среди них оказалось погибших и раненых. Такую же непропорциональную по сравнению с потерями нижних чинов убыль понес и командный состав суворовских войск при штурме Измаильской крепости.

Действия колонны тавричан оказались менее удачны среди других. Полсотни егерей, посланных для «диверсии» на лодках вперед,

рано открыли ружейную стрельбу и переполошили турок, устроившихся на ночлег у морского берега. Когда колонна пошла на приступ, то ее с первой же минуты встретили с крепостных верков дружным и частым огнем из ружей. Когда начали стрелять пушки, то под их картечными залпами тавричанам пришлось отойти. Пока полковник Апраксин и генерал-майор Шиц приводили расстроенный отряд в порядок для новой атаки, от командующего прискакал гонец. Гудович, внимательно наблюдавший с высотки за ходом штурма Анапы, счел необходимым изменить тавричанам направление удара. Их егеря тем временем продолжали вести ружейную перестрелку с лодок.

Получив донесения от начальников всех четырех штурмовых колонн об овладении валом и батареями, генерал-аншеф Гудович усиливает атакующие силы. В подкрепление их из состава главного резерва направляется шесть сотен пехотинцев и три эскадрона драгун. Они пошли в бой под командованием бригадира Поликарпова.

Пока стрелки подбегали к средним городским воротам и опускали там подъемный мост, драгуны, подскакав ко рву, спешились. Плотной колонной кавалеристы, ощетинившись штыками, ворвались в крепость. Их натиск оказался настолько неудержимым, что османы оказались потесненными до самого центра городских кварталов.

Мустафа-паша бросил против вырвавшихся вперед драгун Поликарпова всех людей, которых имел под рукой. В самом центре Анапы завязался нешуточный бой, причем русским здесь пришлось сражаться почти в окружении. Всюду велась частая ружейная пальба, люди дрались штыками и прикладами, шашками и ятаганами, кинжалами.

Вовремя извещенный бригадиром Поликарповым о непредвиденной задержке на городских улицах, командующий отправляет ему в поддержку всю кавалерию, которая еще оставалась в общем резерве. Это было довольно рискованным решением, но Гудович пошел на него. В противном случае вырвавшихся вперед драгун могли истребить.

Истомившиеся в ожидании нижегородцы, владимирцы и астраханцы во весь мах стремительно понеслись под ядрами и картечью еще стрелявших неприятельских орудий с правой части вала. Русская кавалерия по уже спущенному через ров мосту влетела в город. Часть из них тут же спешилась. Конная атака на

город получилась просто блистательной, нагнав страху на его защитников.

Драгунский эскадрон владимирцев капитана Васильева лихим налетом взял стрелявшую батарею, частью изрубив, частью прогнав прочь орудийную прислугу. Поручик Доможиров с конными солдатами быстро развернул захваченные пушки и стал осыпать толпы неистовавших султанских воинов картечью. Благо зарядов под рукой оказалось много, и беречь их не приходилось.

Другой эскадрон владимирцев во главе с капитаном Гладким и эскадрон астраханцев офицера Пишчевича пронеслись по улицам города до самого берега моря. Драгуны клинками поражали тех, кто пытался оказать им сопротивление, и заставляли других бросать на землю оружие, сдаваться в плен.

Посылая свою резервную кавалерию на штурм крепости, Иван Васильевич Гудович одновременно приказал генерал-майору Шицу повернуть свой отряд влево. Там пехотинцы уже опустили через ров подъемный мост у средних городских ворот. Колонна тавричан, состоявшая из спешенных казаков и мушкетеров-брянцев, на сей раз совершенно беспрепятственно ворвалась в Анапу. Там штурмующие тавричане разделились. Одна часть пошла очищать от неприятеля крепостной вал, другая повела бой в анапских улочках.

Получив сильное подкрепление драгунской кавалерией и пешими тавричанами, атакующие колонны умножили свои усилия. Теперь они погнали защитников крепости прочь от вала. Противник, как говорилось в победной реляции, «бежал и топился в море». Анапскому гарнизону отступать было просто некуда, только к берегу моря.

В общем резерве командующего к тому времени оставалось всего четыре сотни егерей с орудийными расчетами да один кавалерийский эскадрон, взятый командующим из отряда Загряжского. Около пяти часов утра генерал-аншеф Гудович, опасаясь усталости сражавшихся в крепости, двинул в город егерей, тоже рвавшихся в бой.

Ударом свежих егерских рот, которые удачно поддержали натиск штурмующих внутри крепости, неприятель «был совершенно побит, начал бросать ружья, сдаваться в плен и кричать «аман». Четыре сотни доблестных егерей и стали той последней каплей в сражении за Анапу в победной чаше русских.

Геройство и жертвы атакующих русских войск не привели бы, быть может, к таким блестящим результатам, если бы не одно об-

стоятельство. Опытный Гудович не случайно распорядился оставить в тылу штурмовых колонн треть наличных сил. Им предстояло иметь дело с горцами и турками, которые, прознав о готовящемся штурме, решили нанести сильный удар в спину атакующим крепость.

Еще до начала штурма горцы сделали «покушение» на вагенбург с целью его разграбления и по возможности уничтожения обозных повозок. Но стрелки из охранения отбили ночное нападение, и нападавшие, видимо надеявшиеся на легкую добычу, скрылись в ближайшем лесу. Отряд генерал-майора Загряжского неприятель с гор не беспокоил до самого рассвета, не зная, очевидно, результата сражения за Анапу.

Однако когда стало совсем светло и можно было невооруженным глазом определить, что бой идет уже внутри крепости, неприятель спустился с гор. Союзники Мустафы-паши в числе восьми тысяч человек ударили на противостоящий им отряд гребенских и терских семейных казаков. Те, не теряя присутствия духа, спешились и приняли бой на саблях. Терцы устояли под сильным натиском, потеряв при этом пятую часть казаков убитыми и ранеными.

Увидев угрозу возможного прорыва многотысячного отряда горцев в тыл штурмовым колоннам, бригадир князь Щербатов начал бегом выдвигать против нападавших пехоту. Он приказал им штыковым ударом отразить вражескую атаку. Одновременно три эскадрона Таганрогского драгунского полка пришли на помощь терским казакам, которые к той минуте оказались почти в полном вражеском окружении. Кавалеристы в плотном строю под начальством подполковника Львова опрокинули пеших нападавших и заставили их отступить обратно в горный лес, где те и укрылись.

Однако затаились они там ненадолго. Прикрывшись огнем нескольких легких пушек, горцы и турки пошли атакой в другую сторону, стремясь найти слабое место в обороне русских войск. Уловив начало неприятельского маневра, генерал-майор Загряжский направил в контратаку пехотинцев подполковника Спешнева. После непродолжительного рукопашного боя горцы вновь отступили в горный лес.

Попытки прорваться к крепости с гор в тот день повторялись еще несколько раз. Но всюду горцев, нападавших нестройными толпами, храбро идущих в бой с шашками и кинжалами, отбива-

ли с большими потерями для них, заставляя каждый раз искать спасение в близком лесу.

Пока на лесной опушке перед Анапой разыгрывались большие и малые баталии, сама турецкая крепость сдалась. Сражение в ней закончилось тем, что последних ее защитников, оказывавших сопротивление, русская конница загнала в море. Стоя по горло в воде, даже самые воинственные фанатики кричали теперь одно-единственное слово: «Аман!»

ПОБЕДА. СУДЖУК-КАЛЕ. ФЛОТ ТУРЦИИ ОСТАВЛЯЕТ БЕРЕГА КАВКАЗА

Так во время второй екатерининской турецкой войны пала крупнейшая крепость Блистательной Порты на Черноморском побережье Кавказа. Весть о том приведет в неописуемую ярость османского султана — после Измаила падение Анапы станет для него вторым потрясением.

Победителям достались внушительные военные трофеи: 83 пушки, 12 мортир, 3 богато украшенные драгоценными камнями булавы — знаки военной власти в армии султана османов — и более 130 различных знамен и отрядных значков. Большинство из них оказалось разорванными знаменосцами. Из них отобрали 43 наиболее ценных и отправили «светлейшему князю Таврическому» — Потемкину, как главнокомандующему армией Российского государства в той большой войне.

Помимо этих трофеев, побежденные турки и их союзники из ближних мест Черкесии по всей крепости складывали в кучи личное оружие 25 тысяч воинов султана: ружья, пистолеты, сабли, шашки, ятаганы, пики, кинжалы, пороховницы и прочую военную амуницию...

На многочисленных гарнизонных складах нашлось большое количество различного провианта. Это свидетельствовало о том, что в Анапу мог в скором времени прибыть на «полное и готовое» обеспечение сильный десант из Стамбула. Пленные показали, что Мустафа-паша всерьез помышлял «покуситься» на Кавказскую укрепленную пограничную линию.

На удивление победителей, в ходе жаркого штурма в крепости сохранился большой пороховой погреб, устроенный на самом берегу моря. Цел оказался и гарнизонный склад артиллерийского

боезапаса. Русским солдатам, вставшим в караул около них, пришлось пресечь не одну попытку поджечь и взорвать пороховой погреб и снарядное хранилище.

Все говорило о том, что сильный числом и артиллерией гарнизон неприятельской крепости мог держаться еще долго. И даже, как сделал заключение Гудович, без помощи со стороны Черного моря.

Боевые потери анапского гарнизона простирались до восьми тысяч человек убитыми. Почти столько же утонуло в море, пытаясь вплавь добраться до стоящих на рейде турецких судов. Спастись же на них удалось только одной-двум сотням человек. И все по той причине, что корабельные экипажи в страхе поднимали якоря и ставили паруса, стремясь как можно скорее отойти подальше в открытое море. Турки определенно боялись, что русские начнут их обстреливать из трофейных крупнокалиберных пушек, имевших большую дальность стрельбы. Днем в море перед поверженной Анапой уже не виднелось ни одного паруса.

Все остальные воины Мустафы-паши в числе 13 552 человек попали в плен. Победителей числом было гораздо меньше. Пленных отправили через Тамань в Тавриду. Среди сдавшихся на милость победителей оказалось все командование султанского гарнизона.

Среди последних оказался и шейх Мансур, которого прозвали «лжепророком». Это он в недавнем еще времени организовывал нападения на Кавказскую пограничную линию, расправлялся с теми, кто желал жить с Россией в мире. Под знаменами шейха Мансура было совершено нападение на пограничную крепость Кизляр.

Победа 30 сентября 1790 года отряда генерала Германа над многочисленным войском турецкого военачальника Батал-бея на берегах Кубани окончательно сломила силы воинственного шейха Мансура. Ему пришлось бежать на Черноморское побережье под защиту гарнизона Анапской крепости.

Шейха Мансура, как известного вражеского военачальника, отправили в столичный Санкт-Петербург. Там он предстал перед Императрицей Екатериной II Великой. Предводителя «немирных» горцев отправили в ссылку на Беломорье, в Соловецкий монастырь. Там он спокойно и умер по старости.

К слову сказать, взяли кавказского «пророка» в плен с большим трудом. Шейх Мансур вместе с 16 своими приверженцами засел в большой землянке и стал отстреливаться, не желая

сдаваться «неверным». Узнав об этом, Гудович приказал взять Мансура живым и невредимым, что и было исполнено.

Победа под Анапой досталась русскому оружию тоже не без потерь. В сражении за турецкую крепость погибло 18 офицеров, шедших впереди штурмовых колонн. Еще 61 человек командного состава получили ранения. Потери среди нижних чинов составили 912 человек убитыми и 1924 — ранеными. Ведомость боевых потерь в отряде генерал-майора Шица не сохранилась.

Сам Иван Васильевич Гудович, ставший со временем генерал-фельдмаршалом, описывая впоследствии одержанную им Анапскую викторию, указал следующие потери своих войск. Как командующий, он свидетельствовал, что из 7200 участников победного штурма погибло в тот день 1240 человек и еще 2415 получили ранения.

На другой день после взятия Анапы командующий послал отряд кавалерии и пехоты для овладения крепостью Суджук-Кале, находившейся несколько южнее. Русский отряд, двигавшийся вдоль берега, нашел ее уже пустой и полуразрушенной. Однако на крепостных валах стояло три десятка орудий, брошенных турецким гарнизоном при поспешной погрузке на суда.

Возможности удерживать в своих руках Суджук-Кале тогда у Гудовича просто не имелось. Да и в систему Кавказского пограничья крепость на берегу весьма удобной для стоянки больших кораблей бухты пока никак не вписывалась. Поэтому пришлось крепостные валы взорвать вражеским же порохом, а пушки, за неимением перевозочных средств, заклепали и утопили в море.

Через два дня на виду у Анапы показался сильный султанский флот в несколько десятков вымпелов с десантом на борту. Турецкие моряки и их капудан-паша еще не знали об участи крепости. Став на внешнем рейде на якорь, османский флотоводец отправил к городу три судна — кирлангача, вооруженных пушками малых калибров и предназначенных для перевозки десантных войск и грузов. С моря русский осадный лагерь не просматривался, да и Гудович приказал соблюдать возможную в таком случае маскировку.

Русские не показывались на берегу и не стреляли, а терпеливо поджидали, когда вражеские суда подойдут на дальность верного картечного выстрела. К вечеру один кирлангач вошел в Анапскую бухту и преспокойно бросил в ней якорь. С берега прокричали по-турецки приглашение от Мустафы-паши сойти на берег капитану. С кирлангача спустили шлюпку, и она пошла к берегу.

Когда шлюпка оказалась на мелководье, из-за ближайших строений в воду бросились высокорослые гренадеры и взяли всех прибывших в плен. Видя такое дело и стволы наведенных орудий, сдался в плен и экипаж кирлангача, не отважившись пушечным выстрелом предупредить эскадру об опасности. Вся операция по захвату вражеского парусника прошла достаточно тихо, и на султанском флоте никакой тревоги не произошло.

Утром на турецких кораблях увидели жуткую картину. К бортам волнами прибило сотни трупов утонувших в ходе штурма османов и тех погибших воинов Мустафы-паши, которых Гудович приказал бросить в море. Причина такого его приказа состояла в том, что захоронить такое огромное количество павших врагов победители оказались просто не в состоянии. И поэтому возникла опасность эпидемических заболеваний — погода стояла жаркая.

Команды турецких судов сразу же взбунтовались и потребовали от своего адмирала ухода прочь от Анапы. Тот же пытался всеми доступными мерами навести должный порядок на султанском флоте и с моря бомбардировать крепость, оказавшуюся в руках русских, и, возможно, высадить десант под Анапой. Сил на флоте имелось много, не считая корабельных орудий, которых насчитывалось более тысячи.

Однако бунт корабельных экипажей капудан-паша подавить не смог, поскольку к морякам присоединились и солдаты десанта. В тот же день султанский флот, так и не приблизившись к Анапской крепости на дальность пушечного выстрела, поднял паруса и ушел в открытое море, взяв курс на Босфор.

По приказанию командующего анапские крепостные укрепления силами пленных и солдат срыли до основания, «вернув» землю вала обратно в ров. Сам город был предан огню. Из крепости вывезли орудия и сколько смогли пороха и снарядов. Все это погрузили на суда, которые прислал в Анапу из Тамани генерал-аншеф Каховский. Оставшиеся боеприпасы побросали в городские колодцы и в бухту. Крепкие крепостные палисады обложили связками сухого тростника и подожгли. Подорвали батарейные позиции и каменный гарнизонный пороховой погреб.

Турецкую крепость Анапу в той войне постигла участь Измаильской крепости. Она тоже перестала существовать как таковая.

Взятием Анапы — «кавказского Измаила» и ее полным разрушением — закончилась на Кавказе вторая екатерининская война

России с Блистательной Портой. Неприятельский флот больше не подходил к берегам Черкесии.

29 декабря 1791 года в Яссах, главной штаб-квартире русских войск, воюющие стороны заключили между собой мирный договор. По нему река Кубань оставалась государственной границей России, а закубанские племена черкесов признавались независимыми от Оттоманской империи. Разрушенные до основания бывшие крепости Анапа и Суджук-Кале отходили обратно к Турции. Но та принимала на себя всю ответственность за дальнейшие вооруженные набеги горцев на Кавказскую укрепленную линию.

Императрица Екатерина II наградила генерал-аншефа Ивана Васильевича Гудовича за взятие Анапской крепости Военным орденом Святого Георгия 2-го класса и драгоценной шпагой, украшенной алмазами. Это были полководческие награды.

В наградном орденском листе говорилось: «Во уважении усердной службы, радения и точности его в исполнении предположений главного начальства, искусства и отличного мужества, оказанного им в походе со вверенным ему корпусом, отражая неприятеля, и при взятии штурмом города Анапы».

Теперь за генерал-аншефом Иваном Васильевичем Гудовичем утвердилась слава настоящего полководца. Мерилом его славы стал победный штурм «кавказского Измаила», грозившего российским границам с берегов Анапской бухты...

УКРЕПЛЕНИЕ КАВКАЗСКОЙ ГРАНИЦЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Вскоре Гудович получил высочайшее повеление Государыни укрепить Кавказскую линию, то есть южную государственную границу. К тому времени Иван Васильевич достаточно хорошо лично ознакомился с ее крепостями и казачьими станицами. Он совершил несколько инспекционных поездок от Тамани до берегов Каспийского моря.

В декабре 1792 года деятельный генерал-аншеф представил свои соображения на сей счет в столицу. Гудович предлагал переустроить пограничную укрепленную линию. Многие полевые укрепления, редуты и даже крепости находились, по его авторитетному мнению, не на должном месте. Все выносимые на суд Императрицы предложения обосновывались соответствующими расчетами.

Для более надежного прикрытия государственной границы на Северном Кавказе командующий укрепленной линией предлагал устроить 12 новых станиц Волгского и Хоперского поселенных казачьих полков. Их предстояло расположить от реки Малки до укрепления Прочный Окоп включительно.

Далее же по правому берегу Кубани до устья реки Лабы Гудович предлагал поселить по Императорскому указу донских казаков. К тому времени область Войска Донского уже теряла свое совсем недавнее значение пограничного края. Командующий Кавказской укрепленной пограничной линией, зная боевые качества донского казачества, видел в нем надежного стража южных границ России.

Вместе с тем хозяйственный Гудович обратил внимание правительства на весь Прикубанский край, стоивший государству значительных материальных затрат и не приносивший пока экономических выгод. Иван Васильевич предлагал заселить обширные безлюдные пространства черноземной степи десятью тысячами малоземельных государственных крестьян. Генерал-аншеф так и писал:

«...Дабы сей край приготовлялся впредь к пользе государственной и к поданию доходов, а стража границ около оного не оберегала бы пустых земель и лесов».

Гудович словно видел далеко вперед будущее Кубанского края в границах Российского государства как богатейшей житницы с многонаселенными селениями и городами. И что немаловажно для страны — с новым сильным казачьим войском по южной границе.

Обстоятельный план генерал-аншефа И.В. Гудовича по усовершенствованию Кавказской пограничной укрепленной линии от устья Терека до Екатеринодара в столичном Санкт-Петербурге утвердили. В Правительствующем Сенате ему дали самую высокую оценку. Гудович успешно продемонстрировал черты большого государственного деятеля.

Вместо волгских и хоперских казаков приказано было поселить в новых станицах донских. Для этого Высочайшим указом назначались шесть Донских казачьих полков, уже находившихся в то время на Кавказской линии в Прикубанье и несших там пограничную службу.

В 1794 году Кавказская линия благодаря стараниям ее командующего приняла совершенно иной вид. На участке от устья Терека до реки Малки, помимо ранее существовавших крепостей

(Кизляра, Наура, Моздока и Екатериноградской близ впадения реки Сунжи в Терек), появляется еще одна пограничная крепость — Шелкозаводская. Расширяется Константиногорск у горы Бештау, в пяти верстах от современного города Пятигорска. По берегам Кубани появились новые крепостные укрепления — казачьи станицы Усть-Лабинская, Кавказская...

Довольно успешно после взятия Анапской крепости и победного окончания второй екатерининской русско-турецкой войны налаживаются дружественные отношения с горскими народами Северного Кавказа. Владетель Дагестана шамхал Тарковский и хан Дербентский, убежденные генерал-аншефом Гудовичем, вступили в российское подданство. В Кабарде, чтобы покончить с самоуправством местных правителей, учреждаются родовые суды. В крае заметно оживляется торговля...

Переселение на Кавказскую линию шести Донских казачьих полков встретило, однако, и весьма серьезные затруднения. Донцы решительно отказались от добровольного переселения с родных, хорошо обжитых мест. Во всех полках по получении Высочайшего указа Императрицы Екатерины II началось брожение, готовое вылиться в открытое неповиновение многих сотен вооруженных людей.

В мае 1792 года все шесть казачьих полков, так отличившихся в недавней войне, оставив на Кавказской линии своих старшин и захватив боевые знамена, ушли к себе на тихий Дон. Там взбунтовавшиеся казаки подняли настоящее восстание против решения матушки государыни, которое пришлось подавлять силой оружия. Правда, до больших вооруженных столкновений дело не дошло.

Только в августе 1794 года с Дона прибыла наконец тысяча казачьих семейств со своим скарбом, запасами семян, скотом. Они и основали на Кубани, так мало похожей на Дон, шесть новых укрепленных станиц. Причем каждая из них получила название того пограничного укрепления, на месте которого расположили переселенцев.

Так на самом крайнем Юге России того времени возникли казачьи станицы Кавказская, Темижбековская, Григориполисская, Прочноокопская, Воровсколесская и Темнолесская. Станицы эти образовали новый Кубанский казачий полк. Или, иначе говоря, — полк пограничной казачьей конной стражи.

К слову сказать, неприхотливые в обыденной жизни донцы быстро прижились на новых землях, получив при этом посиль-

ную помощь от командующего Кавказской линией. Иван Васильевич Гудович прекрасно понимал, что именно казачеству суждено было обжить для России тот богатый и пустынный тогда Кубанский край, из которого были изгнаны кочевавшие здесь ранее орды крымских татар. В набеги на южнорусские области они ходили не только из Перекопа.

По проекту усиления Кавказской пограничной линии намечалось еще строительство, помимо крепостей и казачьих станиц, пяти редутов — Ладогского, Тифлисского, Казанского при урочище Сухой Дуб и Воровском лесе и одного штерншанца при урочище Песчаный Брод. Их возвели только к 1801 году.

Редуты строились как полевые фортификационные укрепления, рассчитанные на небольшой гарнизон регулярных армейских войск в 90 человек. Защитные сооружения казачьих станиц состояли из деревянного палисада или земляного вала с неглубоким рвом. Этого, как показали последующие военные действия на Северном Кавказе, оказалось вполне достаточно.

Затем с «легкой руки» генерал-аншефа Гудовича последовало переселение на Кубань бывшего славного Запорожского войска, сошедшего с исторической арены в 1775 году по воле Императрицы Екатерины II. В свое время главнокомандующий русской армией на Юге России Потемкин создал из бывших запорожцев Бугское казачье войско, названное «кошем верных казаков». Так оно было названо в отличие от тех запорожцев, кто ушел «до турка» за Дунай, образовав там новую Сечь. Бугские казаки некоторое время несли пограничную стражу на новой границе России с Оттоманской Портой.

В минувшей русско-турецкой войне новое казачье войско, предводимое в боях атаманами Сидором Белым, Харько Чепегой и Антоном Головатым, «выказало» примерную доблесть. Бугское казачество, составившее прибрежную гребную флотилию действующей армии, истребило турецкий галерный флот в Днепровском лимане, участвовало в штурмах крепостей Измаил, Очаков, Березань. При взятии измаильской твердыни бугские казаки по диспозиции А.В. Суворова действовали в качестве речного десанта, переправившись с острова Чатал во внутрь вражеской крепости.

«Кош верных казаков» получил название Черноморского казачьего войска. Оно устроилось на новых местах, образовав по берегам Днестра и Южного Буга 25 куреней — селений с главной резиденцией войсковых властей в Слободзее.

Но не успели еще черноморские казаки обжиться на новом месте, как уже получили Высочайшее повеление всероссийской Государыни готовиться к переселению на берега нижнего течения реки Кубани. Им теперь предстояло «держать» крайнюю западную часть Кавказской пограничной линии.

Казаки-черноморцы отправили в Санкт-Петербург делегацию во главе с войсковым судьей полковником Антоном Головатым. Его хлопоты увенчались успехом. Императрица Екатерина II Алексеевна пожаловала Черноморскому казачьему войску в июне 1792 года остров Фанагорию со всей землею, лежащей по правой стороне Кубани от ее устья к Усть-Лабинской крепости до Ейского укрепленного городка на побережье Азовского моря.

С получением Высочайшей грамоты на владение подаренной землей, большого Белого знамени, серебряных труб, войсковой печати и на новоселье — хлеба-соли на блюде из чистого золота с такой же солонкой — Черноморское казачье войско выступило в поход на Кубань. Раньше других отправилась в путь гребная казачья флотилия, которая 25 августа заняла Тамань. Оттуда черноморцы повсюду разослали сторожевые отряды и стали нести дозор на государственной границе.

За лодочной флотилией на восток двинулось и все остальное войско во главе с кошевым атаманом Харько Чепегой Головатый с небольшим числом казаков остался в Слободзее, чтобы по весне переправить на Кубань казацкие семьи. Само же Черноморское войско зимовало у Ейского городка в землянках и только в следующем году заняло отведенный им для поселения участок Кавказской пограничной линии.

Главный войсковой город, названный в честь российской самодержицы Екатерины II Великой, казаки-черноморцы основали в 1794 году на самой Кубани в Карасунском Куте. Город Екатеринодар, которому суждено было стать кубанской столицей, возник на том самом месте, где некогда стоял заложенный великим полководцем России А.В. Суворовым Архангельский редут.

По извилистому течению полноводной Кубани казаки-черноморцы поставили 60 постов и батарей и более сотни сторожевых пикетов. Они перенесли с берегов Днепра на новые земли своеобразную линейную фортификацию запорожского казачества, надежно помогавшую тому в вековой борьбе с Крымским ханством и панской Речью Посполитой.

Пограничные посты представляли из себя четырехугольные редуты с земляным бруствером и небольшим рвом, которые ограживались кругом колючим терновником. Внутри устраивались помещения для людей и лошадей. В таком виде казачьи сторожевые посты, вооруженные разнокалиберной артиллерией, назывались кордонами и походили на малые полевые крепостицы.

Сообразно с местоположением и опасностью такой пост — кордон вмещал в себя гарнизон от 50 до 200 казаков. Таких воинских сил хватало не только на то, чтобы отбить нападение «немирных» черкесов, но и подать скорую помощь соседней порубежной заставе, если таковая подвергалась нападению из-за Кубани.

Сторожевые пикеты представляли собой небольшие, плетенные из гибкой и прочной ивы шалаши с двойными стенами. Промежутки между ними наполовину заполнялись землей. Такое оборонительное и одновременно жилое помещение окапывалось небольшим рвом. На пикете при холоде и в непогоду казаки разводили огонь прямо посреди шалаша.

Пикет являлся временным сторожевым пристанищем для черноморских казаков. Его, как правило, устраивали на живую нитку, и он не предназначался для постоянного проживания дозорных. Размещалось в таком пикете от трех до десяти человек вместе с конями.

Наконец, казачья батарея представляла собой нечто среднее между постом и пикетом, имела команду от 8 до 25 казаков-черноморцев и вооружалась пушками. На такой батарее обычно ставились орудия малого калибра.

Обязательной принадлежностью поста или пикета составляла наблюдательная вышка («каланча») и сигнальная веха («фигура»), обмотанная сеном или соломой. Это были надежные вестники линейной тревоги — своеобразный степной телеграф. Или, как его обыкновенно называли казаки, маяки. В общем-то все это было известно славянским племенам с далекой древности, поскольку и тогда им приходилось вести вековую борьбу с кочевыми степными народами Дикого Поля.

Такой становилась при командующем Кавказской укрепленной линией генерал-аншефе Гудовиче государственная граница Российской империи на Северном Кавказе. В обустройство ее герой Анапы вложил много сил и энергии...

Иван Васильевич продолжал по совместительству управлять еще и Рязанской и Тамбовской губерниями. Причем на испол-

нение и этих государственных обязанностей нареканий из столицы ему не поступало. Вскоре его пожаловали ко всему прочему должностью генерал-губернатора Кавказского, отвечающего за «бережение» границ, обустройство обширного степного края и его экономическое развитие.

ДЕЛА ЗАКАВКАЗСКИЕ. ВНОВЬ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО

Дел новоиспеченному губернатору российских владений на Северном Кавказе хватало. Так, Гудовичу пришлось побеспокоиться и о Каспии, где Персия стала проявлять враждебность к русскому торговому судоходству. Командующему Кавказской пограничной линией подчинялась Каспийская военная флотилия, и он решил использовать ее для наведения «порядка» в южных водах моря.

К персидским берегам отправляется экспедиция из четырех небольших военных судов для защиты отечественного торгового судоходства. Два корабля под Андреевским флагом стали прикрывать остров Сары напротив Талыша. С этого острова «обеспечивалась» торговля купцов из России по всему побережью юга Каспийского моря.

Персы попытались высадить на талышинском берегу довольно сильный десантный отряд, и к берегу подошла флотилия из 60 больших мореходных лодок-киржимов. Но подошедший к Талышу русский пакетбот с пушками на борту заставил персидские суда с десантом бежать обратно в Гилян. Конфликтные события разворачивались как раз напротив острова Сары, так что действия экипажа русского военного судна были оправданы, и персидские власти официального протеста Санкт-Петербургу не заявили.

Вскоре после тех событий из Гиляна генерал-аншефу Гудовичу пришло письмо. В нем, в частности, говорилось, что войско Ага-Магомед-хана, ставшего персидским шахом, не имеет никаких враждебных намерений против России. И что послано оно было на север, к Талышу, только для того, чтобы вооруженной рукой наказать непослушного талышинского хана.

События на Каспии у острова Сары сослужили Гудовичу хорошую службу. В Санкт-Петербурге официальные лица одобрили его действия. Командующий укрепленной пограничной линией на Юге России зорко стерег еще и границу морскую — по Каспию и район Керченского пролива. Последнее было особенно важно, поскольку турецкий султан повелел восстановить Анапскую крепость.

Гудович в должности кавказского генерал-губернатора оказался ко всему еще и рачительным хозяином. Он проявил эту черту и в условиях, когда Императрица Екатерина II раздаривала своим многочисленным фаворитам огромные земельные и денежные богатства. Генерал-аншеф «уничтожил» в 1791 году накопившийся казенный долг подчиненных ему войск до миллиона 300 тысяч рублей и ограничил ежегодные расходы по провиантской части, вместо ассигнуемых до того 2 миллионами, всего 100 тысячами рублей. В последующем году он обошелся при закупке провианта всего лишь 80 тысячами рублей.

За кавказские труды в сентябре 1793 года следует награждение неутомимого Ивана Васильевича Гудовича высшей наградой Российской империи — орденом Святого Апостола Андрея Первозванного. А затем следует высочайшее пожалование ему 1800 душ крепостных крестьян в Подольской губернии...

В начале 1796 года генерал-аншеф И.В. Гудович готовит войска, стоявшие в укреплениях на Кавказской пограничной линии, для Персидского похода. Он, вне всякого сомнения, надеялся, что из столицы доверят именно ему командовать военной экспедицией для наказания Персии, чье войско во главе с шахом устроило погром в Тифлисе и Восточной Грузии. Гудович со всей своей энергичностью занимался «составлением» армейского корпуса, отправлявшегося в поход вдоль западного побережья Каспия.

Однако Императрица не поручила ему возглавить ту военную кампанию. Командующим русскими экспедиционными войсками был назначен ее любимец «инвалидный» генерал-поручик граф Валериан Александрович Зубов (потерявший ногу в одном из боев в Польше), родной брат ее последнего фаворита Платона Зубова.

Здесь, в городе Кизляре, в котором собирались из разных мест экспедиционные войска, Гудович тяжело заболел. Командующего Кавказской линией с большой осторожностью перевезли в его штаб-квартиру, в город Георгиевск.

Персидский же поход начался для русских войск весьма успешно. Как бы извиняясь перед Гудовичем, Императрица Екатерина II пожаловала кавказскому генерал-губернатору огромное поместье в Проскуровском повете Подолии. Как говорилось в Высочайшем указе — за «многую, усердную службу, за скорое и исправное отправление корпуса в Персию».

В Персидском походе 1796 года генерал-аншефу Гудовичу косвенно все же пришлось принять участие. По плану военной кампании отряд русских войск, перейдя Главный Кавказский хребет по Военно-Грузинской дороге, вступил в разоренный персами город Тифлис. Однако непосредственно поучаствовать в боевых действиях в Закавказье в то время Гудовичу не довелось.

Чтобы поправить пошатнувшееся здоровье, Иван Васильевич испрашивает себе разрешение на двухгодичный отпуск. Командование Кавказской укрепленной пограничной линией он сдает генерал-поручику Исленьеву, своему опытному и надежному помощнику, и едет в Москву. Там тогда проживало его семейство. В дороге он получает известие о кончине Императрицы Екатерины II Великой, которая в последние годы своего правления с большой благосклонностью относилась к Ивану Васильевичу.

Новый Император Павел I приказывает генерал-аншефу возвратиться на Кавказскую линию. Там ему предписывалось взять под свое командование еще и войска, ходившие в Персидский поход и отозванные Императором назад. Валериан Зубов вместе с братьями попадает в опалу.

Царь в день своего коронования возводит Ивана Васильевича Гудовича в графское достоинство. Такая высокая монаршия милость была вполне объяснима. Павел I с первых дней своего самодержавного правления явно благоволит ко всем прежним любимцам своего убитого отца. Брату генерал-аншефа — Андрею Васильевичу Гудовичу, коротавшему свой век в поместье на Черниговщине, — новый Император пишет даже собственноручное письмо и приглашает приехать в столицу.

В России начались значительные перемещения в верхнем эшелоне государственной власти. От них страдали в первую очередь те сановники, к которым благоволила мать воцарившегося сына. Ивана Васильевича Гудовича отзывают с Кавказа и назначают генерал-губернатором Подольским, Волынским и Херсонским с поручением командовать стоявшей в Каменец-Подольске дивизией. При Императоре Павле I подобные перемещения и назначения образовывали настоящий калейдоскоп.

В 1799 году Император определяет генерал-аншефа графа И.В. Гудовича главнокомандующим экспедиционной армии, состоящей из трех корпусов и назначенной для выступления в Заграничный поход на берега Рейна. Французская революция при-

ходится Павлу I явно не по душе, и он решает бороться с ней вооруженной рукой.

В тот год немало бежавших из своего отечества французских аристократов нашли пристанище в России, поступив на русскую военную службу. Полками в экспедиционной армии, например, командовали герцоги Амьенский и Беррийский. Главная штаб-квартира новой действующей армии располагалась на Южном Буге.

Начавшиеся хлопоты главнокомандующего по подготовке армейских частей к походу на берега Рейна неожиданно прекратились. Европейские события меняли свое лицо, дипломаты делали свое дело, и в начале будущего года самодержец повелел распустить экспедиционные войска по прежним квартирам.

В июне 1800 года Гудовича неожиданно постигла царская опала, и его уволили с военной службы. Повод оказался весьма характерным для того времени. Генерал-аншеф инспектировал батальон, размещенный в черноморской крепости Кинбурн, и как боевой генерал, знавший цену истинной выучке солдат, открыто покритиковал прусские порядки, которые Павел I насаждал в русской армии. Об этом стало известно Императору, и он отправил «провинившегося» героя падения кавказского Измаила в отставку.

ВНОВЬ НА КАВКАЗЕ. ВОЙНА С ТУРЦИЕЙ

Воцарившийся после убийства Павла I Император Александр I Павлович вернул кавказского полководца на действительную военную службу. Он поручает ему в 1806 году командование войсками на Кавказской линии, в Грузии и Дагестане. Так Иван Васильевич Гудович вновь оказался во главе южных границ Российского государства, которые к тому времени перешагнули через Большой Кавказский хребет.

Первыми деяниями нового кавказского главнокомандующего стало присоединение к России Дербентского, Бакинского и Шекинского ханств. То, что десять лет назад не довел до конца в Закавказье генерал-аншеф граф В.А. Зубов, постарался довершить граф И.В. Гудович.

Одновременно произошло замирение воинственных горцев-лезгин Джаро-Белоканской области. Их старейшины прислали к графу Гудовичу 12 заложников-аманатов с повешенными на [illegible] саблями. Набеги разбойных лезгинских отрядов на [illegible]

Грузию на время прекратились. В Тифлисе после этого вздохнули с большим облегчением, поскольку спускавшиеся с Кавказских гор конные лезгины в поисках «живого товара» доходили до самых предместий грузинской столицы.

Вскоре вспыхнула русско-турецкая война 1806—1812 годов. Главные боевые действия в ней разворачивались на Дунае и в Северной Болгарии. На Кавказе русским войскам, крайне немногочисленным, поручались только отвлекающие, приграничные операции. По плану ведения войны им ставилась задача не допустить прорыва османских войск в Закавказье и высадки неприятельских десантов на российской территории.

Тем не менее обстановка с началом войны за Большим Кавказским хребтом складывалась не из простых. Персы вошли в сношение с султанскими властями и стали сосредотачивать значительные воинские силы в Эриванской крепости. Шах надеялся в случае военных успехов Блистательной Порты вторгнуться с конной армией привычным путем в Грузию, по которой не раз с огнем и мечом прокатывались персидские полчища.

С объявлением султаном «священной войны» (газавата) «неверным» военные действия на Кавказе не заставили себя долго ждать. Турецкие регулярные войска, которых оказалось немало на российских границах, быстро пополнились местными мусульманскими ополчениями и войсками приграничных куртинских (курдских) племен. В скором времени турки пошли на прорыв государственных пределов России.

К началу боевых действий стороны деятельно вели разведку сил друг друга через засылаемых на противную сторону лазутчиков. Результаты ее давали туркам вполне обоснованные надежды на громкие победы. Эрзерумский сераскир Юсуф-паша в самый короткий срок собрал под крепостью Карс сильную армию в 20 тысяч человек при 25 орудиях. За счет ополчений и племенной конницы войска сераскира могли и далее значительно пополниться.

Юсуф-паша, немало повоевавший на своем веку, считался в Стамбуле опытным полководцем. Он первым наносит удар через государственную границу на Гумры, где с небольшим отрядом стоял генерал-майор Несветаев. В случае его разгрома османы получали в Закавказье стратегическую инициативу, поскольку с потерей Гумр русский главнокомандующий генерал-аншеф граф И.В. Гудович сразу ставился в невыгодное положение при дальнейшем разворачивании боевых действий в горном приграничье.

Генерал-майор Несветаев, имевший всего два некомплектных пехотных батальона и два казачьих полка, не дрогнул, когда перед его позициями появились многочисленные вражеские войска. Их оказалось гораздо больше, чем доносили лазутчики. Под Гумрами разгорелось полевое сражение. Его исход решила штыковая атака кавказских гренадер, которые бесстрашно ударили по «скопищу» султанских воинов. Туркам с немалыми потерями пришлось отойти от русского пограничного поста и прекратить бой.

Однако сераскир Юсуф-паша, уверенный в своих силах, далеко не ушел. Он встал двумя походными лагерями всего в четырех верстах от Гумр за рекой Арпа-чай. Турки расположились на удобных для обороны горных высотах, которые позволяли их артиллерийским батареям простреливать все подступы к лагерям. Эрзерумский сераскир хвастался, что быстро выгонит русских из Грузии, которой предстояло опять покориться воле султана Оттоманской Порты. Войско османов находилось в ожидании не столько побед, сколько богатой военной добычи.

Генерал-аншеф граф Гудович своевременно получил известие о вторжении неприятеля через границу. Кавказский главнокомандующий форсированным маршем повел войска от Тифлиса к Гумрам, спеша подать помощь отряду генерала Несветаева. Вперед налегке, без обременительных обозов, уходит авангард под начальством генерал-майора Портнягина. На казачьих лошадях везли артиллерийские снаряды, в которых гарнизон Гумр имел большую нужду.

Уже 16 июня Гудович прибыл на место, имея под командованием одиннадцать батальонов пехоты, три эскадрона драгун и два казачьих полка. Иван Васильевич шел на немалый риск, оставляя для защиты Тифлиса только один Кабардинский пехотный полк под командованием генерал-майора князя Орбелиани. Опасность состояла в том, что турки могли пойти на прорыв государственной границы и в других местах.

Противник, встревоженный неожиданным появлением значительного по силам русского отряда, решил ограничиться обороной походных лагерей, уповая на свое численное превосходство. Полководец Юсуф-паша, за свою военную карьеру успевший трижды побывать на посту султанского великого визиря, был хорошо знаком с местностью. Поэтому он предположил, что его армию удобнее всего атаковать от Гумр по фронту. Поэтому по его приказу

стали укрепляться оба походных лагеря: возводились полевые укрепления, батарейные позиции и даже палисад.

Чтобы более убедить сераскира в его предположениях, Гудович провел две «фальшивые» рекогносцировки большими отрядами вверх по реке Арпа-чай. Русские своими без слов красноречивыми действиями показывали намерение переправиться через горную реку против левого, успевшего хорошо укрепиться неприятельского фланга. Как показал ход сражения, военная хитрость удалась.

Истинной же целью русского главнокомандующего явилось форсирование водной преграды ниже турецкого лагеря. При этом кавказские войска обходили его правое крыло и потом, развернувшись в боевой порядок во вражеском тылу, отрезали сераскиру пути отступления к Карской крепости. При известном соотношении сил в пользу неприятеля такой план на предстоящее сражение выглядел достаточно рискованным и в какой-то мере даже спорным.

Генерал-аншеф И.В. Гудович, а ему, напомним, было в то время уже за шестьдесят пять, лично провел «секретную» рекогносцировку маршрута перехода через Арпа-чай. В сопровождение он взял с собой одного-единственного человека — своего обер-квартирмейстера Генерального штаба майора Матушевича. Конвой главнокомандующего составили всего два казака. Ни один подчиненный Гудовичу генерал, не говоря уже о штаб-офицерах, не знал истинного направления предстоящего удара по османам. Секрет удалось сохранить в полной тайне, и последующие события показали полководческую мудрость такого решения.

На следующий день, 17 июня, сильный град и проливной дождь вызвали заметный подъем воды в реке. Поэтому пришлось на время отложить атаку стоящего за Арпа-чаем неприятеля. Тот же все продолжал без устали укреплять занимаемые позиции на высотах.

Но в ту же ночь русские войска снялись с походного стана, отправив все лишнее, мешающее походному движению, в Гумры, где на всякий случай оставался отряд генерал-майора Несветаева. Гудович потребовал от всех командиров позаботиться о полной тишине движения. Батальоны, эскадроны, сотни и батареи в совершенной темноте пошли вниз по речному течению.

За несколько часов до выступления главных сил русских из расположения отряда Несветаева к туркам бежало три челове-

ка. Перебежчики в надежде на награду известили сераскира об угрожавшем ему скором нападении. Но так как истинное направление атаки Гудовичем держалось в самом строгом секрете, то Юсуф-паша, обманутый еще раз, остался в прежнем убеждении. Османы теперь ожидали нападения русских только по линии фронта.

Между тем Гудович, поравнявшись с правым флангом вражеского лагеря, границы которого четко просматривались в ночи огнем многочисленных костров, остановил походную колонну. Он решил дождаться первых предрассветных сумерек. В ночной темени, да еще в незнакомых горах, возникла опасность сбиться с маршрута.

Егеря и казаки, составлявшие боевое охранение и высланные далеко вперед, неожиданно для себя «открыли» сильный неприятельский сторожевой пикет. Осторожный Юсуф-паша выставил его далеко от своего стана, на левом берегу Арпа-чая. Стрелки-егеря и спешившиеся казаки ударили в штыки и сабли, положив на месте большую часть вражеской сторожевой заставы.

Однако удача не сопутствовала нападавшим. В суматохе рукопашного боя части султанских воинов все же удалось перебраться через реку и скрыться в ночи. Преследовать их было бессмысленно. Бежавшие добрались до походного лагеря армии эрзерумского сераскира и подняли в нем тревогу. Теперь Юсуф-паша знал точно, откуда мог атаковать противник и где он находится в данный час.

Султанский полководец, оценив обстановку, действовал достаточно решительно. Он во главе большей части своего войска спешно переправился через Арпа-чай, чтобы предупредить наступление русских на невыгодном для него направлении. Такое решение делало честь эрзерумскому паше, не испугавшегося неожиданного подхода больших сил кавказцев и готового принять полевое сражение.

СРАЖЕНИЕ НА АРПА-ЧАЕ

В то время как Юсуф-паша переправлялся через Арпа-чай, Гудович возобновил движение войск и беспрепятственно миновал правый фланг османского лагеря. Там уже все изготовились для отражения атаки. Маневр сераскира вскоре был открыт, и те-

перь уже русскому полководцу приходилось принимать сражение в невыгодных условиях.

Русские войска привычно выстроились в четыре каре таким образом, чтобы три из них находились на одной линии для ведения боя. А четвертое, самое сильное, составленное из гренадер, главнокомандующий оставил в резерве. Но это каре было так искусно поставлено на поле брани, что оно могло производить залповую стрельбу перекрестно со средним и левым каре. То есть в случае прорыва турок между ними неприятеля ждал огневой сюрприз.

Первым (правофланговым) каре командовал генерал-лейтенант барон Розен. Вторым, расположившимся в центре боевой линии, начальствовал генерал-майор Портнягин. Третьим каре, вставшим на левом фланге, — генерал-майор Титов. Гренадерским резервным каре начальствовал майор Ушаков.

Генерал-аншеф Гудович преуспел в своих намерениях. Он как будто перешел в оборону. Перед самым сражением инициатива неожиданно оказалась в руках эрзерумского сераскира.

Сражение началось с массированной турецкой атаки на центр и левый фланг расположения русских войск. Нападение было успешно отражено. Многотысячную конную лаву отбили картечными и ружейными залпами почти в упор. Только немногие османские всадники успели подскакать к плотным рядам русской пехоты, окутанным пороховым дымом. Конница сераскира под огнем развернулась в обе стороны и отхлынула назад.

Однако на правом крыле начавшаяся битва складывалась не в нашу пользу. Против правофлангового каре русских опытный Юсуф-паша приказал поставить почти всю имевшуюся у него артиллерию. Уже после первых ее залпов русские понесли большие потери в людях и лошадях орудийных расчетов. Почти все пушки каре генерал-лейтенанта Розена оказались подбитыми — летевшие во множестве вражеские ядра разбили деревянные орудийные лафеты и пушечные стволы оказались на земле. Каре Розена приходило в расстройство прямо на глазах.

Видя наметившийся большой успех, сераскир начал перестраивать конницу для атаки заднего фаса русского каре, которое потеряло свой прежний строй. Ряды его пехотинцев редели после каждого залпа турецких батарей. Для решающего удара по противнику Юсуф-паша готовил отборную, регулярную кавалерию, отводя племенную конницу на второй план.

В такую критическую минуту Арпачайского сражения генерал-аншеф Гудович уловил новый ход султанского полководца. И он принимает единственно верное в той ситуации решение. Главнокомандующий под вражеским огнем меняет среднее каре старого генерала-кавказца Портнягина на гренадерское резервное каре и во главе его выступает навстречу несущейся в атаку турецкой коннице. То, что Гудович сам пошел в пекло боя, только подняло дух нижних чинов и офицеров.

Османы не ожидали такой контратаки и не успели принять каких-то адекватных мер противодействия или просто изменить ход движения конной лавы. Турецкая кавалерия с началом движения каре Портнягина уже неслась во весь конский мах, нацелившись на тыловые ряды расстроенного каре генерал-лейтенанта Розена, который все никак не мог навести в нем прежний порядок.

Дальше ход событий на берегах Арпа-чая пошел совсем не так, как хотелось бы эрзерумскому сераскиру. Решительное движение пехотного каре русских, стоявшее в центре, и особенно несколько удачных выстрелов из имевшихся у генерал-майора Портнягина двух полевых орудий по ставке Юсуф-паши на близкой от места боя высоте заставили набегавшую конницу отхлынуть назад. До правофлангового каре противника она так и не доскакала.

Но, отхлынув на исходные позиции, турецкая кавалерия тут же стала разворачиваться для новой массированной атаки. Пока она выстраивалась для повторного наскока, по приказу Гудовича в лихую атаку пошла отборная сотня линейных и донских казаков (личный конвой главнокомандующего) с тремя драгунскими эскадронами.

Успех конной атаки русских превзошел все ожидания. Встречный кавалерийский удар и последовавшая за ним яростная рубка вмиг погасили атакующий пыл неприятельской конницы. Казаки и драгуны в несколько минут обратили противника в бегство за реку Арпа-чай.

Теперь Юсуф-паша со всей своей сераскирской властью и распорядительностью уже ничего не мог поделать с собственным войском. Оно прямо на глазах султанского полководца теряло организованность и стало выходить из повиновения. Но пока это касалось только турецкой конницы, которую уже нельзя было вернуть никакими приказами и угрозами на поле битвы.

Пока эрзерумский паша «разбирался» с военачальниками армейской кавалерии, русский главнокомандующий распорядился поставить на ближайшей высоте батарею знаменитых шуваловских единорогов. Ей приказывалось начать бомбардировку вражеских укрепленных походных лагерей. Быстро поставленные на позиции единороги стали метать в стан врага бомбы одну за другой. Огонь орудийные расчеты вели беглый, словно соревнуясь между собой в числе произведенных выстрелов.

Разрывы бомб среди шатров, палаток и шалашей вызвали панику в тех турецких отрядах, которые еще не участвовали в сражении. Войска, оставленные для защиты укрепленных лагерей, стали приходить в полное расстройство. Пехотные солдаты переставали слушаться своих офицеров, а обозники еще ранее стали неуправляемыми для начальства. Причиной паники стали не только рвущиеся русские ядра, но и картина повального бегства конницы сераскира.

Одновременно русские артиллеристы начали обстрел ядрами толп конных османов, бежавших через реку. Удачно выпущенные ядра искалечили немало людей и лошадей, еще больше усилив паническое настроение в рядах турецкой кавалерии. Она уходила беспорядочно от Арпа-чая.

Получив такое надежное огневое прикрытие от своих батарей, русская пехота в полном порядке переправилась через Арпа-чай в удобном для того месте. Сосредоточившись на противоположном речном берегу, она быстрым шагом устремилась на ближайший из двух вражеских лагерей. Перед пехотными батальонами ставилась задача ворваться в них и завязать там штыковой бой. Впереди атакующих шел егерский батальон, искусный в действиях в горах и лесах. Стрелки на одном дыхании всходили на высоты.

В неприятельском стане при виде приближающегося с каждым шагом русского войска началась полная паника. О вооруженном сопротивлении теперь мало кто думал. Турецкие отряды, стоявшие в походных лагерях, в беспорядке бросились к дороге, ведущей к крепости Карс. С батарейных позиций безо всякой на то команды снялось несколько орудийных расчетов. К великой горести эрзерумского паши, пример в бегстве подавали султанские офицеры и вожди куртинских племен.

Теперь те войска, которые ходили с сераскиром в сражение, оказались как бы в западне. Турки с возвышенности видели, что

идущие на приступ их укрепленных лагерей русские войска совершенно отрезают их от походного армейского стана. Но беда была не только в этом — большая часть армии Юсуф-паши лишалась теперь прямой дороги на Карс.

Вид такой картины и сыпавшиеся ядра, грохот шуваловских единорогов заставили турецкие войска, которые паша ввел в бой, рассыпаться во все стороны. Османы торопились уйти подальше от Арпа-чая в горы в поисках дорог и троп для бегства прочь от российской государственной границы.

Арпачайское сражение полностью прекратилось с появлением на правом берегу отряда генерал-майора Несветаева, подошедшего из близких Гумр. Он одним грозным видом своих стройных рядов отбил всякую охоту у сераскира Юсуф-паши продолжать баталию.

Появление на поле битвы отряда Несветаева было одной из хитростей русского главнокомандующего, заготовленных на тот день. По предварительному распоряжению генерал-аншефа Гудовича гарнизон Гумр в течение всей ночи скрывался за ближайшими высотами. Ему предстояло в переломный момент идущего сражения войти в дело. Однако обнажить оружие на сей раз этому отряду не довелось. Султанские войска уже повсюду обратились в бегство.

Победа русского оружия на берегах горной речушки Арпа-чай была полной. Большой османский корпус (так называемая армия эрзерумского Юсуф-паши) в 20 тысяч сабель и штыков перестал существовать как боевая единица за одно утро.

При бегстве турки бросили даже те пушки, которые сумели вывезти с собой из брошенных походных лагерей. Несколько орудий они сбросили, чтобы не достались русским, в оказавшееся по пути горное озеро. А сами артиллеристы, сев на ездовых лошадей, ускакали к Карсу.

Победа в большом приграничном сражении получилась из разряда блестящих. Эрзерумского сераскира разбил наголову русский отряд всего в шесть тысяч человек. Такое соотношение сил делало честь победителям, и прежде всего полководческим дарованиям генерал-аншефа графа Ивана Васильевича Гудовича.

Сераскир Юсуф-паша на берегах Арпа-чая имел хорошее войско. Оно состояло из двух тысяч отборных кавалеристов-делибашей в одинаковых белых шапках, стремительных в атаках племенных дружин куртинцев (курдов) и пехоты из горцев-лазов, считавшихся лучшей инфантерией оттоманского владыки. Турец-

кая же артиллерия высокими боевыми качествами в войнах на Кавказе никогда не отличалась — ни меткостью огня, ни скорострельностью. Русские пушкари даже в гораздо меньшем числе всегда превосходили ее в бою буквально во всем.

Сам султанский паша благополучно добрался до Карской крепости. Но привел он с собой только пять-шесть тысяч человек расстроенных и деморализованных войск. С такими малыми воинскими силами нечего было и думать о новом нападении на российские пределы. Впору самому угрожало садиться в осаду и защищаться от русских за древними крепкими стенами крепости Карс.

Однако Высочайшего предписания Императора Александра I на перенос военных действий на территорию Блистательной Порты кавказский главнокомандующий не имел. Думается, что Юсуф-паше в силу такого обстоятельства на той войне крупно повезло. От Арпа-чая противник его даже не преследовал.

Победители после битвы занялись тем, что начали сбор трофеев, в числе которых оказалось больше двух десятков орудий. Потерь воины-кавказцы понесли несравненно меньше, чем их противник. Собственно говоря, серьезно пострадало от артиллерийского огня только пехотное каре генерал-лейтенанта барона Розена, да и то в самом начале Арпачайского сражения.

После церемонии отпевания и погребения павших на поле брани, которых похоронили в братской магиле, увенчанной скромным деревянным крестом, русские войска переправились обратно на левый берег Арпа-чая. Гудович решил на всякий случай поостеречься. Он выслал вперед от себя верст на 20 сторожевые конные партии. Но те одна за другой возвратились с одинаковой вестью — неприятель нигде не усматривался, дороги были свободны от вражеских засад.

Вскоре в Тифлис в ставку кавказского главнокомандующего пришло из Санкт-Петербурга указание заключить перемирие с эрзерумским сераскиром. Юсуф-паша оказался этому несказанно рад, проведя в напряженном ожидании прихода русских войск под стены Карса не один день.

Арпачайская победа имела двойную важность. Во-первых, сильному войску Оттоманской империи перед самой государственной границей России было нанесено полное поражение. После такого урока неприятель и думать не смел о новом вторжении в российские владения на Кавказе. Собранная сераскиром Эрзерума армия в своем первоначальном числе надолго перестала существовать.

Во-вторых, следствием Арпачайской победы стало то, что многотысячные персидские войска, стоявшие в полной готовности всего в 35 верстах от места битвы, немедленно ушли в свои пределы. Персия так и не стала в ходе русско-турецкой войны 1806—1812 годов союзницей Оттоманской Порты на Кавказе.

О заинтересованности шахских военачальников в исходе сражения говорит следующий факт. Отряд иранской конницы сотен пять числом с дальних высот наблюдал за ходом событий на берегах Арпа-чая. И исчез с горизонта только тогда, когда выдвинутые далеко вперед дозоры персов воочию убедились в полном разгроме и окончательном бегстве турок.

Персидский шах со всей изысканной восточной любезностью поздравил царского главнокомандующего на Кавказе с блистательной победой, пожелав дальнейших успехов на поле брани. А наследный принц Персии Аббас-мирза прислал в подарок великолепного иноходца в богатом убранстве. В посланиях шаха и его старшего сына-наследника генерал-аншефа графа Ивана Васильевича Гудовича величали не иначе, как начальником непобедимых войск.

Убедившись, что государственная граница в районе Гумр находится в безопасности, Гудович отвел войска назад в Грузию. Он постарался разместить их так, чтобы надежно прикрыть пути возможного вторжения собранных воедино турецкой и персидской армий. Владыкам соседних стран кавказский главнокомандующий просто не доверял, прекрасно познав их историческое вероломство.

За разгром турецкого воинства на реке Арпа-чай военный вождь на Кавказе получил заслуженную, высокую награду. 30 августа 1807 года Император Александр I Павлович подписал указ о производстве в генерал-фельдмаршалы двух заслуженных полководцев.

Первым из них был престарелый князь Александр Александрович Прозоровский, долгие годы командовавший войсками Императрицы Екатерины II Великой, затем ее сына и теперь внука. Вторым был граф Иван Васильевич Гудович...

НЕУДАЧНЫЙ ПОХОД НА ЭРИВАНЬ

Из соседней Персии в Тифлис приходили тревожные известия. При шахском дворе только и говорили о скором военном походе в Грузию с тем, чтобы изгнать оттуда русских и вновь обратить

грузин в былое повиновение иранцам. И это были не просто воинственные пожелания. С помощью французских инструкторов шло формирование и обучение регулярных войск и артиллерии. Глава государства Фетх-Али-шах и наследный принц Аббас-мирза хотели видеть свою армию европеизированной.

При этом Персия не собиралась ни заключать с Россией мирный договор, ни размежевывать общие государственные границы. Более того, в Эриванской крепости персидских войск становилось все больше и больше. Разведка из-за кордона постоянно приносила только тревожные известия.

Тогда генерал-фельдмаршал граф И.В. Гудович решил предупредить персидское нашествие на Грузию. Он сам предпринимает поход на Эривань, хотя под его командованием было всего шесть тысяч войск. Войска эти были хорошо испытаны в боях, но все же малочисленны. Поход состоялся в сентябре 1808 года. Такими решительными действиями кавказский главнокомандующий намеревался отвести большую беду от грузинских земель.

Русские войска прошли населенную армянами Шурагельскую область беспрепятственно. Только верстах в 15 от Эриванской крепости дорогу нашей колонне попыталась было преградить персидская конница. Но когда кавказцы стали разворачиваться для боя, она ушла прочь. Без сопротивления занимается важный в военном отношении Эчмиадзинский монастырь, расположенный на подступах к Эривани.

Правивший в ней Гассан-бек бежал из собственной столицы, не надеясь отстоять ее вооруженной рукой. Вместо себя начальствовать многотысячным персидским гарнизоном он оставляет брата.

Русские войска стали осадным лагерем на берегах реки Занги. Охватить сильную крепость со всех сторон хотя бы сторожевыми отрядами у Гудовича сил в наличии не имелось. С высоких стен Эривани такую слабость осаждающих усмотрели сразу и не промедлили совершить сильную вылазку. Но навстречу атакующим персам вышел батальон гренадер и в рукопашной схватке заставил нападавших укрыться за крепостными стенами.

Устроив войска в осадном лагере, генерал-фельдмаршал отправил от главных сил два небольших отряда. Он предусмотрительно послал генерал-майора Портнягина стать заставой напротив бродов через недалекую реку Аракс, чтобы избежать прямого удара в свой тыл. Такое решение оказалось как нельзя кстати.

Стойкий в бою Портнягин, старый кавказец, имея под командованием всего один Нарвский драгунский полк и немного пехотинцев при четырех полевых орудиях, оказался там на месте. Дважды его атаковали и дважды он отличался, каждый раз не давая вражеской коннице прорваться мимо сторожевой заставы к Эриванской крепости и прогоняя персов обратно за Аракс.

Другой отряд под командованием генерал-майора Небольсина пошел берегом Аракса на юг и занял Нахичевань. И там русские отбили попытку персидских войск под предводительством самого наследного принца Аббас-мирзы переправиться через Аракс.

Пока гремели выстрелы на берегах Аракса, положение дел перед осажденной Эриванью не менялось. Гудович крупнокалиберной осадной артиллерии не имел, и противник это знал. Сильный численно гарнизон, имея достаточно различных припасов, из крепости больше не выходил, явно не желая принимать боя в открытом поле. К тому же скорая помощь от шаха виделась вполне реально. Персидские вестники пробирались в Эривань почти беспрепятственно.

Все же кавказский главнокомандующий приказал поставить на противоположном берегу Занги осадную брешь-батарею. Составленная из полевых пушек и трех мортир, отбитых у турок, она повела сосредоточенный огонь по указанному участку крепостной стены. В ней периодически удавалось пробивать небольшие бреши, которые осажденные, однако, каждый раз ночью заделывали.

Неприятель днем и ночью тоже вел по осаждавшим огонь из пушек и крепостных ружей большого калибра. Персы больше всего опасались неожиданного ночного штурма и потому с наступлением темноты выставляли на крепостных стенах усиленную стражу. Дозорные время от времени сбрасывали со стен подсветы — горящие факелы, освещавшие подступы к ней, и вели пальбу в сторону русского стана.

Генерал-фельдмаршал Гудович, большой знаток осадной войны, старался измотать вражеский гарнизон. По его приказу русские постоянно устраивали персам ложные тревоги. В ответ каждый раз со стен крепости начиналась яростная пальба, а ярко горящие факелы десятками летели вниз. Пушечная и ружейная пальба из Эривани, между прочим, никакого вреда русским войскам не приносила.

В середине ноября на осадный лагерь в прямом и переносном смысле свалилась с неба большая беда. В горах выпал на редкость

обильный снег и заметно похолодало. Теплой одежды осадные войска почти не имели. Связь с Грузией по горным дорогам сразу усложнилась, что грозило еще большей бедой, чем случившийся снегопад.

Боезапас артиллеристов заканчивался, а подвоза новых припасов из Тифлиса не было. В таких день ото дня ухудшающихся условиях генерал-фельдмаршал Гудович решился на штурм Эриванской крепости, назначенный по диспозиции в ночь на 17 ноября.

Идущие на приступ главный удар наносили по крепости через пробитую брешь. Разведка неоднократно подтверждала, что ее осажденные успевали заделывать только под самое утро.

На штурм Эриванской крепости отряжалось несколько войсковых колонн. Резерв до поры до времени оставался в осадном лагере. Ему предстояло ворваться в город, когда взошедшие на крепостные стены штурмующие откроют отбитые крепостные ворота, заваленные изнутри камнями и бревнами.

К началу приступа штурмовые колонны сумели незаметно подойти к Эриванской крепости на расстояние половины орудийного выстрела. В ту ночь, равно как и в предыдущие, часовые на высоких крепостных стенах не дремали, бдительно всматриваясь в темноту и прислушиваясь к звукам, идущим со стороны осадного лагеря. Сбрасываемые время от времени со стены факелы и позволили персам увидеть подходившие в полном молчании колонны русских. В их первых рядах неслись приметные штурмовые лестницы.

Первый же часовой, заметивший нападавших, сразу же выстрелил из ружья. Тревога в осажденном персидском гарнизоне прозвучала в ту ночь своевременно. Когда штурмующие пошли на приступ, их встретили со стены настоящий шквал ружейного огня и пушечные выстрелы в упор.

Главная по диспозиции штурмовая колонна, нацеленная на пробитую брешь, успеха в действиях не имела. Ее командир, бесстрашный майор Симонович, почти сразу же получил тяжелое ранение и выбыл из строя. Заменить такого решительного и боевого начальника оказалось просто некому, и атакующие не смогли проникнуть в брешь.

Другой штурмовой колонне повезло в начавшемся жарком бою — пехотинцы по лестницам взобрались на крепостную стену и завязали на ней рукопашный бой. Однако их смелость и

упорство натолкнулось на, казалось бы, неодолимую преграду. Сражавшимся штыками и прикладами русским солдатам казалось, что персов на стене вовсе не убывает, а, наоборот, прибавляется с каждой минутой.

Генерал-фельдмаршал, наблюдавший ход штурма и руководивший им, попытался развить наметившийся здесь успех. Гудович отправил резервные войска туда, где атакующие взошли на стены Эривани. Но случается совершенно непредвиденное: в том бою один за другим выбывают из строя почти все офицеры — и штурмовой колонны, и быстро подоспевшего на помощь резерва.

Упорный рукопашный бой на крепостной стене шел полночи. Видя, что сопротивление более многочисленного вражеского гарнизона не сломить и чтобы не понести еще больше потерь, Гудович с тяжелым сердцем приказал барабанщикам бить сигнал отбоя приступа.

Штурмующие войска сошли с крепостных стен и отступили от бреши. Она в ту ночь к началу приступа оказалась заделанной почти до самого верха. Последнее свидетельствовало, что персы все же неизвестно как проведали о намерениях противной стороны и, согнав большое число горожан-армян, сумели восстановить целостность крепостной ограды.

Утром в осадном лагере подсчитали понесенные потери. В ходе неудачного ночного штурма погибло и получило ранения 800 человек. Для небольшого отряда в 6 тысяч человек такие потери смотрелись весьма чувствительно. Русские молчаливо смотрели, как ликующие персы на рассвете сбрасывали с эриванских стен обезглавленные тела русских солдат.

Взвесив все «за» и «против», военный совет осадных войск и главнокомандующий принимают решение: снять осаду Эриванской крепости и уйти на зимние квартиры в Грузию.

В осадный лагерь с берегов Аракса возвращаются заградительные отряды генерал-майоров Портнягина и Небольсина. За все время осады Эриванской крепости они не позволили шахским конным войскам подать помощь осажденным. Персидская конница, во множестве стоявшая на противоположном речном берегу, позволила русским беспрепятственно возвратиться к своим главным силам.

Обратный путь в Грузию оказался для русских войск чрезвычайно труден из-за стоявших в горах морозов и обильного снега. Это затрудняло движение по и без того труднопроходимой гор-

ной дороге. В отряде не хватало обозных лошадей и при подъемах часть грузов приходилось переносить людям. Солдаты и офицеры, большей частью не имевшие теплой одежды, мерзли, отогреваясь только у костров.

Уходящих с берегов Занги русских никто не преследовал. Как показали последующие события, у персидских войск и шахских военачальников в тот год пропало всякое желание сразиться с русскими еще раз. У всех в памяти было страшное поражение армии эрзерумского сераскира Юсуф-паши в сражении на реке Арпа-чай.

По пути из-под Эриванской крепости в Тифлис граф Гудович тяжело заболел и лишился зрения на один глаз. Годы его все же начали брать свое. Командовать кавказскими войсками и управлять обширным, очень беспокойным краем, держать в сохранности вечно тревожную государственную границу на Северном Кавказе и в Закавказье совсем пожилой генерал-фельдмаршал в полную силу уже не мог. В этом Иван Васильевич с полной ясностью отдавал себе отчет.

ОТСТАВКА. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

Еще в начале 1808 года кавказский наместник подал Государю прошение об отставке. На такое решение во многом повлияло и недоброжелательное отношение к Гудовичу военного министра графа А.А. Аракчеева. Ответ на прошение последовал, однако, не скоро — только в марте следующего года. Монарх писал генерал-фельдмаршалу графу И.В. Гудовичу:

«...Мне чувствительно весьма лишаться такого фельдмаршала, как вы... Желание ваше хотя с прискорбием, но будет мною исполнено».

Император Александр I только после долгих раздумий дал монаршие согласие на увольнение заслуженного генерал-фельдмаршала из русской армии. По такому случаю он одарил полководца собственным портретом, осыпанным бриллиантами, для ношения на груди. Такая персональная Императорская награда говорила прежде всего о государственных заслугах человека и личном доверии к нему Государя.

Дела главнокомандующего кавказскими войсками, Кавказской укрепленной пограничной линии и прочие служебные обязанно-

сти в Тифлисе Гудович передал генералу от кавалерии Александру Петровичу Тормасову. Впрочем, тот пробыл на этих должностях совсем недолго, поскольку приближалась Отечественная война 1812 года, и перед самым ее началом Тормасов был назначен командующим 3-й русской Западной армией.

На дороге с Кавказа, в Воронежской губернии, отставного генерал-фельдмаршала настиг Царский указ о назначении его генерал-губернатором не куда-нибудь, а в первопрестольную Москву. То был большой государственный пост в Российской империи. Должность генерал-губернатора совмещала в себе и гражданскую, и военную власть на местах. Московский гарнизон относился к числу самых крупных.

В Санкт-Петербурге состоялась торжественная встреча Императора Александра Павловича с героем штурма Анапы и Арпачайского сражения, устроителя Кавказской укрепленной пограничной линии. Государь оказал графу Ивану Васильевичу Гудовичу самые лестные почести. Среди прочего московский генерал-губернатор становился членом Государственного совета и Правительствующего Сената.

Впрочем, состоять на новых должностях ему долго не пришлось. Совсем скоро Гудович увольняется в бессрочный отпуск со всех занимаемых должностей по состоянию здоровья. Он переезжает на жительство в местечко Чечельник, называвшееся прежде Ольгополем. Там, в своем большом имении, он занимается семейными заботами, охотой и музыкой, создав истинно по-барски прекрасный оркестр из своих крепостных. Выступления оркестра графа Гудовича всегда имели неизменный успех.

В Чечельнике отставной генерал-фельдмаршала, герой войн России на Кавказе, и почил в январе 1820 года. В соответствии с завещанием граф И.В. Гудович был похоронен в Киеве, в Софийском соборе.

Последней военной заслугой Ивана Васильевича Гудовича перед российским Отечеством стало формирование им в Москве, в конце 1811 года, 27-й пехотной дивизии. Эта дивизия под командованием храброго генерала Неверовского покрыла себя большой славой в сражениях с лучшими наполеоновскими войсками, отличившись среди прочего и на Бородинском поле.

Впрочем, в Отечественную войну 1812 года фамилия Гудовича не раз звучала на полях сражений. Сын генерал-фельдмаршала генерал-майор граф Андрей Иванович Гудович успешно ко-

мандовал Орденским кирасирским полком. Его кирасиры «выказали примерную доблесть» в Бородинском сражении. Тогда по ходатайству русского главнокомандующего Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова этот полк тяжелой кавалерии наградили одной из самых почетных коллективных наград в армии старой России — серебряными Георгиевскими трубами. Эта «полковая музыка» вплоть до 1918 года являлась боевой реликвией прославленного во многих войнах кавалерийского полка. А.И. Гудович, как и отец, тоже стал георгиевским кавалером. В дальнейшем А.И. Гудович жил преимущественно в своем подмосковном имении и избирался Московским губернским предводителем дворянства.

Граф И.В. Гудович относился к числу самых богатых помещиков Российской империи. Он был женат на дочери последнего малороссийского гетмана генерал-фельдмаршала К. Разумовского — графине Прасковье Кирилловне. В наследство детям он оставил около 20 тысяч душ крепостных крестьян, несколько богатых имений.

Современники оставили для потомков следующую характеристику генерал-фельдмаршала Ивана Васильевича Гудовича. Они говорили, что он был нрава горячего, правил строгих, любил правду и преследовал только порочных людей. С виду казался угрюмым, неприступным, а в кругу домашнем или в приятельском был ласков и приветлив. Такая характеристика удивительно схожа с единственным сохранившимся достоверным портретом этой примечательной личности в отечественной истории.

Таким и видится через многие десятилетия образ полководца кавказских войн России. Его высокое воинское искусство вписало в ратную летопись русской армии две большие победы: штурм черноморской крепости Анапы — «кавказского Измаила» и полевое сражение в Закавказье на берегах реки Арпа-чай. И та и другая явились частью мощного фундамента, создававшегося русским оружием для защиты кавказских границ государства Российского.

Вечная память и царствие небесное крупному русскому полководцу.

«СМИРИСЬ, КАВКАЗ! ИДЕТ ЕРМОЛОВ!»

Генерал от артиллерии и инфантерии Алексей Петрович ЕРМОЛОВ

Пожалуй, ни один из военных вождей российского воинства не оставил после себя столько противоречивых суждений и оценок, как Алексей Петрович Ермолов. Великий русский поэт А.С. Пушкин после своей поездки на Кавказ восторженно писал о полководце войск России в горном крае, сам воздух которого исторически «дышал» войной, музыкой брани, воинской доблестью и кровопролитием:

«Смирись, Кавказ! Идет Ермолов!..»

Александр Сергеевич Пушкин в одном из писем генералу от артиллерии А.П. Ермолову, словно в унисон стихотворным строкам Лермонтова, Жуковского, Рылеева, сказал:

«Подвиги Ваши — достояние Отечества, и Ваша слава принадлежит России».

Тот же великий Пушкин обращался к кавказскому полководцу Алексею Петровичу Ермолову с настоятельной просьбой:

«Я прошу Вас дозволить мне быть Вашим историком...»

АРМЕЙСКАЯ ЮНОСТЬ БУДУЩЕГО ПОЛКОВОДЦА

...Был Алексей Петрович Ермолов коренным москвичом, родившись в первопрестольной русской столице 24 мая 1777 года. Происходил он из старинной, но небогатой дворянской семьи. В Общем гербовнике дворянских родов Российской империи о роде дворян Ермоловых сообщается следующее:

«Предок этого рода Ермоловых Араслан-Мурза-Ермола, а по крещении названный Иоанном, как показано в представленной родословной, в 7014 (1506) г. выехал к Великому Князю Василию Ивановичу (московскому Василию III. — *А. Ш.*) из Золотой

Орды. Правнук сего Араслана Трофим Иванов сын Ермолов в 7119 (1611) г. написан по Москве в Боярской книге. Осип Иванов сын Ермолов от Государя Царя и Великого Князя Михаила Федоровича за Московское осадное сидение пожалован поместьями. Равным образом и другие многие сего рода Ермоловы Российскому Престолу служили дворянские службы стольниками и в иных чинах и жалованы были от Государя поместьями. Все сие доказывается справками разрядного архива и родословной Ермоловых».

Отец кавказского полководца, Петр Алексеевич, принадлежал к дворянам Орловской губернии. Армейскую службу он оставил в 1777 году по болезни в звании майора и поступил на службу гражданскую. После нее был избран предводителем дворянства в Мценском уезде, где у него имелось небольшое имение. В 1785—1792 годах состоял председателем Гражданского суда Орловского наместничества. После этого в чине статского советника управлял канцелярией влиятельного генерал-прокурора графа А.Н. Самойлова в Санкт-Петербурге.

С воцарением Императора Павла I Ермолов-старший попал в опалу и был выслан из столицы в свое сельцо Лукьянчиково (ныне Морачево) близ города Орла. При Императоре Александре I он вернулся на гражданскую службу и в том же чине статского советника стал директором Орловского тюремного комитета. Во время Отечественной войны 1812 года принимал деятельное участие в оказании помощи раненым русским воинам. Умер в 1823 году в Орле.

Женой Петра Алексеевича была Мария Денисовна из дворянского рода Давыдовых (по первому браку Каховская). Она была родной сестрой отца будущего гусарского поэта-партизана генерал-лейтенанта Дениса Давыдова. Мария Денисовна родила троих детей: сына Александра от первого брака с ротмистром М.И. Каховским и сына Алексея и дочь Анну от П.А. Ермолова.

Читать и писать Алексея Ермолова научил дворовый служитель, то есть он получил, как тогда говорили, домашнее образование. В возрасте семи лет отец отдал сына в Московский университетский благородный пансион, где тот проучился почти семь лет, приобретя познания во многих науках. От отца Алексей Петрович унаследовал «серьезный, деловой склад ума», а от матери — «живое остроумие, колкость языка, качества, которые доставили ему громкую известность и вместе с тем наделали ему много вреда».

Как тогда было принято, Ермолов-младший еще в младенческом возрасте был записан на военную службу. В 1778 году он уже числился каптенармусом (унтер-офицером) лейб-гвардии Преображенского полка, а в следующем 1779-м (в два года!) производится в сержанты. В 1791 году он уже офицер — поручик гвардии. В этом чине Алексей Ермолов начинает армейскую службу.

Однако пятнадцатилетний офицер отказывается от службы в столичном гарнизоне и в 1792 году, получив чин капитана, переводится в 44-й Нижегородский драгунский полк, стоявший тогда в Молдавии. Однако к его прибытию в полк война с Турцией уже закончилась. В конце года его отзывают в Санкт-Петербург, и там он назначается старшим адъютантом генерал-прокурора графа А.Н. Самойлова, правителем канцелярии которого в то время был его отец, Ермолов-старший.

Однако Алексею Ермолову, у которого была мечта стать артиллеристом, такая адъютантская служба по душе не пришлась. И в марте 1793 года он назначается квартирмейстером во 2-й бомбардирский батальон, чтобы там подготовиться к экзаменам, положенным в то время для перевода в артиллерию. Экзамены он выдерживает блестяще и «переименовывается» в капитаны артиллерии, получив назначение репетитором (младшим преподавателем) Артиллерийского и инженерного шляхетского кадетского корпуса.

Боевая служба Ермолова начинается в 1794 году. С началом Польского восстания он переводится в действующую армию. Крещение боем он получает в деле у переправы через реку Западный Буг. При штурме варшавского укрепленного предместья Праги его «отличает» А.В. Суворов. По его личному распоряжению семнадцатилетний капитан артиллерии за проявленную доблесть награждается сразу орденом Святого Георгия 4-й степени. Эту награду он получил из рук великого русского полководца, чем гордился всю свою жизнь.

После окончания военных действий в Польше молодой георгиевский кавалер возвращается в Санкт-Петербург, где зачисляется во 2-й бомбардирский батальон. Но в столице он долго не задержался.

В том же 1794 году Алексей Ермолов по протекции все того же графа А.Н. Самойлова отправляется в Италию, где состоит при главнокомандующем австрийскими войсками генерале Девисе, действовавшем против армии революционной Франции. Официально он числился в составе рабочей группы, имевшей

поручение ликвидировать денежные счета российского государственного казначейства в Генуэзском банке. По собственной инициативе капитан артиллерии участвовал в нескольких боях на стороне австрийцев против французских войск в Северной Италии. В 1796 году артиллерийского офицера отзывают в Санкт-Петербург.

Вторжение войск персидского владыки Ага-Магомед-хана Каджара в Грузию стало поводом для отправки в апреле 1796 года в подвластные Персии закавказские земли экспедиционного каспийского корпуса под командованием графа В.А. Зубова, родного брата последнего фаворита Императрицы Екатерины Великой, графа, затем князя Платона Зубова.

Капитан Ермолов назначается командиром артиллерийской батареи из шести орудий и с ней участвует в штурме крепости Дербент. За успешную ее бомбардировку он награждается орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом. Со смертью Императрицы и восшествием на российский престол Павла I зубовский Персидский поход прекращается, и русским войскам, уже стоявшим на иранских границах по реке Аракс, приказывается возвратиться назад.

По возвращении из Персидского похода Алексей Ермолов зачисляется в артиллерийский батальон Иванова, в котором, по выражению генерала графа А.А. Аракчеева, «у семи офицеров был один мундир».

На первых порах военная карьера А.П. Ермолова складывалась удачно. В 1797 году он производится в майоры и назначается командиром артиллерийской роты, расквартированной в городе Несвиже Минской губернии. Уже в следующем году он производится в подполковники.

ССЫЛКА ЗА «ВОЛЬНОДУМСТВО». КОНФЛИКТ С АРАКЧЕЕВЫМ

Вскоре на долю Ермолова выпадают тяжелые испытания. В то время французские просветительские идеи получают распространение и в России. В Смоленской губернии создается тайный политический офицерский кружок «Вольнодумцы» (руководитель — бывший суворовский адъютант, полковник в отставке А.М. Каховский, брат Ермолова по матери). В деятельности этого кружка

подполковник артиллерии А.П. Ермолов, естественно, принимает самое активное участие. В ноябре 1798 года власти раскрывают нелегальный кружок вольнодумцев.

В бумагах А.М. Каховского обнаружили письмо Ермолова, в котором тот резко «аттестовал» своих начальников. Ермолов арестовывается по подозрению в заговоре против Императора Павла I, доставляется в столицу и заточается в каземат Алексеевского равелина («секретный дом») Петропавловской крепости.

Впоследствии Ермолов писал в своих «Записках», что «в равелине ничего не происходит подобно описываемым ужасам инквизиции, но, конечно, многое заимствовано из сего благодетельного и человеколюбивого установления».

Через два месяца он освобождается оттуда и отправляется «на поселение» в город Кострому (первоначально в город Макарьев на реке Унже). Там он близко знакомится с опальным генерал-майором М.И. Платовым, таким же, как и он, ссыльным (с 1801 года атаманом Донского казачьего войска). В Костроме Ермолов занимался самообразованием, читая в подлиннике на латыни римских классиков — Юлия Цезаря, Тита Ливия, Тацита, учится играть на кларнете. Многим тогда казалось, что на этом его военная карьера закончилась.

Жители Костромы оказывали ссыльному, по словам самого Ермолова, «великодушное расположение, не находя в свойствах моих, ни в образе поведения ничего, обнаруживающего преступника».

Сам А.П. Ермолов в своих мемуарных «Записках», рассказывая о ссылке, почти не касается ее причин. Он пишет об этом так:

«По прибытии в Кострому мне объявлено назначение вечного пребывания в губернии по известному собственно государю императору преступлению».

Впрочем, существует версия, что Ермолов был арестован по ошибке, а сослан за дерзкие ответы на вопросы следователей. Во всяком случае, мягкость приговора свидетельствует о том, что Император Павел I не увидел особой опасности в деяниях артиллерийского подполковника, не говоря уже о какой-то заговорщицкой деятельности.

Воцарение Александра I дало «прощение людям, содержащимся по делам, производившимся в Тайной экспедиции». Ермолову не без труда удалось добиться назначения на должность командира конно-артиллерийской роты, расквартированной в Виленской губернии. Это было достаточно высокое назначение, поскольку в ту

пору в русской армии имелся всего лишь один батальон конной артиллерии, состоявший из пяти рот. Так он оказался в прямом подчинении всесильного инспектора артиллерии графа А.А. Аракчеева (к слову сказать, его старого знакомого), с которым вскоре начались серьезные конфликты.

Подполковник Алексей Петрович подает даже рапорт об отставке, который генерал-инспектор не принял. Причиной рапорта стало замечание Аракчеева ротному командиру, что ездовые лошади его орудийных расчетов сильно утомлены, заметив при этом, что репутация офицеров в артиллерии зависит от содержания лошадей. На что Ермолов ответил императорскому фавориту:

— Очень жаль, что в русской артиллерии репутация офицеров слишком часто зависит от скотов.

Взбешенный таким дерзким ответом Аракчеев сразу же уехал к себе. После этого «предерзкому» Ермолову пришлось прочувствовать на себе всю силу начальственного гнева. В одном из своих писем Алексей Петрович по этому поводу заметил:

«Мне остается или выйти в отставку, или ожидать войны, чтобы с конца своей шпаги добыть себе все мною потерянное».

НА ВОЙНАХ С НАПОЛЕОНОВСКОЙ ФРАНЦИЕЙ. СЛУЖБА В ГВАРДИИ

Война не заставила себя долго ждать перспективного артиллерийского офицера, имевшего репутацию способного военачальника. В 1805 году началась русско-австро-французская война. Конно-артиллерийская рота подполковника Ермолова оказывается в составе русской действующей армии под командованием М.И. Голенищева-Кутузова. Ермолов отличается в сражениях с французами при Амштеттене и Кремсе, показав при этом личную храбрость и распорядительность.

В сражении при Амштеттене удачная стрельба ермоловской конно-артиллерийской роты позволила гренадерским батальонам Апшеронского и Смоленского полков выстроиться на поле боя для штыковой атаки и отбросить французов в лес. Генерал Михаил Андреевич Милорадович, командир бригады, лично водил пехотинцев в рукопашный бой и очень высоко отозвался о мастерстве конно-артиллеристов. Ермолов с удовольствием отмечает похвалу Милорадовича в своих записках.

Отличается он и в Аустерлицком сражении: его артиллеристы до последнего прикрывали отход русских войск и были захвачены в плен, но гренадеры контратакой отбили их у французов. Это был пример мужества, когда орудийные расчеты конно-артиллерийской роты даже под угрозой верной гибели не оставили занимаемой позиции.

Произведенный в полковники, георгиевский кавалер Ермолов принимает участие в русско-прусско-французской войне 1806—1807 годов. За отличие в бою под Годымином он награждается Золотой шпагой с надписью «За храбрость». Участие в сражении 27 января 1807 года при Прейсиш-Эйлау дало Алексею Петровичу, по словам князя С.Г. Волконского, «знаменитость в военном деле». Здесь ермоловские пушкари успешно действовали против войск корпуса маршала Франции Даву. В том сражении Ермолов отослал лошадей и передки орудий в тыл, заявив подчиненным, что «об отступлении и помышлять не должно».

За сражение при Гутштатте Ермолов по представлению князя П.И. Багратиона получает очень высокую награду — орден Святого Георгия 3-й степени. В боях под Гейльсбергом и под Фридландом он успешно командует артиллерией левого фланга позиции русских войск. Его способности в организации ведения огня оценило не только свое командование, но и неприятельское.

В ходе сражения под Гейльсбергом на замечание о том, что французская колонна слишком близко подошла к его батарее, полковник А.П. Ермолов ответил:

— Я буду стрелять, когда различу белокурых от черноволосых...

Багратион дважды представлял артиллерийского полковника к генеральскому званию, будучи при этом поддержан братом Императора Великим Князем Константином Павловичем. Но каждый раз на пути прохождения представления на Ермолова вставал всесильный граф А.А. Аракчеев.

В 1808 году командир 7-й артиллерийской бригады А.П. Ермолов все же производится в генерал-майоры. На сей раз Аракчеев оказался бессилен.

Примерно к этому времени относится и откровенное объяснение Ермолова с Аракчеевым, после чего их отношения выравниваются.

Ермолов назначается инспектором всех конно-артиллерийских рот с задачей «распространить и закрепить за всей конной артил-

лерией» свои тактические успехи в последней военной кампании против французов.

Вскоре Ермолов получает назначение командовать 14-тысячным отрядом резервных войск на Волыни и в Подолии с задачей «наблюдать за галицийской границей и радзивилловской таможней, а также за польскими уроженцами западных губерний». Через короткое время его штаб-квартира из города Дубно переносится в Киев. Там генерал-майор становится комендантом города, формирует два татарских конных полка и руководит строительством крепости на Звериной Горе.

В это время на берегах Дуная и на его болгарском правобережье шла русско-турецкая война 1806—1812 годов. Молодой горячий генерал не раз просился на театр войны с Турцией, но такого высочайшего разрешения при всей своей настойчивости не получил.

В мае 1811 года А.П. Ермолов назначается сначала командиром Гвардейской артиллерийской бригады, а затем Гвардейской пехотной бригады, в состав которой входили лейб-гвардии Измайловский и Литовский полки. Командование войсками русской гвардии вводило его в круг императорского окружения.

В марте 1812 года он становится командующим Гвардейской пехотной дивизии, состоявшей из полков: Преображенского, Семеновского, Измайловского, Егерского, Финляндского, Литовского, а также Гвардейского флотского экипажа.

Военная карьера Алексея Петровича вновь стала складываться успешно.

Дивизия была поставлена на прикрытие государственной границы России, будучи расквартирована в городе Свенцяны и его окрестностях. Она входила в состав 1-й русской Западной армии, которой командовал военный министр генерал от инфантерии М.Б. Барклай де Толли.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА 1-Й ЗАПАДНОЙ АРМИИ

В ночь на 12 июня 1812 года Великая армия императора французов Наполеона без объявления война перешла пограничную реку Неман у Ковно (современный город Каунас в Литве) и начала свой знаменитый Русский поход.

1 июля тридцатипятилетний генерал-майор А.П. Ермолов назначается Императором Александром I начальником штаба 1-й русской Западной армии. С этого времени он становится непосредственным участником всех главных событий Отечественной войны 1812 года.

В своих «Записках» Алексей Петрович Ермолов так отзывается о том большом в его биографии событии:

«Июля 1-го дня возложена на меня должность Начальника Главного Штаба армии. От назначения сего употребил я все средства уклониться, представляя самому государю, что я не приуготовил себя к многотрудной сей должности, что достаточных для того сведений не имею и что обстоятельства, в которых находится армия, требуют более опытного офицера и более известного в армии».

Однако Государь, который хотя и «не любил» Ермолова, но «поневоле» уважал и ценил «за личные достоинства», оставил в силе свое решение, обещая Ермолову впоследствии вернуть его к прежней должности командующего гвардейской пехотной дивизией, от которой он числился «в командировке».

Считавший себя строевым командиром, энергичный и твердый в решениях Ермолов и в новой должности проявил себя с самой лучшей стороны. Он был сторонником активных действий в начавшейся войне, но у Барклая де Толли были собственные планы. Не случайно генерал-адъютант граф П.А. Шувалов писал Императору Александру I следующее:

«Начальник Главного Штаба генерал Ермолов, несмотря на его рвение к службе, известное Вашему Величеству, несмотря на выдающиеся таланты, не может противостоять злу при таком начальнике».

Ермолову вместе с 1-й русской Западной армией пришлось проделать весь путь отступления от государственной границы к Москве. Среди прочего это отступление позволило ему познать всю глубину души русского солдата, его стремление сражаться за Отечество. В своих «Записках» А.П. Ермолов описывает такой эпизод:

«Желая узнать, что думают солдаты об отступлении нашем, а паче как рассуждают они о грабежах, которые начинали размножаться от вкравшегося неповиновения, вначале или совсем не взысканного, или наказанного слишком слабо, я вмешался в ряды их и, не будучи в темноте узнаваем, расспрашивал. Солдат роптал на беспрерывное отступление и в сражении надеялся найти конец оному, главнокомандующим (Барклаем де Толли. — *А. Ш.*) был недо-

волен и в главную вину ставил ему то, что он был не русский. Измена — первое средство, которое приписывает русский солдат начальнику-иноземцу. Одно средство примирения — победы; ради их — средство снискать доверие, иногда и самую любовь. Главнокомандующий в то время был совсем в другом положении: по обстоятельствам судьба отказывала нам не только в победах, но и в малейших успехах».

Отечественная война 1812 года прославила Алексея Петровича как большого военачальника. Он участвует в сражениях при Витебске, Смоленске, Бородине, Малоярославце, Красном, на берегах реки Березины.

За Смоленское сражение (за дело у Валутиной Горы) 7 августа он получает чин генерал-лейтенанта. Участник той войны С.М. Ушаков в своем историческом труде «Деяния российских полководцев и генералов», увидевшем свет в 1822 году, писал:

«Сам неприятель удивился неподражаемому порядку, с каковым отступали войска 1-й армии: расплох и замешательство были им неизвестны, и если войска 1-й армии мало имели покоя, то неприятель, видя столь бодрствующие силы, не смел и сам предаваться оному. В сем случае отдана полная признательность генералу Ермолову, коего отличнейшие способности обнимали все, что только могло быть полезно и выгодно для армии и общего хода дел военных».

В ходе отступления 1-й и 2-й русских армий именно Ермолов оказался тем человеком, который смог примирить их главнокомандующих — П.И. Багратиона и М.Б. Барклая де Толли. Он писал первому из них:

«Когда гибнет все, когда Отечеству грозит не только срам, но и величайшая опасность, там нет ни жизни частной, ни выгод личных...

Принесите Ваше самолюбие в жертву погибающему Отечеству нашему, уступите другому (Барклаю де Толли. — *А. Ш.*) и ожидайте, пока не назначат человека, какого требуют обстоятельства».

Император Александр I был из тех монархов, который почти никому не доверял. Поэтому он имел привычку возлагать на некоторых должностных лиц обязанность откровенно извещать его «обо всех чрезвычайных случаях». Такая обязанность, не из простых, была возложена и на генерал-лейтенанта А.П. Ермолова. Известны его четыре письма лично монарху. В первом из них он со всем откровением писал:

«Необходим начальник обеих армий. Соединение их будет поспешнее и действия согласнее».

Во втором письме Государю Ермолов вновь со всей настойчивостью пишет: «Нужно единоначалие!»

В последнем, четвертом письме А.П. Ермолова всероссийскому самодержцу, датированному 10 августа, говорится о вредном влиянии отступления на дух русского воинства:

«Отступление, долгое время продолжающееся, тяжелые марши возбуждают ропот в людях, теряется доверие к начальству. Солдат, сражаясь как лев, всегда уверен, что употребляет напрасные усилия и что ему надобно будет отступать. Соединение армий (у Смоленска. — *А. Ш.*) ободрило войска, отступление и худое продовольствие уменьшает силы, необходимо уменьшает дух их...

Москва не далека, драться надобно! Россиянин каждый умереть умеет!.. если никто уже, в случае поражения армии, не приспеет к защите Москвы, с падением столицы не разрушаются все государственные способы. Не все Москва в себе заключает! есть средства неисчерпаемые, есть способы все обратить на гибель врагов Отечества нашего, завистующих могуществу и славе нашего народа...

Я люблю отечество мое... люблю правду, и поэтому обязан сказать, что дарованиям главнокомандующего здешней армией (речь идет о М.Б. Барклае де Толли. — *А. Ш.*) мало есть удивляющихся, еще менее имеющих к нему доверенность, — войска же и совсем не имеют».

Считается, что именно ермоловские письма подтолкнули Императора назначить главнокомандующим всеми русскими действующими армиями — 1-й, 2-й и 3-й Западными — прославленного полководца Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова. С прибытием его 17 августа к войскам генерал-лейтенант А.П. Ермолов становится фактическим начальником кутузовского походного штаба, вплоть до самого изгнания французов из пределов России.

ГЕРОЙ БОРОДИНА И МАЛОЯРОСЛАВЦА

Во время Бородинского сражения Ермолов находился при главнокомандующем, перед битвой участвовал в рекогносцировке, которую тот проводил. Когда французы ценой огромных потерь овладели Курганной высотой — «ключом Бородинской позиции», — Алексей Петрович, посланный туда, организовал контратаку 3-го

батальона Уфимского пехотного полка на батарею Раевского и выбил оттуда неприятеля.

Вместе с уфимцами высоту атаковали пехотинцы, которых вели в бой генерал Кутайсов (погибший в том бою) и генерал Паскевич.

Один из участников той кровавой схватки за Курганную высоту вспоминал: «...это была бойня, нежели бой; дрались только холодным оружием».

Борьбой за батарею Раевского начальник кутузовского штаба руководил три часа. Во время контратаки на Курганную высоту генерал-лейтенант А.П. Ермолов был сильно контужен вражеским пушечным ядром (по другим сведениям, картечью) в шею и унесен с поля боя. За Бородинское сражение он был награжден орденом Святой Анны 1-й степени. Позднее в своих «Записках» герой генеральной баталии Отечественной войны 1812 года писал, что в тот славный день «французская армия расшиблась о русскую».

Брат одного из руководителей тайного общества декабристов Н.Н. Муравьев (будущий Карский) писал о тех событиях Бородинского сражения, которые развернулись вокруг Курганной высоты:

«Алексей Петрович Ермолов был тогда начальником Главного штаба у Барклая. Он собрал разбитую пехоту нашу в беспорядочную толпу, состоявшую из людей разных полков; случившемуся тут барабанщику приказал бить на штыки, а сам с обнаженною саблею в руках повел сию сборную команду на батарею.

Усилившиеся на ней французы хотели уже увезти наши оставшиеся орудия, когда отчаянная толпа, взбежав на высоту, под предводительством храброго Ермолова, переколола всех французов на батарее (Ермолов запретил брать в плен), и орудия наши были возвращены.

Сим подвигом Ермолов спас всю армию. Сам он был ранен пулею в шею; рана его была не тяжелая, но он не мог долее в сражении оставаться и уехал».

Писатель Олег Михайлов в рассказе «Герой Бородина» художественно образно описывает ту знаменитую контратаку русской пехоты на Курганную высоту:

«Ермолов спешился и вынул саблю.

— Ребята! — закричал он, вращая клинком. — Воротите честь, которую вы уронили! Пусть штык ваш не знает пощады! Сметем врага! По-русски!..

Веселое лохматое слово прозвучало, перекрывая выстрелы и вызвав дружные улыбки на измученных лицах. Кутайсов подъехал к Ермолову:

— Я возьму часть людей и поведу их вправо от кургана...

Они с чувством пожали друг другу руки.

— Барабанщик! — скомандовал Ермолов. — Сигнал «На штыки!».

Загремела тревожная дробь: генерал с поднятой саблей первым побежал на крутизну.

Как начальник Главного штаба, Ермолов имел с собой несколько Георгиевских крестов для нижних чинов. Выдернув левой рукой из кармана пук черно-оранжевых лент со знаками отличия боевого ордена, он швырнул их далеко, на бруствер, из-за которого высовывались французские ружья. Множество егерей, обгоняя Ермолова, бросились вверх, навстречу выстрелам. Закипел бой, яростный и ужасный; сопротивление было встречено отчаянное...».

На военном совете в Филях Ермолов высказал мнение, что неожиданные наступательные действия русской армии могут внести замешательство в ряды неприятельской армии. То есть он высказался за новое генеральное сражение, на сей раз под стенами Москвы. На что главнокомандующий заметил, что так может говорить лишь только тот, на ком не лежит никакой ответственности. Начальник кутузовского штаба был в числе тех армейских командиров, которые последними покидали обезлюдевшую Москву.

В Тарутинском армейском лагере Ермолов был начальником штаба у генерал-фельдмаршала М.И. Голенищева-Кутузова. Его военные дарования продолжали блистать. Не случайно исследователь Ахшарумов в своей «Истории похода 1812 года» называет Ермолова «щитом России».

Великая армия императора французов была вынуждена оставить Москву, превращенную в огромное пожарище. Алексей Петрович Ермолов вновь отличился в сражении при Малоярославце. Здесь на его долю выпал «завидный жребий оказать своему Отечеству величайшую услугу». Дело обстояло так.

Прозорливый Ермолов, узнав, что французские войска, оставив Москву, двинулись по Боровской дороге, по собственной инициативе, на свой страх и риск от имени главнокомандующего изменил маршрут движения корпуса Д.С. Дохтурова, направив его к Малоярославцу. Таким образом Наполеону был перекрыт путь к

Калуге и дальше на Юг России. Сам Алексей Петрович также поспешил к месту скорых событий.

Когда войска 6-го пехотного корпуса генерала Д.С. Дохтурова к утру 12 октября подошли к Малоярославцу, авангард французской армии уже вступал в город с севера. Посланный в город корпусным командиром 33-й егерский полк завязал бой на городских улицах: французы стремились захватить мост через реку Лужу. Бой в городе возглавил генерал-лейтенант А.П. Ермолов, которому были подчинены еще два егерских полка — 6-й и 19-й с ротой легкой артиллерии. Затем Дохтуров отправил в его распоряжение еще три полка — Софийский, Либавский и Вильманстрандский пехотные, добавив к ним 11-й егерский полк и артиллерию корпуса.

Сражение за Малоярославец носило самый ожесточенный характер. В своих «Записках» Алексей Петрович отмечал, что «...четыре раза выгнан я был из города и не раз терял совсем надежду возвратиться в оный».

Натиск наполеоновской армии остановила русская артиллерия. Установленные на городской окраине 40 полевых орудий повели столь убийственный огонь, что французы прекратили атаки и оставили Малоярославец. Теперь отступать им приходилось по разоренной Старой Смоленской дороге.

Следует заметить, что все современники отдавали должное распорядительности, твердости и большому мужеству Алексея Петровича в сражении за Малоярославец. Упоминавшийся генерал Н.Н. Муравьев, его участник, писал, что «в Малоярославце произошло сильное сражение, в котором отличился Ермолов своею храбростью и распоряжениями».

Командир 6-го пехотного корпуса генерал от инфантерии Д.С. Дохтуров в донесении главнокомандующему по результатам выигранного сражения сообщал следующее:

«...Обязанность себе поставляю сим засвидетельствовать, что генерал-майор Ермолов (ошибка, так как он был произведен в генерал-лейтенанты за дело у Валутиной Горы под Смоленском. — *А. Ш.*) много способствовал к успешному действию наших войск в сем сражении своей деятельностью и рвением» и оказал ему «величайшее пособие».

Затем Ермолов по приказанию генерал-фельдмаршала М.И. Голенищева-Кутузова находится при авангарде перешедшей в контрнаступление русской армии, став одним из деятельных организаторов преследования наполеоновской Великой армии. Он участвует в окружении остатков корпуса маршала Даву под Вязьмой, в сражении у города Красный и в нанесении полного поражения вражеской армии на берегах Березины.

«Итак, — писал герой Отечественной войны 1812 года, — в течение семи месяцев, потерявши не менее восьми губерний, впавших во власть неприятеля, лишившись древней столицы, обращенной в пепел, имея в сердце своем более пятисот тысяч враждебных полчищ, грозивших истреблением, Россия восторжествовала!»

ЗАГРАНИЧНЫЕ ПОХОДЫ. КОМАНДИР ГРЕНАДЕРСКОГО КОРПУСА

С началом Заграничных походов русской армии в 1813—1814 годах Главный штаб 1-й Западной армии был упразднен и генерал-лейтенанту, признанному артиллерийскому военачальнику А.П. Ермолову Высочайшим повелением Императора Александра I вручается «командование артиллериею, во всех армиях».

В кампании 1813 года он участвует в сражениях при Дрездене, Люцене, Бауцене, Лейпциге, Кульме. Однако ему вскоре пришлось расстаться с должностью главного начальника артиллерии. Новый главнокомандующий русской армии граф П.Х. Витгенштейн заявил, что неудача союзников в Люценском сражении была вызвана недостатком артиллерийских зарядов. Ермолов лишается своей должности и получает назначение на должность начальника 2-й пехотной гвардейской дивизии.

Ермоловская дивизия особенно отличается в Бауценском сражении, в течение нескольких часов стойко удерживая занимаемые позиции, а затем составляя арьергард отступающих союзных войск. За Бауцен генерал-лейтенант Ермолов удостоился ордена Святого Александра Невского.

В сражении при Кульме в Богемии (по-чешски — Хлумец) Алексей Петрович в самый разгар баталии принял командование русскими войсками у графа А.И. Остерман-Толстого, которому ядром оторвало левую руку. Натиск французских войск все усиливался, и скоро в ермоловском резерве осталось всего две роты лейб-гвардии Преображенского полка. В сражавшихся полках были огромные потери в людях, особенно в офицерах.

Когда французы, развивая успех, стали переходить овраг, который разделял противников, они захватили одну из русских батарей. Тогда Ермолов приказал батальону лейб-гвардии Семеновского полка отбить во что бы то ни стало батарею. Участник сражения при Кульме все тот же Н.Н. Муравьев вспоминал о тех минутах ожесточенной битвы:

«Никогда не видел я что-либо подобного тому, как батальон этот пошел на неприятеля. Небольшая колонна эта хладнокровно двинулась скорым шагом и в ногу... Они отбили орудия, перекололи французов, но лишились всех своих офицеров, кроме одного прапорщика Якушкина (будущего декабриста. — *А. Ш.*), который остался батальонным командиром».

После Кульмской победы, когда так отличилась русская гвардия, Император Александр I спросил генерал-лейтенанта Ермолова, какой награды он желает. Острый на язык Алексей Петрович, помня, что российский монарх излишне благосклонен на войне к иностранцам на русской, особенно военной, службе, ответил:

— Произведите меня в немцы, Государь!..

В Лейпцигской «Битве народов» 2-я гвардейская пехотная дивизия Ермолова оказалась в самом пекле. Решительной атакой она захватила деревню Гессе, которая находилась в самом центре французских позиций. Ее каменные дома и заборы больше напоминали полевую крепость, чем селение. Французы сражались здесь отчаянно и стойко, но им в рукопашных схватках пришлось уступить Гессе ермоловским полкам.

В декабре 1813 года наполеоновские войска отступили за реку Рейн, и кампания 1814 года началась уже на территории самой Франции. Последнее сражение русских войск с французскими с участием Ермолова разыгралось под стенами Парижа на Монмартре, продолжившись на Бельвильских высотах. В том деле генерал-лейтенант командовал русской и прусской гвардией.

19 марта 1814 года союзные войска вступили в поверженный Париж. Ермолов был уже в должности командира Гренадерского корпуса. «За отличие при взятии Парижа» он удостоился полководческой награды — императорского Военного ордена Святого Георгия 2-й степени. По поручению Александра I Алексей Петрович лично написал Манифест о взятии союзными армиями французской столицы. В его проекте Ермолов впервые при обращении к войскам употребил слово «товарищи», которое Император заменил словом «воины».

Прославленный военачальник по-своему относился к императорским почестям. Он гордился своими боевыми орденскими наградами, особенно Георгием, полученным из рук самого Суворова. Но когда Император Александр I вознамерился возвести его в графское достоинство Российской империи, Алексей Петрович отказался от графского титула. Сохранились легенды, что так же поступил и Раевский, и некоторые другие военачальники. Да, таковы были русские полководцы в то время.

Во время Венского конгресса 1815 года генерал-лейтенант А.П. Ермолов командовал 80-тысячной обсервационной (наблюдательной) армией, имея свой штаб в городе Кракове на австрийской границе. Во время «Ста дней» Наполеона Бонапарта русские войска не успели к Ватерлоо, но во второй раз приняли участие в занятии Парижа. Ермоловский Гренадерский корпус был расквартирован в его пригородах.

Здесь и произошел серьезный конфликт между Алексеем Петровичем Ермоловым, Государем и Великим Князем Николаем Павловичем, которому через десять лет суждено будет стать Императором Николаем I.

В честь победы над Наполеоном Бонапартом 28 июля 1815 года в пригороде Парижа состоялся парад союзных войск. Во время церемониального марша из-за «неправильной музыки» три взвода из 3-й гренадерской дивизии сбились с ноги. Александр I остался недоволен «фронтовым образованием» дивизии и за «дурной парад» приказал трех заслуженных на войне полковников арестовать и посадить на городскую гауптвахту, охрану которой в тот день нес английский караул.

Командир Гренадерского корпуса горячо заступился за своих подчиненных и не выполнил приказ монарха об их аресте. Все же на следующий день ему пришлось выполнить повеление Императора, непреклонного в своем решении. При этом А.П. Ермолов сказал Великому Князю Николаю Павловичу:

— Я имел несчастье подвергнуться гневу Его Величества. Государь властен посадить меня в крепость, сослать в Сибирь, но он не должен ронять храбрую армию русскую в глазах чужеземцев. Гренадеры пришли сюда не для парадов, но для спасения Отечества и Европы. Таковыми поступками нельзя приобрести привязанности армии.

Когда Великий Князь Николай Павлович попытался «поставить на место» корпусного командира, тот ему сказал:

— Разве, Ваше Высочество, вы полагаете, что русские военные служат Государю, а не Родине? Вы еще достаточно молоды, чтобы учиться, и недостаточно стары, чтобы учить других...

Военный историк генерал А.И. Михайловский-Данилевский, донесший до нас содержание того конфликта, написал следующее:

«Великий Князь по молодости не нашелся, что ответить. Но можно думать, что эти слова глубоко запали в душу Николая Павловича и положили начало тому недоверию, которое так сильно отразилось на Ермолове в прискорбные дни декабрьских событий».

Боевой русский генерал решительно осуждал фронтовую (строевую) муштру, которая была введена в армии сразу же после окончания антинаполеоновских войн 1813—1814 годов. Ермолов постоянно ее высмеивал. Известен, например, такой случай.

Однажды в Варшаве Великий Князь Константин Павлович, ставший наместником в Царстве Польском, показывал Ермолову батальон гвардейской пехоты, обмундированный по новому образцу. Люди замерли в строю, туго затянутые в узкие мундиры с высокими воротниками, накрепко перетянутые перевязями и кушаками, в обтяжных узких панталонах.

При вопросе Великого Князя, как нравится генералу новое обмундирование, Ермолов уронил перчатку и приказал ближайшему солдату поднять ее. Как ни силился несчастный гренадер нагнуться к земле, он не смог сделать этого, так как был стеснен в движениях форменной одеждой и амуницией.

— Не беспокойтесь, голубчик, — сказал Ермолов, сам поднимая перчатку. И обратился к оторопевшему от этой сцены Константину Павловичу: — Отменно красивая и удобная форма, Ваше Величество...

По возвращении русской армии в Россию он сдает Гренадерский корпус под командование генералу И.Ф. Паскевичу, получает отпуск и уезжает к родителям в Орел. Там его вскоре ждало новое назначение.

Пока Ермолов отдыхал в отцовском имении под Орлом — сельце Лукьянчикове Мценского уезда со ста душами крепостных, в Санкт-Петербурге решалась его дальнейшая судьба. Граф А.А. Аракчеев рекомендовал Государю назначить его на пост военного министра России. Однако эта рекомендация сопровождалась весьма двусмысленной характеристикой прославленного генерала:

«Назначение Ермолова было бы для многих неприятно, потому что он начнет с того, что перегрызется со всеми, но его деятельность, ум, твердость характера, бескорыстие и бережливость его бы вполне впоследствии оправдали».

Но у Императора Александра I были совсем иные планы относительно будущего талантливого, но «вольнодумного» тридцативосьмилетнего генерала. Высочайшим указом от 29 июня 1816 года А.П. Ермолов назначается командиром Отдельного Грузинского (с августа 1820 года — Кавказского) корпуса — то есть главнокомандующим русскими войсками в Грузии и на Северном Кавказе.

Одновременно он становится управляющим (главноуправляющим) гражданской частью в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях, а также чрезвычайным и полномочным послом России в Персии (Иране). Ему подчинялись Каспийская военная флотилия, Черноморское казачье войско и Терское казачество.

Пользуясь полной поддержкой и доверием Императора Александра I, Ермолов получил на Кавказе полную свободу военных и административных действий. Не случайно его уже в самом скором времени стали называть «кавказским проконсулом».

«КАВКАЗСКИЙ ПРОКОНСУЛ»

Начиная с 1816 года и, пожалуй, по настоящее время портрет Алексея Петровича Ермолова рисуется, как правило, только двумя красками — черной и белой. С тех пор не утихают споры вокруг личности этого незаурядного в талантах человека, взявшего на себя дело «усмирения Кавказа».

Даже внешне образ Ермолова был замечателен. На всех, кто встречался с ним, он производил впечатление человека, рожденного водить за собой полки. Он был гигантского роста и редкой физической силы, в его фигуре с круглой головой на могучих плечах в обрамлении курчавых вихров было что-то львиное, рисовавшее невиданное существо сказочной отваги и мужества. Чем Ермолов (по мнению английского историка Кавказской войны Джона Бадли) расчетливо пользовался, чтобы вызвать восхищение солдат и заставить трепетать от ужаса своих «полудиких врагов».

Неподкупно честный, простой и даже грубый в обращении, Ермолов с офицерской юности вел спартанский образ жизни. Всегда был при шпаге, дома и в походах спал, завернувшись в свою

шинель, и вставал с восходом солнца. Походные тяготы, как казалось окружающим, совсем не тяготили его.

В начале XIX века Кавказ называли «теплой Сибирью». Военная служба там к числу престижной не относилась, но со временем служба на Кавказе все больше стала пониматься как «полезная для Отечества». Многие армейские офицеры стали стремиться туда, где шла война с воинственными горцами, где одна за другой вспыхивали войны то с Оттоманской Портой, то с шахской Персией.

С именем полководца Ермолова связано в российской истории начало длительной Кавказской войны против горцев Чечни, Нагорного Дагестана и Черкесии, которая затянулась на долгие сорок семь лет. Такое было не случайно — кавказский главнокомандующий и главноуправляющий был последовательным сторонником активного продвижения Российской империи на Восток.

Оказавшись на Кавказе, Алексей Петрович, приняв дела у своего предшественника генерала Н.Ф. Ртищева, первым делом блестяще выполнил возложенную на него дипломатическую миссию. Речь шла о подтверждении Персией статей Гюлистанского мирного договора 1813 года и отказа ее от территориальных притязаний на закавказские владения России.

В апреле 1817 года российское посольство в количестве 200 человек во главе с царским наместником на Кавказе генерал-лейтенантом А.П. Ермоловым прибыло из Тифлиса в Тегеран. По пути, в столице Южного Азербайджана городе Тавризе, состоялась встреча главы посольства с наследным принцем Аббас-мирзой. В персидской столице прошла торжественная аудиенция посла России у персидского шаха Фетх-Али.

Переговоры в Султании (летней шахской резиденции) для российской стороны завершились успешно. Персия отказалась от территориальных притязаний на закавказские земли, и до 1826 года на российско-иранской границе наблюдались относительное спокойствие и добрососедские отношения. Сам Ермолов описывает ход дипломатических переговоров с восточным владыкой так:

«Вкратце скажу, что возложенные на меня поручения кончил я довольно удачно. Переговорам моим немало способствовало то, что я вежливым образом обхождения моего и умевши оказывать лестные уважения шаху весьма ему понравился. Он щедр был в похвалах на мой счет, и никто из вельмож не смел ничего сказать противного...»

Однако глава российского чрезвычайного и полномочного посольства в Персию использовал для достижения его целей и другое. Ермолов пишет следующее:

«Мой грозный вид хорошо выражал мои чувства, а когда речь шла о войне, со стороны казалось, что я готов перегрызть им горло. К их несчастью, я заметил, что это им очень не нравилось, и, когда мне были нужны более убедительные аргументы, я полагался на свою звериную рожу, огромную и устрашающую фигуру и громкую глотку; ибо они понимали, если кто так свирепо орет, у него на то есть хорошие и веские резоны».

За успешное выполнение возложенной на него дипломатической миссии Алексей Петрович Ермолов, кавалер многих орденских наград и герой антинаполеоновских войн, производится в генералы от инфантерии. Высочайший указ о том был подписан Императором Александром Павловичем 8 февраля 1818 года.

После этого Ермолов занялся «умиротворением» Кавказа, стремясь установить российское владычество над горными областями его северной части. Первейшей своей целью он ставил обеспечение безопасности закавказских территорий, которые были отделены от центральной части России немирными землями Чечни (Ичкерии), Горного Дагестана и Северо-Западного Кавказа.

Ермолов говорил о Кавказе: «Это огромная крепость, надобно или штурмовать ее, или овладеть траншеями; штурм будет стоить дорого, и успех его не верен, так обложим же ее».

Командиром Отдельного Грузинского корпуса на высочайшее утверждение был представлен план последовательного покорения Кавказа, в котором были изложены принципы российской военной и гражданской политики в этом горном крае. Суть его заключалась в приведении в полное подданство Российской империи горских народов. При этом Ермолов называет своих предшественников в деле покорения Кавказа «равнодушными начальниками». План был одобрен Императором Александром I и получил поддержку в официальных кругах Санкт-Петербурга.

В отличие от своих предшественников новый царский наместник оставил в стороне административную и дипломатическую деятельность, обратился почти исключительно к военной. Вместо уговаривания и подкупов той части горской знати, которая враждебно относилась к российскому владычеству, Ермолов ввел по отношению к ней твердую политику. Он писал в одном из своих писем генералу Закревскому:

«Я толкую здесь, что, взяв на себя охранение земли и дав высокое покровительство Грузии, должно повелевать властию, а не просьбами».

Ермолов оказался на Кавказе в то время, когда Россия через свою администрацию на местах стала пытаться навязать вольным обществам горцев российские законы, но при этом не вмешиваясь в местные обычаи и религию. На Северном Кавказе стало быстро распространяться недовольство. Особенно возмутило свободолюбивых горцев, одним из главных источников доходов которых были набеги на соседей, запреты на такой узаконенный разбой (в то время обычный род промысла в горах), необходимость участия в строительстве крепостей, мостов, дорог, выплата налогов и поддержка российскими властями местных правителей-феодалов.

Российские власти в утверждении государственности на Кавказе всегда опирались на местных правителей, феодальную знать. Однако далеко не всегда она была верна России, а во многих случаях открыто выступала против нее. Так, А.П. Ермолов дает следующую характеристику одному из дагестанских ханов:

«Казикумыцкое ханство во владении Сурхай-хана, человека самого коварного, готового на всякие злодеяния. По древности своего происхождения он весьма уважаем; между горскими народами имеет сильные связи, ко вреду нашему им употребляемые. Участвуя во всех дагестанских предприятиях против нас и будучи, наконец, наказан отделением части владения его, из коей составлено Куринское ханство, данное родственнику его, врагу его непримиримому, отмщевающему жестокую обиду, бежал в Турцию. В командование генерала Ртищева возвратился, изгнал в отсутствие его управлявшего владетеля и, пользуясь твердыми и почти непроходимыми местами гористой страны, остался без наказания».

Так смешались в «кавказский узел» самые различные исторические противоречия: и вызванные столкновениями несхожих культур, традиций и законов, и порожденные социальным неравенством среди самих горцев, усиленные несправедливостью конкретных людей, обладавших властью. Любое событие могло стать искрой, от которой могла вспыхнуть Кавказская война.

Такой искрой и оказался А.П. Ермолов, вернее, его политика умиротворения Кавказа, наведения в нем должного порядка, присоединение (вольное или вооруженной рукой) еще независимых

горных областей к Российскому государству. Кавказская война по своей логике была неизбежна — лишь волею судьбы генерал Алексей Петрович Ермолов стал ее невольным зачинателем.

Он, ознакомившись с Кавказским краем, доносил в Санкт-Петербург, что «горские народы примером независимости своей в самых подданных вашего императорского величества порождают дух мятежный и любовь к независимости».

Ермолова как главноуправляющего на Кавказе беспокоило многое. Но еще больше его беспокоило, что Россию с Грузией связывала по суше только одна-единственная обустроенная русскими солдатами Военно-Грузинская дорога через Главный Кавказский хребет. Проезд по ней без надежного конвоя был в то время почти невозможен. Не прекращались разбойные нападения «немирных» горцев на Кавказскую укрепленную линию, еще недавно бывшую государственной границей, и на грузинские селения.

Плененные при этом люди становились предметом торга. На Черноморском побережье Кавказа процветала работорговля. Отсюда «торговый путь», который раньше заканчивался в портовых городах Крымского ханства, прежде всего в Кафе (современной Феодосии), теперь вел в Стамбул.

Турция продолжала делать большую ставку на горцев Северного Кавказа, прежде всего Черкесии — на «закубанские народы» в их противостоянии с северным соседом. Местные феодалы в своем большинстве признавали власть России, пока она платила им жалованье и не вмешивалась в полноту их родовой власти над подданными. Но народы Кавказа и прежде всего так называемые вольные горцы традиционно признавали только военную силу.

Главнокомандующий кавказскими войсками России и начал успешную борьбу с такими горцами. Он начал проведение высочайше одобренной активной наступательной политики — проникновение в глубь территории горских народов. Это делалось не столько для рассеяния и наказания непокорных, сколько для создания там укрепленных поселений-крепостей с русскими гарнизонами. В своем большинстве такие укрепления заселялись казаками — так появлялись новые станицы. Они связывались между собой дорогами, вокруг которых для большей безопасности на сотни метров вырубались девственные леса. С ермоловских времен для многих солдат-кавказцев рубка леса стало основной служебной работой.

Строительство дорог в горах позволяло приблизиться к тем «разбойным» горским аулам, откуда на Кавказскую линию по-

стоянно совершались набеги. Однако у генерала Ермолова сил было явно недостаточно, чтобы проводить свою политику повсеместно. Он строил укрепления, рубил лес и прокладывал дороги через них только в им определенных местах. К таким работам в качестве государственной повинности привлекались и местные жители, что стало для них достаточно тяжелым бременем.

«ОБЛОЖЕНИЕ» КРЕПОСТИ ПОД НАЗВАНИЕМ КАВКАЗ

Генерал А.П. Ермолов с началом Кавказской войны не располагал сколько-нибудь значительными воинскими силами. К моменту его прибытия в Тифлис из числившихся по штату в отдельном Грузинском корпусе 45 000 штыков и 6926 сабель в строю находилось только 37 360 штыков и 5948 сабель. В артиллерийском парке имелось орудий: батарейных — 48, легких — 60, конных казачьих — 24.

И только эти войска прикрывали протяженнейшую государственную границу с Турцией и Персией, стояли гарнизонами в городах Закавказья и крепостях на Кавказской укрепленной линии, обеспечивали безопасность коммуникаций.

Тем не менее Ермолов форсировал «обложение» крепости Кавказ. В своем программном рапорте Императору Александру I о начале покорения Чечни он сообщал:

«...В нынешнем 1818 г., если чеченцы, час от часу наглеющие, не воспрепятствуют устроить одно укрепление на Сунже — в месте самом для нас опаснейшем... то в будущем 1819 году... предложу ее правила для жизни и некоторые повинности, кои истолкуют им, что они подданные в. и. в., а не союзники, как они до сего времени о том мечтают...»

Первое, с чего начал кавказский главнокомандующий, был перенос укрепленной линии с берегов Терека на реку Сунжу. В 1818 году здесь были устроены полевые укрепления Преградный Стан и Назрановское. Затем появилась крепость Грозная, построенная на берегах Сунжи на расстоянии одного перехода в глубь Чечни от казачьей станицы Червленой.

То, что Ермолов, оказавшись на Кавказе и познакомившись с ситуацией в горном крае, начал «обложение» непокорных российской власти горных областей именно с Чечни, случайностью не было. В своих «Записках» он так отзывается о ее жителях:

«Ниже по течению Терека живут чеченцы, самые злейшие из разбойников, нападающие на линию. Общество их весьма малолюдно, но чрезвычайно умножилось в последние несколько лет, ибо принимались дружественно злодеи всех прочих народов, оставляющие землю свою по каким-либо преступлениям. Здесь находили они сообщников, тотчас готовых или отмщевать за них, или участвовать в разбоях, а они служили им верными проводниками в землях, им самим не знакомых. Чечню справедливо можно назвать гнездом всех разбойников».

От Грозной по направлению к Владикавказу, стоявшему на Военно-Грузинской дороге, устраивается цепь укреплений. Она шла параллельно Главному Кавказскому хребту. Результатом создания такой «параллели» стало приведение в российское подданство чеченских аулов, расположенных между Сунжей и Тереком. Одна за другой стали вырастать крепости Внезапная, Бурная, Преградный Стан... Уже одни названия их говорили о многом.

Строительство каждой из них имело свое предназначение. Так, крепость Внезапная, построенная в предгорьях Дагестана рядом с Андреевским аулом (по-чеченски Эндери), перекрыла путь «немирным» горцам в их набегах на русские поселения на нижнем Тереке через Кумыкские степи. Одновременно преграждался путь чеченцам в Северный Дагестан, в земли кумыков, за которыми располагалось дружественное России шамхалство Тарковское. Восточная часть Кавказской укрепленной линии протянулась до Каспийского моря.

Андреевский аул имел в восточной части Северного Кавказа печальную известность тем, что здесь на базаре торговали пленниками, захваченными в ходе набегов. По этому поводу писатель А.С. Грибоедов в своих путевых заметках писал следующее:

«Там (в Андреевском. — *А. Ш.*) на базаре прежде Ермолова выводили на продажу захваченных людей — ныне самих продавцов вешают».

Появление русских войск на правом, ичкерийском берегу Терека и строительство крепостей на Сунже еще не означало, по замыслам А.П. Ермолова, начало открытой войны против горцев. Свои намерения относительно Чечни в «Записках» Алексей Петрович поясняет следующим образом:

«Старейшины почти всех главнейших деревень чеченских были созваны ко мне, и я объяснил им, что прибытие войск наших не должно устрашать их, если они прекратят свои хищничества; что

я не пришел наказывать их за злодеяния прошедшего времени, но требую, чтобы впредь оных делаемо не было, и в удостоверение должны они возобновить давнюю присягу на покорность, возвратить содержащихся у них пленных. Если же ничего не исполнят из требований моих, сами будут виною бедствий, которых не избегут, как явные неприятели.

Старшины просили время на размышление и совещание с обществом, ничего не обещали, отзываясь, что ни к чему приступить не могут без согласия других. Приезжая нередко в лагерь, уверяли в стараниях своих склонить народ к жизни покойной, но между тем из многих неосновательных рассуждений их, сколько неудобно исполнение требования о возврате пленных, можно было заметить, что они не имеют вовсе намерения отдать их.

В совещаниях их находились всегда люди, нам приверженные, и от них обстоятельно знали мы, что известные из разбойников, не надеявшиеся на прощение за свои преступления, возмущали прочих, что многие из селений, по связям родства с ними, взяли их сторону и отказались ездить в собрание. Прочих же успели они уверить, что русские, как и прежде, пришли для наказания их, но потому не приступают к оному, что опасаются в летнее время вдаться в леса непроходимые.

Что устроение крепостей есть вымысел для устранения их, но что того не имеем мы намерения и даже ни малейших нет к тому приготовлений, что чеченцам нужно иметь твердость, и мы, пробывши некоторое время, возвратимся на линию...»

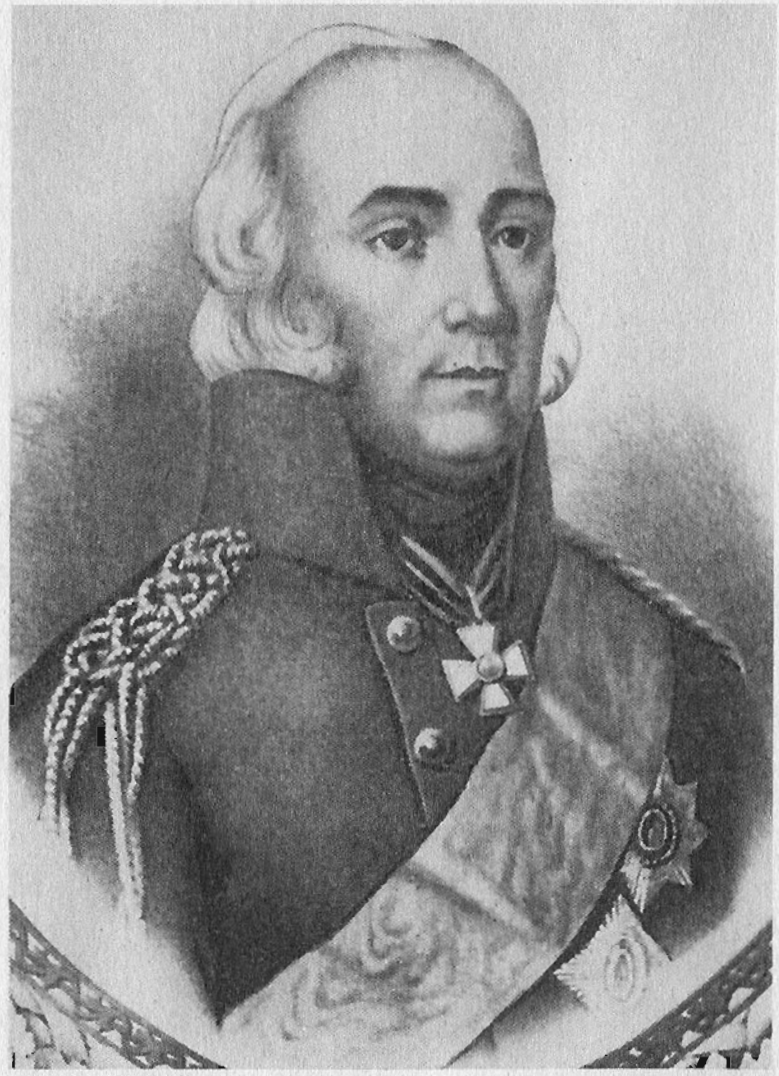
Кавказский наместник, начавший «обложение» крепости Кавказ, однако, и не думал уходить с войсками обратно за Терек. Созданная Сунженская укрепленная линия словно раскалывала Чечню на две части. Когда новую укрепленную линию окончательно достроили, генерал А.П. Ермолов сообщал Императору Александру I о своих следующих планах действий в Чечне:

«Мужикам, проживающим между Тереком и Сунжей и прозванным мирными, я установил правила и службу, которые дадут им ясно понять, что они подданные Вашего Императорского Величества, а не союзники, на что они рассчитывали. Если они будут покорными, я нарежу им земельные наделы по ртам, а остальные земли раздам живущим в тесноте казакам и кара-ногайцам (ногайцам. — *А. Ш.*), если же они ослушаются, я предложу им покинуть эти места и стать обычными бродягами, от коих они отличны толь-

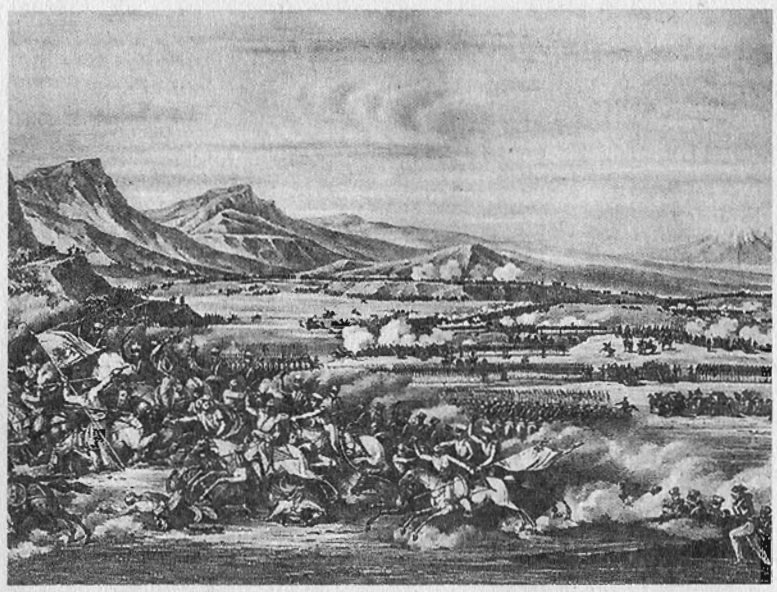
Императрица
Екатерина II Великая

Генерал-адъютант
граф В.А. Зубов

Сражение при Елизаветполе



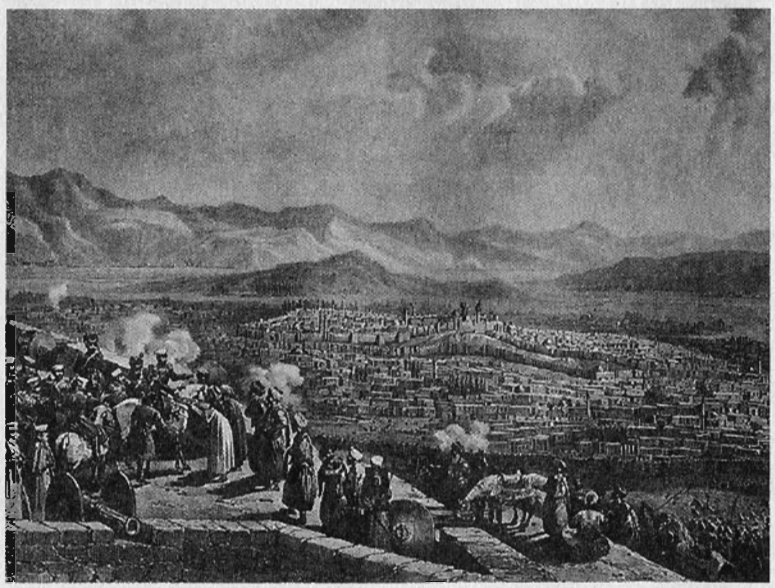
Князь П.Д. Цицианов



Джеванбулахский бой

Воззвание муллы к населению по случаю объявления войны России

Пленение Гаки-паши

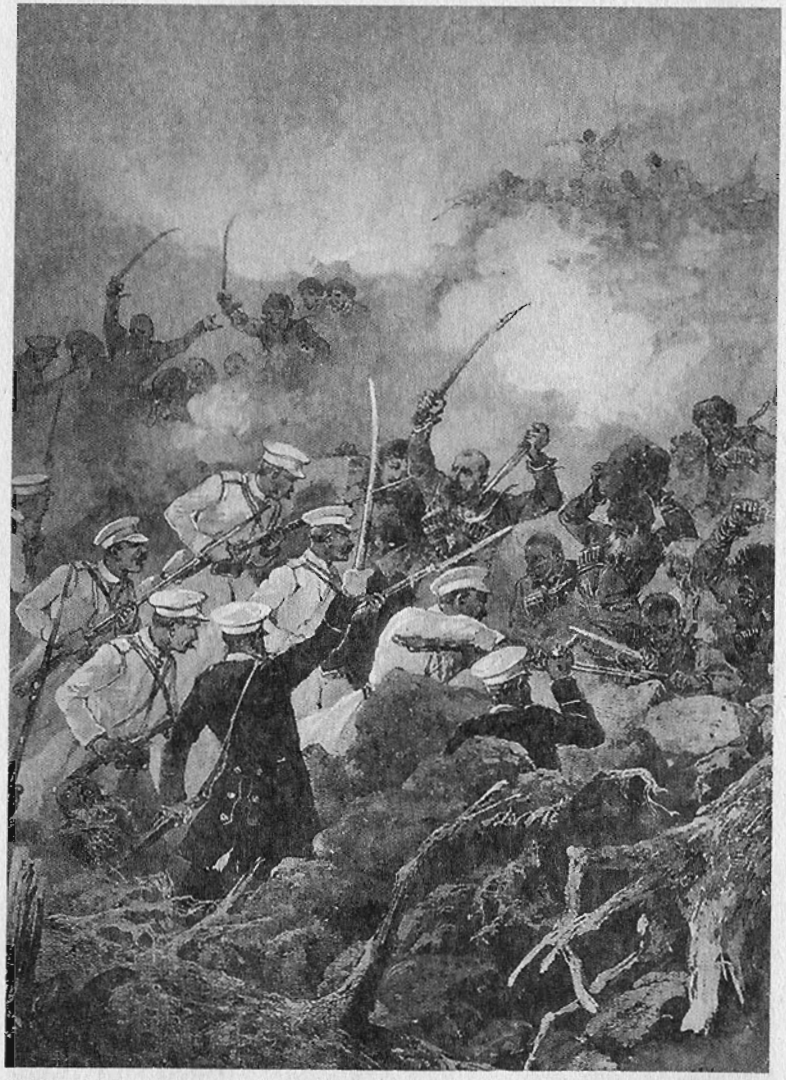


Взятие Эрзерумской крепости

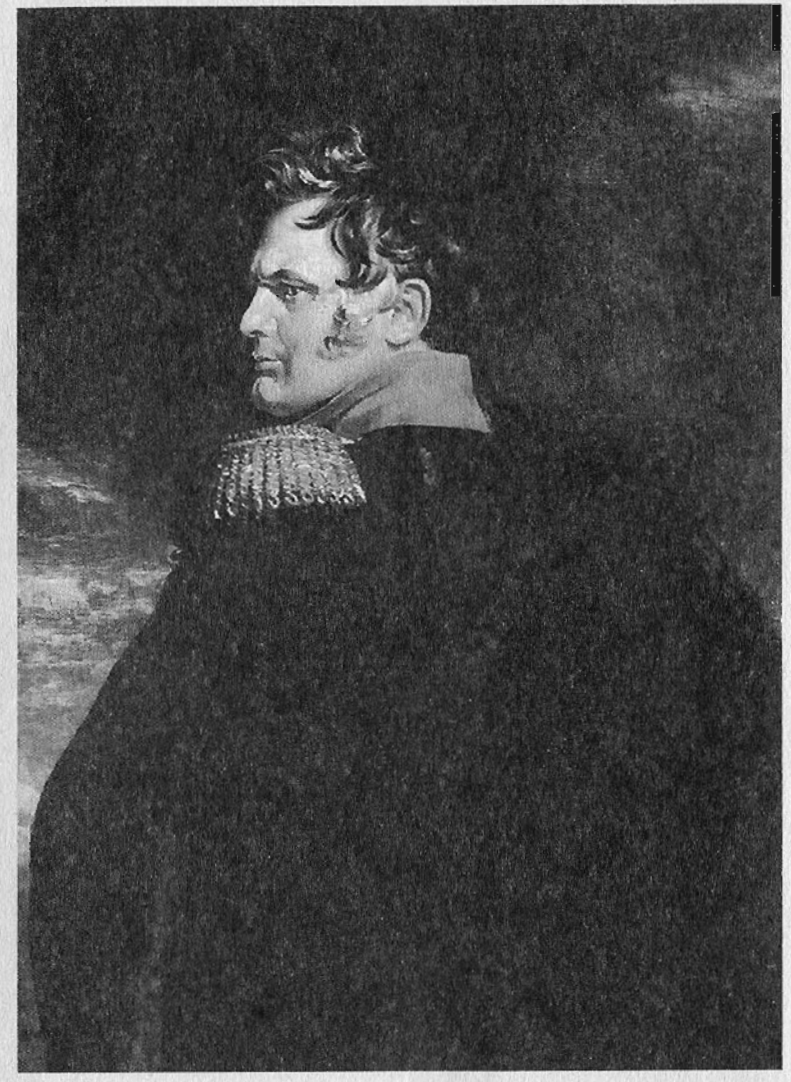
Сражение при Бейбурте

А.Ф. Ртищев

П.С. Котляревский



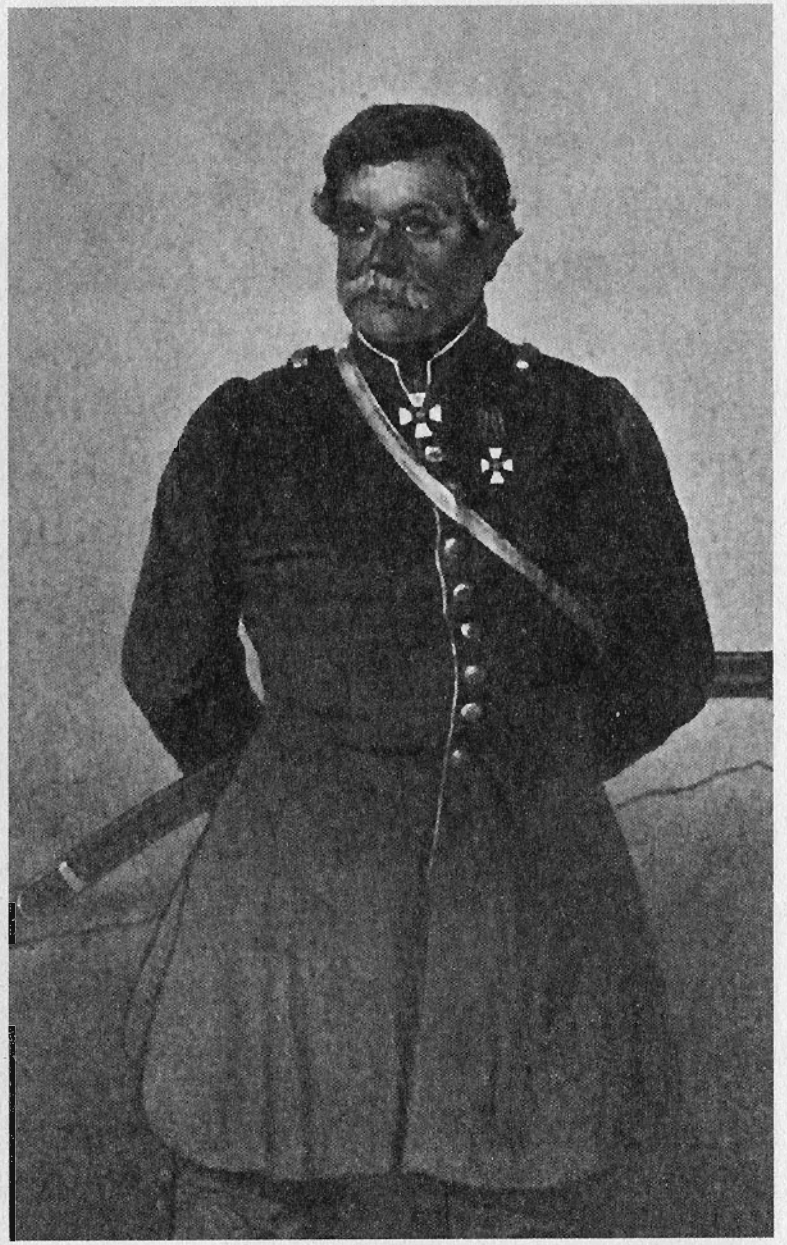
Штурм Елисуйских завалов



А.П. Ермолов

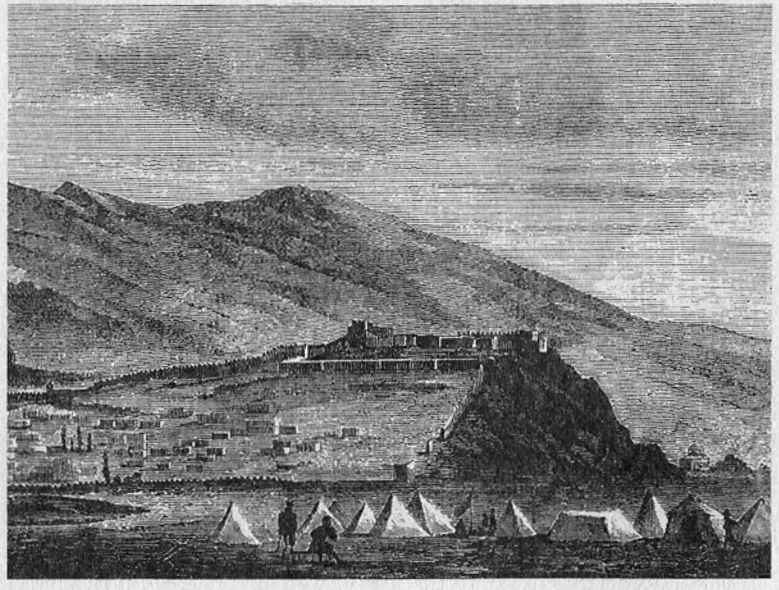
Вид Константинополя — Стамбула

Турецкая караульня



Н.Н. Муравьев

Цитадель Карса

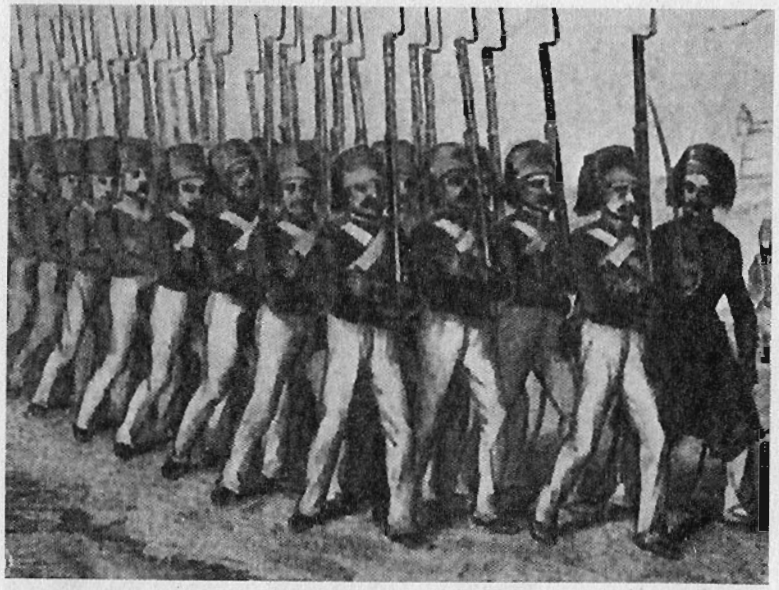


Крепость Гассан-Кала

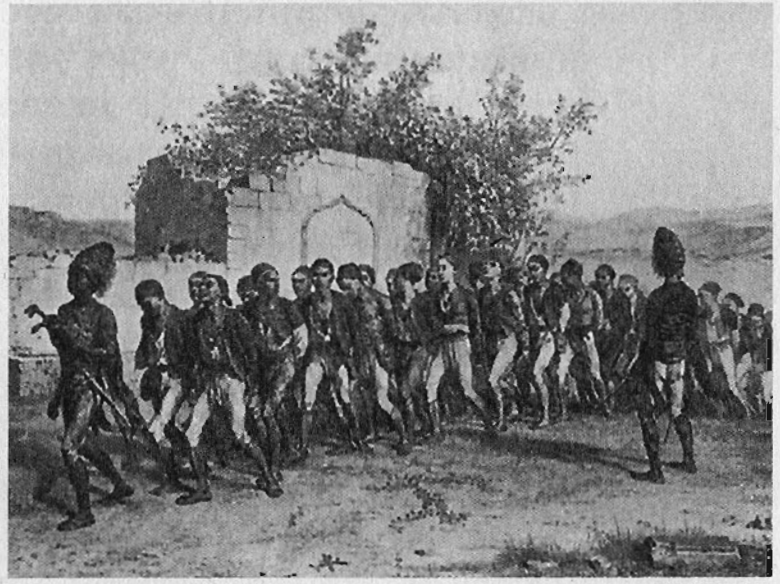
Театр русско-турецких войн в XIX в.

Барон Г.В. Розен

Перевоз баши-бузуков из Анатолии на Кавказ

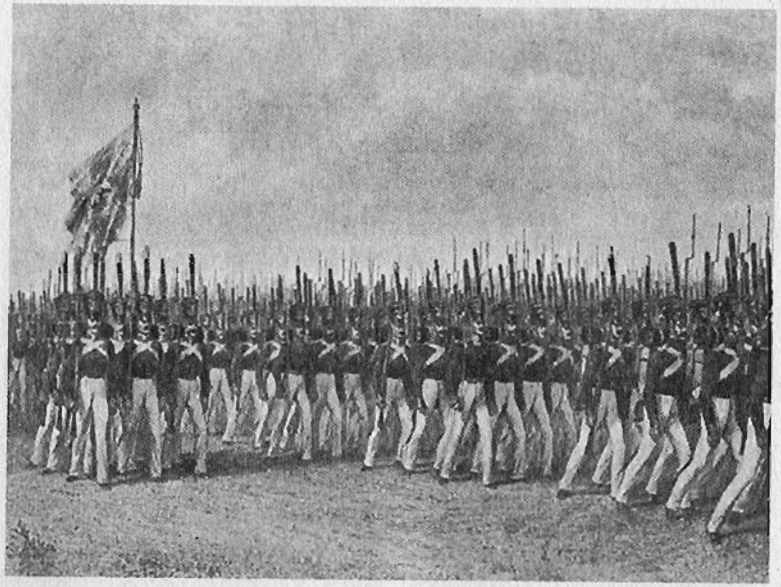


Турецкая пехота

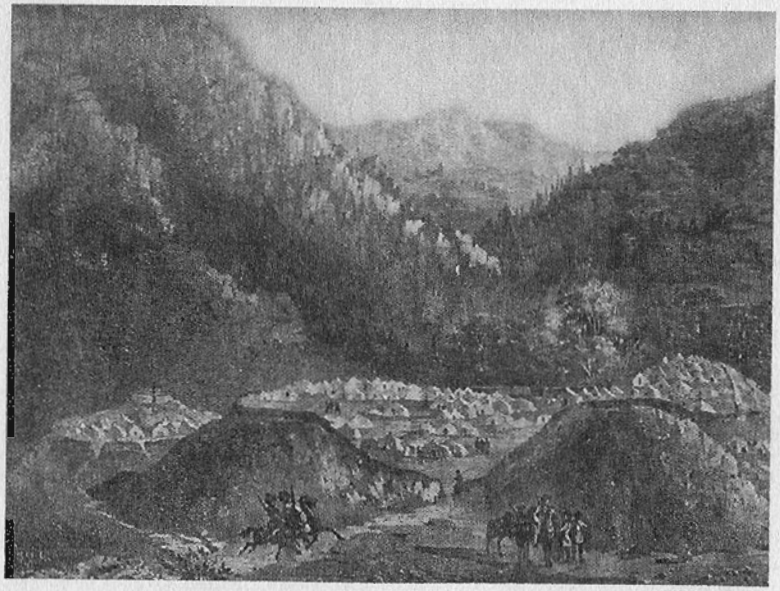


Сбор турецких рекрутов

Курды, переходящие реку Аракс



Церемониальный марш русской пехоты

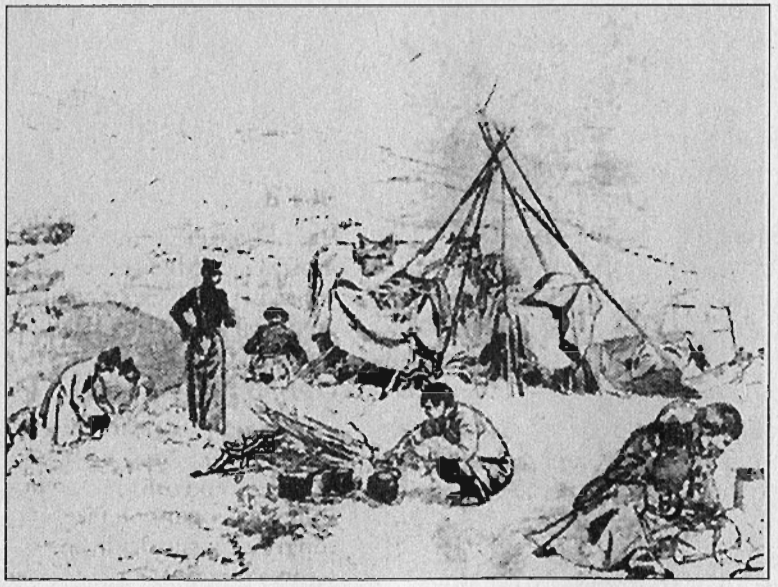


Вид русского лагеря при урочище Мичик-Кале в 1845 г.

Воины кавказской армии

Шамиль в молодости

Продавец оружия на Кавказе



Русский походный лагерь в горах

ко своим прозванием, а земли останутся в нашем полном распоряжении».

Кавказский наместник применил новую тактику и в отношении «немирной» Черкесии. Здесь не только строились новые укрепления по реке Кубани и ее притокам, прежде всего Малке, но и создавались новые казачьи станицы. Ермолов впервые официально разрешил преследование на противоположной стороне Кубани, на ее левобережье, отрядов «закубанских народов», совершавших разбойные набеги на русские территории. Теперь такие набеги «вольных» черкесов для угона скота и взятия пленных на продажу в турецкое рабство или для получения за них выкупа редко оказывались безнаказанными.

Создание укрепленных линий ставило привыкшие к разбойному образу жизни горские народы в трудное экономическое положение. Им предстояло или смириться с российской властью, или лишиться зимних пастбищ и лучших полей на равнине. Поэтому «немирным» аулам приходилось делать выбор.

Казалось, что намерения российских властей были самые благородные: распространение законности и просвещения, прекращение междоусобиц и работорговли, ликвидация традиционной системы разбойных набегов, обеспечение безопасности торговли и передвижения по краю. Но Ермолов понимал, что горскую публику благородными мотивами не покоришь. «С волками жить — по-волчьи выть!» И ставка Санкт-Петербурга и кавказского наместника на силовое решение проблемы («и добро надо делать насилием») была единственно верной.

После создания русских крепостей на Сунже пришел черед Кавказских гор. От Сунженской линии через вековые леса стали прорубаться просеки, по которым ермоловские отряды ходили военными экспедициями против «немирных» областей и аулов Чечни. Непокорных горцев генерал Ермолов карал жестоко, по законам военного времени — «немирные» аулы подвергались разгрому, а их жители переселялись с гор на равнинные земли. С аулов, жители которых были уличены в разбойных набегах, брали штраф, как правило, частью стад, которые входили в состав довольствия кавказских войск.

По восточным обычаям, которые имели вековые корни, царский наместник на Кавказе приказывал брать заложников из семей местной знати — аманатов, которые своей жизнью гарантировали покорность своих соплеменников. Аманаты во многих

случаях безбедно проживали в далеком от гор городе Астрахани.

Ермолов с первых своих шагов полностью отверг политику своих предшественников, которые пытались всячески задабривать горцев и их правителей в обмен на покой в горах. В этом отношении показателен такой случай. Когда генерал-наместник узнал, что чеченцы захватили в плен полковника Шевцова (его отряд действовал у Ханкальского ущелья) и потребовали за него огромный денежный выкуп в «восемнадцать телег серебра», он приказал немедленно арестовать старейшин окрестных горских аулов. При этом Ермоловым было объявлено, что после назначенного срока все они будут повешены, если полковник Шевцов не будет возвращен. Пленный без всяких торгов по такому случаю был отпущен на свободу. Чем не пример для нас сегодня!

ПОСЛЕ ЧЕЧНИ — ГОРНЫЙ ДАГЕСТАН

Не прекращая военных действий в Чечне, генерал А.П. Ермолов начал проводить политику силового давления и в соседнем Дагестане. Перенос укрепленной линии с Терека на Сунжу консолидировал враждебно настроенных к России горцев — они хорошо поняли тактику кавказского наместника.

А тот доносил Императору Александру I:

«В Дагестане возобновляются беспокойства и утесняемы хранящие нам верность... Защита (интересов России. — *А. Ш.*) состоит не в бесславном рассеянии и наказании мятежников, ибо они вновь появляются после, но необходимо между ними пребывание войск, и сей есть один-единственный способ усмирить несколько народ дагестанский».

Зимой 1818—1819 годов против российского владычества выступило большинство дагестанских правителей. Первоначально они объединились на борьбу с войском властного генерала А. Пестеля, любившего подкреплять свои распоряжения угрозой: «А то прикажу повесить!» Однако «возмущение» в еще недавно спокойном Дагестане оказалось более серьезным, чем казалось на первый взгляд.

В восстании в Дагестане, опираясь на поддержку Персии, приняли участие местные владельцы — Ахмед-хан Аварский, Сурхай-хан Казикумыкский, Абдул-бек Эрсинский (Эрсойский), аулы

Мехтулинского, Каракайдагского, Табасаранского владений и вольное Акушинское общество (область Акуша). Образование такого ханско-бекского союза против ермоловской политики было не случайным. Царский наместник последовательно занимался ликвидацией владений феодальной знати как в Закавказье, так и на Северном Кавказе.

Была и еще одна веская причина образования такого антироссийского союза в горах Дагестана. Вскоре, после введения запрета на набеги (а это был один из главных источников доходов «немирных» горцев), стало очевидным довольно определенное отношение «вольной» части населения горного края к подобной политике российской администрации.

Теперь над теми феодальными образованиями, которые приняли российское подданство — Тарковским шамхалством, Каракайдагским умцием и рядом других, — нависла военная угроза со стороны мятежных соседей.

Ермолов, поняв всю опасность событий в Дагестане, послал на помощь верным России горским правителям русские воинские отряды.

Главнокомандующий приказывает генералу Пестелю, как старшему военачальнику в Дагестане, провести в его Нагорной части первую военную экспедицию. Тот, видимо, не понял всей сложности возложенной на него боевой задачи и взял с собой всего два неполных пехотных батальона и небольшой отряд местных конных милиционеров и выступил в поход.

Взяв центр Каракайдагского ханства селение (городок) Башли, отряд генерала Пестеля неожиданно оказался окруженным превосходящими силами горцев. Русские на узких улочках городка не смогли развернуть свои орудия. Положение спас своими умелыми и храбрыми действиями полковник Мищенко. Экспедиционный отряд с трудом пробился из окружения и отступил к Дербенту, понеся при этом немалые потери убитыми и ранеными: 12 офицеров и около 500 нижних чинов.

Известие об этой победе всколыхнуло Нагорный Дагестан. Победу при селении Башли праздновали даже в Персии. В столице Южного Азербайджана городе Тавризе наследный принц Аббас-мирза устроил по такому поводу большой пир и пальбу из пушек.

Однако на том военные успехи мятежных дагестанских владельцев и закончились. Встревоженный Ермолов во главе одного из отрядов нанес поражение Ахмед-хану Аварскому, которому

пришлось бежать из собственных владений. Затем наш генерал от инфантерии наносит поражение и хану Мехтули, имея под командованием лишь пять батальонов пехоты, 300 казаков и 14 орудий. В 1818 году самостоятельность Мехтулинского ханства ликвидируется, а резиденция местного хана в Дженгутае и Малом Дженгутае разоряется.

В начале 1819 года генерал Ермолов во главе немногочисленного отряда русских войск штурмом взял высокогорное селение Акуши — центр Акушинского (Даргинского) союза, расположенного в Среднем Дагестане. Кавказский главнокомандующий выступил в поход против Акуши-Дарго, население которого он называл самым «воинственным, сильнейшим в Дагестане», во главе всего трех пехотных батальонов, 500 линейных и донских казаков и «татарской» милиционной конницы, сформированной в дагестанских ханствах. Отряды соединившихся акушинцев насчитывали 15 тысяч человек, однако они потерпели полный разгром.

Эта победа русского оружия в начавшейся Кавказской войне имела большой, прежде всего политический резонанс. Акушинцы (даргинцы), один из самых воинственных народов Северного Кавказа, доселе еще никому не покорялись. Но подданство России им пришлось принять.

Внутри Акуши оставлялось местное самоуправление. Ермолов своей властью, «данной великим Государем», удалил из Акуши-Дарго Мамед-кадия и назначил на должность главного кадия акушинцев Зухума. Ему поручалось сохранить «прежний обряд управления и прежние обычаи, без всякой перемены». Акушинцам запрещалось лишь участвовать «в распрях соседственных народов».

В своих мемуарных «Записках» генерал А.П. Ермолов описывает покорение Акуши и то, какими мерами он сумел добиться этого. То есть он на примере военной экспедиции против акушинцев рассказывает о своей наместнической политике по отношению к «немирным» горцам:

«Приказано было истребить селения... Разорение нужно было как памятник наказания гордого и никому доселе не покорствовавшего народа; нужно в наставление прочим народам, на коих одни примеры ужаса удобны наложить обуздание.

Многие старшины деревень пришли просить помилования; не только не тронуты деревни их... не позволено войскам приближаться к оным, дабы не привести в страх жителей. На полях хлеб их, все заведения и стада их остались неприкосновенными. Великодушная пощада, которой не ожидали, истолковала акушинским народам, что одною покорностью могут снискать свое спасение, и уже многие являлись с уверенностью, что они найдут снисхождение».

В том же 1819 году проводится ряд военных экспедиций в Чечне против «немирных» аулов Большой Чечен, Шали, Герменчук, Автуры, Гельдиген, Майртун. Крепость Грозная становится тем центром, откуда совершали экспедиции по всей территории «немирной» Чечни. Русский отряд генерала Сысоева штурмом берет аул Дада-юрт. На этом в Ичкерии наступает временное затишье.

А военные события в Дагестане ширились. В августе 1819 года ермоловский генерал князь В.Г. Мадатов во главе отряда из двух батальонов пехоты, 300 казаков и 8 орудий, наступая с юга, со стороны азербайджанской Кубинской провинции, занял область Табасарань и нанес поражение Абдул-беку Эрсинскому.

Генерал Мадатов заменил в Дагестане генерала Пестеля. Он был «хорошим рубакой... требования дисциплины он толковал довольно широко». Бесстрашный и решительный военачальник вынудил большую часть Табасарани принести себе, как представителю Императора России в Дагестане, присягу.

Старшинская и духовная знать вольной Табасарани подписала тяжелые для себя, как побежденных, условия. «Ныне, — отмечалось в присяге, — ...ген.-майор князь Мадатов, прибыв сюда с русским отрядом, силою оружия изгнал изменника Абдул-бека, покорил нас своей власти, предал огню наши деревни и привел нас в покорность. Мы приняли подданство... Мадатов назначил между нами кадием Абдур-Реззак-бека и приказал нам повиноваться его власти и признать его своим кадием. Мы признаем его своим кадием и клянемся в подданстве российскому Императору».

В отряде генерала князя Мадатова в деле усмирения Табасарани участвовала дагестанская конная милиция под начальством Аслан-хана Кюринского и отряд самих табасаранцев. В награду за победу им было отдано имущество Абдул-бека, изменившего присяге на верность России.

Это заставило его союзника, хана Аварии, соединиться с чеченцами и лезгинами. Собрав таким образом войско в 5—6 тысяч человек, Ахмед-хан Аварский расположился военным лагерем на реке Сулак, всего в 16 верстах от строившейся крепости Внезапной, создав ей реальную угрозу. Тогда навстречу правителю Авар-

ского ханства выступил сам Ермолов с отрядом в 4 тысячи человек и в упорном бою наголову разбил горцев, которые в своем большинстве рассеялись.

В то же время к восставшим присоединился Адиль-хан Каракайдагский. Ранее он по своим словам и поступкам считался одним из главных приверженцев России среди дагестанских правителей. Его выступление привело в гнев кавказского наместника. Против Адиль-хана была направлена военная экспедиция. И ханская резиденция была сожжена, сам дворец до основания разрушен, а земли мятежника объявлены собственностью российской короны.

Тогда Адиль-хан, которому уже не было возврата в родовые владения, соединил своих воинов с отрядами сына Сурхай-хана и других местных владельцев. Под знаменами низвергнутого правителя Каракайдага оказалось войско до 15 тысяч конных и пеших горцев. В середине декабря 1819 года под Левашами произошло сражение, в котором генерал Ермолов, шедший на соединение с Мадатовым, снова разгромил Адиль-хана.

Это решило судьбу Приморского и Северного Дагестана.

ПОРАЖЕНИЕ СУРХАЙ-ХАНА. ВРЕМЕННОЕ ЗАМИРЕНИЕ ЧЕЧНИ

Примерно тогда же влиятельный Сурхай-хан Казикумыкский (к слову сказать, одним из первых среди дагестанских владельцев присягнувший на верность России) собрал войско численностью около 6 тысяч человек и вознамерился уничтожить русские укрепления около своих владений.

19 декабря он внезапно напал на Чирахский военный пост, гарнизон которого состоял всего из двух рот Троицкого пехотного полка под начальством штабс-капитана Овечкина.

Укрепление в Чирахе было небольшим. Весь гарнизон разместиться в нем не мог, поэтому часть солдат была расквартирована в самом ауле, в неукрепленной казарме. Спустившись ночью с гор, ханские воины спящими вырезали 80 русских солдат, однако оставшимся 50 во главе с прапорщиком Щербиной удалось штыками пробиться и забаррикадироваться в аульной мечети. Штабс-капитан Овечкин не мог оказать им помощь, поскольку в это время с остальным гарнизоном он сам с трудом удерживал укрепление, отражая приступ нескольких тысяч нападавших.

Целый день, без воды и пищи, имея только небольшое число патронов, солдаты прапорщика Щербины в рукопашных схватках отражали приступ за приступом. Наконец, когда сурхаевцам удалось ворваться внутрь мечети, офицер с несколькими солдатами укрепился в минарете. Однако хан торжествовал рано: ни голод, ни особенно жажда не заставили русских сдаться. Только через два дня Сурхай-хану удалось подвести под минарет подкоп с пороховой миной и взорвать минарет. Его защитники погибли под обломками.

Однако засевшие в укреплении Чирахского поста пехотинцы штабс-капитана Овечкина продолжали стойко держаться. Из гарнизона в живых осталось всего 70 человек, из которых лишь 8 не было ранено. На исходе третьих суток к защитникам поста подоспела долгожданная помощь. Но какая — генерал барон Вреде привел с собой всего 150 человек. Однако их вида для Сурхай-хана, получившего известие о ермоловской победе при Левашах, оказалось достаточно, чтобы снять осаду русского укрепления и скрыться в горах.

Но отряду генерал-майора Мадатова все же удалось настигнуть войско Сурхай-хана Казикумыкского и в бою при Хозреке нанести ему полное поражение. Алексей Петрович Ермолов в своих «Записках» подробно описывает это столкновение в горах Дагестана:

«...Пройдя непродолжительное дефиле, войскам нашим представились неприятельские окопы и все силы. Окопы прилегали к горе довольно утесистой, и вершина оной занята была большими толпами. Там был особый лагерь стражи Сурхай-хана, который не любил подвергаться опасности и весьма часто прежде оной заботился о средствах верного отступления.

Атаку укреплений распорядил генерал-майор князь Мадатов в трех пунктах. Оной предшествовала сильная канонада, которая произвела в неприятеле приметное замешательство. Конница его, бывшая впереди, усилясь пехотою, вышедшею из окопов, составляла значительные толпы, и генерал-майор князь Мадатов должен был употребить против них особенную часть войск; после нескольких выстрелов бросились они в бегство; конница проскакала чрез селение, поспешно спасаясь, вместе с нею наша татарская конница (азербайджанская и дагестанская милиция. — *А. Ш.*) успела захватить часть селения. Из некоторых укреплений атакующие колонны наши встречены были сильным огнем, но оный не остано-

вил их. Укрепления взяты штыком без выстрела. В одном из них сопротивлявшийся неприятель в числе 180 человек вырезан до последнего. Повсюду проникшие войска наши грозили отрезать у них отступление.

Когда же увидел неприятель, что вся конница наша и часть татарской пехоты обратилась на единственную дорогу, по которой мог он надеяться отойти беспрепятственно, тогда все толпы в величайшем замешательстве, не помышляя более о защите, бросились в стремительнейшее бегство к той утесистой горе, которая находилась позади укреплений. Тесные тропинки не могли вмещать вдруг всего множества, стрелки наши преследовали бегущих, нанося им чувствительный вред. Умножила бедствия их подоспевшая артиллерия, которая, расположась при подошве горы по отлогости оной, усеянной спасающимися, производила картечные выстрелы.

Сурхай-хан бежал при самом начале атаки на укрепления, и войска его остались без начальника. За ним последовало весьма малое число приверженцев; все спасшиеся от поражения рассеялись в разные стороны...»

Восстание в Дагестане быстро пошло на убыль. В 1820 году генерал Ермолов ликвидирует как таковое Казикумыкское ханство. В следующем году окончательное военное поражение терпит Ахмед-хан Аварский. На побережье Каспийского моря заканчивается строительство укрепления Бурное (ныне город Махачкала).

В Чечне проводятся все новые и новые военные экспедиции в горы. Ермолов в марте 1820 года писал своему старому боевому товарищу генералу Закревскому:

«Чеченцы мои любезные — в прижатом положении. Большая часть живет в лесах с семействами. В зимнее время вселилась болезнь, подобная желтой горячке, и производит опустошение. От недостатка корма, по отнятии полей, скот упадает в большом количестве. Некоторые селения, лежащие в отдалении от Сунжи, приняли уже присягу, и в первый раз Чеченцы дали ее на подданство. Теперь наряжается отряд для прорубания дорог по земле Чеченской, которые мало-помалу доводят нас до последних убежищ злодеев».

Через месяц, в апреле, кавказский главнокомандующий вновь пишет тому же Закревскому о военных действиях в Чечне:

«Я не отступаю от предпринятой мною системы стеснять злодеев всеми способами. Главнейшее есть голод, и потому добиваюсь я иметь путь к долинам, где могут они обрабатывать землю и спасать стада свои... Голоду все подвержены, и он поведет в повиновение».

Казалось, что теперь весь Дагестан и Чечня окончательно подчинились России. Многие аулы и вольные общества изъявили покорность России. Так, в октябре 1820 года в крепость Грозную прибыла депутация от общества аула Герменчук с сообщением о признании своей покорности. Такое же признание доставили и жители высокогорного дагестанского аула Кубачи, известного на весь Кавказ своими чеканщиками. Кубачинцы обязались вносить в царскую казну ежегодно 400 червонцев.

С наступлением первых холодов русские войска ушли с гор Чечни и Дагестана на назначенные им зимние квартиры на Кавказской укрепленной линии и в Закавказье. Ермолов отдал соответствующие приказания в «замиренной» им Ичкерии. О них в своих «Записках» он говорит так:

«Командующему в крепости Грозной приказано в зимнее время порубить лес, покрывающей ущелье Хан-Кала, чрез которое проходит лучшая и кратчайшая дорога ко всем большим чеченским деревням. Для сообщения с Тереком до сей крепости при селении Старый Юрт устроен редут и в нем расположена рота. Всем владельцам лежащих по правому берегу Терека деревень дано наставление не терпеть у себя вредных людей, не пропускать чрез земли свои хищников и выставить в известных местах караулы».

Ермоловское кольцо вокруг «крепости Кавказ» продолжало неумолимо сжиматься. Но временное спокойствие было в корне обманчивым. Собственно говоря, Ермолов в него и не верил.

ГРУЗИЯ. КАБАРДА. АБХАЗИЯ

В те годы военные события происходили не только на Северном Кавказе. В 1819—1820 годах царский наместник силой подавил сепаратистские выступления княжеской знати в грузинских областях: Имеретии, Гурии и Мингрелии. Сильное недовольство высказало и местное духовенство, возмутившееся действиями экзарха Грузии Феофила, который заметно сократил число действующих церквей, находящихся в «бедности». Восстание было поднято против местной, своей же администрации.

С задачей подавления «возмущения» справился один из ветеранов кавказских войн генерал-лейтенант И.А. Вельяминов. Дело до серьезных столкновений не дошло, если не считать событий в Гурии. Там было нападение на русский военный пост в Чехтаури и убийство на лесной дороге полковника Пузыревского. Ответом стало разорение нескольких «немирных» гурийских селений и уничтожение родового замка князя Абашидзе, который при поддержке оружия нескольких сот турок из Ахалцыхского пашалыка провозгласил себя царем Имеретинским.

Вслед за военными экспедициями в Чечне и Дагестане Ермолов начал укреплять российское присутствие в западной части Северного Кавказа, прежде всего в Кабарде. Для ее окончательного усмирения применяется испытанный метод: от Владикавказа до верховьев реки Кубани протягивается цепь новых укреплений — Нальчикское, Чегемское и другие. Они, как правило, запирали собой выходы из горных ущелий, образованных долинами рек Малки, Баксана, Чегемы, Уруха и Нальчика.

В 1823 году кабардинские князья в отместку за выселение аулов между рекой Малкой и Кубанью разоряют в набеге русское селение Круглолеское. Подавив мятеж местных князей, генерал А.П. Ермолов применяет к ним суровую по тем временам карательную меру — своей властью он освобождает кабардинских крестьян от крепостной зависимости. То есть дает им личную свободу, лишая тем самым князей собственности в лице крепостных людей.

С тех пор Кабарда (к слову сказать, добровольно вошедшая в состав Русского царства еще в 1557 году), невзирая ни на какие перипетии Кавказской войны, всегда оставалась спокойной, разделяя тем самым вместе с Северной Осетией воюющий Северный Кавказ на два совершенно разных театра военных действий — Чечню и Дагестан на востоке и прикубанскую Черкесию на западе. Это был большой стратегический успех в идущей войне.

Окончательное «замирение» Кабарды позволило царскому наместнику обеспечить надежное сообщение с Закавказьем. Военно-Грузинская дорога переносится на левый берег Терека. Старая, подвергавшаяся частым набегам «партий» горцев, была оставлена. Движение по новой Военно-Грузинской дороги транспортов («оказий») становится безопасным. К Владикавказу прокладывается новый путь из Екатеринодара, прикрытый слева от чеченцев бурным Тереком, а справа — рядом укреплений.

Подчинение кавказскому наместнику Черноморского казачьего войска, поселенного на правобережье Кубани и имевшего в своем составе около 40 тысяч служилых людей, не внесло, однако, умиротворения на западе Северного Кавказа. Турецкий паша, начальник гарнизона в Анапской крепости, постоянно подталкивал закубанских черкесов к нападениям на сопредельную сторону. По реке Кубани шла настоящая набеговая война, в ходе которой черноморские казаки сами не раз отправлялись в экспедиции на левобережье.

В 1821-м и 1824 годах русские кавказские войска совершают две военные экспедиции в Абхазию. В последнем случае генерал Горчаков, действуя против отрядов местных князей, занял Сухум-Кале и покорил большую часть Абхазии. Это было большим ударом для Стамбула, поскольку Турция всегда имела немалые виды на мусульманскую часть местного населения в войнах против России.

В скором времени затишье на востоке Северного Кавказа «обратилось» в очередное «возмущение» Чечни. Сообщение об этом командир Отдельного Кавказского корпуса генерал от инфантерии Алексей Петрович Ермолов получил в Тифлисе 2 июля 1825 года.

«ВОЗМУЩЕНИЕ» В ЧЕЧНЕ. ЛИКВИДАЦИЯ ХАНСТВ

Мятеж во многом был спровоцирован жестокостью действий генерал-майора Грекова по отношению к непокорным аулам, которые в наказание лишились немалой части своих стад. Восставшим чеченцам уже в самом начале сопутствовал успех: русские войска в Ичкерии остались без командования — генерал-майор Греков был убит, а генерал-лейтенант Лисаневич смертельно ранен. Так после нескольких ударов кинжалом муллы из селения Майртуп Оччар-Хаджи на Кавказской укрепленной линии не оказалось ни одного генерала.

В том же месяце Ермолов, еще не оправившийся после болезни, покидает Тифлис и отправляется на место событий. В Чечню стягиваются войска. Писатель и дипломат А.С. Грибоедов писал в начале декабря 1825 года одному из своих друзей:

«Посмотрим, чем кончится поход против чеченцев; их взволновал не сколько имам, пророк недавно вдохновенный (речь идет о шейхе Мансуре. — *А. Ш.*), как покойный Греков, способный человек, но грабитель».

Восстание в Чечне в 1825—1826 годах возглавил Бейбулат Таймиев (Таймазов), имевший чин поручика русской армии и состоявший в должности начальника военной линии. Однако, как тот волк, который все в лес смотрит, Бейбулат продолжал совершать разбойные набеги в различных районах Северного Кавказа, не раз захватывая богатую добычу.

В «Иллии» — героико-эпическом литературном памятнике чеченцев — приводится, как пример, обращение предводителя Бейбулата Таймиева к своим воинам:

— Клятву я дал, что у этого князя для бедняков я табун уведу. Если хотите, я вас поведу, а не хотите — один я пойду...

Кавказские власти пытались вначале обходиться с ним почтительно, стараясь подарками удерживать его от открытых разбоев. Но от такой политики проку было мало. В донесении в Санкт-Петербург на имя Императора Александра I А.П. Ермолов сообщал:

«Теперь главнейший разбойник чеченский и наиболее вреда нам наносящий есть известный Бейбулат, имеющий чин поручика».

Самым большим успехом чеченцев под предводительством Авко и Кази-муллы стало взятие ночным нападением русского укрепления Амир-Аджи-юрт. Из 181 защитника редута 98 человек было убито, а 13 взято в плен. В качестве богатого трофея нападавшие взяли и одну пушку.

Они предприняли попытку даже осадить крепость Грозную и захватить в плен генерала Ермолова у станицы Калиновской. Но это, естественно, закончилось провалом. Был осажден редут Гурзуль (Герзуль) у одноименного аула, но его небольшой гарнизон успешно выдержал до подхода помощи 7-дневную осаду. При всех неудачах Бейбулат Таймиев смог создать войско примерно из 2 тысяч ополченцев.

И вот кавказский наместник проводит ряд серьезных военных экспедиций в Большой Чечне. В 1826 году подвергаются разорению «немирные» аулы Атаги, Урус-Мартан и ряд других. На реке Аргуни 30 января 1826 года разбиваются «скопища» чеченцев и лезгин. Отряды Бейбулата Таймиева разгромлены, а сам он находит убежище в Персии. Там он встречается с шахом и ведет с ним переговоры о военной помощи чеченцам. В феврале Ичкерия окончательно «замиряется», и войска размещаются по казачьим станицам на Тереке.

Тактика устрашения, примененная при подавлении «возмущения» в Чечне, хорошо подействовала на «немирных» горцев. Когда началась вторая русско-персидская война, чеченцы не нанесли ни одного удара в тыл Отдельному Кавказскому корпусу, хотя, по всей вероятности, их предводитель Бейбулат Таймиев вел на сей счет переговоры в Тегеране.

Вместе с тем отметим, что восстание в Чечне, хотя и легко подавленное вооруженной рукой, уже несло в себе признаки мюридизма (Ермолов получил об этом первые достоверные сведения от Сеид-эффенди) — воинственного учения ислама. В скором времени на почве мюридизма появятся имамы и возникнет имамат Шамиля.

Кавказская война на какие-то годы взяла «передышку», хотя «абречество» в горах постоянно давало о себе знать. Русские крепостные гарнизоны находились в постоянном напряжении. В Черкесии не прекращалась набеговая война по берегам Кубани. «Замирения закубанских народов» не предвиделось. Новый же всплеск войны в восточной части Северного Кавказа еще только вызревал.

Хотя война на Северном Кавказе, разумеется, очень заботила главноуправляющего Грузией, но не забывал он и о делах закавказских. Именно за эту деятельность Алексей Петрович Ермолов заслужил прозвище «проконсула Кавказа». В подвластном ему Северном Азербайджане он один за другим упраздняет Шекинское, Карабахское и Ширванское ханства, правители которых не раз изменяли клятвам «на шерсти» (мусульманский обычай) в верности России и ее Государю.

Карабах и Ширван стали российскими провинциями и получили соответствующее административное управление. Только в Талышинском владении на берегу Каспия кавказский наместник не без расчета оставил хана властвовать, ибо был уверен в его верности России.

Ермолов довольно скоро после своего прибытия на Кавказ увидел настоятельную необходимость ликвидации произвола и беззакония ханской власти. Он писал князю Воронцову:

«...Терзают меня ханства, стыдящие нас своим бытием. Управление ханами есть изображение первоначального образования обществ... образец всего нелепого, злодейского самовластия и всех распутств, уничтожающих человечество. Когда возвращусь из Персии, введу перемену в образе их правления».

ГЛАВНОУПРАВЛЯЮЩИЙ КАВКАЗСКОГО КРАЯ. ДЕКАБРИСТЫ

Суровый к врагам, изменникам, разбойному люду, Алексей Петрович Ермолов оставался заботливым командиром для своих солдат. Он запретил изнурять нижних чинов и офицеров учениями и прежде всего строевыми занятиями, муштрой. Улучшил продовольственное снабжение кавказских войск. Вместо касок разрешил носить папахи, вместо тяжелых ранцев из бычьей кожи — легкие холщовые вещевые мешки, вместо шинелей зимой — полушубки. В местах расквартирования полков строились жилые помещения.

Генерал от инфантерии Алексей Петрович Ермолов был любим в кавказских войсках, как среди нижних чинов, так и среди офицеров и генералов. Он привычно обращался к солдатам со словами «товарищи мои». Так, в одном из его приказов-обращении говорилось:

«Страшными явились вы перед лицом неприятеля, и многие тысяч не противостояли вам, рассеялись и бегством снискали спасение. Область покорена, и новые подданные великого нашего Государя благодарят за великодушную пощаду. Вижу, храбрые товарищи, что не вам могут подлежать горы неприступные, пути непроходимые. Скажу волю императора, и препятствие исчезнет перед вами».

В отношении к нижним чинам Отдельного Кавказского корпуса Ермолов оказался сродни Суворову и Кутузову, которые считали своим первейшим долгом заботиться о солдатах, находившихся на «царевой» службе (в то время по 25 лет). На такую заботу нижние чины русской армии всегда отвечали любовью по отношению к своим отцам командирам.

Кавказский главнокомандующий писал Императору Александру I:

«Устрою казармы вместо убийственных землянок, госпитали, лазареты... Уничтожу многие из постов, куда назначение офицеров и солдат есть смертный им приговор (речь шла о приморских местах с нездоровым климатом. — *А. Ш.*)...»

На сбереженные во время дипломатической поездки в Персию казенные деньги выстроил в городе Тифлисе военный госпиталь для нижних чинов. Туда помещали не только людей, получивших тяжелые ранения, но и больных.

Как глава императорской администрации, генерал А.П. Ермолов много сделал не только для налаживания мирной жизни на Кавказе (в этом он видел конечную цель своей деятельности), но и для его экономического развития. Расширялась сеть путей сообщений и обеспечивалась их безопасность. Торговля и предпринимательство, особенно горное дело, получили его покровительство.

При Ермолове начались разработки и добывание золотосодержащих, серебряных и свинцовых руд в Шекинской провинции, в лезгинском селении Хно и других местах. По его инициативе в августе 1824 года в Имеретию направляется экспедиция для минералогического осмотра «находящихся в том краю полезных минералов».

В городе Тифлисе появляются довольно крупные по тому времени не только для Закавказья промышленные предприятия. Были выстроены монетный двор, медно-литейный и пороховой заводы.

Не случайно известный своей деятельностью российский министр финансов граф Канкрин как-то заметил Императору Николаю I в разговоре, когда речь зашла о трудах царского наместника на Кавказе:

«Хотя Ермолов никогда не воображал себя администратором, но он вник в нужды края и многое, им сделанное на Кавказе, очень хорошо; не надобно было разрушать то, что было им сделано, а лишь дополнить...»

Ермолов занимался, в частности, благоустройством таких городов, как Тифлис, Дербент, Шемаха. В Тифлисе им был открыт офицерский клуб с обширной библиотекой. В столице Кавказского наместничества при нем был построен штаб (он же дом наместника), перед которым был устроен плац для военных разводов, Авлабарский мост, арсенал, армянская гимназия Персияна, восстановлен Арцруни — Караван-сарай и другие каменные здания.

В 1820 году в Тифлисе вышла первая газета на грузинском языке. Она издавалась при штабе Отдельного Кавказского корпуса.

На Кавказских минеральных водах, в Пятигорье, были устроены или благоустроены лечебные заведения, и Пятигорск был основан как город. Курортное дело при Алексее Петровиче получило заметное развитие. Из крепости Кислой вырос город Кисловодск. Здесь водолечебницы работали в ходе всей Кавказской войны, с каждым годом привлекая к себе все больше людей из России. Одна из водолечебниц носила название «Ермоловской» и просуществовала до

1874 года. Появились Ессентуки (тогда казачья станица), Железноводск. Начав капитальное строительство водолечебниц, Ермолов писал: «У сих же вод израненный солдат, возобновивший силы на продолжение верной Отечеству службы, благодарить будет за попечение о нем...»

Кавказский главноуправляющий заботился о заселении степных районов Северного Кавказа земледельцами, и не только казаками с Дона или из Полтавской, Черниговской и других малороссийских губерний. По его инициативе в 1817 году в Грузии поселяются 500 немецких колонистов из Вюртемберга. Им учреждается специальный комитет, «дабы обеспечить участь поселенцев и предупредить их нужды».

Поскольку в его прямые должностные обязанности входило управление обширной степной Астраханской губернией, он позаботился «об управлении калмыками». Он составил так называемые «Правила», чтобы оградить этот народ скотоводов от произвола местных чиновников. В связи с этим пересматривается древнее калмыцкое уложение, чтобы не нарушать коренных уставов и обычаев калмыков, «кои по древности своей сделались для них драгоценными».

Ермолов стремился так устроить на Кавказе законодательство, чтобы оно было приемлемо для его народов. Так, в 1822 году в Тифлисе учреждается Комиссия для достижения совершенно полного и ясного перевода грузинских законов. Через два года она заканчивает свою работу, в результате которой было пересмотрено «Уложение» царя Вахтанга VI. Оставлялись только те его статьи, которые сохраняли свое действие в народных обычаях.

Влияние А.П. Ермолова на положение дел на Кавказе и его необыкновенная популярность в русской армии не осталась незамеченной в Санкт-Петербурге. С восстанием декабристов на Сенатской площади и воцарением Николая I его судьба была практически предрешена.

Причин на то, и веских, было две. Во-первых, он промедлил с приведением к присяге новому всероссийскому Императору кавказских войск, ожидая развития событий в столице. Во-вторых, «вольнодумец» открыто покровительствовал сосланным на Кавказскую войну декабристам, разжалованным из офицеров в рядовые.

Было и еще одно обстоятельство. Один из доносчиков на декабристов, А.И. Майборода, среди прочих показаний следствию упомянул о существовании Кавказского общества, о котором он

«слышал от Пестеля». Началось разбирательство, в ходе которого это тайное общество вольнодумцев было признано «мнимым».

Промедление с приведением войск Отдельного Кавказского корпуса к присяге новому государю на 3—4 дня (именно такую цифру называют исследователи) породило в Санкт-Петербурге и Москве много самых противоречивых, порой панических слухов. Так декабрист А.С. Гангеблов, содержавшийся в то время на гауптвахте в Кронштадской крепости, в своих воспоминаниях писал:

«Докатились до меня и разные слухи, например, что Ермолов перешел со своим корпусом Кавказ и идет на присоединение к бунтовщикам...»

Не случайно Император Николай I писал о Ермолове своему начальнику Главного штаба генералу И.И. Дибичу, откомандированному на Кавказ, следующее: «...Ему менее всего верю».

Известный советский историк М.В. Нечкина, рассматривая взаимоотношения Императора Николая I и кавказского главнокомандующего, пришла к такому выводу:

«Николай I счел опасным вести следствие о Ермолове в обычном порядке и повел дознание особым, секретным путем. У него в руках было более чем достаточно данных для ареста и допроса Ермолова. Но Ермолов был слишком крупной военной и политической фигурой... Николай I разработал в дальнейшем план дискредитации Ермолова по военной линии, снятия его с постов и отставки».

Как бы там ни было, но в III отделении, ведавшем политическим сыском в России, появилось дело под названием «Общие рассуждения о Ермолове, собранные из различных сторон». Правда, оно быстро закончило «свой путь» на архивной полке.

ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА. ОТСТАВКА

Ермолову, как главнокомандующему кавказскими войсками, довелось встретить начало второй русско-персидской войны 1826—1828 годов. Вторжение огромной шахской армии под командованием наследного принца Аббас-мирзы, думается, не стало большой неожиданностью для Алексея Петровича. Он приказывает действующим корпусным войскам сосредоточиться под Тифлисом. Однако этот приказ не смог вовремя дойти до всех полков и гарнизонов. Да и сил для действий в поле набиралось крайне мало.

На востоке Грузии уже действовала конница Гассан-хана Эриванского. Персидские войска заняли город Елисаветполь, а вражеская конница уже появилась в Иверии, всего в 70 верстах от Тифлиса. Из Санкт-Петербурга Император Николай I потребовал от кавказского полководца самых решительных действий.

Ермолов в силу известных причин не пользовался в столичных кругах большой популярностью. Поэтому при Императорском дворе вдруг заговорили, что он будто бы сам спровоцировал войну с Персией, чтобы снискать себе новую славу.

Из Санкт-Петербурга на Кавказ срочно отправляется известный военачальник, герой Отечественной войны 1812 года генерал Иван Федорович Паскевич. Он уже был любимцем нового самодержца России, и ему суждено было сменить Ермолова. По прибытии царского посланца в Тифлис начались его конфликты с Алексеем Петровичем...

Ермолов после восстания декабристов всерьез опасался своего ареста. Не случайно он сжег многие свои письма и бумаги из личного архива. Свои записки об Отечественной войне 1812 года он передал на хранение верному ему человеку, генералу Н.Н. Муравьеву.

Кавказский полководец сам написал монарху прошение об отставке. Но еще до получения его 12 марта Император Николай I предписал начальнику Главного штаба И.И. Дибичу объявить опальному генералу об отставке. Уведомляя своего наместника на Кавказе об отставке, самодержец писал ему:

«По обстоятельствам настоящих дел в Грузии, признав нужным дать войскам, там находящимся, особого Главного начальника, повелеваю Вам возвратиться в Россию и оставаться в своих деревнях впредь до моего повеления».

Известный наш баснописец И.А. Крылов откликнулся на отставку Ермолова баснями «Конь» и «Булат». В них говорилось о неумении плохого наездника использовать прекрасного боевого коня и о булатном клинке, заброшенном и ржавеющем без пользы.

Ермолов прожил в Тифлисе еще месяц, улаживая там различные дела. Ночью 3 мая он навсегда оставил Тифлис. Впереди была царская опала и более тридцати лет вынужденного бездействия.

В России он жил то в Орле, в селе Лукьянчикове, но большей частью в любимой им Москве, в своем доме на Пречистенском бульваре. В древней русской столице он пользовался не меньшей популярностью, чем на Кавказе. Денис Давыдов в своих «Анекдо-

тах о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове» пишет следующее:

«...Прибыв в Москву, Ермолов посетил во фраке дворянское собрание; приезд этого генерала, столь несправедливо и безрассудно удаленного со служебного поприща, произвел необыкновенное впечатление на публику; многие дамы и кавалеры вскочили на столы и стулья, чтобы лучше рассмотреть Ермолова, который остановился в смущении у входа в залу. Жандармские власти тотчас донесли в Петербург, будто Ермолов, остановившись насупротив портрета Государя, грозно посмотрел на него!!!»

В 1831 году в Москве состоялась личная встреча опального кавказского полководца с находившимся там Императором Николаем I. Тот намекнул Алексею Петровичу о том, что он хотел бы снова видеть его на службе. Но это были только слова.

Правда, военный министр граф А.И. Чернышев действительно предложил Ермолову занять «спокойную должность в генерал-аудиториате», то есть в военном судебном ведомстве. На что тот ответил главе российского Военного министерства:

— Я не приму этой должности, которая возлагает на меня обязанности палача...

Как шли дела на Кавказе после Ермолова, мы описали в отдельной книге о его преемнике И.Ф. Паскевиче-Эриванском (одновременно и об И.И. Дибиче), а также в отдельном очерке, который следует ниже.

Но можно не сомневаться, что опальный полководец внимательно и ревниво наблюдал за ходом войн с Персией и Турцией и другими кавказскими событиями. Он продолжал писать свои знаменитые «Записки», которые, однако, увидели свет уже после его смерти.

Все же Император Николай I, при всем своем негативном отношении к А.П. Ермолову, не забывал о нем. В 1831 году Высочайшим указом генерал от инфантерии, герой Отечественной войны 1812 года назначается членом Государственного совета Российской империи. Однако от участия в его заседаниях он всячески уклонялся. Изредка отставной Ермолов выезжал инспектировать армейские войска или присутствовать на военных учениях.

В 1837 году за прежние заслуги на ратном поприще Алексей Петрович Ермолов был пожалован в генералы от артиллерии. Одновременно, как мы указывали, с 1818 года он имел и другое полное генеральское звание — от инфантерии. В истории Русской Императорский армии это был крайне редкий случай.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Летом 1839 года на Бородинском поле, в связи с открытием величественного памятника на Курганной высоте (батарее Раевского), происходили военные маневры, воспроизводившие Бородинское сражение. А.П. Ермолов оказался на торжествах одним из самых почетных гостей. Один из иностранцев, присутствовавших здесь в те дни, писал:

«Во время сражения целый час я проговорил с генералом Ермоловым, во всех отношениях замечательным человеком, хотя бы по одному тому, что, находясь в немилости и не у дел, он пользуется громадным авторитетом в русской армии. Он всегда окружен, и все, даже люди высокопоставленные, усердствуют в оказании ему почтения».

Сам же Алексей Петрович, бородинский герой, о проведенных маневрах по случаю открытия монумента на батарее Раевского со всей откровенностью отозвался так:

— ...Не хочу лгать, но должен признаться, что это зрелище содержит много совершенно произвольных уклонений от действительного хода битвы.

В 1853 году с началом Восточной (Крымской) войны Алексей Петрович Ермолов вновь оказался на военном поприще. Он был выбран дворянскими собраниями начальником государственного ополчения в семи (!) губерниях России. Но он согласился возглавить только ополчение Московской губернии. Для семидесятишестилетнего генерала от артиллерии и генерала от инфантерии это должность была лишь почетной, как дань его прежним ратным заслугам перед государством Российским.

Известно, что когда в Москву в 1860 году был привезен имам Шамиль, сдавшийся со своими последними мюридами русским войскам в дагестанском ауле Гуниб, то свой первый визит знатный пленник нанес А.П. Ермолову. Предводитель «мятежных» горцев относился к нему с большим уважением, памятуя о ермоловских делах на Кавказе. Когда Шамиля в первый день его прибывания в Москве спросили, что он желает здесь увидеть, тот сразу ответил:

— Прежде всего Ермолова...

Об уважении имама Чечни и Горного Дагестана Шамиля к личности Ермолова (хотя они ни разу не сталкивались на поле брани) свидетельствует такой факт. Известен эпизод Кавказской

войны, когда Шамиль «приказал не брать мирные аулы, в которых жили родные его (Ермолова. — *А. Ш.*) кебинных жен». Что такое «кебинные жены», читатель узнает чуть позже.

Известно для истории и другое. Гази-Магомет — «родоначальник» газавата в ходе Кавказской войны и предшественник Шамиля — не переставал проклинать Ермолова и называть его сыном шайтана. Однако он же соглашался с мнением, что «Ярмол один был, с кем можно было и воевать и говорить честно».

О личной жизни Ермолова известно по различным воспоминаниям многое. Отечественный военный историк Александр Георгиевич Кавтарадзе среди прочего писал:

«Ермолов всю жизнь оставался холостяком, но, будучи на Кавказе, трижды заключал так называемый кебинный брак с местными жительницами, который допускался мусульманскими обычаями. Женщине, вступавшей в кебинный брак, назначалась от мужа денежная сумма, а часто вещи и недвижимое имущество; в случае смерти мужа, если у них не было детей, она получала четвертую часть наследства, а при наличии детей — восьмую. Дети от кебинных жен на Кавказе считались законными. От этих браков Ермолов имел пять сыновей и дочь.

Сыновей Ермолов привез в Россию, добился признания их законными детьми. Все они, окончив артиллерийское училище, получили офицерский чин, дворянство и служили в армии. Ермолов был заботливым отцом, много помогал сыновьям и завещал им все свое имущество.

После отъезда Ермолова в Россию его жены Сюйда, Тотай и Султанум-Бамат-Казы остались на Кавказе и вышли замуж. Тотай и ее дочь Сатиат, которая согласно договору при заключении кебина осталась у матери, получали от Ермолова ежегодное содержание».

Интересно, что у сыновей Ермолова были двойные имена: одно христианское, другое мусульманское, кавказское. Так, Виктора звали одновременно как Бахтиар, Севера — Алляхар и Клавдия — Омар.

...Скончался Алексей Петрович Ермолов 11 апреля 1861 года в Москве.

Он завещал похоронить себя в Орле рядом с могилой отца «как можно проще». Но жители древнего русского города устроили грандиозную панихиду. В 1864 году прах полководца и его отца был перенесен в специально выстроенный придел (пристройку)

к церкви орловского Троицкого кладбища. Там была установлена мраморная черная плита.

Перед могилой на медном четырехугольном пьедестале была установлена чашка чугунной артиллерийской гранаты со вставленной под круглым стеклянным шаром лампадой. На гранате бронзой славянскими буквами было высечено: «Служащие на Гунибе кавказские солдаты».

Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 годов город Орел был оккупирован немецко-фашистскими войсками. Могила А.П. Ермолова была разграблена, а надгробная плита разбита. Она была вновь установлена только через девять лет после окончания войны, в 1954 году.

По сей день на кладбище Троицкой церкви внимание посетителей привлекает мраморная плита с его барельефным изображением. Надпись на ней гласит:

«Герой Отечественной войны 1812 года генерал от артиллерии Алексей Петрович Ермолов. 1772—1861». (Дата рождения указана неверно.)

Память ушедшего из жизни кавказского полководца широко почтили по всей России, в ее армии. Так, из Санкт-Петербурга писали, что после кончины А.П. Ермолова «на Невском проспекте во всех магазинах выставлены его портреты, и он как бы воскрес в памяти России в минуту смерти».

ГРАФ ЭРИВАНСКИЙ, КНЯЗЬ ВАРШАВСКИЙ

Генерал-фельдмаршал Иван Федорович ПАСКЕВИЧ

Столь пышного празднества древняя Варшава не помнила давно.

В город стягивались со всего Царства Польского кавалерийские и пехотные полки, принаряженные в полную парадную форму. Прибыл сам Государь Император Николай Павлович. Это по его личному распоряжению отмечалось торжество, немалое для России тех лет: пятидесятилетний юбилей службы на пользу Отечества генерал-фельдмаршала князя Ивана Федоровича Варшавского графа Паскевича-Эриванского.

Прохладным утром 5 октября 1850 года на Уяздовском плацу в Варшаве выстроились собранные войска. Виновник торжества при всех регалиях стоял на возвышении в окружении немалой свиты, в своем большинстве военных людей. Мимо церемониальным маршем, под мелодии полковых оркестров, проходили полки, батальоны, эскадроны, батареи... Парадом командовал сам Государь, прошедший во главе войск мимо генерал-фельдмаршала и отдавший ему воинскую честь.

В тот же день перед армейскими рядами Николай I вручил заслуженному полководцу Российского государства новый фельдмаршальский жезл. Верхний конец его украшала надпись: «За пятидесятилетнюю службу генерал-фельдмаршалу Паскевичу-Эриванскому». На нижнем конце искусный придворный гравер вывел другую надпись: «За двадцатичетырехлетнее предводительство победоносными российскими армиями в Персии, Турции, Польше и Венгрии».

Самой историей вписано: стоять генерал-фельдмаршалу Ивану Федоровичу Паскевичу в первом ряду прославленных полководцев регулярной армии России. Вслед за Петром Великим, Александ-

ром Васильевичем Суворовым, Михаилом Илларионовичем Голенищевым-Кутузовым, Петром Александровичем Румянцевым...

По заслугам и честь. Если, разумеется, из истории Отечества взять да и убрать то, что называется конъюнктурщиной: причастность к «замирению» Польши, походу в «революционную» Венгрию и стоянию по другую сторону баррикад с заговорщиками-декабристами. Все это не должно перечеркивать на многие лета истинных заслуг перед государством и его армией полководца с большой славой.

ПОД ЗНАМЕНАМИ МИХЕЛЬСОНА, ПРОЗОРОВСКОГО И БАГРАТИОНА

...Происходил Иван Федорович из рода знатного и богатого. Фамилия Паскевичей двести лет была известна в украинском казачестве. Предки будущего генерал-фельдмаршала числились в старшине, много воевали под знаменами различных гетманов. Пришло время, и казацкая старшина превратилась в дворян. Дед, Григорий Иванович, сменил чин бунчукового товарища на чин надворного советника. Отец, Федор Григорьевич, служил в Малороссийской коллегии, имел чин коллежского советника и был близок к генерал-фельдмаршалу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому. И дед, и отец были богатыми помещиками, отличались «практическим» умом, обходительностью и пользовались уважением окружающих.

Родился Паскевич-младший 8 мая 1782 года в Полтаве. В родительском доме получил хорошее по тем временам образование. Очень интересовался своей военной родословной, как и военной историей вообще.

Двенадцатилетним подростком он определяется в Пажеский корпус, привилегированное учебное заведение для детей людей знатных и состоятельных. Внимание начальников обратил на себя сразу: учеба при примерном поведении давалась ему легко.

5 октября 1800 года восемнадцатилетний, преуспевший в науках паж выпускается поручиком в лейб-гвардии Преображенский полк, да еще с назначением флигель-адъютантом к Императору Павлу I. Знатность рода давала ему хороший старт в самом начале служебной карьеры. Все же остальное приходилось добывать самому. Особенно если это происходило на поле брани.

Боевая выучка офицера-преображенца началась под командованием генерала Ивана Ивановича Михельсона, прославившегося еще во времена царствования Екатерины II, когда в 1774 году он нанес поражение «вору» Емельяну Пугачеву. В начавшейся ныне русско-турецкой войне 1806—1812 годов Михельсон был главнокомандующим русской армией, а флигель-адъютант штабс-капитан Паскевич состоял при нем для особых поручений.

Любимым наставлением Михельсона подчиненным были слова: «Не смотреть на число неприятеля, а искать его везде; трус гонит, а молодец отрезывает; начальник должен во всяком деле быть примером».

Штабс-капитану пока не приходилось командовать каким-либо воинским подразделением. Но он участвует во взятии Ясс и Бухареста. На втором году войны находился «при атаке» турецких укреплений у села Турбата. А потом 12-го и 17 июня 1807 года участвовал в боях под Измаилом. Правда, то была уже не та крепость, которую штурмовали когда-то суворовские чудо-богатыри. По Ясскому мирному договору 1791 года русские войска срыли укрепления дунайской твердыни.

Подробно донося Государю о движении войск к укрепленной Журже, главнокомандующий И.И. Михельсон писал между прочим и о разразившейся жестокой буре, чуть не наделавшей много бед в управлении походными колоннами:

«В ужасную ночь, штабс-капитан Паскевич, один, среди открытой степи неприятельской, поехал, отыскал колонны и направил их на настоящую дорогу».

То стало первым подвигом на военном поприще будущего большого полководца России. Не просто смелый до отчаянности поступок, а еще и грамотные действия колонновожатого показал молодой штабной офицер в этом военном эпизоде. О нем заговорили в действующей армии.

За мужество, проявленное в сих делах, Паскевич награждается первым в своей долгой военной биографии орденом — Святого Владимира 4-й степени с бантом и Золотым оружием — шпагой с надписью «За храбрость».

Военная кампания вскоре закончилась перемирием после заключения Тильзитского договора между Францией и Россией, Францией и Пруссией в 1807 году. В том же году не стало Михельсона.

Новым главнокомандующим в 1808 году стал генерал-фельдмаршал князь Александр Александрович Прозоровский, который

полвека из своих семидесяти шести лет отдал военному поприщу, особенно отличившись в Семилетней войне против Пруссии. Полководец дал государству немало талантливых учеников — под его знаменами сражались Голенищев-Кутузов и Милорадович. Школу Прозоровского прошел и Паскевич.

Он, произведенный в феврале 1808 года в капитаны, остался и при Прозоровском для особых поручений. Генерал-фельдмаршал несколько раз посылал его с разными дипломатическими заданиями то к великому визирю во время перемирия, то в Константинополь. Во время войны там не было российской миссии.

Такие поездки нередко сопровождались большой опасностью. Дезертиры из султанской армии чинили разбой на дорогах, ведущих к турецкой столице, особенно в Балканских горах. Был случай, когда османский конвой в страхе перед разбойниками бросил русского офицера, и тому только с проводником, «сам-друг», пришлось пробираться в Айдос. Местный паша удивился такой смелости.

В самом Стамбуле фанатики хотели убить «неверного». Тому удалось нанять шлюпку с двумя гребцами, на которой, пройдя 100 верст по морю, прибыл в Варну. Местный паша хотел его арестовать. Но Паскевич заверил его, что мир уже заключен, хотя на самом деле военные действия возобновились. И турки пропустили капитана сквозь свои позиции, и он вернулся в главную квартиру князя Прозоровского.

Пройдут десятилетия, и уже большой военачальник Иван Федорович Паскевич «избавится» от такой отчаянной смелости. Он станет осторожным, не желая терять лишних бойцов. Станет осмотрительным, порой даже излишне (как казалось окружающим) — чтобы одерживать победы наверняка. Будет всегда искать совета у других и будет иметь успех в баталиях...

Весной 1809 года русские войска обложили крепость Браилов, защищавшуюся 15-тысячным гарнизоном. После бомбардировки начался штурм. Паскевич находился в первых рядах охотников (добровольцев) 13-го егерского полка. Стрелки шли вперед под сильным огнем, неся большие потери. Не добежав до крепостного рва, офицер получил тяжелое ранение в голову. Солдаты смогли вынести его в тыл.

В госпитале флигель-адъютант не задержался. Произведенный в полковники, он получает командование над отдельным воинским отрядом. Тот участвует в «поисках» против османов, засевших в Браилове. Под его стенами отряд в жаркой схватке разбивает турецкую «партию», вышедшую за крепостные укрепления тоже поискать противника.

Дело оказалось громким. Новоиспеченного полковника за подвиги под Браиловом награждают орденом Святой Анны, да еще сразу 2-й степени.

Потом, когда русская армия переправится через Дунай, Паскевич будет находиться при покорении крепостей Исакча и Тульча. Он начальствовал аванпостами, изгнавшими турок с позиций на острове Чатал, лежащем против Измаила. Находился при открытии траншей, бомбардировке и сдаче крепости Мачин.

Судьба сводит его с будущим героем Отечественной войны 1812 года суворовцем князем П.И. Багратионом, командовавшим Молдавской армией в 1809—1810 годах. В сражении при Разсовате полковник И.Ф. Паскевич командовал батальоном 14-го егерского полка. В том деле генерал Багратион нанес «совершенное» поражение сераскиру Хозрев-паше.

Затем следует обложение Силистрии. Когда турки решились сделать из крепости сильную вылазку, то двадцатисемилетний полковник начальствовал над ее отражением. Новую ратную славу себе он нашел в битве при селе Татарице, где было нанесено чувствительное поражение войску Пеглеван-паши. Бесстрашный офицер удостоился алмазных знаков к ордену Святой Анны 2-й степени.

В следующем, 1810 году Паскевич уже командует Витебским мушкетерским полком, входившим в группу войск под командованием генерала графа С.М. Каменского 1-го. 16 мая полк участвует в разгроме турок под городом Магналией. 22-го следует штурм крепости Базарджик.

Здесь Паскевич командует одной из четырех штурмовых колонн. Всеми же войсками, идущими на приступ, руководил генерал-лейтенант Воинов. Витебские мушкетеры в числе первых ворвались в город, презрев жаркий огонь из пушек и ружей. За отличие полкового командира по представлению Каменского награждают орденом Святого Владимира 3-й степени.

Затем Витебский полк оказывается под стенами мощной Варненской крепости. Паскевич командует экспедицией на противоположную сторону озера Девно. Овладевает вражескими батареями на мысе Галатобург и укрепляется здесь против Варны. Турки дважды попытались выбить оттуда русских, но без успеха. Эти

подвиги доставили полковнику мушкетеров орден Святого Георгия 4-й степени.

Вскоре происходит крайне редкий случай в истории русской армии, когда человек почти сразу получает следующую — третью — степень этого ордена и становится дважды георгиевским кавалером. Произошло это так.

К осажденной Варне прибыл турецкий флот. Гарнизон сразу же воспрянул духом: поддержка многих сотен орудий с моря значила много. Местный паша в первую очередь решил убрать болезненную занозу в обороне крепости — вернуть себе батарейные позиции на мысе Галатобург. Тем более, что русских находилось там совсем немного — один полк.

22 июля турки сделали сильную вылазку. Несколько их тысяч пошли в атаку на Витебский полк. Бой сразу же принял ожесточенный характер. Мушкетеры отбивали приступ за приступом, сами контратаковали, завязывали рукопашные схватки. Командир витебцев находился на самых опасных участках. Солдаты видели его всюду. В конце концов мушкетеры не только удержали позиции, но и прогнали выдохнувшихся в бесплодных атаках турок назад. Да еще с большим уроном в людях.

За успешное отражение вылазки молодой командир Витебского мушкетерского полка награждается орденом Святого Георгия 3-й степени, который украшал военных, как правило, уже в генеральских эполетах.

То, что Иван Федорович Паскевич в полковничьем чине имел все эти российские боевые ордена (случай очень редкий в армии), уже тогда говорило, что в его лице Россия будет иметь выдающегося военного деятеля.

С началом блокады Шумлы витебцев сначала поставили прикрывать обозы в Базарджике — турецкие конные отряды всячески старались расстроить тылы русских. Затем полк участвовал в блокаде самой крепости.

Паскевич участвовал в победе, одержанной над сераскиром Кушанц-Али при Батыне. Там 19 тысяч русских воинов разбили 45-тысячную неприятельскую армию. Султанское войско потеряло 10 тысяч человек только убитыми, 5 тысяч — пленными, 14 орудий, армейский походный лагерь и речную военную флотилию. Лично Паскевич отличился при взятии турецких батарей. Его витебцы штурмовали артиллерийские позиции под залпами картечи и беглым ружейным огнем пехотного прикрытия. Доблесть мушкетеров в сражении главнокомандующий отметил высоко.

За сражение при Батыне полковой командир витебских мушкетеров 28 ноября 1810 года производится в генерал-майоры. На двадцать девятом году от роду.

Еще до производства главнокомандующий генерал граф Н.М. Каменский 2-й (младший брат упоминавшегося выше) назначает его начальником отряда из двух мушкетерских полков — Витебского и Днепровского — при 22 орудиях с приказанием прервать сообщение между Рущуком и Журжей. Паскевич занимает так называемый Разбойничий остров на Дунае, ставит там батареи и блокирует проход по реке. И тем способствует скорой сдаче этих двух турецких крепостей.

В январе 1811 года генерал-майору И.Ф. Паскевичу поручается формирование в Киеве Орловского пехотного полка. В июне ему вверяется 1-я бригада 26-й пехотной дивизии.

Когда командир дивизии генерал-лейтенант Николай Николаевич Раевский назначается командиром 7-го пехотного корпуса, 26-ю дивизию принимает от него генерал-майор Паскевич. Произошло это 10 мая 1812 года. Дивизия состояла из шести полков: Орловского, Полтавского, Ладожского и Нижегородского пехотных, 5-го и 42-го егерских.

НАЧАЛО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ 1812-ГО

Во главе 26-й пехотной дивизии будущий генерал-фельдмаршал прошел всю Отечественную войну 1812 года, участвуя в ее решающих сражениях. Дивизия входила в состав 2-й Западной армии, которой командовал полководец суворовской школы генерал от инфантерии князь Петр Иванович Багратион.

...Первой битвой с французами стало для Паскевича знаменитое дело 11 июля под Салтановкой. Там полки 26-й дивизии покрыли себя славой, вошедшей в ратную летопись не только той войны, но и Отечества.

Армия Багратиона, переправившись через Березину в Бобруйске, 7 июля двинулась оттуда к Могилеву. Командующему 7-м пехотным корпусом отдается приказ завязать бой с неприятелем и по возможности овладеть Могилевом. Оттуда шла прямая дорога на Смоленск — древние ворота к Москве.

Однако войска наполеоновского маршала Луи Николя Даву (29 тысяч человек, 56 орудий) еще 8 июля вошли в город. А передовые части французов продвинулись на 15 километров к югу, в район деревни Салтановки. Багратион, еще не имея точных сведений о противнике, приказал Раевскому задержать здесь авангард Даву хотя бы на несколько часов.

Командующий корпусом стянул к Салтановке свои силы: 20 батальонов пехоты, 20 эскадронов кавалерии, 3 казачьих полка и 72 орудия. Всего 13 тысяч человек. Поскольку французы не проявляли особой активности, Раевский утром 11 июля решил сам атаковать врага. Бой передовых частей завязался южнее деревни на опушке леса.

Корпусной начальник дал приказ Паскевичу со своей дивизией, тремя полками донских казаков и Ахтырским гусарским идти в обход правого фланга французов к селу Фатову. Сам же Раевский собирался ударить в центр неприятельской позиции с 12-й пехотной дивизией генерала Колюбакина, когда 26-я выйдет из леса и начнет атаку.

Тем самым Раевский попытался осуществить маневр в обход правого фланга неприятеля. Но как оказалось, тот сосредоточил здесь численно превосходящие силы, и 26-й дивизии сразу же пришлось туго.

Два батальона нижегородцев и орловцев первыми вступили в лес. По дороге они встретили немалый авангардный отряд, посланный маршалом Даву в обход левого фланга Раевского. Русские в штыковой схватке опрокинули врага, погнали его, перешли мост через речушку и заняли на той стороне деревню. Но при выходе из нее затаилась засада: четыре французских батальона, залегшие в хлебах, с близкого расстояния дали залп из нескольких сот ружей и ударили в штыки. Завязался рукопашный бой.

Знамя Орловского полка переходило из рук в руки, однако в конце концов орловцы отбили его. Оба русских батальона, потеряв половину людей, стали отступать к лесу, преследуемые вражеской пехотой. В это время главные силы дивизии уже подошли к месту боя. Паскевич отправил на помощь Полтавский полк, а сам выстроил на лесной опушке боевую линию из Ладожского полка с 18 орудиями.

Противник тем временем вводил в дело все новые и новые силы, стремясь не дать русским развернуться в поле. Полтавский полк вынужден был отступить. Паскевич лично стал отводить его к глав-

ным силам дивизии. Однако ему почти сразу же донесли: французы в большом числе перекрыли лесную дорогу. Генерал-майор немедля переменил фронт дивизии, поставив в него и полтавцев.

Подошедших французов, ободренных первым успехом, остановили картечным залпом. Полтавцы сразу же бросились в штыки, и неприятельской колонне пришлось отойти на дальность пушечного выстрела.

На лесной опушке у Салтановки разгорелись жаркие и кровопролитные схватки между 26-й дивизией и 4-й дивизией французов, которой командовал генерал Дессе. Бой продолжался с переменным успехом. Полки Паскевича, используя лесной массив, стремились обойти противника. Но тот сам проник в лес, угрожая охватить русские войска с фланга. Командир русской дивизии умело маневрировал артиллерией, которая порой вела огонь по плотным колоннам врага с 300—350 метров.

Получив такое донесение от Паскевича, Раевский встал во главе главных сил корпуса и сам повел их в атаку. Тем самым он стремился поднять дух солдат. Рядом с генералом находились два его сына — Александр и Николай. Старший нес знамя Смоленского полка, а младший шел рядом с отцом. В штыковой атаке неприятель был отброшен.

Тем временем против 26-й дивизии французы все усиливались. Паскевич ввел в дело все наличные силы и запросил у корпусного начальника подкреплений. Раевский смог выделить лишь пехотный батальон. Иван Федорович направил его лесом дальше во фланг противнику. В это время адъютант Раевского привез приказ отступить.

Тяжелый, хотя и не столь продолжительный, бой у Салтановки привел к значительным потерям как с одной, так и с другой стороны. Урон русских войск составил до 2,5 тысяч человек. Под Паскевичем ранили лошадь. Но преодолеть сопротивление превосходящих сил французов нашему 7-му пехотному корпусу не удалось. Генерал от инфантерии Багратион лично убедился в превосходстве сил авангарда наполеоновской армии.

Тем самым исчезла надежда прорваться через Могилев на соединение с 1-й Западной армией. Оставалась последняя возможность: переправиться через Днепр в районе местечка Новый Быхов и далее через город Мстиславль идти на Смоленск.

Об итогах боя под Салтановкой генерал-лейтенант Раевский сообщал князю Багратиону:

«Единая храбрость и усердие российских воинов могли избавить меня от истребления противу толико невыгодного для меня места; я сам свидетель, как многие штаб-, обер- и унтер-офицеры, получив по две раны, перевязав оные, возвращались в сражение, как на пир; не могу довольно выхвалить храбрость и искусство артиллеристов; сей день все были герои, чему свидетельствует превосходная противу нашей потеря неприятеля, которая вашему сиятельству известна через многие донесения».

Спустя много лет, вновь возвращаясь к оценке ожесточенного дела у Салтановки, Николай Николаевич Раевский писал:

«Следствием сей упорной битвы было столь спасительное соединение обеих армий под Смоленском, ибо я узнал впоследствии, что маршал Даву полагал иметь дело со всей 2-й армией и стянул на сей пункт все свои силы».

Действительно, Даву, продолжая считать, что силы русских войск, ему противостоящие, значительно больше по численности, нежели это было на самом деле, начал укреплять свои позиции у Салтановки, ожидая вторичного наступления русских. Подобное решение введенного в заблуждение маршала Франции, который только в середине дня 14 июля узнал о движении 2-й армии на Мстиславль, более чем устраивало Багратиона. «Насилу выпутался из аду, — писал он генералу А.П. Ермолову, начальнику штаба 1-й Западной армии. — Дураки меня выпустили».

2-я Западная армия продолжала путь к Смоленску, не тревожимая больше французами. Этому, повторим, Багратион был обязан бою под Салтановкой, основная тяжесть которого легла на 26-ю пехотную дивизию И.Ф. Паскевича.

Заслуги ее в сражении под Смоленском оказались еще важнее. Утром 3 августа Паскевич был послан подкрепить генерала Неверовского, отходившего от Красного. В шести верстах от Смоленска их дивизии встретились.

Обстановка с каждым часом становилась все напряженней. Отряд Ивана Федоровича состоял из его дивизии, 36 орудий, драгунского и казачьего полков и представлял собой корпусной резерв. Он встал за оврагом, изготовившись к отражению возможной атаки.

Днем стали появляться передовые части французов. Отряд конницы в четыре тысячи человек занял позицию против дивизии Паскевича. В связи с тем, что 1-я Западная армия находилась на расстоянии 40 километров от города, а 2-я — в 30, генерал-лей-

тенант Раевский мог рассчитывать только на войска, располагавшиеся непосредственно под Смоленском. Ему выпадала исключительно сложная задача обороны города-крепости.

7-му пехотному корпусу, насчитывавшему не более 15 тысяч человек, довелось в течение суток сдерживать натиск основных сил наполеоновской Великой армии.

Собрав ночью военный совет, Раевский предложил расположить войска впереди города. Но, посоветовавшись с генералами и согласившись с мнением приехавшего последним Паскевича, командующий корпусом принял решение собрать все силы в город и организовать сопротивление внутри крепости и в смоленских предместьях. То есть решено было использовать старинные крепостные стены и городские строения.

Разговор на военном совете шел такой:

— Здесь будем мы совершенно разбиты, — сказал Иван Федорович, узнавший, что до него все участники военного совета высказались за сражение перед городом, на позициях, где корпус уже стоял. Оглядев присутствующих, он продолжил: — Если счастьем кто и спасется, то, по крайней мере, мы потеряем все орудия, а главное, Смоленск будет в руках неприятеля.

Старший на совете спросил командира дивизии:

— Отчего ж вы так думаете?

— Вот мои доказательства, — отвечал Паскевич. — Вы занимаете точно такую же позицию, как и я, впереди вас на три версты. Правый фланг защищен Днепром, но левый совершенно открыт. К тому же позади нас рытвина, непроходимая для артиллерии. Сегодня неприятель обошел с 4000 кавалерии мой левый фланг, завтра он повторит тот же маневр против вас. Если вы даже отобьете французов с фронта, то во время дела они обойдут вас с левого фланга и займут Смоленск. Вы принуждены будете отступить, и, к несчастью, на ваш левый же фланг, то есть в руки неприятеля, потому что туда идет дорога, а сзади вас овраг и стены Смоленска. Положим, что, ударив с пехотою, при самом большом счастье, вы даже прорветесь к мостам смоленским, но артиллерию не проведете.

— Где же вы думаете дать сражение? — спросил Раевский.

— В самом Смоленске, — ответил Иван Федорович. — Может быть, мы там удержимся. При несчастии принуждены будем отойти, но сохраним корпус. Во всяком случае, выиграем время и дадим возможность армии прийти к нам на помощь...

Ночью при лунном свете командующий корпус с генералами объехал Смоленск, выбирая места для расположения дивизий. Ночью же началось размещение войск на позициях.

Смоленск располагался по обе стороны Днепра, имел мощную крепость с 17 башнями. Стены из камня и кирпича имели бойницы для ружейной стрельбы. В городских кварталах имелось много кирпичных зданий. Главная, большая часть города находилась на левобережье. Здесь располагались Красненское, Мстиславльское, Рославльское и Никольское предместья.

Вся тяжесть обороны ложилась на 12-ю, 26-ю и 27-ю пехотные дивизии. Чуть позже подошли два полка 4-го кавалерийского корпуса. Задача, стоявшая перед Раевским, была предельно проста, но в то же время необычайно сложна: задержать неприятеля, пока не подойдут главные силы армий П.И. Багратиона и М.Б. Барклая де Толли.

Командование корпуса в течение всей ночи с 3-го на 4 августа активно готовилось к обороне Смоленска. То были напряженные часы приготовления к сражению. Полагая, что французы начнут наступление с западной и южной окраин города и попытаются нанести главный удар по Королевскому бастиону, Раевский доверил его защиту 26-й дивизии Паскевича, отличившейся под Салтановкой.

Полки ее заняли позиции у Королевского бастиона. Под начальство Паскевича поступали центр и правый фланг корпуса. Здесь занимали оборону 12 пехотных батальонов и расчеты 42 полевых орудий.

В шесть часов утра французы начали атаку Смоленска. Войска трех корпусов под командованием прославленных маршалов Франции Нея, Мюрата и Даву начали наступление. После сильнейшего артиллерийского обстрела города в атаку пошла кавалерия генерала Груши. Она устремилась на стоявшую в стороне у Рачевки русскую конницу, которая была вынуждена отойти.

Затем на Королевский бастион, Рославльское и Красненское предместья пошла в атаку пехота маршала Нея, участника всех наполеоновских войн. Он сам вел свои войска. Одна из трех его колонн пошла прямо на бастион и уже приближалась к останкам крепостного рва. Паскевич успел выстроить батальоны, которые вместе с батареями отбили первую атаку французов. За ней последовали другие, отражаемые дружным залповым огнем русских.

Наконец пехотные Ладожский, Орловский и Нижегородский полки остановили натиск врага и штыковыми ударами даже выбили его из крепостного вала. Тому пришлось отойти на исходные позиции. Стрелки бросились преследовать французов, но Паскевич приказал барабанщикам бить отбой и вновь выстроил батальоны. Завязалась перестрелка из укрытий.

Штурмовые колонны неприятеля были отбиты повсюду. Новых «покушений» на Смоленск утром 4 августа не последовало.

Прибывший около девяти часов утра к Смоленску, Наполеон не решился до подхода основных сил своей армии начинать генеральный штурм. Однако он приказал продолжать артобстрел. Но эта попытка ослабить сопротивление защитников города не дала заметных результатов. К тому же на помощь осажденным форсированным маршем двигались 1-я и 2-я русские Западные армии.

Оборонявшиеся держались крепко. Большую помощь им оказывали смоленские ополченцы, принявшие участие в укреплении городских стен, а затем и непосредственно в боевых действиях.

Вечером 4 августа маршал Ней еще раз попытался штурмом овладеть городом, но безуспешно. Вновь отличилась 26-я пехотная дивизия генерал-майора Паскевича. Первый день борьбы за Смоленск закончился. Обе стороны подтягивали главные силы и готовились к продолжительному сражению. Много лет спустя Наполеон Бонапарт, пребывая уже на острове Святой Елены, вспоминал:

«Пятнадцатитысячному русскому отряду, случайно находившемуся в Смоленске, выпала честь защищать сей город в продолжение суток, что дало Барклаю де Толли время прибыть на следующий день. Если бы французская армия успела врасплох овладеть Смоленском, то она переправилась бы там через Днепр и атаковала в тыл русскую армию, в то время разделенную и шедшую в беспорядке. Сего решительного удара совершить не удалось».

Поздно вечером к Смоленску подошла 2-я русская Западная армия, а ночью — и 1-я. Прибыли подкрепления и к французским войскам, численность которых теперь доходила до 183 тысяч человек. Армии же Барклая и Багратиона насчитывали 110 тысяч человек. Силы были еще далеко не равными. Наполеон надеялся, что уж на этот раз ему наконец-то удастся навязать русским генеральное сражение. К этому стремились и почти все русские офицеры и солдаты. В числе их находился и Паскевич.

Особенно желавший генерального сражения, Багратион писал близкому к Государю руководителю департамента военных дел Государственного совета генералу от артиллерии графу А.А. Аракчееву:

«Я клянусь вам моей честью, что Наполеон был в таком мешке, как никогда, и он мог бы потерять половину армии, но не взять Смоленска».

В ночь с 4-го на 5 августа части корпуса Раевского были заменены свежими войсками 6-го корпуса генерала от инфантерии Д.С. Дохтурова, перед которым стояла задача задержать наступление французов. Ему придали для усиления 3-ю и 27-ю пехотные дивизии и егерский полк. Командиры дивизий, удержавших Смоленск до подхода главных сил и давших им возможность соединиться, получили много слов благодарности...

БОРОДИНО. МАЛОЯРОСЛАВЕЦ. КРАСНЫЙ

В августе главнокомандующим русской действующей армией назначается Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов.

И вскоре наступил день Бородина.

7-й пехотный корпус в Бородинском сражении защищал Центральный редут на Курганной высоте, вошедший в историю под названием «батареи Раевского». Четыре полка 26-й дивизии защищали батарею, находившуюся в самом центре позиций русской армии. Именно здесь и на Багратионовых флешах проходили решающие схватки Бородинского сражения. Генерал-майор Паскевич показал в битве образец бесстрашия и мужества.

Паскевич приказал при сближении с неприятелем орудия с Курганной высоты не свозить. Он только отослал назад лошадей и зарядные ящики. Отчаянные атаки французов следовали одна за другой. На приступ они шли сильными колоннами. Позиции защитников высоты беспрерывно обстреливались орудийным огнем. Полки таяли на глазах Паскевича.

Наконец настал момент, когда французы ворвались на Центральный редут и захватили 18 его орудий. Но им не пришлось воспользоваться пушками русских. Зарядные ящики были уже увезены.

26-я дивизия оказалась под мощнейшим ударом. Еще немного, и она могла оказаться разрезанной неприятельской колонной.

Паскевич, собрав все, что имел под рукой, нанес удар по флангам атакующих. Положение удалось немного выправить, хотя натиск наполеоновцев не утихал. Русская пехота держалась у высоты из последних сил. И выстояла.

В критический момент подоспела небольшая помощь. Начальник объединенного штаба 1-й и 2-й армий генерал А.П. Ермолов и начальник всей артиллерии в Бородинском сражении генерал А.И. Кутайсов (погибший на батарее Раевского) подоспели с одним батальоном Уфимского полка. Затем подоспел на выручку генерал А.В. Богдановский с четырьмя пехотными батальонами.

Русские ударили в штыки и ворвались в Центральный редут. Французов опрокинули и обратили в бегство, а частью перебили на батарее. Под Паскевичем убили одну лошадь и ранили другую. Полки его в беспрерывных схватках потеряли три тысячи человек.

26-ю дивизию, вконец обескровленную, сменила 24-я пехотная генерала Лихачева. Людей при орудиях на Курганной высоте переменили два раза, а для орудийной прислуги солдат брали из пехотных полков.

За Бородинское сражение генерал-майор Иван Федорович Паскевич удостоился ордена Святой Анны высшей, 1-й степени...

Его дивизия оставляла Москву одной из последних, находясь в арьергарде русской армии. Да и дивизией ее можно было назвать только с большой натяжкой. Под ружьем насчитывалось не более 1200 человек. Людей едва хватало лишь на полк. Остальные или остались на Бородинском поле, или лежали в госпиталях. Артиллерии в дивизии не имелось.

Командовавший арьергардом ученик Суворова генерал М.А. Милорадович приказал сражаться на городских улицах и площадях до последнего человека, если французы не дадут русским время спокойно выйти из Москвы со всей артиллерией и обозами.

Неприятельские колонны угрожали отрезать арьергард. Но все обошлось. Прошло немного времени, и дивизию удалось пополнить обученными рекрутами.

Великая армия императора французов уже уходила с московских пожарищ.

Ее авангард попытался прорваться к Смоленску через Калугу. Под городом Малоярославцем произошло решительное сражение.

Сражение произошло 12 октября. На помощь сражающемуся корпусу Дохтурова в 14.00 подошел корпус Раевского. Малояро-

лавец восемь раз переходил из рук в руки! С той и другой стороны участвовало по 25 тысяч человек. Паскевич со своей дивизией несколько раз врывался в город, под ним ранили лошадь. Все же русские выбили французов из горевшего Малоярославца. Русская армия вынудила великого завоевателя отступать по разоренной Старой Смоленской дороге. Стратегическая инициатива окончательно перешла к кутузовской армии.

Голенищев-Кутузов отправил к Медыни для блокирования пути к Калуге по Медынской дороге конный корпус атамана Донского казачьего войска Матвея Ивановича Платова. Тот ушел вперед без пехоты. В подкрепление ему главнокомандующий 15 октября направил генерал-майора Паскевича с его дивизией.

Ей приказывалось стать на дороге из Медыни в Калугу и «воспрепятствовать покушению неприятеля... имеющего намерение идти по сей дороге в Калугу». Такое серьезное поручение полководца говорило только об одном: он верил в боевые качества командира 26-й пехотной.

19 октября Паскевич поступает под начальство генерала от кавалерии Платова, преследовавшего французов с тыла. Иван Федорович командует у казачьего атамана всей пехотой и регулярной кавалерией, а именно: своей дивизией, егерским и гусарским полками с 36 орудиями.

В тот же день Платов у Колоцкого монастыря настиг арьергард наполеоновской армии, которым командовал маршал Даву, атаковал его и взял 27 орудий. Началось настойчивое преследование отступающих.

22 октября произошло Вяземское сражение. Авангард русской армии под командованием генерала Милорадовича совместно с платовскими казаками (всего 25 тысяч человек) нанес поражение четырем французским корпусам, шедшим в арьергарде Наполеона. Противник имел 37 тысяч человек.

Дивизия Паскевича под Вязьмой вновь отличилась. Иван Федорович руководил центром и правым флангом атакующих. Его пехотинцы выбили французов с четырех позиций и ворвались в горящий город. В штыковой атаке полки 26-й дивизии прошли мост и заняли верхнюю, возвышенную часть Вязьмы. При этом было взято в плен около трех тысяч вражеских солдат и офицеров.

Ночью дивизия оседлала большую дорогу, заградив собой путь французам. Те безуспешно попытались прорваться сквозь русские

ряды. Дело кончилось тем, что наполеоновцам пришлось взорвать 100 зарядных ящиков и сжечь собственные обозы. Только избавившись от всего лишнего, отступающие смогли продолжить бегство на запад в нужном им темпе.

После Вязьмы дивизия Паскевича присоединилась к главной армии и следовала с ней до Ельни. Затем вновь вошла в состав армейского авангарда генерала Милорадовича, наступая в голове его колонны.

Затем состоялось сражение под Красным, уже за Смоленском. Здесь русская армия нанесла жестокое поражение наполеоновской, еще имевшей в своем боевом составе 50—60 тысяч человек. Потеряв 32 тысячи из них и 116 орудий, французы в беспорядке отступили к Березине. Потери же победителей составили всего около двух тысяч человек.

Под Красным генерал-майор Паскевич с бригадой егерей своей дивизии напал на хвост колонны наполеоновской гвардии. Завязался упорный бой... О том, как действовали бойцы 26-й и ее командир, говорит следующее свидетельство.

Будущий блистательный английский генерал сэр Роберт Вильсон с большой свитой почти всю Отечественную войну находился при главной штаб-квартире русской армии. Имел он должность британского комиссара, причем получившего Высочайшее дозволение лично писать Императору Александру I о всем заслуживающем внимания.

Однако наделенный таким доверием, сэр Роберт Вильсон подробнейшим образом информировал о ходе военных действий не только своего царственного покровителя. При штабе М.И. Голенищева-Кутузова англичанин представлял прежде всего интересы Британии, пока еще союзницы России в антинаполеоновских войнах. И 7 ноября в письме своему шефу лорду Каткарту он писал:

«Имею честь уведомить вас, что корпус маршала Нея показался вчера на Смоленской дороге в пяти верстах от Красного и в предположении, что только отряд российской армии пересекает ему дорогу, неоднократно делал отчаянные усилия штыками открыть себе дорогу сквозь сильную артиллерию и бригаду генерала Паскевича.

Русские штыками же с неустрашимостью отразили нападения неприятеля и, наконец, гвардейские уланы, сделавши быструю атаку, истребили совершенно три колонны и при этом взяли одного генерала, шесть пушек и три штандарта...»

В том деле генерал-майор Паскевич лично возглавил штыковую атаку Орловского, Ладожского и Полтавского полков. Несмотря на то что французы с исступлением шли на картечные залпы 40 русских орудий, русских сбить не удалось. Маршалу Нею со своим корпусом пришлось уйти с большой дороги.

За сражение под Красным Иван Федорович был пожалован орденом Святого Владимира 2-й степени. А наиболее отличившийся Орловский пехотный полк получил в награду серебряные трубы — гордость орловцев, бережно хранившаяся ими до 1918 года.

Преследование Великой армии Наполеона Бонапарта, еще весной насчитывавшей 600 тысяч человек, продолжалось. 26-я дивизия вновь шла в авангарде русских войск. Сражение на Березине завершило полный разгром неприятеля.

Прибывший в Вильно Император Александр I устроил 12 декабря прием в день своего рождения. Генерал-фельдмаршал М.И. Голенищев-Кутузов представил на нем Государю генерал-майора Паскевича как лучшего своего генерала. Тому было всего тридцать лет.

Вскоре Ивану Федоровичу вверяется командование 7-м пехотным корпусом вместо заболевшего генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского.

Корпус состоял из 8 пехотных полков и 48 полевых орудий.

ЗАГРАНИЧНЫЙ ПОХОД. ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ

В начале 1813 года русская армия перешла пограничный Неман. 23 февраля Паскевичу поручается блокада сильной крепости Модлин близ впадения реки Западный Буг в Вислу. Корпус подкрепляется тремя полками 13-й дивизии, двумя драгунскими и четырьмя казачьими. Гарнизон крепости отказался капитулировать. Началась формальная осада Модлина, длившаяся шесть месяцев.

За это время к крепости подвезли 60 осадных орудий и 60 тысяч боевых зарядов. Под ружьем в осадном стане уже стояло 28 тысяч человек. Начались бомбардировка и последние приготовления к штурму. Но он не состоялся — Россия и Франция заключили перемирие.

Вскоре формируется так называемая Польская армия, куда вошел и 7-й пехотный корпус. Она вступила в Богемию через

две недели после сражения при Кульме и стала прикрывать сообщения главной армии, двинувшейся к Лейпцигу. Паскевичу доверяется командование авангардом из 26-й дивизии, подкрепленной шестью эскадронами регулярной кавалерии и тремя казачьими полками.

26 сентября Паскевич атакует одной кавалерией неприятельский лагерь при Кесюбле и овладевает им. На следующий день русские сбивают французов с позиций у деревни Линдигт. Армейский авангард устремляется на корпус маршала Лорана Сен-Сира, хорошо укрепившегося при Донау. И принуждает его отступить.

За отличие в этих делах командиру 7-го корпуса Высочайше жалуются алмазные знаки к ордену Святой Анны 1-й степени...

Продолжая теснить неприятеля, Паскевич успешно участвует в сражении у деревни Плауен. Затем совершает марш-бросок до города Мейсена, проделав за два дня путь в 90 верст.

В «Битве народов» под Лейпцигом Иван Федорович вновь командует ставшей ему родной 26-й дивизией. Вместе с ней он врывается в городские предместья и отбивает у врага более 30 орудий. Четыре тысячи французов сдаются в плен. Дивизионного командира производят в генерал-лейтенанты. Ему в это время тридцать два года.

После Лейпцигского сражения ему поручается блокада крепости Магдебург, затем Гамбурга. Отсюда он отзывается во Францию, где принимает командование над 2-й гренадерской дивизией.

В новой должности Паскевич отличается в битве при Арсисе 18 марта 1814 года, где русские гренадеры несколько раз «поражали» каре маршала Нея. В тот же день под стенами Парижа полки 2-й дивизии после боя преследуют противника до самых городских ворот.

Наградой, последней в войне против Наполеона, командиру Гренадерской дивизии становится орден Святого Александра Невского...

Девять лет беспрерывной боевой службы дали будущему полководцу хорошую школу. Сражаясь против турок и императора французов, участвуя в крупнейших сражениях, Иван Федорович добился «совершенства в военном ремесле». Примерная неустрашимость дала ему в русской армии известность человека храброго.

Россия не успела к участию в битве при Ватерлоо. Однако русская армия вновь вошла во Францию. Паскевич находился там со

своей 2-й гренадерской дивизией и в августе 1815 года участвовал в знаменитом смотре русской армии в городе Вертю.

В тот год между Паскевичем и Ермоловым начались первые «неудовольствия», имевшие впоследствии неприятные продолжения. По поручению Государя Алексей Петрович, находя дивизию генерала Логгина Осиповича Рота лучше обученной, чем 2-я гренадерская Паскевича, вызвал первую в Париж для содержания караулов. К ней он присоединил из дивизии Паскевича только прусский полк. Самого же дивизионного командира в столицу Франции Ермолов даже не вызвал. Того это, естественно, глубоко оскорбило.

...Русская армия возвращалась из Заграничных походов. В Вильно генерал-лейтенант Паскевич получает начальство над Гренадерским корпусом и доводит его до назначенных квартир в Смоленске.

Император не забывает Ивана Федоровича, поручая ряд ответственных заданий.

В 1816 году Александр I дает Паскевичу на расследование дело о «бунте» государственных крестьян Липецкого приказа Смоленской губернии, приговоренных к наказанию плетьми и каторге. Разобравшись до конца, генерал донес, что крестьяне, отказавшиеся платить недоимки, совершенно правы. И что все бунтарское дело спровоцировано мошенниками управителями и чиновниками.

Более того, Паскевич просил Государя не только освободить крестьян, но и назначить им денежное пособие. «Пример человечности и сострадания никогда еще не был вреден», — так осмелился писать боевой генерал всероссийскому самодержцу.

Случай со смоленскими государственными крестьянами очень характерен для Паскевича. Но еще более характерно то, что решимости потребовать суровой кары для злодеев управителей у него уже не хватило. Разбирательство ограничилось переводом главного виновника возмущения смоленских мужиков на другую должность.

Так было всегда. Паскевич не делал сам того, что считал несправедливым, старался восстановить справедливость там, где она была нарушена. Но вступать в активную борьбу с виновниками преступлений и безобразий уклонялся.

...В Смоленске Иван Федорович, красавец генерал с почти полным бантом российских орденов, знакомится с помещиком Смо-

ленской губернии статским советником Алексеем Федоровичем Грибоедовым. В 1817 году он женится на его дочери от первого брака с княжной Одоевской Елизавете Алексеевне (она приходилась троюродной сестрой автору «Горя от ума»). Брак оказался удачным.

С каждым годом герой Отечественной войны пользуется все большим доверием к нему Императора. Он назначается командиром 2-й гвардейской пехотной дивизии, а столичная гвардия в старой России всегда находилась на особо привилегированном положении. Паскевич назначается сопровождать Великого Князя Михаила Павловича в поездке по России, Германии, Голландии, Англии и Италии.

Почести продолжают сыпаться на него: 1819 год — алмазные знаки к ордену Александра Невского; 1821-й — назначение начальником 1-й гвардейской пехотной дивизии. Затем он получает звание генерал-адъютанта и должность командира 1-го пехотного корпуса, расквартированного в городе Митаве (ныне Елгава).

После восстания декабристов генерал-лейтенанта Паскевича отзывают в Санкт-Петербург, где он входит в число членов Верховного уголовного суда над государственными преступниками.

Он присутствует на самой торжественной церемонии государства — на коронации в Москве Императора Николая I Павловича.

И там Иван Федорович получает новое, весьма высокое назначение, приведшее его в зенит воинской славы...

КАВКАЗ. СРАЖЕНИЕ ПОД ЕЛИСАВЕТПОЛЕМ

На юге государства, в Закавказье, назревала война с Персией, грубо нарушавшей условия мирного Гюлистанского трактата, которым завершилась первая русско-иранская война 1804—1813 годов. Тогда шах признал присоединение к России Грузии, Дагестана, ханств Северного Азербайджана. Однако он всячески тянул с вопросом разграничения пограничных земель в районе озера Гокча (ныне Севан), явно не желая уходить даже из малой части армянских земель.

Чтобы предупредить назревавшие события и как-то отклонить Фетх-Али-шаха из династии Каджаров от войны, Император Николай I послал в Тегеран дипломатическую миссию. Но прибытие посольства восточный владыка расценил как слабость России.

Посольство генерал-майора князя А.С. Меншикова, правнука сподвижника Петра Великого, не добилось в Тегеране желаемых результатов. Более того, все письма посла к главнокомандующему в Грузии генералу от инфантерии А.П. Ермолову перехватывались.

Тем временем наследный сын шаха Аббас-мирза стягивал войска к границам Карабахской провинции. Резервная персидская армия сосредотачивалась в Агаре. Сардар Эриванский получил повеление наступать.

К 1826 году Персия смогла сформировать большую армию, обученную английскими офицерами. Регулярная пехота состояла из 38,5 тысяч человек, иррегулярная насчитывала 5 тысяч человек. Конницы набиралось до 94 тысяч, не считая особой охранной стражи самого Аббас-мирзы. Полевая артиллерия насчитывала 42 орудия, при которых находились 910 солдат и офицеров.

Персидскому шаху — «Превысочайшия и Прехвальные степени, Великодержательную власть древнюю Великих Государей, Персидских Царей, приемшему, Магометанских Царей честью превосходящему, коего мудрость, правосудие и милосердие, подобно благотворным лучам солнца освещают, животворят и благодетельствуют наисчетному множеству народов, сильнейшему и могущественнейшему Персидского Государства Обладателю и многих народов на Восток, украшающему собою корону Царств, Его Величеству, Пресветлейшему Фет-Али-шаху Коджарскому» удалось создать армию, во много раз превышающую русские войска в Закавказье. При этом его армия была вымуштрована британскими инструкторами, ассигнована сотнями тысяч английских фунтов стерлингов, снаряжена на европейский лад.

Наследный принц Аббас-мирза, командуя армией в 60 тысяч, сопровождаемый многочисленной иррегулярной конницей, намеревался быстрым маршем вклиниться в Закавказье, захватить Тифлис и вытеснить русских из Грузии и Армении далеко за Кавказский хребет и за Терек. На Востоке выступление декабристов восприняли как государственный переворот, который должен был ослабить Российскую империю и надолго отвлечь ее внимание от Кавказа.

И 19 июля 1826 года огромная шахская армия неожиданно вторглась в пределы границ России со стороны Эриванского ханства, в районе Карабаха. Началась вторая русско-персидская война.

В день нападения в пограничной зоне насчитывалось всего около трех тысяч русских войск, разбросанных по аванпостам на большом удалении друг от друга. Еще задолго до начала войны кавказский наместник А.П. Ермолов неоднократно писал в столицу о ее неотвратимости, требуя дополнительных воинских сил. Теперь же он мог выставить против огромной шахской армии всего лишь 10-тысячный Отдельный корпус.

Главные силы Аббас-мирзы ринулись в долину Куры к Елисаветполю (бывшей и сегодняшней Гяндже), чтобы перерезать эту коммуникацию с Грузией. Но на своем пути к Тифлису персидская армия столкнулась с несгибаемым сопротивлением гарнизона крепости Шуши. Расположенная на высокой скале, она была неприступной и испокон веков являлась оплотом Карабаха. Но главной ее бедой являлось отсутствие воды. Осажденный гарнизон и население Шуши при летней жаре оказались в тяжелом положении. 1300 русских солдат (девять рот егерей и один Донской казачий полк при четырех орудиях) под командованием полковника Реута даже и не помышляли о сдаче крепости.

После получения ультиматума ее комендант писал в приказе: «...Остаюсь совершенно уверенным, что всякий из моих товарищей до конца выполнит воинский долг перед Отечеством».

...Известие о вторжении персов в Закавказье Николай I получил в Москве, где еще продолжались торжества по случаю его коронации. Из находившихся там генералов Император избрал Паскевича и отправил его в Грузию на должность «командующего войсками под главным начальством Ермолова».

Одновременно монарх в письме от 10 августа выразил недовольство наместнику по поводу его «оплошностей» в начавшейся войне. Но перед этим Николай I еще 1 августа отправил специальным фельдъегерем Ермолову «Высочайшее предписание выступить немедленно против персиян». Предписание было собственноручное:

«С прискорбием читал Я донесение ваше, Алексей Петрович. Стало, не всегда добрые намерения венчаются успехом, и за скромность и миролюбие наше платят нам коварством.

Сколь ни избегал Я войны, сколь ни избегал оной до последней крайности, но не дозволю никогда, чтобы достоинство России терпеть могло от наглости соседей безумных и неблагодарных. Хотя

надеюсь и полагаю, что происшедшие военные действия суть собственное нахальство Сардаря Эриванского, но в Государствах, столь благоустроенных, каково Персидское, можно, требуя удовлетворения, и самим оное себе доставлять; а по тому, и предписать вам немедленно выступить против Эриванского Сардаря, и Эривань с его областью занять вами; вы и 15 тысяч Русских достаточный мне залог успехов.

Прочее увидите в предписании; одно здесь прибавлю: вы Христианский вождь Русский; докажите Персиянам, что мы ужасны на поле битвы, но что мирный житель может найти верный покров и всегдашнее покровительство среди стана нашего...

Вам искренне доброжелательный

Николай».

Собственноручный императорский приказ зачитали всему командному составу кавказских войск...

Паскевич прибыл в Тифлис 29 августа. Он сразу же принял под свое начальство войска, сосредоточенные вблизи города. От главнокомандующего получил приказ соединиться с отрядом генерала князя В.Г. Мадатова, который вел боевые действия против персидской армии. Тот поступал в подчинение Паскевичу. Предписывалась и ближайшая задача: освободить от блокады крепость Шушу.

С приездом Паскевича, Высочайше облеченного весьма широкими полномочиями, между обоими генералами возникли разногласия по плану ведения войны, что привело к обострению их отношений. А.С. Грибоедов, находившийся тогда на Кавказе, писал своему другу С.Н. Бегичеву:

«...Плохое мое житье здесь... Два старшие генерала ссорятся, с подчиненных перья летят...»

Пока шли ссоры, наместник докладывал в столицу о движении русских войск в Карабах к Шуше против армии наследного принца Аббас-мирзы. Первый ермоловский рапорт шел Императору Николаю I:

«...Исполнение сего предприятия, в настоящее время важнейшего, возлагаю я на Генерал-Адъютанта Паскевича, известного военною своею репутациею и удостоенного особенной доверенности Вашего Императорского Величества».

Второй рапорт шел уже по команде начальнику Главного штаба Ивану Ивановичу Дибичу:

«...Войска в команде Г. Генерал-Адъютанта Паскевича на сие предназначенные, состоят из двух батальонов Херсонского гренадерского полка, шести рот Грузинского гренадерского, шести рот 7-го карабинерского, одного батальона Ширванского пехотного, и одного батальона 41-го егерского полков, Нижегородского драгунского полка, 700 Донских Казаков и артиллерии 16 батарейных и 8 легких орудий. При войсках сих будет находиться Грузинской конницы до 600 человек.

В настоящих обстоятельствах действие против Аббас-мирзы есть важнейший предмет, и по числу войск, которыми могу я располагать, я употребил на оный все возможные средства...»

По свидетельству Дениса Давыдова, перед отправлением своим под Елисаветполь Паскевич, естественно, явился к Ермолову. Алексей Петрович, придавший ему двух способных генералов, Вельяминова и Мадатова, начертил карандашом на своем предписании диспозицию войск на случай сражения. Наместник, по причине малочисленности войск, советовал строить пехоту в двухротные каре, причем нарисовал подобного рода каре.

Почитатели Паскевича впоследствии утверждали (правда, далеко не все), что Ермолов отправил его с ничтожными силами против полчищ Аббас-мирзы с явным намерением погубить царского любимца. В опровержение этого можно сказать следующее. Ермолов, находившийся в зените славы, не раз доносивший о мужестве и усердии Паскевича еще во время Отечественной войны, никогда не почитал подчиненного ему генерала человеком умным и еще менее опасным для себя. Войск же, как известно, находилось в Грузии весьма мало, а потому наместник вверил ему начальство над теми силами, коими лишь мог располагать сам.

В старой России превалировало мнение о том, что вошедший в силу Паскевич какими-то интригами сумел добиться своего назначения возглавить отряд, уходящий к Елисаветполю. Объясняют это прежде всего недоверием Императора к личности А.П. Ермолова.

После восстания на Сенатской площади у Николая I на то имелись устойчивые суждения, хотя и не подтвержденные письменными свидетельствами или показаниями подследственных декабристов. Но уже сам факт с затяжкой приведения к присяге кавказских войск новому престолонаследнику насторожил императорское окружение.

С другой стороны, нельзя было не видеть значимости опального генерала для разворачивающихся событий на Кавказе. Уж слиш-

ком высок был его личный авторитет среди русского воинства. И для противников тоже. Особенно для персидского шаха и его воинственного наследника принца Аббас-мирзы.

Желая заменить Ермолова на Паскевича, Император, думается, делал верный шаг. Но, чтобы не вызвать в кавказских войсках недовольства Высочайшим решением, Николай I просто личным письмом тактично подтвердил право командира Отдельного корпуса в определенных случаях не участвовать самому в больших операциях против персов.

Далее из Москвы с фельдъегерем последовало новое письмо Государя. То было разрешение наместнику, на случай его болезни, вверить начальство над Кавказским корпусом генерал-адъютанту Паскевичу:

«Алексей Петрович! На основании Учреждения о большой действующей армии, в случае болезни или отсутствия Главнокомандующего или Командира отдельного корпуса, именем их управляют армиями или корпусами Начальники их Штабов. Искренне желая, чтобы сей случай не мог представиться в отношении к вам, я нужным, однако же, считаю, в предосторожность, для предупреждения всякого недоразумения, разрешить вам, в случае нездоровья вашего или какого другого непредвиденного препятствия, вверить начальство над корпусом Генерал-Адъютанту Паскевичу,

Николай».

Так что быть или не быть Ивану Федоровичу во главе кавказских войск, выступивших против персидской армии, решал лично Ермолов. А Император в вышеизложенном письме предопределил назначение в поход своего любимца.

Если бы Алексей Петрович усмотрел в полчищах Аббас-мирзы, шедших к Шамхору, действительно грозную опасность для кавказских владений России, то он, несомненно, принял бы иное решение. То есть выступил в поход сам. А так, взвесив все «за» и «против», он решил нанести разгромный удар по наступавшим персам отрядом генерала Мадатова. Предвидя же дальнейший ход войны с Персией, Ермолов отправил к Елисаветполю еще и начальника корпусного штаба.

Паскевич шел на соединение с князем Мадатовым быстрым маршем и не опоздал. Большое сражение еще не замышлялось,

когда он во главе своего авангарда, Нижегородского драгунского полка, в семь часов утра 10 сентября прибыл в стан русских войск.

Теперь их число составляло около семи тысяч человек при 22 орудиях. Ничтожная цифра при сравнении с шахской армией. Три дня ушло на заготовление провианта, производство «примерных» маневров для боя. Немногочисленную пехоту разделили на 13 полубатальонов, чтобы легче было управлять ею в предстоящем сражении.

13 сентября в девять часов утра собирались выступить к Шуше. Но ночью в полевой лагерь явилось два армянина. Один из них служил переводчиком русского языка у Аббас-мирзы. Они сообщили, что персы, собрав в один кулак все свои силы, приближаются к Елисаветполю.

Паскевич тотчас выступил навстречу им. Боевой порядок русского войска он выстроил в три линии с резервом. В первой в атакующих колоннах находилось 4 полубатальона егерей и пехотинцев Ширванского полка с 12 орудиями. Во второй — 4 полубатальона карабинеров и гренадеров Грузинского полка. На флангах первой линии встали два казачьих полка и конница грузинского и азербайджанского ополчений. На флангах второй линии — два полубатальонных каре с двумя орудиями в каждом. Нижегородский драгунский полк составил третью линию. В резерв отрядили 6 орудий и три полубатальона Херсонского гренадерского полка.

Противники сошлись на поле брани в семи верстах от Елисаветполя.

Шахское войско состояло из 15 тысяч регулярной пехоты и 20 тысяч конницы. Орудий имелось 25, не считая множества фальконетов на верблюдах. Почти вся пехота находилась в центре боевых порядков. На флангах — конница и по шесть батальонов сарбазов. Артиллерия — по всей линии. Все войсковые тяжести, мешавшие движению, Аббас-мирза приказал оставить за Тертером.

Наследный принц командовал всей армией и ее центром. Правым флангом — старший его сын Магомет, ставший впоследствии шахом Персии. Левым флангом — зять шаха Аллаяр-хан.

Русские войска едва успели остановиться, а артиллерия — сделать первые выстрелы, как персидская армия начала общую атаку. Шахский полководец стремился реализовать свое численное

преимущество. 18 батальонов сарбазов, подойдя в линиях к «гяурам», открыли ружейный огонь.

Тогда Паскевич приказал батальонам Ширванского, Грузинского и 41-го егерского полков ударить в штыки. Их удар подкрепил дивизион нижегородских драгун. Неприятельская пехота была разбита и, преследуемая по пятам, стала отступать. Шахская артиллерия замолчала и тоже повернула назад. Центр вражеской позиции оказался разорванным.

Тем временем персы конной массой и следовавшей за ней пехотой стали обходить фланги русских. В сражении под Елисаветполем наступила критическая минута.

Но Паскевич проявил отличную распорядительность. Он взял из резерва батальон херсонских гренадер, четыре орудия, дивизион драгун и выдвинул их влево. «Покушение» неприятеля отбили убедительно, отразив его конницу с первого ее наскока. Однако на правом фланге обстановка складывалась сложнее. Здесь персидская конница пошла в обход и стала своей массой теснить чуть более полтысячи казаков и конных ополченцев в сторону Елисаветполя. Неприятельская же пехота сильно напирала на две роты херсонцев и дивизион драгун-нижегородцев. Те с трудом отбивались на позиции.

Русский командующий подкрепил правофланговых тремя полубатальонами карабинеров, приказав им зайти в тыл персам и пресечь здесь их сообщение с главными силами. Маневр пехотой блестяще удался, противнику ничего не оставалось, как начать отход в горы.

Заметив появившийся успех, генерал-лейтенант Паскевич отрядил для преследования отступающих два полубатальона херсонских гренадер. Пехотинцы дружно пошли в штыки. Теперь персы уже побежали, думая только о спасении.

Часть шахской пехоты окружили на курганах и картечью принудили к сдаче вместе с двумя батальонными командирами. Для преследования бежавших отрядили генерал-майора Мадатова. Оно шло на расстоянии 12 верст. Неприятель, совершенно разбитый, рассеялся в горах. Труды английских инструкторов оказались напрасными.

Победителям достались два походных лагеря, четыре знамени, одно орудие и один фальконет (остальную артиллерию персы заблаговременно увезли), 80 зарядных и патронных ящиков и 1100 пленных. Сверх того персы потеряли до двух тысяч человек убитыми и ранеными.

С нашей стороны погибло три офицера, в том числе храбрый батальонный командир ширванцев подполковник Греков, и 43 рядовых. Ранено — девять штаб- и обер-офицеров и 240 нижних чинов.

Итог Елисаветпольского сражения, разыгравшегося вблизи могилы знаменитого поэта древности Низами, таков: около семи тысяч воинов России совершенно разбили 35-тысячное шахское войско, «образованное по примеру европейскому» и имевшее сильную артиллерию. Аббас-мирза спас ее почти всю по очень простой причине: его пушкари, не в пример русским, вперед в атаку не пошли. Они бежали, да притом в числе первых и очень удачно.

Россия победой была обязана неустрашимости и твердости сражавшихся бойцов Отдельного Кавказского корпуса и, конечно, решительности и искусству полководца, умело «устроившего» свои малые силы в нужный боевой порядок, им самим придуманный.

Император наградил его Золотым оружием — шпагой, украшенной бриллиантами, с надписью: «За поражение Персиян при Елисаветполе».

Наследный принц поспешно скрылся за реку Аракс с одной лишь артиллерией и личной охраной. Пехота же его и конница рассеялись по горным районам. Созданная за большие деньги регулярная армия Персии на время перестала существовать...

Плодами одержанной победы воспользоваться, однако, не удалось, хотя Паскевич неоднократно предлагал перенести боевые действия на территорию противного государства. Он ручался за успех похода на Тавриз — столицу Южного Азербайджана, второй по значению в персидских землях город после столичного Тегерана. Но такой поход не состоялся. Главная причина — недостаток провианта в войсковых магазинах.

В скором времени Аббас-мирза собрал рассеянную армию и вновь стал угрожать границам России. Он стал их тревожить конными «партиями». Персидским наездникам удалось даже захватить и увести к себе около 600 семей кочевых карабахцев. Вспыхнули волнения в Ширванском ханстве. Русскому командованию приходилось разбрасывать свои и без того малые силы.

Паскевич решил устрашить шахского сына. 25 октября он с отрядом переходит Аракс у села Марельян. «Демонстрация» удалась — Аббас-мирза отступил к Ардебилю, оставив впереди кон-

ные заслоны. Однако кавалерия кавказцев их всюду обращала в бегство, отбив до пяти тысяч голов скота, которые пошли на солдатское довольствие. Через неделю Иван Федорович повернул обратно и вновь вброд перешел пограничную реку, но уже в другом месте.

Такой рейд на чужую территорию позволил ему ознакомиться с будущим театром военных действий. Угнанные карабахцы вернулись к себе. Шахские отряды, которые разбойничали в Карабахской, Ширванской и Шекинской провинциях, сочли за благо побыстрее удалиться из них.

По этому поводу Николай I прислал генерал-адъютанту лестный рескрипт.

Вскоре главнокомандующий на Кавказе предписал войскам до весны расположиться на зимних квартирах.

Победа, одержанная при Елисаветполе, внушила Императору мысль, что он может вполне доверить Паскевичу войска на Кавказе и наконец удалить оттуда Ермолова.

ПАСКЕВИЧ СМЕНЯЕТ ЕРМОЛОВА. ПОХОД НА ЭРИВАНСКОЕ ХАНСТВО

В феврале 1827 года Николай I отправил в Тифлис свое доверенное лицо — начальника Главного штаба генерала И.И. Дибича, заранее уполномочив его, если тот посчитает необходимым, сместить главнокомандующего. Император торопился разрешить конфликт между Ермоловым и Паскевичем в пользу последнего. По мнению же самого Дибича, на Кавказе ни тот ни другой не могли оставаться. Но, исполняя волю монарха, он стал стараться склонить Алексея Петровича на добровольную подачу просьбы об увольнении со службы.

3 марта Ермолов направил Государю письмо с просьбой об увольнении его от командования Кавказским корпусом. Однако еще до получения этого письма Император 12 марта предписал Дибичу безотлагательно объявить опальному кавказскому полководцу об отставке.

Получив из столицы такое повеление, начальник Главного штаба 28 марта в весьма вежливой форме объявил герою Отечественной войны 1812 года Алексею Петровичу Ермолову устно, а на следующий день письменно, что:

«Государь Император соизволяет на увольнение его в Россию и на назначение командующим войсками и главноуправляющим здешним краем генерал-адъютанта и генерала от инфантерии Паскевича».

Высочайшее соизволение было сказано. По совету Ермолова близкий ему по духу генерал Николай Николаевич Муравьев остался при Паскевиче помощником начальника штаба с тем, чтобы преемственно продолжать прежнюю политику завоевания Кавказа, разумную и по возможности гуманную.

Приводя в порядок свои личные дела, Ермолов прожил в Тифлисе еще месяц.

3 мая, желая избежать проводов, он «в три часа пополуночи» в простой кибитке, в которой приехал сюда десять лет тому назад, выехал из Тифлиса. Впереди его ждали тридцать лет тяжелого для него вынужденного бездействия...

Кампания 1827 года второй русско-персидской войны началась кавказскими войсками с новым главнокомандующим. Вернее, началась персами, которые в марте возобновили грабительские набеги на сопредельную сторону.

Генерал от инфантерии Паскевич обладал теперь начальством над Отдельным Кавказским корпусом со всеми правами, властью и преимуществом, присвоенными главнокомандующему большой действующей армией. Одновременно он являлся главноуправляющим в Закавказье и на Северном Кавказе.

Император Николай I требовал начать поход против персов безотлагательно. Но запоздалая весна только наступила, дороги оказались испорченными проливными дождями и таявшим снегом. К тому же запасы продовольствия нуждались в пополнении, а парки и обозы были еще не готовы.

Чтобы исполнить волю Государя, Паскевич двинул в Эриванское ханство свой авангард под командованием генерал-адъютанта К.Х. Бенкендорфа (родного брата Александра Христофоровича Бенкендорфа). Персы даже и не предполагали вторжения русских на их территорию. Те же, несмотря на все трудности горного перехода, в середине апреля заняли древний армянский город Эчмиадзин и знаменитый Эчмиадзинский монастырь, находившиеся на подступах к Эривани. Затем отряд Бенкендофа подступил и к ней. Для прохода главных сил стала разрабатываться дорога через лежащие на их пути горные хребты.

Для прикрытия от разбойных набегов со стороны северных азербайджанских земель у Ахского караван-сарая на Араксе Паскевич выставляет отряд под командованием опытного генерал-майора Н.П. Панкратьева, который со временем станет полным генералом и генерал-адъютантом и на которого, уезжая в 1831 году, Паскевич оставит Кавказский край.

В то же время главноуправляющий на Кавказе вошел в сношение с бывшим владельцем Карабаха Мехти-Кули-ханом, удалившимся в Персию еще в 1822 году. Хан этот, опасный своими набегами, кочевал с тремя тысячами семейств и мог во всякое время выставить до четырех тысяч вооруженных всадников. По предложению Паскевича он принял подданство России и под прикрытием русских войск переселился в Закавказье.

На исходе мая Паскевич во главе 15-тысячного корпуса, совершив марш-бросок в горах, соединился с авангардом. Ожидая подхода отставших частей, наместник лично проводил ежедневные рекогносцировки блокированной Эривани. Он приказал корпусным инженерам выстроить на берегу Занги батареи для обстрела крепости. Однако по времени прибытие осадной артиллерии из России ожидалось только в сентябре.

Взвесив все «за» и «против», главнокомандующий понял, что без взятия Эриванской крепости нельзя было идти на Тавриз. Блокированный гарнизон мог не только прервать сообщения с Грузией, но и ударить в спину.

Паскевич, при всей противоречивости суждений о его характере, относился к числу людей, которые к умным советам прислушивались. Он решил в сложившейся ситуации воспользоваться планом, разработанным ранее Ермоловым.

Суть его заключалась в следующем. Не задерживаться под стенами сильной крепости, а для начала просто блокировать ее, притом как можно плотнее и небольшими отрядами. Главным же силам неуклонно двигаться вперед, стремясь разгромить вражеские полевые войска. А затем уже заниматься осадой и штурмом самой Эривани.

На такое разумное решение повлияло еще два обстоятельства. Первое: осада крепости заменялась блокадой по причине неблагоприятной погоды. Жара в Араратской долине доходила до 40 градусов, изматывая войска, как правило лишенные крыши над головой.

И второе. Уход главных сил был сделан по совету... Михаила Пущина. Бывший гвардейский капитан, он служил теперь на

Кавказе рядовым, разжалованный за связь с декабристами. Родной брат И.И. Пущина, «бесценного» друга Пушкина, он отменно знал осадное дело и отсоветовал начинать осадные работы летом.

Главнокомандующий считался с ним, убедившись в деловитости предложений ссыльного инженера-гвардейца. И когда в сентябре главные силы кавказских войск вернулись к Эривани, Паскевич назначил М.И. Пущина главным «техническим» руководителем подготовки штурма. При этом, отстраняя нерадивого полковника Литова от должности инженера осадных войск, он выразился прямо:

— Я мог бы тебя сделать солдатом, но не хочу, а его (он указал на Пущина) я хотел бы произвести в полковники, но не могу...

Паскевич принял следующее решение. Блокада Эривани поручалась генерал-лейтенанту Красовскому. Главные же силы Кавказского корпуса уходили в поход на юг, по долине Аракса, чтобы взять Нахичевань и крепость Аббас-Абад.

Красовский получил приказ удерживать главную позицию в горах около селения Джангули, где свежий воздух более благоприятствовал здоровью. Такое расположение позволяло прикрывать Эчмиадзинский монастырь, где находился госпиталь для больных и раненых, войсковые запасы. При этом надежно защищались дороги в Грузию.

На левом фланге генерал-майору Н.П. Панкратьеву предписывалось защищать пути, по которым шло снабжение главных сил и одновременно препятствовать набегам Магмет-мирзы, который стоял против него за Араксом, имея под рукой 12 тысяч войск, преимущественно конницы.

Обеспечив таким образом тылы, генерал от инфантерии Паскевич 20 июня сосредоточил главные силы на речке Гарни-чай, в 50 верстах от Эривани. Он разделил корпус на две колонны. Первой командовал генерал-майор князь И.М. Вадбольский. Второй — генерал-лейтенант князь Г.Е. Эристов. Авангардом по-прежнему начальствовал генерал-адъютант К.Х. Бенкендорф. 31 июня войска выступили к Аббас-Абаду через Нахичевань. До нее переход продолжался шесть дней, хотя расстояние составляло всего 72 версты.

Жара доходила до 43 градусов на солнце. С питьевой водой дело обстояло плохо, дорога шла по выжженной полупустыне. Колонны двигались с огромными обозами и артиллерийскими

парками. Кавказцы, имея на плечах всю походную амуницию, держались бодро, идя с песнями.

26 июня авангард занял Нахичевань. В тот же день на противоположном берегу Аракса показалась персидская конница числом до трех тысяч всадников. Ею предводительствовал Наги-хан. Русский передовой отряд попытался вброд перейти реку, но высота воды воспрепятствовала этому. Все же неприятельский отряд заставили отступить в горы после нескольких метких пушечных выстрелов.

Кочевники здешних мест приняли подданство России. На провиант у них купили несколько тысяч голов рогатого скота. Заинтересованное хорошей платой, местное население стало поставлять в походный лагерь другие съестные припасы.

В Нахичевани войска расположились по течению родника Нахи, славившегося чистотой воды. Здесь солдаты по приказу Паскевича приняли участие в жатве пшеницы и сарацинского зерна — риса.

Тем временем разведывались подступы к Аббас-Абаду. Крепость, выстроенная под руководством английских инженеров по правилам европейской фортификации, примыкала к Араксу. Ров, шириной около шести метров и глубиной более четырех, хорошо простреливался с флангов. Во время рекогносцировки произошли сшибки между драгунами и персидскими наездниками.

ДЕЛО НА ДЖЕВАН-БУЛАКЕ. ВЗЯТИЕ АББАС-АБАДА

Русские войска подошли к крепости 1 июля и заняли позиции по реке, в двух верстах от Аббас-Абада. В первую же ночь были отрыты траншеи и к утру возведено несколько батарей. С рассветом они предстали перед изумленными персами во всей своей мощи.

Придя в себя, противник начал частую пальбу по русским позициям. Кавказские пушкари только того и ждали: выстрелы выказали орудийные амбразуры. Паскевич приказал поразить их прицельным огнем и одновременно пробить брешь в стене, там, где она виделась тоньше.

Весь день продолжалась жаркая перестрелка. К вечеру вражеские орудия замолчали. Взрывы засыпали амбразуры, и кавказцы охватывали крепость все ближе и ближе. В ночь на 6-е число они

устроили батарею из шести пушек прямо перед одним из бастионов. Персы пришли в смятение. Наместник же находился в траншеях, непосредственно руководя правильной осадой.

Вскоре все осадные работы завершились. 24 орудия громили бастионы Аббас-Абада и не позволяли гарнизону брать воду из реки. Крепостная стена во многих местах разрушилась, а в одном бастионе снаряды проделали такую брешь, что через нее просматривались городские строения. Но гарнизон, надеясь на скорую помощь от Аббас-мирзы, держался стойко и не терял бодрости духа.

Наследный принц действительно спешил к осажденной крепости. Собрав в Хое 16-тысячный корпус, он уже стоял на виду русского авангарда. Конные отряды персов стали пробираться и через Аракс.

Паскевич решил опередить противника и сам напасть на него. Оставив часть войск в Нахичевани и у крепости для прикрытия лагеря, батарей и обозов, он выступил навстречу Аббас-мирзе. С собой генерал от инфантерии взял всего несколько легких орудий, 8 батальонов пехоты и всю кавалерию, состоявшую из полков 2-й уланской дивизии, Нижегородского драгунского полка и казаков.

Кавалерия и конная артиллерия перешли Аракс вброд. Для пехоты же устроили мост из бурдюков воловьих шкур. Персы не смогли помешать форсированию реки русскими.

Но как только кавалерия кавказцев оказалась на том берегу, шахская конница всей массой атаковала ее. Уланы, драгуны, казаки-донцы без особых потерь выдержали вражеский удар. А с помощью подоспевшей пехоты заставили нападавших отступить назад, к своим главным силам.

В знойный день по каменистому берегу реки кавказцы проделали быстрый марш-бросок в 15 верст. И неожиданно появились перед неприятельским походным лагерем, ошеломив персов. Те атаковали пехоту русских, но неудачно.

Тогда Аббас-мирза приказал коннице обскакать фланги противника. Сам же он возглавил удар против их левого крыла. Кавалерия кавказцев мужественно встретила атакующих. Завязалась сеча. Паскевич бросил в бой все наличные силы, и неприятеля сбили с занимаемых позиций.

Нижегородские драгуны дважды блистательно ходили в атаку. Преследуя отступавших персов, они захватили два знамени. Одно из них имело многозначительную надпись: «Победное».

Наследник шахского трона попытался удержаться на гряде каменистых холмов. Но тщетно. Русские выбили персов и оттуда. Теперь враг, не выдержав нового удара, обратился в общее бегство. Преследование его велось более восьми верст.

Этот бой вошел в историю второй русско-иранской войны как дело у ручья Джеван-Булак. Победа кавказцев в нем была полной.

Сам Аббас-мирза едва успел уйти на резвых скакунах от казаков. Но его драгоценное ружье с любимым оруженосцем досталось победителям. Персы потеряли только убитыми до 400 человек и до сотни пленными. В числе последних оказались три хана, шахских родственников. У победителей выбыло из строя три офицера и 38 нижних чинов.

Пока шел этот бой, гарнизон осажденного Аббас-Абада сделал сильную вылазку, но был отбит с уроном. Воспользоваться уходом большей части русских войск ему не удалось, хотя дело завязывалось жаркое.

После победы у ручья Джеван-Булак Паскевич вернулся к Аббас-Абаду. Осадная артиллерия дала залп по крепости, и вслед за этим на самой ближней батарее выставили захваченные знамена шахской армии. Одного знатного пленника отпустили в крепость рассказать о разгроме наследного принца и с предложением сдаться.

Отчаяние и страх овладели осажденными. Комендант, хитря, попросил три дня отсрочки, но получил отказ. Весь день шла слабая перестрелка. К вечеру из крепости вышел офицер с белым флагом. Вслед за ним вышли командиры двух батальонов сарбазов, составлявших гарнизон. Они объявили, что отворяют ворота Аббас-Абада.

В семь часов утра 7 июля состоялась церемония капитуляции. Гарнизон, состоявший из 2700 человек, сложил оружие и в полном параде выстроился на крепостном плацу. Начальник гарнизона сардар Магмет-Эмин-хан, зять шаха, в окружении старшин преподнес генерал-адъютанту И.Ф. Паскевичу ключи от крепости. Мимо него церемониальным маршем прошли оба пехотных батальона. Их командиры вручили наместнику свои знамена. За сарбазами шло духовенство и жители.

Затем лейб-гвардии Сводный полк с распущенными знаменами и музыкой вошел в крепость и занял в ней караул. После торжественного молебна дали 101 пушечный выстрел из захваченной артиллерии. Впоследствии Николай I великодушно подарит эти 23 орудия Аббас-мирзе. В крепости нашлось много пороха и разных припасов. Походный штаб не без удивления осмотрел довольно внушительную брешь в одном из бастионов, которую осажденные заложили огромными мешками бумаги из хлопчатника.

Высочайшим рескриптом от 17 августа в воздаяние «искусных распоряжений» генерала от инфантерии Ивана Федоровича Паскевича и «мужества, которым войска воодушевляются его примером», он был пожалован орденом Святого Владимира 1-й степени...

Следствием нового успеха русского оружия стало то, что кочевавшие за Араксом местные жители перешли на земли Нахичевани. Сюда же переселилось много армянских семейств. Российское подданство приняли наиб Нахичеванский Эксан-хан и его брат Ших-Али-бек. С разрешения кавказского наместника они набрали для защиты края от персов батальон в 400 человек, которых вооружили трофейными ружьями, добавив к ним еще и одну пушку.

В ожидании прибытия осадной артиллерии Паскевич расположил войска на отдых в 30 верстах от Аббас-Абада. Людям, лошадям требовался отдых.

ПАДЕНИЕ ЭРИВАНСКОЙ КРЕПОСТИ

Между тем эриванский сардар попытался овладеть Эчмиадзинским монастырем. Но из этой затеи у персов ничего путного не вышло. Тогда Гассан-хан вновь запросил помощи у шахского главнокомандующего.

Тот сумел собрать под свои знамена 10 тысяч пехоты и 15 тысяч конницы при 22 орудиях. Со всей Персии к берегам Аракса стягивались войска. Аббас-мирза пошел на смелую и искусную «диверсию». Он обошел русский лагерь стороной и 8 августа стал походным станом на Эчмиадзинских равнинах у села Аштарак. В то же время эриванский гарнизон вторично подступил к монастырю.

Отряд генерал-лейтенанта Красовского у селения Джингули оказался в весьма затруднительном положении. Следовало помочь Эчмиадзину, но дорогу к нему перекрыла шахская армия, занимавшая к тому же крепкую позицию: между обрывистым берегом речки Абарони и горой Алагез.

Красовский все же решил прорваться к осажденному монастырю. Он смог взять с собой всего около 2500 человек: четыре пехотных батальона, пять сотен казаков и 12 орудий. Однако за ночь перехода по трудной горной дороге русские не успели миновать позиции неприятеля. Утро застало их у входа в ущелье вблизи селения Аштарак. Аббас-мирза ожидал противника на противоположном берегу реки.

Надеясь пробиться, генерал-лейтенант Красовский приказал продолжить движение. Персы пропустили отряд дальше по ущелью, а затем с фланга открыли губительный огонь из всех своих 22 орудий. Одновременно многотысячная конница атаковала кавказцев с тыла. Они оказались в окружении. Завязался кровопролитный бой, в котором персидская сторона имела многократное превосходство в силах.

Русский отряд, обремененный большим обозом, мужественно сражался среди скал, пробиваясь только вперед. И пробился-таки, во многом благодаря личной храбрости своего командира, героя еще Отечественной войны, стойкости в собственных рядах и мастерству пушкарей, действовавших выше всяких похвал. Однако поданная Эчмиадзину помощь досталась дорогой ценой: убитыми и ранеными отряд потерял половину своего состава и почти весь обоз.

Тем временем, с получением донесения о движении армии Аббас-мирзы к Эривани, Паскевич уже спешил на помощь Красовскому, оставив у Аракса часть сил под командой генерала Эристова. Тем самым прикрывался тыл. 5 сентября главнокомандующий прибыл в Эчмиадзин, где нашел осадную артиллерию, доставленную наконец-то из России.

Сын шаха тотчас же оставил занимаемую позицию и отошел к замку Каракалы на реке Аракс, в 15 верстах от Сардар-Абада — преддверия Эривани. В крепости стоял двухтысячный гарнизон под знаменами самого эриванского Гассан-хана.

13 сентября к Сардар-Абаду подступили главные силы кавказцев. Проведя рекогносцировку, наместник решил атаковать южную сторону крепостной, почти во всех местах двойной, стены. Отрытие осадных траншей проходило под прикрытием большого сада, принадлежавшего эриванскому хану. Персы сделали вылазку из замка и стали вырубать сад, но их отогнали картечью.

16 сентября к Сардар-Абаду прибыла осадная артиллерия. Паскевич лично руководил бомбардировкой крепости, в которой вскоре рухнула одна из башен, появились бреши, которые осажденные не смогли заделать.

19 сентября из крепости вышел парламентер с письмом от хана. Тот просил три дня на раздумье. Ему дали 24 часа и пригрозили в противном случае штыковой атакой. С наступлением ночной темени Гассан-хан с войском сумел улизнуть через противоположные к русскому лагерю ворота Сардар-Абада.

Узнав об этом, Паскевич приказал пехоте вступить в крепость, а кавалерии начать преследование беглецов. Оно прошло успешно: ханские отряды рассеялись в горах, потеряв полтысячи человек убитыми и ранеными, 250 — пленными. Победителям достались 16 орудий, а самое главное — огромные хлебные запасы, в которых стала появляться нужда.

Не теряя времени, Иван Федорович двинулся к Эривани и 24 сентября под обстрелом с крепостных стен лично убедился, что затворившая перед русскими ворота крепость не зря считается одним из оплотов Персии на ее границах.

Расположенная на крутом, утесистом берегу Занги, крепость имела двойные стены с башнями и водяной ров. К югу, на расстоянии в четверть версты, располагался сам город, окруженный каменными стенами.

Паскевич подтянул к Эривани войска. Еще в мае 1827 года он предписал тифлисскому губернатору Сипягину приступить к формированию добровольческих батальонов из местных жителей — грузин и армян. Тот набрал три дружины добровольцев: две армянские и одну грузинскую. Они, выступив из Тифлиса, значительно выросли в пути. Так, 1-я армянская дружина численностью в 117 человек пришла к Эривани в составе уже почти тысячи добровольцев.

В ночь на 26 сентября в крепость полетели несколько первых бомб. В следующую ночь заложили осадные траншеи под сильнейшим огнем из крепости, на который приказано было не отвечать ни одним выстрелом, чтобы не прерывать инженерные работы и возведение осадных батарей.

28 сентября их канонада потрясла крепостные стены. Жители умоляли столь удачно спасшегося из Сардар-Абада хана Гассана сдать город. Но тот, гордясь успешной защитой крепости от русских в 1808 году, не терял надежды на помощь из-за Аракса и силой подавил ропот горожан-армян. Правда, до поры до времени.

Эриванский хан по тем временам считался лицом значительным в обширном Персидском государстве. Как правителю ключевого пограничного ханства, ему было присвоено высокое воинское звание сардара. В иранской иерархической лестнице он являлся третьим человеком. Гассан-хан носил также титул «беглербея», что давало ему от имени владыки Персии неограниченные полномочия. Он имел собственное войско, двор и диван (ханский совет). И полное право на жизнь своих подданных армян. Весь существующий строй в Эриванском ханстве держался на неограниченной власти правителя и страхе. Шариатский суд лишь освещал это.

Хорошо познавший механизм власти в персидской державе, Александр Сергеевич Грибоедов в своих путевых заметках так характеризовал ее в Эриванском ханстве:

«Лестница слепого рабства и слепой власти здесь беспрерывно восходит до бека, хана, беглербея и каймака и, таким образом, выше и выше».

После очередного обстрела рухнула юго-восточная угловая башня вместе с частью стены. 29 сентября Паскевич предложил Гассан-хану сдать крепость на условиях свободного выхода гарнизона. Правитель и тиран Эривани ответил гордым отказом. Он попытался привлечь к обороне города армян, но безуспешно. Те не хотели ни защищать Эривань от русских, ни укреплять его.

Траншейные работы продолжались, все ближе подбираясь к крепости. Ставились новые батареи, которые вели огонь по крепостной ограде, проделывая в ней новые проломы. Беспрерывный пушечный огонь поколебал осажденных. Хан выслал парламентера с изъявлением своего согласия сдать крепость, но просил подождать решения Аббас-мирзы. Хитрая уловка не удалась. Теперь наш главнокомандующий на Кавказе потребовал сдачи Эривани без всяких условий.

Всю ночь на 1 октября продолжалась артиллерийская дуэль. Паскевич приказал подвергнуть крепость сильной бомбардировке, чтобы разрушить укрепления и тем самым обеспечить успех предстоящего штурма. Одних бомб было брошено 900 штук. Пожары охватили крепость, освещая все вокруг. На рассвете пальба утихла, и персы увидели, что осадные траншеи дошли до рва. Очевидец свидетельствовал:

«Я бы желал, чтобы ты сам лично был свидетелем сей... картины! Нет слов описать ее в полной силе! Скажу тебе только,

что все четыре стены Эривани, мало сказать, были освещены как нельзя более, нет! Они, казалось мне, все были огненные и сыпали на себя град ружейных и картечных пуль! В это же время до сорока наших разнородных орудий не огонь — ад открыли против крепости! Двадцатичетырехфунтовые пушки по части разрушенной стены стреляли картечами, а остальные громили ее бомбами, ядрами и гранатами. Только соедини в воображении своем все это вместе, и прибавь еще к тому с обеих сторон гром выстрелов, треск и шум разрушающихся стен, строений, визг пуль, ядер, дикий крик гарнизона».

Ядра и бомбы проделывали бреши в стенах. Персы в страхе, что сейчас в крепость ворвутся русские штурмовые колонны, спешно занимали проломы, стараясь хоть как-то заделать их. Тогда осадные батареи били уже картечью, на поражение людей.

Утром в Эривани вспыхнули волнения. 18-тысячное армянское население потребовало от Гассан-хана немедленной сдачи крепости, в противном случае угрожая восстанием. Армян было в шесть раз больше гарнизона, состоящего из сарбазов — шахских солдат и ханских дружинников. К тому же ночная бомбардировка, ожидание генерального штурма и вооруженного возмущения горожан просто деморализовали персов.

Гассан-хан, видевший неизбежность падения крепости, колебался. Он опасался мести шаха или его сына-наследника. Эриванский властелин еще надеялся на спасительное чудо в лице иранской армии.

Тем временем сотни армян, вооружившись чем попало, бросились на крепостные стены, прогнали с них почти без сопротивления ошеломленных сарбазов и стали размахивать белыми платками. Русские же войска стояли под крепостью в готовности к штурму.

Вскоре через зияющие в крепостной ограде бреши и открытые жителями городские ворота русские войска вошли в Эривань. Сопротивления со стороны персов они не встретили. Шесть рот лейб-гвардии Сводного полка стали занимать крепостные стены и башни. Ставились караулы у замолкших орудий. Сильный отряд Паскевич послал к северным воротам, чтобы пресечь возможную попытку шахского гарнизона прорваться через кольцо осадных войск.

Через несколько часов Гассан-хан, его телохранители и собравшиеся у главной мечети три тысячи сарбазов сложили оружие.

Эриванская крепость пала. Горожане-армяне высыпали на улицы, приветствуя своих избавителей.

Армянский просветитель-демократ Хачатур Абовян в романе «Раны Армении» запечатлел волнующую картину вступления русских войск в Эривань:

«Солдаты стали входить в крепость, а в тысячах мест, в тысячах окон люди не в силах были рот открыть, — так душили их слезы. Но у кого было в груди сердце, тот ясно видел, что эти руки, эти застывшие, окаменевшие, устремленные на небо глаза говорят и без слов, что и разрушение ада не имело бы для грешников той цены, как взятие Эриванской крепости для армян...

Старики, дети, девушки, старухи... бросаются на шею солдатам и замирают у них на груди в душевном умилении. С тех пор как Армения потеряла свою славу, с тех пор как армяне вместо меча подставили свою голову, не видали они такого дня, не испытывали подобной радости».

Жители древней армянской земли, расчлененной иноземными захватчиками и вынужденные бежать в чужие страны, приветствовали победу русского оружия. Так, армяне из далекой Индии прислали архиепископу Нерсесу Аштаракскому письмо, в котором заявляли:

«Армения воскресла из пепла... солнце жизни взошло над Араратской долиной... и в этом наша нация обязана человеколюбивой московской нации, среди которой мы всегда можем жить безопасно и защищенно».

Освобождение Эривани вызвало горячий отклик у народов Закавказья, веками страдавших от нашествий персидских полчищ, когда их земли предавались безжалостному мечу и всепоглощающему огню. Тысячи и тысячи людей, угоняемых в рабство, бесследно исчезали для родины. Грузинский поэт Григорий Орбелиани дню 13 октября 1827 года посвятил стихотворение «Заздравный тост».

К слову сказать, грузинские добровольцы участвовали в боях за освобождение Эривани. Отличилась здесь конная грузинская милиция, руководимая князем Р.И. Багратионом, братом героя Бородина и Отечественной войны 1812 года генерала от инфантерии П.И. Багратиона.

С началом второй русско-персидской войны грузинская и армянская православные церкви оказали самую активную поддержку кавказским войскам. Так, архиепископ Нерсес Аштаракский

еще 29 июля 1826 года обратился с воззванием к армянскому народу, призывая «вместе с полками воинства Российского... в случае необходимости не пощадить и последней капли крови нашей».

Православное духовенство не только призывало народ к вооруженному сопротивлению, но и становилось во главе бойцов. На полях сражений доблестью отличался добровольческий отряд шамшадинского епископа Г. Манучаряна, который, как и Нерсес, участвовал в боях с шахскими войсками еще со времен князя Цицианова. Лишь архиепископ Саркис, захваченный в плен персами, был принужден обратиться к бесстрашным защитникам Шуши с призывом сдаться. И простой народ ему этого не простил...

Победителям в Эривани достались богатые трофеи: знамена, 38 пушек, две гаубицы, 9 мортир, 50 фальконетов, тысячи единиц огнестрельного и холодного оружия, множество артиллерийских зарядов и полторы тысячи пудов пороха. В главном пороховом погребе удалось вовремя найти и погасить горящий факел. Иначе мощный взрыв в самом центре крепости мог лишить жизни многих людей. На гарнизонных складах нашли до четырнадцати четвертей муки, зерна и круп, достаточных войску кавказцев на пять месяцев.

Немало знатных пленных оказалось в крепости: сам эриванский сардар, командир батальона шахской гвардии Касум-хан, хан Аслан, много других ханов и беков, рангом поменьше. А коменданта крепости Суван-Кули-хана поймали в одном из подземелий.

Победа досталась малой кровью. Со стороны русских во время осады убито и ранено оказалось только 52 человека, в том числе три офицера.

Среди участников взятия Эривани многие удостоились боевых наград и различных поощрений.

«За отличное мужество, твердость и искусство, оказанные при покорении Сардар-Абада и важном завоевании знаменитой в Азии крепости Эривани» самому Паскевичу был пожалован орден Святого Георгия 2-й степени...

Так 1 октября 1827 года пал оплот персидского владычества в Закавказье — Эриванская крепость. Значение победы русского оружия выходило далеко за рамки заурядного захвата сильно укрепленного неприятельского города с сильным гарнизоном. В силу исторических событий на древней армянской земле Ереван ста-

новился ее центром. Главнокомандующий России на Кавказе отмечал:

«Самое приобретение Эривани, по знаменитости ее, по сосредоточению в ней торговли персидской и турецкой, по местоположению на границе трех государств доставляют нам выгоды неизъяснимые».

ВХОЖДЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ В СОСТАВ РОССИИ

Присоединение к России Эриванского ханства для жестоко угнетавшегося армянского населения означало одно — раз и навсегда было покончено с деспотической системой персидского правления в Восточной Армении. Уходила безвозвратно в прошлое система ничем не прикрытого грабительства со стороны местных беков и ханов, самого сардара и полнейшего беззакония.

Для управления Эриванским ханством по настоянию кавказского наместника создается временное правление под председательством распорядительного генерал-лейтенанта А.И. Красовского. Ему давалась власть областного начальника и командующего войсками Эриванской области. Для «пособия» в состав правления вводились архиепископ Нерсес и комендант крепости Эривань подполковник А. Бородин.

Кандидатура Красовского удивила многих — в Кавказском корпусе знали о неприязненных отношениях между ним и главнокомандующим, выражавшихся не только в словесных колкостях. Но не зря Иван Федорович слыл за человека государственного ума. Он, хоть и не всегда, умел перешагнуть через личное.

В Эривани, расположенной в опасной близости от персидской и турецкой границ, поставили русский гарнизон, подчинявшийся непосредственно А.И. Красовскому. В него вошли четыре полка 20-й пехотной дивизии со всей ее артиллерией, пионерская рота, два казачьих полка, дивизион улан и добровольческие формирования — армянское и грузинское пехотные ополчения, отряд азербайджанской милиции...

Русско-персидская война 1826—1828 годов поставила Императора Николая I перед необходимостью усиления контроля над событиями, происходящими в Закавказье. Первоочередной задачей виделось определение контура южных границ империи, обес-

печение их безопасности и выработка политики в отношении кавказских владений.

Государь Высочайшим указом прикомандировал в сентябре 1827 года к собственной канцелярии шефа корпуса жандармов А.Х. Бенкендорфа, в качестве чиновника для особых поручений служащего Министерства иностранных дел Х.Е. Лазарева. Выходец из известной армянской фамилии, он на свои средства основал Московский институт восточных языков. Лазарев организовал через собственных корреспондентов сбор информации о положении дел в Персии, Османской империи и Закавказье. Донесения докладывались лично Николаю I.

Вопросами Закавказья стал заниматься так называемый комитет 1827 года, возглавляемый управляющим штабом Его Императорского Величества графом Толстым. В состав комитета входили малороссийский военный губернатор князь Репнин-Волконский, командир поселенного резервного корпуса граф Витт и начальник штаба военных поселений генерал Клейнмихнель.

Они обсудили вопрос о переселении к иранской границе 80 тысяч малороссийских казаков, что позволило бы создать защитный пояс из христиан среди иноверцев. По своим масштабам план выглядел весьма впечатляющим и встретил в Санкт-Петербурге неофициальное одобрение. Более того, это способствовало бы дальнейшему сближению с народом армян «по вере и усердию к России, не вовсе нам чуждыми».

Однако Император не торопился с принятием решения. В кавказских делах он во многом доверялся лично Паскевичу. Проект плана был направлен на рассмотрение Ивану Федоровичу, который, однако, больше всего был озабочен тем, чтобы как можно скорее победно закончить русско-персидскую войну.

Паскевич, как опытный царедворец, не стал с ходу отвергать план переселения в Закавказье украинского казачества, хотя даже по тем временам это мероприятие не выдерживало серьезной критики. Потому главнокомандующий, исходя прежде всего из реальной военной обстановки в Закавказье, делает встречное предложение монарху. Задумка его виделась весьма дипломатичной, простой в исполнении и, самое главное, с реальной скорой отдачей на благо государства Российского.

Предлагалось следующее. При присоединении Эриванского и Нахичеванского ханств к России отдать их в качестве «царской награды» местным ханам, оказавшим услуги России. Обосновы-

валось это тем, что недостаточная «цивилизованность» местного населения и пограничное положение земель не позволяли в обозримом будущем ввести здесь российскую административную систему.

Паскевич вообще негативно относился к отмене своим предшественником Ермоловым ханского правления в мусульманских закавказских провинциях. Он предпочитал даже военные вопросы решать дипломатическими волеизъявлениями. Иван Федорович опасался, что лишенные былой власти ханы и беки во время войны перейдут на сторону персов и увлекут за собой часть своих приближенных. Главнокомандующий кавказскими войсками предложил вернуть Мехти-Кули-хана Карабахского, находившегося в бегах, а в Эривани оставить местного правителя, сардара Гуссейн-хана.

Конечно же здесь Паскевич хитрил. Он просто знал о письме Императора Николая I Павловича к наместнику А.П. Ермолову еще в октябре 1826 года. В нем говорилось:

«Не должно, однако ж, упускать случая, если бы таковый представился, к овладению Ереваном силою ли оружия, посредством денег или тайных сношений с Ереванским сардаром».

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВТОРОЙ ПЕРСИДСКОЙ ВОЙНЫ

...Эриванская победа не дала кавказским войскам большой передышки. Паскевич вновь пошел «искать» неприятеля. Во главе основных сил он начал 6 октября движение через Нахичевань к Тавризу. Но перед этим вперед ушел авангард под начальством генерал-лейтенанта Эристова. Его отряд, переправившись через Аракс, беспрепятственно прошел Дорадинское ущелье и занял город Маранд. Местные жители-азербайджанцы встретили русские войска самым дружелюбным образом.

Аббас-мирза стоял в верстах в 20, в городе Хое. Шахская армия таяла у него на глазах. В ней оставалось всего три тысячи человек с 12 орудиями. Сарбазы разбегались толпами, и никакие кары и увещевания не могли их остановить. Весть о падении Эривани привела в трепет все персидское войско.

Засевший в Тавризе «первый министр» шаха Аллаяр-хан готовился к обороне. При этом употреблялись все средства для принуждения жителей: угрозы и просьбы, уговоры и насилия.

Нарушителям ханских приказов отрезали уши и носы, выкалывали глаза. Но все было тщетно. Из 60 тысяч горожан лишь очень немногие изъявили желание воевать с русскими.

Тем временем кавказцы подходили к Тавризу. Когда 13 октября перед городом еще только появился русский авангард, то Аллаяр-хан приказал палить из пушек. И повел за ворота свое войско. Однако боя в поле не получилось. После третьего орудийного выстрела из рядов отряда князя Эристова персидская пехота разбежалась в разные стороны. А конница, состоящая из местных всадников, и «ожесточенная чернь» бросились грабить дворец наследного принца Аббас-мирзы.

В Тавризе начались беспорядки. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в события не вмешался глава азербайджанского духовенства тавризский муштеид (муджтахид) Ага-Мир-Феттах, тайный враг правящей шахской династии Каджаров. В сопровождении мулл он явился к Аллаяр-хану и потребовал от него отказаться от любых попыток защиты города.

Хан, лишившийся войска, бежал в пригороды и укрылся там в одном из домов. Ключи от городских ворот были по его приказу спрятаны. Муштеид обратился к верующим с призывом разломать ворота, что те и сделали. Процессия духовных лиц и почетных горожан вышла навстречу русским войскам.

Часть их под командованием генерал-майора Никиты Петровича Панкратьева с полковой музыкой и барабанным боем вступила в Тавриз и заняла цитадель. Походный же лагерь русские расположили между крепостью и пригородами. К дому английского посольства на всякий случай выставили караул.

В Тавризе в качестве военных трофеев нашли: два знамени, «повелительный» жезл Аббас-мирзы, 31 пушку, 9 мортир, два фальконета, до трех тысяч ружей, много артиллерийского боезапаса и продовольствия, литейный завод. В число пленников попал и Аллаяр-хан вместе с талышским ханом Кельб-Гуссейном. Это было все, что осталось от разбежавшегося шеститысячного гарнизона.

Занятие почти без боя Тавриза произвел авангардный отряд, ушедший вперед главных сил налегке. Те подошли несколько позднее. Навстречу генералу от инфантерии Паскевичу выехал тавризский военный губернатор с обещанием оказывать содействие в управлении краем и обеспечении русских войск продовольствием.

Одновременно царский наместник получил письмо от наследного принца. Аббас-мирза заговорил о мире, собирался приехать на переговоры, о которых уже сносился с шахом. Принц боялся и наступления войск России, и выхода из повиновения Южного Азербайджана. К русским по пути наступления присоединилось до двух тысяч азербайджанских добровольцев. В Ардебиле жители разоружили персидских сарбазов, а тавризское население изготовилось восстать против шах-задэ Аббас-мирзы.

По прибытии Паскевича к Тавризу состоялся его торжественный въезд в город. Духовенство, беки и старшины встречали у ворот. Дорогу «Победителю» устилали цветами и в честь его закалывали быков. Под артиллерийские залпы с башен и бастионов кавказцы прошли церемониальным маршем перед главнокомандующим. Вечером цитадель осветилась факелами. Город праздновал избавление от власти ненавистных Каджаров.

Персидские отряды торопились уйти из Южного Азербайджана. Была взята крепостица Аланжи, выстроенная на неприступных утесах, где хранились под защитой четырех пушек большие запасы хлеба. Город Марага добровольно отдался под покровительство России...

Главнокомандующий мог не без личной гордости подвести победные итоги трех месяцев боевых действий против шахской армии. Силой взяты три крепости, покорен важный в стратегическом отношении укрепленный Тавриз. В качестве трофеев взято 112 пушек, не считая мортир и фальконетов. Девять персидских батальонов сложили оружие. В числе пленных оказалось два сардара и двенадцать ханов. Остальная пехота и конница Аббас-мирзы или истреблена, или в большем числе разбежалась. Сам шах в великом страхе перед дальнейшим продвижением русских на юг оставил собственную столицу Тегеран.

Наследный принц выслал к Паскевичу для переговоров со всеми полномочиями Каймакама, третье лицо в шахском кабинете министров. Одновременно ему давалось тайное поручение взбунтовать жителей Тавриза. Предупрежденный об этом, Иван Федорович приказал задержать посла в семи верстах от города и под почетным караулом препроводить в местечко Карашелик. И отправил туда для ведения переговоров действительного статского советника Обрезкова.

Они и договорились о личной встрече генерал-адъютанта с сыном и наследником шаха на Марагской дороге в Дехкоргане, в

60 верстах от Тавриза. Туда с отрядом отправился генерал-майор Панкратьев.

Перед тем Паскевич решительно отказался от предложения ответственного сотрудника английской миссии в Персии Кембэлла. Дипломаты из далекой Британии навязчиво предлагали свои услуги в качестве посредника в деле заключения мира между двумя воюющими государствами.

По этому поводу кавказский наместник докладывал рапортом в Санкт-Петербург следующее:

«Англичане не скрывают своего опасения, что Азербайджан по всей справедливости может за нами остаться, и тогда могущество их истинного союзника рушится. Здесь, в Тавризе, в корне их настоящего влияния, кроме Аббас-мирзы, несмотря на расточительность их дипломатов, никто их не только покровительствовать, но и терпеть не будет; с утратой Азербайджана английские чиновники могут сесть на корабли в Бендер-Бушире и возвратиться в Индию».

На встрече двух посланцев условились: мирные переговоры начинаются после ухода всех шахских войск в саму Персию, южнее озера Урмия, а русские войска занимают весь Южный Азербайджан. В противном случае военные действия возобновлялись.

Создается управление Азербайджаном. Князь Вадбольский, ставший к тому времени генерал-лейтенантом, посылается с отрядом в Ардебиль для овладения крепостью с ее запасами.

24 октября царский наместник устраивает в Тавризе военный парад. Приглашенный на него английский посланник при тегеранском дворе полковник Джон Макдональд, первый советник шаха, не скрывал своего изумления бодростью и выправкой русских полков, состоянием их артиллерии.

Паскевич, как разумный полководец, старался не отягощать местное население постоем войск. Он их разместил в окрестностях Тавриза, что давало большие удобства в фуражировании и обеспечении дровами. В то же время шло исправление дорог на север. Этим делом занималась рота пионеров и пехотный батальон под прикрытием (на всякий случай) двух горных орудий и казачьих разъездов.

Чуть ли не каждый день в Тавриз прибывали посланцы из разных мест. Депутация из города Хоя изъявляла покорность. Марагский хан, выражая личную преданность России, возвратил 42 че-

ловека из русских пленных. Старшины шахсеванские и шагангрийские говорили о своей преданности северной стране...

Аббас-мирза согласился на все предложения русской стороны, привезенные ему Каймакамом. Паскевич выслал на юг встречать наследника шахского престола отряд под командованием генерал-адъютанта Бенкендорфа.

Встреча состоялась на равнине близ озера Урмия. Шах-задэ пожелал, чтобы его встречали артиллерийским салютом — он любил пышность встреч. Ему отсалютовали залпом из шести орудий. Аббас-мирза проехался на коне вдоль фронта выстроившихся солдат, здороваясь с ними по-русски. Побежденный полководец сказал Бенкендорфу:

— Весьма рад, что генерал, обнаживший меч против меня в нынешнем году, первый и встречает меня в канун мира...

Затем Аббас-мирза, скромно одетый, но восседавший на великолепной белой лошади, украшенной богатой сбруей с бляхами, пожелал принять парад русских войск. Константин Христофорович Бенкендорф, боевой заслуженный генерал, доставил ему и такое удовольствие. Наследный принц казался весел. Лица же людей, составлявших его свиту, выражали только чувство оскорбленного самолюбия.

Русский конвой проводил шах-задэ до Чевистера. Там, у шатра наследника персидского трона, встали в почетный караул русские драгуны и курды из личной охраны Аббас-мирзы.

Узнав о его прибытии, Паскевич в сопровождении полка донских казаков выехал из Тавриза. На полдороге его встретил пятнадцатилетний сын наследника Хозрев-мирза, будущий шах Персии. Сойдя с коня, он почтительно приветствовал полководца России.

Встреча в «верхах» произошла, как и договаривались, в Дехкоргане. Принца встретил дивизион улан и офицеры штаба во главе с генерал-лейтенантом П.П. Сухтеленом. Русские офицеры заняли место впереди свиты Аббас-мирзы. Почетный караул у дома, где проходили переговоры, составили лейб-гвардейцы «штрафного» Сводного полка, отмывавшие кровью свою причастность к восстанию на Сенатской площади.

В честь гостей в гвардейском полку накрыли большой стол. Паскевич, Аббас-мирза с сыном втроем обедали в отдельной палатке. Только потом начались мирные переговоры, которые оказались для победителей намного труднее, чем ожидалось.

Дипломатическим советником Ивана Федоровича и официальным уполномоченным правительства России для ведения переговоров с Персией являлся А.С. Грибоедов. Паскевич приходился ему троюродным братом по жене. Поэтому он всячески протежировал своему родственнику.

Помимо территориальных приобретений, от Фетх-Али-шаха потребовали уплаты военной контрибуции в сумме 20 миллионов рублей. Как и следовало ожидать, Аббас-мирза не сразу принял предъявленные Грибоедовым требования, оспаривая каждый пункт будущего мирного трактата.

28 ноября после личной встречи с Паскевичем принц подписал два протокола: об уступке России Эриванского и Нахичеванского ханств и уплате контрибуции. Обстановка осложнялась.

В ответ на это шах открыто выразил неудовольствие действиями своего наследника. Британские дипломаты в персидской столице «трудились» не покладая рук. К тому же Блистательная Порта, готовившаяся после Наваринского морского сражения к новой русско-турецкой войне, вовсю старалась восстановить Персию против Российского государства. Шах приказал задержать уже отправленные контрибуционные деньги.

Наконец Фетх-Али-шах отказался утверждать предварительное соглашение, достигнутое в Дехкоргане. И лишил сына-наследника всех полномочий для ведения мирных переговоров.

Для их продолжения с русским командованием из Тегерана отправили шахского министра иностранных дел Абдуль-Хасан-хана, получавшего от английской миссии в Персии ежегодное жалованье в три тысячи туманов. Под предлогом «нездоровья» посланец затратил на дорогу целых 22 дня и только 5 января 1828 года прибыл к столу мирных переговоров.

На первой же встрече с ним Паскевич решительно заявил, что главные статьи мирного трактата уже подписаны шах-задэ на основании грамоты персидского владыки. Если же Персия не признает их, то русская армия возобновляет военные действия.

К их возможности Иван Федорович подготовился заранее. По его приказу левый фланг кавказских войск продвинулся от Аракса в Мешкинское ханство. Это давало русскому командованию возможность в случае продолжения войны сразу же «стеснить» неприятеля.

На последнем свидании с Аббас-мирзой генерал от инфантерии Паскевич прямо высказал наследному принцу:

— Я давно примечал, что персияне хотят меня провести, и нарочно казался отдавшимся в обман. Но мое молчание происходило только оттого, что наш левый фланг был еще позади. Теперь мы готовы...

Шахское посольство поняло, что слова «сардара белого царя» не есть пустая угроза. В случае похода русских на Тегеран персидскую столицу вряд ли удалось бы защитить вооруженной рукой.

На другой день персам объявили декларацию о разрыве перемирия. Наследник шахского престола поспешил в Тегеран, чтобы лично обрисовать отцу все последствия возобновления войны с Россией. А тем временем русские войска начали наступление на юг во всю ширину своего фронта. Главнокомандующий «громогласно» объявил поход на Тегеран.

Зима в горных районах севера Персии отличалась относительной суровостью. Морозы по ночам доходили до 15 градусов. Дороги занесло снегом. Паскевич приказал расчищать их с помощью деревянного треугольника, употреблявшегося при подобных случаях в Финляндии. Шахское же войско ничем не смогло проявить себя.

Правофланговый отряд генерал-майора Панкратьева занимает важный город Урмию, пересечение дорог Южного Азербайджана. Левофланговый отряд генерал-лейтенанта Сухтелена двинулся к Ардебилю, где по традиции короновались шахи Персии. Двухтысячный гарнизон города возглавляли сыновья шах-задэ — Мехмет-мирза и Джангир-мирза. Они вознамерились обороняться. Однако русские овладели Ардебилем без кровопролития.

Иван Федорович попросил муштеида повлиять на верующих. Тот послал в город своих людей объявить жителям о мире, который несут русские. Ага-Мир-Феттах призвал ардебильцев, в своей массе азербайджанцев, последовать примеру Тавриза.

Когда 25 января русский отряд подошел к Ардебилю, из крепости прозвучало всего несколько выстрелов. Вышедшие толпами горожане выразили покорность, тем самым заставив сыновей Аббас-мирзы сложить оружие. Шахскому гарнизону предоставили свободу; трофеями стало 27 пушек, из которых четыре оказались русскими, когда-то захваченными персами в Ленкорани.

Между тем сам Паскевич вел главные силы по прямой дороге на Тегеран. По всей Персии люди выражали неудовольствие действиями шаха по указке англичан. Кавказский наместник умел

всячески поддерживать таких недовольных. Более того, тавризский муштеид, не терпевший даже самого имени Фетх-Али-шаха из династии Каджаров, обещал выставить на стороне России 12 тысяч азербайджанской конницы.

ТУРКМАНЧАЙСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР

Положение для шаха складывалось аховое. Дальнейшее упорство могло стоить ему престола. Страну могла охватить уже и междоусобная война, в которой противников Каджаров поддерживали бы русские штыки.

Шах поспешил отправить вновь навстречу Паскевичу старшего сына для продолжения переговоров, не поскупившись на драгоценные подарки. Однако уловки персов на переговорах продолжались. Они стали настаивать на посредничестве англичан.

Кавказский наместник еще раз проявил твердость на дипломатическом поприще. Без долгих разговоров он заявил шахскому посольству примерно следующее:

— Все статьи о мире уже согласованы. Полномочным остается только съехаться в ближайшей деревне и подписать окончательный акт...

Персам, увидевшим непреклонность русского полководца, возражать просто не приходилось. Иван Федорович желал скорейшего подписания мира с Персией еще по одной причине: он чувствовал, что назревает скорая война с Оттоманской империей. В противном случае Кавказскому корпусу пришлось бы сражаться на два фронта — на «два фаса». Паскевич писал начальнику Главного штаба генералу от инфантерии графу И.И. Дибичу:

«Дай Бог, чтобы турецкая война не началась до заключения мира, а то мне весьма трудно будет».

По общему согласию местом для подписания мира избрали деревушку Туркманчай, расположенную на пути от Тавриза к Тегерану. Здесь в двенадцать часов ночи с 9-го на 10 февраля 1828 года был и подписан Туркманчайский мирный трактат между Россией и Персией.

Почему ровно в двенадцать? Астролог Аббас-мирзы посчитал его благоприятнейшим. С этим согласился и Иван Федорович. Мирный договор от имени своих государств подписали шах-задэ

и генерал-адъютант Паскевич. Трактат состоял из шестнадцати статей.

Статья 3-я гласила, что шах Персии «уступает Российской империи в совершенную собственность ханство Эриванское по сю и по ту сторону Аракса и ханство Нахичеванское».

Статья 6-я устанавливала права России на получение от шахского правительства 20 миллионов рублей серебром военной контрибуции (10 куруров или 5 миллионов туманов). Большая часть этих огромных денег уже находилась в дороге из иранской столицы.

Статья 8-я подтверждала свободу торгового мореплавания русских на Каспии и исключительное право России иметь здесь военный флот.

Мирный договор обязывал стороны в течение четырех месяцев освободить всех военнопленных. Даровалось «совершенное и полное прощение» всем жителям и чиновникам Южного Азербайджана за их поступки в поддержку русских войск.

Со своей стороны Россия обязывалась признавать принца Аббас-мирзу наследником персидского престола и в случае вступления его на трон законным государем Персии.

До 4 марта происходил прием денег в счет контрибуции. Выплата оказалась очень тяжелой для побежденной страны. Женам и придворным шаха пришлось сдать бриллиантовые пуговицы, в переплавку пошли золотые дворцовые канделябры и даже заложили золотой шахский трон. Такой ценой удалось набрать восемь куруров, но возможности Персии оказались на исходе. В шахской казне не нашлось двух последних куруров. Ожидать их доставки Паскевич оставил сильный отряд все того же генерал-майора Панкратьева.

8 марта Тавриз был сдан его прежнему владыке Аббас-мирзе. В тот же день кавказский главнокомандующий выехал из города. А уже 13 марта первая колонна его войск переправилась через Аракс — новую государственную границу Российской державы.

Ивана Федоровича за победу в войне буквально осыпали наградами. Помимо «Высочайшей благодарности», 15 марта ему пожаловали «графское достоинство Российской империи со славным проименованием Эриванского». И сверх всего — миллион рублей серебром (получил он его в основном ассигнациями) из сумм, поступивших в счет контрибуции.

Персидский шах наградил графа Эриванского орденом Льва и Солнца, украшенного бриллиантами, на такой же цепи, стоимостью в 60 тысяч рублей. Высший знак отличия Персии разрешалось носить и потомкам награжденного — старшим в роду по мужской линии. Всероссийский Император подтвердил такое наследственное право.

Для всех участников войны, как нижних чинов, так и офицеров, генералов, 15 марта 1828 года была учреждена специальная серебряная наградная медаль, впервые отчеканенная диаметром 26 миллиметров. На ее обратной стороне шла трехстрочная надпись: «За = персидскую = войну» с узорной подчеркивающей линией под ней. На лицевой стороне, по обе стороны поля медали, изображены полувенком две лавровые ветви, перевязанные внизу лентой, между которыми указаны в две строки даты войны — «1826, 1827 и 1828». Над ними, в самом верху медали, — лучезарное «всевидящее око».

Эта медаль предназначалась только участникам военных действий и носилась в петлице на двойной комбинированной Георгиевско-Владимирской ленте. Несколько измененной в рисунке медалью награждались кавалеристы. Предшественницами медали за русско-персидскую войну (вторую) были медали «В память 1812 года» и «За взятие Парижа 1814 года».

В Высочайшем приказе Императора Николая I по Отдельному Кавказскому корпусу говорилось:

«...Да послужит знак сей памятником мужества и примерного кроткого поведения вашего. Да будет он новым залогом верной службы Российского войска и Моей к вам признательности».

...Война еще не закончилась и еще не был подписан Туркманчайский мирный трактат, а наместник Кавказа уже заботился о безопасности ожидаемой государственной границы по реке Аракс.

Генерал А.И. Красовский по поручению Паскевича деятельно принялся за охрану неспокойных границ с побежденной Персией. На мирное время он предложил создать армянский легион из 1500 человек пехоты и 500 человек конницы. 29 февраля 1828 года Государь дал указание приступить к формированию Эриванского армянского батальона и 1-го армянского конного полка. Все мероприятия и предложения Красовского с легкой подачи главнокомандующего были приняты Николаем I с «удовольствием».

Тем не менее осенью 1828 года в Отдельном Кавказском корпусе сложились напряженные отношения в высшем командовании. Некоторые генералы все еще с настороженностью относились к наместнику, видя в нем больше придворного сановника, чем боевого соратника, хоть в чем-то равного Ермолову.

И Иван Федорович, уже давно без ложной скромности чувствующий свою силу, повел атаку на этих подчиненных. Он подал монарху рапорт, преследовавший цель кардинальной перестановки командного состава корпуса. В результате в феврале 1828 года генерал А.И. Красовский, один из прославленных сподвижников Ермолова, получает отпуск «по состоянию здоровья» и удаляется с Кавказа. Вместо него по рекомендации Паскевича временно исполняющим обязанности начальника Эриванской области назначается князь А.Г. Чавчавадзе...

Как царский наместник на Кавказе, Иван Федорович делал многое для стабилизации положения на присоединенных к России землях. Он содействовал переселению в российские пределы семейств армян и азербайджанцев из Персии. В феврале 1828 года Паскевич рапортом начальнику Главного штаба генералу от инфантерии И.И. Дибичу ходатайствует о материальном обеспечении тавризского муштеида, который после заключения мира покинул Тавриз и переселился в Северный Азербайджан. Граф Эриванский писал в рапорте:

«...Мир-Фете-ага, сын славившегося святостью в Персии шейх-уль-ислама Мирзы-Юсуфа, благочестивою жизнью и строгою нравственностью стяжал к себе особенную любовь и доверенность здешнего народа, во всех случаях внимавшего его наставлениям и слушавшего его советов.

Перед вступлением еще войск наших в Тавриз Мир-Фете-ага заявил преданность свою к русским, увещая жителей тавризских, дабы они не оказывали нам никакого сопротивления, и его влиянию отчасти приписать должно занятие сего города без всякого сопротивления.

...Во все время пребывания нашего в Адербиджане муштеид Мир-Фете-ага не переставал доказывать новыми опытами неизменное усердие и преданность к нашему правительству, и один из всех мусульман был назначен мною для присутствия в Адербиджанском временном правительстве, много способствовал он безропотному вносу податей и снабжению войск потребностями, вообще же увещаниями своими и примером удерживал весь почти Адербиджан, во власти нашей находившийся, в совершенном повиновении и покорности, так что все время 4-месячного пребывания нашего в сей области не только не было нападения на малые отдельные наши команды, но не происходило даже никакого волнения или смятения в народе...»

Ходатайство имело успех. Император Николай I наградил главу шиитского духовенства в Закавказье орденом Святой Анны 1-й степени. В возмещение имущества, оставшегося в Персии, и «в вознаграждение оказанных им в последнюю войну с Персиею важных заслуг и особенной преданности его к России, генералом-фельдмаршалом графом Паскевичем-Эриванским засвидетельствованных», главе мусульман Закавказья в 1831 году передали в пожизненное владение имение в Ширванской провинции. Оно принадлежало бежавшему за границу в 1820 году Касым-беку и состояло из 15 деревень, в которых проживало 405 семейств.

УБИЙСТВО ПОСЛА РОССИИ ГРИБОЕДОВА

...Хотя война с Персией и закончилась победно, спокойствием небо Закавказья не дышало. Еще не все жертвы были принесены.

По ходатайству Ивана Федоровича министром-резидентом в Персии был назначен Александр Сергеевич Грибоедов. Это отвечало и желанию самого Грибоедова.

Предшественник Грибоедова в качестве посла при шахском дворе Симон Иванович Мазарович был умным и «отлично-способным» дипломатом. Венецианец и медик по образованию, он назначается первым постоянным посланником России в Персии при содействии Ермолова.

Грибоедов некоторое время состоял при Мазаровиче в качестве советника. Теперь он сам стал первым лицом в российском посольстве. Будучи человеком блестящего ума и превосходных способностей, он тем не менее оказался «бесполезным для службы» в мусульманской стране.

Действия Грибоедова в Тегеране — пылкого и неосмотрительного посла страны-победительницы — возбудили вскоре негодование шаха и персиян. Повод для этого Грибоедов дал сам. Дело состояло в следующем.

Российский посол, вопреки советам и предостережениям своего переводчика-армянина, хорошо чувствовавшего ситуацию, са-

мым категорическим образом потребовал выдачи нескольких подданных своей страны — женщин (взятых в плен во время вторжения персов в Грузию), находившихся в гареме Аллаяр-хана в должности прислужниц. А Аллаяр-хан был зятем шаха, и претензии к нему были расценены как оскорбление особы самого персидского монарха. Наверное, нашему послу это надо было предвидеть. Требования Грибоедова были, вероятно, предъявлены вследствие недостаточно тонкого понимания им вещей в персидском свете и с явным намерением Грибоедова доказать всем в Тегеране свое влияние и могущество при шахском дворе. Но в окружении шаха по-прежнему «верховодили» англичане.

Хотя шах не мог не видеть в требовании министра-резидента России нарушение персидских обычаев, но, не желая отвечать на требование посла России полным отказом, он дозволил ему взять пленниц самому. Посланные в ханский гарем конвойные казаки привели их в посольский дом. И персы, увидевшие в этом явное неуважение русских к особе шахского зятя, к самому Фетх-Али-шаху и к существующим в стране обычаям, взволновались.

Вне всякого сомнения, последовавшее убийство российского посла и сопровождавших его людей, около сорока человек, произошло при прямом попустительстве шаха. Вернее, с его молчаливого одобрения действий своих подданных. Грибоедов и казаки конвоя защищались от многотысячной толпы фанатиков до последнего. Сам Грибоедов отчаянно защищался шашкой и пал под ударами нескольких кинжалов.

Злодейское убийство нашего дипломата-писателя грозило возникновением нового военного конфликта. Первым это осознали правители Персии. В случае возникновения войны с северным соседом им на победу рассчитывать просто не приходилось.

Посланцы восточного владыки поспешили в далекий Санкт-Петербург. Извинительную миссию возглавил принц Хосров-мирза.

Российскому Императору с поклоном преподнесли огромный индийский бриллиант, доселе невиданных в северной столице размеров. Он вошел в историю как алмаз «Шах». Были подарены также двадцать древних манускриптов, два кашмирских ковра, жемчужное ожерелье и прочие шахские дары.

Миссия преуспела в своих намерениях. Император Николай I принял подарки и официальные извинения за убийство русского посла (виновные уже понесли наказание). Государь тут же одарил Хосров-мирзу и членов его свиты бриллиантовым орлом, перстнями с бриллиантами и изумрудами, золотыми часами, редкими мехами, сервизами, изделиями из фарфора и несколькими тысячами червонцев. Персии прощался последний курур серебром для выплаты контрибуции.

Главной причиной таких царских милостей были, конечно, не персидские дары и даже не алмаз «Шах», а нейтралитет, который Персия должна была сохранять во время напряженной для России обстановки — войны с Турцией.

НАЧАЛО ВОЙНЫ С ТУРЦИЕЙ

В последних числах марта 1828 года в Тифлис пришло уведомление о «совершенном» разрыве страны с Оттоманской Портой. Война должна была вестись на двух театрах военных действий — за Дунаем, на территории Болгарии, и на Кавказе. Флот России действовал как на Черном море, так и в греческом Архипелаге.

Николай I представлял графу Паскевичу-Эриванскому «выбор способа действий против Турции» со стороны кавказской границы. Государь поручал прославленному победами полководцу покорить два пограничных пашалыка — Карский и Ахалцыхский — и взять крепость Поти на Черноморском побережье, отвлекая на себя как можно больше османских войск с Европейского театра военных действий. Дальнейшее продвижение в глубь азиатских владений Турции считалось нецелесообразным и воспрещалось.

Война виделась Паскевичу, конечно, совсем иной, чем с Персией. Противник явился посерьезнее, с более мощной и лучше обученной армией, с сильными крепостями в приграничье и имевший к тому же давний опыт противоборства с русской армией. Для ведения же широких боевых действий, особенно наступательных, Отдельный Кавказский корпус сил имел совершенно недостаточно.

На начало войны Россия держала за Кавказским хребтом вместе с прибывшими сюда в ходе русско-турецкой войны войсками следующие силы: 56 батальонов пехоты, 5 полков регулярной кавалерии, 17 казачьих полков и 13 с половиной артиллерийских рот. Общая численность русских войск, находившихся в Закавказье к весне 1828 года, составляла 36 423 штыка, 8583 сабель и 148 орудий. Сила на первый взгляд внушительная.

Но... Из этого числа в персидских провинциях до сих пор находились шесть батальонов пехоты, два казачьих полка и полторы артиллерийские батареи. Они оставались там как гарант полной выплаты военной контрибуции. По численности этот отряд генерал-майора Панкратьева равнялся 2691 штыку и 616 сабель при 16 орудиях.

Лейб-гвардии «штрафной» Сводный полк в середине лета выступил из Тифлиса и направился в обратный путь в Россию, конвоируя драгоценности, полученные от шаха в счет контрибуции. Гвардейцы в минувшей войне показали себя с самой лучшей стороны и получили Высочайшее прощение. Они прибыли в Санкт-Петербург в самом конце 1828 года.

Вместе с гвардейским полком по императорскому повелению ушла в Россию вся 2-я Уланская дивизия с приданной ей конно-артиллерийской ротой. В Закавказье остался лишь один Сводный уланский полк. Два пехотных батальона отправили на усиление Кавказской укрепленной линии.

Гарнизонную службу в Закавказье несли 31 пехотный батальон, 3 эскадрона драгун, 9 казачьих полков и 5 рот артиллерии. Эти силы обеспечивали коммуникации, тылы, защищали северные районы Грузии и Азербайджана от постоянных набегов горцев, прикрывали границу с Персией. Численность таких войск составляла 25 тысяч человек, четыре тысячи сабель и 62 орудия.

Собственно для действий против турецкой армии оставалось всего 15 пехотных батальонов, 8 эскадронов регулярной кавалерии, 6 казачьих полков и 6 артиллерийских рот. По составу это были почти те же самые войска, с которыми Паскевич-Эриванский окончил персидскую войну.

Действующие силы составляли всего 27 процентов всех войск, сосредоточенных на начало войны в Закавказье: менее 9 тысяч штыков и 3500 сабель при 70 орудиях. Прикрывать же им приходилось всю 500-километровую приграничную линию.

Три года военных действий, боевые потери и потери из-за болезней губительно отразились на численном составе кавказских войск. В строй можно было поставить не более 12 тысяч пехоты, кавалерии и артиллерии, которые только 25 апреля возвратились из Персии на отведенные им квартиры.

Батальоны пехотных полков насчитывали всего 400—600 бойцов. Прославленный Нижегородский драгунский полк имел в строю

всего около 500 человек, а в казачьих — не более 300 всадников в каждом.

Воинам требовался отдых, амуниции, истрепавшейся за три военных года, — ремонт. Предстояло также пополнить запасы продовольствия в войсковых магазинах, вновь сформировать транспорты и артиллерийские парки. На скорую помощь из России рассчитывать не приходилось.

Таковы были причины более позднего начала боевых действий на Кавказе, чем на берегах Дуная. Там 2-я русская действующая армия стояла отмобилизованной, готовой к походу. Она превышала Отдельный Кавказский корпус в четыре раза.

Получив Высочайший приказ о разрыве сношений с Турцией, граф Паскевич-Эриванский прежде всего разделил пограничную линию на пять оперативных участков, сообразуясь с условиями местности. Действующие силы корпуса соответственно разделялись на пять отрядов.

Одновременно кавказский наместник приказал в кратчайший срок обмундировать полки и артиллерию, назначенные в действующий состав. В приграничных пунктах развернули временные госпитали на две тысячи человек и сверх того еще и подвижный на тысячу человек с отделением подвижного карантина на случай появления чумы.

Наличные деньги корпусной казны спешно стали тратиться на закупку у местного населения провианта, фуража, водки и скота для мясной порции. Часть снабжения шла Каспием из далекой Астрахани. А потом на казенном, вольнонаемном и земском транспорте все это немедленно свозилось в тылы районов предстоящих боевых действий.

Был создан войсковой магазин из 1070 двухколесных арб и 225 вьюков. Магазину предстояло поднять треть закупленного провианта. Воедино собрали артиллерийский и инженерный парки. На арбы погрузили и разборный мост. Спешно стала разрабатываться новая дорога из Тифлиса на Гумры и оттуда на Эривань.

Созданный весной 1828 года запасной артиллерийский парк имел полный комплект готовых зарядов для 72 батарейных и 60 легких орудий, 2 миллиона ружейных патронов и пороху мушкетного до 700 пудов, пушечного — до 500 и винтовочного — до 160 пудов. Помимо этого организуется особый запасной парк для осадной артиллерии. Всего в арсеналах и на корпусных складах в

Закавказье накануне войны с Турцией имелось 66 тысяч снарядов (в среднем по 450 снарядов на каждое орудие) и свыше 3 миллионов ружейных патронов.

Паскевич-Эриванский еще при жизни осуждался за излишнее пристрастие к полному обеспечению действующих войск, уходящих в поход. Были мнения, что, мол, громоздкие обозы сковывают движение войсковых колонн, особенно в горах. Но мудрость Паскевича-полководца заключалась в предвидении характера предстоящих боевых действий в конкретных условиях, в знании военной истории. Войны России с Турцией в Закавказье не часто «баловали» стороны большими полевыми сражениями, зато изобиловали осадами сильных крепостей.

Последнее требовало участия в операциях больших сил с большими объемами всевозможных осадных припасов, особенно для артиллерии. Крайне плохое состояние путей сообщения с Закавказьем заставляло не только одного Ивана Федоровича создавать военные запасы, значительно выше принятых тогда норм. И это давало свои плоды. Например, крепость Карс русская армия за всю историю войн с Блистательной Портой осаждала четыре раза. И три раза брала!

Империя османов не менее серьезно готовилась к войне на Кавказе. Если турецкий главнокомандующий в Болгарии предполагал в основном ограничиться обороной придунайских крепостей, то направленный султаном весной 1828 года в Эрзерум опытный военачальник Киос-Мухаммед-паша немедленно стал готовиться к решительному вторжению в Грузию.

К началу войны турки старались найти себе «союзников» среди грузинской знати, лишенной былой власти и части владений. В начале 1828 года уже номинальная правительница пограничной в то время Гурии княгиня Софья Гуриели получила от константинопольского султана фирман, которым он «принял Гурийское княжество под свое покровительство». По поручению Софьи ее фаворит князь Давид Матучадзе ездил в Батум договариваться с турецкими пашами об отторжении Гурии от России.

Османы стремились обеспечить себе верный успех. Главным военачальником в Армении и Анатолии являлся тогда сераскир Галиб-паша, бывший некогда султанским послом во Франции и исполнявший обязанности великого визиря. Роль султанского полководца выполнял при нем трехбунчужный паша Киос-Мухаммед — прославленный и мужественный воин. Он воевал с

французами в Египте, участвовал в четырех войнах в Европе: против русских, сербов и греков. Его послужной список имел немало одержанных побед. Паша поклялся султану Махмуду II очистить от русских Закавказье, огнем и мечом привести в былую покорность грузин и армян.

В Эрзеруме велено было собрать 40-тысячный корпус. Для чего из Стамбула отправили 3 тысячи обученной европейцами пехоты и 24 офицера, получивших военное образование за границей. К тому времени все турецкие крепости на Востоке успели исправить, посадить в них сильные гарнизоны и в достатке снабдить припасами.

В приграничной зоне велась усиленная разведка за действиями русских. Мусульманское духовенство призывало всех правоверных в начавшейся войне взяться за оружие, обещая в случае гибели на поле брани все блаженства неземного рая

С началом войны султанское командование сильно обеспокоило бездействие кавказских войск. Сераскир приказал карскому паше собрать верные сведения о замыслах полководца царя и его силах. В первой половине мая в Грузию прибыл важный чиновник султана с ничтожным дипломатическим поручением. На границе быстроглазого турка задержали. Поразмыслив, наместник Кавказа приказал пропустить его со свитой в Тифлис, но провезти при этом через места сосредоточения войск. Их многочисленность и бодрый вид произвели на лазутчика подобающее впечатление.

Вдобавок ко всему Иван Федорович в присутствии «дипломатов» провел 23 мая военные маневры, которые закончились штурмом древней Тифлисской цитадели, расположенной почти на неприступной скале. Изумленный стройностью рядов и быстротой действий русских солдат, посланец паши невольно обронил в кругу своих: «Так они возьмут и Карскую крепость!» Его слова передали наместнику. Словом, спектакль удался, и турка отправили назад.

Конные отряды врага стали тревожить приграничные села. Караулы из казаков пограничной стражи отбивали «покушения». Кавказский корпус стал сосредотачиваться близ Гумр. Сам Паскевич-Эриванский пока оставался в Тифлисе, страдая от сильного ушиба ноги и простуды.

Главнокомандующий еще не имел достоверных сведений ни о численности неприятеля, ни о его замыслах. Сведения разведчи-

ков-армян, как показала захваченная в Карсе переписка официальных лиц, далеко не соответствовала действительности. Так, по их данным, турки имели войск намного больше, а карский гарнизон оказался вдвое меньше.

ПОХОД НА КАРСКУЮ КРЕПОСТЬ

Главные свои силы султан Махмуд II бросил к Дунаю, а Галиб-паше приказал сколько возможно громить владения России в Закавказье. Большой совет османских властей, собравшийся в Эрзеруме, решил собрать в Карсе армию в 60 тысяч человек.

Турецкие лазутчики доставили сераскиру ложные сведения: в Закавказье свирепствует голод, продовольствия там для русских войск почти нет, а «Паскевич-паша» одержим тяжелой болезнью. Получив такие благоприятные известия, правитель Армении и Восточной Анатолии поспешил передать их карскому паше, изложив весь свой восторг в следующих фразах:

«Душа моя полна радости! Враг наш, генерал Паскевич, на краю гроба; да поразит его пророк хладом смерти, и да померкнет счастливая звезда этого страшного гяура в войне непобедимого! Теперь легче мы совершим предприятие наше; спеши сообщить мне о своих действиях».

Получив такое послание из Эрзерума, карский Эмин-паша тем не менее особо не возрадовался. Он знал, что от Тифлиса к Гумрам проложена большая дорога, и прихода русских под стены крепости можно было ожидать скоро. Паша, выслав к границе четыре тысячи конницы для набегов, запросил помощи. Султанский главнокомандующий пообещал ее скоро, добавив в письме:

«...Войска твои храбры, крепость неодолима. Русские малочисленны; умей внушить гарнизону, что неверные слабы; мужайся, доколе я прибуду».

Сераскир отправил в подвластные области повторные подтверждения о спешном сборе всех сил к Карсу. Галиб-паша решился на такой шаг, как преждевременная отправка денег на содержание войск. Последнее совсем не соответствовало стародавним обычаям восточных властителей.

Боевые действия на Кавказе в русско-турецкой войне 1828—1829 годов начались спустя почти два месяца после того, как войска 2-й русской действующей армии перешли реку Прут, осадили Браилов, форсировали Дунай и овладели крепостями Мачин, Кюстенджи и Тульчи.

По расписанию штаб главнокомандующего кавказскими войсками состоял из следующих лиц. Должность начальника корпусного штаба исполнял генерал-майор барон Д.Е. Остен-Сакен. Обер-квартирмейстером являлся гвардейский полковник Генерального штаба Вальховский. Начальником артиллерии был генерал-майор Гилленшлит. Должность дежурного штаб-офицера исправлял полковник Леман, а начальника тыла — генерал-интендант 4-го класса Жуковский. Походным атаманом казачьих полков назначили генерал-майора Леонова.

Пехота состояла их трех бригад, которыми командовали генерал-майоры: 1-й — Муравьев, 2-й — Берхман и 3-й — Корольков. Всего под ружьем в инфантерии числилось 8561 нижний чин. Они и составляли 15 батальонов из Грузинского гренадерского, Эриванского карабинерного, Ширванского и Крымского пехотных, 39-го, 40-го и 42-го егерских полков.

Кавалерия состояла из четырех бригад. Одной Сводной в составе восьми эскадронов Нижегородского драгунского и Сводного уланского полков, которой командовал полковник Раевский (старший сын героя Отечественной войны, с которым Паскевич сражался еще под Салтановкой). Под начальством походного атамана находились остальные бригады по два казачьих полка в каждой: 1-я полковника Победнова, 2-я полковника Сергеева и 3-я генерал-майора Завадовского. Всего семь донских казачьих полков и один Конно-Черноморский (кубанский). При главной штаб-квартире числились сборный Линейный казачий полк и конница местных добровольцев. Всего кавалерии — 3446 человек.

Корпусная действующая артиллерия состояла из 70 орудий. В том числе полевых — 58 (включая 4 горных единорога), осадных — 12 пушек.

Ни о каком преимуществе перед турецкими войсками говорить не приходилось. Можно было только уповать на мужество и выучку бойцов, их бесстрашие и воинское искусство командиров всех рангов...

14 июня в 8 часов утра, после молебна в походных церквях, Отдельный Кавказский корпус двинулся к Карсу и, перейдя в четырех верстах от Гумр вброд реку Арпа-чай, вступил в пределы

Оттоманской империи. Войска отличались бодростью духа, желанием сразиться с неприятелем.

Авангард состоял из 1-й казачьей бригады с шестью орудиями и батальона пионеров, имевших обязанность исправлять дорогу. Обоз вез 40-дневный запас провианта и 20 тысяч артиллерийских выстрелов — почти по 300 зарядов на орудие. За войсками гнали две тысячи голов рогатого «порционного» скота и три тысячи баранов.

Хорошо натренировавшись в войне с персами, корпус быстро двигался марш-бросками по горным дорогам. В батальонных колоннах певчие лихо напевали в такт барабанам только что сложенную терскими казаками песню «Солдаты Паскевича в походе», сразу полюбившуюся в кавказских войсках:

Уж вы горы мои, горы турецкие,
Уж вы горы, вы крутые мои горы!
Вы позвольте, мои горы, под собою ночь ночевать,
Под собою ночь ночевать и ту всю не спать,
Всю ночку не спать — порох, заряды получать.
Стойте вы, турки, не стреляйте,
Вы заряды свои не теряйте!
Мелкого ружья да я не боюся,
До Больбурта я доберуся,
В крзарюме расположуся!

...По сведениям разведки, карский Эмин-паша уже имел в своем распоряжении около четырех тысяч пехотинцев и восемь тысяч — конницы, не считая четырех тысяч вооруженных ополченцев-мусульман из числа жителей города. Сил вполне достаточных не только для защиты крепости, но и для сражения в чистом поле.

Узнав о направлении движения главных сил противника, паша Карса сразу же послал за помощью к эрзерумскому сераскиру. И получил от того заверение, что вскоре к крепости подойдет большое султанское войско под знаменами самого Киос-Мухаммед-паши. Тот писал карскому вали (губернатору):

«Войска твои храбры, Карс неодолим, русские малочисленны. Мужайся, пока я не приду к тебе на помощь...»

17 июня, на исходе дня, кавказцы сосредоточились близ деревни Мешко, в 30 верстах от крепости. Ожидалось скорое нападение турецкой конницы и подход вражеских войск из Эрзерума. Паскевич-Эриванский принимает решение совершить фланговое движение и, обойдя Карс с юга, выйти на Эрзерумскую дорогу и

поставить укрепленный лагерь в разоренном селении Кичик-Эв. Главнокомандующий доносил в Санкт-Петербург, что маневр совершен, дабы «пресечь сообщение между Карсом и Эрзерумом, и тем самым лишить крепость ожидаемого подкрепления от сераскира, которого полагали в следовании с 30-тысячным корпусом к Карсу».

Фланговое движение совершили в два дневных перехода. Главнокомандующий, учитывая постоянную опасность появления вражеской конницы, перестроил походную колонну. Ее правый фланг он прикрыл наряду с пехотой и кавалерией, большей частью артиллерии, готовой в любую минуту встретить османов картечью. Ночи проводили в охранении далеко выдвинутых во все стороны конных пикетов.

На следующий день, 19 июня, к месту будущего осадного лагеря отправили весь обоз с надежным прикрытием. С остальными же силами Паскевич-Эриванский предпринял разведку боем: в восемь часов утра пошел прямо на крепость. Как только русские вышли на дальность стрельбы турецких тяжелых орудий, бастионы форштадта покрылись пороховым дымом. Турки повели интенсивный огонь, не очень заботясь о верном поражении целей.

Неприятельская конница все же попыталась атаковать походную колонну русских. Пять тысяч всадников, развернувшись лавой, покрыв долину тучами пыли, с яростными криками понеслись вперед. Казалось, неудержимо идущая в бой конная масса вот-вот начнет обтекать фланги русских и выйдет им в тыл.

Бой этот примечателен тем, что Паскевич-Эриванский, как полководец, пошел на совершенствование построения войск в полевом сражении, исходя из условий горной местности. Он вместо каре применил против запальчивой и некогда столь страшной турецкой конницы боевое построение в колонны.

Когда-то генерал-фельдмаршал Румянцев-Задунайский первый из русских полководцев отбросил рогатки и начал строить войска в несколько каре, дав им большую подвижность. При Ларге он атаковал авангард турецкой армии во главе с крымским ханом Каплан-Гиреем пятью малыми каре, подкрепив их одним большим. При Кагуле главное каре уменьшили, и великий воитель имел в той битве пять каре, поставленных в одну линию, где в промежутках находилась конница, тоже построенная в каре.

Военный гений Суворов усовершенствовал такой боевой порядок. Уже в Рымникском сражении он поставил пехоту в шесть не-

больших, двухбатальонных каре, расположенных уступами в две линии. Кавалерия находилась позади. Князь Репнин подражал ему в битве при Мачине. Голенищев-Кутузов под Рущуком строил пехоту в девять каре по три батальона уступами в две линии. Третья — позади — состояла из конницы. Во время обложения армии великого визиря у Слободзеи Михаил Илларионович имел 14 пехотных батальонов в каре с кавалерией в промежутках.

Боевой порядок, введенный А.В. Суворовым, придал русской армии на поле брани большую подвижность, поражавшую разных противников. Но, как у каждой системы, здесь имелась и известная слабина. Артиллерия разбрасывалась по углам каре и не всегда использовалась с максимальной эффективностью — порой в дело вступала лишь только четвертая часть ее. А ведь картечь разила врага лучше пули или штыка.

Паскевич-Эриванский против все той же восточной — турецкой — армии применил иное построение. Он стал ставить войска колоннами в три линии: первая и вторая из пехоты, третья — из кавалерии и колонна пешего резерва. Это лучше всего отвечало горной местности. Пехота могла для отражения конницы развернуться в каре и совершенно прикрыть собой корпусную кавалерию. Линии имели артиллерию и собственный резерв. В первой линии орудия размещались в ее середине и могли вести огонь все одновременно.

...Бой под Карсом получился быстротечным. По приказу наместника с правого фланга вынеслись казаки, и началась рубка. «Задравшись» с турками, донцы по сигналу трубы разом развернулись и стали «убегать» назад. Противник поспешил преследовать. Тем временем восемь орудий Донской конно-артиллерийской роты уже изготовились к ведению огня.

Казаки «навели» карскую кавалерию прямо на донскую батарею. Несущиеся им вослед конники из-за пыли, поднятой копытами скачущих впереди коней, не смогли вовремя заметить ряд орудий, стоявших открыто на равнине. И попали под прицельный залп. Казаки-канониры «меткими и скоро повторяющимися выстрелами» привели неприятеля в полное замешательство.

Османы явно не ожидали такого сюрприза, и Паскевич-Эриванский бросил во фланг вражеской коннице свою, еще не участвовавшую в деле кавалерию. Ее атаку он подкрепил шестью орудиями конно-линейной роты и пионерским батальоном. Лава турецких всадников, не принимая рукопашного боя, понеслась

назад под защиту крепостных батарей. Но и здесь она попала под пушечную картечь, поскольку незадолго до этого наши пионеры захватили в 800 метрах от бастионов Карса высоту и помогли расположиться на ней артиллеристам.

По тому же сценарию развернулись события и на левом фланге. Здесь донские казачьи полки Измайлова и Иловайского «навели» турок на 12-орудийную батарею, а затем контратаковали нападавших.

Так в первом полевом сражении под стенами Карса османы потерпели поражение, потеряв до 400 конников. Местный паша получил хороший урок. К тому же противник уже в первый день осады раскрыл систему огня с бастионов, хотя о штурме крепости речь еще не шла.

К 19.00 19 июня кавказцы, благополучно завершив переход, сосредоточились в укрепленном лагере Кичик-Эв. Трудную горную дорогу полки, артиллерия, а самое главное — обозы прошли без потерь. Те, кто критиковал кавказского наместника за медлительность, теперь могли оценить результаты хорошо подготовленного марш-броска через границу...

Крепость Карс располагалась на утесистом берегу речки Карс-чай. В ней еще сохранились укрепления, выстроенные в 1586 году султаном Амуратом III: двойной ряд зубчатых более метра толщиной стен, сложенных из массивных каменных плит высотой в 4—5 метров с множеством башен. Крепостная стена по окружности достигала 1300 метров и окружала сам город. Шесть удачно расположенных угловых бастионов фланкирующим огнем защищали подступы к четырем крепостным воротам.

Город самой природой с севера и запада надежно прикрывался Чахмакскими и Шорахскими высотами. На них еще не было грозных укреплений, которые к началу Восточной (Крымской) войны возведут здесь опытные английские фортификаторы. Только на ближайшем отроге горы Карадаг был сооружен редут, прикрывавший подступы к предместью Байрам-паша. Здесь стояла батарея из 14 орудий.

Другое предместье Орта-капи («Средние ворота») обнесли крепкой каменной стеной с двумя бастионами. Оба предместья связывались земляным валом, пересекавшим находившийся между ними заболоченный пустырь.

Западное предместье — Армянское — располагалось за рекой. Укреплений оно не имело. Однако здесь на крутом склоне лево-

бережных высот грозно смотрели четыре угловые башни древнего замка Темир-паша. Да еще близ кладбища были устроены полевые укрепления.

В северо-западном углу крепости, на высокой скале, омываемой мутными водами быстрого Карс-чая, стояла цитадель Нарын-кала, хорошо хранившая гарнизонные склады.

Такой предстала перед русскими Карская крепость. Они уже один раз, но с гораздо меньшими силами и малой артиллерией, в 1807 году подступали к ней, но безуспешно. Твердыня эта считалась турками неодолимой. И не без веских оснований на то — в 1735 году огромное войско в 90 тысяч человек персидского владыки Надир-шаха почти четыре месяца осаждало Карс. Воспоминания об осадных победах поднимали дух воинов султана, затворившихся в крепости. К тому же они верили в скорую помощь Киос-Мухаммед-паши, чья военная слава не раз светилась радостью в глазах владыки Блистательной Порты.

Паскевич-Эриванский в окружении генералов два дня потратил на то, чтобы провести рекогносцировку карских укреплений. Под охраной небольшого конвоя он объехал их, внимательно рассматривая крепость в подзорную трубу. План ее у него уже имелся. Иван Федорович знал и то, что иностранцы сравнивали эту твердыню с Гибралтаром. Так говорили англичане, давно интересовавшиеся южными границами России, находившиеся, как они считали, в опасной близости от жемчужины британской короны — Индии.

Наиболее удобным и естественным подходом для больших воинских сил смотрелась открытая, слегка всхолмленная каменистая равнина, подступавшая к крепости с южной и юго-восточной стороны. Но она находилась в зоне огня артиллерии Карса, насчитывавшей 151 орудие разных калибров. Кроме того, здесь на пути атакующих встали бы укрепленные предместья. А бой в городских кварталах всегда чреват большими потерями в людях.

Посовещавшись, генерал от инфантерии граф Паскевич-Эриванский решил нанести главный удар по Карсу с юго-запада, вдоль левого берега Карс-чая. Препятствием здесь служили Шорахские высоты, на которых стояло боевое охранение гарнизона. Егеря и казаки после нескольких стычек очистили высоты, сбив оттуда боевое охранение вражеского гарнизона. 20 июня здесь заложили батарею номер 1 и к утру следующего дня закончили ее устройство. Теперь четыре пушки надежно прикрывали фланг будущих осадных работ.

Утром 21-го числа батарея первой открыла по крепости редкий беспокоящий огонь. Первый выстрел возвестил сторонам об «официальном» начале осады.

Через несколько дней и укрепленный лагерь приобрел посреди Эрзерумской дороги весьма грозный вид. За выдвинутыми далеко вперед караулами на защищенных позициях встала полевая артиллерия корпуса, готовая в любой момент встретить прицельным огнем «покушение» врага. Больше всего орудийных стволов смотрело в сторону близкой крепости. Егеря и пехота обеспечивали преграду по дороге. В центре лагеря расположились драгуны и уланы, казаки и азербайджанская конница.

Для наместника солдаты вместо палатки поставили на берегу ручья около мостика небольшой деревянный домик. Рядом находилась корпусная штаб-квартира. Прямо перед домиком стояли батареи. Они в случае выхода турок из крепости к лагерю первыми встречали их огнем.

День 21-го числа и следующий день главнокомандующий посвятил размещению осадных батарей — 2-й, 3-й, 4-й... и 9-й. Главной стала четвертая батарея, расположенная всего лишь в 300 метрах от турецкого укрепленного лагеря на левом берегу Карс-чая. Направления ее амбразур с большой точностью определили при помощи колышков. Здесь поставили четыре двухпудовые мортиры, которые могли вести огонь в любом направлении, и 12 батарейных орудий. Из последних шесть предназначались для флангового обстрела вражеского лагеря и по три — на два угловых бастиона укрепленного предместья Орта-капи.

Для непосредственного участия в приступе крепости выделялось пять тысяч пехоты и 38 орудий. Остальная артиллерия находилась в лагере. Прочие войска стояли в резерве, стерегли лагерь и пути сообщений.

Чтобы дезориентировать турок, батарея номер 1 по ночам вела редкий огонь. А на позициях спешно, в кромешной тьме возводились осадные батареи. Пехотные отряды полковников Раевского и Бороздина будоражили гарнизон действиями под самыми стенами Карса. Султанский губернатор видел своими глазами, как со всех четырех сторон против города выросли девять батарей русских.

Их пытались разрушить огнем крепостной артиллерии — не получилось, делали вылазки — их отбили.

ШТУРМ КАРСА

Штурм Карса произошел 23 июня, хотя первоначально Паскевич-Эриванский намечал штурм Карса на 25 июня — день рождения Императора Николая I. О таком его решении среди современников существуют полярные суждения. Одни указывали, что такая двухдневная отсрочка штурма, продиктованная «царедворческими мотивами», могла иметь весьма печальные последствия, поскольку Киос-Мухаммед-паша спешил на помощь осажденным по Эрзерумской дороге Другие оправдывали более поздний срок тем, что осадная артиллерия к 23 июня еще не подавила своим огнем турецкие батареи

Пожалуй, все же назначенный день начала штурма в меньшей степени был связан с подарком монарху в день рождения В большей — усиленная бомбардировка крепости, помноженная на боевой дух русских солдат, давала гарантию победы. Спешка — на день или два приближение даты общего приступа при примерном равенстве сил — могла дорого стоить. Умудренный опытом прошедших войн наместник на Кавказе решил не рисковать.

Однако, как это часто бывает на войне, в планах штаб-квартиры Паскевича-Эриванского 23 июня произошли изменения И не по приказу главнокомандующего, хотя в тот день он волю свою и распорядительность проявил.

Еще перед рассветом осадные батареи стали бомбардировать укрепления Карса Больше всего бомб и ядер «доставалось» турецкому военному лагерю у южных предместий города. Осажденные отвечали частой пальбой, но турки в меткости заметно уступали русским пушкарям.

Турки психологически не выдержали жаркого обстрела. Около четырех часов утра их пехота вышла из укрепленного лагеря южнее предместья Темир-паша и сосредоточилась на мусульманском кладбище, укрываясь за надгробными плитами. Султанские аскеры завязали перестрелку с русскими егерями, прикрывавшими левофланговую батарею номер 1.

Передовая цепь 4-й роты 39-го егерского полка находилась ниже кладбищенской высоты и несла ощутимые потери от ружейных пуль турок, поражавших ее сверху. Ротный командир поручик Лабинцев решил отбросить назад карскую пехоту и овладеть выгодной позицией в районе кладбища. По собствен-

ной инициативе он поднял роту в штыки. Но атака не удалась. Егерей вынудили залечь под сильным огнем на склоне горы.

Выждав несколько минут, пока солдаты низама (турецкого ополчения) вдоволь настреляются, Лабинцев вновь поднял свою, уже сильно поредевшую роту, в новую атаку. На этот раз егеря почти достигли кладбища, но их осталось слишком мало. В рукопашной схватке многочисленным турецким пехотинцам не стоило бы больших усилий отбросить русских назад.

В ту минуту, когда решалась судьба храбрецов-егерей, атаку роты поручика Лабинцева поддержал его ближайший сосед справа — командир батальона 42-го егерского полка подполковник А.М. Миклашевский (кстати, переведенный на Кавказ как причастный к делу декабристов). Уловив ситуацию, он приказал трем своим ротам идти выручать своих боевых товарищей. Егеря дружно пошли в рукопашный бой.

Результатом стремительной штыковой атаки стало изгнание вражеской пехоты с кладбища. Преследуя ее буквально по пятам, егеря ринулись к укрепленному турецкому лагерю около Армянского предместья. Напрасно офицеры стремились удержать солдат, крича:

— Стойте, братцы! Дальше не надо! Это только фальшивая атака!..

Дальше все пошло совсем не по «сценарию» плана штурма Карской крепости, утвержденному и расписанному по деталям в корпусной штаб-квартире.

Бывалые кавказские егеря просто не могли остановиться, видя перед собой панически убегающего и уже начинающего на ходу бросать оружие врага. Многолетний боевой опыт седоусых солдат подсказывал им, что надо полностью использовать достигнутый первоначальный успех. Иначе повторять его придется лишней кровью, может быть, и жизнью многих товарищей. После той лихой и славной атаки егеря говорили:

— Никак невозможно было остановиться — мы турка знаем. Пока его по зубам не треснешь, он этой самой фальшивой атаки никак не поймет...

Счет времени в бою шел на минуты. На плечах неприятеля доблестные егеря ворвались в укрепленный лагерь. Там, около палаток и землянок, завязались рукопашные схватки. Среди султанских офицеров не нашлось человека, который сумел бы взять в свои руки управление обороной лагеря.

Завязавшийся бой у предместья Темир-паша увидел находившийся на участке егерской бригады генерал-лейтенант князь Иван Михайлович Вадбольский. Старый боевой генерал, участник всех антинаполеоновских войн с 1805-го по 1814 год, отличившийся в свое время под Аустерлицем и Фридландом, раненный на Бородинском поле, он сразу же верно оценил внезапно изменившуюся обстановку, теперь уже сулившую значительный успех. Вадбольский приказал командиру 42-го егерского полка полковнику Реуту с остальными пятью ротами поддержать Миклашевского.

Еще совсем недавно, в 1826 году Реут со своим полком героически оборонял крепость Шушу от многотысячной армии Аббас-мирзы, чем и заслужил большую славу в кавказских войсках. Видя опасность, грозившую батальону подполковника Миклашевского, полковой командир не заставил себя долго ждать и, построив егерей в колонну для атаки, быстро двинулся вперед.

Но в эти минуты обстановка в лагере для нападавших изменилась в худшую сторону. Около двух тысяч турок бросились в контратаку из Армянского предместья и вытеснили несколько сотен егерей из лагеря. Одновременно они преградили путь колонне полковника Реута.

Уже четверть часа длился неравный бой. Осажденные начали подавлять егерей своей численностью. Генерал Вадбольский с волнением следил за ходом боя. Рядом с ним находился полковник Иван Григорьевич Бурцев, исполнявший должность «начальника траншей» и числившийся офицером Генерального штаба.

У Вадбольского на этом участке под руками оставалось всего три роты 39-го егерского полка. Он колебался — находившиеся за его спиной батареи могли оказаться вообще без прикрытия. Но энергичный и решительный Бурцев, к тому же пользовавшийся особым доверием наместника, понимал, что наступал критический момент так внезапно разыгравшегося боя. Он уговорил старого генерала послать в дело эти три последние роты. Тот принял весьма рискованное в той ситуации решение.

Егеря пошли в атаку. Во главе их стали и Вадбольский, и Бурцев. В Кавказском корпусе любили Вадбольского за личную храбрость и простоту в обращении с нижними чинами. Солдаты в шутку называли его Николаем Чудотворцем за портретное сходство с иконописным ликом «святого угодника» российского воинства. Появление Ивана Михайловича впереди выстроившейся ата-

кующей колонны с саблей в руках воодушевило егерей, жаждущих поскорее пойти в бой.

Бывший командир гусарской дивизии, имевший в послужном списке два тяжелых ранения — картечью и палашом, — вышел вперед и выкрикнул:

— Братцы! Послужим еще раз Богу, Царю и Отечеству! Мои родимые, вперед!..

Егеря ударили в штыки. Их натиск заставил турецкую пехоту отхлынуть назад. Воспользовавшись сумятицей в рядах врага, солдаты Реута соединились с батальоном Миклашевского. Теперь их егеря составили при поддержке подоспевших трех рот генерал-лейтенанта князя Вадбольского единый фронт атаки. Последнее придало им еще большую уверенность в «предприятии». Они заметно усилили натиск и вновь овладели военным лагерем османов. Преследуя врага, русские ворвались в предместье Темир-паша.

Так, благодаря разумной инициативе поручика Лабинцева, человека бесстрашного и решительного, вспышка рукопашной схватки на кладбищенской высоте за какой-то час превратилась в пламя настоящего сражения за одну из самых сильных и больших крепостей Оттоманской империи...

О схватке егерей на кладбище доложили Паскевичу-Эриванскому. Подобных схваток за последние дни случалось немало. И видимо, это не заставило главнокомандующего садиться на коня и спешить к месту событий. Но когда ему через полчаса сообщили, что егеря в штыковой атаке ворвались в турецкий военный лагерь, который по плану подготовки общего штурма предстояло бомбардировать еще две ночи и два дня, Иван Федорович поскакал на позиции.

У него, не видевшего своими глазами начало событий, возникло опасение, что турки могут нанести егерям немалый урон. Ведь их, затеявших нешуточное дело, пока не поддержали ни осадные батареи, ни другие пехотные полки, ни кавалерия. В случае неуспеха можно было потерять много людей, а самое главное — боевой дух воинов-кавказцев. Да к тому же крепостное предместье штурмовалось без приказа корпусного начальника.

Генерал-адъютант в окружении нескольких штабных офицеров быстро прискакал на четвертую батарею. С нее, расположенной на крутом правобережье Карс-чая, как на ладони просматривался ход боя уже почти под самыми стенами Карса. В подзорную трубу хорошо виделись ряды егерей, теснивших толпы вражеских

пехотинцев, схватки на улочках Армянского предместья. Когда к Паскевичу-Эриванскому с докладом подошел оказавшийся здесь генерал-майор Н.Н. Муравьев, наместник, не сдержавшись, разразился в гневе:

— Что это значит?! Кто это приказал?! С какого повода сие сделалось без приказания моего? Как смели!..

И сгоряча, чтобы выговориться уже до конца, добавил, что отдаст под суд того, кто начал такое дело. Такая угроза могла быть исполнена им, разумеется, в случае поражения егерей. Ведь за неоправданную гибель людей на войне кто-то, в конце концов, должен был отвечать.

Состояние «бешенства и недоумения» прошло у Паскевича-Эриванского почти сразу — завязавшийся на левом фланге бой из рядовой стычки с осажденными перерос в настоящее сражение уже в самом городе. Причем события развивались стремительно. Главнокомандующий стал руководить войсками, насколько позволяла обстановка, поскольку нет сражений, где бы все подчинялось воле и замыслу полководца.

В турецком укрепленном лагере находилась высотка, очень удобная для артиллерийской позиции. Немедля там поставили батарею из четырех пушек (взятых с батареи номер 4) и два орудия донских казаков.

Новая батарея огнем с близкого расстояния буквально ошеломила гарнизон Карса, изготовившегося к отражению столь неожиданно начавшегося штурма. Батарея с левобережья Карс-чая «метко бросала ядра в башни предместья Орта-капи и в крепость».

Находившийся при наместнике на 4-й батарее командир Грузинского гренадерского полка полковник Симович попросил разрешения послать на правый берег подкрепление. Иван Федорович после некоторых колебаний (на правобережье оголялся целый участок) согласился с Симовичем:

— Пошлите две-три роты гренадер. За них вы отвечаете мне своей головой...

Симович тотчас же распорядился. Три роты гренадер бегом поспешили на противоположный берег Карс-чая. Однако им пришлось следовать в обход — через каменный мост у селения Кючук-кей, что заняло много времени.

Уличные бои в Армянском предместье грозили затянуться. Там сложилось некоторое равновесие сил сторон: бесстрашие и натиск

русских стрелков османы уравновешивали со своей стороны числом сражавшихся. Требовался кто-то, по своей воле решившийся переломить ход дела.

Таким человеком оказался находившийся рядом с князем Вадбольским полковник Бурцев, ко всему еще и неплохо ориентировавшийся в тесноте городских кварталов. Собрав в кулак роту егерей, он повел ее на штурм древнего замка Темир-паша. Тот прикрывал собой два моста через реку прямо в Карскую цитадель. Русским удалось, воспользовавшись замешательством турок перед воротами в замок, ворваться внутрь и изгнать оттуда неприятеля.

Бурцев приказал втащить в одну из угловых башен замка две легкие пушки. Из них открыли прицельный огонь вдоль улиц предместья, лежавшего перед башней как на ладони, расчищая путь атакующим егерям. Продвижение вперед их сразу ускорилось.

Артиллеристов Бурцева, сориентировавшись, поддержала батарея в захваченном вражеском лагере. Часть огня она перенесла на те каменные строения, откуда султанские пехотинцы вели по егерям огонь из ружей. Метко посланные ядра влетали в окна и двери, рушили стены домов. Турки в ужасе бежали из них.

Неожиданно для всех загрохотали пушечные выстрелы на северной окраине предместья Темир-паша. И громкое «ура!» послышалось в тылу обороняющихся. Это опять же по собственной инициативе пошел в бой батальон Ширванского полка. По намеченному ранее плану штурма крепости ему предписывалось произвести отвлекающие — «фальшивые» — атаки против северо-западного фаса карских укреплений. Командовавший батальоном полковник Бородин решил на свой страх и риск поддержать егерскую бригаду.

Он повел батальон не в «фальшивую», а в настоящую атаку. Ширванцы в рукопашной схватке выбили неприятеля из каменных шанцев-окопов. Бородин сразу же подтянул сюда имевшиеся в его распоряжении полевые орудия, которые открыли огонь прямой наводкой. Под надежным огневым прикрытием пехотинцы ворвались на северную окраину Армянского предместья.

Идя навстречу егерям, ширванцы заняли несколько кварталов и захватили каменный мост через Карс-чай. Причем отдельные группы стрелков успели даже перебежать через мост на правый берег и засесть в саклях из дикого камня, лепившихся к самому

подножию крепостной стены. Здесь завязалась жаркая ружейная перестрелка. Русские стреляли из-за домов, турки — из-за зубцов каменной стены.

В это время командовавший левобережной группой войск генерал Корольков, не дожидаясь приказа наместника, взял два батальона Крымского пехотного полка, прикрывавшие 2-ю осадную батарею, и лично привел их на место боя для поддержки егерей.

Турки оборонялись отчаянно, но теснимые с двух сторон — егерями и пехотинцами-крымцами с юга, ширванцами — с севера, — они стали оставлять квартал за кварталом. Прибывшие наконец с правого берега три роты Грузинского гренадерского полка позволили усилить натиск в штыковой атаке. Вскоре остатки оборонявшихся в Армянском предместье турок были сброшены в мутные воды Карс-чая.

Прошло всего два часа с начала рискованной атаки егерей роты поручика Лабинцева, и вся заречная часть города и крепости оказалась очищенной от османов. Более того, часть русской пехоты закрепилась под стенами цитадели, завязав ружейную перестрелку на близком расстоянии.

С успешным окончанием боя на левобережье улучшилось и настроение Паскевича-Эриванского, наблюдавшего за ходом событий с четвертой батареи. По словам очевидцев, «видя, что на левом фланге атаки удались, он начал уже улыбаться и говорить по-человечески». Действительно, такой ход утренних событий заставил Ивана Федоровича, да и все командование Отдельного корпуса, изрядно поволноваться. Судьба Карса отражалась и на судьбах людей.

На батарейной позиции собрался импровизированный военный совет, обсуждавший один-единственный вопрос: что предпринять дальше? Паскевич-Эриванский выслушал всех и принял решение начать наступление на правом фланге, чтобы лишить неприятеля всех внешних, вне цитадели, укреплений. В случае успеха можно было начать общую атаку Карской крепости.

Все осадные батареи открыли сильнейший огонь по бастионам южного предместья Орта-капи, «из коих некоторые были уже повреждены, других огонь довольно ослаблен». Артиллеристы, пристрелявшись к целям, повели беглый огонь на поражение. Хотя гарнизон Карса имел заметное превосходство по числу орудий, он так и не смог навязать русским контрбатарейную борьбу.

Отряд русских войск под начальством начальника корпусного штаба генерала Сакена пошел на штурм предместья Орта-капи. Первыми в него ворвались батальон карабинеров и две роты гренадер, но их остановил сильный огонь с бастиона Юсуф-паша, прикрытый с востока болотом. Тогда один из ссыльных декабристов, полковник В.Д. Юровский, лично повел гренадер на штурм бастиона, овладел им и тотчас повернул захваченные им орудия против турок. Почти одновременно пал и левый, приречный бастион с батареей из четырех орудий.

Пушки с захваченных бастионов стали громить цитадель. Их огонь усилился с прибытием к Вальховскому двух конных орудий, составлявших седьмую осадную батарею. Артиллерийский обстрел с близкого расстояния цитадели оказался весьма эффективным, так как «брал восточную стену крепости по всему ее протяжению и три башни, там стоявшие, во фланг».

Русские пушкари блестяще справились с задачей, которую им поставил на штурм главнокомандующий. Они сумели надежно прикрыть пехоту, когда та преодолевала открытую местность и врывалась в предместья Орта-капи и Байрам-паша. В боевых порядках устремившихся на штурм рот и батальонов находились легкие орудия, которые вели огонь «ближней» картечью, то есть били почти в упор. Оба предместья пали — к семи часам утра их полностью очистили от оборонявшихся здесь турок.

В ходе штурма предместья Байрам-паша русские овладели вражескими укреплениями на вершине горы Карадаг, что стерегли дорогу на Гумры. Четыре пушки с Карадага повернули против Карса. Паскевич-Эриванский приказал поставить за болотом 12-орудийную батарею номер 8 — против юго-восточного фаса крепости.

Теперь турки владели только одной цитаделью, укрывшись за ее крепкой каменной оградой, засев в башнях. Беспорядочная стрельба из цитадели лучше всего свидетельствовала о том, насколько карский гарнизон ошеломлен штурмом, который развивался явно не по «правилам».

Следствием этого стало то, что турецкая конница стала покидать крепость через ворота, которые еще не были атакованы русской пехотой. Карский вали Эмин-паша не смог удержать в цитадели кавалерию, да и всех тех, кто имел коня. Всадники налегке, пригнувшись, жестоко погоняя коней, старались быстрее проскочить равнину и скрыться в близких горах. Их не пресле-

довали, поскольку осаждавших больше волновала судьба самого Карса.

В нем начались пожары. Над цитаделью поднялись клубы дыма. Это возле дома губернатора взорвались три зарядных ящика, наделав большой переполох в цитадели.

Меткий сосредоточенный огонь осадных батарей довольно скоро заставил замолчать всю турецкую артиллерию, расположенную в башнях, обращенных к Карадагу. Выдвинутые вперед по приказанию Паскевича-Эриванского батареи, легкие и донские казачьи орудия, били по цитадели почти в упор. Ответный огонь осажденных ослабевал с каждой минутой.

Участники штурма Карса свидетельствовали: «...Многие башни были повреждены, на некоторых сбиты орудия, на других сосредоточенные выстрелы наших батарей отнимали у турецких артиллеристов возможность действовать».

Сподвижники генерала от инфантерии И.Ф. Паскевича-Эриванского в его бытность командования Отдельным Кавказским корпусом отмечали следующее. Изменение даты штурма Карса произошло не по его замыслу. Это его величество случай приблизил викторию на два дня. По сути дела, тщательно продуманный во всех деталях план овладения сильной крепостью остался на бумаге. Но только ли на ней?

Ведь и егеря, и пехотинцы-ширванцы, и другие войска шли на приступ там, где того требовала от них диспозиция на день приступа. Кавказцы рано поутру шли на штурм городских предместий по предписанным им заранее направлениям. Поэтому и не произошло никакой свалки действовавших по большой части самостоятельно рот и батальонов. Одним словом — каждый атакующий, как у Суворова, знал свой маневр.

Выше всяких похвал оказалось действие артиллерии. Но ведь в этом была большая заслуга самого полководца, лично взявшегося за размещение осадных батарей. По его приказу легкоконные орудия, пушки донских казаков шли на крепость в боевых порядках пехоты. Сработала, наконец, сама система артиллерийского огня, разработанная в штабе корпуса. Она позволила «досрочно» подавить сопротивление более 150 вражеских орудийных стволов, а также волю и стойкость самого многотысячного гарнизона...

Прикрываясь каменными строениями предместий, кавказские пехотинцы накапливались у самой крепостной ограды. Егеря собрались в роты в прибрежных кварталах города, захваченных ра-

нее ширванцами, карабинеры и гренадеры — на северной окраине предместья Орта-капи — у южных крепостных ворот. Ружейными выстрелами русские стрелки сбивали со стены вражеских солдат.

Когда сил для общего штурма под крепостью накопилось достаточно, Паскевич-Эриванский отдал приказ начать ее приступ одновременно с двух сторон крепости — южной и западной.

Атака началась в восьмом часу утра.

На северной окраине Орта-капи егеря, будучи поддержаны общим движением штурмовых колонн, смело устремились на крепость. Они пробрались по плоским крышам домов под самые стены и в считанные минуты охватили их с южной и западной стороны. Приведенный в смятение неприятель успел дать по пехоте русских в упор лишь несколько картечных выстрелов. Штурмующие отчаянно перелезали через стены, спрыгивали во двор крепости и, работая вовсю штыками, отбили ворота, заваленные с внутренней стороны камнями и бревнами. Одновременно были захвачены ближайшие башни с 25 пушками.

Стремительная по исполнению атака бойцов Эриванского карабинерного полка, по существу, решила судьбу Карса. Кавказцы показывали чудеса храбрости, самопожертвования во имя победы, волю к победе. Один из карабинеров, в числе первых взобравшийся на крепостную стену, был смертельно ранен и сброшен вниз. Но вместо просьбы о помощи он крикнул подхватившим его товарищам:

— Прощайте, братцы! Да только город-то возьмите...

Местные жители-армяне, как могли, помогали русским воинам овладеть крепостью. Они подавали солдатам бревна, доски — все, с помощью чего можно было перелезть через крепостную стену. Указывали в городском лабиринте путь стрелкам, предупреждали о «неприятельских засадах». Такая помощь только поднимала дух штурмующих.

Быстрый успех карабинеров-ереванцев поддержали гренадеры, егеря, ширванские стрелки. Для них тоже в то утро не оказалось преград. Когда ширванцы, ведомые полковником Бородиным, овладели западными воротами — Су-капи и отворили их, колонны штурмующих ворвались в крепость и со стороны реки Карс-чай.

Приступ шел словно по плану. Штурмующие войска действовали согласованно, батальоны не смешивали своих рядов с соседями. Все горели только одним стремлением — идти вперед.

Ведя ожесточенный рукопашный бой, кавказцы настойчиво продвигались по улицам и переулкам в центр крепости с юга и запада. Встретившись там, они могли подступиться к самой цитадели. Сопротивление турок заметно ослабевало.

КАПИТУЛЯЦИЯ ТУРЕЦКОГО ГАРНИЗОНА. ПОБЕДА

К восьми часам утра штурмующие соединились в центре Карской крепости, которая уже почти вся была очищена от осажденных. Остатки гарнизона во главе с вали Эмин-пашой укрылись в цитадели, стоявшей на высокой и крутой прибрежной скале Карс-чая.

Подавленный неожиданной скоротечностью событий и не видя никакого спасения, карский паша приказал вывесить белый флаг и послал к русским переговорщиков. Паша просил пощады для всех затворившихся в цитадели.

Со своей стороны генерал от инфантерии Паскевич-Эриванский отправил к туркам полковника князя Бековича-Черкасского. Тот предъявил султанскому гарнизону следующие два условия его капитуляции.

Первое. Чтобы все войска, укрывшиеся в цитадели, безотлагательно сложили оружие, после чего им будет дозволено разойтись по домам.

Второе. Чтобы Эмин-паша признал себя военнопленным и следовал в Грузию вместе с теми, кто был захвачен в плен во время штурма города и за его пределами.

Чтобы подкрепить условия капитуляции решительностью намерений, русский полководец приказал пехоте в колоннах, с музыкой и песнями выдвинуться к южной стороне цитадели. И всю артиллерию направить против нее. Зрелище для турок получилось устрашающее.

При объявлении условий о безоговорочной сдаче гарнизонные солдаты молча стали густой толпой у ворот цитадели, подавленные всем произошедшим. Ведь с минуты начала боя солнце еще даже не поднялось в зенит. Комендант крепости в своем ответе просил два дня на размышление. Он, по-видимому, все еще надеялся на приход эрзерумских войск.

Паскевич-Эриванский на такую просьбу с известной долей военной хитрости ответил следующим образом:

— Пощада невинным. Смерть непокорным. Час времени на размышление.

Когда ответ царского наместника зачитали перед воротами, гарнизон взбунтовался и принудил Эмин-пашу ускорить сдачу. Над башнями цитадели появились два больших белых флага.

В десять часов утра 23 июня (по новому стилю 5 июля) 1828 года губернатор Эмин-паша капитулировал с остатками гарнизона. Над древней цитаделью Карской крепости стали развеваться боевые знамена армии России...

Первый из трех в истории русско-турецких войн штурм Карса отличался необычайной динамичностью и скоротечностью. Ведь с того момента, когда поручик Лабинцев поднял под роем пуль в атаку свою егерскую роту перед мусульманским кладбищем и до окончательной капитуляции турецкого гарнизона, прошло всего шесть часов. Из них два ушло на переговоры с укрывшимися в городской цитадели. За такое короткое время для большого сражения кавказцы сломили сопротивление почти равного им по численности неприятеля и овладели очень сильной по тому времени крепостью. Впрочем, Карс оставался таковой и в будущем, через три четверти века, во время Первой мировой войны.

Соотношение сил сторон говорило само за себя: около 12 тысяч у русских и свыше 11 тысяч — у турок; 70 орудий у осаждавших, из которых осадных было только 12, против 151 — в крепости.

...Трофеями столь необычного и знаменательного штурма стала вся крепостная артиллерия: 22 мортиры и гаубицы, из которых три 5-пудовых, 22 пушки и единорога от 49- до 12-фунтовых, 98 разных крепостных орудий меньшего калибра и 9 полевых орудий. Сверх того в крепости и цитадели нашлось 7 тысяч пудов пороха, до тысячи пудов свинца, много боеприпасов, тысячи ружей, инженерные инструменты, большие запасы продовольствия. Словом, гарнизон Карса мог бы держаться еще очень долго.

Потери русских войск составили до 300 человек убитыми и ранеными, в том числе 15 офицеров, шедших в первых рядах штурмующих. Больше всего потерь понесли егеря — главные «виновники» победы в полном смысле жаркого утра этого июньского дня...

Надо добавить: в тот день под вечер казачьи пикеты обнаружили передовые сторожевые отряды спешившего на помощь Кар-

су 20-тысячного эрзерумского корпуса всего в пяти километрах от осаднаго лагеря Кичик-Эв. Главные же силы Киос-Мухаммед-паши находились в 15 километрах. То есть на расстоянии одного дневного перехода большого войска, идущего по горной дороге и обремененного артиллерией и обозами.

Узнав от бежавшей из крепости конницы о падении Карса, эрзерумцы сначала в нерешительности постояли, а потом повернули прочь. Они отошли частью сил к Ардагану, прикрыв важный в начавшейся войне укрепленный пункт.

Взяв Карс, кавказский наместник объявил жителям всеобщее помилование (мужчины-мусульмане участвовали в обороне города, а с началом приступа разбежались по домам). На следующий день чиновники из Тифлиса приступили к управлению завоеванного пашалыка. Законы пока оставались турецкие. Судебная власть представлялась все тем же кадию и муфтию.

Падение сильной вражеской крепости прославило русское оружие. В России штурм Карса получил широкую известность. Тем более, что 1828 год для 2-й действующей армии на дунайских берегах не принес особо громких побед. Николай I почтил своего наместника весьма лестным рескриптом и пожаловал старшую дочь его, графиню Александру Ивановну, во фрейлины Императорского двора. А самого победителя наградил двумя пушками из числа взятых при штурме Карса...

Некоторые исследователи обвиняют Ивана Федоровича в том, что в последующие двенадцать дней он простоял в бездействии под поверженной крепостью, якобы не решаясь ни преследовать Киос-Мухаммед-пашу, ни наступать на Эрзерум. И тем самым дал возможность туркам вновь собраться с силами.

Так могут рассуждать только те, кто не знает истинного положения дел в действующем Отдельном корпусе. Русские войска поразила эпидемия чумы — ужаснейшая болезнь не столь далекого от нас времени. Своим появлением в Европе или Азии эта болезнь поражала армии гораздо сильнее, чем ядра, пули и мечи, голод и измены.

В осадных войсках не было ни одного полка, в котором не обнаружилась бы зараза. Чума пришла под Карс из Эрзерума. Возможно, что ее и специально занесли. Главнокомандующий не медля принял в борьбе с начавшейся эпидемией самые решительные и скорые меры. Делал все от него зависящее. Паскевич-Эриванский во многом спас малочисленные русские войска от

«чумной погибели», превратив действующий корпус в сплошной карантин, дав полковым врачам всю полноту власти в военном лагере. От солдата до генерала — никто не мог ослушаться их требований.

Решительная борьба с эпидемией чумы уже через двадцать дней дала поразительнейший результат: зараза прошла. Умерло только 263 человека — цифра ничтожная по тому времени и в той ситуации...

ВЗЯТИЕ КРЕПОСТИ АХАЛКАЛАКИ

После взятия Карса русские войска могли действовать по трем направлениям: на Ардаган — Ахалцых, на Ахалкалаки — Ахалцых и на Сарыкамыш — Эрзерум. Иван Федорович решил идти брать крепость Ахалкалаки, где ему удобнее всего было соединиться с резервами, хотя и слабыми, вытребованными из Грузии. Кроме того, избранный маршрут обеспечивал безопасность следования корпусных войск с тремя тысячами подвод. После взятия Ахалкалаки задумывалось подступить к Ахалцыху.

Но прежде следовало ввести в заблуждение неприятеля, ищущего сведений о направлении дальнейшего наступления русских. 12 июля Паскевич-Эриванский умышленно делает со всеми войсками один переход по Эрзерумской дороге. Конные партии вражеских лазутчиков с тревожной вестью поскакали в Эрзерум.

Совершив переход, корпус встал на трехдневную стоянку. Части оставленного в Карсе русского гарнизона приказывается спешно идти вдогонку главных сил. Обманутые еще и таким маневром, турки поспешили стянуть свои разрозненные отряды к Эрзеруму и стали готовить его к обороне.

Пока шла такая тактическая игра, осадная артиллерия, парки и обозы кавказских войск с небольшим прикрытием ушли от Карса совсем в другую сторону. Пионеры успели подремонтировать горную дорогу на Ахалкалаки. Такой маневр противника султанские военачальники не смогли разгадать. Таким образом ахалкалакский гарнизон был оставлен без поддержки.

Когда Паскевич-Эриванский убедился, что его военная хитрость удалась, Отдельный корпус развернулся и стремительными для гор марш-бросками пошел на Ахалкалаки. Главнокомандующий мог взять с собой лишь семь батальонов пехоты, два полка регуляр-

ной кавалерии (Сводный уланский и Нижегородский драгунский), четыре казачьих полка и 48 орудий.

В Карской крепости оставался гарнизон — прочие, наиболее ослабленные пехотные батальоны, два полка казаков при 12 полевых орудиях. Депутация почетных старшин и знатных людей города заверила царского наместника в том, что тишина в городе после его ухода не будет нарушена. И благодарили русских солдат за примерное поведение, когда мирных жителей никто не обижал.

Поход на север к Ахалкалаки продолжался шесть дней. Русские войска совершили 120-километровый марш по горным дорогам. Путь через Чалдырский хребет, местами еще в снегу, оказался многотрудным. Обоз следовал по узкой, с трудом разработанной дороге, в ширину едва вмещавшей одну повозку. Для помощи ездовым при частых подъемах и спусках выделялись пехотные батальоны. Их часто меняли.

22 июля русский авангард вышел к крепости. Она располагалась при слиянии двух рек: Тапа-Гаван-чай и Гендары-су. И занимала территорию в длину около 300 метров, в ширину — около 80—120. Крепостные укрепления находились в запустении и внушительностью не отличались. Предместья оказались разрушенными. Ахалкалакский гарнизон насчитывал примерно тысячу человек при 14 орудиях.

На следующий день Паскевич-Эриванский провел рекогносцировку и послал в крепость двух чиновников с предложением сдаться. Гарнизон ответил категорическим отказом и первым открыл канонаду. Местные турки еще хорошо помнили неудачные действия под крепостью отряда генерала Гудовича в 1807 году.

Русскому командованию пришлось думать о «правильной осаде». Штурмовать крепость решили с юга. Войска отвели в осадный лагерь, устроенный в 3,5 версты от Ахалкалаки, у реки Гендары-су. Стан укрепили на случай внезапного нападения османов, прежде всего их конницы.

С наступлением вечерней темноты генерал Паскевич-Эриванский отправил часть отдохнувших за день войск закладывать осадные батареи. Самую большую из них устроили всего в 350 метрах от крепости. Из-за отсутствия леса брустверы возводились из мешков с землей.

На случай вылазки гарнизона ночные работы прикрывались 42-м егерским полком, дивизионом драгун-нижегородцев, казачьим полком и двумя ротами пионеров при восьми орудиях. Эти войска стояли в готовности не только отбить возможную атаку на строителей, но и в случае удачного преследования ворваться за крепостные стены.

Звуки производимых земляных работ, стук колес артиллерийских лафетов привлекли внимание вражеских часовых. Гарнизон, ожидавший ночного штурма, открыл яростный ружейный огонь. В таких случаях Паскевич-Эриванский приказывал не отвечать на пальбу. Стрельба вскоре прекратилась сама собой.

Русские саперы и пехотинцы продолжали возводить батарейные позиции. Неприятельский же гарнизон с оружием в руках провел всю ночь в ожидании приступа. Всю ночь на крепостных стенах горели костры, освещая ближайшие подступы.

Батарею номер 1 подготовили к четырем часам утра. К рассвету артиллеристы установили на ней две двухпудовые мортиры, восемь батарейных орудий и два легких. Чтобы усилить мощь огня батареи, впереди нее метрах в 80 выстроили еще одну, небольшую, — на шесть кегорновых мортир. Они вели навесную стрельбу.

С первыми лучами солнца турки с изумлением взирали на появившиеся за ночь русские батареи, по мощности превосходившие всю артиллерию крепости. Около шести часов утра осажденные открыли по ним огонь, стараясь разрушить возведенные позиции. Русские батареи повели ответный огонь, завязалась артиллерийская дуэль.

Довольно быстро меткость пушкарей-кавказцев дала о себе знать. Да и стояли орудийные расчеты на прибрежных высотах, господствовавших над крепостью. Метким огнем батарейных орудий 20-й артиллерийской бригады оказались сбитыми зубцы главной башни, повреждена цитадель, а стены и углы крепости во многих местах обрушились.

Осажденные, ища спасения, оставили вал и стены, поспешив укрыться в крепком каменном каземате. Но он не смог вместить всех желающих. Двор крепости заполнился толпами мечущихся под разрывами бомб турок. Они совсем перестали отвечать на стрельбу осадных батарей.

Гарнизон окончательно пришел в ужас и смятение, когда русские поставили несколько орудий прямо на открытое место против крепостных ворот, находившихся на восточном фасе крепости. Вскоре эти четыре орудия подкрепили еще двумя легкими. Теперь осажденным стало совсем тяжко. Часть защитников по веревкам

спустилась со стен на противоположной стороне и бежала по ущелью реки.

Когда крепость приобрела совсем плачевный вид, осадные батареи замолчали. Полковник Бородин, с батальоном ширванцев прикрывавший батарейные позиции, потребовал сдачи крепости. Ее комендант начальник Ахалкалакского санджака Мута-бек вновь ответил отказом, ссылаясь на клятву, данную им султану.

Такой отказ, да еще данный в высокопарной форме, разъярил командира Ширванского полка. Бородин лично повел две роты пехотинцев на штурм. Его солдаты воспользовались веревками, в большом числе свисавшими со стен. Ширванцы в одну минуту взобрались на южную часть крепостной стены и принудили гарнизон капитулировать.

Около девяти часов утра над цитаделью крепости Ахалкалаки уже развевался российский флаг.

Паскевич-Эриванский отправил вдогон бежавшим туркам (а таких оказалось больше половины гарнизона) казаков и азербайджанскую конную милицию. Те в узком речном ущелье быстро настигли беглецов и почти всех их вырубили. Спастись удалось совсем немногим — кто сумел взобраться на прибрежные скалы.

Противник в бою за Ахалкалаки потерял убитыми и ранеными до 600 человек. Триста турок сложили оружие на крепостном дворе. Мута-бек в окружении султанских чиновников отдал свою саблю русскому полководцу. Байракширы сложили на землю 21 знамя. Победителям достались в качестве трофеев 14 пушек. Небольшая по размерам крепость хранила в себе солидные запасы артиллерийских снарядов и разного оружия.

Потери русских войск составили всего 13 человек. Было от чего в корпусном штабе писать победную реляцию в далекий Санкт-Петербург.

Под Ахалкалаки повторилась сцена, происшедшая в день взятия Карской крепости. Около двенадцати часов дня на дороге со стороны Ахалцыха появилась турецкая кавалерия числом до 1500 всадников. Они спешили подкрепить оборонявшийся гарнизон. Но, увидев развевающийся над крепостью чужой флаг, вражеский отряд развернулся и ушел в горы...

Пришло известие: на правом фланге государственной границы после семидневной осады 15 июля пала неприятельская приморская крепость Поти. Теперь турецкий флот в пределах Закавказья мог базироваться только на Батум.

Небольшая крепость Ахалкалаки стояла на дороге Ахалцых — Карс. С ее взятием Кавказский корпус получил удобное сообщение через Цалку и Гумры с Грузией. Теперь на очереди встала задача овладения сильной Ахалцыхской крепостью, которая нависала над русско-турецкой границей. 30 июля в войсках прошел благодарственный молебен. Главнокомандующий по такому случаю издал приказ по корпусу. Он заканчивался следующими словами:

«...Еще несколько дней, и мы явимся пред стенами Ахалцыха, одной из важнейших крепостей; да поможет нам Бог».

ПОХОД НА АХАЛЦЫХ

Паскевич-Эриванский имел сведения, что ахалцыхским гарнизоном численностью более двух тысяч человек командует воинственный Агмет-паша. Крепость имела 150 орудий (сведения об артиллерии лазутчики слишком завысили, в действительности имелось 62 орудия). К Ахалцыху спешили крупные отряды султанских войск до 30 тысяч человек под командованием самого Киос-Мухаммед-паши и Мустафы-паши. После падения Карса эта крепость становилась для турок опорной в войне на Кавказе.

Из Ахалкалаки русские войска могли нанести удар и на Ардаган, и на Ацхур, которые как крепости были более слабыми по сравнению с Ахалцыхской. Однако кавказский наместник стремился в любых условиях войны строго следовать правилу «нападать совокупностью сил на главный пункт». Военный совет единогласно высказал ему поддержку.

Над маршрутом движения в корпусном штабе пришлось «поколдовать». Ахалцыхом следовало овладеть до подхода к нему подкреплений или в крайнем случае опередить их. Поэтому главнокомандующий выбрал хотя и трудный, но кратчайший горный маршрут — вдоль берега Куры, через хребет Цихидж-варе и горы Цхенис-Цкале. К тому же Иван Федорович учел еще и следующее — своим походным движением кавказцы хорошо прикрывали государственную границу.

30-го и 31 июля по избранному маршруту выступили с боевым охранением осадная артиллерия и обозы. 1 августа — главные силы, усилившиеся подошедшими из Грузии резервами. Помощь в 2300 человек при четырех орудиях (отряд генерал-майора По-

пова) подоспела как нельзя кстати. Вышедший раньше всех авангард разрабатывал — улучшал дорогу.

Марш-бросок по извилистой горной дороге с чередующимися крутыми спусками и подъемами потребовал от людей больших усилий. Сплошь и рядом орудия и зарядные ящики перетаскивались вручную, с помощью канатов. Для преодоления круч на каждое осадное орудие выделялось до 200 человек. Для спуска зарядных ящиков к ним сзади привязывались большие сосновые бревна, которые, волочась по земле, притормаживали повозки.

В организации труднейшего горного марша большую роль сыграли офицеры корпусного штаба. Среди них особенно отличился полковник В.Д. Вальховский, занимавший должность обер-квартирмейстера (начальника оперативного отдела). Генерал Н.Н. Муравьев с теплотой вспоминал о его походных трудах:

«Во время следования колонн заботливостью Вальховского присылались к нам описания дорог, по коим нам идти. Точность сих описаний была разительна, и мы всегда знали наперед о каждой канаве, которая могла остановить движение колонны, и брали заблаговременно меры для поправления дороги, знали, где есть корм подножный, вода, где обозы могли строиться в несколько линий или идти поодиночке, где могла быть в теснине продолжительная остановка, во время коей батальоны могли бы не дожидаться в ружье, а расположиться на привал. Словом, все было продумано и приспособлено к порядливому движению войск».

Паскевич-Эриванский старался в походе побывать повсюду сам. Добрым словом он отмечал усердие и неутомимость нижних чинов, распорядительность офицеров, смекалку и находчивость. На войне Иван Федорович старался обращаться с воинами по-суворовски. Он постоянно заботился об их «исправном» продовольствии. На ночлегах смертельно усталых за день людей ждал и сытный ужин с мясом, и водочная порция.

Батальоны и эскадроны, сотни и батареи кавказцев шли через горы навстречу врагу, опасностям и всем смертям с песнями, под полковую музыку. Они несли в себе «чувство славы» и гордость за российское воинство, за боевое товарищество.

Пройдя 55 верст труднейшего пути, войска 3 августа вышли к правому берегу Куры. Здесь их уже поджидала многочисленная вражеская конница, которая в коротком встречном бою была отброшена прочь.

К исходу следующего дня кавказские войска, сойдя с гор, сосредоточились в шести с половиной верстах от Ахалцыха. Начались привычные работы по обустройству осадного лагеря, который сам по себе являлся полевым укреплением.

Утром 4 августа со стороны города послышалась пушечная пальба. Прискакавший со сторожевой заставы казак сообщил: передовые отряды Киос-Мухаммед-паши и Мустафы-паши (преимущественно конное ополчение в 25—27 тысяч человек) входят в Ахалцых. Их и приветствовали стрельбой из пушек.

Для нас это было неприятно, но все же полбеды. Главное состояло в том, что неприятель так и не успел помешать русским выйти из горного массива в речную долину, заблокировав им единственную дорогу.

Усилившись, османы осмелели и совершили нападение на корпусных фуражиров. Оно вылилось в перестрелку, без потерь для кавказцев. Паскевич-Эриванский, однако же, обеспокоился о защите левого фланга осадного лагеря. Ночью один пехотный батальон перешел реку и занял высоту на противоположном берегу. К утру стрелки устроили на ней небольшой окоп и укрылись в нем.

Полководец понимал, что многочисленной коннице невозможно найти достаточно пастбищ под стенами крепости. Кроме того, следовало показать неприятелю, заметно превосходящему нас числом, собственную неустрашимость, стеснить его и улучшить занимаемые позиции. Генерал от инфантерии лично провел рекогносцировку и около восьми часов утра 5 августа войска, построившись в боевой порядок, стали переходить Куру вброд.

Турки решили воспрепятствовать этому. Они начали атаку на левый фланг русских, но неожиданно «споткнулись» о высоту, где засел пехотный батальон. А затем оказались под жестоким артиллерийским огнем и откатились назад.

Кавказцы со всеми мерами предосторожности прошли три версты и расположились на привал, чтобы переждать полуденный зной. Солдаты шли с полной выкладкой. Временный стан окружили густой цепью стрелков, укрывшихся за камнями, выступами скал. Толпы вражеских наездников маячили перед ними, вызывая на бой. Но им отвечали только редкой ружейной стрельбой.

К 16.00 жара стала спадать. Колонны с барабанным боем продолжили движение. Перед ними стояла задача — овладеть горой Таушан-Тапа, господствовавшей над крепостью. Киос-Мухаммед-

паша слыл опытным воителем и потому решил воспрепятствовать такому опасному ходу соперника. Он вывел свои огромные конные полчища навстречу подходившим русским.

Иван Федорович в который уже раз положился в бою на пушкарей.

16 батарейных орудий 20-й и 21-й артиллерийских бригад шли в первой линии. По команде они неожиданно для турок на рысях выскочили на высотки перед атакуемой горой Таушан-Тапа. Там орудийные расчеты разом развернулись и открыли меткий прицельный огонь по вражеской коннице

Та, под залповым огнем, стала разворачиваться назад. Паскевич-Эриванский не медля послал в дело казачьи полки, атаку которых удачно поддержала вынесшаяся вперед донская конная артиллерия. Остроконечная гора Таушан-Тапа и ряд каменистых холмов, лежащих от Ахалцыха на дистанции пушечного выстрела, оказались занятыми кавказцами — подоспевшая пехота закрепила успех лихой атаки казаков-донцов.

К 18.00 по приказу главнокомандующего на новое место военного лагеря начали выдвигаться обозы. Турки попытались их разгромить и заставить русских отказаться от осады. Одновременно на фланги обозов ринулось до 10 тысяч всадников. И ту и другую атаку мужественно державшиеся русские пехотинцы отбили. Тем боем Иван Федорович руководил лично.

Выше всяких похвал, удачно действовали артиллеристы донских казаков. Они быстро меняли позиции и разворачивали орудия, метким картечным огнем помогая пехоте отбивать наскоки вражеской конницы. Сотник Шумков со своим взводом первым выскочил на одну из высот и «действовал из орудий с отличным искусством». Сотник Поляков (однофамилец командира Донской конно-артиллерийской роты) и хорунжий Краснянский, командуя взводами, умело поддержали пехотинцев. Все три казачьих офицера за тот бой были представлены к наградам.

Эскадрон драгун смело контратаковал отряд вражеской конницы. Когда она многократно усилилась, нижегородцы спешились и стали отбиваться от турок ружейным огнем. Так они продержались до подхода помощи. Донские казачьи полки атаковали, имея в своих рядах конные орудийные расчеты.

Бой на равнине перед Ахалцыхом утих только к вечеру. Русские вышли на ближние подступы к крепости, чтобы на следующий день начать ее осаду.

В то время Ахалцых считался в Закавказье крупным, процветающим городом с населением в 50 тысяч человек. Он располагался на левом утесистом берегу реки Посхов-чай, недалеко от впадения ее в Куру. Его оборонительные сооружения состояли из цитадели, собственно крепости — высокой, местами в два яруса, стеной и наружных укреплений. Цитадель господствовала над всей крепостью. В городе имелось много больших крепких каменных домов, в которых могли защищаться от 20 до 100 человек. Поэтому уличные бои обещали быть трудными.

Сама крепость стояла на высоком речном обрыве, с трех сторон окруженная городскими предместьями. Крепостной многоугольник имел длину около 1200 метров и ширину до 800 метров. Он как бы состоял из четырех частей, возвышавшихся одна над другой.

Внешняя защитная линия города состояла из крепкого соснового палисада, соединявшего четыре бастиона и одну башню. Бастионы были сложены из необожженного кирпича, связанного крепкими бревенчатыми перекладинами. В каждом бастионе и в башне стояло в амбразурах по три орудия. Еще по одному стояло в промежутках. Все пушки имели полевые лафеты.

Всего на внешней оборонительной линии размещалось 22 орудия. Крепость с цитаделью имели на вооружении еще 40 пушек. По другим данным, в Ахалцыхе имелось 67 исправных орудий. Гарнизон насчитывал 10 тысяч человек, главным образом местных турок-ополченцев. Прикрывавшие город войска (преимущественно конницы) оценивались в 30 тысяч воинов, имевших примерно 15 полевых орудий.

Подступы к крепости защищались самой природой — многочисленными оврагами и ступенчатым расположением укреплений. Последнее позволяло обстреливать атакующих «трехслойным» пушечным огнем.

Против 13-тысячного русского корпуса турецкое командование имело примерно 40 тысяч конницы и пехоты. Такое соотношение сил заставило Паскевича-Эриванского собрать военный совет и поставить на обсуждение один-единственный вопрос:

— Оставаться ли нам под Ахалцыхом и готовить штурм или отступить через Боржомское ущелье в Грузию и там встречать Киос-пашу?

Мнения командиров, присутствовавших на военном совете, не разошлись. Об отходе в Грузию, к оставшимся там войскам, ник-

то не вел речи. Все высказались только за штурм, скорый и решительный.

По установившейся традиции первым высказался младший по званию. Таковым оказался прапорщик Михаил Пущин, сосланный на Кавказ, как мы уже писали, за причастность к делу декабристов. Он предложил:

— Надобно всею силою пойти в поле и дать там османам крепкий бой. Разбить мы их обязательно разобьем. Огня наших пушкарей враг не терпит, как и штыка инфантерии. А там дело и до городских стен дойдет...

Мнение прапорщика-сапера поддержали полковники Бурцев, Вальховский, Бородин, Раевский, генералы Корольков, Муравьев, князь Вадбольский... О возможном тактическом отходе речи и не вели. Собственно говоря, главнокомандующий и не ждал иного решения военного совета.

Началась «правильная» осада Ахалцыхской крепости. Прежде всего русский лагерь прикрылся линией окопов. Паскевич-Эриванский приказал заложить несколько батарей, чтобы обрушить на крепость шквал артиллерийского огня. Работы велись днем и ночью, под пушечную канонаду турок.

Уже к вечеру 5 августа на горе Таушан-Тапа поднялся редут номер 1 на 200 человек и четыре батарейных орудия. Командиром батареи назначили капитана Бриммера из Кавказской гренадерской артиллерийской бригады. На возвышенности правого берега Посхов-чая встал редут номер 2 на 400 человек и тоже четыре орудия. Командиром редута стал гвардии поручик Череневицкий. Ему поручалась бомбардировка цитадели.

Вскоре из Грузии прибыло долгожданное подкрепление. В ночь того же дня — 7 августа оборонительные работы продолжили. В тылу лагеря, в 500 метрах от него, заложили редут. В 750 метрах, тоже на высоте, выстроили другой — для защиты правого фланга осадного лагеря. При виде таких полевых укреплений у султанских пашей пропало всякое желание вновь атаковать русский стан своей конницей.

Генерал от инфантерии Паскевич-Эриванский сразу же «вычислил» пассивность в действиях неприятеля, думавшего теперь только об усилении защитных сооружений Ахалцыха. У полководца созрел план, которому трудно отказать в безбоязненности и расчетливом риске. Он решил, демонстрируя начало осадных работ, внезапным ночным ударом последовательно разбить многочисленные турецкие войска.

Времени терять не приходилось. На 600 метров впереди редута номер 1 находилась высота с очень крутыми скатами. Здесь в ночь на 8 августа заложили батарею на девять орудий. К утру их уже остановили, причем, как отмечают документы, «ввоз артиллерии на весьма крутую гору должно отнести к особенному усердию нижних чинов». Командиром батареи стал командир 20-й артиллерийской бригады полковник Цвиленев.

Утром следующего дня батарея повела меткий огонь, и без того переполошив османов одним своим видом. Два левофланговых орудия стали расстреливать южные контрапроши неприятеля, два правофланговых — северные высоты. Остальные пять стали бомбардировать приречный крепостной бастион.

Надо отдать должное канонирам полковника Цвиленева. Своим огнем они вынудили турок снять пушки с южных укреплений и поспешно убрать их в укрытия. Видя такой успех, главнокомандующий подкрепил батарею одной мощной осадной мортирой. Из нее «сделано было несколько опытов метания бомб в город».

Начавшийся обстрел ахалцыхских укреплений и самой крепости окончательно ввел в заблуждение султанских военачальников. Теперь единственным их помыслом стало удержание самого города, а не полевое сражение с русскими.

Граф Паскевич-Эриванский торопился. С каждым днем становилось все труднее добывать корм тысячам коней. Разведка донесла, что через несколько дней ожидается прибытие под Ахалцых и мейданского паши с войском в 10 тысяч человек. Иван Федорович решается одним ударом уничтожить оба полевых укрепленных лагеря турок.

РАЗГРОМ ВОЙСК КИОС-МУХАММЕД-ПАШИ

В ночь на 9 августа, соблюдая все меры предосторожности, кавказцы предприняли экспедицию против северных крепостных высот. В ночной бой пошло восемь батальонов пехоты, вся регулярная и иррегулярная кавалерия при 25 конных орудиях. Для прикрытия лагеря с обозами и осадных сооружений оставлялось семь пехотных батальонов и 43 орудия. Войска выступили из лагеря в два часа ночи.

Назначенному отряду предстояло пройти около десяти верст под носом у турецких аванпостов. Нашелся и именитый провод-

ник. Им оказался плененный в Ахалкалаки Мута-бек, совершенно обвороженный ласковым обхождением и щедростью в золотых монетах царского наместника. Чтобы скрыть начальное движение войск, осадные батареи изредка стреляли по крепости.

Казалось, что хорошо продуманный и сохраненный в тайне для противной стороны ночной рейд будет во всем иметь удачу.

Но... Темная ночь, частые подъемы и спуски задержали следование войск. Они не успели под покровом ночи выйти на исходные для атаки позиции. Более того, пехотный полк, находившийся в арьергарде и прикрывавший артиллерийский парк, на целых полчаса сбился с назначенного пути. Уже рассветало, а голова походной колонны прошла всего семь верст, и до первого турецкого лагеря оставалось еще три.

С наступившим рассветом передовые вражеские караулы заметили приближавшегося противника. В лагерях пашей сыграли тревогу. Там не составило большого труда и времени определить малочисленность подступавших кавказцев. Киос-Мухаммед-паша, как старший военачальник султана, решил ударом во фланг смять русский отряд и истребить его. Он видел, что силы «неверных» оказались разделенными на две части.

Скоро высоты по пути следования кавказцев стали покрываться толпами конных турок. В поле выходила даже часть крепостного гарнизона. Так уж получилось, что вместо внезапной атаки лагерей на рассвете русским приходилось принимать сражение в крайне невыгодных для себя условиях в поле.

В характере последующих приказов Паскевич-Эриванский не колебался. Войска быстро стягиваются в один кулак. Чтобы прикрыть их движение, высоты перед дорогой занимаются двумя казачьими полками при четырех орудиях. Правый фланг отряда отдается под защиту двух батальонов егерей, тоже при четырех орудиях. Уже через полчаса отряд занимает более или менее выгодную позицию для надвигающегося боя.

Точность распоряжений главнокомандующего и быстрота их исполнения сделали свое дело. Уже к шести часам утра отряд выстроился в боевой порядок, имея в первой линии на высотах всю артиллерию. Пехота и кавалерия выстроились позади, укрывшись в лощине. Два казачьих полка теперь прикрывали тыл.

К этому же часу до 30 тысяч турецкой конницы и пехоты по тревоге встали под ружье — паши решили атаковать первыми.

Кровопролитный и упорный бой, решавший судьбу Ахалцыха и одноименного пашалыка, завязался.

Сначала густая цепь вражеских стрелков завязала перестрелку с русскими. Их поддержали огнем артиллерия внешних бастионов и полевые орудия.

Вскоре вышедшая из лагерей конница, за которой спешила пехота с конными орудиями, всей своей массой поторопилась перерезать дорогу и стала брать отряд кавказцев в кольцо. Если бы такое удалось, положение русских оказалось бы крайне затруднительным.

Атаки османов следовали одна за другой. В первые минуты баталии особенно трудно пришлось поставленному впереди Херсонскому гренадерскому полку с выделенными ему двумя орудийными расчетами. Лишь «примерное» мужество позволило херсонцам устоять на месте. Киос-Мухаммед-паша бросал против них раз за разом конные лавы, требуя одного — смять и истребить русский пехотный заслон. В таком случае в оборонительных порядках войск Паскевича-Эриванского пробивалась бы смертельная брешь.

Гренадеры-херсонцы, которыми командовал генерал-майор П.В. Попов, оказались почти отрезанными от главных сил. Свернувшись даже не в каре, а в небольшие кучки, они штыками отбивались от наседавших всадников, которые стремились поразить их саблями и ятаганами. Яростные схватки, в которых гренадеры не дрогнули, закончились тем, что турецкая конница отступила, хотя и недалеко.

Видя тяжелейшее положение передового полка, генерал Паскевич отправил ему на подкрепление два пехотных батальона. Их появление на позициях херсонцев только «добавило огня». Теперь конные наскоки на наши позиции отбивались большей частью не штыками, а ружейными залпами и картечью.

В этом сражении была минута, когда турки могли одержать верх. Посланная одной из бастионных пушек граната подорвала в егерском каре зарядный ящик. Страшный силы взрыв разметал ряды стрелков, и, воспользовавшись этим, османы ринулись на высоту с неистовыми криками. Их удалось остановить, а затем и отбросить прочь только беглым орудийным огнем картечью.

Пока пехотные батальоны с трех сторон стойко отражали натиск неприятельской конницы, сковав ее усилия, Паскевич-Эриванский стал вводить в дело кавалерию. Эскадроны и сотни выводились вперед пехоты против левого неприятельского фланга, удаленного от крепости. Иван Федорович старался «увлечь» сюда

как можно больше вражеских сил. Паши поймались на его уловку, отправив сюда большую часть своей конницы, которая начала там делать «предерзкие» атаки.

Русская же конница на просторе стала наводить турок под картечный огонь батарейных орудий. Делалось это так: кавалеристы совершали лихой набег на конницу турок, «задирались» с ними и через минуту-другую обращались в бегство к своим. Неприятель мчался во весь конский мах вдогонку и попадал неожиданно под залп пушек Кавказской гренадерской бригады, огнем которых руководил генерал-майор Я.Я. Гилленшмидт, и донских конных орудий. Первый же залп заставлял конную лаву поворачивать вспять.

Султанские паши так и не смогли разгадать таких ходов русских. Они продолжали перебрасывать на дальний от крепости участок поля брани все новые и новые конные тысячи. В итоге турецкое войско незаметно для себя растянулось верст на 10, потеряв прежнюю стойкость и сделавшись трудноуправляемым.

Кавказский наместник добился желаемого. Беспрерывные атаки и начавшийся полуденный зной истомили неприятеля. Половина же русской пехоты, находясь в резерве, отдыхала. А кавалерийские подразделения, завлекавшие турок под артиллерийские залпы, участвовали в деле по очереди, атакуя конного неприятеля только небольшими силами.

По сделанному еще до боя распоряжению часть русских войск около четырех часов дня вышла из осадного лагеря и без помех двинулась на крепость. Пехотные батальоны выдвигались к вражеским укреплениям с северной стороны. С началом там все усиливающейся стрельбы и начался перелом в ходе сражения под стенами Ахалцыха.

Из оборонительного положения войска Паскевича-Эриванского тотчас перешли в наступательное. Два батальона 42-го егерского полка, поддержанные огнем 14 орудиями подпоручика Богдановича, пошли в атаку. Удар наносился по шанцам, прикрывавшим правое неприятельское крыло. Вторую волну атакующих составили два батальона Ширванского пехотного полка.

Остальная пехота и кавалерия составили особую колонну, устремившуюся на штурм турецких военных лагерей. Пока эта колонна выстраивалась, егеря и ширванцы уже пошли вперед.

Когда до вражеских окопов оставалось метров 170, на линию стрельбы прямой наводкой вынеслись расчеты четырех донских конных орудий под командованием есаула Зубкова. Быстро раз-

вернувшись, они накрыли вражеские шанцы метким огнем картечи. Под прикрытием орудийных выстрелов егеря дружно пошли на штурм полевых укреплений, которые издали казались или брошенными, или слабо защищенными.

Турки, подпустив атакующих на самое близкое расстояние, внезапно поднялись из окопов и открыли столь губительную ружейную стрельбу. Егерские батальоны были вынуждены остановиться. Шедший во главе их генерал Корольков был сражен в числе первых двумя пулями. Разразившийся в эту минуту сильный ливень, с грозой и молниями, усилил замешательство в русских рядах.

Видя такое, османы с саблями и кинжалами в руках высыпали из лагерных укреплений и напали на егерей, которые начали отбиваться штыками и прикладами. Им бы пришлось плохо, не подоспей к ним в трудный миг бегом ширванцы во главе с их бесстрашным полковником Бородиным.

Он хорошо видел поле боя, и его стрелки в грозном порядке обошли сражавшихся егерей справа и со всей яростью ворвались на штыках на ближайший (крайний) бастион. Турки сразу же пришли в замешательство и начали отступать, оставив русским укрепление, шанцы и четырехорудийную батарею.

После этого пешие османы (почти вся их конница оказалась далеко от места этих событий) стали оставлять одно за другим укрепления походных лагерей. Егеря и ширванцы преследовали их до самого городского палисада. Победа их здесь была полной. Атака 42-го егерского и Ширванского пехотного полков длилась считанные минуты.

На месте боя осталось более 500 убитых пеших османов. В ходе бегства знаменосцы бросили семь стягов, которые стали почетными трофеями атакующих.

Видя полный успех первой атаки, Паскевич-Эриванский приказал тотчас идти вперед кавалерийской колонне. Казаки и конная кавказская милиция на плечах бегущих ворвалась в походные лагеря турок. Успех закрепили драгуны и уланы.

Смятых и рассеянных турок гнали прочь от Ахалцыха на протяжении 12 верст. Сопротивления они не оказывали, отдавшись на волю судьбы. Лишь поздняя ночь, горные тропы и окрестные леса спасли тысячные толпы беглецов от уничтожения или пленения. Остатки султанских войск, участвовавших в полевом сражении, числом до пяти тысяч, успели укрыться в крепости. Среди них оказался и сам Киос-Мухаммед-паша, раненный в ногу. Ахал-

цыхский гарнизон, усилившийся численно, затворив все ворота, стал ждать скорого штурма.

Победа получилась «совершенная». В руки русских попало 10 полевых орудий, столько же знамен, два укрепленных военных лагеря, транспорты с продовольствием и артиллерийскими снарядами. Всего в тот день неприятель потерял 1700 человек убитыми и ранеными. Число бежавших с поля боя исчислялось примерно в 20 тысяч человек. Не скоро султанским чиновникам удалось вновь собрать местных мусульманских ополченцев в воинские отряды.

Кавказские войска 9 августа потеряли храброго генерала Николая Васильевича Королькова. Из строя выбыло 31 штаб- и обер-офицеров, 350 нижних чинов. Было подбито одно орудие и взорван один зарядный ящик. Артиллеристы потеряли 60 лошадей.

На следующий день Паскевич-Эриванский отправил в крепость пленного Мута-бека. Гарнизону предлагалось сдаться. В противном случае его ожидали все ужасы штурма. Затворившиеся в крепости паши гордо отвечали:

— Будем драться до последней крайности и умрем с оружием всем гарнизоном под развалинами жилищ...

Такой ответ объяснялся весьма просто. За крепостными стенами засел 10-тысячный (по другим сведениям — 15-тысячный) гарнизон, еще сохранявший высокий боевой дух.

Напомним, что русский корпус насчитывал примерно 13 тысяч человек при 70 орудиях, из которых осадными были лишь 12. В сложившейся ситуации царский наместник понял, что только быстрота действий сможет склонить победную чашу весов в нашу сторону. Уже вечером 9 августа он приказывает обратить против крепости захваченные шанцы. Они располагались на высоте, господствовавшей над городом. Эта позиция и стала ключевой для всех последующих осадных работ.

Утром следующего дня батареи открыли огонь по крепости. Та не отвечала. Сильная канонада за день причинила большие разрушения в городе. Жители стали просить Киос-Мухаммед-пашу начать переговоры с русскими. Тот, принявший на себя командование защитой Ахалцыха, ответил депутации его жителей известной восточной фразой:

— Пусть сабля решит дело...

Однако паша убоялся восстания в городе. Он приказал обезоружить всех находившихся за стенами крепости горожан — грузин, армян и вообще христиан.

Почти пять суток подряд осадные батареи вместе с трофейными пушками бомбардировали крепость. Когда турки пробовали отвечать, то их орудия быстро сбивались прицельным огнем.

Осажденный гарнизон 12 августа вторично получил предложение капитулировать. И вновь последовал категорический отказ.

Паскевичу-Эриванскому приходилось торопиться: в действующем Отдельном корпусе стала ощущаться нехватка артиллерийских боеприпасов, провианта и фуража. Стали поступать сведения о выдвижении из Эрзерума больших неприятельских сил, идущих на помощь осажденной Ахалцыхской крепости.

ШТУРМ. ШИРВАНСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

Штурм Ахалцыха назначили на 15 августа — на день Успения Пресвятой Богородицы. Это был полковой праздник Ширванского пехотного полка. Ему предстояло брать ключевую позицию в обороне Ахалцыха — северный бастион.

В целях обеспечения тактической внезапности принимается решение начать приступ не на рассвете, а во второй половине дня — в 16 часов. И тем самым усыпить бдительность турок и «приучить их равнодушнее смотреть на дневные передвижения» — приказано было в течение трех последних дней перед штурмом регулярно производить в этот час смену рабочих команд и пехотного прикрытия на всех осадных батареях.

Тем временем артиллерийские позиции пододвинулись к северному бастиону на расстояние примерно в 300 метров. Меткий орудийный огонь сгонял турок с бастионов, заставляя их прятать в укрытия пушки. Сложнее всего обстояло дело с разрушением палисада. 12-фунтовые ядра пробивали сосновые бревна только насквозь, а 24-фунтовые редко ломали их. Палисад удалось разрушить только в нескольких местах.

...Генерал-адъютант граф Паскевич-Эриванский объехал ширванцев, построившихся по случаю их полкового праздника, и остановился в центре полкового строя. Он обратился к солдатам со словами, близкими и понятными ветеранам кавказских войн:

— Дарю, молодцы, вам эту крепость: идите и берите ее!..

Ровно в 16.00 грянули залпы со всех осадных батарей, возвестившие о начале штурма. Как по команде вперед устремились заранее выстроившиеся атакующие колонны. Привыкший к ежедневной до

этого предвечернего времени смене людей на батарейных позициях, неприятель никак не ожидал решающего приступа.

Командир Ширванского пехотного полка полковник Бородин, ставший георгиевским кавалером еще в Бородинском сражении, выехал вперед на сером коне. Его подчиненные любили подшучивать по поводу созвучия его фамилии и знаменитой битвы Отечественной войны 1812 года. Полковник скомандовал:

— Песельники, вперед!..

Ширванцы браво двинулись на штурм. Впереди Бородин. Немного позади него — батальонный командир, потом два знаменщика, около них группа офицеров с саблями наголо. За ними шел поющий хор полковых песенников. Затем первый батальон во взводных колоннах. Далее — полковые музыканты. Следом шел второй пехотный батальон, рота саперов, кативших туры, и, наконец, два орудийных расчета Донской казачьей батареи есаула Зубкова, другая приданная колонне артиллерия.

Песенники во весь голос выводили: «Ой, во поле липонька стояла...» Стрелки дружно подхватывали песню. Им вторил полковой оркестр: рожки, бубны, барабаны, тарелки.

Песня оборвалась на словах: «Выгоняйте вы скотину на широкую равнину...» Из бастиона начался беспорядочный, все усиливающийся ружейный огонь. Но остановить натиск русских пехотинцев обороняющимся не удалось: цепь из 200 «застрельщиков» и нескольких офицеров-добровольцев находилась уже метрах в 50 от бастиона.

Ширванцы дружно ринулись в проделанный в палисаде пролом. С криками «ура» они перескакивали через ров и неудержимо полезли на осыпавшиеся стены полуразрушенного артиллерийским огнем бастиона. Турки яростно отбивались холодным оружием, стреляли в упор из пистолетов.

Первым взобрался на бастион барабанщик Иван Головченко. Окруженный со всех сторон турками, храбрый солдат стал отбивать на барабане сигнал «тревоги», приводя их в изумление. Этим незамедлительно воспользовались его товарищи, густо полезшие на бастион.

Пока «застрельщики» во главе с майором Рыдзевским очищали бастион от его защитников, прапорщик Пушин с саперной командой рубил палисад. Когда пионеры проделали проход сквозь частокол из огромных бревен, северный бастион уже был взят ценой гибели офицера и 20 нижних чинов. Раненых оказалось в несколько раз больше.

В пролом теперь устремилась вся штурмовая колонна. Саперы перекатили через ров туры и стали перетаскивать орудия и зарядные ящики. В крепости уже началось общее смятение. Расширяя фронт атаки, полковой командир направил первый батальон подполковника Юдина вправо, второй батальон подполковника Овечкина — влево. Густая цепь «застрельщиков» развернулась теперь в центре боевого порядка ширванцев.

Теперь прямо перед ними на открытой возвышенности стояла древняя армянская церковь. Под ее мощными сводами укрывалось во время бомбардировок до полутысячи турецких воинов. Они опоздали оказать помощь защитникам бастиона, но зато теперь встретили русских стрелков яростной контратакой. К месту пролома в крепостной ограде спешили и другие гарнизонные отряды.

«Застрельщики» бесстрашно отбили сильную атаку турок, которые превосходили их числом более чем в два раза. Однако ряды их заметно уменьшились. В рукопашной схватке погиб и командовавший ими майор Рыдзевский.

Видя такое дело, подполковник Юдин перестроил свой батальон в ротные колонны и нанес удачный штыковой удар вправо. Тем временем командир полка самолично поднял «застрельщиков» в атаку и потеснил огромную кричащую толпу турок до армянской церкви. Некоторые из отчаянных стрелков даже взобрались на плоскую крышу храма, но их сбросили оттуда.

Будучи не в состоянии выбить засевших в церкви, ширванцы залегли на кладбище, укрывшись за надгробными памятниками. Завязалась перестрелка. В это время саперам и артиллеристам удалось перенести на руках через брешь в палисаде два легких орудия.

Услышав за спиной первый пушечный выстрел, ширванцы без всякой на то команды снова ударили в штыки. Однако засевшие в церкви продолжали упорно отбиваться. Атакующие несли большие потери. Погиб полковой командир полковник Бородин, некогда бывший адъютантом Паскевича-Эриванского, любимый им за необыкновенное мужество. Тяжело ранили подполковника Овечкина. Один за другим выбыли из строя почти все офицеры Ширванского полка.

К северному бастиону из различных уголков крепости Киос-Мухаммед-паша все подбрасывал новые и новые силы. В такой критической ситуации командование ширванцами принял полков-

ник Бурцев. Он приказал им любой ценой удержать армянское кладбище. Ему пришлось начальствовать и саперами, возводившими ложементы, ибо в пионерском батальоне в строю тоже почти не осталось офицеров. Тяжелое пулевое ранение в грудь получил расторопный прапорщик Пущин, сумевший так быстро «разделаться» с палисадом.

Бывалые кавказские саперы, выкатывая вперед сплетенные из ветвей туры, под огнем врага засыпали их землей и камнями и возводили ложементы. Рядом готовились орудийные площадки. Около 18 часов вечера внутри крепостной ограды возникло полевое укрепление, фронтом против гарнизона. Наконец-то ширванцы смогли хорошо укрыться от ружейного и пушечного огня неприятеля.

Вскоре донцы-артиллеристы сумели подвезти сюда пять орудий батареи есаула Зубкова. Казачий офицер почти сразу же получил сильную контузию. Приказав положить себя на бурку, он лежа руководил огнем батареи. Вслед за тем поручик Крупенников поставил на бруствер шесть кегорновых мортирок. Теперь ширванцам совсем стало легко отбивать беспрерывные атаки турок...

Пока шел ожесточенный бой между северным бастионом и армянской церквью, осадные батареи продолжали громить крепость. Главнокомандующий приказал держать вражеский гарнизон в напряжении, в готовности отразить приступ с любой стороны. Около 19 часов в городе вспыхнул пожар, который жителям потушить не удалось.

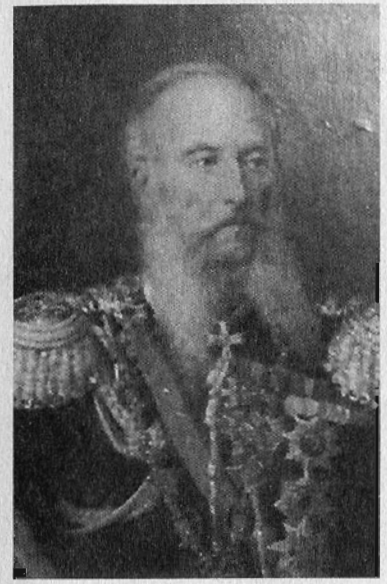
Наступившие сумерки застали штурмующих не в особенно выгодном положении. Небольшой участок захваченной за палисадом территории крепости не позволял значительно нарастить здесь силы да и добавить легких орудий. Все же энергичному Бурцеву удалось закрепить первоначальный успех. Ширванцы, ведомые им в новую атаку, наконец-то выбили османов из христианского храма. После этого стрелки сразу же ввязались в уличные бои.

Теперь их натиск поддерживало уже семь орудий. Четыре из них установили на крышах домов. Один горный единорог вместе с кегорновыми мортирками стрелял с плоской крыши отбитой церкви. Две трофейные пушки разместили за внутренним бруствером.

Дела у ширванцев пошли веселее. Кавказские стрелки, привыкшие действовать в рассыпном строю и вести бой в горных аулах, не растерялись ночью в незнакомом городе. Паскевич-Эриванский знал, кого первым посылать на приступ Ахалцыхской крепости.

Князь А.М. Дондуков-Корсаков,
командир Нижегородского драгунского полка

Князь Илья Орбелиани



Генерал-адъютант
граф П.Х. Граббе

Генерал-лейтенант
А.А. Вельяминов

Генерал-адъютант князь
М.З. Аргутинский-Долгоруков

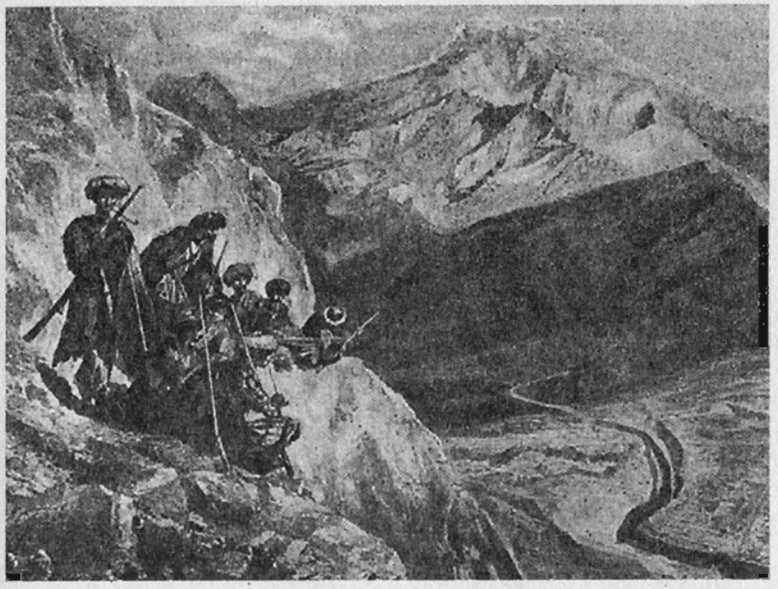
Генерал-лейтенант
Н.Н. Раевский (сын)

Генерал-майор Я.П. Бакланов

Барон Г.Х. Засс

Генерал-адъютант А.И. Нейдгард

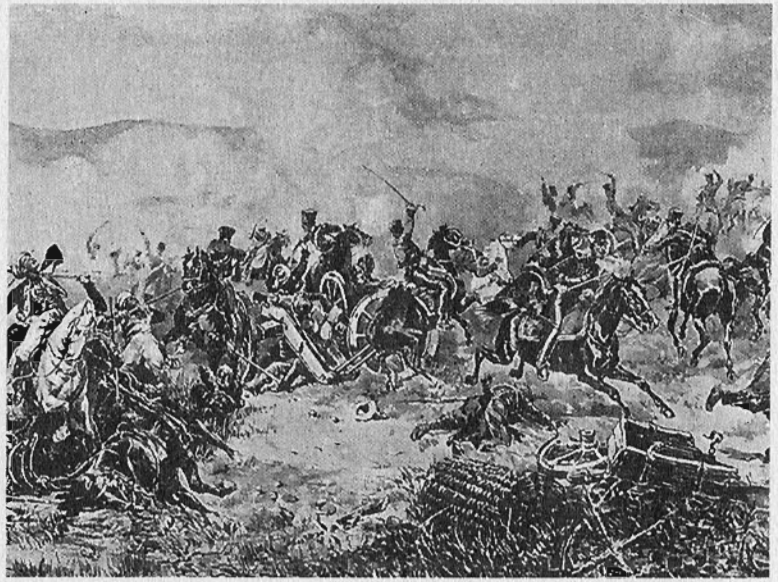
Генерал-лейтенант
граф Н.И. Евдокимов



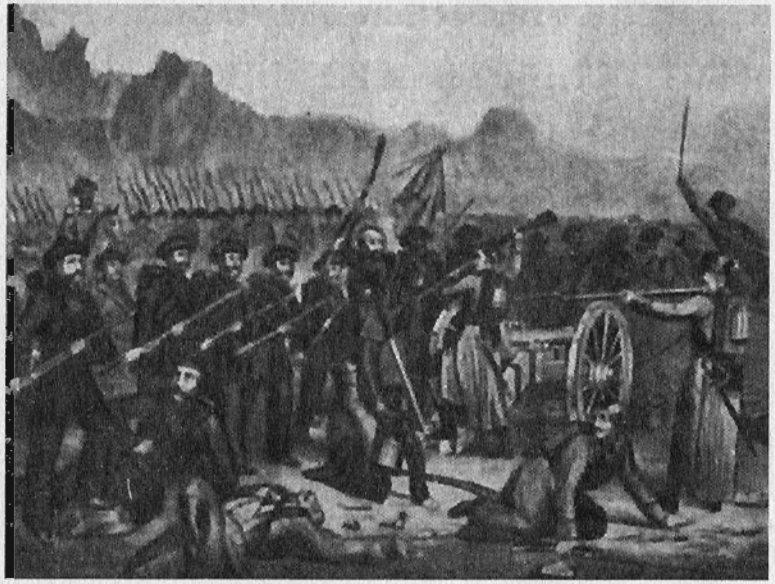
Дагестан. Гора Тилитль. Аул Холоти

Горец, совершающий молитву

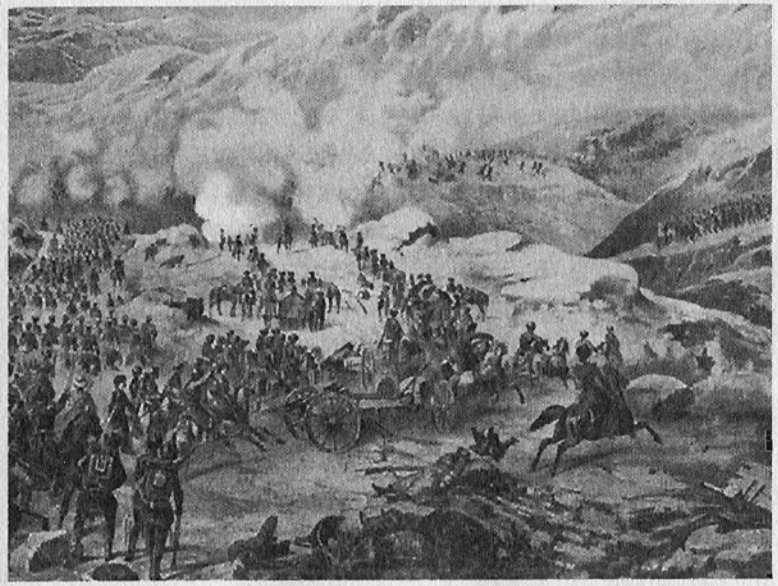
Дагестанские лезгины —
продавцы тканей



Башкадыклар. Атака русской кавалерии



Схватка у красной пушки султана



Башкадыкларское сражение

Эпизод сражения под Ахалцыхом

Князь В.О. Бебутов

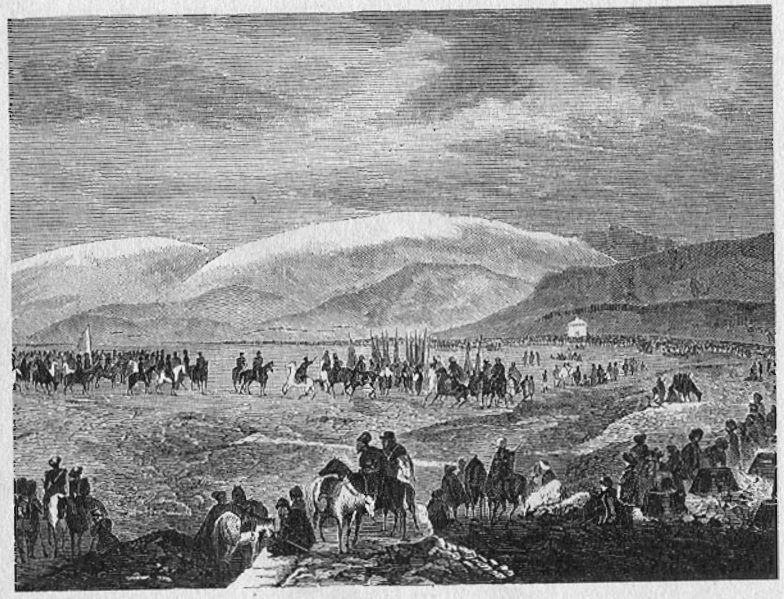
Князь И.М. Андроников

Князья Я.И. Чавчавадзе и И.К. Багратион-Мухранский

Английский генерал Виллиамс

Керим-паша

Омер-паша

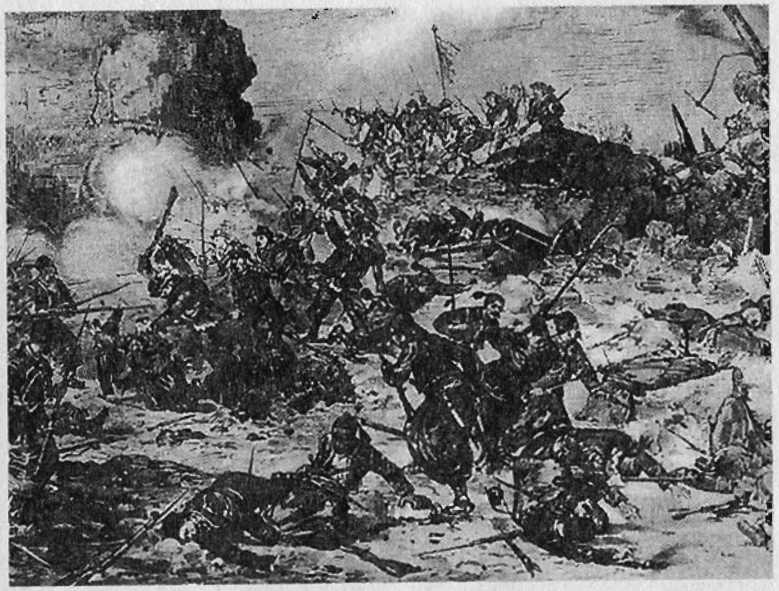


Капитуляция крепости Карс

Султан Абдул-Меджид

Князь М.С. Воронцов

Взятие форта Карадаг



Штурм крепости Ардаган

Подписание мирного договора с Турцией

Драгуны на штурме аула Кутиши

Возвращение из набега

Схватка нижегородских драгун с кабардинцами

Переноска раненых в горах

Поручик Гребенского казачьего полка Федюшкин и его жена

Он, держа нити управления штурмом в своих руках, нашел возможность усилить пехотинцев Бурцева батальоном Херсонского гренадерского полка.

Вслед за ним по приказу полководца в город правее бреши ворвался батальон 42-го егерского полка с четырьмя полевыми орудиями. Убийственный огонь осажденных выбил в нем почти всех офицеров. Егерям приходилось с бою брать почти каждый каменный дом.

Тогда Паскевич-Эриванский велел ручными гранатами забрасывать окошки таких зданий и дымоходы. Чтобы выкурить турок из домов, в ход пошли подожженные связки сена и соломы. Ветер разнес огонь по южному и западному предместьям. Турки начали отступать из городских кварталов в цитадель, уже не в силах удерживать внешние укрепления крепости.

В ходе шедшего всю ночь ожесточенного боя, когда горели целые городские кварталы, русские солдаты делали все возможное, чтобы спасти от гибели мирных жителей. Очевидец штурма Э.В. Бриммер в воспоминаниях писал:

«Много армян с семействами и с возможным к переноске имуществом старались во время штурма перейти к нашим войскам. Их толпами отправляли на гору, поручая отвод одному, двум или трем солдатам... Я видел, что эти конвойные не только добросовестно провожали их, но многие несли, при ружье, еще тех маленьких детей на руках, которые не могли поспевать».

Впрочем, не только армяне и грузины искали спасения во время штурма Ахалцыха в стане русского войска, но и турецкие семьи. Декабрист Петр Бестужев свидетельствует: «Толпы спасенных женщин и детей с воплями и рыданиями влачились к стороне лагеря...»

Ровно в полночь рота эриванских карабинеров при поддержке двух орудий донских казаков овладела северо-восточным бастионом. Турки теперь отовсюду отступали к цитадели. Еще задолго до рассвета Грузинский гренадерский полк занял последний из остававшихся в руках неприятеля восточный бастион и примыкавшие к нему городские кварталы.

Русским солдатам удалось перехватить несколько фанатиков, пытавшихся пробраться в армянскую церковь с горящими факелами. Там, в подвалах, гарнизон хранил запасы пороха.

Перед восходом солнца Киос-Мухаммед-паша выслал из цитадели для переговоров начальника янычар и муфтия. Они стали

выпрашивать пять дней перемирия. Граф Эриванский дал на размышления пять часов. Вторичная депутация просила дать гарнизону возможность беспрепятственно покинуть Ахалцых и уйти в Турцию. Полководец на это согласился, желая избежать лишнего кровопролития при штурме «верхней крепости». Но при условии сдачи всего оружия и казенного имущества почти четырех тысяч турок, укрывшихся в цитадели. В полтора-два раза больше турок уже бежало из города ночью.

В восемь часов утра 16 августа 1828 года над башней Ахалцыхской цитадели взвилось боевое Георгиевское знамя славного Ширванского пехотного полка. Эта крепость Оттоманской Турции за 250 лет (!) своего существования еще никому не покорялась.

Под барабанную дробь кавказцы вступили в цитадель. В первых рядах ехал генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич-Эриванский. В городе еще дымились руины уничтоженных ночным пожаром городских кварталов. Всюду виделись страшные следы бомбардировки крепости.

Турецкая артиллерия почти вся оказалась разбитой — или сброшена разрывами бомб со стен, или стояла с разбитыми лафетами. В цитадели Ивану Федоровичу показали «наглядность» меткости русских пушкарей и силы их орудий: выстроенный в укромном месте пороховой погреб имел три бревенчатых потолка. И все их пробила бомба. Лишь случайность помешала мощному взрыву.

Потери султанских войск при штурме Ахалцыхской крепости составили около пяти тысяч человек. Между убитыми нашли до сотни переодетых женщин с вычерненными лицами, бившихся в рядах осажденных. Потери среди вражеских артиллеристов составили больше семи восьмых их численности.

Трофеями стали 66 орудий, большие запасы пороха и личное оружие многотысячного гарнизона. Победителям достались 52 знамени и 5 бунчуков.

Потери участников праздничного штурма составили убитыми и ранеными 62 штаб- и обер-офицера и 557 нижних чинов. Самый большой урон понес Ширванский пехотный полк: он потерял четвертую часть своего состава.

Кавказский главнокомандующий по традиции объезжал войска и благодарил воинов за одержанную победу. Обращаясь к храбрым ширванцам, Паскевич-Эриванский спросил их:

— Много ли вас осталось, братцы?

Из рядов стрелков ему за всех ответил барабанщик рядовой Иван Головченко:

— Штурма на два еще достанет, ваше сиятельство!

После смотра наместник Кавказа лично пригласил всех солдат и офицеров полка, отличившихся в день своего праздника, на обед. Поднимая тост за победу, Иван Федорович сказал:

— Я горжусь ею, поскольку она сближает меня с вами, славные ширванцы!..

С рапортом о взятии крепости Ахалцых отправили одного из наиболее отличившихся офицеров — подпоручика-артиллериста Кавказской гренадерской бригады Марковича. В Санкт-Петербурге по достоинству оценили «предусмотрительность» царского наместника при подготовке штурма османской твердыни.

Государь наградил графа Эриванского орденом Святого Андрея Первозванного и назначил его шефом Ширванского пехотного полка, который отныне должен был носить его имя.

Штурм Ахалцыхской крепости в военной биографии будущего генерал-фельдмаршала стал одним из самых замечательных дел.

НОВЫЕ ПОБЕДЫ КАВКАЗЦЕВ

Полководец до конца года провел еще несколько успешных операций. 17 августа сдалась крепость Ацхур, затворявшая с юга Боржомское ущелье. Здесь взяли 14 пушек, шесть знамен и около 300 пудов пороха.

Затем русские войска заняли город-крепость Ардаган, стоящий на важном перекрестке горных дорог, захватив в нем 31 орудие.

Успех главных сил действующего Отдельного Кавказского корпуса во многом предопределил победы и в других местах.

С окончанием летней кампании 1828 года и приближением холодов главнокомандующий побеспокоился о левом фланге развернутого против Турции корпуса. Здесь, на востоке Армянской области, действовал отряд под начальством князя генерал-майора А.Г. Чавчавадзе, имевшего 1400 человек пехоты, две сотни казаков и четыре сотни конных ополченцев-азербайджанцев и армян при шести орудиях. Отряд предназначался для наступления в граничащем с Эриванью Баязетском пашалыке, населенном преимущественно армянами. Они втайне «благоприятствовали» русским.

Здесь, в отличие от пашей Карса и Ахалцыха, местный Балюль-паша колебался: начинать или не начинать военные действия? Этим и воспользовался генерал Чавчавадзе. Совершив быстрый марш-бросок, русский отряд 27 августа внезапно оказался перед стенами Баязета. На следующий день после небольшой канонады губернатор с гарнизоном, имевшим вдвое больше пушек, сдался. Спустя несколько дней отряд овладел еще и крепостями Топрах-Кале и Диадин.

Ободренный успехом, Чавчавадзе двинулся дальше по Алашкертской долине. На левом берегу Евфрата, всего в 90 верстах от Эрзерума, стали развеваться знамена России. Однако вместо благодарности князю наместник чуть было не предал его военному суду за «своевольство». Злые языки говорили разное по такому поводу. Но можно свидетельствовать одно: небольшой отряд Чавчавадзе мог оказаться совершенно отрезанным от главных сил, уходивших к тому же на главные квартиры.

Более того, эрзерумский сераскир попытался вытеснить русских из крепости Топрах-Кале. Однако у Паскевича-Эриванского нелегко было отнять завоеванное. К тому времени персидский долг России в счет контрибуции значительно уменьшился. Посему наместник на Кавказе уменьшил число русских войск в Северной Персии. Высвободившиеся войска он направил в Баязетский пашалык.

Приближалась зима, всегда суровая в горах. Кампания 1828 года успешно заканчивалась. Русские войска овладели Карским, Ахалцыхским и большей частью Баязетского пашалыков. Воины-кавказцы взяли шесть крепостей и три укрепленных замка, захватив при этом около восьми тысяч пленных, 313 орудий и 195 знамен и 11 бунчуков.

Потери Отдельного Кавказского корпуса составили 3200 человек: убитыми, ранеными и главным образом от чумы и других болезней.

Боевые действия прервались с наступлением зимы — в конце октября. На завоеванной у турок территории в крепостях оставлялись сильные гарнизоны — 15 батальонов пехоты, четыре казачьих полка и три роты артиллерии. Остальные войска отошли в Грузию...

Блистательные победы русского оружия за Кавказским хребтом разительно отличались от дел 2-й действующей армии, пока безуспешно осаждавшей в Болгарии крепости Шумлу и Варну. Боевые донесения Паскевича-Эриванского Императору Николаю I,

его приказы по кавказским войскам с восторгом читались по всей России. Воинов Отдельного корпуса сравнивали с суворовскими чудо-богатырями.

Находившийся в то время на Кавказе Александр Сергеевич Пушкин присутствовал на празднике в честь взятия крепости Эривань. И возможно, был рядом с Иваном Федоровичем, объезжавшим русский строй после падения Ахалцыха. Не случайно великий поэт России написал следующие памятные строки:

Видали ль в Персии Ширванский полк?
.....
Уж люди! Мелочь, старички кривые,
А в деле всяк из них, что в стае волк —
Все с ревом так и лезут в бой кровавый.
Ширванский полк могу сравнить с октавой.

Известный публицист Булгарин писал из Санкт-Петербурга А.С. Грибоедову в Персию:

«Повсюду пьют за здоровье Эриванского, портреты его у всех. Я еще не помню, чтобы который-нибудь из русских генералов дожил до такой славы. Энтузиазм к нему простирается до невероятной степени. В столице против него нет ни одного голоса... Одним словом, герой нынешней войны, наш Ахилл — Паскевич-Эриванский».

Успехи русского оружия в Азиатской Турции вызвали переполох в Стамбуле и сильное негодование султана. Эрзерумский сераскир Галиб-паша и Киос-Мухаммед-паша лишаются постов и ссылаются в отдаленные пашалыки. Звание сераскира получает паша Гаджи-Салех Мейданский, который наделяется неограниченными правами. Главнокомандующим назначается Гаккипаша Сивазский.

Им выделяются зачительные средства для одной-единственной цели — вернуть Блистательной Порте потерянные пашалыки. В ближних и дальних приграничных землях объявляется поголовное вооружение. Новый сераскир думал таким путем иметь к весне до 200 тысяч человек под ружьем и 136 орудий. Гаджи-Салех-паша усиленно укрепляет Эрзерумскую крепость.

Султан требовал отвоевать крепость Ахалцых. Он обещал Ахмад-беку Аджарскому, влиятельнейшему феодалу в Ахалцыхском пашалыке, титул трехбунчужного паши, звание правителя этой области и богатую денежную награду за исполнение столь трудного предприятия.

ПОПЫТКИ ОСМАНОВ ВЕРНУТЬ ПОТЕРЯННОЕ

...Русское командование всю зиму готовилось к кампании 1829 года. На укомплектование Отдельного Кавказского корпуса назначается 20 тысяч рекрутов. Однако новобранцы могли прибыть в Тифлис не ранее апреля, а ведь их еще требовалось обмундировать и обучить. Так что возобновлять боевые действия приходилось с небольшими, в сравнении с противником, действующими силами.

Сераскир Армении и Анатолии задумал вернуть не только утерянное, но и перенести войну во владения России — Карталинию, Гурию, Мингрелию и Имеретию. Грузинским землям в который уже раз грозило опустошительное нашествие турок-осман.

Паскевич-Эриванский, в свою очередь, намечал развернуть наступление на Эрзерум, взять его и пойти дальше — на Сивас, отстоящий западнее на 350 верст. Тем самым азиатские провинции Оттоманской Порты раскалывались пополам. Перерезалось сообщение ее столицы с Багдадом. И выполнялся начертанный ранее план на войну.

Кавказскому наместнику пришлось искать пути пополнения людьми вверенных ему войск. Он постарался привлечь к себе куртинцев, составлявших в султанской армии большую часть иррегулярной конницы. Переговоры велись через пленных пашей, находившихся в Тифлисе. Ряд курдских племенных старшин и мушский паша охотно приняли предложение служить России. Последний просил денежной субсидии и сохранения за собой звания паши — генерал-губернатора Муша.

К нему с тайным поручением от наместника под видом армянского купца выехал капитан Вочнадзе. Султанский сановник принял предложение русского главнокомандующего набрать 12 тысяч конницы при условии ежемесячной выплаты ей 10 тысяч червонцев. Такое соглашение обеспечивало безопасность левого крыла границы с Турцией.

Кроме того, по распоряжению Паскевича-Эриванского в закавказских провинциях для усиления «действующего отряда» из добровольцев формируется четыре 5-сотенных полка азербайджанской конницы, два армянских полубатальона (в Эривани и Нахичевани) и еще один батальон из баязетских армян.

Попытка же наместника на Кавказе создать 5-тысячное «земское ополчение» в Восточной Грузии — в отличие от местной временной милиции — вызвала серьезный ропот среди простого люда. Прошел слух, что в Грузии вводится рекрутская повинность и берут в солдаты на двадцать пять лет.

Крестьяне решительно заявили о готовности поголовно вступить в ряды ополчения и защищать свои дома от скорого нашествия османов, как это было при грузинских царях. Но они требовали гарантий возвращения ополченцев к домашнему очагу после окончания войны.

Пришлось отказаться от идеи создания грузинского «земского ополчения». Оставалась милиция — конная и пешая, которую местные князья набирали из добровольцев, прежде всего дворян и их крестьян.

Пока шли приготовления к новой военной кампании, пришло тревожное сообщение из Персии. В Тегеране «чернь истребила» российскую миссию. Русский посол Александр Сергеевич Грибоедов, который, как мы писали ранее, приходился родственником жены Ивана Федоровича, вместе с казаками охраны отбивались до последнего. Писатель как будто предчувствовал свой конец и, отправляясь в столицу побежденной страны, говорил друзьям: «Там моя могила! Чувствую, что не увижу более России...»

За убийцами-фанатиками стояли шахский двор и английские посланники. Запахло новой войной с Персией. Однако шах быстро осознал всю опасность нового вооруженного столкновения с Россией и поспешил уладить отношения с Санкт-Петербургом. Это соответствовало и планам Императора Николая I.

Даже после всех стараний Паскевич-Эриванский весной 1829 года мог отрядить в действующие силы из почти 50-тысячного Отдельного корпуса всего лишь 11 800 штыков и 3800 сабель при 70 полевых орудиях, только 19 пехотных батальонов и восемь кавалерийских и казачьих полков. Всего около 17—18 тысяч человек. Остальные войска оставались разбросанными небольшими отрядами для защиты Грузии, Черноморского побережья, на Кавказской линии, несли гарнизонную службу.

С началом весны наместник прежде всего предпринимает меры для защиты Грузии. Он перекрывает отрядом полковника Бурцева Боржомское ущелье. Затем добавляет к нему отряд генерал-майора Муравьева. Все прочие проходы через ущелья занимаются дружинами и сотнями грузинской милиции. Распускается слух, что сам главнокомандующий намеревается прибыть к Ахалцыху.

Однако первыми перешли в наступление турки. Ахмад-бек торопился исполнить волю султана. 20 февраля до пяти тысяч регулярной пехоты и 15 тысяч ополченцев при шести полевых орудиях через горные перевалы вышли к Ахалцыху.

Русский гарнизон крепости насчитывал всего 1164 человека пехоты, три орудия и несколько трофейных полевых пушек. Начальствовал над гарнизоном генерал-майор князь В.О. Бебутов. Ночной штурм крепости был успешно отбит. Свою неудачу османы выместили на христианском населении городских предместий, вырезав его. Однако положение Ахалцыха оставалось серьезным. Двенадцать дней шла осада с бомбардировкой крепости и попытками лишить русских воды.

Ахмад-бек прикрылся 3-тысячным отрядом со стороны Боржомского ущелья и сумел перехватить гонцов Бебутова в Тифлис. Там долгое время не знали о беде.

Все предложения османов о капитуляции русский гарнизон отверг. Более того, на рассвете 4 марта он совершил неожиданную дерзкую вылазку и разгромил неприятеля, обратив его в бегство.

В тот же день на помощь защитникам Ахалцыхской крепости подошел отряд полковника Бурцева, который, переправившись через Куру, сумел обойти без боя турецкие заслоны. Однако к бою он не поспел.

На другой день была одержана еще одна победа. Отряд генерал-майора Гессе разбил при урочище Лимани, близ Николаевской крепости, 8-тысячное войско трапезундского паши, изготовившееся для вторжения в Грузию.

О планах эрзерумского сераскира Паскевич-Эриванский узнал от лазутчиков. Тот намеревался с главными силами войти в Закавказье со стороны Карса через Гумры. Чтобы отвлечь внимание русских, Салех-паша приказал тревожить границу всюду. Особые надежды он возлагал на действия против Гурии. Перебежавший на сторону Турции гурийский князь Мачутадзе поклялся «возмутить» местных жителей против России.

Вскоре оправился от поражения и Ахмад-бек Аджарский, сумевший вернуть беглецов под свои знамена. В Ахалцыхской же крепости свирепствовала эпидемия чумы, подтачивавшая и без того малые силы русского гарнизона.

Разгадав план сераскира, Паскевич-Эриванский решил нанести упреждающий удар по главным силам султанской армии — на Эрзерум. Он оставляет в крепостях Баязетского пашалыка только

четыре батальона пехоты, один казачий полк и 12 орудий. Остальным войскам под командованием генерал-майора Панкратьева приказывается занять позицию у селения Агузюм, чтобы прикрыть собой Восточную Армению. Со всех концов Грузии к границе подтягивались воинские отряды.

Наместник начал боевые действия против сераскира только тогда, когда убедился, что Персия не нанесет предательского удара в спину. 19 мая главная штаб-квартира Отдельного Кавказского корпуса прибывает под Ахалкалаки, затем вместе с отрядом генерал-майора Н.Н. Муравьева переходит к Ардагану. Теперь главные силы русских находились на равном расстоянии и от Карса, и от Ахалцыха.

В Ардагане главнокомандующий получил свежие данные разведки о силах Салех-паши, находившихся в районе Саганлукского хребта. Лагерь Гакки-паши в 20 тысяч человек находился в 50 верстах от Карса, на Эрзерумской дороге. За ним невдалеке стоял сам сераскир с корпусом в 30 тысяч человек пехоты и конницы. Кягья (начальник штаба) Салех-паши с 15-тысячным отрядом и 20 орудиями держался пока в горах Шаутетского санджака, производя там поголовный набор в султанскую армию и ожидая удобного случая для нападения на Ахалцых.

Последнее обстоятельство побудило Ивана Федоровича разделить свой резерв. На переходе он отправил к Ахалцыху сильный отряд генерал-майора Муравьева на соединение с полковником Бурцевым для действий против кягьи. Сам же с остальными силами двинулся северной дорогой, в обход лагеря Гакки-паши, на соединение с отрядом генерал-майора Панкратьева.

10 июня, к началу сражения в районе селения Котанлы, в 18 верстах от Карса, сосредоточились главные силы Отдельного Кавказского корпуса. Всего 12 430 человек пехоты и 5770 кавалерии при 70 полевых орудиях. Превосходство турецкой армии оказалось весьма значительным.

Первоначальный замысел разгромить войско Гакки-паши до подхода к нему сил сераскира и разгром их поодиночке не удался. Трудный горный марш и турецкие заслоны помешали тому — силы противника успели соединиться.

То, что не удалось Паскевичу-Эриванскому, не удалось и кягье, решившему разбить поодиночке отряды Бурцева и Муравьева. В день сражения у селения Чабории на берегу реки Посхов-чай русские тоже успели соединиться и вместе наголову разбили бо-

лее чем вдвое превосходящие силы начальника штаба сераскира. Теперь Ахалцых был в безопасности, а его гарнизон подкреплен пехотным батальоном. Для прикрытия Карталинии, оказавшейся в ближнем тылу, был отряжен Крымский пехотный полк, который пришел в Сурами из Тифлиса.

После разгрома кягьи граф Эриванский немедленно подтянул к себе отряд Муравьева и часть сил полковника Бурцева.

СРАЖЕНИЕ ПРИ КАИНЛЫ

Разыгравшееся под деревушкой Каинлы полевое сражение стало одним из крупнейших в русско-турецкой войне 1828—1829 годов.

Русский полководец разделил войска на три части. Первой (главной) колонной он назначил командовать генерала Муравьева, вверив ему 4164 человека пехоты и 1167 — кавалерии при 20 полевых орудиях. Отряд располагался на правом фланге, к северу от реки Загин-Кала-су.

Левой (вспомогательной) колонной, действовавшей на левом фланге, южнее реки, начальствовал Бурцев, только что произведенный за разгром аджарского хана в генерал-майоры. Он имел 1124 человека пехоты и 12 орудий.

Примерно в километре от главных сил располагался сильный резерв — три с половиной тысячи регулярной и милицейской конницы под начальством опытного кавалериста генерал-майора Н.Н. Раевского. Недавний полковник, к которому так стремился Пушкин во время своего путешествия в Эрзерум, он был олицетворением передачи эстафеты военных традиций от одного поколения к другому. Раевский имел еще и 20 орудий в двух линиях. В состав резерва вошли четыре «мусульманских» полка из добровольцев-азербайджанцев, курды и конница из Нахичевани.

Остальные войска под командой генерала Панкратьева при 16 орудиях прикрывали походный лагерь, укрепившись на горе Чахар-баба. Вагенбург состоял из трех тысяч повозок с войсковым имуществом и припасами.

Выстроив таким образом к 13 часам 19 июня войска для генерального сражения, генерал от инфантерии Паскевич-Эриванский сказал окружающим:

— Теперь мой корпус похож на корабль: я отрубил якорь и пускаюсь в море, не оставляя себе обратного пути...

Еще в 10 часов утра русские войска, спустившиеся с высот Чахар-баба, увидели в открывшейся перед ними долине выдвижение многотысячной турецкой конницы. Неприятель занимал обе параллельные дороги, ведущие на Эрзерум.

Около 14 часов вражеская конница атаковала правый фланг кавказцев. Для отражения массированной атаки полководец вновь применил хорошо известный в русской армии прием «наведения» противника под огонь артиллерии. Конники колонны Муравьева вырывались вперед, схватывались с османами и быстро отходили назад, увлекая их за собой и подводя под картечные залпы. Турки начали нести большие потери.

Видя безуспешность атак на левом крыле, сераскир приказал ударить по отряду Бурцева и сбить его с позиции. В атаку пошло шесть тысяч всадников Гакки-паши. Им удалось дважды прорвать цепь русских стрелков, миновать выстроившуюся в каре пехоту и пройти в ближние тылы отряда и даже разграбить там часть офицерских вьюков.

Бурцев, оказавшийся в тяжелом положении, стал перебрасывать имевшиеся у него пушки с одного опасного места на другое. Это имело успех, и Паскевич-Эриванский, внимательно следивший за ходом событий, вовремя подкрепил левую колонну резервной пехотой и легкими орудиями. Прибывшие на помощь сразу же оказались в бою.

Турецкой коннице и здесь не удалось охватить фланг противника. Потеряв немало людей и два знамени, османские всадники снова отхлынули назад. Часть их ускакала в лагерь Гакки-паши, часть бежала к сераскиру, войска которого укрепились в окопах на Эрзерумской дороге.

Уловив выгоднейший момент, кавказский полководец атаковал центр султанского войска, не давая тому опомниться. Потом И.Ф. Паскевич-Эриванский писал:

«...Увидев... возможность разрезать неприятельские войска надвое... я обратил стоявшие в центре 4 полубатальона пехоты и 8 орудий артиллерии в полуоборота направо и... открыл по оному (неприятелю. — *А. Ш.*) сильнейший огонь из артиллерии. Турки не могли выдержать меткой стрельбы наших орудий, действовавших по одному направлению, и разделились надвое...»

То был переломный момент в сражении при Каинлы. Прицельный огонь русских пушкарей расчленил вражескую армию на две части. Сераскир и Гакки-паша оказались отрезанными

друг от друга. Войска первого были отброшены за реку Каинлых-чай, второго — за Ханское ущелье, к своему походному лагерю.

Чтобы закрепить успех, Паскевич-Эриванский немедленно ввел в образовавшийся разрыв между двумя частями турецкой армии Грузинский гренадерский полк с восемью орудиями Кавказской гренадерской артиллерийской бригады. К 16 часам вечера наступавшие русские войска подошли к реке Каинлых-чай.

Иван Федорович намеревался дать здесь отдых измученным в сражении войскам и стать на ночлег. Он отдал распоряжение становиться лагерем и выслал вперед разведку.

Та к 17 часам донесла, что турки закрепляются на весьма выгодных высотах перед рекой Исти-су. Новый штурм турецких укреплений никак не входил в планы полководца. К тому же взятые пленные показали, что сераскир ожидает к исходу дня 18 тысяч подкрепления.

Полученные сведения заставили наместника изменить прежнее решение и немедленно атаковать позиции сераскира. Он выставляет против Гакки-паши заслон из двух полков пехоты, одного — конницы и 20 батарейных орудий под командованием генерал-майора Бурцева.

Главные силы кавказцев вновь разворачиваются в три колонны. Правой из двух полков пехоты и 16 легких орудий начальствует Муравьев. В левую колонну Панкратьева вошли три пехотных батальона и 10 легких орудий. Центр занимает Раевский с восемью полками конницы и 18 конными орудиями. Особенностью такого построения было то, что пехота стояла на флангах боевого порядка, упиравшегося в горные отроги.

Остальные силы пехоты и кавалерии с шестью батарейными орудиями составили охрану подошедшего к Каинлых-чаю вагенбурга. Главнокомандующий не оставлял походный лагерь без надежного прикрытия.

Наступление началось в 19 часов 30 минут, как только начало смеркаться. Русские шли вперед, чтобы навязать врагу ночной бой. Для турок подход кавказцев оказался совершенно неожиданным, что сразу же вызвало замешательство. Особенно когда обнаружилось, что сильные пехотные колонны генералов Панкратьева и Муравьева стали обходить фланги позиции сераскира.

Турецкие пушки начали поспешный обстрел подходившей в полном молчании русской пехоты. Но к тому времени солдаты

Салех-паши стали местами бросать свои окопы. В эти минуты вперед к вражеским шанцам и вынеслась на галопе 3-я Донская конно-артиллерийская рота подполковника Полякова и с близкого расстояния открыла беглый огонь «ближней» картечью. Отход турецкой пехоты сразу же превратился в повальное бегство.

Граф Эриванский послал в неотступное преследование и пехоту, и кавалерию. Османы бежали в ночи, бросая все по пути. Затем полководец приказал пехоте остановиться, а сам повел конницу на рысях дальше в преследование, до замка Зивин.

Там преследование и закончилось: донцы и азербайджанские милиционеры с налета ворвались в походный лагерь сераскира. Тот едва сам ушел от погони. Турки потеряли в тот день 12 орудий, все войсковые припасы, много людей убитыми и 300 человек пленными.

Войска сераскира Салех-паши, вернее, то, что от них осталось и не разбежалось, были отброшены к Эрзерумской крепости.

На следующий день участь сераскира разделил и Гакки-паша, так и не сумевший ничем помочь своему начальнику. Ночью кавказцы пошли атакой на второй неприятельский лагерь близ деревни Милли-Дюз, совершив марш-бросок в 13 верст по трудной горной дороге.

В восемь часов утра русские колонны зашли в тыл войску Гакки-паши. Турки, выставив знамена в окопах и изготовив батареи, решили защищаться. Взятый пленный показал, что здесь еще не знают о полном разгроме сераскира. Солдата отпустили в лагерь, и вскоре там начался видимый издалека переполох. Его попытались «замять» пушечной стрельбой по русским.

Через полчаса пальба прекратилась, и из лагеря прибыл парламентер. Султанский главнокомандующий предлагал «покорность», но просил личной пощады. Паскевич-Эриванский ответил:

— Положить оружие без всяких условий...

Едва переговорщик убыл, из лагеря вновь возобновилась стрельба. Царский наместник в ответ двинул в атаку свои войска. Турки в ужасе бежали, только в одном-единственном месте оказав сопротивление. Казаки и конная милиция пошли вдогонку. Бегущих гнали почти 15 верст, захватив больше тысячи пленных и 16 знамен.

Гакки-паша со свитой и чиновниками сумел ускакать в лес, где его настиг личный конный графа Эриванского. И взял в плен. Представленный Ивану Федоровичу полководец султана отдал

свою драгоценную саблю и попросил пощады. Наместник его обласкал, угостил чашечкой кофе по-турецки и приказал разместить плененного пашу в его же богатом шатре.

Итогом двухдневного сражения у деревни Каинлы стал полный разгром 50-тысячной Анатолийской армии Блистательной Порты.

Сераскир Салех-паша потерял всю артиллерию (31 орудие), 19 знамен, около трех тысяч палаток в двух брошенных лагерях, около двух тысяч человек пленными и столько же — убитыми. Султанские войска рассеялись в горах. Потери русских не превышали 100 человек.

ПАДЕНИЕ ЭРЗЕРУМСКОЙ КРЕПОСТИ. БЕЙБУРТ

Полководец султана Махмуда II попытался засесть в крепости Гассан-Кале, но бежавшие воинские отряды отказались ему повиноваться. Пришлось бежать дальше и самому сераскиру.

Сделав за три дня переход в 80 верст, Кавказский корпус занял Гассан-Кале, в которой нашлось 29 пушек. До столь важного в войне Эрзерума оставалось всего 40 верст, и путь к нему был свободен.

Паскевич-Эриванский приказал восстановить полуразрушенные укрепления старинной византийской крепости, вооружить ее трофейными пушками на исправных и надежных лафетах. В Гассан-Кале свезли все военные и продовольственные запасы неприятеля, взятые 19-го и 20 июня. Так была создана тыловая база для действий против Эрзерума.

Русская кавалерия приблизилась к нему на 15 верст. Почти 100-тысячный город, один из крупнейших в Оттоманской Порте, был охвачен паникой. Жители не знали, что делать: или отважиться на защиту, или отдаться на милость победителя. Сераскир заперся в своей резиденции, никого не принимая. Большого войска у него уже не имелось.

Узнав через лазутчиков о положении дел в городе, кавказский наместник отправил туда двух добровольцев — пленных эрзерумских старшин. Один из них, Мамиш-ага, пользовался большим авторитетом у горожан. Под охраной конвоя они ускакали в Эрзерум, увозя с собой письмо «сераскира белого царя».

В Эрзеруме парламентеры при содействии губернатора города зачитали письмо на совете местных старшин. Началось возмуще-

ние горожан. Более того, вскрылся обман Салех-паши, утверждавшего, что у него много войск — большинство же палаток в военном лагере пустовало. Сераскир хотел бежать, но его не выпустили за крепостные ворота.

Кавказские войска подступили к городу. Рано утром 26 июня из него навстречу русским выехал эрзерумский Капиджи-паша, везший согласие сераскира на безоговорочную капитуляцию. Город-крепость сдавался без боя. Туда для окончательных переговоров ускакал генерал-майор князь Бекович-Черкасский, свободно владевший турецким языком.

В 17 часов 27 июня 1829 года войска Отдельного корпуса вступили в Эрзерум. Правда, с передового укрепления Топ-Дага открыла было стрельбу батарея из пяти пушек, но османы вскоре сбежали оттуда. Над цитаделью подняли флаг России.

Армянское население города с восторгом встретило победителей.

Огромные военные склады Анатолийской армии, арсенал, обозы, 150 полевых и крепостных орудий, шесть знамен, в том числе и сераскирское, жезл Салех-паши стали военными трофеями.

За Эрзерум Иван Федорович Паскевич-Эриванский удостоился высшей военной награды Российского государства — ордена Святого Георгия 1-й степени и благодарственного Императорского рескрипта. Полководец стал полным георгиевским кавалером, обладателем всех четырех степеней этого ордена...

Падение Эрзерума — центра управления Азиатской Турцией — и разгром султанской Анатолийской армии под Каинлы обеспечили русскому командованию стратегическую инициативу на Кавказском театре военных действий. Последствия достигнутого успеха не заставили себя долго ждать.

Ванский паша, подступивший с сильным войском к Баязету, немедленно снял осаду крепости. 7 июля генерал-майор Бурцев овладевает важной крепостью Бейбурт в 117 верстах от Эрзерума. Отряд полковника Лемана 9 июля занимает крепость Хнисс, в которой оказались значительные запасы хлеба. Она стояла на дороге в Мушский пашалык. При посредничестве местного паши курды прекратили набеги на захваченные русскими территории Порты.

Вскоре, однако, пришла печальная весть о гибели в горах под Бейбуртом генерал-майора Ивана Григорьевича Бурцева, подлинного героя войн на Кавказе.

Оставив в Эрзеруме крепкий гарнизон под начальством Панкратьева, получившего тогда чин генерал-лейтенанта, наместник выступил к Бейбурту. Туда же подошел из Ахалцыха бывший Ширванский, а ныне пехотный графа Эриванского полк. Встреча между старыми ширванцами и полковым шефом получилась самой трогательной.

Проведя рекогносцировку, полководец 26 июля наносит из Бейбурта удар по селению Харт, где почти в 500 каменных домах укрепилось до 12 тысяч ополченцев султана из числа местных воинственных горцев. Хартский бой закончился полной победой русского оружия. Затем от неприятеля очищаются местности вокруг Сивасской дороги, наносятся поражения отрядам беков Лазистана.

Перед наместником, да и всем русским командованием, встал вопрос о направлении дальнейшего наступления в еще не закончившейся войне. Идти на далекий Сивас, в глубь Малой Азии? Или Отдельному корпусу нанести удар по немного более близкому Трапезунду на берегу Черного моря, где можно было получить поддержку от севастопольской эскадры?

Один из участников той войны, полковник А. Родожицкий, писал в своем дневнике:

«По пословице «куй железо, пока горячо», пользуясь паническим страхом, наведенным на турок, мы, казалось, могли с одной пехотой и артиллерией дойти до Трапезунда и взять его...»

Подобные мнения разделяли едва ли не все воины-кавказцы, настолько силен был тогда их наступательный дух. Но войны имеют собственные законы, с которыми не считаться нельзя.

Паскевич-Эриванский трезво взвесил все «за» и «против». Он знал, что во вверенных ему Государем кавказских войсках царит самый что ни есть боевой настрой. Люди были просто готовы идти за прославленным полководцем хоть на край света. Но...

Движение к Сивасу удлиняло и без того растянутые коммуникации корпуса. Больших же запасов боевых зарядов и продовольствия, равно как и резервов, не имелось.

С другой стороны, взятие портового Трапезунда позволяло организовать снабжение корпуса морским путем из Крыма и Грузии, отрезать от Турции еще не занятые Аджарию и Лазистан. Однако на пути к морю лежали труднопроходимые горные кряжи Понтийского Тавра. Разработка прямой дороги в горах требовала в лучшем случае месяца. Приближалась осень, и корма для конницы в каменистых ущельях среди теснин просто не оставалось. Трава к концу лета всегда выгорала от солнца.

Хотя русско-турецкая война близилась к логическому завершению, Иван Федорович склонялся к действиям быстрым и решительным. Он хотел добиться полного осуществления «высочайше одобренного» плана боевых действий на Кавказе. После взятия Эрзерума предусматривалось дальнейшее наступление на запад, в глубь Османской империи.

Наместник писал Императору Николаю I из Эрзерума: «На войне все зависит от благоприятной минуты, ее не надобно упускать... ибо если неприятелю дать время опомниться, то он соберет новые силы и восстановит дух народа».

Посылка ранее к Бейбурту отряда Бурцева и к Аш-Кале на Сивасской дороге кавалерийской бригады Раевского, усиленной двумя конными азербайджанскими полками, гренадерами и артиллерией, свидетельствовала о намерениях полководца действовать и дальше весьма активно. Он ждал только подхода из Грузии четырех тысяч подкреплений. Однако они задерживались в пути.

Тем временем в завоеванных пашалыках османы возобновили враждебные действия. Теперь даже доставка почты требовала сильного конвоя. Иван Федорович понимал, что с горстью отважных воинов невозможно углубляться в сердце Анатолии. Тем самым на произвол судьбы покидалась 200-верстная операционная линия, которая никем не защищалась.

Кроме того, наместник Кавказа знал, что на западе осуществляет свой Забалканский поход И.И. Дибич. Именно на полях Болгарии, на подступах к Стамбулу, решалось главное в исходе войны.

Поэтому крайне рискованная операция к Сивасу или Трапезунду казалась просто нецелесообразной. К тому же русские войска находились на чужой территории с фанатично настроенным населением. Серьезную опасность несло все большее дробление сил по гарнизонам в захваченных крепостях.

Чтобы хоть как-то избежать растягивания корпусных коммуникаций, Паскевич-Эриванский приказал взорвать крепостные укрепления Бейбурта, доверив управление городом офскому беку, изъявившему покорность России. Тот за хорошую плату обязался содержать в нем собственный гарнизон в три тысячи человек. Однако именно там османы стали собираться с силами. Бек, казалось, не собирался держать данную им клятву.

Тогда наместник, составив экспедицию из восьми батальонов пехоты, двух полков регулярной и пяти иррегулярной кавалерии при 34 орудиях, 24 сентября снова пошел на Бейбурт. Лазутчики и пленные показали, что город спешно укрепляется и что там скопилось от 12 до 15 тысяч турецких ополченцев.

Русский отряд, совершив ночной марш-бросок через горы, на рассвете вышел на высоты западнее Бейбурта. Неприятель появления русских никак не ожидал. Однако с восходом солнца он убедился в малочисленности подошедших войск, смело вышел из городских шанцев и атаковал кавказцев сразу силами пятитысячного «скопища».

Паскевич-Эриванский двумя колоннами пошел вперед с барабанным боем. И под прикрытием артиллерийского огня пехотинцы ударили в штыки. Турки бросились назад. Тогда кавалерия, рысью обскакав пехотные батальоны, отбила у врага пушки и стала преследовать бегущих. Османам пришлось отступать по самой невыгодной дороге — вьючной, меж крутых горных высот.

К вечеру преследование прекратилось. Победителям достались шесть орудий и двенадцать знамен. Турки потеряли более 700 человек убитыми и 1236 пленными. В русском отряде из строя выбыло 110 офицеров и нижних чинов.

Бейбуртское дело примечательно тем, что оно произошло уже после подписания в Адрианополе мирного договора между Россией и Турцией. Путь известия о нем на Кавказ оказался далек и долог...

За победы кавказских войск, одержанные в русско-турецкой войне 1828—1829 годов, Иван Федорович Паскевич-Эриванский удостаивается чина генерал-фельдмаршала. Шел тогда ему сорок восьмой год.

За ним утвердилась слава полководца, и имя сделалось известным далеко за пределами Российской державы. Военное искусство в сражениях на просторах Азиатской Турции стало предметом изучения за рубежом. Между прочим, там отмечали, что война за Кавказским хребтом обошлась казне России всего в шесть миллионов рублей.

Впоследствии войну за Кавказом опишут в двух томах под руководством самого фельдмаршала. Книга будет иметь шумный успех в стране, и ее быстро переведут на французский, немецкий и польский языки. Российская Академия наук удостоит двухтомник полной Демидовской премии...

Русские войска по условиям мирного договора оставляли почти все завоеванные крепости и пашалыки. Иван Федорович позаботился о христианах тех земель, которым турки могли отомстить за радушное отношение к русским воинам. По просьбе кавказского наместника Государь разрешил переселиться в закавказские провинции четырем тысячам армянских и грузинских семейств.

Отряды русских войск охраняли переселенцев.

ВОЙНА С ИМАМОМ ШАМИЛЕМ

...Война же на Кавказе продолжалась. Только теперь против тех горцев, которыми предводительствовал Гази-Магомед, учитель Шамиля.

Еще в 1829 году Император Николай I писал наместнику на Кавказе: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит Вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз — гораздо более важнейшее — усмирение навсегда горских народов...»

Император поздравил своего любимца с Адрианопольским трактатом. Согласно четвертой статье мирного договора, Османская империя лишалась всех своих опорных пунктов на Черноморском побережье Кавказа, включая Анапу и Поти, но исключая Батум. Среди прочего этим прекращалась процветавшая здесь работорговля, поощрявшаяся анапскими пашами.

По смыслу четвертой статьи султан Махмуд II отказывался от всяких притязаний на все земли, которые лежали севернее новой пограничной линии. Это, естественно, касалось и земель горцев Северного Кавказа, которые почти никогда ему не подчинялись, но входили в сферу политического влияния Турции. Последнее относилось прежде всего к черкесским народам.

Император потребовал от наместника на Кавказе реализовать содержание четвертой статьи Адрианопольского трактата. И наместник в начале 1830 года разработал план военной экспедиции, целью которой являлось «проложение и основание сухопутного по берегу Черного моря сообщения от крепости Анапы до Поти». Управляющий Главным штабом генерал граф А.И. Чернышев одобрил представленный проект.

Хотя царский наместник и ожидал «кровопролития», он выделил для участия в экспедиции небольшой отряд — около двух

тысяч штыков и сабель при восьми легких орудиях. В июле того же года отряд направился по побережью от Сухуми на север. И уже в Гаграх, «воротах» в Абхазию, встретил большие затруднения.

Через Гагринский проход убыхские старшины совершали набеги на абхазские села. Поэтому они не имели никакого желания отдавать его русским Высаженный на берег 9 июля батальон егерей овладел проходом и стал строить укрепление. Однако морской десант был почти сразу же атакован двухтысячным отрядом горцев, собранных убыхским «владельцем» Хаджи-Берзеком

Упорная борьба за «кавказские Фермопилы», как генерал-фельдмаршал Паскевич-Эриванский образно называл Гагры, продолжалась более месяца. При поддержке пушечного огня двух бригов егеря отстояли построенное под пулями Гагринское укрепление. Но на том так называемая Абхазская экспедиция и закончилась Береговая полоса между Гаграми и Анапой осталась незанятой русскими войсками Надежное «сухопутное сообщение» удалось установить здесь только к 1864 году.

А в начале 1830-х годов через Черноморское побережье на Северный Кавказ стали проникать османские эмиссары, обещая горцам «помощь турецкого султана» и создавая постоянную напряженность на южных рубежах России...

Султанская Турция стремилась использовать движение горцев в своих целях. Общность религии давала ей возможность действовать с помощью духовных наставников и засылаемых на Северный Кавказ проповедников.

Но помогала ли Османская империя горцам оружием? До сих пор не обнаружено достоверных документов, доказывающих, что имам Шамиль непосредственно получал помощь в виде вооружения или денег из Турции. Хотя, вне всяких сомнений, Стамбул на протяжении нескольких десятилетий делал очень большую ставку в борьбе с Россией на «возмущение» горских народов в тылу русских войск. И здесь без звонкой монеты, наверное, трудно было обойтись. Любая война требует немалых расходов

Тем не менее Шамиль, как известно, хотя и воевал с русскими, но был настроен и против султана. Поручик князь Илико Орбелиани, попавший в плен к горцам, однажды спросил имама: почему бы ему не взять пример с турецкого султана и не жить в дружбе с Россией? Дагестанцы могли бы тогда извлекать выгоды

из торговли с русскими, между тем спокойно исполняли бы свой шариат. Шамиль ответил пленнику:

— Конечно, но разве ты думаешь, что султан — верный исполнитель закона Магомеда, а турки — истинные магометане? Они хуже гяуров. Ох, если бы они попались в мои руки, я изрубил бы всех на двадцать четыре куска, начиная с султана. Он видит, что мы, его единоверцы, ведем столько лет борьбу с русскими за бога и за веру, что же он нам не помогает!..

Главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом беспокоили постоянные попытки турецких лазутчиков проникнуть в земли черкесов и абхазцев с целью их «возмущения» против России. Султанские посланцы пробирались в Черкесию на небольших быстроходных судах черноморских контрабандистов. Последние в большом числе везли с берегов Кавказа в столицу Блистательной Порты невольников. Обратно — оружие, порох и свинец, соль.

Чтобы быть ближе к зоне военных действий, в мае 1830 года генерал-фельдмаршал переносит свою штаб-квартиру в город Пятигорск.

Для решительной борьбы с работорговлей и прекращения сношений турок и горцев морем Паскевич-Эриванский 21 ноября 1830 года обратился с отношением к адмиралу А.С. Меншикову, начальнику Морского штаба. Он предложил создать эскадру плоскодонных военных судов для крейсерства у берегов Кавказа. И предложил занять Геленджикскую бухту, которая могла стать базой для сторожевых судов, прекрасно заменив собой Анапу. Гавань имела удобную якорную стоянку и хорошо защищалась самой природой от свирепствовавших зимой штормовых ветров.

В Морском штабе внимательно рассмотрели это предложение. В феврале следующего года князь Меншиков делает доклад монарху о необходимых мероприятиях по Черноморскому флоту для содействия сухопутным войскам на побережье Кавказа. Принимается решение занять десантом Геленджикскую бухту. Для его перевозки создается отряд легких судов. Выделяются корабли для ведения крейсерства.

Проведение операции возлагается на вице-адмирала Константина Юрьевича Патаниоти, командира Севастопольского порта. 25 июля отряд в составе фрегатов «Эривань», «Пегас», бригов «Меркурий», «Кастор», «Ганимед» и еще нескольких малых судов вошел в бухту Геленджика. На другой день высаженный

после небольшой перестрелки с горцами десант приступил к возведению укрепления.

Новые укрепления создавались и на Кубани, чтобы препятствовать набегам заречных вольных черкесов.

Военные действия против «немирных» горцев Паскевич-Эриванский сочетал с переговорами, стараясь привлечь на сторону России местных князей, старейшин, мусульманское духовенство.

И кавказскому наместнику удается ограничить зону действия сторонников Гази-Магомеда. Вместе с русскими войсками против имама действовала конница влиятельнейших феодалов Дагестана: шамхала Тарковского, Аслана, хана Казикумыкского и Куринского, и других.

ШТУРМ ВАРШАВЫ. НАМЕСТНИК ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО

20 апреля 1831 года графа Эриванского отзывают в Санкт-Петербург. Фельдмаршал мог только догадываться, что дело связано с польским «возмущением». Снабдив генерала от кавалерии Г.А. Эмануэля и генерал-адъютанта Н.П. Панкратьева инструкциями по управлению краем и военными действиями против горцев, Иван Федорович через четыре дня выехал из Тифлиса. Около пяти тысяч человек провожало его верст за восемь от города.

Полководец прибыл в столицу 8 мая. Скоро сюда пришло сообщение о победе русских войск над поляками под Остроленкой. Затем — весть о смерти главнокомандующего действующей армией графа Дибича-Забалканского. 4 июня на его место назначается Паскевич-Эриванский. Фельдмаршал меняет фельдмаршала. Для отъезда нового главнокомандующего к театру военных действий Николай I приказал снарядить пароход «Ижору».

Отправляясь на театр новой войны, полководец просил не судить о его действиях прежде трех месяцев. Прибыв морем в Мемель, он через земли Восточной Пруссии 13 июня оказывается в Пултуске. Там в бездействии и почти без продовольствия при главной штаб-квартире под ружьем стояло 44 тысячи войск, уверенных в себе после одержанных побед. Ожидалось прибытие еще девяти тысяч из Бреста.

Прежде всего Иван Федорович принял необходимые меры, чтобы вполне обеспечить армию продовольствием Он считал всегда так: провиант есть, значит, нет голодающих солдат, нет рек-

визиций у местного населения, нет его недовольства, враждебности, а только нейтралитет или сочувствие, содействие. Здесь полководец никогда не ошибался.

Главной целью Польской кампании 1831 года являлось взятие Варшавы. Еще до приезда Паскевича-Эриванского распоряжениями начальника армейского штаба генерала графа Карла Федоровича Толя был наведен мост через Вислу, и один корпус уже находился на левом берегу реки. Толь воспользовался для этого немецкими судами, груженными хлебом, которые отправили по распоряжению правительства Пруссии вверх по Висле.

К слову сказать, полководец получил в лице генерала Толя помощника лучше не пожелаешь. Герой Отечественной войны 1812 года, он отличался редкой распорядительностью и исполнительностью, хорошо изучил польский театр военных действий. На него можно было положиться в труднейших ситуациях.

Довольно быстро удалось собрать необходимые запасы провианта: на девятнадцать суток, но уменьшенной дачей. Предстояло форсировать Вислу. Однако польская, равная по силам, армия препятствовала тому, опираясь на сильные укрепления Варшавы и ее предместий, в частности Модлина. Тогда принимается решение преодолеть реку у самой прусской границы, в 207 верстах ниже Варшавы. Через девять дней после прибытия нового главнокомандующего к армии та выступила в поход из Пултуска.

Заняв 26 июня город Плоцк, фельдмаршал несколько дней простоял в нем с гвардией, всем видом показывая неприятелю «желание» именно здесь перейти реку, и тот вполне поверил в такие приготовления.

Тем временем отправленная вперед колонна генерала графа П.П. Палена 1-го у населенного пункта Оськи заняла два острова на Висле, поставила там 70 орудий и навела переправу из пяти мостов. А поляки тем временем готовились атаковать Плоцк. Не желая отвлекаться от главной цели, Паскевич-Эриванский оставил город и двинулся к Оську. Неприятель преследовать его не решился.

Корпус Палена переправился через Вислу 5 июля, 7-го и 8-го — остальная армия. Причем без единого выстрела. Сильное движение русских войск ставило поляков в крайне невыгодное положение. Их армия оказалась задействованной на трех направлениях, более того — разделенной на три части. Первая действовала против отряда генерала Ридигера в Люблинском воеводстве. Вторая —

против сил генерала Головина на Брестском шоссе. Третья наблюдала движение главных сил царской армии.

Паскевич-Эриванский в проведенной операции по форсированию Вислы добился стратегического успеха. Польский главнокомандующий генерал Скржинецкий не поспел к моменту переправы русских у Оська.

Марш-броски войск требовали больших запасов главного солдатского пропитания — сухарей, которые за Вислой кончились. Тогда по совету Ивана Федоровича применили кавказский метод их изготовления. Через пять дней действующая армия имела сухарей еще на целых полмесяца.

От Бреста-Куявского полководец сделал быстрый фланговый марш к Ловичу, лежащему всего в 12 милях от Варшавы, и сумел занять его без боя. Теперь сильная Сохачевская позиция поляков оказалась под боковым ударом. Русские, окружив Лович окопами, превратили город в свою тыловую базу.

Видя, что Сохачевская позиция обойдена, генерал Скржинецкий, имея под командованием 55 тысяч человек, подошел к Ловичу и прикрыл собой Варшаву. Поляки расположились между рекой Бзур и Большим Неборовским лесом. Паскевич-Эриванский, со своей стороны, тоже переменил фронт. Теперь две армии разделяла небольшая речушка Равка, вся в болотистых берегах.

Пока длилось такое противостояние, крупные отряды русских войск шли с востока к Висле, далеко не везде встречая сопротивление. Польский сейм, недовольный бездействием генерала Скржинецкого, сместил его.

Утром 3 августа неприятельская армия внезапно сожгла мост через Равку и снялась с позиций.

Полководец Николая I тотчас пошел вдогон польской армии, настиг ее арьергард и разбил его. Поляки отошли к самой Варшаве и приготовились к защите города, имевшего к тому же 6-тысячный гарнизон и укрепления в три ряда окопов.

Для сообщения с отдельными отрядами генералов Крейца, Ридигера и Розена, подошедших к правобережью Вислы, главнокомандующий приказал устроить в Гуре-Кальварии постоянный мост. Столица Царства Польского оказалась в полукольце окружения.

Пользуясь случаем, что часть войск противника действовала вдали от Варшавы, полководец решил предпринять штурм города. Его назначили на 25 августа. На военном совете Паскевич-

Эриванский, выслушав мнения всех собравшихся относительно лучшего способа овладения польской столицей, предпочел атаку укреплений предместья Воля. То есть штурмовать наисильнейший пункт обороны. Падение Воли неминуемо влекло за собой падение самой Варшавы и в итоге — «замирение» всего Царства Польского.

Перед штурмом главе польского правительства Круковецкому отправили письмо с предложением добровольной покорности. Однако в стане противника крепко надеялись, что 60 тысяч вооруженных защитников Варшавы в трех линиях полевых укреплений выстоят против 73-тысячной русской армии. Так что приступ становился неизбежным.

В полдень 24 августа атакующие войска вплотную подошли к городу. Наступление готовилось на фронте между Вольской и Иерусалимской заставами. Две трети пехоты выделялось в резерв. На ее флангах и позади располагалась кавалерия. Во главе штурмовых колонн шли добровольцы из гвардейских пехотных полков.

На следующий день в три часа утра генерал-фельдмаршал верхом объехал полки и батареи, обращаясь к бойцам с напутственными словами. После этого начался штурм Варшавы. Сто орудий, подъехав на 300 саженей от вражеских укреплений, открыли по ним огонь. Артиллерийский обстрел длился два часа и прекратился только тогда, когда замолчали подавленные батареи поляков.

Паскевич-Эриванский приказал пехоте штурмовать ближайшие редуты. Солдаты устремились в рукопашный бой. Несмотря на упорное сопротивление их защитников, три первых редута были быстро взяты яростным приступом.

Однако само укрепленное предместье Воля, где оборону держали пять батальонов пехоты при 12 орудиях, сопротивлялось долго. Когда атакующие взошли на наружный вал, неприятель засел в окопах внутри укрепления, в каменном костеле и роще. Но все же к 11 часам утра Воля пала со всем многочисленным гарнизоном и батареями.

Устремившихся было вперед к городской заставе пехотинцев вернули назад. И вовремя. Польские военачальники, собрав воедино 12 пехотных батальонов, начали сильную вылазку из города с целью вернуть укрепление. Их отбили картечными залпами.

Сражение закончилось в шесть часов вечера. Генерал-фельдмаршал разослал в войска диспозицию для второго приступа.

Ночь прошла спокойно. Перед рассветом на русские аванпосты прибыл генерал-квартирмейстер «мятежной» армии Царства Польского Прондзинский с поручением от главы варшавского правительства. Иван Федорович согласился на свидание с генералом графом Круковецким. Оно состоялось в девять часов утра, в корчме между Волей и Варшавой в присутствии Великого Князя Михаила Павловича, младшего брата Императора.

Круковецкий с ходу начал высказывать требования сейма. Удивленный генерал-фельдмаршал остановил его и потребовал безусловной сдачи города и «возвращения польского народа к повиновению законной власти». Срок давался до часу пополудни. Круковецкий вернулся в Варшаву и вместо ответа, потеряв чувство реальности, в назначенный час прислал своего адъютанта с просьбой отсрочки штурма еще на один час. Ему отказали: стало ясно, что противник начал просто тянуть время.

По армии был дан сигнал начать приступ. С обеих сторон разгорелась сильная канонада. Иван Федорович, подъезжая к одной из батарей, бившей по укреплениям предместья Чиста, получил контузию: ядро на излете сильно ударило в руку. За ближайшим редутом врач пустил ему кровь и сделал перевязку.

Подозвав к себе начальника армейского штаба Толя, полководец поручил ему проследить за точным исполнением письменных и устных приказаний, отданных командирам корпусов. И добавил, чтобы никакой перемены в плане атаки без его разрешения не делалось. Затем Паскевич отъехал к Гренадерскому корпусу, стоявшему в резерве в 100 саженях позади Воли.

Сражение тем временем продолжалось. Русская пехота при поддержке артиллерии штурмовала еще не взятые варшавские предместья. После жаркого боя стрелки и кавалерия взяли еще два редута и стали подбираться к городскому валу.

В сейме, работавшем с утра и до вечера, наконец забили тревогу. Вновь на русских позициях появился Прондзинский, но уже с полномочиями на подписание окончательного договора. Паскевич-Эриванский отправил в город своих уполномоченных. Прондзинского предупредили, что штурм прекратится только после подписания капитуляции.

Но не прошло и двух часов, как из неприятельских укреплений снова началась все усиливающаяся стрельба. Тогда главнокомандующий приказал продолжить наступление. Беглым шагом с барабанным боем пехотинцы и гренадеры устремились вперед. За

ними следовала в резерве гвардия и кавалерия. Редуты брались штыковой атакой так скоро, что поляки не успевали увозить в тыл батареи.

Несмотря на упорнейшее сопротивление, были взяты Вольская и Иерусалимская заставы и городской вал между ними. Несколько гренадерских батальонов ворвались в город, где и заночевали на Иерусалимской аллее. Около полуночи пала линия варшавских укреплений от Маримонтской до Черняковской застав на расстоянии 12 верст. Иван Федорович приказал проделать в городском валу амбразуры для батарейных орудий.

Однако на этом приступ Варшавы прекратился. Поляки, так и не дождавшиеся подхода сильного корпуса генерала Ромарино, не отважились на дальнейшее сопротивление. Впрочем, уже бессмысленное.

Сейм утвердил капитуляцию. Главнокомандующему польской армией приказывалось к пяти часам утра очистить Варшаву и Прагу, а войска отвести к Плоцку. В том числе и подходивший корпус Ромарино.

В восемь часов утра гвардейские полки вступили в Варшаву. Трофеями знаменитого штурма стали 132 орудия и все, что имелось в городе у Польской регулярной национальной армии.

Вечером генерал-фельдмаршал граф Паскевич-Эриванский отправил в столицу курьером внука Суворова с кратким донесением: *«Варшава у ног Вашего Императорского Величества»*.

Наградой Ивану Федоровичу за штурм Варшавы стало возведение его в «княжеское потомственное достоинство с проименованием Варшавского и с титулом Светлейшего». Пятилетний сын полководца был пожалован первым офицерским чином прапорщика.

Однако взятие Варшавы еще не означало конец восстания в Польше. Генерал Рыбинский сменил Малаховского на посту главнокомандующего польской армией. Боевые же действия продолжались с успехом для русского оружия. События разворачивались стремительно. Главные силы противника попадают в окружение под Модлином. Корпус генерала Ромарино вытесняется в Австро-Венгрию, где он складывает оружие. Корпус Ружицкого, потерпев от войск Ридигера несколько поражений, отступил через Краков в австрийскую Галицию, где его тоже разоружили.

Последний удар польская армия получила под крепостью Модлин. 16 сентября Иван Федорович сам прибыл сюда и, перейдя реку Нарев, крупными силами начал настойчивое преследование

противника. Тот, отступая через Пинские леса, так и не отважился на решительное сражение.

Финал боевых действий в Царстве Польском был таков. 23 сентября остатки «мятежной» армии перешли границу с Пруссией, где их уже ждали. Там около 20 тысяч человек (остальные или попали в плен, или разбежались) с 96 орудиями сложили оружие перед прусскими властями. С получением такого известия сдались гарнизоны сильных крепостей Модлин и Замостье.

Император Николай I пожаловал всем участникам военных действий против польских повстанцев крест-«оборотень» — военный орден Польши «Виртути Милитари», повелев считать его за медаль. Крест делился на пять классов. Знак 1-го класса — золотой крест с эмалью — выдавался с плечевой лентой только главнокомандующему армией и командирам корпусов.

...А граф Эриванский и светлейший князь Варшавский превратился из кавказского наместника в наместника Царства Польского, командовавшего всеми войсками на его территории. Забот ему, как и на Кавказе, хватало. «Мирные» годы военного вождя николаевской России прошли в налаживании жизни в польских губерниях, заботах о процветании края.

Иван Федорович Паскевич, как полководец, находился в зените ратной славы.

Гусарский поэт генерал-лейтенант Денис Васильевич Давыдов так писал о нем:

«Не имея повода питать глубокого уважения к фельдмаршалу князю Варшавскому, я, однако, для пользы и славы России не могу не желать ему от души новых подвигов. Пусть деятельность нашего Марса, посвященная благу победоносного русского воинства, окажет на него благотворное влияние. Пусть он, достойно стоя в челе победоносного русского воинства, следит за всеми усовершенствованиями военного ремесла на Западе и ходатайствует у Государя, оказывающего ему полное доверие, о применении их к нашему войску...»

ВЕНГЕРСКИЙ ПОХОД

Спустя почти два десятилетия в биографию прославленного генерал-фельдмаршала Российской империи «вошла» венгерская революция 1848—1849 годов.

Она стала прямым следствием французской революции 1848 года, отозвавшейся по всей Европе: в Италии, Пруссии, Австро-Венгрии. При первом же известии о революции в Европе Император Николай I во всеуслышание сказал придворным военным:

— Господа! Седлайте коней...

Самодержца больше всего озаботили события в пограничных с Россией Венгрии и Трансильвании. 15 марта народным восстанием в городе Пеште началась венгерская буржуазная революция, направленная против владычества австрийской династии Габсбургов. Имперские войска и хорватская армия Й. Елачича терпели поражения от венгров. Николай I в письме от 16 марта писал польскому наместнику, находившемуся на «переднем крае»:

«Мы должны находиться в оборонительном, почти в кордонном расположении... обращая самое бдительное внимание на собственный край, дабы все попытки дома укрощать в самом начале».

Можно сказать, что всероссийский Император опасался одного — что революция через галицийскую границу с Австро-Венгрией перейдет на русскую часть Польши. Николай I не хотел оказывать помощи венскому двору, так как был убежден, что император Франц-Иосиф справится с «бунтовщиками» собственными силами.

Однако восставшие венгры, создавшие национальную армию, нанесли австрийцам ряд серьезных поражений и стали угрожать их столице. В Вене началась паника, и оттуда в 20-х числах апреля в Варшаву к царскому наместнику летит срочная депеша о помощи немедля.

Между Варшавой и Санкт-Петербургом расстояние более чем в тысячу верст. Светлейший князь Варшавский мог рассчитывать получить ответ не ранее, как через 12—15 дней. И тогда он на свой страх и риск посылает по железной дороге пехотную дивизию генерала Панютина числом в 10 тысяч штыков при 48 орудиях.

Защищать русским австрийскую столицу не пришлось. Венгры не стали штурмовать Вену. Тем временем польский наместник получает от Государя письмо, подтверждавшее вдогонку правильность его действий:

«Не щади каналий, ежели Вена и потеряна, дело ты исправишь, уничтожай гнездо бунта...»

Австрийские сановники зачастили в Варшаву, обхаживая полководца, чье слово перед монархом России могло оказаться решающим. Дела у венского двора складывались все хуже и хуже. Наконец Николай I понял, что следует спешно спасать соседнюю империю. 21 мая в Варшаве состоялась его встреча с Францем-Иосифом.

Россия обязалась выставить против восставшей Венгрии армию в 240 тысяч человек. Из них 140 тысяч должны были перейти венгерскую границу, 60 — направлялись в Галицию, а 40 тысяч оставлялись в Придунайских княжествах в качестве резерва. Австрия брала на себя продовольственное снабжение русской армии. Пруссия пропускала через свою территорию по Верхнесилезской железной дороге из Кракова 30 тысяч русских солдат. С буржуазными революциями европейские монархи боролись в XIX веке «всем миром».

Руководство действиями против венгерской армии возлагалось на прославленного генерал-фельдмаршала России. Тот разработал план наступления. Согласно ему действующие войска делились на две колонны — правую и левую. Направление главного удара — на Пешт. Но перед этим походным колоннам предстояло соединиться на венгерской территории у города Эпериеш.

Правая колонна генерала графа Ф.В. Ридигера в составе 32 тысяч человек при 120 орудиях входила в Венгрию от города Ней марка.

Главная — левая колонна русской армии во главе с самим Паскевичем-Эриванским (70 тысяч войск, 240 орудий) начинала поход от городов Змиграда и Дукла, из Галиции.

Одновременно значительные силы направлялись в Трансильванию. Здесь действовали объединенные отряды генералов Лидерса и Гротенгельма численностью в 38 тысяч человек.

Император Николай I писал наместнику Царства Польского перед началом похода:

«Необходимо, чтобы с первого удара наше дело было переломлено в пользу правого дела. Надо, чтоб как громом грянуло, и все было кончено».

Паскевич-Эриванский, хорошо зная боевые возможности вооруженных сил императора Франца-Иосифа, писал в Санкт-Петербург, что в его расчеты будет всегда путаться австрийская армия, в действиях которой он никогда не мог быть уверен. И жаловался на трудности со снабжением, обещанным министром-президентом Австрии князем Феликсом Шварценбергом.

...Левая колонна выступила в поход 16 июня, правая — через два дня. Выступление русской армии в Венгерский поход совершалось при чрезвычайно торжественной обстановке, в присутствии самого Императора.

Северная армия противника насчитывала всего около 10 тысяч человек. По другим источникам — 17 тысяч ополченцев. Командовал ею генерал Высоцкий. Превосходство русских было полным. Иван Федорович создавал для венгерского генерала постоянную угрозу обхода казаками, двигая вперед колонны. Венгерская армия отходила без сопротивления. Русские войска продвигались без выстрелов.

Только 22 июня у Шамоша кавалерийский авангард имел дело с противником. Без боев занимаются важные в тактическом отношении города Мишкольц и Токай на реке Тиссе. Токай становится главной операционной базой русской экспедиционной армии.

Венгерские войска, стараясь всячески избегать больших столкновений с русскими, искусно маневрировали. Паскевича-Эриванского часто упрекают в том, что, имея сильную кавалерию, он не проводил операций на окружение и последующий разгром по частям национальной армии Венгрии. В действительности он просто не стремился к такому исходу военных действий.

Генерал-фельдмаршал «просчитал»: в той ситуации давление мощными колоннами и их маневрирование довольно скоро вынудят главнокомандующего венгерской армией Артура Гергея к капитуляции. Тем более, что венгры вели тяжелые, ожесточенные бои с австрийцами. И реальную помощь могли получить только от поляков, вступавших в их армию.

С взятием Мишкольца следующим важнейшим пунктом боевых операций должен был стать Пешт, столица Венгрии. Там Паскевич-Эриванский предполагал встретить отступающую от Коморна Верхнедунайскую армию Гергея и сразиться с ней.

Продвижение русской армии проходило успешно, почти без столкновений с противником. Теперь она находилась всего в семи переходах от берегов Дуная.

Но дела со снабжением обстояли все хуже. Австрийский главнокомандующий генерал Гайнау заявил русским посланцам, напоминавшим о заверениях князя Шварценберга: «Прежде всего надлежит заботиться об обеспечении моей армии, а потом уже — русской». И русской армии в итоге пришлось «кормиться» реквизициями.

Настоящим бичом стали болезни, особенно эпидемия холеры. За первые пять дней пребывания русских войск на берегах Тиссы слегло 15 тысяч человек. Холера фактически обескровила 4-й пехотный корпус.

Тем временем австрийцы постоянно отступали от ранее утвержденного сторонами плана военных действий. Союзники опаздывают к городу Вайцену, где русские отряды вели 3—5 мая бои с армией Гергея. Та, маневрируя, избегает угрозы окружения.

Вайценское сражение лишний раз убедило Ивана Федоровича в том, что успех в венгерской войне можно решить «не баталиями, а маневрами». То есть полной победы можно добиться малой кровью.

Светлейший князь Варшавский правильно расценивал расстановку противоборствующих сил и перспективу войны. Он прямо писал Государю, что венское правительство вместо того, чтобы «стараться помириться с народом венгерским, раздражает их прокламациями...»

...План русского главнокомандующего по «силовому давлению» на венгерскую армию с постоянной угрозой окружения сделал свое дело. Руководители восставшей Венгрии скоро поняли всю бесперспективность борьбы одновременно против армий России и Австрии. Особенно после того, как генерал Лидерс разбил в Трансильвании поляка Юзефа Бема, едва ли не самого решительного и удачливого революционного генерала. Тот ушел в Турцию, принял ислам и впоследствии воевал против России в Крымской войне на Кавказе.

Верховный правитель Венгрии и инициатор создания национальной армии Лайош Кошут 11 августа подписал отречение от власти, передав ее всецело Артуру Гергею. Так военный министр становится диктатором. Тем самым судьба революции, так успешно начавшейся, была решена.

Уже 12 августа на военном совете в крепости Вилагош по предложению нового диктатора принимается решение о сдаче венгерской армии русской. Только ей, чтобы избежать массовых репрессий, массовых казней мадьяр, как того просто жаждало венское правительство императора Франца-Иосифа.

13 августа венгерская национальная армия сложила оружие на равнине между местечком Зараня и деревней Селлож (вблизи города Арада в современной Румынии).

Генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич-Эриванский писал Императору Николаю I после сдачи армии Гергея при Вилагоше:

«Вы победили Венгрию, она у ног Ваших, и война оканчивается...»

Венгерский поход стоил России 708 человек погибшими и 2447 ранеными. Боевые потери очень небольшие по сравнению с тем, какой урон понесла австрийская армия, так и не одержавшая ни одной громкой победы.

Скромные потери... Если, конечно, не считать 10 885 умерших из 85 387 человек, переболевших холерой. Последняя цифра составляет больше половины численности всей действующей русской армии.

Пленные венгерские генералы, офицеры и солдаты-гонведы по договору между Австрией и Россией передавались Австрии. На этом настоял император Франц-Иосиф. Из тринадцати революционных генералов девять потом было повешено, четверо — расстреляно. Из 475 офицеров, представших перед военным судом в городе Араде, 231 был приговорен к смертной казни, в дальнейшем замененной долгосрочным тюремным заключением.

Из руководителей восставшей против австрийского владычества Венгрии помилованным оказался только один — Гергей. Его отправили подальше от родины — в Клагенфурт без права выезда оттуда.

Иван Федорович и Государь-наследник российского престола Великий Князь Александр Николаевич попытались было заступиться за сдавшихся русской армии венгерских генералов и офицеров. На что министр венского двора Виссенберг ответил весьма красноречиво:

— От русских зависит судьба венгерцев! Мое австрийское сердце не может этого стерпеть...

Все участники Венгерского похода получили боевую наградную медаль с надписью на обороте: «За усмирение Венгрии и Трансильвании 1849».

Для штаб-офицеров и генералов отчеканили серебряную медаль. На лицевой стороне ее под лучезарным «всевидящим оком» изображен двуглавый российский орел, терзающий трехглавого змея. По окружности надпись: «Разумейте языцы и покоряйтесь». На оборотной стороне другая надпись: «Российское победоносное войско поразило и усмирило мятеж в Венгрии и Трансильвании в 1849».

В 1941 году по решению Сталина Советский Союз перед самым началом Великой Отечественной войны вернул Венгрии, союзнице гитлеровской Германии, взятые русской армией генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича-Эриванского боевые знамена венгерской национальной армии 1848 года...

Полководец Российской империи с триумфом возвратился в Варшаву. Дел для Ивана Федоровича в Царстве Польском хватало. И гражданских, и по управлению расквартированных там войск.

НА ПОСЛЕДНЕЙ ВОЙНЕ — КРЫМСКОЙ

На Востоке между тем собиралась гроза — назревала очередная русско-турецкая война. Паскевич-Эриванский смотрел на ее приближение с явным неудовольствием, считая бесполезной и предвидя нежелательные для страны результаты. За Турцией зримо стояли Франция и Англия. И Австрия, готовая отплатить своей недавней спасительнице России «неблагодарностью».

Оттоманская Порта объявила России войну 4 октября 1853 года, откровенно мечтая захватить Крым и Кавказ. В Черное море вскоре вошли корабли англо-французского флота с десантом на борту. 9 февраля 1854 года Россия была вынуждена объявить войну Великобритании и Франции.

Первоначально боевые действия в Восточной войне развернулись на Дунае, Черном море и в Закавказье. Дело до Балтики, Белого моря и берегов Тихого океана еще не дошло.

На Балканах султанской армии полководца Омер-паши числом почти в 150 тысяч человек противостояла русская Дунайская армия численностью в 82 тысячи бойцов. Во главе ее стоял престарелый генерал «придворной службы» М.Д. Горчаков, в котором задатки боевого командира, увы, давно атрофировались. По оценке современников, это был угодливый и подобострастный царедворец, не доверявший ни начальству, ни солдатам и не способный к самостоятельным действиям. Но он, однако, пользовался доверием монарха.

Поэтому русские войска, вступившие в Дунайские княжества, повели ограниченные боевые действия без привычного для них по прежним войнам оперативного размаха. Николай I вскоре понял свою ошибку с назначением командующего. Требовался явно бо-

лее деятельный человек. И выбор царя вновь пал на польского наместника, полководца, известного всей Европе и особенно в Турции.

Ивану Федоровичу шел тогда уже восьмой десяток лет. Хотя здоровье его оставляло желать лучшего, он без долгих раздумий принял Высочайшее предложение. По-другому поступить он просто не мог.

В конце марта 1854 года генерал-фельдмаршал отправился на Дунай и 3 апреля прибыл в город Фокшаны. Оттуда с конным конвоем из сотни казаков-линейцев, сотни азербайджанских всадников и полсотни горцев через Бухарест прибыл в расположение действующей армии.

Весной русские войска форсировали Дунай. Начало боевых действий против армии Омер-паши ознаменовалось взятием нескольких турецких крепостей. Однако важнейшую из них на реке — Силистрию с сильным гарнизоном — предстояло подвергнуть осаде.

Престарелый полководец находился в крайне озабоченном расположении духа. «Спасенная» им Австрия сосредотачивала армейские силы в тылу русской операционной линии. К близкой Варне направлялся огромный англо-французский флот. Он спешил на помощь султанской армии. Поэтому по прибытии на место Иван Федорович отозвал из Малой Валахии отряд генерала Липранди, который мог оказаться в западне. А к осаде Силистрии разрешил приступить только 29 апреля. По всей видимости, предвидя скорый отход от Дуная, он не пошел на совершенное обложение крепости, оставив ей сообщение с Шумлой.

Все же 28 мая генерал-фельдмаршал лично провел рекогносцировку Силистрии, во время которой получил контузию. Она виделась неопасной, но сопровождалась лихорадочным состоянием, весьма серьезным для человека преклонного возраста. По настоянию врачей светлейший князь Варшавский 1 июня переехал в Яссы, передав командование все тому же Горчакову. Однако Иван Федорович оставил за собой право главных распоряжений относительно военных действий.

Главнокомандующий Дунайской армией уже видел, что энергичная осада Силистрии бесполезна. Союзники Турции высаживались в Варне. К августу там скопилось до 35 тысяч англичан и французов. Австрия, заключив конвенцию со Стамбулом, готовилась занять Придунайские княжества — Валахию и Молдавию.

Штурм же Силистрии неминуемо приводил бы к совершенно бесполезным в той ситуации потерям.

По настоянию Паскевича-Эриванского Император одобрил это единственно верное тогда решение. В ночь с 8-го на 9 июня, когда русские войска уже изготовились к генеральному штурму силистрийских укреплений, главнокомандующий прислал генералу от артиллерии князю Горчакову приказ снять осаду.

В конце июня 1854 года начался и в конце августа завершился полный вывод русских войск — более 100 тысяч человек — из Дунайских княжеств. Маневр отвода целой армии совершался по предписаниям главнокомандующего оперативно и успешно. Он словно предчувствовал, что заботливо выведенная им армия очень скоро востребуется совсем в другом месте.

Не был оставлен ни один из 27 тысяч больных и раненых. С русскими уходили болгарские, сербские и часть румынских повстанцев, сражавшихся против турок. Уходящих по пятам преследовала холера, которую завезли в Варну французские колониальные войска.

С полным выводом Дунайской армии генерал-фельдмаршал окончательно передал главное командование Горчакову (других кандидатур Император упорно «не видел») и уехал в свое гомельское поместье. А оттуда — в Варшаву, вновь вступив в управление Царством Польским. Расквартированная здесь Западная армия стерегла австрийцев по всей линии государственной границы.

Тем временем часть выведенных из Придунавья русских войск спешила из Бессарабии в Крым. Там начала высаживаться союзная англо-французская экспедиционная армия.

Когда на подступах к главной базе Черноморского флота разгорелись бои, Иван Федорович поспешил туда в качестве добровольного советника. В конце 1854 года престарелый генерал-фельдмаршал побывал на Крымском театре военных действий. К морской крепости Севастополю уже подбирались войска союзников, базировавшиеся теперь в совсем близкой Балаклаве.

Здесь полководцу довелось претерпеть жесточайший шторм на море 5 ноября, самый свирепый за все время севастопольской страды. Тогда страшный ураган выбросил на берег французский линейный корабль «Генрих IV» и на скалы огромный британский пароход «Принц», нагруженный запасом теплого белья для всей английской армии. Шторм наделал много и других бед.

Паскевич-Эриванский и сопровождавший его князь Урусов в тот день находились на небольшой яхте, мирно стоявшей в Севастопольской бухте. Сидя во время шторма в большой каюте, они увидели вдруг над собою в люке бушприт парохода «Громоносец», навалившегося на яхту. К счастью, изменившийся ветер разъединил их. Иначе могло произойти непоправимое. После урагана оба князя дали себе обет, что больше не будут жить ни на яхте, ни на пароходе, а преспокойно на суше...

Иван Федорович болезненно следил за севастопольскими событиями. Весть о кончине Императора Николая Павловича как громом поразила его и ускорила развитие болезни в желудке — скирры (одной из форм рака). Могучий организм генерал-фельдмаршала еще боролся со страшным недугом. По временам чувствуя себя хорошо, он продолжал заниматься служебными делами.

Известие о вступлении союзников в Севастополь вконец сразило его. Так свидетельствуют очевидцы. 20 января 1856 года светлейший князь Варшавский граф Паскевич-Эриванский закрыл глаза навеки в тот самый день, когда англичане взорвали корабельные доки в Севастополе.

Из жизни ушел великий полководец России.

В предсмертном завещании Ивана Федоровича, прекрасно знавшего и понимавшего душу простого солдата, значилось следующее. Он завещал на смертном одре в государственный инвалидный капитал (был такой в старой России) на пособия изувеченным и раненым воинам огромную сумму в 50 тысяч рублей серебром. На эти деньги генерал-фельдмаршал просил — на проценты банковские от общей суммы — содержать в год до 200 человек увечных нижних чинов.

Тело покойного целую неделю стояло для прощальной церемонии в замковой церкви Варшавы. Оттуда 28 января с царскими почестями было перевезено в село Ивановское (Дембин) Люблинской губернии, где его погребли в фамильном склепе. На пути от Варшавы до Ивангорода по обеим сторонам дороги народ выходил навстречу в скорбном молчании. Ночью окрестные жители являлись с зажженными факелами и при проезде печальной колесницы обнажали головы. Большой государственник, Иван Федорович Паскевич за время своего двадцатипятилетнего наместничества в Царстве Польском сумел заслужить уважение и простого народа...

С Высочайшего соизволения в войсках Российского государства объявили, что *«его светлости господина генерал-фельдмаршала, генерал-адъютанта, главнокомандующего действующей армией, генерал-инспектора всей пехоты, шефа пехотного и егерского имени его полков, наместника в Царстве Польском, члена Государственного совета, имеющего портрет его императорского величества алмазами украшенный и ордена: святого апостола Андрея Первозванного алмазами украшенного, святого великомученика и победоносца Георгия 1-го класса большого креста, святого равноапостольного князя Владимира 1-й степени большого креста, святого Александра Невского украшенного алмазами, Белого Орла, святой Анны 1-й степени алмазами украшенного, иностранных: прусских: Черного Орла, украшенного алмазами, и Красного Орла первых степеней, персидского Льва и Солнца 1-й степени на золотой цепи и турецкой Луны кавалер; имеющий золотую шпагу, алмазами украшенную, с надписью: «За поражение персиян при Елисаветполе», золотую шпагу с надписью «За храбрость», золотую шпагу, алмазами украшенную, пожалованную его величеством королем прусским, и польский знак отличия за военные достоинства 1-й степени князя Ивана Федоровича Варшавского, графа Паскевича-Эриванского не стало».*

«...ХОЧЕТ УДИВИТЬ МЕНЯ ПОБЕДОЙ»

Генерал от инфантерии Василий Осипович БЕБУТОВ

История кавказских войн давно прошедшего XIX столетия богата славными викториями русского оружия, дала много героических имен. Здесь, в Закавказье, на южном порубежье раз за разом прокатывались войны то с османской Турцией, то с шахской Персией, шла многолетняя борьба с имаматом Шамиля. Российская граница на кавказском юге не раз испытывалась на крепость духа тех, кто ее защищал.

Победоносная армия России возродила в закавказских народах боевой дух их прошлого, принесла освобождение от чужеземного ига. Войдя в состав дружественного им государства, кавказские народы восстановили свою территориальную целостность и культурную самобытность. И обрели общую границу.

Вооруженная борьба на пограничных рубежах, боевая дружба людей самых разных национальностей дали признание ратным заслугам перед российским Отечеством многим полководцам и военачальникам. В том числе и тем, чьи корни уходят в земли Закавказья.

КАВКАЗЦЫ НА СЛУЖБЕ РОССИИ

Один среди них — генерал от инфантерии князь Василий Осипович Бебутов. Выдающийся сподвижник кавказских наместников и полководцев А.П. Ермолова, И.Ф. Паскевича и М.С. Воронцова. Он покрыл себя ратной славой в двух русско-турецких войнах. Герой Ахалцыха, Баш-Кадыклара и Кюрук-Дара...

Полководец родился в городе Тифлисе в 1791 году. Род Бебутовых нисходил к одному из дворянских семейств, переселившихся в Грузию после падения Армянского царства. Здесь свободолю-

бивые люди нашли пристанище и не раз отличались на бранном и гражданском поприще своей новой родины, особенно в XVII и XVIII столетиях.

Прадед Василия Осиповича — Ашхорбек, сумел дослужиться на царской службе до должности мелика (губернатора) столичного Тифлиса. Он стал им в тяжелейшее время для страны, когда турки-османы овладели Грузией, бывшей в то время под властью персов, и когда царь Теймураз удалился к горцам-пшавам. Мелик Ашорбек погиб в 1724 году при взятии Тифлиса турецкими войсками.

Через одиннадцать лет могущественный персидский Надир-шах отвоевал у турок Грузию и возвратил подвластное Тегерану царство Теймуразу. А сына-наследника его, царевича Ираклия, взял в заложники. С будущим грузинским государем Ираклием II в столицу Персидской державы отправился и дед будущего русского генерала от инфантерии — Барсаг (Василий) Бебутов, в истории больше известный под именем Мелик-ага.

В чужой стороне он заслужил славу храброго и умелого военачальника. Участвовал вместе с царевичем Ираклием в завоевательном походе Надир-шаха на Индию в 1739 году. И за оказанные на поле брани услуги восточному владыке был пожалован драгоценной саблей и должностью мискарбаша — егермейстера при шахском дворце.

Воспользовавшись длительными кровавыми междоусобицами в Персидском государстве, последовавшими после смерти самовластного Надир-шаха в 1747 году, царь Ираклий II восстанавливает независимость Грузии. Близкий ему человек Мелик-ага становится тифлисским губернатором и мискарбашем. Эти посты наследственно переходят к его сыновьям, старшему Ивану, умершему в сирийской столице городе Дамаске, куда он был послан с царским поручением, а потом и к младшему — Иосифу (Осипу), бывшему тогда главным казначеем при царевиче. К слову сказать, в Грузинском царстве род Бебутовых стал княжеским.

Младший князь Бебутов женился на дочери царского милахвара — шталмейстера, Марье Осиповне Коргановой, которая родила ему пять сыновей. Старшим из них был Василий.

Во время страшного погрома Тифлиса, учиненного персидской армией Ага-Магомед-хана, семейство князей Бебутовых счастливо спаслось бегством из города в близкие горы, укрывшись там в одном из ущелий. Персы учинили погоню за этими и другими

беглецами, и уйти от нее удалось только тем, кто обладал быстроногими конями и хорошо знал дороги в горах. Когда персидские войска ушли из разоренного Тифлиса, беглецы возвратились в грузинскую столицу.

Князю Бебутову довелось отличиться при отражении грузинским ополчением большого набега с гор Дагестана аварского хана Омара. Когда в самом конце XVIII столетия русские войска под командованием генерала Лазарева вошли в Грузию, мелик Бебутов встал в ряды ревностных приверженцев российского подданства.

Отец Василия Осиповича подружился с генералом князем Павлом Дмитриевичем Цициановым, главнокомандующим кавказскими войсками России и главноуправляющим Грузией. Бебутов-старший не раз участвовал в цициановских военных экспедициях. За воинскую доблесть в бою против персидского войска на реке Занге в 1804 году он, командир отдельного отряда, награждается чином полковника и орденом Святой Анны 2-й степени с алмазами.

В тифлисском доме князя Иосифа Бебутова, отличавшегося большим гостеприимством, часто собирались известные военачальники русских войск на Кавказе. Среди гостей бывали генералы Лазарев, Гуляков, Котляревский, Портнягин, Карягин и многие другие. В частом общении с ними шло становление старшего из сыновей мискарбаша, мечтавшего о военной карьере в рядах русской армии.

По совету и при содействии царского наместника на Кавказе отец решает отдать сыновей на военную службу. Василий и Давид поступают в тифлисское училище для благородных детей, основанное в 1801 году российским уполномоченным при грузинском царском дворе, статским советником Коваленским. На содержание этого учебного заведения П.Д. Цицианов обратил дань с замиренных джаро-белоканских лезгинских вольных обществ.

Князь Давид Осипович Бебутов дослужился до звания генерал-лейтенанта и кончил свои дни в должности коменданта столицы Царства Польского города Варшавы. Он был близким помощником царского наместника в Польше генерал-фельдмаршала графа Ивана Федоровича Паскевича-Эриванского, князя Варшавского.

Другой младший брат В.О. Бебутова — князь Александр Бебутов — будет убит в 1828 году в Абхазии.

Еще один младший брат — князь Павел Бебутов — умрет вскоре после взятия русскими войсками турецкой крепости на Черном море города Поти.

Дольше всех проживет князь Георгий Бебутов. Он был единственным из братьев, для которого отец выберет гражданскую карьеру. Георгий Осипович дослужится до должности председателя губернской Уголовной палаты и уйдет из жизни в 1860 году.

С 1807-го по 1809 год юный князь Василий Бебутов продолжил обучение в Санкт-Петербурге в 1-м Кадетском корпусе. Учился он с прилежанием, «примерно». В этой дворянской военной школе традиционно было принято вывешивать в читальне портреты лучших воспитанников, еще не выпустившихся в войска. Таких портретов писалось художниками всего лишь десять. В те годы среди них находился и рисованный образ кадета Бебутова. Военно-учебное заведение он заканчивает, успешно сдав выпускные экзамены, в чине армейского прапорщика.

Начинать офицерскую службу ему пришлось в родном Закавказье, получив должность батальонного адъютанта (начальника штаба батальона) в Херсонском гренадерском полку. Молодой прапорщик, прекрасно знающий край и усердный в повседневной службе, сразу же обратил на себя внимание и сослуживцев, и старшего начальства.

Уже в следующем году молодого князя берет к себе в адъютанты генерал от кавалерии Александр Петрович Тормасов, главнокомандующий русскими войсками на Кавказе и на Кавказской линии (в будущем московский генерал-губернатор и граф). Думается, что будущему генералу от инфантерии Бебутову повезло с таким наставником. Тормасов к тому времени уже сложился как опытный и авторитетный военачальник. Не случайно в Отечественную войну 1812 года он командовал 3-й русской армией, став перед этим членом Государственного совета Российской империи.

СЛУЖБА У ТОРМАСОВА И ПАУЛУЧЧИ

В 1810 году прапорщик князь Василий Бебутов получает боевое крещение. Шла русско-турецкая война 1806—1812 годов. Если на дунайских берегах велись широкие военные действия, то на Кавказе они носили с двух сторон преимущественно оборонительный характер. И в Санкт-Петербурге, и в Стамбуле решили ограничиться на Кавказском театре военных действий защитой государственной границы.

Однако такое высочайшее обстоятельство не помешало генералу от кавалерии А.П. Тормасову провести поход на сильную турецкую крепость Ахалцых. Она была укреплена не только людскими руками, но и самой природой. Ахалцыхские укрепления состояли из крепкой городской цитадели на крутой голой скале и собственно самой крепости, расположенной ниже.

Русский отряд, выступивший в поход на территорию враждебной страны, состоял из двенадцати пехотных батальонов и трех тысяч кавалерии — драгун, казаков и местной кавказской милиции. Войска, обложившие Ахалцыхскую крепость, имели осадную артиллерию — несколько крупнокалиберных пушек и мортир. Ахалцых обороняло 10 тысяч турок и лезгин под начальством воинственного султанского губернатора Шериф-паши. Гарнизон верил в неприступность горной крепости и в собственную храбрость.

При подходе русского отряда к Ахалцыху крепостной гарнизон во главе с Шериф-пашой смело вышел ему навстречу. Ожесточенный бой в поле закончился в пользу русских. Казачьи сотни и конные кавказские милиционеры опрокинули вражескую конницу и заставили ее спешно укрыться за крепостными стенами. Войска Тормасова укрепились в походном лагере, после чего начались осадные работы.

Ахалцых готов был пасть. С окружающих высот турецкую крепость обстреливали осадные батареи, в войсках заканчивалась подготовка к генеральному штурму. Но вскоре генерал от кавалерии Тормасов принимает неожиданное для всех, в том числе и для неприятеля, решение — он уводит отряд обратно в Грузию.

Причиной такого решения кавказского главнокомандующего стала эпидемия чумы, вспыхнувшая в осажденном турецком гарнизоне и с пленными занесенная в русский осадный лагерь. С чумой во все времена шутить не приходилось, она выкашивала в Средние века и пол-Европы, а потом и целые армии, которым приходилось спасаться от нее кто как может, даже бегством.

Прапорщик Василий Бебутов при обложении крепости исполнил немало рискованных поручений главнокомандующего. По ходу дела он знакомился с походной организацией войск, ведением рекогносцировок, с противником и местностью. С Ахалцыхом судьба свяжет князя Бебутова еще раз, дав ему ратную славу и признание в кавказских войсках.

После Ахалцыхской экспедиции прапорщик принимает участие в делах против горцев. Перестрелки, погони, штурм лесных

завалов, конные стычки, военные экспедиции в горы для наказания «немирных» аулов за совершенные разбойные набеги — все это шло своей привычной чередой и служило хорошей школой для молодых офицеров и нижних чинов.

Вскоре генерала от кавалерии А.П. Тормасова отзывают с Кавказа, поскольку его опыт и способности требовались в подготовке русской армии к назревавшей войне против наполеоновской Франции. На его место из Санкт-Петербурга прибывает маркиз Филипп Осипович Паулуччи, фигура интересная в кругу российских военачальников.

Паулуччи, генерал-поручик и генерал-адъютант, успел до русской армии послужить в трех европейских: пьемонтской (поскольку родом он был итальянцем), австрийской и французской. Перебравшись на службу к российскому монарху, он участвовал в войнах против Турции и Швеции. После Отечественной войны 1812 года он станет генерал-губернатором Лифляндским, Эстляндским, Курляндским и Псковским. В 1829 году оставит русскую службу и удалится в Италию, где станет главным инспектором войск королевства Сардинии и генерал-губернатором Генуэзским.

По совету Тормасова маркиз Паулуччи взял к себе князя Василия Бебутова в адъютанты. Исполнять же тому приходилось обязанности порученца нового царского наместника в Кавказском крае. Молодой офицер быстро выдвигается на военной службе в число людей перспективных, многообещающих офицеров.

Маркиз Паулуччи настолько ценил способности Бебутова и любил его, что через год забирает его с собой в Россию. Кавказский наместник после Тифлиса получает назначение на должность начальника штаба 1-й русской Западной армии. Но на этом месте он не задержался, став вскоре рижским губернатором и командиром отдельного корпуса, расквартированного в Прибалтике.

В Отечественной войне 1812 года двадцатиоднолетнему князю посчастливилось участвовать в боях против наполеоновских войск. Он проходит командирское становление в ходе операции по преследованию корпуса маршала Франции Макдональда от Риги до портового города Мемеля. Затем пройдет с русской армией по дорогам Европы в ее Заграничных походах 1813—1814 годов. Война против Франции закалит офицера, познакомит с боевыми достоинствами русских воинов, утвердит в нем стремление быть настоящим военным человеком.

ВНОВЬ НА КАВКАЗЕ

1816 год князь Василий Бебутов встречает в чине поручика лейб-гвардии Семеновского полка. В том году он убывает из Санкт-Петербурга, получив назначение на Кавказ. И опять адъютантом к кавказскому главнокомандующему, на сей раз к Алексею Петровичу Ермолову. Прославленный военачальник антинаполеоновских войн, герой Бородинского сражения был наслышан о способностях молодого князя Бебутова. К слову сказать, новый главноуправляющий Кавказским краем прекрасно разбирался в людях и редко ошибался в их достоинствах.

Теперь служба гвардейского офицера становится самой разнообразной — то военной, то административной, то дипломатической. В 1817 году он сопровождает А.П. Ермолова в чрезвычайном посольстве России в Персию. Там поручик знакомится с устройством европеизированной иранской армии, за что получает признательность главнокомандующего. То есть в ходе дипломатической миссии Бебутов исполняет обязанности военного разведчика. Он посещает города Тавриз и Тегеран, знакомится с системой их оборонительных сооружений.

Знание персидского языка позволяет ему завести знакомство со многими шахскими военачальниками и даже с самим наследным принцем Аббас-мирзой. От них российский дипломат в офицерских погонах черпает немало полезной информации. Пройдет десяток лет, и она пригодится ему в ходе второй русско-персидской войны.

После возвращения из Персии князь Василий Бебутов участвует в боевых действиях против горцев. Он числится в составе отряда, разгромившего вольное горское общество Акушу-Дарго, население которого Ермолов называл самым «воинственным, сильнейшим в Дагестане». Русский отряд, разгромивший силы акушинцев численностью в 15 тысяч человек, состоял из трех пехотных батальонов, 500 линейных и донских казаков и так называемой «татарской конницы», сформированной в дагестанских ханствах.

После этой военной экспедиции князь Василий Бебутов отличается при штурме Хозрека. Этот укрепленный горский аул пал под ударом отряда князя Мадатова. К началу 20-х годов ермоловский адъютант получил репутацию боевого офицера и имел хороший послужной список.

В 1821 году князь Бебутов переводится в столичный гарнизон, в родной лейб-гвардии Семеновский полк. Вскоре он оставляет ряды гвардии, получает чин армейского полковника и назначается командиром Мингрельского егерского полка. И почти одновременно становится главноуправляющим Имеретии, одной из исторических областей Грузии. Вслед за этим следует назначение командиром 2-й бригады 22-й пехотной дивизии. Такое начальство дало Бебутову опыт командования кавказскими стрелками, успешно воевавшими в горах.

Служба у князя складывалась вполне удачно. В начале 1828 года, перед самой русско-турецкой войной, следует производство в генерал-майоры.

С объявлением войны главнокомандующий русскими войсками на Кавказе граф Иван Федорович Паскевич-Эриванский приглашает молодого генерала в состав действующего корпуса. Тот с благодарностью принимает приглашение прославленного полководца, только-только победно закончившего войну с Персией.

Русско-турецкая война 1828—1829 годов дала много побед армии России — и на берегах Дуная, и на Балканах, и в Закавказье. Именно в этой войне раскрылся талант Василия Осиповича Бебутова как военачальника. Особенно отличиться ему довелось под так хорошо знакомой крепостью Ахалцых.

Русские войска, перейдя государственную границу, обложили вражескую крепость. Начальник ее гарнизона Махмед-паша решил не сдавать османскую твердыню и сражаться до последней возможности. Поэтому он решительно отверг предложение русского главнокомандующего сдаться на почетных условиях. Началась осада Ахалцыха.

Генерал-майор Бебутов со своими егерями не раз участвует в схватках с осажденными, совершавшими дерзкие вылазки. Его солдаты и офицеры приняли участие в ночном штурме Ахалцыхской крепости, а самого командира мингрельцев видели на самых опасных участках приступа. Он был в числе тех, кто утром 16 августа первым вошел в поверженную османскую крепость. В Стамбуле надеялись, что Махмед-паша со своими воинами удержит границу и не даст «неверным» продвинуться дальше.

Боевые заслуги генерал-майора В.О. Бебутова при штурме Ахалцыха главнокомандующий кавказскими войсками оценил очень высоко. По его представлению Император Николай I награждает

князя Золотым оружием — шпагой с алмазами и надписью «За храбрость».

Паскевич-Эриванский, близко познакомившийся с командиром мингрельцев, заранее подготовил ему новое назначение. В день взятия Ахалцыхской крепости тот назначается начальником (правителем) покоренного Ахалцыхского пашалыка и берет в свои руки бразды военного и гражданского управления горной областью.

Кампания первого года войны закончилась для русского оружия на Кавказе успешно. Но в окружении турецкого султана не хотели примириться с понесенными территориальными утратами в Азиатской Турции, особенно с потерей ключевых крепостей Карс и Ахалцых.

Султан приказывает отбить их во что бы то ни стало.

ЗАЩИТА КРЕПОСТИ АХАЛЦЫХ

Из Стамбула (Константинополя) высылается султанский фирман аджарскому владетелю Ахмад-беку с требованием отнять зимой у русских Ахалцых. Почему именно зимой? Потому что в эту пору действующий Отдельный Кавказский корпус был до весны отведен в Грузию на постоянные квартиры. А в захваченных турецких крепостях оставались сравнительно небольшие гарнизоны.

Бебутов имел в крепости Ахалцых гарнизон силой в полторы тысячи человек, всего два пехотных батальона. Правда, очень опытных — испытанных в боях кавказских стрелков. Мог он рассчитывать и на содействие армянского населения пашалыка. Припасов имелось достаточно, и их должно было хватить до весны, до той поры, когда горные дороги окончательно просохнут и станут проходимыми для обозных повозок.

Султанское командование надеялось, что глубокие снега занесут все дороги, ведущие в Ахалцых из Грузии. Помощь же русскому гарнизону могла прибыть только оттуда. Кроме того, турки считали, что с приходом их войск под стены крепости за оружие возьмется мусульманское население пашалыка.

Ахмад-бек, собрав под свои знамена почти 20-тысячную армию, совершил зимний переход по хорошо знакомым горным дорогам и 19 февраля 1829 года внезапно появился перед Ахалцыхом. Русские, откровенно говоря, зимой неприятеля в горном

крае не ждали. Надо признать, правитель Аджарии действовал как опытный полководец. Своим авангардным отрядом он поспешил занять выход из Боржомского ущелья и дорогу в Имеретию. Сообщение ахалцыхского гарнизона с Грузией и главной штаб-квартирой Паскевича-Эриванского оказалось прерванным.

20 февраля многотысячное войско аджарского владельца плотно, со всех сторон, обложило крепость. Ахмад-бек мог быть уверен в себе, тем более что эрзерумский сераскир обещал прислать ему пять тысяч отборной султанской пехоты и шесть орудий. Из мусульман пашалыка создается ополчение. Казалось, что теперь у турок набиралось вполне достаточно воинских сил, чтобы легко взять штурмом Ахалцыхскую крепость и истребить затворившихся в ее стенах русских. Или длительной осадой принудить их к капитуляции на милость победителей.

Подтянув к Ахалцыху все наличные силы, Ахмад-бек Аджарский без затяжек во времени предпринимает яростный штурм крепости, который не без труда русскими отражается. Затем все повторяется: приступ следует за приступом. Но все они отбиваются картечными залпами и штыковыми контрударами. Каждый раз султанское воинство, в рядах которого явно не хватало регулярной пехоты, несло большие потери.

Целых две долгих недели длилась героическая оборона Ахалцыхской крепости. Аджарский корпус так и не сумел сломить сопротивление двух батальонов русской пехоты. Причем защитникам города пришлось сражаться за крепостной оградой, серьезно поврежденной еще во время взятия Ахалцыха и не восстановленной в начале зимы.

В осажденном гарнизоне стали кончаться боеприпасы, а ожидаемая помощь из Грузии все не подходила.

Генерал-майор Бебутов переносил все тяготы осадной жизни наравне со своими бойцами. Начальник гарнизона умело поддерживал в них бодрость духа и стойкость. В немалой степени благодаря ему защитники пограничной твердыни держались мужественно и их не устрашал вид тысяч воинов Ахмад-бека, устремлявшихся на очередной штурм.

Правитель Аджарии, потеряв всякую надежду на успех, перешел к затяжной осаде крепости. В это время его войска занялись усиленным грабежом городских кварталов и предместий, обрушив свой «гнев» против местного христианского населения. В считанные дни Ахалцых был подвергнут полному разорению.

Уставший ждать добровольной капитуляции русских и уже больше не отваживавшийся на очередной штурм, Ахмад-бек пустился на хитрость. К князю Бебутову от него прибывает парламентер, который объявляет от имени полководца светлейшего султана:

— Божьей и султанской милостью мне легко войти в крепость. Но так как я питаю к вам любовь и дружбу, то желаю, чтобы вы сдались без сопротивления и остались невредимыми...

Бебутову не составило большого труда разгадать уловку правителя Аджарии, которому султан за возвращение Ахалцыха обещал всякие милости. Поэтому российский начальник турецкого пашалыка ответил беку в письме следующее:

«Почтеннейший Ахмад-паша! Храбрость русских солдат вам известна, они умеют брать и защищать крепости. С помощью Бога и с сими храбрыми солдатами я во всякое время готов встретить вас. Хотя вы полагаете, что легко войти в крепость, но я думаю напротив».

По свидетельству очевидцев, Василий Осипович Бебутов с самого начала осады стал душой обороны Ахалцыха. Не случайно военный историк В.А. Потто, авторитетнейший знаток войн России на Кавказе, так отзывается о начальнике гарнизона осажденной крепости:

«Генерал-майор Бебутов личным присутствием и примером воодушевлял каждого. Видя его на стенах, солдаты единодушно изъявляли готовность умереть с оружием, но крепость не сдавать. Это единодушное мужество взаимно ободряло самого начальника и давало ему новые силы».

Как ни старались османы перекрыть зимние пути-дороги, все же в Тифлис пришла тревожная весть. Из Грузии на помощь осажденному русскому гарнизону по горам заспешила поддержка. Главнокомандующий Паскевич-Эриванский направил к Ахалцыху «наблюдательный» отряд под командованием бесстрашного полковника Бурцева в составе семи пехотных рот при пяти полевых орудиях.

Отряд шел на выручку через Боржомское ущелье. Но это была еще не вся помощь. Бурцев был лишь авангардом. Следом шли войска генерал-майора Муравьева, имевшего под своим начальством пять батальонов пехоты при 13 легких пушках. Эти силы тоже следовали по дороге, проходившей через Боржомское ущелье, заблокированное при выходе аджарцами. Однако те при при-

ближении русских оставили занимаемые позиции и отошли, не принимая боя.

«Наблюдательный» отряд полковника Бурцева подошел на дальние подступы к Ахалцыху 4 марта. В осадном лагере при виде его началось замешательство. Ахмад-бек никак не рассчитывал, что на помощь русскому гарнизону из Тифлиса по зимним горным дорогам так скоро прибудет помощь. Но все равно он имел над противником подавляющее преимущество в силах и мог вполне резонно рассчитывать на победу в полевом бое под стенами города. Теперь все свое внимание аджарцы и турки обратили на подходивших со стороны Боржомского ущелья русских.

Тем не менее генерал-майор Бебутов сумел получить достоверные сведения, что неприятель после неудачных штурмов и понесенных немалых потерь убоялся подходившей помощи осажденным. Более того, предусмотрительный Ахмад-бек задумал отступить в том случае, если русские войска начнут перехватывать пути из Ахалцыха в Аджарию и Эрзерум. Василий Осипович в лучших суворовских традициях решает «помочь» бегству 20-тысячного султанского войска.

Совершенно неожиданно для врага из осажденной крепости выходит почти весь гарнизон — начинается вылазка отряда из пяти рот пехоты. Неприятельские сторожевые посты просмотрели эту вылазку русских. А те сразу пошли в штыковую атаку на османский лагерь. Аджарский бек боя в чистом поле не принял. Его отряды решили бежать прочь от Ахалцыха, забыв о всяком воинском порядке и стремясь только сохранить собственные жизни и спасти награбленное добро.

Однако спокойно отступить по горной дороге к горному перевалу туркам не дали. Вовремя подоспевший к месту событий полковник Бурцев и ахалцыхские «сидельцы» нанесли аджарцам серьезные потери в людях и лошадях.

Всего под стенами осажденной крепости османы лишились четырех тысяч человек, артиллерии, несколько сотен воинов Ахмад-бека попало в плен (это были в основном те, кто по пути бегства не захотел расстаться с награбленными тяжестями). Значительным оказался и нанесенный бежавшим моральный урон.

Потери русского гарнизона за все время стойкой обороны Ахалцыхской крепости составили всего 95 человек убитыми и ранеными. Убыль в людях оказалась ничтожно малой по сравнению с тем, чего не досчитались осаждавшие в своих рядах после того, как прекратилось их преследование.

За умелое и доблестное командование войсками при защите Ахалцыха генерал-майор Василий Осипович Бебутов удостаивается ордена Святой Анны сразу высшей, 1-й степени. Его имя получает известность в рядах русской армии...

Война закончилась Адрианопольским мирным договором. Турции пришлось признать присоединение Восточной Армении (бывшего Эриванского ханства, подвластного до того персидскому шаху) к России. Под управление России переходили города-крепости Ахалцых и Ахалкалаки, а также кавказское Черноморское побережье от устья Кубани до пограничной Пристани Святого Николая включительно. По мирному договору эти земли, как было записано, «пребудут в вечном владении Российской империи».

Главный победитель в русско-турецкой войне 1828—1829 годов генерал граф И.И. Дибич тепло поздравил графа И.Ф. Паскевича-Эриванского с занятием и «закреплением» за Россией Ахалцыхской крепости. Полководец считал ее по военно-стратегическому положению «важным приобретением» для обеспечения безопасности Грузии и ее столицы Тифлиса.

В докладе же по инстанции начальника управления Генерального штаба полковника Скалона по этому вопросу отмечалось следующее:

«Пашалык Ахалцыхский, принадлежавший частию и Грузии, Самхетии и Армении, населен грузинами и армянами, — по смежности к российским областям, по местоположению и по крепостям своим, неизбежно оный присоединить к России, сопричисляя в состав Грузии или Самхетии» (под этим названием подразумевалась Армения).

По окончании войны с Турцией генерал-майор В.О. Бебутов назначается начальником Армянской области, образованной в Кавказском наместничестве из бывшего Эриванского ханства. Он управлял ею довольно долго, вплоть до 1838 года.

В новом для себя качестве Василий Осипович показал себя умелым администратором, который в самый непродолжительный срок смог наладить мирную жизнь на разоренной войной земле. Он создал условия, чтобы земледельцы возвращались на свои поля, чтобы оживлялась торговля. Он пресек действия разбойных отрядов, которые еще недавно рыскали по дорогам армянских област-

тей. На армянскую землю пришла долгожданная мирная жизнь. Владычество персидского шаха и турок-османов безвозвратно ушло в историческое прошлое.

Бебутов заканчивает миром пограничные земельные неурядицы с Персией. Упорядочивает взаимоотношения с армянской церковью. В 1831 году по указанию графа Паскевича-Эриванского он обеспечивает избрание вместо беспокойного Н. Аштаракеци более «умеренного» архиепископа И. Карпеци.

Армянская область, однако, недолго просуществовала как самостоятельная территориальная единица В Санкт-Петербурге за ее ликвидацию энергично выступил сенатор барон П.Д. Ган, являвшийся председателем Закавказской правительственной комиссии. Генерал-майор В.О. Бебутов, как член Совета главного управления Закавказским краем, выступил против. Возникший конфликт закончился в пользу барона Гана, влиятельного лица в Правительствующем Сенате.

В 1840 году Бебутов получает новое назначение — его переводят в Главный штаб полевой действующей армии, и он на некоторое время оставляет Кавказ.

Вскоре его захотел видеть под своим командованием николаевский фаворит наместник Царства Польского генерал-фельдмаршал граф И.Ф. Паскевич-Эриванский. Героя обороны Ахалцыха, на деле познавшего опыт осады сильной крепости, в 1842 году переводят в Польшу. Там он назначается комендантом мощной крепости Замостье.

10 октября 1843 года следует долгожданное производство Василия Осиповича Бебутова в генерал-лейтенанты.

ВОЙНА С ГОРЦАМИ. КОМАНДИР ДАГЕСТАНСКОГО ОТРЯДА

В следующем году он возвращается на Кавказ, где принимает командование над войсками, стоявшими в Северном и Нагорном Дагестане — так называемым Дагестанским отрядом. Одновременно Бебутов становится управляющим этим краем, в котором полыхало пламя войны России с теократическим государственным образованием — имаматом, созданным усилиями упорного Шамиля. Здесь Василий Осипович стал известен тем, что решительными действиями, привлекая на свою сторону противников деспотичного вождя мюридов, парализует их деятельность и не дает Шамилю укрепиться.

Это было время наибольших военных успехов имама Шамиля и его армии, время усиления имамата.

Генерал-лейтенант В.О. Бебутов проводит поход против мюридов и очищает от них укрепленные аулы Анди и Гумбет, бывшие в то время опорой имама. Во время Даргинской экспедиции летом 1845 года, которую проводил сам царский наместник на Кавказе граф М.С. Воронцов, Бебутов сопровождал продовольственный обоз к местам боев с Шамилем (экспедиция была трудной и кровопролитной; мы потеряли 984 человека убитыми, включая трех генералов, 2753 ранеными, 173 пропавшими без вести).

При вторжении войск Шамиля осенью 1846 года в Даргинский округ, местное население обратилось за помощью к командиру русского Дагестанского отряда, штаб которого располагался в городе Темир-Хан-Шуре. Сосредоточив в селении Дженгутай десять батальонов пехоты при 12 полевых орудиях и три сотни конной горской милиции, Бебутов устремился навстречу неприятелю, делая быстрые переходы по горным дорогам.

Бои в горах Дагестана следуют один за другим. 13 октября штурмом берется аул Аймяки, передавшийся Шамилю. Выбитые из селения мюриды отступают к главным силам имама. Князь Бебутов во главе отряда преследует их буквально по пятам. Через два дня он решительно атакует неприятельские войска, находившиеся под командованием самого Шамиля у селения Кутиши (Куташи). Тому после ожесточенного сражения с русскими приходится бежать, хотя у горцев было значительное численное превосходство.

Разгром войска имама под Кутиши имел большое значение для последующих операций в горах Дагестана. За одержанную победу генерал-лейтенант В.О. Бебутов награждается орденом Святого Георгия 3-й степени.

Бебутовский Дагестанский отряд до начала зимы в горах проводит еще несколько наступательных «поисков». Происходят новые столкновения с мюридами. Следуя за отступающими, русские рассеивают войска Шамиля у урочищ Цудахар и Худжал-Махи, под аулом Аймяки.

В 1847 году командир Дагестанского отряда участвует в обложении и в приступе хорошо укрепленного аула Гергебиль, окружен-

ного каменной стеной. На это селение, стоявшее на перекрестье дорог в горах, имам Шамиль возлагал большие надежды, и потому мюриды защищались с большим упорством. Штурм аула закончился полной неудачей. Два пехотных батальона, ходившие на приступ, потеряли едва ли не половину своего состава — 125 человек убитыми и 432 ранеными, почти сразу всех своих офицеров.

Участник экспедиции на Гергебиль генерал князь Волконский писал, что «все подробности фортификации были хорошо известны нам давно... но, к сожалению, не знали мы самого важного, что каждый дом представлял собой ловушку».

Английский историк Джон Бадли в своей работе, изданной в 1907 году по Кавказской войне в России, так описывает тот штурм Гергебиля: «Плоские крыши ниже стоящих саклей были разобраны и покрыты тонким слоем хвороста, присыпанного землей». Редеющие цепи штурмующих, к своему ужасу и под «дикий хохот» и брань горцев, падали в эти мышеловки. Приступ Гергебиля пришлось прекратить.

Горная крепость в той экспедиции так и не была взята. Главных причин было две. Во-первых, русская артиллерия расстреляла почти все снаряды и бомбы. Во-вторых, экспедиционные войска поразила эпидемия холеры. Она, в частности, «сильно выкосила» и Дагестанский отряд генерала Бебутова. Стояние перед Гергебилем без артиллерийских боеприпасов стало бессмысленным, и решение кавказского наместника М.С. Воронцова об отходе было единственно верным.

Падение Гергебиля могло стать «звонком» для правителя имамата. Кавказская война, затянувшаяся на несколько десятилетий, близилась к своему логическому завершению. Аул будет взят в последующем. Именно в конце 40-х годов горские народы, отдельные селения и целые области стали отказывать в доверии имаму.

Генерал-лейтенанту Бебутову не довелось лично лицезреть последние аккорды Кавказской войны. В конце 1847 года Василий Осипович получает новое назначение и становится начальником гражданского управления и председателем Совета главного управления Закавказского края. Из Дагестана, из города Темир-Хан-Шура, он переезжает в родной Тифлис. В этой хлопотливой должности князь и георгиевский кавалер пребывает до самого начала Крымской (или Восточной) войны 1853—1856 годов.

Бебутов принимает самое деятельное участие в реформах, которые проводил в Закавказье царский наместник князь М.С. Во-

ронцов (княжеский титул он получил за Даргинскую экспедицию). Край после разорительных войн обустраивался, укреплялась новая государственная граница, налаживались экономические связи с российскими губерниями.

Заслуги боевого военачальника в управлении Закавказским краем не остались незамеченными Императором Николаем I Павловичем. Он награждает князя Бебутова орденом Святого Александра Невского.

НАЧАЛО ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЫ

...Война Российского государства против враждебной ему коалиции европейских держав — Франции, Великобритании и Сардинии, выступивших в поддержку терпевшей одни поражения султанской Турции, — сразу же пришла на Кавказ. Ее начало вновь вернуло генерал-лейтенанта В.О. Бебутова, обладателя многих боевых наград, на ратное поприще. Кавказская граница в Крымской войне сразу же оказалась в огне малых боев и больших сражений.

Первая военная кампания 1853 года, равно как 1854-го и 1855-го, на Кавказе протекала в очень трудных для России условиях. И если эта кампания ознаменовалась рядом блестящих побед, вершиной которых стало взятие крепости Карс, то в конце концов именно эти победы оказали большое влияние на ход итоговых мирных переговоров в Париже.

Победы на территории Азиатской Турции были достигнуты не только благодаря храбрости русских войск, оперативности в действиях командования Отдельного Кавказского корпуса. Но и во многом благодаря патриотическому, мужественному поведению в той войне грузинского, армянского и азербайджанского народов.

Для них Крымская война стала как бы продолжением вековой борьбы против беспощадного «наследственного» врага, от вторжений которого население Закавказья могла оградить только Россия. В той войне в составе русских войск с турками сражалось значительное число местных национальных воинских формирований, конных и пеших, полков, сотен, дружин, отрядов.

Для армянина по национальности, родившегося в столице Грузии, генерала российской службы Василия Осиповича Бебутова вооруженная борьба на Кавказе стала спасением отчей земли и ро-

дительского дома. И не только для него. В Стамбуле, когда зачинали новую «священную войну» с Россией и выдвигали непомерные ультимативные требования, вряд ли учитывали то, что все народы Закавказья столь дружно выступят против вражеского нашествия.

Начало боевых действий на Кавказе давало для турецкой армии хорошие перспективы. В крае к началу войны у русских на Кавказе было сосредоточено до 140 тысяч русских войск. Но почти все они оказались заняты борьбой с имамом Шамилем или стояли гарнизонами в крупных городах. На государственной границе с Оттоманской Портой находилось всего около 10 тысяч человек и 32 полевых орудия.

В Санкт-Петербурге приняли решение к началу боевых действий усилить войска, находившиеся за Большим Кавказским хребтом. В сентябре 1853 года севастопольская корабельная эскадра под флагом вице-адмирала Нахимова блестяще выполняет сложную десантную операцию. Черноморский флот перевозит из Крыма и высаживает в Абхазии 13-ю пехотную дивизию, насчитывавшую 16 тысяч бойцов, с артиллерией и двумя ракетными батареями. Казалось, что ситуация на государственной границе изменится сразу в лучшую сторону.

Но царский наместник генерал-фельдмаршал М.С. Воронцов рассудил по-своему. Основную часть войск прибывшей пехотной дивизии он оставил в Сухум-Кале (современный Сухуми, столица Абхазии), а меньшую часть отправил на усиление гарнизона крепости Ахалцых. Правда, своим приказом Воронцов снял часть войск с Лезгинской кордонной линии, прикрывавшей Тифлис и предгорья от набегов горцев Шамиля, и перебросил их на границу.

Последнее было рискованным решением. Оттоманский султан возвел имама Шамиля в звание генералиссимуса и очень надеялся на то, что горцы нанесут сильный удар в спину русским войскам в Закавказье. В мае 1855 года глава имамата получил из Стамбула «груз» знамен и отрядных значков, а в сопроводительном письме говорилось, что Шамилю обещается пост валия (губернатора) города Тифлиса после его захвата.

В результате к началу боевых действий в составе действующего Отдельного Кавказского корпуса насчитывалось не так уж и много войск. Они состояли из 32 с половиной пехотных батальонов, 10 эскадронов драгун, 26 сотен казаков и 54 сотен грузинской милиции при 75 полевых орудиях.

Имевший преклонный возраст — 72 года и плохое здоровье генерал-фельдмаршал Воронцов просто не мог командовать войсками в ожидаемой со дня на день войне. Царский наместник и главнокомандующий на Кавказе мог только управлять ими из Тифлиса. В столичном Военном ведомстве пересмотрели немало кандидатур на должность командующего действующим Отдельным корпусом. В итоге в Санкт-Петербурге сделали, как показал начальный период Крымской войны, правильный выбор.

Высочайшим указом Императора Николая I от 19 сентября 1853 года генерал-лейтенант Василий Осипович Бебутов назначается командующим корпусом. Его войска были разбросаны вдоль государственной границы от Ахалкалаки до Эривани. Организационно действующий Отдельный корпус состоял из трех оперативных отрядов. Каждый из них прикрывал вверенное ему направление.

Гурийским отрядом командовал генерал-лейтенант князь Гагарин. Ахалцыхским (центральным) — генерал-лейтенант князь Андронников (о нем у нас будет отдельный очерк). Главные же силы кавказских войск, выделенные для прикрытия приграничья, были сосредоточены в Александропольском отряде, которым командовал лично князь Бебутов. Одновременно ему приходилось осуществлять общее руководство корпусными силами.

В отличие от противной стороны султанское командование стянуло на Кавказский театр военных действий значительные силы — до 70 тысяч человек. Командовавший ими полководец Абди-паша крупные силы сосредоточил у Карской крепости, одновременно собрав большие отряды у Батума, Ардагана и Баязета. Главной целью первоначального наступления турецких войск являлся захват Ахалцыха и Александрополя. Оттуда прямой путь вел на Тифлис.

После успешной переброски из Севастополя в Абхазию 13-й пехотной дивизии Императору Николаю I казалось, что теперь Отдельный Кавказский корпус сможет в случае войны перейти в решительное наступление. Государь так и пишет своему наместнику князю Воронцову:

«...Желаю я, чтобы ты непременно перешел в наступление, направляясь на Карс, и, овладев оным, равно как и Ардаганом...»

Однако приказывать свыше и издалека всегда легче, чем выполнять желаемое на месте. И генерал-фельдмаршал Воронцов, и генерал-лейтенант Бебутов понимали, что за задачи стоят пе-

ред ними. Поэтому и переброшенная из Крыма пехотная дивизия почти вся осталась на Черноморском побережье для его защиты от вполне реального сильного морского десанта турецких войск. Разведка доносила, что в Батуме противная сторона сосредоточила большое число всевозможных судов со всего анатолийского берега, а часть их прибыла из-за пролива Босфор.

На Кавказском побережье до прибытия 13-й дивизии находились лишь немногочисленные сторожевые посты. Так, поселок Редут-Кале защищался всего одной пехотной ротой. А в портовом городе Поти, где имелось «две каменные, очень хорошо сохранившиеся крепости», стояла воинская команда в 40 человек.

Еще перед началом войны российскую государственную границу стали тревожить разбойные шайки башибузуков и куртинцев (курдов). Особенно тревожное положение сложилось в областях Восточной Армении — Ширакe, Сурмалу и Эчмиадзине. Грабилось имущество селян, угонялся за кордон скот, сжигались дома и христианские церкви. Местное население вынуждено было создавать отряды самообороны, закупая для них оружие. Бебутов из Александрополя оказал Восточной Армении необходимую помощь, и набеги на эти земли почти прекратились.

Восточная война, по обычаям восточного вероломства, началась на Кавказе до ее официального объявления. Абди-паша спешил внезапным ударом обеспечить себе начальный успех кампании. Но полководец султана просчитался в своих расчетах. Успехи турецких войск ограничились лишь уничтожением небольшого гарнизона пограничного поста Пристань Святого Николая и удачного боя с русским разведывательным отрядом, которому пришлось отступить. На этом победы османов и кончились.

Проводя ответную операцию, отряд генерал-лейтенанта Андронникова наносит неприятелю сильное поражение на берегах реки Посхов-чай. Между тем главный триумф кавказцев в военной кампании 1853 года ожидался впереди.

Турецкий главнокомандующий во главе 40-тысячного корпуса (главных сил Анатолийской армии) двинулся к Александрополю. Абди-паша от лазутчиков имел достоверные сведения о малой численности русских войск, бывших там. В ночь на 2 ноября неприятель подошел к городу всего на 15 километров и остановился походным лагерем у Баш-Шурагели. Походный стан укрепляется, во все стороны отправляются конные разведывательные отряды.

Узнав от своих дозорных партий о появлении больших сил султанских войск, Бебутов без промедлений высылает навстречу Абди-паше отряд в семь тысяч человек. Его командиру генерал-майору князю Орбелиани ставится задача остановить дальнейшее продвижение турок и провести разведку боем.

Князь Орбелиани сразу выстроил выделенные под его команду войска в боевой порядок и двинулся к деревне Баяндур через селение Караклис. Движение русского отряда и его численность сразу же стали известны неприятельскому командованию. Было решено его уничтожить, благо сил турки имели более чем достаточно. Равно как и времени на устройство засады в лесистых горах.

Будучи полководцем по заслугам, а не по чину, Абди-паша расположил со всей скрытностью многочисленную пехоту по флангам узкого дефиле в горах, по которому наступал отряд противника. А огромную 40-орудийную батарею турки поставили так, чтобы можно было встретить русских залпами в упор.

Ошибкой, и весьма дорогостоящей, разведывательного отряда генерал-майора Орбелиани стало то, что он сам не вел разведку неприятеля и даже не выслал вперед боевого охранения. Отряд спокойно прошел селение Караклис, перебрался через глубокий овраг и речку. На ее противоположном берегу он стал перестраиваться в походную колонну для дальнейшего следования по гористой местности.

В эти минуты турецкая артиллерия и открыла мощный залповый огонь. Одновременно султанская пехота стала быстро перестраиваться в боевой порядок для атаки подошедших русских. Возникни в их рядах замешательство, и Абди-паша мог бы праздновать победу.

К чести князя Орбелиани, он не растерялся, когда на его отряд обрушились смертоносные пушечные залпы. Из походной колонны в первую линию выдвигаются полевые пушки, которые сразу же начинают контрбатарейную стрельбу. Когда на позициях неприятельских орудийных расчетов стали рваться бомбы, то там началось заметное волнение.

По тому, как стал угасать огонь 40-орудийной батареи, полководец султана почувствовал, что такая очевидная недавно победа начинает уплывать у него из рук. Поразмыслив, он не стал бросать в атаку пехотные таборы (батальоны), а поступил более искусно.

По его приказу конная лава в несколько тысяч всадников устремилась в обход по узкой долине реки Арпа-чай. Здесь ей дорогу преградил небольшой драгунский отряд, усиленный азербайджанской конной милицией. Произошла яростная сшибка, и туркам, которые не смогли смять вставший на их пути заслон, пришлось отступить от места боя. Но далеко они не ушли, ожидая нового повеления паши.

Еще не прибыл от Орбелиани офицер с донесением, как по доносившейся издали канонаде генерал-лейтенант Бебутов понял ситуацию. Еще не зная направления главного удара подошедшего неприятельского корпуса и не рискуя оставить без надежного прикрытия город Александрополь, он отправляет в бой отряд генерала Андроникова. И тот заставляет Абди-пашу отступить от государственной границы.

Турки не стали ввязываться в большое полевое сражение, не надеясь на успех. Они сочли за лучшее отойти в направлении мощной во всех отношениях крепости Карс. Ее стены в трудной ситуации могли стать надежной защитой для султанского войска. Не случайно Карская крепость становилась ареной ожесточеннейших сражений в ходе нескольких русско-турецких войн. Армия России подступала к ней пять раз и четырежды брала ее штурмом. Принесенные конной разведкой сведения позволили командующему Отдельным Кавказским корпусом сориентироваться. Бебутов понял главное — опытный Абди-паша не хочет сразиться с ним на границе и всячески избегает прямого столкновения.

Вывод напрашивался сам: неприятеля следовало искать самому, чтобы нанести по главным силам Анатолийской армии упреждающий удар.

СРАЖЕНИЕ ПРИ БАШ-КАДЫКЛАРЕ

Началась маневренная борьба в горах. Абди-паша со своим корпусом, умело уклонившись от встречи с Бебутовым вблизи Баяндура, стал отходить к Карсу. 14 ноября Александропольский отряд пошел вдогон. Но как он ни спешил, турецкие войска ему все равно не удалось настичь. Они уже находились на подходе к Карской крепости. Через три дня изнурительных марш-бросков Бебутов отдал приказ остановиться. Вперед уходит конная разведка с задачей узнать, где находится неприятель и что он предпринимает.

Разведка задачу выполнила и донесла, что вражеский корпус не пошел в близкий Карс. Абди-паша во избежание неизбежных обвинений в трусости решил уже на своей территории стать укрепленным лагерем, благо для того он имел все необходимое под рукой. Он решил сразиться с русскими на подходе к крепости.

Султанский полководец, отдав все необходимые распоряжения, передал командование корпусом начальнику своего штаба Рейс-Ахмет-паше, а сам удалился в Карс. В последний момент Рейс-Ахмет-паша получил приказ главнокомандующего отвести войска с укрепленных позиций к крепости, но время было уже упущено. Расторопный князь Бебутов уже стоял с отрядом перед турками, настроенный только на генеральное сражение с ними.

Как только он узнал, что неприятель становится укрепленным лагерем по дороге к Карсу около селения Баш-Кадыклар, русские войска немедленно двинулись туда. Все тяжелые вещи Бебутов приказал оставить на месте под небольшой охраной. С собой было приказано взять провианта на пять дней, спирта по четыре порции на человека, зернового фуража для лошадей на пять дней и порожние повозки для больных и раненых.

К подходу русских войск турки все же сумели устроить полевые укрепления перед походным лагерем, поставить на выгодных высотах артиллерийские батареи. Местность позволяла им маневрировать как пехотными, так и конными резервами. В тылу находилась неплохая для гор дорога, по которой из Карской крепости могла быстро подоспеть на помощь конница.

Так что паша Рейс-Ахмет мог чувствовать себя на занимаемой позиции вполне уверенно. Однако его начальник Абди-паша такой уверенности не разделял, по-видимому лучше зная возможности российских воинов-кавказцев. Более того, если исходить из последнего приказа султанского полководца, в его сердце «заглянула» тревога за судьбу Анатолийской армии, главные силы которой остались у деревни Баш-Кадыклар.

Соотношение сил сторон изначально складывалось не в пользу Александропольского отряда. Он насчитывал всего 10 тысяч бойцов при 32 полевых орудиях. Противник, укрепившийся перед ним, имел до 36 тысяч человек, из них 14 тысяч — конного ополчения курдских племен. Да еще 46 орудий, поставленных на сильные позиции и простреливавших все подступы к укрепленному лагерю.

Ранним утром русский отряд вышел к Баш-Кадыклару. Генерал-лейтенант князь Бебутов в сопровождении командиров въехал

на коне на ближайшую высоту и смог беспрепятственно осмотреться. С горы хорошо виделись вражеские позиции. Турецкие войска уже не находились в своем лагере, а вышли из него во всем своем множестве, построившись для атаки подходившего противника. Такое их поведение оказалось неожиданным — по пути в отряд дошли слухи, что Абди-паша с анатолийцами продолжил отступление к Карсу.

Более успокаивающую для себя картину на поле предстоящей брани видел Рейс-Ахмет-паша, стоявший в окружении штабных офицеров. Самонадеянный султанский генерал не без презрения сказал:

— Русские совсем потеряли головы. Клянусь именем Аллаха, что я разобью их всех...

И он отдал приказ (занесенный в историю войн на Кавказе) по войскам примерно следующего содержания: Рейс-Ахмет-паша повелел отыскать и заготовить как можно больше веревок; для чего (?) — чтобы связывать русских солдат и офицеров, которые в этот памятный день 19 ноября начнут толпами сдаваться в плен! Связанных этими веревками пленников турецкой конной страже предстояло (это тоже приказывал паша) погонять плетками по дорогам Анатолии до самого Стамбула. Там «неверные» должны были предстать перед очами божественного султана и затем обратиться в османских невольников, закованных в цепи и продаваемых на рынках столицы Оттоманской Порты.

Трудно сказать, верил ли в такое чудо сам Рейс-Ахмет-паша, но его приказание подняло воинственный дух подчиненных. Уверенность же в себе на войне всегда значила очень многое.

Следует отдать должное начальнику штаба Абди-паше — он с тактической точки зрения грамотно построил доставшиеся ему в командование корпусные войска. Это и подтвердилось в ходе Баш-Кадыкларского сражения. Турецкие позиции располагались за рекой Мавряк-чай — притоке Арпа-чая, которая несла свои мутные воды в обрывистом овраге. На своем левом фланге у селения Огузлы паша поставил шесть пехотных таборов и полк регулярной кавалерии. В центре — восемь таборов. На правом фланге стояло под прикрытием пехоты 20 орудий. Рейс-Ахмет-паша позволил себе еще то, чего не мог сделать генерал-лейтенант Бебутов. Он создал из иррегулярной конницы племен куртинцев и восьми таборов пехоты мощные крылья, которыми

задумал охватить русский отряд в ходе сражения. В итоге получалось, что еще до начала баталии неприятель получал солидное преимущество в маневренности.

Проведенная рекогносцировка не выявила слабых мест в позиции анатолийцев. Исходя из нее, Василий Осипович утвердил диспозицию своих войск для атаки турок, согласно которой атаку предполагалось повести на селение Огузлы, что давало возможность в случае удачи перерезать неприятелю прямые пути отступления к Карсу. Эту опасность должны были увидеть и в султанском войске.

В полдень сражение открылось все усиливающейся артиллерийской дуэлью. Однако в огневой бой командующие сторон ввели только половину пушек. Часть батарей пока держалась в секрете друг от друга, иначе их могли обстрелять.

Русские войска выстраивались для атаки на виду у всех — в двух верстах от вражеской позиции. В первой атакующей линии шли четыре стрелковых батальона, которые поддерживали 16 полевых орудий. Командовал линией командир Грузинского гренадерского полка генерал-майор князь Орбелиани.

Фланги атакующей линии обеспечивали: справа — генерал-майор князь Чавчавадзе с тремя дивизионами нижегородских драгун и сотней конной грузинской милиции, слева — генерал-майор Багговут с двумя дивизионами нижегородцев и девятью сотнями линейных казаков-кубанцев. При кавалерии на флангах имелось по четыре конных орудия.

Второй атакующей линией из трех батальонов эриванских карабинеров и трех — грузинских гренадер начальствовал генерал-майор князь Багратион-Мухранский. Он доводился дальним родственником знаменитому нашему герою суворовцу князю Петру Ивановичу Багратиону. Третью линию составили три роты эриванцев. 4-й Донской казачий полк при двух орудиях поставили прикрывать отрядный обоз.

Бебутова еще при жизни обвиняли в том, что начальная атака велась им неискусно, без привязки к характеру местности. Главным доводом при этом являлось то, что анатолийцы отбили попытку первой линии ударить в штыки сильным ружейным и пушечным огнем из-за оврага и контратакой. В ходе первого столкновения все батальонные и почти все ротные командиры выбыли из строя. Но думается, что при том соотношении сил трудно было рассчитывать на быстрый сиюминутный успех.

Ободренный успехом, Рейс-Ахмет-паша бросает в охват русских многотысячную конницу. Положение вышедшего на поле боя русского отряда сразу же становится критическим. Справа на кавказцев устремилась регулярная султанская кавалерия, слева — легкоконные курды и башибузуки. Тем временем отступившая назад первая линия русских приводится в прежний порядок, но при этом смертельное ранение получает генерал-майор Орбелиани.

Чтобы восстановить положение, князь Бебутов берет из резерва две роты Эриванского карабинерного полка и лично ведет их в штыковую атаку на поддержку правофланговых сил. Василий Осипович со шпагой в руках командует солдатам:

— Ну, братцы! Пора и нам в дело! Вперед!..

Бесстрашный натиск нескольких сотен стрелков выправил положение. Штыкового боя контратакующие не приняли и отхлынули назад. Первая линия возобновила атаку неприятельской позиции, идя на приступ уступами. Удар наносился по 20-пушечной батарее, которая в ходе сражения становилась центром вражеской обороны.

Тем временем генерал Багговут на встречном движении опрокинул вражескую конницу и пошел вперед. Нижегородцы и казаки-линейцы лихо перескочили через речку и вынеслись на горное плато. Там их встретило большое каре турецкой пехоты, изготовившееся отразить наскок русской кавалерии. Скорее всего, анатолийцы отбили бы его.

Вслед за драгунами и линейцами на плато вынеслись конные орудия казачьего дивизиона есаула Кульгачева. Ему было суждено стать одним из главных героев сражения при Баш-Кадыкларе. Подскочив к каре на дистанцию всего в полсотни шагов, орудийные расчеты развернулись и стали расстреливать вражескую пехоту «ближней» картечью.

А вокруг каре, которое с первым залпом потеряло свою стройность, и артиллеристов есаула Кульгачева шла неистовая кавалерийская сеча. Казакам-линейцам с берегов Кубани под начальством подполковника Евсеева удалось опрокинуть атакующих султанских улан. Это позволило нижегородским драгунам врубиться в уже полностью расстроенное пехотное каре. Турки, и пешие, и конные, не выдержали нашего столь дружного натиска конницы и обратились в бегство.

Чтобы не упустить удачу из рук, генерал-майор Багговут, не теряя ни минуты, сразу же пошел в преследование. От него теперь зависел дальнейший успех атаки. Нижегородцы и линейцы, не теряя темпов наступления, стали заходить в тылы турецких таборов, ставших немыми свидетелями разгрома своего фланга.

Победная чаша весов стала теперь клониться в сторону русских. Анатолийцы стали оставлять позиции перед походным лагерем. Видя такое, пехотные таборы, еще не участвовавшие в сражении, словно по чьей-то команде, бросились на свой левый фланг к селению Огузлы, чтобы не лишиться пути к отступлению.

Рейс-Ахмет-паша еще пытался выправить положение. Огромная масса курдской племенной конницы и башибузуков начала контратаку правого фланга первой линии русских, где стоял с кавалерией князь Чавчавадзе. Его драгунам, сотне грузин-милиционеров и подоспевшим вовремя из резерва четырем сотням донских казаков пришлось целых три часа отбивать беспрерывные атаки легкоконных вражеских всадников, которые превосходили их числом в 8—10 раз!

Все же конникам Чавчавадзе удалось отбросить ополчение племен куртинцев к горе Караялу, хотя неприятель постоянно совершал наскоки. Нижегородские драгуны не только отбивали атаки, но еще и шли в преследование отхлынувшей неприятельской конницы. За три часа беспрестанных схваток кони и всадники русских так вымотались, что на исходе сражения не смогли пойти вдогон отступавшим.

Бебутов, руководивший Баш-Кадыкларским сражением, решил окончательно переломить ход баталии. Он вводит в дело всю отрядную артиллерию, которой командовал генерал Э.В. Бриммер. Орудийные расчеты встали в первую линию и повели прицельный беглый огонь. Турки теперь ничего не могли противопоставить русским пушкарям, стремясь только избежать разящих залпов и поскорее покинуть поле брани.

Под бой барабанов кавказская пехота усилила натиск и штыковыми ударами погнала перед собой перемешавшиеся таборы. Вскоре занимается селение Огузлы. Его захват и послужил сигналом к общему бегству войска Рейс-Ахмет-паши. Единственное, что ему удалось организовать, так это прикрыть отступавшую в беспорядке султанскую пехоту регулярной кавалерией и курдской конницей.

В противном случае разгром турецкого корпуса мог быть полным. Бежавшие имели такое численное превосходство над победителями, что заставили посчитаться с этим командира Алексан-

дропольского отряда. Он приказал прекратить преследование и вернуться всем назад.

Успех русского оружия в сражении при Баш-Кадыкларе был полный. Войска бывшего янычара Рейс-Ахмет-паши — турки, курды и арабы-сирийцы — в беспорядке отступили к Карской крепости. Они потеряли на поле брани до шести тысяч человек убитыми и ранеными, бросив весь походный лагерь, обоз и артиллерию числом в 24 орудия.

Среди трофейных пушек оказалось так называемое «баш-кадыкларское кровавое орудие», в силу обстоятельств оказавшееся в самом эпицентре жестокого рукопашного боя. По свидетельству очевидцев, вокруг него пало до полутора тысяч султанских пехотинцев. Знаменитое орудие Крымской войны вместе с зарядным ящиком нашло последнее пристанище в Санкт-Петербургском артиллерийском музее. Оно по сей день является молчаливым свидетельством ратной доблести воинов-кавказцев в описываемой нами войне.

Победители погибшими потеряли в сражении всего 317 человек — 9 офицеров и 308 нижних чинов. Но раненых набралось до тысячи человек...

После блестящей победы при селении Баш-Кадыклар многие думали, что генерал-лейтенант Бебутов продолжит наступление и подступится к Карсу. Однако этого не произошло. Командующий действующим Отдельным корпусом повернул Александропольский отряд назад, к государственной границе, чтобы на своей территории стать на зимние квартиры. Перед уходом с поля битвы захоронили павших. Еще одна братская могила русских воинов появилась в Азиатской Турции.

В брошенном неприятельском лагере многое пришлось сжечь, бросить множество палаток, солдатских ранцев, шинелей и огромное количество артиллерийских снарядов. Все это войсковое имущество просто не на чем было вывезти. Обозных повозок едва хватило на раненых и контуженых.

То, что отряд в семь тысяч пехоты и 2800 человек кавалерии нанес турецкому корпусу в 36 тысяч совершенное поражение и обратил его в поспешное бегство, победной строкой прозвучало в сводках войны. Затем последовала не менее блестящая победа русского Черноморского флота в Синопском морском сражении.

Кампания 1853 года в начавшейся очередной войне между Турцией и Россией, благодаря Баш-Кадыклару и Синопу, оста-

лась за Россией. Европа не могла не отреагировать на это. В Париже и Лондоне поняли, что Оттоманскую империю следует спасать. Восточная война превратилась в коалиционную, в которой держава Императора Николая I оказалась в одиночестве.

НАГРАДЫ ЗА ПОБЕДУ И УПРЕКИ ЗА НЕЕ

За победу при Баш-Кадыкларе генерал-лейтенант Василий Осипович Бебутов награждается полководческим орденом Святого Георгия 2-й степени. Орденские крест и звезду прислал ему сам наследник-цесаревич Великий Князь Александр (будущий Александр II Освободитель).

В императорском приказе говорилось, что награждение производится: «...за поражение турецкого корпуса Рейс-Ахмета-паши 19 ноября 1853 года в сражении при Баш-Кадык-Ларе». Приказ был подписан 6 декабря.

...Александрополь торжественно встречал победителей под колокольный звон и залпы орудийных салютов из крепости. Сам же Бебутов, официально обласканный и удостоенный очень большой наградой, оказался, однако, под огнем критики как в военных, так и правительственных кругах. Суть нападок состояла в одном: одержанная победа позволяла, мол, приступить к самой Карской крепости.

Видный отечественный историк генерал-лейтенант М. Богданович, написавший четырехтомную историю Восточной войны и считающийся вместе с Тарле крупнейшим ее исследователем, пишет:

«Баш-кадыкларская победа имела огромное значение для всего Кавказского фронта... Одаренный от природы большими способностями, Бебутов отличался замечательной решительностью и смелостью...»

Однако в то время так считали далеко не все. В числе критиков действий Василия Осиповича оказался даже его родной брат Давид, служивший в звании генерал-лейтенанта в Царстве Польском, при наместнике генерал-фельдмаршале И.Ф. Паскевиче, графе Эриванском и князе Варшавском.

В письме к брату в Варшаву из Александрополя от 17 января 1854 года герой Баш-Кадыклара приводит следующую мотивировку своих действий после одержанной победы, которая вызвала

столько противоречивых суждений и кривотолков даже в кругу близких Бебутовым людей:

«Прежде всего, — со всей справедливостью замечает Василий Осипович, — нельзя критиковать военные действия, находясь за 3000 верст от театра войны и не имея положительных сведений о действующих войсках, кроме константинопольского журнала и других заграничных газет, принадлежащих партии туркофилов.

Вы и ваши приверженцы, — пишет он далее, — говорите, что я должен был не давать разбитому неприятелю отдыха, взять Карс и там зимовать. Но вы упускаете из виду, что армия или корпус, предпринимающие наступательное движение, должны иметь при себе подвижные парки: артиллерийский, инженерный и провиантский. Без продовольствия войска двигаться не могут. Это аксиома.

Наконец, если всего этого не иметь в виду, то, по крайней мере, надо было бы принять в соображение число войск. Я должен был пойти с шестью батальонами доконать неприятеля, хотя разбитого, но еще втрое сильнейшего, взять Карс и зимовать там; тогда эти же самые тактики имели бы полное право считать меня сумасшедшим. С шестью батальонами я ходил в 1846 году против Шамиля и расколотил его, а теперь стара штука; в настоящую войну нельзя рисковать. Карс приведен в лучшее оборонительное состояние; маршал (имеется в виду Паскевич-Эриванский, с которым, очевидно, беседовал Давид Осипович Бебутов по поводу Баш-Кадыкларского сражения.— *А. Ш.*) весьма основательно изволил рассуждать, что в три дня этой крепости взять невозможно, да и нечем было приступить к осаде оной, ибо ни войск, ни снарядов не имелось!..

Любезный брат, я предвидел упрек, которому подвергался от военных людей, истинно военных людей, но то, что я не пошел за разбитым неприятелем, и такой упрек я заслужил бы в полной мере; но замечания фельдмаршала: имел ли я средства и достаточно войск для осады крепости, конечно, убедили вас, что если бы все это было у меня готово, то, без сомнения, двинулся бы вперед...»

Затем, сообщив младшему брату (который после смерти отца считал его за родителя) о том, что Государь, имея сведения о небольшом количестве войск, бывших в его распоряжении, не только не осудил его, но и наградил Георгием, Василий Осипович говорит:

«Теперь, обращаясь к судьям, по строгим правилам военного дела разбирающим действия генералов, скажу, что победа одержана, наша цель достигнута, ибо неприятель отброшен далеко от наших пределов; я, по милости царской, с Георгием II класса на шее; войска расположены на зимние квартиры здесь же по границе, а вы, почтеннейшие неумолимые судьи, хотели, чтобы я, воспользовавшись победою, двинулся далее, взял бы Карс и остался там зимовать. После хорошего и вкусного обеда, сидя в теплой комнате с сигарою во рту, весьма легко рассуждать вам таким образом».

В письме к своему брату Давиду Василий Осипович изложил не столько собственное оправдание от многочисленных упреков, сколько свои взгляды на начальный период Восточной (Крымской) войны...

СРАЖЕНИЕ У КЮРУК-ДАРА (ИЛИ У ГОРЫ КАРАЯЛЬ)

Победа при Баш-Кадыкларе не стала последней для кавказского полководца В.О. Бебутова. На его долю выпала еще одна, но более тяжелая и более знаменитая. Произошло это 24 июля следующего, 1854 года.

...Почти месяц стоял в бездействии Александропольский отряд в ожидании нового вторжения турецкой Анатолийской армии в пределы России. Князь Бебутов, как и кавказский наместник князь Воронцов, видели главную цель в надежном прикрытии государственной границы. При этом они трезво исходили из соотношения сил сторон и занимаемых позиций по отношению друг к другу.

Русский отряд стоял походным лагерем у селений Палдырван и Кюрук-Дара. К тому времени действующий Отдельный корпус получил подкрепление из 18-й пехотной дивизии и двух драгунских полков. Теперь его боевая численность равнялась почти 38 тысячам человек, из которых почти половина находилась в Александрополе. Сверх того было сформировано из добровольцев 200 сотен грузинской милиции. 28 из них пришло к Бебутову на усиление его отряда.

В Тифлисе у Василия Осиповича сменился начальник. Воронцов в начале 1854 года получил отпуск для поправления здоровья, а на место царского наместника был временно назначен генерал Реад,

который сам ничего не предпринимал. Все предложения Бебутова он направлял через главу Военного министерства на утверждение Императора.

Силы неприятеля заметно возросли. Анатолийская армия, доведенная до численности в 60 тысяч человек, стояла под ружьем в районе Карса. Значительные войска располагались в Батуме, Баязете и Эрзеруме. Передовой турецкий лагерь у селения Хаджи-вали находился всего в 15 верстах от походного стана александропольцев. Через лазутчиков и конную разведку стороны внимательно наблюдали друг за другом.

Новый султанский главнокомандующий Зариф-Мустафа-паша, введенный в заблуждение бездействием кавказских войск, решил сам перейти в наступление. К такому решению подталкивал его начальник штаба Гюйон, генерал союзной французской армии. Тот и предложил, используя тройное превосходство в силах, атаковать русских с фронта и с правого фланга, выслав одновременно конное ополчение племен в обход противника с целью перерезать все пути сообщений отряда Бебутова с Александрополем и для захвата вагенбурга русских.

Наступление Зариф-Мустафа-паша и генерал Гюйон назначили на 24 июня. Причем ночью 22-го лишние обозы были отправлены в Карс, чтобы они не сковывали движения войск. Вся Анатолийская армия делилась на две мощные колонны. Правая, под командованием полководца Керим-паши, наносила удар с фронта, опираясь своим правым флангом на гору Караяль.

Левая, более многочисленная колонна должна была решительно атаковать русских в правый фланг после удара войск Керим-паши. Левой колонной начальствовал Измаил-паша. Это был венгерский революционный генерал Кмети, перешедший на службу к султану, поскольку генерала Кмети и его соратников не приняла ни одна европейская страна. На гору Караяль отправили четыре пехотных батальона, вооруженных самыми современными ружьями — дальнобойными штуцерами при двух пушках.

Генерал-лейтенант Бебутов своевременно получил донесения разведчиков о том, что из турецкого военного лагеря у Хаджи-вали по дороге на Карс потянулись многочисленные обозы. Это означало только одно: Анатолийская армия пришла в движение и она будет только наступать.

Еще в марте месяце командующий действующим Отдельным Кавказским корпусом предоставил генералу Реаду свои соображения о развертывании наступления в сторону Карской крепости. Переписка Тифлиса с Санкт-Петербургом затянулась. Хотя в столице сразу одобрили предложение, сам Бебутов вдруг охладел к предстоящей наступательной операции и больше не вспоминал о ней.

Наконец через исполняющего обязанности царского наместника Реада приходит долгожданное разъяснение военного министра генерала от кавалерии князя Василия Андреевича Долгорукова: следует наступать, а не оглядываться назад. Такое послание главы Военного ведомства России давало полное право на инициативу в действиях.

В штабе Бебутова решили, что неприятельская армия по каким-то причинам отходит к Карской крепости. Поразмыслив, командир Отдельного корпуса решил атаковать ее на марше. К тому времени Александропольский отряд насчитывал 18 тысяч человек при 64 орудиях и 16 ракетных станках. Оставив тылы под охраной саперного батальона, двух казачьих сотен при 16 орудиях, отряд двинулся вперед.

Александропольцы перед рассветом 24 июля вышли походной колонной на дорогу, которая вела к селению Мешко. Командующий поставил в авангард пять конных сотен, остальную же кавалерию оставил в арьергарде. Марш совершался ночью, и потому в случае внезапного нападения врага пехота могла прикрыть собой конницу. Боевое охранение с флангов возлагалось на Сводный линейный казачий полк и конно-мусульманскую (азербайджанскую) бригаду.

Случается же в войнах такое: обе стороны готовились к нападению друг на друга в один и тот же день. И хотя противники вели дозорную службу и разведку, ни Бебутов, ни Зариф-Мустафа-паша не имели достоверных сведений о планах друг друга.

Александропольский отряд успел отойти от своего лагеря всего лишь на три версты, когда со стороны Хаджи-вали показался авангард Анатолийской армии. Ее походное движение с флангов обеспечивали отряды конных башибузуков.

Рассвет 24 июля застал противников в развертывании боевых порядков. Турки первыми взошли на гору Караяль и стали с ее вершины из двух орудий обстреливать тыл и фланг русского отряда. Но за дальностью пушечная пальба не приносила урона. Вместе с тем эта высота господствовала над местностью и с нее можно было легко перерезать дорогу к близкому Александрополю.

Верно оценив значение Караяли, Бебутов решил отбить ее у неприятеля во что бы то ни стало. Он отправил на штурм горы почти треть своей пехоты с кавалерией под командованием генерал-лейтенанта Белявского.

Остальные войска стали разворачиваться в две боевые линии против подходивших анатолийцев. Русский правый фланг защищался отрядной конницей. В резерв ставились четыре пехотных батальона с артиллерийской батареей. Остальные орудия находились в боевых порядках.

Пока шло такое перестроение, турки начали наступление двумя колоннами. Когда пехотные батальоны и кавалерия генерала Белявского подошли к горе Караяль, их неожиданно обстреляли батареи колонны Измаил-паши. От штурма высоты пришлось на время отказаться и занять оборонительное положение. Чтобы выиграть время, Белявский приказал Тверскому драгунскому полку атаковать ближайшую вражескую батарею.

Тверцы, презрев картечный огонь, опрокинули османскую конницу, прикрывавшую стреляющую батарею, и ворвались на орудийные позиции. Лихое дело кончилось тем, что драгуны изрубили орудийную прислугу, а четыре орудия увезли к себе.

Бывший венгерский генерал Кмети решил разбить противостоящих ему русских массированной атакой султанской пехоты, которой он имел 22 табора. Выдвинув вперед всех штуцерников, а за ними поставив остальных стрелков, Измаил-паша начал наступление. Пехоту поддерживала регулярная кавалерия.

Настойчивость султанского полководца с недавним революционным прошлым была вознаграждена. Атакующие турки заставили Белевский пехотный полк свернуться в каре и захватили два орудия донских казаков, оставшиеся без пехотного прикрытия. Орудийная прислуга была изрублена, а лошади убиты в самом начале боя.

Однако на этом успех в действиях колонны Измаил-паши и ограничился. Ходивший здесь в атаки Нижегородский драгунский полк хорошо помог пехоте. Кавалеристы не только отбили назад донские казачьи орудия, но и захватили еще четыре турецких, целую батарею.

Двигавшаяся вперед беглым шагом, без выстрелов, русская пехота штыковым ударом опрокинула авангард колонны Измаил-паши и погнала ее назад. Такой поворот событий в долине заставил турецкие штуцерные батальоны покинуть гору Караяль, чтобы не

быть отрезанными от своих главных сил. К восьми часам утра случилось то, чего никак не мог ожидать султанский главнокомандующий — правая колонна Анатолийской армии пришла в обратное движение.

Тем временем Бебутов руководил отражением наступления колонны Керим-паши, которая развернулась для атаки. Когда Белявский начал гнать перед собой неприятеля и имел полный успех, командующий забрал у него часть кавалерии и перебросил ее на правый фланг. Вскоре туда же, на помощь Кавказской гренадерской бригаде, пришли те войска, которые были отряжены на штурм горы Караяль. Гренадерам приходилось туго, поскольку они оказались под ударом главных сил анатолийцев.

Обстоятельство, что Зариф-Мустафа-паша разделил армию на две наступательные колонны, которые утром оказались вне взаимосвязи, только помогло Бебутову. Имея сил на правом фланге в три раза меньше, он стал маневрировать на поле сражения не только кавалерией, но и пехотой с артиллерийскими и ракетными батареями.

Баталия при Кюрук-Дара оказалась примечательным событием в истории российских ракетных войск будущего. Выпущенные со специальных станков ракеты, за которыми в полете тянулся дымный шлейф, приводили в ужас султанских солдат. Потери от осколков при взрывах «хвостатых» снарядов много дополнялись потерями моральными.

Василий Осипович Бебутов в том сражении показал подлинное полководческое искусство видения хода событий и руководства сражавшимися войсками. Когда Керим-паша решил обойти русских с фланга и зайти им в тыл, он решил сыграть на опережение. То есть ударом в центр вражеских боевых порядков разбить и вторую неприятельскую колонну. Вперед пошла Кавказская гренадерская бригада. Ей противостояло 20 пехотных таборов, построенных в три боевые линии.

Три артиллерийские батареи своим огнем прокладывали путь рвущимся вперед гренадерам-кавказцам. Турецкая пехота на удивление всем стойко выдержала картечные залпы в упор и сама устремилась в рукопашный бой. Султанская инфантерия, атакующая всей массой, надеялась прежде всего на свой огромный численный перевес.

Обе стороны в ходе рукопашных схваток понесли большие потери. Так, второй батальон Грузинского полка, атаковавший

Арабистанский полк, потерял выбывшими из строя 450 человек. Все же гренадеры сломили сопротивление османов и заставили их отступить.

Однако в победное преследование заметно поредевшая Кавказская гренадерская бригада пойти не смогла. Турецкая конница сильно атаковала ее оголившийся фланг. Чтобы отбить кавалерийский налет, грозивший большой бедой, Бебутов спешно бросает сюда два резервных гренадерских батальона, еще не участвовавших в рукопашном бою. Кавказцы под огнем турецкой батареи выстроились в каре и отразили набег вражеской конницы. После этого каре развернулось и ударом в штыки опрокинуло и спешившие на помощь своим свежие пехотные таборы Керим-паши.

В девять часов утра сражение при Кюрук-Дара уже завершалось. Колонна Измаил-паши, преследуемая русскими, поспешно продолжала отступление с поля битвы. Другая неприятельская колонна в своих главных силах тоже была разгромлена и начала отход, еще пытаясь обороняться от наседавших войск Александропольского отряда.

В это время неожиданно осложнилась обстановка на его крайнем правом фланге. Там завязалось серьезное дело — сюда вышла кружным путем часть войск колонны Керим-паши, которым была поставлена задача выйти в тыл русским. Бебутов с получением такого донесения незамедлительно собрал все, что оказалось у него под рукой, и послал эти небольшие силы на помощь правофланговому кавалерийскому заслону. Общее командование отражением неожиданной фланговой вражеской атаки он поручил генералу Багговуту.

Под прикрытием огня из 12 орудий иррегулярная кавалерия александропольцев атаковала шедшую первой турецкую конницу и после яростной схватки рассеяла ее. Затем казачьи сотни взяли налетом вражескую конно-артиллерийскую батарею, заставив ее прислугу бежать и бросить орудия. Попытавшийся выручить ее полк султанской кавалерии почти весь был изрублен казаками и подоспевшими на выручку драгунами. После этого под ударом оказалась османская пехота, но она быстро оправилась после завязки боя и стойко отразила конный удар противника.

Чтобы и здесь опрокинуть анатолийцев, Бебутов бросает к месту схватки последние свои резервы. Даже личный конвой князя посылается на правый фланг. Засыпаемые картечью, атакуемые с трех сторон турецкие пехотинцы дрогнули и начали отступать. Не

прошло и полчаса, как последние таборы Керим-паши смешались и ударились в бегство.

Русский командующий организует преследование отступающих. Но оно прекратилось уже в час дня из-за чрезмерной усталости людей и лошадей. А до походного лагеря Анатолийской армии оставалось еще десять верст. Туда доскакали только охотники князя Лорис-Меликова и несколько сотен азербайджанской милиции. Остальные войска с дороги вернулись на поле битвы при Кюрук-Дара.

В результате семичасового ожесточенного сражения Анатолийская армия оказалась разгромленной. Кровопролитная баталия в горах шла на расстоянии пяти верст. Люди с той и другой стороны дрались в зной, духоту, при отсутствии питьевой воды. Изнемогали не только люди, но и кони.

Потеряв три тысячи убитыми, две тысячи пленными (среди них оказалось много раненых) и 15 орудий, турецкие войска, не задерживаясь в своем лагере, бежали в Карскую крепость под защиту ее стен. В ходе бегства султанская армия побросала большое число ручного оружия, в том числе немало новейших дальнобойных штуцеров, которыми союзные Стамбулу Англия и Франция одарили анатолийцев.

Русский отряд тоже понес серьезные потери, хотя они оказались во много раз меньше неприятельских. В сражении при Кюрук-Дара погибли 21 офицер и 579 нижних чинов, ранения получили 2455 человек.

На этом сражении, собственно, и закончилась кампания 1854 года на Кавказском театре военных действий. От полного разгрома султанскую Анатолийскую армию спасло то, что генерал-лейтенант Бебутов остановил преследование. Хотя в той-то ситуации он имел хорошую возможность овладеть Карской крепостью, как говорится, с ходу. Однако кавказский командующий поостерегся, и на то у него имелись свои причины.

Генерал-лейтенанта обеспокоили внезапно появившиеся в Александрополе слухи о высадке в Батуме сильного турецкого десанта. Бебутову в своих действиях и решениях приходилось все время оглядываться в сторону Черноморского побережья. Именно оттуда османскому командованию легче всего было начать наступление на Тифлис, который оставался без надежного прикрытия. С реальностью такого вражеского удара приходилось считаться.

Сражение при Кюрук-Дара против турецкой Анатолийской армии стало венцом в полководческой биографии Василия Осиповича Бебутова.

Разгром султанской армии дался воинам-кавказцам с большим трудом. Не случайно газета «Кавказ» (№ 60, того же 1854 года) писала: «Османцы показали такое сопротивление, какого никогда не видали от них старые служаки». К сказанному можно добавить только одно: любого противника следует уважать и считаться с ним. Полководцев же султанов Блистательной Порты не раз подводило пренебрежение к русским войскам, почти всегда уступавшим туркам в численности. Это видимое превосходство в силах очень часто действовало на османских пашей просто магически.

Император Николай I, получив радостное (та война, как известно, победами его не баловала) известие о знатной победе при Кюрук-Дара, в порыве благодарности за ратные труды генерала-кавказца сказал:

— Князь Бебутов хочет удивить меня победой, я же удивлю его наградой...

За Кюрук-Дарскую победу Василий Осипович был пожалован высшим российским орденом Святого Андрея Первозванного. Награда в истории старой России почти беспримерная для военных людей в чине генерал-лейтенанта. Такой орден в государстве в то время имело всего несколько человек. Князь Бебутов оказался первым обладателем столь высокой боевой награды среди участников кавказских войн и военачальников-армян русской армии.

Сражение при безвестном доселе горном селении стало заметным событием. Победу над султанской армией в Александрополе отметили 101 артиллерийским выстрелом...

УЧАСТИЕ В УПРАВЛЕНИИ КАВКАЗСКИМ НАМЕСТНИЧЕСТВОМ

В скором времени последовала отставка временно исполнявшего обязанности царского наместника на Кавказе генерала Реада, которого отправили из Тифлиса в Крым. В вину ему ставилось слабое использование достигнутых тактических успехов на театре войны. Хотя он, собственно говоря, не имел к ним сколько-нибудь заметного отношения. Просто в Санкт-Петербурге, по-видимому, надоела пустая переписка с Тифлисом по самым незначительным вопросам и «осторожность» Реада к планам командующего действующим Отдельным Кавказским корпусом.

Новым царским наместником на Кавказе назначается известный военачальник из числа людей боевых — Николай Николаевич Муравьев (о нем мы тоже будем подробно писать отдельно). Ему предстояло начинать кампанию 1855 года, по сути дела, с самого начала, поскольку он получил в наследство только надежно прикрытую государственную границу.

Ознакомившись с положением дел, Н.Н. Муравьев согласился с действиями генерал-лейтенанта Бебутова в сражении при Кюрук-Дара и после него. В письме к Д.А. Милютину, великому военному реформатору в истории Российского государства, он указывал, что взятие Карса потребовало бы овладения сильной крепостью Ардаган. И следовательно, повлекло бы за собой распыление воинских сил, которых у Бебутова и без того не хватало на самое необходимое.

Муравьев и Бебутов понимали лучше других стратегическую ситуацию на вверенном им театре войны. Они считали, что время для штурма сильнейшей турецкой крепости на закавказских границах России еще не пришло...

Поскольку новый кавказский наместник, не в пример генерал-фельдмаршалу М.С. Воронцову, взял на себя полное командование действующими войсками, Бебутов принимает новую должность. Некоторые современники считали, что это стало прямым следствием его частых «недоразумений» с генералом Реадом. В 1854 году ему поручается управление гражданской частью на Северном Кавказе и в Закавказье. Одновременно он получает под командование те гарнизонные войска на русско-турецкой границе, которые не входили в действующий Отдельный корпус. По сути дела, Василий Осипович становится в крае вторым человеком после царского наместника.

После окончания Восточной (Крымской) войны генерал-лейтенант князь В.О. Бебутов занимает пост председателя Временного комитета при Главном управлении Кавказа. Некоторое время ему приходится исполнять обязанности царского наместника — после отъезда из Тифлиса Н.Н. Муравьева. Тот сдал свою должность князю Александру Ивановичу Барятинскому, которому и выпадет слава и честь победно завершить Кавказскую войну в борьбе с имамом Шамилем.

В январе 1857 года Василий Осипович получает свою последнюю воинскую награду. За ратные заслуги перед российским Отечеством Высочайшим указом Императора Александра II он производится в полные генералы — получив чин генерала от инфантерии. То стало высоким признанием заслуг одного из героев недавней войны, под командованием которого русские войска одержали две большие победы над турецкой Анатолийской армией.

Вскоре после этого генерала от инфантерии князя В.О. Бебутова назначают членом Государственного совета Российской империи. Но годы, увы, берут свое, и силы начинают оставлять его.

Последние месяцы своей жизни Василий Осипович проводит в тяжелой болезни, окруженный заботой многочисленных родных и близких ему людей. Рак желудка приковал его к постели, и врачи оказались бессильны в чем-то помочь больному.

Скончался генерал от инфантерии князь В.О. Бебутов в грузинской столице 10 марта 1858 года.

В тот день город Тифлис, столица Кавказского наместничества, облачился в траур. Были приспущены государственные флаги. Не работали многоголосые восточные рынки. Народ целую неделю прощался с прахом полководца восточных войн России, отдавшего так много лет жизни защите государственных границ горного края и его гражданскому управлению. Простой люд, русские войска долго хранили о Василии Осиповиче Бебутове добрую память.

ИЗ РОДА БАГРАТИДОВ

Генерал от кавалерии Иван Малхазович АНДРОННИКОВ

С самого начала добровольного вступления Грузии в подданство России в 1801 году на Кавказе стали нести воинскую службу выходцы из многочисленного грузинского дворянства, древних княжеских фамилий. Дадиани, Гуриели, Микеладзе, Орбелиани, Эристави, Чавчавадзе, Джандиери... Вместе с русскими людьми они неустанно работали, рука об руку, бок о бок за одно общее государево дело в Кавказском крае, в рядах Русской Императорской армии. Грузинское дворянство, впрочем, как и армянское, верой и правдой служило «единоверной» России.

Выходец из древнейшей династии грузинских царей Багратидов, героем Отечественной войны 1812 года стал генерал от инфантерии Петр Иванович Багратион, один из любимых учеников генералиссимуса Суворова. Эту войну он встретил в должности командующего 2-й Западной армии. В день Бородинского сражения Багратион руководил действиями войск левого фланга русской позиции, куда император французов Наполеон Бонапарт направил главный удар. Здесь прославленный полководец получил тяжелое ранение, оказавшееся смертельным.

Заслуженная слава Багратиона высоко чтилась в грузинских княжеских семьях, чьи родословные связи терялись в глубине веков. Вне всяких сомнений, был он почитаем в семье князя Малхаза Андроникашвили, став для его сына Ивана добрым примером в его ратной службе, в боях и походах за «Бога, Царя и Отечество» Российское. .

КАВАЛЕРИЙСКИЙ ОФИЦЕР

Будущий генерал от кавалерии, герой Бейбурта и Ахалцыха Иван Малхазович Андронников родился в 1798 году. Происходил из древнего грузинского княжеского рода, нисходившего по ряду

родословных линий к царскому роду Багратидов. О знатности этого одного из выдающихся генералов, тип которых «выработали» войны на Кавказе, свидетельствует следующее. Он являлся внуком грузинского царя Ираклия II, заключившего с Россией Георгиевский трактат 1783 года, и внуком (по матери) царя Имеретии Соломона II. Однако семья Андроникашвили к числу состоятельных не относилась.

По сложившейся уже семейной традиции юный князь пошел на воинскую службу, которую начал в столичном лейб-гвардии Конном полку юнкером. Слово «юнкер» в переводе с немецкого буквально означает «юный дворянин». Зачисление в привилегированный гвардейский кавалерийский полк произошло конечно же из-за знатного происхождения молодого волонтера.

Служба в конной гвардии сложилась успешно для Ивана Андронникова (под такой фамилией князь Андроникашвили был записан в полк). Юнкера — унтер-офицеры из дворян — имели право на льготный срок выслуги при присвоении первого офицерского звания. В 1818 году двадцатилетний конногвардеец получает первый офицерский чин корнета.

Будучи от природы прекрасным наездником, грузинский князь проявлял завидное рвение на службе. Он умел складывать хорошие отношения с сослуживцами, не слыл барином в обращении с нижними чинами. С первых лет пребывания в гвардейском полку начальство постоянно поощряло его. Об этом говорит хотя бы то, что в 1824 году Андронников имел уже чин майора, то есть был уже штаб-офицером.

Велико же было удивление его многочисленных друзей, когда он по собственному желанию переводится на Кавказ, в Нижегородский драгунский полк. Здесь видятся две вполне объяснимые причины такого добровольного превращения блистательного кавалериста лейб-гвардии в офицера армейской конницы.

Во-первых, после Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов русской армии Кавказ был местом постоянной напряженности и войн с Оттоманской Портой и шахской Персией. Эти южные соседи России никак не могли примириться с вхождением Закавказья в ее состав. Для грузинского князя это означало защиту родной земли, как поступали его далекие и совсем близкие родичи. Кроме того, война — лучшее занятие для тех, кто мечтает отличиться в ратных трудах, показать личную храбрость, мужество, воинскую закалку и, наконец, если ты офицер, командирские качества.

Во-вторых, майор переходил из конной лейб-гвардии не просто в рядовой армейский полк. Нижегородский драгунский по праву считался одним из наиболее прославленных в русской армии. Служба в таком полку являлась лучшей характеристикой для кавалериста. Для армейцев, далеких от столичной парадности, слово «драгун-нижегородец» значило многое.

Теперь уже бывший гвардеец с княжеским титулом сразу же прижился в новом для себя воинском коллективе. Он на равных нес нелегкую повседневную службу с офицерами-сослуживцами. Во всем заботился о подчиненных ему нижних чинах. Чем мог, старался улучшить их немудреный быт. Уже в скором времени драгуны увидели в нем строгого, но справедливого начальника. Майор Иван Андронников оказался лихим наездником и смекалистым командиром.

Драгунский Нижегородский полк входил в состав Отдельного Кавказского корпуса, и здесь людей готовили только к одному — к войне. Нижегородцам в полковой истории довелось сражаться и против турок, и против персов, и против горцев имама Шамиля. И на всех войнах они традиционно отличались.

Князь Андронников не ошибся в своих ожиданиях. Через два года своего перевода из Санкт-Петербурга началась вторая русско-иранская война. Шахская Персия попыталась вновь силой оружия подкрепить собственные территориальные притязания в отношении земель Закавказья. Драгунскому офицеру в той войне довелось принять самое деятельное и, главное, доблестное участие.

ГЕРОЙ ЕЛИСАВЕТПОЛЬСКОГО СРАЖЕНИЯ. НИЖЕГОРОДСКИЕ ДРАГУНЫ

Войну Иван Малхазович встретил в должности командира дивизиона Нижегородского драгунского полка. Регулярной кавалерии русской армии тогда на Кавказе набиралось немного, и потому вся она оказалась, как говорится, в деле.

Первую боевую славу себе князь Андронников «добыл» саблей, бесстрашием и настойчивостью в решающем сражении кавказских войск с персидской армией наследного принца Аббас-мирзы под Елисаветполем. Неприятель в той полевой баталии имел огромное превосходство в силах. Однако атакующая русская пехота быстро склонила победную чашу весов в свою пользу в самом центре и на левом крыле своей позиции.

На правом же фланге русской позиции ситуация складывалась совсем иной. Вражеский полководец, сын шахиншаха — царя царей, попытался вырвать победу у «неверных». Создав сильную обходную колонну, имевшую в голове многотысячную конницу, Аббас-мирза бросил ее на два фланговых малочисленных казачьих полка. Те, мужественно отбиваясь, не выдержали массированного натиска врага и стали пятиться. Так в Елисаветпольском сражении наступила критическая минута: персы начали обходить справа линию кавказских войск.

В ту минуту и получил князь Андронников приказание во главе подчиненного ему дивизиона нижегородцев атаковать обходную колонну шахских войск. Соотношение сил давало драгунам совсем мало шансов на то, чтобы хотя бы приостановить охват русских позиций. Однако не зря народная поговорка гласит, что смелость города берет.

Хочется отметить, что в том деле Иван Малхазович действовал просто по-суворовски. Будучи хорошо знаком с заветами-поучениями военного гения российского воинства, изложенными в его «Науке побеждать», командир дивизиона решил сперва удивить уже торжествовавших победу персов. А удивить в бою неприятеля означало еще и победить его. Майор Иван Андронников повел своих удалых драгун в обход колонны вражеской конницы.

Конные солдаты в считанные минуты обскакали идущую на охват конную лаву персов. Те, видя такие непонятные действия русских кавалеристов, стали приходить в некоторое замешательство. Для них случилось непредвиденное. Теперь наступающая колонна принца Аббас-мирзы оказывалась как бы между молотом — дивизионом драгун — и наковальней — так и не дрогнувшими боевыми порядками русских войск в центре диспозиции. Ситуация в сражении вновь резко менялась.

Дивизион нижегородцев, на встречных курсах обходя наступающих и уже начавших ликовать от удачи персов, вынесся им во фланг. Русских всадников на взмыленных конях не остановили ни устрашающий вид многотысячной толпы врагов, ни беспорядочная ружейная пальба с их стороны, ни овражки и холмы бранного поля. По команде князя Андронникова драгуны развернулись во фронт атаки и с саблями в руках дружно ударили малым числом по персам.

Неожиданный удар нескольких сотен смельчаков внушил персам немалое чувство страха. По словам очевидцев, «это была одна

из стремительных, бурных атак, — и все, что попало под этот несущийся ураган, было сметено и стоптано».

Эскадроны нижегородцев врезались в самую середину шедших вперед неприятельских войск. Возникла свалка. В наступавшей колонне сразу же возникло замешательство, переросшее в панику. Драгуны нападали так яростно и стремительно, что персам не удалось даже развернуться для встречного боя. Отпарировать удар русской конницы им не удалось, равно как и оказаться лицом к лицу с нападавшими.

Началась безжалостная рубка мечущихся в панике шахских воинов. Лихой дивизион произвел в неприятельских рядах страшное опустошение. Пехота иранцев быстро оказалась без прикрытия кавалерией — тогда и пошло повальное бегство.

Командир Нижегородского драгунского полка полковник Шабельский в победной реляции о сражении под Елисаветполем доносил потом:

«Только гористая, изрытая оврагами местность спасла неприятеля от истребления и не дозволила нанести ему такой вред, какой бегущая и расстроенная пехота должна была ожидать от кавалерии».

Напрасно князь Иван Андронников с дивизионом пытался еще раз обскакать отступающего в панике неприятеля, чтобы замедлить его бегство. И тем самым подставить персов под удар русской пехоты, которая бегом пошла вперед. Однако изрезанные оврагами безлесные холмы, отсутствие обходных дорог не позволили спешившимся драгунам преградить путь отходившим в беспорядке персам.

Только перед самым Куракчайским ущельем Ивану Малхазовичу удалось задуманное. Проскочив удобной для бега коней лощиной вперед, драгуны вновь влетели в самую гущу вражеского войска. На этот раз дивизиону нижегородцев повезло — он отрезал от бегущей армии наследного принца Аббас-мирзы несколько батальонов регулярной пехоты. Часть ее была изрублена в завязавшейся рукопашной схватке, часть сдалась в плен, побросав ружья на землю.

Действия кавалерийского дивизиона майора князя Андронникова — дерзкие, решительные, ошеломляющие для врага — во многом обеспечили общий успех русских войск по всей их боевой линии. Персидское войско под Елисаветполем потерпело полное поражение и бежало в сторону реки Аракс.

За отличие в этом деле храбрый командир дивизиона драгун-нижегородцев был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени. Орден, как известно, имел девиз: «Польза, честь, слава».

...После Елисаветпольского сражения дивизион князя Андроникова направляется в личное распоряжение командира Отдельного Кавказского корпуса генерала Алексея Петровича Ермолова. Тот готовил военную экспедицию в восточную часть Закавказья, и драгуны-нижегородцы как раз подходили для этой цели.

Агентура наследного принца Аббас-мирзы, правителя персидского Южного Азербайджана, пыталась организовать мятежи части феодальной верхушки в мусульманских ханствах Северного Азербайджана. Такие сведения поступили в Тифлис из Шемахинского, Кубинского, Нухского и Бакинского ханств. В Тегеране таким образом хотели создать сколько-нибудь значительную угрозу русским войскам с тыла. Правда, из этой затеи путного получилось мало.

В ходе «усмирения» принявших ранее подданство России ханств серьезных боевых дел у нижегородских драгун не было. Слишком часто персидские завоеватели оставляли кровавый след на древней азербайджанской земле, чтобы получить поддержку местного населения. 1826 год дивизион майора Ивана Андроникова заканчивал в походных трудах.

Во время этого «замирительного» конного пробега случилось «обстоятельство», которое, по словам историка Нижегородского полка, оставило глубокий след в походной жизни драгун-кавказцев. Дивизиону пришлось переправляться через глубокую, с быстрым течением реку Алазань. Брод оказался труднопроходимым даже для конницы. Чтобы не подмочить заряженных ружей, Андроников, смекнув, приказал подчиненным вынуть их из бушматов и надеть через плечо. Так обычно делали горцы в набегах.

Такой способ носки ружей оказался для кавалеристов очень удобен и прост. Нижегородцы сделали его обычным для себя в постоянной походной жизни. Новшество отметило начальство. Через восемь лет ношение ружей через плечо было узаконено специальным приказом для всех драгунских полков русской армии.

Война России с Персией продолжалась. В кампанию 1827 года майор Иван Андронников, уже имевший за плечами славу отчаянного храбреца, отличился в жарком бою при Джеван-Булаке. И вновь в лихой кавалерийской атаке. Там 1-й и 2-й дивизионы

Нижегородского драгунского полка в решающую минуту ударили по огромной массе персидской конницы, сумев в натиске, рубя врагов направо и налево, прорвать центр ее боевых порядков.

Но тем эпизодом боя беда для шахского войска только начиналась. И она дошла до того самого места, где на приметной скалистой горе находилась походная ставка главнокомандующего персидской армией наследного принца Аббас-мирзы. С вершины горы он под сенью особого «победного» знамени наблюдал за событиями на равнине.

Русские драгуны, в горячке схватки, окрыленные успехом, понеслись во весь опор туда, где на вершине горы развевался огромный вражеский стяг и вокруг которого толпились, по внешнему виду, знатные военачальники. От горы по нижегородцам ударила личная стража иранского полководца, но ее частью порубили, а остальных обратили в бегство.

Аббас-мирза, наследник шахского престола, обладатель прекрасного иноходца, едва ускакал от атаковавших. Судьба ему просто улыбнулась, поскольку драгуны брали ставку принца в полукольцо. Зато свита персидского главнокомандующего заметно поредела в завязавшейся схватке на вершине. Шесть знатных вельмож оказались взятыми в плен. В качестве главного трофея нижегородцам досталось «победное» знамя армии Персии.

На месте ставки наследного принца, на горе, командир 1-го дивизиона, бывший все время впереди, получил ранение пулей в голову. Персы дрались вокруг своего «победного» знамени отчаянно, отстреливаясь из ружей и пистолетов. Однако раненый майор Иван Андронников остался в строю.

За бой при Джеван-Булаке князь Иван Малхазович награждается орденом Святой Анны сразу 2-й степени — крестом для ношения на шее. Такая награда считалась высокой для рядового офицера-кавалериста действующей армии. Но полный разгром ставки Аббас-мирзы и лишение его армейского знамени стоил такой награды.

Полученное ранение, не относящееся к разряду легких, не помешало Андронникову принять участие в последующих делах Отдельного Кавказского корпуса. Он участвует во взятии крепостей Сардар-Абад и Эривань, столицы одноименного ханства.

За подвиги, совершенные под стенами этих крепостей, командир дивизиона Нижегородского драгунского полка производится в подполковники...

НА НОВОЙ ВОЙНЕ — ТУРЕЦКОЙ

Едва успела закончиться вторая русско-иранская война, как началась новая с Турцией 1828—1829 годов, восьмая по счету. Граница Российской империи на кавказском юге вновь оказалась в огне. Султан Блистательной Порты от своих полководцев требовал только побед в «священной войне» против русских. Во взаимоотношениях с соседями он признавал только язык силы.

С началом новой войны подполковник Андронников во главе своего 1-го дивизиона нижегородцев очутился под стенами города-крепости Ахалцых. Здесь, 5 августа 1828 года, внезапно разгорелся горячий кавалерийский бой, который закончился победно для русских единственно благодаря доблести Ивана Малхазовича. А дело обстояло так.

Прикрытый со стороны Ахалцыха редутом с батареей, лагерь осадного русского корпуса имел одно весьма уязвимое место. Его левый фланг не обеспечивался полевыми укреплениями. Чтобы обезопасить его, главнокомандующий граф Иван Федорович Паскевич-Эриванский приказал батальону егерей заложить крепкий редут на правом берегу реки со стороны селения Марда. Турки, оценив значение возводимого редута, выслали из крепости значительные силы и с боем потеснили егерей.

На помощь последним, видя такое дело, двинулся Нижегородский драгунский полк. Османов прогнали к Ахалцыху после короткой рукопашной схватки. Преследуя отступавших, 2-й эскадрон дивизиона Андронникова в горячке боя, как говорится, зарвался и потерял связь с полком. Вырвавшихся далеко вперед русских кавалеристов окружили тысячные толпы турецких конников. Гибель целого эскадрона казалась неизбежной — в столь опасном положении он оказался.

Заметив гибельность ситуации для своих подчиненных, Иван Андронников под первым впечатлением увиденного, с саблей наголо один помчался к ним на выручку. Видя несущегося во весь опор одинокого всадника, турки окружили его и чуть не взяли в плен. Драгунский подполковник едва отбился от наседавших врагов саблей. Но пробиться назад он все-таки сумел.

Доскакав до своих, Иван Малхазович скомандовал 1-му эскадрону дивизиона идти вперед за ним на выручку товарищей. Для усиления атаки Андронников прихватил с собой оказавшиеся поблизости два орудийных расчета конных орудий. Драгуны понес-

лись по полю на помощь отчаянно защищавшимся конникам 2-го эскадрона. Произошла столь яростная рубка, что турки при всем своем численном превосходстве, не выдержав натиска русских, бежали куда придется — кто назад в Ахалцыхскую крепость, кто в близкие горы.

Конный бой под крепостными стенами закончился для драгунского дивизиона победно. Они в сече сумели захватить даже два неприятельских знамени. На поле боя осталось немало изрубленных и пораженных картечью турок. За славное для истории Нижегородского полка дело князь Андронников получил производство в следующий воинский чин — в полковники. Ему в это время было тридцать лет.

За участие во взятии крепости Ахалкалаки полковник князь И.М. Андронников во второй раз награждается орденом Святой Анны 2-й степени — но теперь с алмазами. Этот орден имел совсем не боевой девиз: «Любящим правду, благочестие, верность»...

Пошел последний год русско-турецкой войны. В военную кампанию 1829 года Иван Малхазович временно исполнял обязанности командира Нижегородского драгунского полка. С полком он отличился при взятии крепостного Бейбурта.

Наступила горная осень. Русский главнокомандующий на Кавказе граф Паскевич-Эриванский начинал понемногу распускать действующие войска по зимним квартирам в Грузии. Опытный полководец понимал, что зимой в горах не много повоюешь. Султанские же паши, получив такие сведения от лазутчиков, усмотрели в этом руку судьбы. Турки решили наконец-то разбить немногочисленных «гяуров», нанести им поражение хотя бы где-нибудь.

Сераскир (османский главнокомандующий) пообещал в письме в Стамбул обожаемому султану, что русские на сей раз наверняка потерпят сокрушительный разгром. Правительственные чиновники позаботились о том, чтобы такая клятва разошлась по всем уголкам Оттоманской Порты. Начался, говоря языком сегодняшнего дня, пропагандистский бум. В заметно поредевшую турецкую армию на Кавказе стали стекаться немалые толпы фанатиков-добровольцев.

Султанский полководец назначил своей штаб-квартирой город Бейбурт. Сераскир пожелал быть поближе к намечающимся военным действиям. Цель их турецкое командование видело в воз-

вращении крепости Эрзерум, в конце года взятой русскими войсками.

Царский наместник на Кавказе И.Ф. Паскевич-Эриванский довольно быстро узнал о новом местоположении сераскира. Лазутчики российской стороны тоже не бездействовали с наступлением зимы в горах. И главнокомандующий решил нанести удар по городу Бейбурту и двинул к нему кавказские войска.

Получалось так, что сражение под укрепленным Бейбуртом должно было решить многое на Кавказском театре военных действий. Речь в первую очередь шла о том, упустят из своих рук стратегическую инициативу русские или нет.

Город Бейбурт располагался в глубокой долине бурного Чороха, несущего свои мутные воды к Черному морю. Древняя крепость лежала в руинах, взорванная почти до основания в ходе предшествующих ожесточенных боев. Так что теперь вся сила обороны города заключалась в своеобразии горной местности.

Со всех сторон к нему вплотную примыкают высокие и крутые высоты. Чорох обтекает Бейбурт с трех сторон и разрывает северный горный кряж глубоким ущельем. На левом берегу реки, сейчас же по выходе ее из городской черты, расположилось старое турецкое кладбище со множеством каменных надгробий, мимо которого из Бейбурта идет большая дорога.

Турки хорошо укрепили в фортификационном отношении город, окружив его со всех сторон лесными завалами и шанцами (окопами). Западный фас крепости, кроме того, усилили двумя артиллерийскими батареями. Тут же находился походный лагерь султанской армии, прикрытый двумя редутами. На старом кладбище установили еще одну батарею: местоположение ее виделось со стороны неприступным.

И все же Паскевич-Эриванский решился на приступ именно с этой стороны. Атака с фронта, на которой настаивал военный совет командиров корпусных войск, привела бы к неоправданно высоким людским потерям. Но то, что штурм должен был быть немедленным и генеральным, не оспаривался никем.

Разведка доносила о том, что на помощь 12-тысячному гарнизону Бейбурта сераскир вел еще один сильный отряд из близкого Балахора. Эти сведения подтверждали и пленные. Кроме того, не приходилось сбрасывать со счета наличие ополчения из местного мусульманского населения.

НА БЕРЕГАХ ЧОРОХА

Штурм Бейбурта начался утром 27 сентября. Как только рассвело, главнокомандующий граф Паскевич-Эриванский лично повел главную колонну атакующих в обход. Турки, зорко следившие за перемещениями противника, решили предупредить такой маневр и в больших силах выступили из города для контратаки.

Ожидалось целое сражение. Возглавлявшую движение гренадерскую бригаду генерала Муравьева стали на рысях обгонять Нижегородский драгунский и Сводный уланский полки. Они выдвигались на позицию атаки, при этом нижегородцев вызвали из корпусного резерва. Они вышли к Бейбурту тогда, когда на подступах к нему уже начались схватки.

Драгунский полковник князь Иван Андронников едва успел вывести своих бойцов на позицию, назначенную для атаки, как очутился лицом к лицу с подошедшей из города турецкой кавалерией. Она в эти минуты удачно заслонила собой опрокинутые кавказскими гренадерами вражеские пехотные таборы. Прикрывала конная лава и передовые полевые укрепления. Рельеф местности не позволил ни русским конникам, ни неприятельским видеть друг друга при выдвижении вперед.

И вдруг противники встретились и в молчании застыли, созерцая друг друга. Только легкий лязг железа да похрапывание лошадей раздавались в полной тишине этого уголка горной долины. Казалось, что безмолвие покрыло поле брани, хотя совсем невдалеке звучали ружейные выстрелы. Всадники перед схваткой произносили про себя невнятные молитвы-бормотания.

Наконец один из турецких офицеров не выдержал такого, как уже казалось, физического перенапряжения. Он подлетел к фронту драгун почти что вплотную и разрядил в русских свой пистолет. Тотчас стоявший впереди первого взвода 1-го эскадрона поручик князь Ясон Чавчавадзе (будущий генерал-майор и полковой командир нижегородцев) бросился ему навстречу с поднятой для удара шашкой. Турок счел за лучшее ретироваться и погнал коня прочь. Чавчавадзе висел у него на плечах, пытаясь достать его клинком.

По 1-му эскадрону прошло движение — конные солдаты не хотели у себя на глазах терять храброго офицера. Еще секунда-другая, и они могли ринуться вперед безо всякой на то команды.

Андронников чутко уловил это мгновение. Дав шпоры коню, он вырвался еще на несколько шагов вперед перед фронтом и стал

теперь виден всему полку. Подав рукой сигнал общей атаки, полковник, не оглядываясь, погнал коня вперед.

И в тот же миг по всей округе начал нарастать тяжелый гул — сотни и сотни подкованных лошадиных копыт стали почти синхронно сотрясать каменистую землю. Русская регулярная кавалерия, набирая разбег, стремительно шла в атаку.

Оцепеневшие от виденного османы не отреагировали в первое мгновение, а через минуту-другую стало просто поздно. Массированный удар конницы можно выдержать только на контрдвижении, идя в свою очередь на сближение с противником в полный мах конского бега. Иначе несущаяся лавина всадников сметет всех и вся. Туркам уже некогда было набирать нужный разгон, и потому они оказались опрокинутыми и растерзанными в считанные мгновения.

Бешеной атакой разметав турецкую конницу, нижегородцы на всем скаку врезались и в бегущую вражескую пехоту. Вековечная неправая дуэль конного и пешего воинов и на сей раз закончилась быстро и кроваво. Султанские пехотные солдаты-аскеры думали только о собственном спасении, бросая по пути ружья и патронные сумки.

Дальше стремительная кавалерийская атака развивалась так. Драгуны, ринувшиеся за своим поручиком, не поспевали за ним. Князь Чавчавадзе настиг в конце концов посмевшего оскорбить его и боевых товарищей турецкого офицера. Но догнал он его уже на позиции артиллерийской батареи. Преследователь увидев, что осман на коне заскочил в укрепление, тоже дал шпоры коню и, перескочив через ров и высокий бруствер, ворвался на вражескую артиллерийскую позицию. И уже там зарубил обидчика.

Несколько мгновений шока у турецких орудийных расчетов, изумленных таким поведением ворвавшегося к ним русского всадника, спасли поручику Ясону Чавчавадзе жизнь. Когда многочисленные артиллеристы опомнились, на их батарею уже врывались первые драгуны во главе с полковником Иваном Андронниковым.

За время поистине молниеносной кавалерийской атаки русских турецкие артиллеристы успели выстрелить всего три-четыре раза. Одно из захваченных драгунами орудий оказалось заряженным. Другой князь Чавчавадзе — Роман, спрыгнув с коня, развернул пушку с несколькими подоспевшими солдатами и ударил картечью по отступающим туркам, спешивших укрыться в Бейбурте.

Пока полковник Иван Андронников лично вел 1-й дивизион в атаку на стрелявшую вражескую батарею, 2-й дивизион нижегородцев взял по его приказанию вправо и тоже с налету захватил соседнюю батарею турок. В ходе рукопашной схватки на батарейной позиции драгуны изрубили не пожелавшую сдаваться артиллерийскую прислугу.

Третий дивизион под командованием майора князя Баратова в это время врубился в бегущую неприятельскую пехоту и, прорвавшись сквозь нее, ворвался в укрепленный лагерь сераскира на правом фланге неприятельской позиции. Бесстрашные кавалеристы прошли его одним махом насквозь, рубя направо и налево метавшихся в панике турок. Через несколько минут драгуны оставили вражеский лагерь с двумя редутами за своей спиной и поскакали дальше вперед.

Перед ними теперь лежали городские кварталы Бейбурта. Дивизион майора Баратова с ходу влетел в его улочки, предварительно разметав аскеров, засевших в шанцах, и, не обращая внимания на беспорядочный ружейный и пушечный огонь, смело шел все дальше и только вперед. Наградой смельчакам стала еще одна батарейная позиция.

Летописец Нижегородского драгунского полка так описал решительную кавалерийскую атаку однополчан во время генерального штурма укрепленного города Бейбурта:

«Не прошло десяти минут с начала атаки, как вся линия городских укреплений пала под ударами шести эскадронов драгун».

Рукопашный бой конников-нижегородцев в самом городе продолжался недолго. Защищавшие его турки разделились в «поведении»: кто-то засел в каменных домах и начал отстреливаться, кто-то ударился в бегство в восточном направлении, в сторону селения Испир. Тем временем в Бейбурт входила и другая русская кавалерия, за которой не поспевала пехота.

Полковника князя Андронникова с трудом догнал адъютант главнокомандующего, доставивший новый приказ главнокомандующего: преследовать отступающие пехотные таборы. С этой целью Иван Малхазович с драгунами обошел город справа и пошел на рысях в гору. Он вел все три дивизиона по направлению к Испирской дороге.

Преследователей за горой ожидал боевой успех. В нескольких километрах от Бейбурта они настигли вражескую колонну, в которой перемешались пешие и конные турки, и ударом опрокинули ее в ущелье. Султанские офицеры в этом случае попытались было организовать отпор нападавшим, но безуспешно — их сол-

даты бросались с дороги вниз к реке, чтобы там или укрыться среди прибрежных камней, или переправиться вброд на противоположный берег Чороха.

Тем временем к нижегородцам подошел спешивший им на помощь 1-й Линейный казачий полк кубанцев. На правах старшего начальника Андронников оставил казаков вместе с 1-м дивизионом в городской черте Бейбурта для «удерживания» подавленного, но еще способного при благоприятной ситуации огрызнуться неприятеля. Драгуны и линейцы находились в городе до подхода Херсонского гренадерского полка и остальной отставшей в наступлении русской пехоты. Пехотинцы и стали выбивать из домов засевших там турок.

С остальными двумя драгунскими дивизионами полковник Иван Андронников насел на основную массу отставшего войска сераскира и гнал их по дороге на протяжении более 20 километров. При этом полковой командир три раза спешивал конных солдат и водил их в пешем строю на штурм попадавшихся по дороге полевых укреплений неприятеля. Выбив его оттуда, драгуны вновь садились на коней и продолжали гнать и гнать по дороге расстроенное султанское воинство.

Преследование продолжалось до горного селения Каравер. Там оно прекратилось, поскольку, разбившись на мелкие группы, беглецы рассеялись по неприступным для конницы горным склонам и стали искать спасительного укрытия в горах. Горных троп же вокруг Каравера почти не оказалось, да и не было времени для поиска надежных проводников.

Когда драгуны-нижегородцы вернулись к Бейбурту с многочисленными пленными и несколькими знаменами, взятыми на дороге, в городе уже все было кончено. Засевшие в каменных домах турки в своем большинстве сдались в плен русским пехотинцам, которым все же пришлось брать приступом несколько каменных строений. Перед бегством османы сумели поджечь в нескольких местах свой походный лагерь, и он почти весь выгорел.

На следующее утро после победного сражения за Бейбурт колонны действующего Отдельного Кавказского корпуса изготовились для марша навстречу подходившим к городу крупным силам анатолийцев, которых вел сам сераскир. Однако боевые действия в горах на берегах Чороха продолжения не получили.

К главнокомандующему Паскевичу-Эриванскому из Тифлиса с курьером прибыла депеша. В ней извещалось о заключении в дале-

ком Адрианополе мирного договора между Россией и Блистательной Портой, проигравшей очередную «священную войну» против своего исторического северного соседа.

Большое сражение под городом Бейбуртом с немалыми потерями в рядах турецких войск произошло уже после официального окончания войны. Такой случай был довольно редок в военной истории всех времен и народов.

За «примерный» командирский подвиг, совершенный в сражении за Бейбурт, полковник князь Иван Малхазович Андронников был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Орден имел девиз «За службу и храбрость». Торжественное награждение состоялось 6 августа 1830 года...

КОМАНДИР НИЖЕГОРОДСКОГО ДРАГУНСКОГО ПОЛКА. НА ВОЙНЕ С ГОРЦАМИ

Назначенный царским наместником и главнокомандующим на Кавказе графом Паскевичем-Эриванским в победном 1829 году командиром Нижегородского драгунского полка, Андронников недолго пробыл в почетной и заслуженной им должности. Он едва успел довести полк до его штаб-квартиры в Карагаче, куда нижегородцы прибыли в марте 1830 года. Там ему пришлось расстаться со ставшим ему родным кавалерийским полком.

Дело состояло в следующем. Тогдашний управляющий Военным министерством и заместитель начальника Главного штаба (в те годы министерство находилось в прямом подчинении службе Генерального штаба) генерал от кавалерии граф Чернышев прислал Паскевичу письмо. В нем среди прочего сообщалось, что в столице предполагается назначить командиром Нижегородского драгунского полка подполковника Доброва.

Кавказский наместник решил выйти «сухим» из этой довольно щекотливой для него ситуации. Он сейчас же предложил Ивану Малхазовичу, уже назначенному им на должность полкового командира нижегородцев, взять на себя начальство над другим кавалерийским полком, но уже в России. Такие вакансии в русской армии были.

Сильно обиженный георгиевский кавалер и князь ответил генералу от инфантерии Паскевичу-Эриванскому, что предпочитает заняться устройством личных дел. И посему был зачислен на службу «по армии» без занятия какой-либо определенной должности.

В таком «подвешенном» положении полковник Андронников пробыл долгих девятнадцать лет. Он продолжал находиться на действительной военной службе и при этом не имел прямых должностных обязанностей. Однако за это время Иван Малхазович по собственному желанию многократно участвовал в военных экспедициях кавказских войск против имама Шамиля, в боях против горцев. При этом он то командовал временно создаваемыми отрядами, то состоял при командирах таковых.

Так, в 1837 году князь Андронников был в походе против горцев, пытавшихся прорваться в набеге за военной добычей через Лезгинскую укрепленную линию. Тогда прорыв линии воинственным лезгинам не удался. В 1840 году он успешно командовал отдельным сводным отрядом, действовавшим против войск Шамиля в Северной Осетии.

В последнем случае он участвовал в ответных действиях русских войск против горцев после набега наиба (наместника) имама Ахбирди Мухаммеда в декабре месяце на город Моздок. В ходе нападения горцы убили 22 солдата и 6 гражданских лиц, защищавших свои семьи; 19 солдат и 9 горожан были ранены, 11 женщин и детей — уведены в горы для последующего получения за них выкупа. Карательные экспедиции, проведенные против «немирных» аулов в Малой и Большой Чечне в конце того года, оказались неудачными.

В следующем, 1841 году Иван Малхазович участвовал в Дагестанском походе русских войск. Он был вызван рядом набегов войск Шамиля — на казачью станицу Порбачеву, в окрестности города Владикавказа и Назрани и на военное поселение Александровское на Военно-Грузинской дороге, где был учинен настоящий погром. По свидетельству современника, «наше лучшее, начавшее процветать военное поселение было почти полностью уничтожено, а его жители и скот погублены». Мюриды «изрубили и увели с собой» 119 мужчин, женщин и детей, угнали 1126 коз, 769 овец, 125 коней, захватили 77 ружей, 58 топоров, сожгли десятки скирд пшеницы и ячменя...».

В Дагестане обстановка осложнилась еще тем, что на сторону Шамиля перешел ряд аварцев, бывших до этого на русской службе. Это сразу же осложнило положение русских войск в дагестанских горах.

За особые отличия в действиях против горцев в ходе военной экспедиции князь Андронников был произведен в генерал-майоры.

С этого времени Иван Малхазович часто сопровождает кавказского наместника генерал-фельдмаршала М.С. Воронцова в его горных экспедициях. В 1847 году князь Андронников за отличия при штурме укрепленных аулов Гергебиль и Салты, когда русские войска столкнулись с мюридами под командованием имама Шамиля, награждается орденом Святого Станислава 1-й степени. Мундир генерала украсил еще один орденский крест, который носился на ленте красного цвета с белой двойной каймой через правое плечо и звездой на левой стороне груди.

Через два года Андронников по настоянию царского наместника князя Воронцова принял должность тифлисского военного губернатора, одну из ключевых в крае. То был большой пост в кавказской администрации. Наследник древнего княжеского рода Андроникашвили, помимо необходимых для губернатора качеств, пользовался еще и доверием среди всех слоев населения Грузии.

Оставаясь до 1856 года на посту тифлисского военного губернатора, Иван Малхазович по-прежнему не устранялся и от службы на ратной ниве российскому Отечеству. Ко многим событиям Кавказской войны в эти годы он имел непосредственное отношение. Не говоря уже о заботах, связанных с гарнизоном города Тифлиса и формированием грузинских иррегулярных ополчений.

Однако не Кавказская война с горцами дала князю Андронникову славу большого военачальника. Ее он добыл в сражениях в Закавказье в ходе Крымской (Восточной) войны 1853—1856 годов.

ВОЕННЫЙ ГУБЕРНАТОР ТИФЛИСА

На берегах Босфора в султанском дворце члены дивана (совета министров) надеялись на быстрый успех, особенно на кавказских границах России. Против почти 100-тысячной Анатолийской армии русские имели в несколько раз меньше воинских сил, к тому же еще разбросанных на разных направлениях. Резервов у действующего Отдельного корпуса почти не имелось. В трудный час его командование могло только рассчитывать на резервные 4 пехотных батальона, 8 пеших и 4 конных орудия.

Трудности русского командования заключались еще в том, что часть войск по-прежнему отвлекалась на борьбу с имамом Шамилем. Владыка Османской Порты султан Абдул-Меджид сильно надеялся на помощь горцев. Но, к слову сказать, их предво-

дитель не пошел в союзники Турции, которая не раз уже обманывала его надежды и нарушала данные обещания.

Османские войска стали во множестве стягиваться к российским границам на Кавказе еще с лета 1853 года. Тифлисский военный губернатор князь Андронников находился в числе того круга должностных лиц, которые занимались организацией защиты пограничья. Иван Малхазович по поручению наместника, а порой по собственной инициативе решал вопросы размещения воинских команд, их снабжения, формирования грузинских национальных ополчений.

Как большой военачальник, генерал-майор князь Андронников выдвинулся в Крымской войне по одной-единственной причине. Он умел воевать в условиях гор по-суворовски, во многом напоминая другого прославленного грузинского полководца — генерала от инфантерии князя Петра Ивановича Багратиона.

За генерал-майора князя Андронникова, как за начальника военных людей, всегда могли поручиться такие кавказские полководцы, как граф Иван Федорович Паскевич-Эриванский (он же в то время и князь Варшавский) и Николай Николаевич Муравьев. От личного мнения царских наместников зависели многие «кадровые перестановки». Не случайно Иван Малхазович, оказавшийся при первом из них в официальной «опале», никогда не получал отказа поучаствовать в военных экспедициях против войск имама Шамиля, и порой ему поручалось действовать самостоятельно.

Один из наместников, уже престарелый князь М.С. Воронцов, во многом в своей деятельности полагался на военного губернатора Тифлиса. Жизнь столицы Кавказского края во многом определяла жизнь провинциальную. Особенно это характерно было для областей Грузии.

Андронников до конца своих дней помнился в русских войсках на Кавказе по прошлым боевым заслугам. Об этом, в частности, свидетельствует «История Нижегородского драгунского полка», другие полковые истории Отдельного Кавказского корпуса, воспоминания современников тех событий.

Было и еще одно очень большое «за» при назначении опытного в армейских делах генерала на высокий командный пост в начавшейся Восточной войне. Князя Андронникова отлично знали османы, с которыми он не раз успешно скрещивал оружие: под крепостями Ахалцых и Ахалкалаки, при штурме Бейбурта. Турецким военачальникам фамилия тифлисского военного губернатора

говорила прежде всего о бесстрашии этого грузинского князя-аристократа.

Личность Ивана Малхазовича для своего времени была значима и в другом отношении. Успех войн России с Турцией и Персией зависел и от отношения к ним местного населения, обладавшего исторической воинственностью. К слову сказать, православные грузины и армяне (да и не только они, но и в Северном Азербайджане) благодаря своим многовековым родословным прекрасно знали, что несли на их земли нашествия войск османских и иранских правителей, что значило для них турецкое или шахское правление.

Правда истории такова, что именно добровольное вхождение народов Закавказья в состав Российской империи спасло их от прямого физического уничтожения.

История взаимоотношений государств, народов, культур — лучший учитель во все времена. Забывать ее — значит предавать свое прошлое. Помнить — значит смотреть в будущее. Потому и служили верой и правдой Российскому государству лучшие сыны закавказских народов. Русский же народ никогда не являлся их притеснителем, как турки или персы.

В регулярной армии России офицерами служило много армян, грузин, азербайджанцев, представителей горских народов. Среди них были и представители местной аристократии.

Князь Иван Малхазович Андронников вошел в ту овеянную ратной славой плеяду генералов-кавказцев, которые в русско-турецких, русско-персидских и других войнах, в борьбе против имамата Шамиля командовали крупными воинскими силами. На самом же Кавказе такие военачальники являлись еще и организаторами местных национальных ополчений, создававшихся на случай войны или в ее ходе.

По рекомендации тифлисского военного губернатора царским наместником назначались многие начальники в грузинских ополченческих дружинах. Так, генерал-майор Андронников хорошо знал гурийского князя Георгия Гуриели, которому тоже суждено было стать одним из героев Крымской войны. И погибнуть смертью храбрых вместе с сыном в первый же ее день при защите от турецкого десанта пограничного поста Святого Николая или Шекветели.

Царский наместник на Кавказе в 1844—1854 годах светлейший князь Михаил Семенович Воронцов пользовался неограничен-

ными правами по защите края. Одновременно он же являлся главнокомандующим русскими кавказскими войсками. Некоторые отечественные писатели и историки склонны говорить о преувеличенности военного дарования Воронцова. Думается, что все это не совсем так. Случайных людей на такие высокие, а самое главное — ответственные государственные посты в старой России не назначали.

Ставший генерал-фельдмаршалом русской армии в последний год своей жизни — в 1856-м, Воронцов начал военную службу еще в 1803 году. Перед Отечественной войной 1812 года участвовал в войнах с наполеоновской Францией и Турцией. В славном Бородинском сражении тридцатилетним генералом командовал дивизией, оборонявшей Шевардинский редут и Семеновские (Багратионовы) флеши. В 1815—1818 годах командовал русским экспедиционным корпусом в поверженной Франции.

С 1823 года М.С. Воронцов назначается новороссийским и бессарабским генерал-губернатором, много потрудившимся для развития Юга государства. Благодаря истинным своим заслугам перед «Богом, Царем и Отечеством» он становится наместником на всегда беспокойном Кавказе. Разумеется, сказалась и родовитость блестящего генерала, но главной причиной столь высокого назначения были, конечно, его выдающиеся способности. Недаром ведь много времени спустя на Кавказе бытовала пословица: «До Бога высоко, до Царя далеко, а Воронцова — нет!»

Постоянная военная опасность на государственных границах в Закавказье, продолжавшаяся война с имаматом Шамиля были уже, вполне естественно, чрезмерной нагрузкой для семидесятилетнего наместника горного края. Однако Михаил Семенович имел надежных помощников в управлении Кавказом и командовании Отдельным корпусом. В числе их находился и князь Иван Малхазович Андронников, теперь уже генерал-лейтенант.

В преддверии Восточной войны диспозиция кавказских войск была составлена заблаговременно. По ней тифлисскому военному губернатору доверили начальство над отдельной группировкой воинских сил в юго-западных землях Грузии (по совместительству с прежней должностью). Штаб-квартирой сводного отряда определили небольшой город-крепость Ахалцых, что в переводе с грузинского означает Новая крепость.

Под командование генерал-лейтенанта князя И.М. Андроникова поступило два отдельных воинских отряда — Гурийский и

Ахалцыхский. Первоначально численный их состав выглядел следующим образом.

Гурийский отряд, расквартированный на Черноморском побережье, насчитывал 18 пехотных батальонов, 16 пеших и 8 горных орудий, 9 казачьих сотен, 26 пеших и 3 конных сотни национальных кавказских ополчений.

В горный Ахалцыхский отряд вошло почти 8 полных батальонов пехоты, 16 пеших и 4 горных орудия, 6 сотен казаков. В ходе боевых действий состав сил этих двух отрядов постоянно менялся в зависимости от обстановки. Андроников приложил немало сил, чтобы удобно расположить вверенные ему войска, организовать их взаимодействие и связь между собой и с Тифлисом.

Малочисленность русского Отдельного Кавказского корпуса его отрядов не являлась большим секретом для султанского командования. На реальном соотношении противоборствующих сил и основывались далеко идущие военные планы Стамбула, в том числе в Западной Грузии, в Гурии. Поэтому в Санкт-Петербурге решили усилить русские войска в Закавказье на всех направлениях прикрытия государственной границы.

Из Севастополя морем 24 сентября на кораблях и транспортах Черноморского флота перебрасывается 13-я пехотная дивизия. Операцией руководил вице-адмирал П.С. Нахимов. Войска успешно десантировались в районе приморской крепости Анаклии близ Сухум-Кале.

Отсюда незамедлительно выступил к Ахалцыху Виленский егерский полк 4-батальонного состава. Кадры 5-го и 6-го (запасных) батальонов, все имущество и архив полка остались в Севастополе. За образцовое планирование и исполнение этой десантной операции Император Николай I объявил свое монаршее благоволение Виленскому полковому командиру генерал-майору Фрейтагу фон Лерингофу и командирам батальонов подполковникам Одинцову, Кулишу, майорам Толубееву и Навроцкому.

Ускоренным походным маршем егеря по трудным и непривычным для них горным дорогам уже 17 октября прибыли в расположение комплектовавшегося Ахалцыхского отряда. Его основу и составил Виленский, укомплектованный уже повоевавшими на своем солдатском веку нижними чинами и офицерами. Егеря подошли к Ахалцыху вовремя — через двенадцать дней турецкие войска начали сильную блокаду крепости...

НАЧАЛО КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ НА КАВКАЗЕ

Восточная война полыхнула одновременно в придунайских степях и на Кавказе. Первый военный гром грянул в операционной зоне Гурийского отряда, где первый вражеский удар принял на себя гарнизон поста Святого Николая.

Севернее Батума по морю удобно располагался русский военный пограничный пост Шекветели. Кому-то вздумалось его переименовать, и он стал именоваться Пристанью Святого Николая. Или просто — постом Святого Николая.

Пост был как пост: несколько десятков небольших деревянных домиков на берегу Черного моря. В них, помимо местных жителей, проживали начальник военного поста (или иначе — пограничной заставы), чиновники карантинно-таможенной службы, хранился провиант и располагалось несколько купеческих лавок. И все. Укреплений — никаких, поскольку пост — не крепость. Да еще со складом муки в три тысячи четвертей весом.

То, что осенью 1853 года запахло очередной войной с Турцией, начальник поста Святого Николая пехотный капитан Щербаков почувствовал одним из первых. Тревожные вести из близкого Батума, который тогда турки еще крепко держали в своих руках, приходили с дружественно настроенными к русским аджарцами. Щербаков отправил не одно по такому поводу донесение в Ахалцых генерал-лейтенанту князю Андроникову.

Османы явно готовили на границе большую пакость. Морем подвезли несколько таборов регулярной пехоты. На той стороне границы по ночам установили, тщательно замаскировав, несколько артиллерийских батарей. В Батумской бухте заметно прибавилось фелук — мореходных парусников, небольших, но вместительных. Многие из них пришли к берегам Кавказа из Средиземноморья. Такое в портовом городе от местных жителей не скроешь.

О проверенном достоверном факте собирания крупного десантного отряда в Батуме капитан Щербаков сообщил начальнику Военно-Гурийского округа. Тот переслал его царскому наместнику князю Воронцову. По настоянию генерал-лейтенанта И.М. Андроникова при дефиците воинских сил все же пограничный пост на морском побережье решили хорошо (исходя из возможностей) укрепить. В случае войны посту Святого Николая приходилось принимать на себя первый неприятельский удар.

Пограничный пост по приказанию тифлисского военного губернатора получил усиление: 255 стрелков (две неполные роты) из Черноморского линейного батальона и несколько конных казаков-кубанцев для ведения разведки и доставки донесений. Из Редут-Кальского укрепления подвезли два легких орудия.

По приказанию генерал-лейтенанта Андроникова подошли две сотни пешей гурийской милиции (местных ополченцев) под командованием князя Георгия Гуриели. Это о них царский наместник на Кавказе М.С. Воронцов доносил накануне войны Императору Николаю Павловичу:

«Для временной экспедиции они (гурийцы. — *А. Ш.*) очень хороши, ибо храбры по природе своей и любят тревоги военной жизни...»

Получив такое солидное подкрепление, капитан Щербаков стал готовить пост к защите с суши и с моря. Дозорами перекрыл горные тропы у границы. Каждая сотня гурийцев-милиционеров, каждый взвод стрелков-черноморцев и орудийный расчет получили участки для обороны. Но на все эти приготовления оставались считанные дни...

Получив из Стамбула (Константинополя) секретный приказ начать боевые действия, не ожидая официального объявления «священной войны», султанский главнокомандующий составил десантный отряд. Он поставил перед ним задачу: не считаясь с потерями, захватить слабо укрепленный русский пограничный пост и уничтожить его гарнизон. Тогда турецкой Анатолийской армии открывалась прямая дорога по суше в Гурию. А дальше шел прямой путь на города Кутаис и Тифлис.

Абди-паша требовал от начальников отрядов морского десанта исполнения еще одного условия: ни зверь, ни птица не должны вырваться из осажденного гарнизона Шекветели с тревожной вестью в штаб русских кавказских войск. Тогда во многом обеспечивался дальнейший успех внезапных начальных действий турецких войск вдоль Черноморского побережья Грузии.

...В ночь на 16 октября вражеский десант на 80 фелуках, вооруженных фальконетами, незаметно подошел к берегу у устья реки Натамбы, в трех километрах севернее поста Святого Николая. Огромная флотилия шла под покровом ночной темени под парусами и на веслах. Каждая фелука, помимо экипажа, несла на своем борту по 60—70 солдат с их снаряжением и припасами.

Силы морского десанта были огромны — свыше пяти тысяч человек. Превосходство в людях над гарнизоном Шекветели неприятель имел более чем десятикратное!

Высаживались на берег в темноте без шума — ослушникам грозили смертной карой. Турецкие солдаты-аскеры, набранные из трапезундцев, лазов и кобулетцев, стали обходить пост Святого Николая со всех сторон и готовиться к внезапной атаке.

Штурм начался с внезапного обстрела поста. Шквал артиллерийского огня обрушился на спящий военный пост. Русские солдаты и офицеры, гурийские милиционеры, пограничные стражники, разобрав оружие, под грохот снарядных разрывов занимали свои места. По приказу капитана Щербакова двухорудийная батарея открыла ответный огонь. Вторжение же вражеских колонн ожидалось со стороны Батума.

Яростный обстрел прекратился так же внезапно, как и начался. Свалившаяся в ночи на пограничный пост тишина и стала сигналом к приступу заставы. Пятитысячный турецкий десантный отряд с криками пошел в атаку на защитников поста Святого Николая.

Мужественно и твердо встретили они внезапный вражеский удар. Загремели ружейные залпы, а затем начался прицельный беглый огонь. Пули разили наступавших османов, стремившихся побыстрее взять верх числом в рукопашном ночном бою. Огонь стрелков картечью поддержали пушкари. Случилось совершенно неожиданное для турок: русские отбили их первый приступ. Но за ним последовали другие, не менее настойчивые, массированные атаки.

Воспользовавшись минутным затишьем, капитан Щербаков отправил в штаб Гурийского отряда и в Ахалцых к генерал-лейтенанту Андронникову вестников. Они сумели под покровом темени южной ночи незаметно миновать дозорную линию неприятельского десанта и скрыться в близлежащем лесу. Внезапного прорыва русско-турецкой границы у анатолийского сераскира Абди-паши не получилось.

Гарнизон поста Святого Николая продолжал вести неравный бой в полном окружении. На каждого его защитника приходилось до десяти врагов, не уступающих ему в вооружении. Под самое утро на пограничной заставе кончились боеприпасы. Атакующих теперь отбивали уже только в рукопашных схватках. Получив две раны, отважно бился в первом ряду гурийских милиционеров князь Георгий Гуриели. Когда вражеская пуля смертельно ранила его в грудь, он передал командование своими ополченцами 16-летнему сыну Иосифу, тоже вскоре погибшему в том неравном бою.

Видя, что военный пост отстоять уже просто нельзя, последние его защитники на рассвете бросились в отчаянную контратаку,

которая должна была решить их судьбу. Русские пехотинцы из Черноморского линейного батальона дружно ударили в штыки, воины-гурийцы — в шашки. Они пошли на прорыв сквозь турецкие ряды. И случилось в той ситуации настоящее чудо — они прорвались в лесную чащу.

Проложив себе дорогу штыками и шашками, вышли из окружения живыми, хотя и сильно израненными, только три офицера, 24 рядовых стрелков-черноморцев и часть гурийских милиционеров. Наседавшие на них турки побоялись преследовать остатки гарнизона Шекветели в лесу, да еще днем.

Остальной гарнизон поста Святого Николая, его доблестный начальник пехотный капитан Щербаков, почти две сотни грузинских воинов-ополченцев вместе с князьями Гуриели погибли со славой и честью в неравном бою.

О том, как вело себя султанское воинство на захваченных закавказских землях, лучше всего говорит следующее свидетельство:

«При взятии крепости св. Николая турки неистовствовали страшным образом. Они распяли таможенного чиновника и потом стреляли в него в цель; священнику (иеромонаху Серафиму) отпилили голову; лекаря пытали, допрашивая, куда он спрятал деньги, перерезали женщин и детей и, наконец, у одной беременной женщины вырезали ребенка и тут же на глазах еще живой матери резали его по кускам».

Такой кровавой страницей открылась новая Восточная война на Кавказе. По-разному можно назвать эту страницу той далекой войны. Но суть ее одна. Бесстрашие погибшего пограничного гарнизона дало новую славу российскому воинству, еще раз показавшему крепость братства воинов разных национальностей...

Турецкий главнокомандующий сераскир Абди-паша считал, что прежде всего следует взять крепость Ахалцых. Из нее открывались удобнейшие пути с гор на равнину, в Мингрелию и Гурию. Потеря стратегически важного пункта грозила русским войскам разрывом связей в отрядах действующего Отдельного Кавказского корпуса.

Ахалцых — бывшая турецкая, а потом российская приграничная крепость располагалась на левом берегу реки Посхов-чай, или Ахалцых-чай, в семи километрах от ее впадения в Куру. Город разместился в тесном ущелье посреди гористой и чрезвычайно пересеченной местности. Казалось, сама природа побеспокоилась о безопасности крепостного города, прикрыв его собой буквально со всех четырех сторон света.

Сама крепость состояла из цитадели в виде каменной ограды на крутой голой скале и собственно крепости, расположенной на утесе ниже. Город был окружен двумя рядами каменных стен с удачно расположенными фланкирующими башнями. Ахалцых представлял собой сильно укрепленный форпост на русско-турецкой границе.

Благодаря волеизъявлению сераскира Абди-паши Ахалцых с самого начала военных действий оказался в центре быстро развивавшихся событий в приграничье. Еще в начале октября 1853 года главнокомандующий Анатолийской армией по указанию султана Абдул-Меджида заблаговременно сформировал и двинул против крепости 18-тысячный Ардаганский корпус. Во главе его был поставлен опытный ферик (дивизионный генерал) Али-паша, хорошо знакомый с противником и горным краем.

В боевой состав Ардаганского корпуса вошли восемь тысяч низама — регулярной пехоты и три тысячи сувари — регулярной кавалерии, 13 полевых орудий. Традиционно немалую часть султанского воинства составляла иррегулярная конница. В корпусе имелось около семи тысяч башибузуков и ополчений из представителей воинственных курдских племен.

Силы османского корпуса ферика Али-паши заметно — почти втрое — превосходили противостоящий ему Ахалцыхский отряд русских войск, назначенный по диспозиции для прикрытия Западной Грузии. Особенно ощутим оказался перевес в коннице. И даже в пушках турки имели преимущество, но только в их числе, но не в выучке орудийных расчетов.

Весь собранный к тому времени у Ахалцыха сводный отряд, кроме виленских егерей, состоял из двух батальонов Белостокского и шести рот Брестского пехотных полков, двух легких батарей 13-й дивизионной артиллерийской бригады, двух горных орудий, девяти сотен донских казаков 2-го и 21-го полков, двух дружин пешей грузинской милиции по 600 человек в каждой и Горийской конной дворянской дружины. Всего набиралось около семи тысяч бойцов.

Командовавший Ахалцыхским отрядом генерал-лейтенант князь Андронников через хорошо отлаженную армейскую разведку знал о намерениях Абди-паши. Целый корпус и его маршруты движения трудно скрыть от посторонних глаз даже в горах. Имея под началом опытных, повоевавших на своем веку кавказцев, Иван Малхазович все же составил не одну тревожную докладную записку наместнику в Тифлис. Хотя на сколько-нибудь серьезную помощь рассчитывать в той ситуации ему не приходилось.

Однако главнокомандующий Императора Николая I на Кавказе нашел чем помочь. 2 ноября в недалекую от Ахалцыха крепость Ахалкалаки прибыл еще один батальон Белостокского пехотного полка и пришла пешая грузинская дружина в полтысячи ополченцев. Эти силы могли оказаться в трудный час ближним резервом Ахалцыхского отряда. На большее его начальнику пока рассчитывать не приходилось.

Когда турецкий Ардаганский корпус дивизионного генерала Али-паши 29 октября подошел к Ахалцыху, там уже изготовились к его встрече. Для начала турки постарались надежно блокировать город-крепость. Они до 12 ноября занимались обстрелом ахалцыхских укреплений из имевшихся у них 13 орудий, установленных ими на удобных высотах. Однако бомбардировка успеха не имела, поскольку орудия русских успешно отвечали огнем, который в меткости превосходил неприятельский.

У ферика на все задуманное не хватало ни сил, ни решительности. Он на время отложил генеральный штурм крепости, укрепления которой оставались почти неповрежденными. Али-паша отважился на другое — крупным корпусным отрядом он попытался прорваться к городу Гори и к самому Тифлису через Ахалкалакский округ и Боржомское ущелье. Османы достоверно знали, что здесь не имелось сколько-нибудь значительных сил русских войск.

Направление вражеского удара прикрывала небольшая крепость Ахцур. Ее гарнизон состоял из двух рот Брестского и двух рот Белостокского пехотных полков. Узнав о приближении ардаганцев, русские пехотинцы перекрыли Боржомское ущелье. Турецкая пехота атаковала их при поддержке регулярной кавалерии и пушечного огня. В ходе боя на помощь ахцурскому гарнизону успели подойти еще три роты брестцев и грузинские ополченцы из состава местной пешей милиции.

В течение целой ночи с 6-го на 7 ноября небольшой гарнизон крепости отбивал настойчивые атаки неприятеля, со всей яростью пытавшегося прорваться через Боржомское ущелье. Брестцы и белостокцы, грузинские ополченцы сами не раз переходили в контратаки, завязывая среди камней и деревьев рукопашные схватки.

Ахцурский ночной бой закончился тем, что на восходе солнца оборонявшиеся ударили в штыки и окончательно опрокинули турок. Те, не выдержав натиска, отступили и очистили Боржомское

ущелье. Победителям неприятель оставил одно орудие, четыре знамени и множество брошенных при бегстве ружей.

После поражения под Ахцурским укреплением передового отряда Ардаганского корпуса его главные силы поспешно закрепились на выбранной Али-пашой позиции. Она казалась неприступной с фронта и к тому же находилась среди гор. Ферик разместил свои таборы и кавалерию на участке от села Абаша до села Нижний Суплис на правом берегу реки Посхов-чай, всего лишь в двух-трех километрах к югу от Ахалцыха. Султанского военачальника беспокоило больше всего то обстоятельство, что наступательный пыл ардаганцев после неудачного прорыва через Боржомское ущелье заметно упал.

По-видимому, паша и его штаб, после первых неудач, поняли, что «кавалерийский наскок» на отряды князя Андронникова им ничего путного не дает, и потому тактика их была изменена. Закрепляясь на выбранных позициях, турки стали выжидать атаки русских войск. Ферик Али-паша рассчитывал успешно отразить ее, чтобы потом и самому пойти вперед. Он даже предполагал на плечах отступающих ворваться в Ахалцыхскую крепость...

СРАЖЕНИЕ ЗА АХАЛЦЫХ

Начальствующий над Ахалцыхским отрядом тифлисский военный губернатор князь И.М. Андронников прибыл к вверенным ему войскам 12 ноября. Не откладывая дела в долгий ящик, Иван Малхазович стал на месте сразу же знакомиться с обстановкой, провел со всей обстоятельностью рекогносцировку неприятельских позиций. Он решил начать активные боевые действия незамедлительно, поскольку время не терпело и Ардаганский корпус мог вскоре получить от сераскира подкрепления.

Проведенная рекогносцировка, в которой участвовали отрядные командиры и офицеры службы Генерального штаба, дала мало утешительного. Она убедила князя Андронникова в том, что атаковать неприятеля можно было только с одной стороны — там, где среди горных теснин турки выстроили полевые укрепления. Только одним удачным выбором позиции ферик Али-паша показывал себя серьезным противником.

В русском лагере состоялся военный совет, решение которого отличалось полным единодушием. Его участников не смутили ни почти тройное превосходство турок в людях, ни неприступность

их позиции в горах, усиленной лесными завалами. Не смутили и донесения конной разведки о скором подходе к османам свежих подкреплений из недалеких крепостей Ардаган и Карс.

На военном совете определили дату штурма и направления атакующих ударов. Хорошо укрепившихся турок решили атаковать на рассвете 14 ноября одновременно с двух сторон, направив удары с фронта — со стороны селения Нижний Суплис и на левый неприятельский фланг — по реке Посхов-чай.

В соответствии с диспозицией, определенной и утвержденной старшим начальником, все наличные войска разделили на две атакующие колонны. Генерал-лейтенант Андронников распорядился: всем быть в совершенной готовности к выступлению, поскольку от слаженности походного движения вперед зависела одновременность начала приступа и, как следствие, меньшие потери от заградительного огня вражеской артиллерии.

Сразу же было усилено боевое охранение, дабы избежать просачивания вражеских лазутчиков. Конные и пешие дозоры перекрыли все окрестные тропы, задерживая на них любых путников. Приготовления к наступлению в русском лагере надлежало сохранить в тайне или хотя бы не дать турецкому командованию всей полноты картины.

Для атаки Ардаганского корпуса с фронта, то есть в лоб, выделялось четыре пехотных батальона. Их атакующие усилия поддерживались огнем 14 орудий. Эта колонна имела в пехоте примерно равный численный состав с другой, которой предстояло брать приступом левофланговую позицию неприятеля.

Второй колонной начальствовал командир 2-й бригады 13-й пехотной дивизии генерал-майор Е.П. Ковалевский. Основу его колонны составил Виленский егерский полк. В нее вошли также 9 казачьих сотен, 14 легких горных орудий, 12 сотен пеших Тифлисской и Горийской грузинских дружин, три сотни осетинского ополчения и две сотни дворян-добровольцев. Андронников постарался стянуть во фланговый отряд как можно больше орудий разного калибра.

Перед колонной Ковалевского была поставлена задача штурмом овладеть турецкими полевыми укреплениями по реке Посхов-чай. Замысел кавказского военачальника строился на следующем: ферик Али-паша, связанный оборонительным боем по фронту, не сможет перебросить оттуда на свой левый фланг сколько-нибудь значительных подкреплений, прежде всего регулярной пехоты. В русской же колонне здесь имелось вполне достаточно кавалерии, чтобы при-

крыть атакующих виленских егерей и ополченцев, а в случае успеха пойти на преследование отступившего неприятеля.

В своем замысле на сражение генерал-лейтенант Андронников оказался полностью прав. Именно эта колонна решила судьбу Ардаганского корпуса и обеспечила полную победу русского оружия в сражении на ближних подступах к Ахалцыхской крепости.

Как и было намечено, ранним утром 14 ноября колонна генерал-майора Ковалевского выступила из лагеря без задержек и лишнего шума. В плотных походных порядках войска перешли лощину за брошенным жителями селением Ивлит и взошли на высоты левого берега несущего среди камней быстрые воды Посхов-чая. Четырнадцать орудийных расчетов встали на указанные им позиции. Теперь Нижний Суплис находился на расстоянии пушечного выстрела. Начало выдвижения на линию атаки оказалось удачным — османы только в этот момент обнаружили изготовившиеся пойти вперед через реку войска противника.

Завязалась артиллерийская дуэль. Расчеты горных орудий, на руках втащившие их на береговые скалы, открыли беглый огонь по турецким батареям, стараясь сбить их с позиций. Селение Нижний Суплис и противоположный речной берег покрылись шапками порохового дыма. Интенсивная перестрелка продолжалась довольно долго — вплоть до той минуты, пока штурмующие не ворвались на укрепленные позиции ардаганцев.

По сигналу атаки два передовых батальона виленских егерей пошли на форсирование Посхов-чая. Одновременно с ними вперед двинулись сотни донских казаков и грузинские ополченцы. Они перебрались через глубокую и бурную горную реку с немалым для себя трудом, да еще под пушечным и ружейным огнем. За дальностью пальба ардаганцев не отличалась меткостью и наступавшим потерь почти не принесла.

Перейдя Посхов-чай, атакующие стали карабкаться на высокий противоположный берег. Они стремились как можно быстрее взойти на него и ввязаться в рукопашный бой. Егеря и ополченцы помогали друг другу взбираться на крутизну, подавая идущим вослед ружья, ремни, руки. Конники шли правее, там, где вверх выходила неширокая лощина, удобная для прохода лошадей.

Оглушительная в горах пушечная канонада все усиливалась. С обеих сторон на площади в одну квадратную версту вело беглый огонь более 30 орудий. Ни та ни другая сторона снарядов не жалели, и их осколки находили все больше жертв.

Шесть рот егерей пошли на лобовой штурм турецкой фланговой позиции, а две другие стали взбираться вверх по крутой узкой дороге, пролегавшей у подошвы скал. Турки теперь вели сверху прицельный ружейный огонь с дистанции всего в 50—70 саженей. Виленцы, сами стреляя не часто, с полным бесстрашием рвались вперед. Пример храбрости им подавали штабс-капитан Посальский и прапорщик Шестериков, бывшие впереди своих солдат.

Взобравшись на противоположный обрывистый берег Посховчая, егерские роты выстроились для штурма всего в 40 саженях от вершины прибрежной горы. Перед ним выше находились завалы с укрытыми за ними семью орудиями, которые вели теперь огонь только картечью. Турецкие пехотинцы, находясь за поваленными деревьями и камнями, тоже вели частую стрельбу. По тому, как она велась, чувствовалось, что аскеры никак не ожидали появления штурмующих русских на скате обороняемой ими высоты.

Выстроившись, цепь из егерских рот бросилась наверх. Не обращая внимания на частую пальбу, свист пуль и картечи, виленцы в считанные минуты с криками «ура» и руганью взошли на высоту и оказались по ту сторону вражеских укреплений. Среди их защитников начался переполох, стрельба на горе почти прекратилась, и начался рукопашный бой, который втягивал в себя все больше и больше людей.

Первым ворвался на позиции турецкой батареи подпоручик Данилов, сразивший шашкой двух турок и погибший здесь же у замолкших орудий от трех пулевых ранений. Отличился рядовой 2-й егерской роты Иван Рогозин. Он успел выхватить у бомбардира банник, которым тот хотел забить заряд, чтобы картечным выстрелом в упор расстрелять штурмующих.

Атакующие батальоны Виленского егерского полка, не задерживаясь на захваченных артиллерийских позициях, штыками погнали от них прочь неприятельскую пехоту. На помощь атакующим через Посхов-чай спешили новые пехотные цепи.

Такая неудержимость идущих в атаку егерей ошеломила турок. Хотя они стреляли по русским из-за всевозможных укрытий, но от торопливости страдала меткость их ружейного огня. Удачно форсировавшая водную преграду штурмовая колонна генерал-майора Ковалевского бросилась в атаку с «примерным» воодушевлением, не оставляя неприятелю никаких шансов закрепиться на новом месте.

Несколько позднее успех пришел и к тем пехотным батальонам, которые атаковали вражескую укрепленную позицию по

фронту. Им пришлось в атаке труднее своих соседей, но поставленная задача была все же выполнена.

Генерал-лейтенант Иван Малхазович Андронников в победной реляции, отправленной на следующий день в Тифлис, особо отметил мужественные действия русской пехоты в состоявшемся сражении. Он писал наместнику князю Воронцову:

«Пехота наша под ближайшими картечными выстрелами всей неприятельской артиллерии и под батальным непрерывным ружейным огнем переправилась через реку по грудь в воде. Приступ был так стремителен и единодушен, что неприятель при всей упорной защите должен был уступить, и первый шаг к отступлению был началом окончательного его поражения и совершенного расстройства...»

В сражении под Ахалцыхом военачальник Андронников показал себя новатором. Победа была достигнута новым для того времени боевым построением атакующих в цепь. Чему, вопреки требованиям устаревших к тому времени воинских уставов, генерал-лейтенант не препятствовал. Он поощрял подобную инициативу командиров пехотных рот и батальонов. Сообразуясь с обстановкой, егеря и ополченцы стихийно рассыпались в цепи и, выбив турок из селения Нижний Суплис, начали развивать энергичное преследование отступавших.

Поясним ради военно-исторической правды сущность отмеченного выше новаторства — действий пехоты в наступлении цепью. При наступлении в плотных колоннах, как требовали военные каноны того времени, картечь и скорострельные ружья в ближнем бою наносили наступающим огромные, ничем не оправданные на войне потери в людях. Когда же атаковала цепь, потери резко снижались. Под Ахалцыхом утверждалось то, чего не «заметил» перед сражением на реке Альме у селения Бурлюк главнокомандующий сухопутными и морскими силами России в Крыму светлейший князь А.С. Меншиков...

Продолжавшееся Ахалцыхское сражение, теперь уже за овладение походного лагеря Ардаганского корпуса, носило самый ожесточенный характер. Солдаты ферика Али-паши защищались отчаянно, цепляясь за каждый дом, стреляя из окон и дверей, в садах — из-за деревьев, стремясь удержаться за завалами на дорогах и тропах. Всюду шла жаркая ружейная пальба. Многие сакли большого селения Нижний Суплис атакующим пришлось брать штурмом. В ход шло все, что сражавшиеся имели под рукой.

Следует отдать должное дивизионному генералу Али-паше. Строя систему обороны своего походного лагеря, он успел создать за Посхов-чаем несколько запасных позиций на высотах и среди скал. О большинстве из них русское командование, как показала баталия, не знало.

В конце концов горный аул и прилегающие к нему сады были заняты. У минарета мечети суплисские жители-мусульмане (они сражались в рядах ардаганцев), побросав на землю оружие, бросились навстречу штурмующим, моля о пощаде. Ни один из них не был тронут, ибо даже в пылу боя русские солдаты не нападали на безоружных.

Кавказские войска, очистив от неприятеля Нижний Суплис, приостановились в нем. Следовало сделать распоряжения на преследование отступившего Ардаганского корпуса, стянуть в единое целое роты и батальоны, сотни, вновь организовать колонны, потерявшие первоначальную стройность. Однако передовая цепь атакующих, увлеченная достигнутым успехом, шла вперед и все дальше забиралась в горы. Выстроившись, штурмующие колонны поспешили за ними.

Местность постепенно повышалась, становилась все труднее проходимой. Лучшие стрелки-«застрельщики» из всех трех полков Ахалцыхского отряда, участвовавших в сражении, не давали туркам закрепиться на запасных позициях. Все же те попытались «усидеть» на последней из них у села Малый Памач.

Здесь три батальона регулярной пехоты ардаганцев с двумя орудиями, имея за спиной два кавалерийских эскадрона, встретили преследователей шквалом ружейного огня. Пушки стреляли «ближней» картечью. Однако цепь стрелков-«застрельщиков» не оплошала и ринулась в штыковой бой. Турки оказались выбитыми со своей последней запасной позиции, которая к тому же оказалась защищенной лучше остальных. Бежавшие ее защитники бросили орудия, не попытавшись даже вывезти их в горы.

Но не все столь победно складывалось для воинов-кавказцев в Ахалцыхском сражении. В нем были и такие минуты, которые могли повернуть вспять ход событий. В самый разгар боя на главной позиции ардаганцев, где они еще как-то сдерживали атакующих, сильный отряд войск сераскира Абди-паши пошел на охват сражавшихся наших кавказских войск. Несколько батальонов низама и кавалерия спешили через Абас-Туманские горы ударить русским в тыл их правого фланга.

Когда о появлении в ближнем тылу многотысячной неприятельской конницы и идущей за ней пехоты сообщили Андронникову, то перед ним встала трудная задача. Почти все его войска втянулись в сражение, резервов не имелось. Тогда он пошел на известный риск, вызвав из боя шесть казачьих сотен и конную Горийскую дворянскую сотню, присовокупив к ним свой личный конвой.

Донские казаки и горийцы лихо вынеслись на подходивший турецкий отряд, который только-только начал разворачиваться для атаки. Произошел встречный бой несущихся друг на друга конных лав. Рубки турецкая конница не выдержала и повернула вспять, уходя прочь от Нижнего Суплиса. В бегстве она смяла свои пехотные таборы, которые следовали за ней по горной дороге. Начавшиеся разбегаться в разные стороны аскеры попали под пики донцов и шашки грузинских азнауров.

В ходе этого столкновения на поле боя осталось более 200 вражеских солдат, преимущественно пехотинцев. Уцелевшие разбегались во все стороны от дороги, оставив ее в руках донских казаков и горийцев. Крутые склоны окрестных высот не позволили им пойти в преследование. Беглецы же, в тот день и на следующий, так и не смогли вновь собраться в эскадроны и таборы.

Когда схватка на горной дороге закончилась, главные силы Ардаганского корпуса были выбиты с укрепленной позиции во всех местах. Когда же кавалерия Ахалцыхского отряда пошла в преследование отступающих, ферик Али-паша оказался бессилен остановить бегство султанского войска. Впрочем, преследование, длившееся четыре часа, большого успеха не имело. Немногие узкие горные дороги и тропы не позволили кавказцам перехватить хотя бы часть смешавшихся между собой войск ардаганцев. К вечеру все было кончено. Утомленным за день бойцам и лошадям следовало дать заслуженный отдых. На поле битвы начался сбор тяжело раненных и оказание им помощи. Специальные команды подбирали брошенное неприятельское оружие и прочие трофеи.

БЛЕСК АХАЛЦЫХСКОЙ ПОБЕДЫ

В победной реляции генерал-лейтенанта князя Андронникова на сей счет говорилось: «С закатом солнца прекратился бой по неимению противников». Победа над Ардаганским корпусом Анатолийской армии в сражении под Ахалцыхом была полной.

На закате солнца Иван Малхазович объезжал расположившиеся на отдых войска, благодарил их за труды ратные и проявленное в деле «отличное» мужество, поздравлял с одержанной победой. Всюду он видел радостные, хотя и уставшие, лица нижних чинов и офицеров. Посетил он и походный лазарет, чтобы «добрым и похвальным» словом укрепить силы раненых.

Ахалцыхское сражение закончилось полным поражением сильного по составу турецкого корпуса под командованием опытного дивизионного генерала Али-паши. Тот действовал умело и расчетливо, но обстоятельства оказались сильнее его — генерал-лейтенант князь И.М. Андронников превзошел его в воинском искусстве. Ардаганцы потеряли полторы тысячи солдат и офицеров убитыми и до двух тысяч ранеными. В плен попало только 120 человек, что свидетельствовало о жестокости рукопашных схваток и стойкости противника. Перестали существовать как боевые единицы два с половиной батальона низама, лучшей части султанской армии.

Победителям досталась почти вся артиллерия вражеского корпуса — 10 полевых пушек и одно горное орудие с боевыми припасами, два артиллерийских парка (90 вьючных ящиков с артиллерийскими зарядами, 42 бочонка с порохом, 160 тысяч ружейных патронов), а также весь походный лагерь с запасами провианта и фуража, большое количество лошадей и обозных верблюдов, брошенного оружия.

В числе почетных военных трофеев оказались отбитые у ардаганцев пять боевых знамен и штандартов, 18 отрядных значков. В лагере была захвачена походная канцелярия ферика Али-паши, документы которой в штаб-квартире Отдельного Кавказского корпуса раскрыли много интересной информации об Анатолийской армии сераскира Абди-паши. Канцелярия корпусного начальника, знамена и штандарты были отправлены в Тифлис царскому наместнику.

Разбитые под Ахалцыхом регулярные турецкие войска, не имея нигде ночлега, бежали до самого Ардагана. Что касается иррегулярной конницы племенных ополчений, то в своем большинстве она попросту разбежалась, вернувшись восвояси до получения своими вождями нового гневного султанского фирмана.

Потери Ахалцыхского отряда оказались несравненно малы для такого ожесточенного сражения, длившегося от восхода солнца до самого вечера, когда закончилось преследование противника. Среди убитых оказался всего один офицер (командиры по традиции с

петровских времен шли в первом ряду атакующих) и 51 рядовой, раненых и контуженых насчитали 311 человек. Из грузинских ополченцев-милиционеров оказалось убитыми два человека, ранено и контужено — 54 человека. Такие небольшие потери атакующей стороны объяснялись и упоминавшейся выше новой тактикой наших атакующих действий, стремительностью натиска кавказцев и крайне низкой эффективностью стрельбы турецких батарей.

На берегах крутонравной горной реки Посхов-чай еще раз кровью скрепилось братство российского воинства. Один из участников Ахалцыхского сражения писал в популярнейшей в дореволюционной России газете «Русский инвалид» (№ 80, 1854 год):

«Представители всех классов, всех сословий России сказали свое слово... в отдаленном Закавказье, не одни наши регулярные войска удивляют нас примерами несокрушимой твердости, всем известно участие, принятое в общем деле здешними местными ополчениями... Когда Ахалцых... был обложен турецкими войсками, защита его лежала на 5-ти батальонах пехоты, 3-х сотнях донских казаков и конной... дружине Горийского уезда. В течение 16 дней эти защитники осажденного города оставались под открытым небом по всем фасам... Ахалцыха, и ежедневные попытки неприятеля отражали не числом своим, а предусмотрительностью, стойкостью и уверенностью в доказанную несокрушимость своего оружия».

Результатом сражения под Ахалцыхом 14 ноября 1853 года стало совершенное изгнание турецких завоевателей из исконно древних грузинских земель. Они вошли в состав Российского государства как Посховский санджак. Депутация его жителей явилась к князю Ивану Малхазовичу Андроникову с письменным изъявлением покорности России.

Была еще и другая сторона Ахалцыхского сражения, не менее важная. Сводный отряд кавказских войск под командованием генерал-лейтенанта Андроникова, разгромив немалый Ардаганский корпус султанской армии, одержал в Крымской войне первую со стороны России большую победу.

Император Николай I, получив донесение князя М.С. Воронцова о полной победе под Ахалцыхской крепостью, был несказанно рад ей. Государь по достоинству оценил личные заслуги князя Андроникова. Тифлисский военный губернатор награждается орденом Святого Георгия 3-й степени. Иван Малхазович заслужил славу победителя ферика Али-паши, личный авторитет которого среди военачальников Оттоманской Порты был высок.

Блистательный разгром Ардаганского корпуса, силы которого более чем в два раза превосходили Ахалцыхский отряд, поставили генерал-лейтенанта Андроникова в один ряд с другими большими военачальниками России в годы Восточной войны. Достигнутый успех на берегах реки Посхов-чай во многом предопределил дальнейший успешный ход боевых действий в Закавказье.

Участники славного дела под Новой крепостью — Ахалцыхом в традиционный для старой России «наградной день» — 1 января нового, 1854 года — удостоились большого числа заслуженных боевых наград. Император Николай I, немало обеспокоенный неудачами на берегах Дуная, оказался щедр на ордена, досрочные офицерские звания и прочие наградные почести для закавказцев.

Особенно много монарших наград выпало на долю Виленского егерского полка, о чем особо побеспокоился Иван Малхазович. Император «всемилостивейше соизволил пожаловать» 1-му, 2-му и 4-му батальонам почетнейшие в русской армии Георгиевские знамена с надписью «За поражение турок 14 ноября 1853 года при Ахалцыхе».

Тем же царским указом от 1 января 1854 года командир виленских егерей генерал-майор Фрейтаг фон Лерингоф получил орден Святого Станислава 1-й степени. Наиболее отличившиеся в сражении личной храбростью штабс-капитан Посальский и прапорщик Шестериков удостоились орденов Святого Георгия 4-й степени. Все другие офицеры полка также получили или следующие чины, или орденские награды.

Каждой егерской роте выделялось по десять знаков отличия Военного ордена — солдатских Георгиевских крестов. Вопрос о награждении нижних чинов решался коллективно, на общих ротных собраниях. Каждый солдат и унтер-офицер получил еще «за усердие» по два рубля денег.

В память об Ахалцыхском сражении в Виленском егерском полку составилась песня. Впоследствии она по установленной традиции досталась в наследство 52-му пехотному Виленскому Его Императорского Высочества Великого Князя Кирилла Владимировича полку. В бесхитростной солдатской песне славился подвиг под Новой крепостью, совершенный под командованием бесстрашного кавказского генерала Андроникова:

За высокими горами,
Между быстрыми реками
Ахалцых стоит (*2 раза*).

Вдруг несметными толпами,
Регулярными войсками
Турок к нам валит (*2 раза*).
Ахалцых атаковали,
Штурмом взять его мечтали,
Заняли Суплис.
И султану доносили,
Будто русских всех разбили
И берут Тифлис.
Тут Андронников с егерями
Да с геройскими князьями
Вовремя поспел.
Приготовился он к бою,
Взял и виленцев с собою
Да идти велел.
Тут отважно молодцами
Русские бросились штыками,
Гаркнули «ура!».
Турки дрогнули, бежали,
Ружья, пики побросали,
Еле уплелись.
Все пожитки растеряли
И, бежавши, повторяли:
«Вот тебе Тифлис!»

ВТОРАЯ ВОЕННАЯ КАМПАНИЯ

...Кампанию 1854 года генерал-лейтенант Иван Малхазович Андронников встретил в прежних должностях. По-прежнему два отряда Отдельного Кавказского корпуса находились под его общим командованием — Гурийский и Ахалцыхский. За ним были и постоянные заботы тифлисского военного губернатора.

Первый отряд возглавлял генерал-майор князь Гагарин и состоял он к весне из десяти с половиной батальонов пехоты, двух казачьих сотен, 12 орудий и 34 с половиной (до четырех тысяч человек) сотен кавказских иррегулярных войск.

Ахалцыхским отрядом начальствовал генерал-майор Ковалевский: восемь пехотных батальонов, девять казачьих сотен и 29 сотен (до 3500 человек) национальных кавказских дружин при 12 орудиях.

Резерв подчинялся лично князю Андронникову. Он состоял всего из четырех батальонов пехоты, расположенных поблизости от линии государственной границы — в Боржоми и Сурами.

Первая военная зима дала сторонам некоторую передышку в боевых действиях. За это время Турция с помощью английских

и французских специалистов основательно переформировала Анатолийскую армию, доведя ее численность до 120 тысяч человек. Султаном был назначен новый главнокомандующий — им стал опытный в военном деле Зариф-Мустафа-паша, прослывший человеком суровым и жестоким.

В кампанию 1854 года турки вновь попытались прорваться к Тифлису. Для этой цели выделяется отдельный Батумский корпус, насчитывавший свыше 30 тысяч человек. Во главе его ставится решительный в помыслах и действиях Магомед Селим-паша. Его войска усиливали до самого дня наступательной операции.

Селим-паше предписывалось действовать через Гурию на город Кутаис и дальше до грузинской столицы. В ходе наступления Батумский корпус обеспечивался всем необходимым со стороны Черного моря. На его просторах уже господствовал паровой союзный англо-французский флот, а русский парусный флот оказался блокированным в Севастопольской бухте.

Главный удар в новой кампании Анатолийская армия наносила по крайнему правому флангу российской государственной границы в Закавказье. То есть по зоне ответственности Гурийского и Ахалцыхского отрядов генерал-лейтенанта князя Андронникова.

В начале июня авангард батумцев под командованием Гасан-бея попытался разгромить часть сил генерала Гагарина, стоявших на левом берегу реки Риони. В ответ на это Андронников приказал кавказским войскам занять Нигоетские высоты. В бою у селения Нигоети (в нынешнем Ланчхутском районе Грузии) отряд под командованием подполковника князя Эристова (Эристави) наголову разбивает вышедший на него неприятельский отряд.

Бой начался и закончился штыковыми ударами русских пехотинцев и ударами в шашки грузинских конных ополченцев. При этом отряд Эристова бился в окружении. Турки потеряли убитыми до тысячи человек, два орудия и множество новейших французских ружей — подарок Стамбулу от императора Франции Наполеона III.

Получив известие о Нигоетской победе, Иван Малхазович без промедлений с главными силами Гурийского отряда двинулся вперед в направлении к Озургети. Он словно предчувствовал, что Батумский корпус пришел в наступательное движение. Теперь важно было не дать ему выйти с гор на оперативный простор, на равнину.

В поход генерал-лейтенант Андронников выступил, имея командование над 11 с половиной батальонами пехоты, 4 сотнями донс-

ких казаков при 18 полевых и горных орудиях. Армейцы были усилены почти двумя тысячами грузинских ополченцев, составлявших 6 пеших гурийских дружин, 6 пеших и 5 конных сотен имеретинской милиции и личной конной дружины князя Джандиери. Всего набиралось 10 тысяч человек.

Быстро проведав о наступательном движении русского Гурийского отряда, Магомед Селим-паша со всем своим Батумским корпусом отступил за реку Чолок. Там он занял выгодную позицию для предстоящего полевого сражения и, укрепившись, стал дожидаться противника.

Превосходство турок вновь оказалось подавляющим. Их армейский корпус насчитывал к тому времени почти 34 тысячи человек. Он расположился на позициях сразу за рекой Чолок — обычной горной реки, которая к числу легко переходимых не относилась. С фронта батумцы возвели полевые земляные укрепления. Свой лагерь, расположенный на крутом речном берегу, они защитили бруствером, местами выкопанным рвом и батарейными позициями. С них артиллеристам обеспечивался хороший обзор.

Правый неприятельский фланг прикрывался крутым, недоступным оврагом. Левый прикрывался густым горным лесом, который пересекали незаметные издали глубокие овраги. С любой стороны позицию Батумского корпуса было почти невозможно обойти, охватить с флангов.

Паша и его многочисленные европейские инструкторы сочли такую позицию неприступной для русских. Единственной слабой стороной батумцев, расположившихся за Чолоком, была малочисленность артиллерии, этого «бога войны».

Ахалцыхское сражение явилось как бы предтечей, прообразом сражения на реке Чолок. И там и тут троекратное превосходство султанских войск в пехоте, еще больше — в кавалерии. Вновь первыми атаковали кавказские войска. И опять противник занимал прекрасно защищенные самой природой позиции, которые невозможно было обойти. Только на этот раз генерал-лейтенант Андронников имел небольшое преимущество над турками в артиллерии: 18 орудий против 13 вражеских.

При таком соотношении сил и позиций победу предстояло добывать только решительностью в действиях, инициативностью на поле брани, умелым руководством силами отряда. Это должен был продемонстрировать прежде всего старший начальник. Со стороны рядовых бойцов, офицеров победа добывалась воин-

ской отвагой, стойкостью в неравном бою, выучкой, товарищеской взаимопомощью, желанием победить. И, что вполне возможно, — большой кровью.

Прибыв к берегам Чолока 3 июня, Андронников лично провел рекогносцировку вражеской позиции. Группа всадников так близко подъезжала к передовым вражеским пикетам, что по ним пытались пристреляться из ружей. Противоположный берег в подзорную трубу смотрелся достаточно грозно. Сильная от природы позиция Батумского корпуса, искусно укрепленная руками людей, предвещала отчаянную оборону.

В ночь на 4-е число составляется диспозиция к штурму. Согласно ей главный атакующий удар нацеливался на левый неприятельский фланг, который казался с виду чуть слабее. Однако это была только видимость. В штабе же Селим-паши больше всего надеялись на недоступность дарованных природой препятствий.

Военный совет перед сражением, как и в Ахалцыхе, поддержал предложение Ивана Малхазовича: взять штурмом укрепленный на другом берегу реки турецкий лагерь. Других мнений не высказывали. Командиры Гурийского отряда желали победить, отличиться и добыть себе и подчиненным честь и славу. Настроение у всех виделось приподнятым, боевым — другого желать не приходилось.

Ночью в русском лагере мало кто спал, хотя был дан приказ всем отдохнуть. Воины готовились к предстоящему сражению. Перед самым утром весь Гурийский отряд двинулся общей колонной по единственной существовавшей тогда дороге, окаймленной со всех сторон дремучим лесом. По выходе из него предполагалось выстроить войска в боевой атакующий порядок.

СРАЖЕНИЕ НА РЕКЕ ЧОЛОК

Памятное для истории этой войны и вообще войн на Кавказе сражение на реке Чолок началось в четыре часа утра 4 июня 1854 года.

Командир отряда выслал вперед в качестве боевого дозора гурийцев — пешую дружину и конную сотню под начальством князя Микеладзе. В предрассветных сумерках ополченцы-добровольцы столкнулись на выходе из леса с турецкими сторожевыми пикетами. В завязавшейся рукопашной схватке те были опрокинуты и бежали в сторону своего лагеря. При этом гурийцы действовали с «примерною храбростию». Так завязалось дело на реке Чолок.

Генерал-лейтенант Андронников старался не растрачивать сумеречное время. Хорошо зная расположение сил Батумского корпуса, он приказывает выдвинуть вперед артиллерию и ставит перед ней задачу подавить огнем неприятельские батареи. Одновременно часть гурийской и имеретинской милиции завязывает с турками жаркую перестрелку на правом фланге их позиции. Тем самым создавалось впечатление, что русская пехота собирается переходить через овраг. Это насторожило Селим-пашу и его советников-союзников.

Пока велась артиллерийская дуэль, пехотные батальоны кавказцев изготовились для атаки с фронта. Вперед выдвигались лучшие стрелки-«застрельщики», офицеры распределяли между собой в полосе наступления маршруты для выдвижения ротных колонн.

События же на берегах Чолока развивались быстрее, чем ожидалось. Гурийцы настолько увлеклись преследованием вражеского боевого охранения, что в погоне за ним вышли прямо к лагерю батумцев. Тогда оттуда им навстречу выступил табор низама с одним полевым орудием, чтобы истребить преследователей. Однако грузинские милиционеры бесстрашно бросились на врага «в кинжалы» и произвели страшную резню. Турецкие пехотинцы бежали назад, потеряв при этом батальонное знамя и орудие.

Добытый воинами князя Микеладзе первый успех в начавшейся баталии послужил сигналом для общего штурма неприятельских позиций. Русская пехота под вражеским огнем устремилась вперед. Батальоны прославленного в Кавказской войне Егерского полка имени князя Воронцова, пробежав через кустарник и болотца, форсировали Чолок и с хода, работая штыками и прикладами, захватили передовую линию окопов. Аскеры бежали из нее на вторую оборонительную линию, укрепленную значительно сильнее и находившуюся на местности несколько выше.

Однако начавшаяся фронтальная атака второй оборонительной линии захлебнулась. Пехотинцы-кавказцы, встреченные картечью и беглой ружейной пальбой, залегли и стали отстреливаться.

Таким благоприятным моментом сразу же решил воспользоваться Селим-паша. Он бросил в контратаку в центре три кавалерийских эскадрона и восемь таборов пехоты. Тем самым он добился здесь четырехкратного превосходства над штурмующими укрепленный лагерь русскими егерями.

Измученные ночным марш-броском и атакой в гору из-за реки роты Воронцовского полка, отбиваясь от наседавшего неприятеля, стали отходить назад. Егеря, несшие большой урон, еще не видели, равно как и наседавшие на них турки, что на помощь своим спешат скрытые речным обрывом два батальона стрелков Литовского полка.

Вновь, как и в Ахалцыхской баталии, заколебались победные чаши весов. Командир султанского корпуса решил развить наметившийся успех, но для решающей контратаки требовалось создать ударный кулак. Он стал стягивать с флангов пехотные таборы и кавалерийские эскадроны, в том числе и резервные.

Перемещения крупных вражеских сил не остались незамеченными генерал-лейтенантом Андронниковым. Чтобы оценить складывающуюся ситуацию, ему не потребовалось много времени. Он уже знал, что пешее грузинское ополчение, обошедшее по речной долине правый фланг позиций батумцев, залегло под вражеским огнем, не дождавшись пехотных батальонов. Бившиеся врукопашную на противоположном берегу Чолока егеря продолжали отходить назад, еле сдерживая натиск султанской пехоты и кавалерии. Турки в центре уже торжествовали в скором ожидании той минуты, когда русские окажутся сброшенными с обрыва в реку.

Победитель в Ахалцыхском сражении и без подзорной трубы видел и другое — конные тысячи турок уже изготовились для скорой атаки. Они поджидали только пехоту, которая еще не вся собралась в назначенном месте. Зрелище в центре позиции батумцев с противоположного берега выглядело устрашающим. Оно грозило обернуться бедой для нападавших.

Тогда и отдал князь Андронников свой знаменитый «чолокский» приказ. Артиллерия Гурийского отряда открыла залповый огонь на поражение вражеской конницы, уже выходившей первыми эскадронами на исходные позиции для атаки. Русские пушкари не подвели и на сей раз. Первый же «дальний» картечный залп из 18 орудий, удивительно меткий и разящий, мгновенно расстроил на том берегу конную лаву и обратил ее вспять.

Канониры полковника Мамацашвили раз за разом демонстрировали меткость пушечной стрельбы. Последующие залпы обрушились на полевые укрепления лагеря батумского паши и разметали их. Их защитники выскакивали из-за бруствера и окопов и бежали в сам лагерь. Турецкая пехота пришла в замешательство под таким жестоким огневым налетом. Артиллерия кавказцев скоро перешла на беглый, но по-прежнему прицельный огонь. Теперь она старалась заставить замолчать вражеские батареи.

Паша попытался наладить контрбатарейную дуэль, но у него из этой затеи мало что получилось. Его артиллерия не смогла ни прикрыть своим огнем пехоту на позиции, ни расстроить орудийный огонь противной стороны.

Видя успех огневого налета, князь Андронников посылает всю наличную кавалерию Гурийского отряда на правый фланг чолокской позиции с задачей во что бы то ни стало ворваться в неприятельский лагерь. Одновременно в образовавшиеся от артиллерийского огня бреши пошли атакой штурмовые колонны пехотных батальонов. Они шли в штыки, зная, что турки почти никогда не выдерживали такого способа действий против них русских.

Однако для решающей атаки сил набиралось все же мало. Ивану Малхазовичу пришлось послать на приступ и свой общий резерв, состоявший из нескольких рот Брестского и Белостокского полков. Прорвись где-нибудь турки, и остановить их было бы нечем.

С подходом брестцев и белостокцев в первую линию Гурийский отряд начал общую атаку укрепленной позиции Батумского корпуса. От этой атаки зависела теперь судьба всего сражения на реке Чолок. В тот день победа вновь отвернулась от османов.

Не встречая серьезного сопротивления со стороны турецкой кавалерии, четыре сотни донских казаков и грузинская конная милиция плотной колонной стремительно обскакали вражеский лагерь. Совершив в малых силах такой рискованный маневр, они оказались у него в тылу. Случилось то, чего так боялся Селим-паша — его корпус оказался под ударом с двух противоположных сторон.

Султанская пехота, демонстрируя хорошую европейскую выучку, стала сворачиваться в каре. Однако сделать это до конца она не успела — донцы и милиционеры успели на полном скаку врубиться в ряды нескольких пехотных таборов. Произошла ужасная рубка, в которой пешие аскеры, не сразу дрогнув, отбивались от всадников штыками. Обе стороны несли здесь большие потери.

В той схватке посреди неприятельского лагеря смертью храбрых гибнут командир 11-го Донского казачьего полка полковник Харитонов и сотенный начальник милиционеров князь Кайхосро Микеладзе. Последнему было семьдесят пять лет, но он не мог не пойти на войну против турок-османов. Их гибель у всех на глазах только разъярила донских казаков и конных грузинских ополченцев.

Разыгравшееся сражение дало много имен геройски погибших воинов. На берегах Чолока отличилась конная имеретинская дружина под командованием подполковника Джандиери. Она в числе первых обскакала турецкий лагерь и лихо атаковала резервный батальон низама. Несшиеся впереди всех сотенные начальники князь Вахвахов и прапорщик князь Андронников — сын Ивана Малхазовича — получили по несколько ран и пали на поле брани. Но турецкий табор был разгромлен.

Вслед за конницей в обширный укрепленный лагерь батумцев ворвались и пехотинцы-кавказцы. В ходе рукопашного боя восточный ятаган не смог противостоять русскому штыку. Аскеры подвергшегося страшному разгрому корпуса Анатолийской армии обратились в бегство. Последними, кто ввергся в общую панику, оказались султанские офицеры. Сражение стало перемещаться в соседний, второй лагерь Селим-паши, который никаких укреплений не имел и предназначался для корпусных обозов.

Когда Батумский корпус пришел в «обратное» движение, по рядам штурмующих поднялся радостный крик: «Турки бегут!..» И действительно, те, не ожидавшие столь стремительного, почти восторженного натиска сил противника, защищались недолго. Воодушевление же атакующих при виде этого только росло.

Вводя в сражение последние резервы, русский командующий все усиливал общий натиск, он интуитивно понимал, что противник, в силу своей многочисленности, опомнившись и собравшись с силами, мог бы закрепиться на ближайших высотах или горных перевалах. И тогда бы в чолокском деле все пришлось бы начинать сначала. Но такого варианта развития сражения, слава богу, не случилось, поскольку настойчивое преследование отступающих довершило победу.

Кроме двух походных лагерей у реки, турки имели еще и третий — у Кокутских высот, защищенный на всякий случай артиллерийской батареей. В лагере стояло несколько пехотных таборов, которые не поддались стихии повального бегства, а изготовились обороняться. Это было лишним подтверждением того, что труды британских и французских инструкторов по реорганизации султанской армии даром все же не пропали.

Русской пехоте пришлось прекратить преследование и собраться для приступа вставшего у них на пути вражеского лагеря. 1-й батальон Брестского полка под командованием подполковника Шаликова и 3-й батальон литовцев майора Мокрица (раненного при этом двумя пулями и картечью) штурмом овладели 4-орудийной батареей, выдержав рукопашный бой с ее

пехотным прикрытием. После этого последний походный лагерь батумцев был быстро очищен от его хозяев.

Как писалось в победном донесении, Батумский корпус обратился в «совершенное бегство». Стараясь не дать туркам оторваться от преследователей, генерал-лейтенант Андронников требовал от командиров вести его с максимумом настойчивости. Иван Малхазович показал завидное искусство ведения горной войны, которое для Кавказа в последующем стало хрестоматийным.

Он пошел, имея сил несравнимо мало, на то, что бросил вдогонку несколько конных отрядов по боковым расходящимся дорогам с четырьмя горными орудиями на тот случай, если беглецы вздумают где-либо закрепиться. Тифлисский военный губернатор отправил для флангового преследования грузинскую конную милицию и два менее измотанных в утреннем сражении батальона Брестского пехотного полка с двумя горными пушками.

Преследование велось до полного рассеивания бегущих толп расстроенного турецкого корпуса по окрестным горам и лесам. Только после этого в утомленные войска Гурийского отряда пришел приказ князя Андронникова возвратиться на берега Чолока.

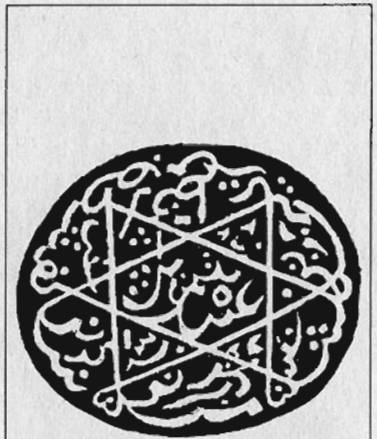
Сам Магомед Селим-паша с несколькими приближенными и военными советниками едва спасся бегством на свежих конях. Он до последнего оставался на поле битвы, надеясь на какое-то спасительное чудо. Победителям паша оставил поистине роскошную для походной жизни палатку со всем личным имуществом и даже собственную родовую саблю, которой очень дорожил.

Когда подсчитали взятые трофеи, то они оказались из разряда очень внушительных: вся корпусная артиллерия из 13 орудий с зарядными ящиками, имущество трех походных лагерей, запасы провианта и фуража, боеприпасов. К этому добавлялся еще и вьючный транспорт из 500 мулов. Победителям досталась вся казна командующего корпусом, которую финансовая служба Кавказского наместничества оценила без малого в полмиллиона российских рублей.

Неприятель потерял в тот день до четырех тысяч человек убитыми и ранеными. Потери со стороны Гурийского отряда тоже оказались немалыми — до полутора тысяч человек. Было убито 14 офицеров и 292 нижних чина, ранено и контужено — 42 офицера и 1149 рядовых и унтер-офицеров.

Как видим, победа на реке Чолок по сравнению с викторией в Ахалцыхском сражении далась гораздо более дорогой ценой. Лично князю Андронникову она стоила утраты сына, только начав-

Имам Шамиль



Именная печать Шамиля

Знак отличия Шамиля

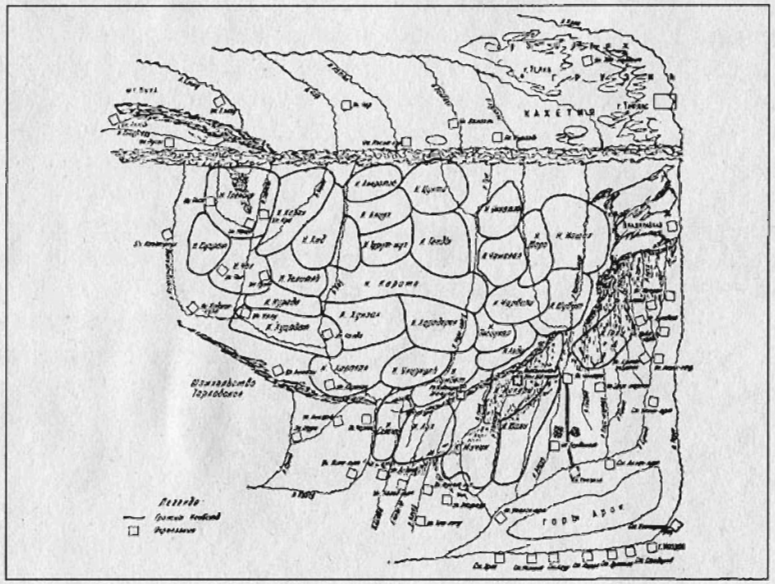
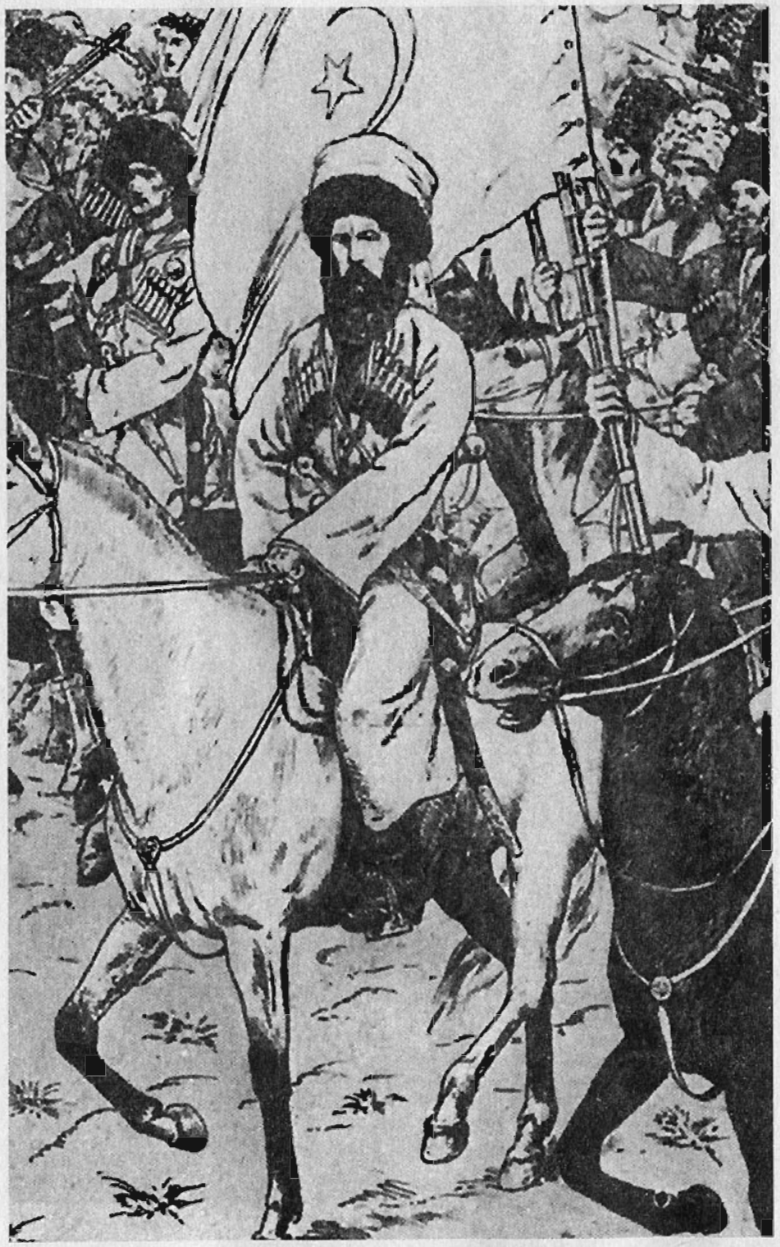
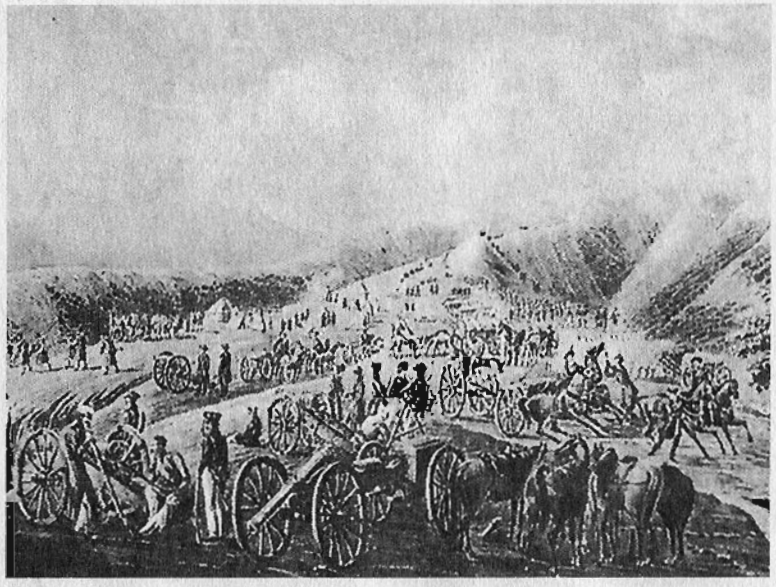


Схема расселения горных народов, подвластных Шамилю



Имам Шамиль среди своих мюридов



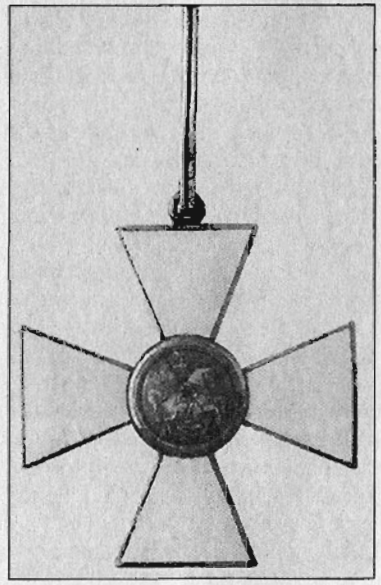
Экспедиция русских войск в горы

Взятие русскими завалов в Чечне

Штурм горного аула

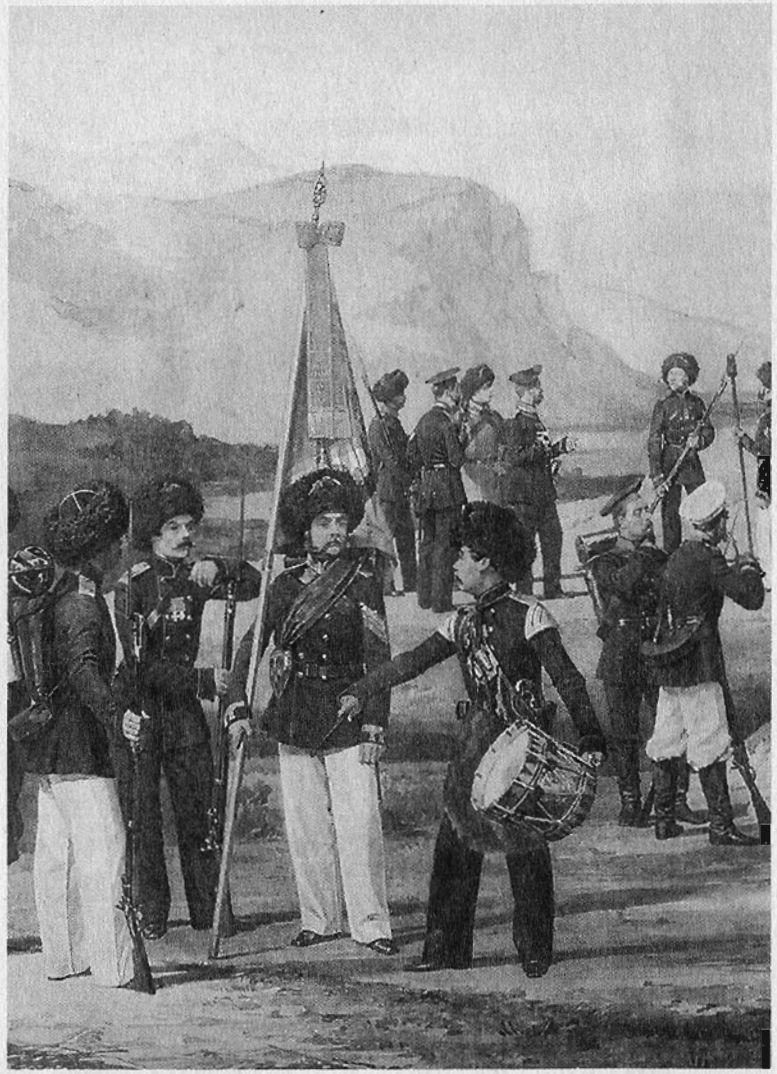
Наиб Хаджи-Мурат

Бой с чеченцами под Акбулат-Юртом

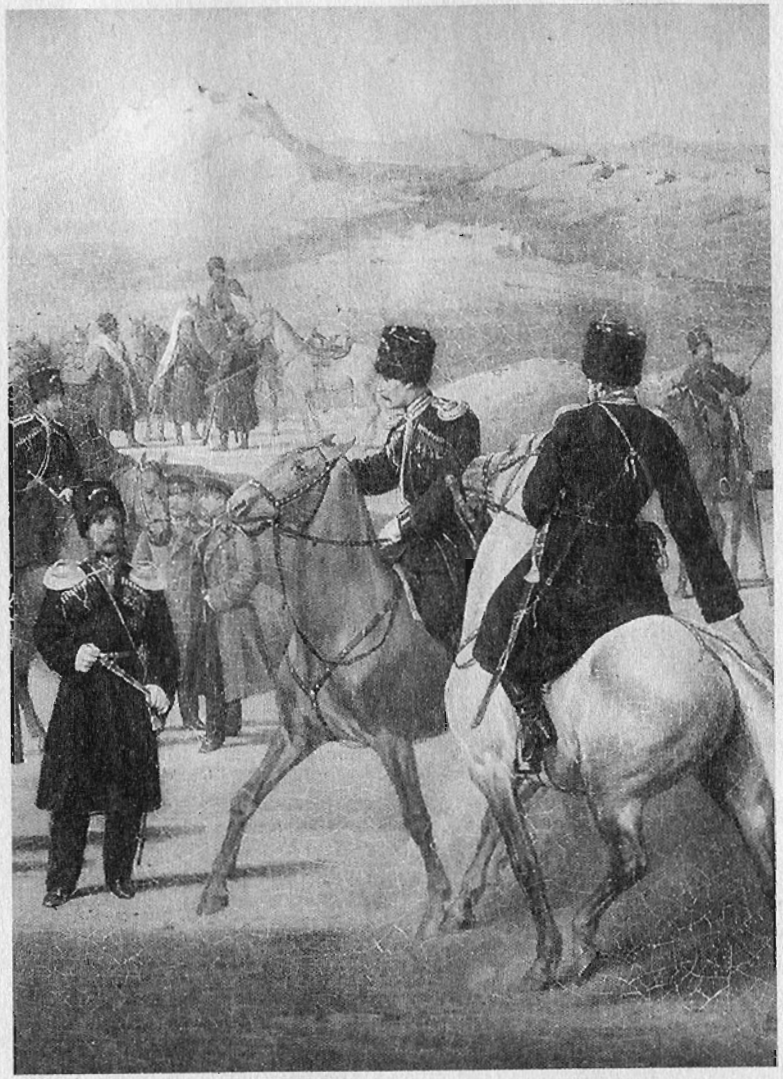


Орден Святого Георгия

Наградной крест
«За службу на Кавказе»

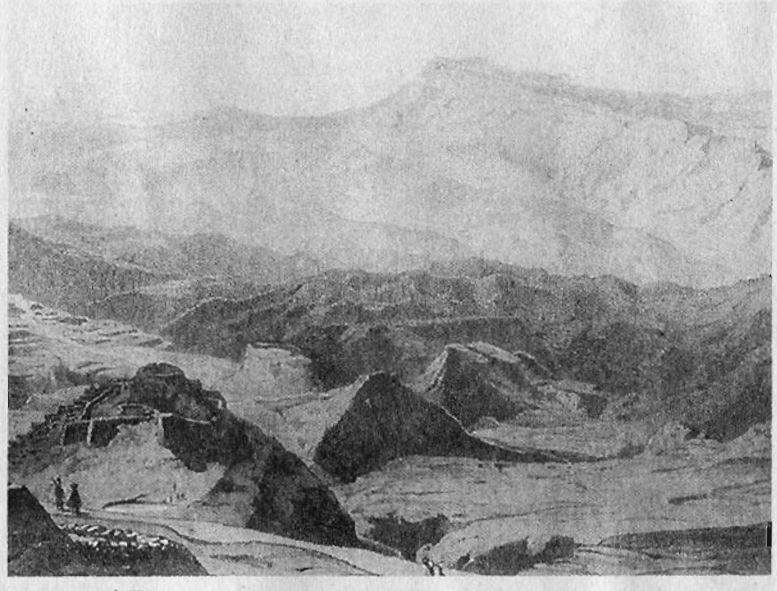


Формы нижних чинов Отдельного Кавказского корпуса. 1860 г.



Формы офицеров и казаков Кубанского и Терского войск. 1860-е гг.

Князь А.И. Барятинский



Аул Гуниб-Даг

Взятие Гуниба и пленение Шамиля 25 августа 1859 г.

Н.Н. Юденич

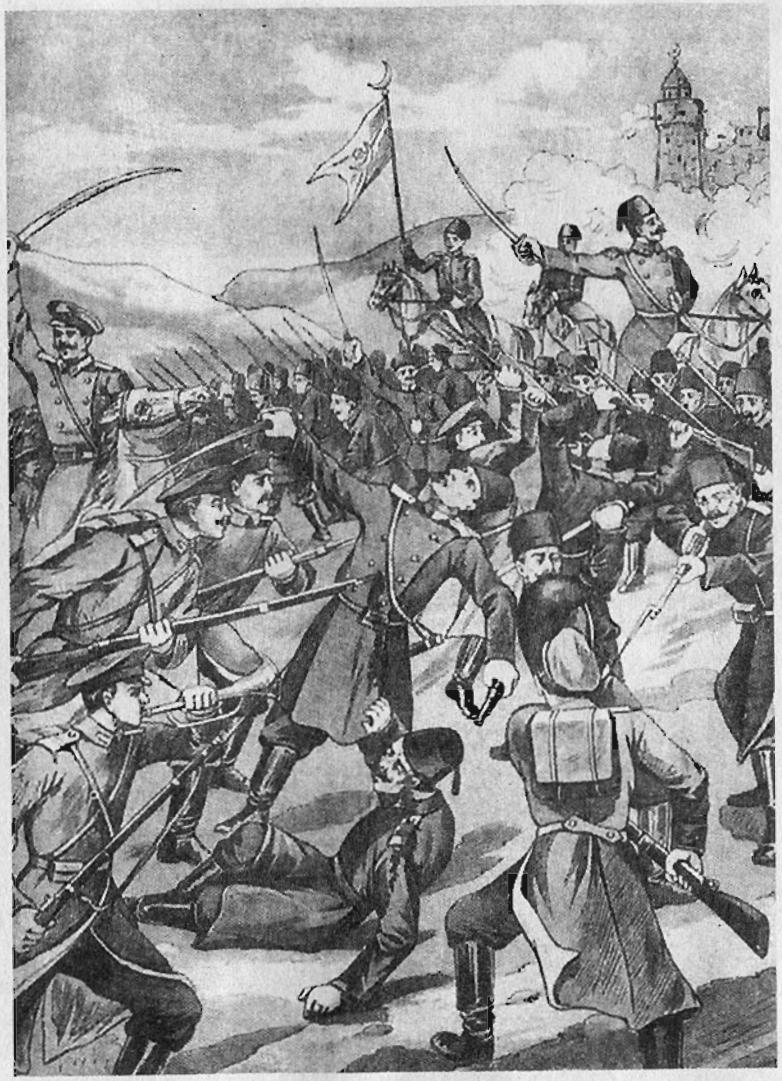
Бой под Ардаганом

Взятие Баязета

Перед атакой

Кубанские казаки под Эрзерумом

Бой с турками в горном селении



Наступление на Эрзерум

Кавказский фронт. Герои Эрзерума

Трофейные турецкие знамена

шего службу в кавказских войсках в первом офицерском чине прапорщика.

Жестокое поражение 4 июня полностью лишило боеспособности турецкий Батумский корпус, состоявший на день сражения из 12 батальонов низама, 8 батальонов редифа, 14 тысяч конных башибузуков и курдов, нескольких эскадронов регулярной кавалерии при 11 батарейных полевых орудиях и двух горных пушках.

Отборный по составу корпус Селим-паши перестал существовать как дееспособная боевая единица. Теперь в Тифлисе могли не опасаться за безопасность причерноморского направления.

В ЗЕНИТЕ СЛАВЫ

Трудно описать смятение, охватившее султана, Стамбул и восточные пашалыки Азиатской Турции. После такого потрясения, учиненного кавказскими войсками, османская Анатолийская армия смогла оправиться в Причерноморье только к началу военной кампании следующего года. Чолокское поражение еще долго «усмиряло» дух неприятельского воинства. Такие удары на большой войне долго не забываются...

За вторую большую, «раскатистую» в звучании и, что самое главное, убедительную победу над турками генерал-лейтенант Иван Малхазович Андронников награждается орденом Святого Александра Невского, прославленного воителя Руси. Боевая награда, учрежденная Петром Великим, давалась во все времена за высокие военные и государственные заслуги. Немногие военачальники русской армии имели в годы Крымской войны такой орден. Но, как говорится, по заслугам была и честь.

Боевые действия Гурийского и Ахалцыхского отрядов после сражения на реке Чолок на время прекратились по причине отсутствия на государственной границе или вблизи ее достойного противника. Приказа же из Санкт-Петербурга идти вперед, в порубежные пашалыки Турции, все не поступало. В планы России на войну это пока не входило.

С наступлением длительного затишья на границе генерал-лейтенант князь Андронников вернулся к исполнению хлопотных обязанностей тифлисского военного губернатора. В ходе войны дел у него находилось предостаточно, и с ними он справлялся довольно успешно, хотя столица Грузии и Кавказского наместничества

на военном положении не находилась отчасти благодаря ратным делам своего губернатора. В боевых операциях он больше не участвовал.

...После окончания Восточной войны Иван Малхазович получает назначение состоять для особых поручений при главнокомандующем русскими войсками на Кавказе. Должность оказалась не менее трудной, чем прежняя, губернаторская. Прекрасно знающий местные условия и обычаи, прославленный военачальник умел миром улаживать всевозможные конфликты в беспокойном Кавказском крае, заселенном разными народами. К тому же в горах Чечни, Дагестана и Черкесии еще не затухла война против имама Шамиля.

Что касается Грузии, то личный авторитет князя Андроникова был очень высок среди княжеских семей, всех сословий, горожан и селян, жителей гор. Андроников не раз «гасил» конфликты, грозившие в мирное время пролитием крови. С ним считались и высокопоставленные чиновники, и местная «вольница», далекая от законопослушания.

Его личные заслуги перед Российским государством в послевоенные годы тоже не остались незамеченными или позабытыми. В 1868 году Высочайшим указом Иван Малхазович Андроников производится в генералы от кавалерии. Это была высокая награда за прежние ратные труды, исполненные им во время пребывания на посту военного губернатора Тифлиса.

Среди первых, кто прислал князю поздравление с производством в полные генералы, стали однополчане из прославленного на Кавказе Нижегородского драгунского полка. С ними он не терял связей до последних дней жизни, часто именуя себя в разговорах нижегородцем.

19 сентября того же года герой Бейбурта, Ахалцыха и Чолока внезапно скончался. При похоронах ему были отданы все воинские почести, полагавшиеся по такому печальному случаю генералу от кавалерии.

Имя князя Ивана Малхазовича Андроникова осталось красной строкой в летописях кавказских войн Российской империи. Прежде всего как бесстрашного и умелого военачальника, славного тем, что он принес Отечеству в тяжелой для него Крымской войне первую большую победу. Такое в военной истории помнится всегда.

ЧЕТЫРЕЖДЫ ШТУРМОМ ВЗЯТЫЙ КАРС

Генерал от инфантерии Николай Николаевич МУРАВЬЕВ-КАРСКИЙ

На левом берегу тихого Дона, близ Воронежа, живописно разбросан древний Задонск, известный с XIV столетия как Тешев и бывший в старой России уездным городом. Главная достопримечательность его — знаменитый в прошлом и настоящем монастырь. Возле главного собора, в монастырском садике, под сенью вековых лип и белых акаций взгляд посетителей невольно останавливается на монолитном надгробном памятнике из серого финского гранита с краткой по-воински надписью:

«Николай Николаевич Муравьев. Начал военное поприще Отечественной войной 1812 года, кончил Восточной 1856 года под Карсом».

Человеческая судьба Николая Николаевича Муравьева-Карского напоминает путь порожистой горной речушки, которой редко удавалось самовольно испытать ширь разливов. Слишком много на ее пути встречается теснин в берегах, еще больше — подводных камней. Вот так он и шел, честно и верно служа российскому Отечеству, к заветной звезде любого полководца — большой и решающей судьбу войны победе. А ведь к тому же имелся у него и природный дар великого и тактика, и стратега, воспитателя нижних чинов и отцов-командиров.

Только к концу военной карьеры, содержание которой следует понимать с самой хорошей, благозвучной ее стороны, судьба подарила русскому полководцу яркую победу. Эта победа смогла во многом предопределить ход и исход Крымской войны 1853—1856 годов на Кавказе. Имя ей в военной летописи государства Российского — Карс.

Для незаслуженно забытого еще с середины XIX столетия генерала от инфантерии Муравьева-Карского вершиной жизненного подвига стал победный штурм неприступной, по мнению ее создателей, турецкой крепости.

ВО ГЛАВЕ КАВКАЗСКИХ ВОЙСК РОССИИ

Серьезные поражения турецких войск на российских границах в Закавказье до того ослабили их силы, что после дела при Кюрук-Даре наступательных действий противником больше не предпринималось. С подготовленными резервами у султанского командования имелись немалые сложности. Часть османских войск участвовала без славы в затянувшейся осаде русской морской крепости Севастополе. Под ним союзники — французы, англичане, турки и сардинцы несли ощутимые потери и от огня защитников города, и от эпидемий.

Пока в Крыму шла борьба за главную базу Черноморского флота, кавказские войска под командованием генерал-адъютанта Н.Н. Муравьева, отразив с успехом вторжение турок, сами перешли государственную границу. Имя Н.Н. Муравьева не раз уже упоминалось на страницах этой книги, практически во всех главах. Поэтому, надеемся, читатель уже составил некоторое представление о его предыдущей деятельности.

Целью похода назначалась Карская крепость.

Карс вновь вставал перед армией России, теперь уже более мощной, современной крепостью. В ней затворилась многотысячная и лучшая часть османской Анатолийской армии. Генерал от инфантерии Муравьев, как опытный шахматист, просчитывал свои ходы и действия противника. При этом он видел главную задачу действующего Отдельного Кавказского корпуса в уничтожении неприятельской армии.

Царский наместник и главнокомандующий русскими войсками на Кавказе без устали доказывал сиятельному Санкт-Петербургу, что падение Карса явится важным условием для достижения «значительных» результатов, прежде всего облегчения положения героически сражавшегося Севастополя. Этих результатов он ждал и от дальнейшего наступления кавказских войск в глубь Анатолии.

Главнокомандующий Муравьев перед началом блокады неприятельской твердыни среди гор Азиатской Турции разъяснял подчиненным ему генералам и офицерам:

— Не собственно Карс нам нужен, а защитники его. С приобретением сей крепости не ключ приобретаем мы к Малой Азии, а поражаем все действующие силы неприятеля, который не сможет тогда более собраться и к будущей кампании 1856 года...

Из военной истории старой России известно, что русская армия брала Карскую крепость в XIX веке четыре раза — в 1807-м, 1828-м, 1855-м и 1878 годах! В Восточную (Крымскую) войну кавказские войска подступали к ней в третий раз.

В 1807 году отряд генерал-майора Несветаева в составе шести батальонов пехоты, двух казачьих полков при шести полевых орудиях успешно начал штурм крепости, гарнизон которой насчитывал не менее 10 тысяч человек. Однако приступ, в победности которого не сомневались даже осажденные, пришлось прекратить по требованию главнокомандующего генерала И.В. Гудовича. Кавказцы считали тогда со всей справедливостью, что эту вражескую крепость они в тот год все-таки взяли.

В 1828 году Карсом штурмом овладели русские войска под командованием генерала И.Ф. Паскевича-Эриванского. Теперь же это была не та крепость, которую видели воины графа Паскевича-Эриванского. Султанскому дивану (кабинету министров), понимавшему все возрастающее значение приграничной крепости в войнах с Россией, пришлось воспользоваться услугами английских военных инженеров. Первоклассные фортификаторы включили в систему крепостной обороны Шарохские, Чакмакские и Карадагские высоты. На них возвели современные по исполнению укрепления. Ниже Старой крепости, в двух верстах от нее, на скалистом правом берегу реки Карс-чай построили новый мощный бастион Араб-Табия. Его вооружили орудиями большого калибра.

Вся крепостная укрепленная линия состояла из впечатляющих собой редутов, линий окопов, высокого вала длиной более пяти верст. Построение последнего позволяло в ряде мест вести фланкирующий ружейный огонь, не говоря уже о пушечном. Артиллерийские батареи хорошо простреливали ближние и дальние подступы к Карсу.

Фланги крепостной позиции хорошо прикрывались скалистыми горами и обрывистыми речными берегами. Сообщение че-

рез Карс-чай устраивалось по каменным мостам и двум понтонным. Река поэтому для маневра гарнизонными резервами препятствия не представляла, чего нельзя было сказать о тех, кто осаждал крепость.

К началу осады гарнизон Карской крепости состоял из 33 тысяч человек. То были регулярные, по-европейски обученные войска, а не фанатики-ополченцы в большинстве, как то было в 1828 году.

В Карсе на стороне турок сражалось немало закаленных в боях участников польской и венгерской революций 1830-го и 1848 годов. После их подавления кадровые военнослужащие национальных армий Польши и Венгрии не смогли найти себе применения во всей Европе, но нашли убежище только в Оттоманской Порте. Ее султан нуждался в хорошо знающих военное дело иностранных наемниках, а их участие в боевых действиях против русской и австрийской армий служило только хорошей рекомендацией. Большинство оказавшихся по воле судьбы эмигрантов приняло мусульманскую веру и сменило свои христианские имена.

Борьба с русскими где бы то ни было стала для польских и венгерских изгнанников делом и честью жизни. Тем не менее англо-французское командование наотрез запретило им участие в Крымской экспедиции, и султанскому командованию пришлось уступить союзникам. Бывших повстанцев отослали подальше, на войну в Азиатской Турции. На Кавказском театре венгры Кмети и Кольман стали османскими генералами — пашами.

Муширом — главнокомандующим (не первым в идущей войне) турецкой армии в 1855 году был Вассиф-паша, малосведущий в военном деле человек. В действительности всем распоряжался главный советник мушира — деятельный английский бригадир Вильямс. Именно благодаря его стараниям карский гарнизон имел четырехмесячный запас продовольствия и во время блокады на Шарохских высотах возвел новую сильную оборонительную линию.

О Виллиаме-Фенвике Вильямсе, этой душе обороны Карской крепости, следует сказать особо. Родился он в 1800 году в канадском городе Галифаксе. Служба в английской Королевской армии проходила для него успешно. В 1840 году был откомандирован в Турцию, где стал инструктором султанских войск. Три года спустя по распоряжению британского посла в Константи-

нополе графа Абердина полковник Вильямс назначается уполномоченным от правительства Великобритании в комиссию по разграничению государственной границы между Турцией и Персией.

В 1854 году, в ходе Крымской войны, Фенвик Вильямс производится в бригадиры и назначается британским комиссаром при турецкой Анатолийской армии, действовавшей на Кавказе. Он становится ближайшим советником и помощником Вассиф-паши. Именно по настоянию высокопоставленного англичанина тыловой город Эрзерум превращается в крепость-склад армии и усиливаются укрепления Карса.

...Главные силы действующего Отдельного Кавказского корпуса вышли в поход, который закончился большой победой русского оружия, из приграничного города Александрополя 24 мая 1855 года. Войска повел в глубь неприятельской территории самолично генерал от инфантерии Николай Николаевич Муравьев. По дороге турки ожидавшегося сопротивления не оказывали.

Проделав трудный путь в горах, русские войска к 6 июня выдвинулись к вражеской крепости на расстоянии семи верст. Турецкие сторожевые пикеты отошли под самые стены Карса. Чтобы лично убедиться в его мощи, кавказский главнокомандующий провел рекогносцировку карских укреплений. Их визуальный осмотр оказался малоутешителен: вражеская твердыня имела вполне европейский и грозный вид.

Николай Николаевич к тому времени слыл опытным боевым генералом-кавказцем, человеком решительным до жестокости, упрямым и волевым. В карских делах он полагался на личный опыт в русско-турецкой войне 1828—1829 годов. Муравьев в этом походе имел под своим командованием всего 24 с половиной тысячи войск при 76 орудиях. С такими силами о скором генеральном штурме крепости думать пока не приходилось. Он был просто невозможен. Ощутимой была нехватка артиллерии крупного калибра. Осадной же не имелось вообще.

Генерал от инфантерии, взвесив все «за» и «против», посовещавшись с генералами и полковыми командирами, решил начать регулярную осаду Карса. Полководец, не мудрствуя лукаво, решил посредством блокады истощить сильный вражеский гарнизон и только затем предпринять генеральный штурм крепости.

ОСАДА КАРСКОЙ КРЕПОСТИ

К 18 июня русские войска обложили город-крепость со всех сторон. Вскоре его защитники весьма ощутимо почувствовали тяжелую руку кавказского наместника. Муравьев фланговым маршем на виду у всего Карса перешел на левый берег реки Карс-чай и стал осадным лагерем у селения Большая Тикма.

Тем самым он прервал столь важное для осажденного гарнизона сообщение с Эрзерумом, откуда дорога вела в центральные пашалыки Анатолии. Карский гарнизон даже не попытался помешать такому ходу противной стороны и в поле для боя не вышел. Таким образом, войска мушира Вассиф-паши лишались единственного источника доставки провианта и прибытия свежих войск в подкрепление.

Главные силы Анатолийской армии оказались надежно блокированы в огромной крепости. Тем временем русские войска повели широкие наступательные операции. За два летних месяца — июнь и июль — они заняли крепостные города Ардаган, Баязет и Алашкерт. Кавказцы совершили две смелые экспедиции за горный хребет Саганлук, истребив все собранные там запасы продовольствия.

Таким образом, по замыслу главнокомандующего России на Кавказе осадные войска надежно обеспечивались с флангов и тыла. Туркам с дерзостью их неприятеля на их собственной территории приходилось мириться. Но, лишившись укрытия после набегов в приграничных крепостях, иррегулярная племенная конница ушла в родные места, ослабив тем самым силу Анатолийской армии.

Став осадным лагерем на Эрзерумской дороге, Муравьев еще больше ужесточил блокаду вражеского гарнизона. Крепкими заставами перерезываются все пути сообщения города с окрестными селениями и горами. Там, где это требовалось, возводятся небольшие полевые укрепления с постоянными гарнизонами в них. Тем самым турки лишаются даже этих небольших источников получения провианта.

По всем ближним и дальним дорогам, горным тропам действовали летучие конные отряды. Они повсеместно перехватывали неприятельские обозы и лазутчиков. Такие подвижные заслоны на путях сообщений в своем большинстве состояли из кавказской добровольческой милиции.

С официального одобрения Санкт-Петербурга царский наместник в военную кампанию 1855 года привлек значительные силы иррегулярных войск, состоявших из охотников (добровольцев) — воинов народов Кавказа. В состав действующего Отдельного корпуса их вошло свыше 12 тысяч — азербайджанцев, грузин, армян, курдов, дагестанцев, осетин, кабардинцев, ингушей... Они составили 74 конных и 66 пеших сотен.

Очевидец победного муравьевского похода на Карскую крепость так описывал кавказские национальные ополчения:

«Иррегулярная кавалерия Действующего корпуса представляет теперь в малом виде все разнообразие и всю пестроту кавказского населения, столь пестрого и разнообразного в мире. Племена, никогда не видевшие друг друга, столкнулись здесь вместе и от противоположной особенности каждого высказались еще резче. Широкоплечий осетин на круглой горской лошадке едет рядом с поджарым карабахцем, под которым пляшет конь, такой же тонкий и подобранный, как его хозяин. Краса кавказских наездников — стройный кабардинский уздень, всегда просто одетый, убранный оружием столь же неказистым на вид... но тут же рядом с ним можно видеть образец совершенно противоположный, хотя одинаково воинственный: курда, в его расшитой золотом куртке и пестрой чалме, с камышовым копьем, обвитым страусовыми перьями, на рыжем жеребце, столь тонко выезженном, что кажется... пропляшет на пятачке... Все эти представители самобытных племен Кавказа... служат одинаково усердно России, созвавшей их под общие знамена».

Создав надежное блокадное кольцо, генерал от инфантерии Н.Н. Муравьев перевел войска к Чифтлик-кею и начал «правильную» осаду. Карскому гарнизону предложили сдаться на почетных условиях, но получили отказ. Турки под предводительством мушира Вассиф-паши решили защищаться до последней крайности. Впрочем, в корпусной штаб-квартире иного ответа и не ожидали. Однако осадная формальность на войне была соблюдена.

Тогда осаждавшие предприняли несколько попыток выманить османов для боя за линию крепостных укреплений. Однако действия кавалерийских разъездов, «задиравших» неприятеля, оказались малоуспешными. После нескольких конных сшибок столкновения сторон прекратились: турецкая конница перестала выходить из городских ворот.

Тем временем день шел за днем. Русскому командованию стало известно, что в крепости все собранные запасы продовольствия складировали в трех мечетях под охраной сильных караулов. Мушир Вассиф-паша считал такой способ хранения провианта в его мало дисциплинированном войске наиболее надежным. Он надеялся на скорую помощь султана и неприступность вверенной ему крепости. В этом его заверял и ободрял английский бригадир Вильямс, судьба и карьера которого тоже зависела от обороны Карса.

Пока карский гарнизон проедал продовольственные запасы, русский осадный лагерь обустраивался. Особой нужды в провианте в нем не испытывали. Каждодневная задача виделась в том, чтобы не допустить к осажденным любой помощи извне.

Блокада длилась уже около четырех месяцев. Гарнизон Карса таял с каждым днем. Турки постоянно гибли в стычках с русскими сторожевыми дозорами. С каждым днем все больше и больше солдат султанской армии бежало из крепости: голодных, оборванных, недовольных действиями паши Вассифа. Часть беглецов удачно разбредалась по окрестным горным деревням, часть попадала в плен. Там их на удивление кормили и обращались с ними «ласково».

Именно беглецы и являлись наиболее достоверным источником информации о состоянии карского гарнизона. Так, 21 августа разъезд драгунского эскадрона во главе с его командиром штабс-капитаном Андреевым захватил группу торговцев в 60 человек, тайком вышедших из города. Они и дали особо важные сведения о положении в осажденной крепости.

Из трех больших мечетей, заполненных провиантскими запасами, две были уже совершенно пусты. Продовольствие стали расходовать из последней, третьей, выставив вокруг нее усиленный караул. Для осажденного гарнизона это стало «последним» блокадным звонком.

Так как султанский солдат из числа рядовых получал в сутки всего по 52 драхмы, то он мог купить на эти деньги примерно фунт с четвертью еды. Исходя из этого, в корпусной штаб-квартире рассчитали, что в Карсе съестных припасов могло хватить для его гарнизона еще месяца на два, да и то с большой натяжкой. Численность же осажденных, по сведениям беглецов, уменьшилась примерно на треть. Потери приходились на погибших в стычках под городскими стенами, дезертиров и на умерших от болезней.

Больше всего страдала турецкая кавалерия. Фуража в городе совсем не осталось, и изнуренных голодом лошадей пристреливали на провиант. Часть кавалеристов обратили в пехотинцев, людей менее привилегированных. Такое решение мушира вызвало открытый ропот среди недавних конников.

Главное, что сообщили словоохотливые карские торговцы, задержанные драгунским разъездом, состояло в следующем. Вассиф-паша решил в следующую ночь отпустить из крепости оставшуюся «на ходу» конницу числом в 2500 всадников. Муширом им ставилась задача прорваться любой ценой в Эрзерум и действовать оттуда против русских под знаменами корпусного командира Вели-паши. В случае успеха задуманного в тылах кавказских войск мог оказаться опасный своей маневренностью отряд вражеской конницы.

Муравьев, озабоченный такими сведениями, решил перехватить гарнизонную конницу не при выходе ее из крепости (так как в случае нашей атаки она могла вновь укрыться в ней), а по дороге на Эрзерум. Там и была выставлена крепкая застава из драгунской кавалерии. В ту ночь сторожевые пикеты русских «не повстречали» карских беглецов вблизи города и дали им «незамеченными» уйти от него.

Конная схватка с безжалостной сечей произошла вне видимости и слышимости с крепостных стен. Сводный кавалерийский отряд из двух эскадронов под командованием майора Кишинского успешно справился с поставленной задачей. В кровопролитном для одной стороны ночном бою в плен к русским попало только четыре сотни рядовых и тринадцать офицеров врага. Остальных порубили саблями на дороге. Тех турецких конников, кто сумел вырваться из кольца, переловили сторожевые разъезды по пути их бегства к Эрзеруму.

Так осажденный карский гарнизон — главные силы Анатолийской армии — остался без еще совсем недавно многочисленной кавалерии. Об этом стало известно в городе в ту же ночь. Печальную весть муширу Вассиф-паше принесли несколько конников, которые в начале боя на дороге по воле случая направили своих коней не в сторону Эрзерума, а повернули их назад.

В горах наступала осень. Султанское командование попыталось подать помощь осажденной Карской крепости. Была задумана спасительная операция, но не из близкого Эрзерума, в

котором больших войск не набиралось. В Стамбуле решили нанести сильный удар по Отдельному Кавказскому корпусу с иной стороны.

Акватория Черного моря находилась в полном владении соединенного флота Британии и Франции. Союзники совершенно беспрепятственно осуществляли любые морские перевозки. Такой возможностью воспользовались и турки. Высадившийся в Сухуми полководец Омер-паша с войском почти в 50 тысяч человек попытался было угрожать городу Кутаису, но безуспешно. Он не смог сбить немногочисленные заслоны русских войск. К тому же особой решительности десантировавшийся в Абхазии неприятельский корпус не проявил. Осторожный Омер-паша побоялся «заходить» далеко в Грузию.

27 августа пал до того стойко и героически оборонявшийся Севастополь — его судьбу решил захват союзниками укреплений Малахова кургана. Русские войска не оставили сам город, а перешли по наведенному мосту на его Северную сторону, разрушив за собой переправу.

Известие о захвате англо-французами Севастопольской морской крепости с болью отозвалось в сердцах воинов-кавказцев. Тягостное состояние души, как писали участники осады Карса, охватило русский осадный лагерь. Такого военного поражения Российская империя доселе еще не испытывала с времен сражения под шведской крепостью Нарвой в 1700 году, в первый год Северной войны.

Осажденные в Карской крепости анатолийцы получили известие о большой победе антироссийской европейской коалиции 11 сентября. Они сразу же воспрянули духом, и это осаждавшие почувствовали сразу.

Вскоре генерал от инфантерии Муравьев получил данные разведки о том, что неприятель усиливается в Батуме. Местный паша намеревался одновременно нанести два удара — по соседней Гурии и Ахалцыху. Усиленно пополнялся новобранцами крепостной гарнизон Эрзерума, к которому вели все основные пути-дороги из Закавказья.

Мучительно переживавший падение Севастополя, Николай Николаевич Муравьев решил больше не откладывать штурма вражеской крепости. В то же время кавказский главнокомандующий знал, что сложившееся соотношение сил еще не могло гарантировать верного успеха приступа.

НЕУДАЧНЫЙ ШТУРМ КАРСА

Военный совет осадного корпуса собрался 15 сентября. Его участники единогласно решили атаковать Карс, начав со штурма Шорохских и Чакмакских высот. Они господствовали над городом и цитаделью. Высказывалась надежда, что с их взятием падет и сама турецкая крепость.

Вспомогательный, отвлекающий удар наносился по неприятельским позициям на равнине правого берега Карс-чая. Он должен был лишить мушира Вассиф-пашу возможности маневрировать войсками в ходе штурма высот.

Шорохские высоты оказались настолько круты, что с трудом допускали действия только одной пехотой. В укреплениях здесь сидело у турок девять отборных стрелковых батальонов: гвардейский, шесть арабистанских и два спешенных эскадрона. Всего до четырех тысяч человек при 28 орудиях.

Основная масса гарнизонных войск находилась в укреплениях правого берега Карс-чая и за оградой собственно крепости. На левобережье оборонялось пять с половиной пехотных таборов. Они могли вести бой при поддержке огня 53 орудийных расчетов.

Главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом на военном совете назначил день генерального штурма — 17 сентября. Все приготовления к приступу должны были быть закончены в ночь перед атакой.

Все войска, назначенные для участия в приступе, согласно диспозиции, делились на четыре штурмовые колонны.

Первая колонна генерал-лейтенанта Ковалевского имела в своем составе 2850 штыков, 1440 шашек, 16 полевых орудий и 2 ракетных станка.

Второй атакующей колонной из 5800 штыков, 4 сотен кавалеристов при 20 артиллерийских орудиях начальствовал генерал-майор Майдель.

Третья штурмовая колонна генерал-майора Нирода насчитывала в своих рядах 1350 штыков, 1800 шашек и 16 полевых орудий.

Четвертая колонна в количестве 4700 штыков, 5 сотен кавалерии и 22 орудий составляла общий резерв штурмующих войск. Он был готов оказать поддержку атакующим в любом месте. Командовал колонной опытный артиллерийский начальник генерал-лейтенант Бриммер.

Кроме того, отдельная войсковая группа под командованием генерал-лейтенанта князя Гагарина предназначалась для ввода в прорыв крепостной обороны. Она состояла из четырех с половиной пехотных батальонов при четырех полевых орудиях. Всего в группе насчитывалось 2175 штыков.

Штурмовать турецкие позиции решили без привычной и даже обязательной артиллерийской подготовки. Чтобы разрушить карские укрепления, требовалось длительное время и большой расход боезапаса. Принимая такое решение, военный совет рассчитывал на фактор внезапности сильной атаки, намеченной в предутренние часы.

Сведения о расположении крепостных укреплений и войск в них в штабе Отдельного Кавказского корпуса имелись достаточно точные и полные. Но и неприятель не сидел сложа руки. Всего за несколько дней до назначенного приступа турки, словно предчувствуя надвигающуюся беду, скрытно от русских по ночам соорудили еще несколько полевых укреплений. Они связали между собой крепостные бастионы Тахмас-Табиа и Юксек-Табиа.

Около десяти часов вечера 16 сентября в наступающих сумерках русские войска выступили из осадного лагеря к сборным пунктам. Уходящим на штурм солдатам выдали на два дня сухарей.

Штурмовые колонны двинулись на приступ в четыре часа утра. Ночная темнота, когда тучи скрыли луну, обеспечила спокойное движение войск. Выдвинутые вперед на ночь турецкие дозоры и часовые обнаружили движение противника по направлению к себе только через 45 минут. Тревога во вражеском стане поднялась с первыми же ружейными выстрелами сторожевого охранения.

Первый орудийный выстрел в то утро раздался с бастиона Тахмас-Табиа. Он возвестил о начавшемся штурме. После чего, как по сигналу тревоги, с укреплений и из траншей Шарохских высот по наступавшим открыли все усиливающийся пушечный и ружейный огонь.

Несмотря на крутой подъем и сильную пальбу сверху, в упор, пехотные роты первой линии колонны генерала барона Майделя взошли на гору. В рукопашной схватке нападавшим удалось захватить часть укреплений. С подходом второй штурмовой линии русских султанские гвардейцы и спешенные кавалеристы, арабистанцы очистили шарохский лагерь, расположенный за укреплениями.

Первый успех обнадеживал. Но когда бойцы Грузинского пехотного полка взяли приступом стреляющую неприятельскую батарею и пошли на штурм бастиона Тахмас-Табиа, их атаку отбили. Случилось неожиданное: атакующие батальоны попали под сильный перекрестный огонь, от которого стрелки-грузины сразу же понесли серьезные потери. Они отошли назад и залегли, начав ружейную перестрелку с турками.

Левой колонне Ковалевского не удалось даже ворваться на вражеские позиции. Более того, в самом начале штурма бесстрашный генерал-лейтенант получил смертельное ранение. Управление боевыми линиями сразу расстроилось. Хуже того, в предутренней темноте по какому-то недоразумению стрелки из второй линии обстреляли идущие первыми ротные колонны прославившегося в прошлом году Виленского пехотного полка.

Резервные войска под командованием князя Гагарина дружной атакой овладели люнетом Ярым и дважды под сильным огнем приступали к бастиону Юксек-Табиа. Во время второй атаки этого укрепления начальник колонны получил тяжелое ранение. В ходе завязавшегося боя из строя выбыло большинство старших офицеров. Турки, уловив временное замешательство в рядах штурмующих, контратаковали толпой в несколько тысяч человек и вытеснили русских из захваченного ими люнета.

Упорный бой, который сразу же повела на Шарохских высотах правофланговая штурмовая колонна генерала Майделя, не дал желаемого результата. Осажденные удержали за собой большую часть укреплений. Дважды раненного генерала заменил полковник Тархан-Моуравов (из рода знаменитого грузинского героя прошлого Георгия Саакадзе. — *Примеч. ред.*). Посланные главнокомандующим из резерва два батальона Белевского полка помогли только отбить сильную атаку неприятельской пехоты. Однако бастионы на высотах взять не удалось.

Муравьев, распределяя кавказские войска для штурма Карса, выделил еще и отдельный отряд под командованием генерал-майора Базина: 2400 штыков, 2350 кавалеристов при 16 орудиях и 8 ракетных станках. Атака этого отряда оказалась самой успешной. Здесь нападавшие смогли скрытно подойти к карским укреплениям на дистанцию картечного выстрела. Внезапной для осажденных штыковой атакой берется бастион Тиздель-Табиа.

Командир отряда незамедлительно выставляет на захваченном бастионе пешую артиллерийскую батарею, которая начала картеч-

ными залпами поражать турок на соседних укреплениях. Под прикрытием ее меткого огня русская пехота овладевает бастионами Томпсон и Зораб-Табиа. Так была взята вся укрепленная линия на Чакмакских высотах.

В течение двух последующих часов с захваченных вражеских позиций на Чакмакских высотах по Карской крепости велся прицельный артиллерийский огонь. Но генерал-майор Базин не мог дальше двинуться вперед без положительных результатов атак других штурмующих колонн.

Тем временем мушир Вассиф-паша, стремясь любой ценой удержать господствующие над городом Шарохские высоты, бросил на них всю массу своей резервной пехоты. Он даже пошел по совету Вильямса на то, что снял несколько батальонов с других позиций. Штурмующих здесь русских требовалось отбросить во что бы то ни стало — иначе в обороне Карской крепости образовывалась зияющая брешь. Несколько мостов через Карс-чай позволили муширу перебросить подкрепления очень быстро.

Кавказский главнокомандующий, наблюдавший в подзорную трубу за ходом штурма, видел, как расстраивалась общая связь в действиях колонн. Он уже ввел в дело добрую половину своих резервов. Муравьев даже взял часть сил у генерала Нирода, пехотинцы которого вели интенсивную ружейную перестрелку с неприятелем, не имея возможности придвинуться к его укреплениям.

Когда по донесениям начальников колонн или лиц, их заменивших, общая картина совсем прояснилась, царский наместник понял, что у него уже нет достаточно войск для развития несомненного успеха Базина. Предстояло решиться на прекращение общего штурма вражеской крепости. Именно такого решения ожидали теперь от него окружавшие его штабисты, поскольку всем стало ясно, что турки приступ отразили, а взятие Чакмакских высот систему их обороны не разрушало.

В расстроенных чувствах Николай Николаевич Муравьев приказывает штурмующим сойти с Шарохских и Чакмакских высот под прикрытием свежих батальонов стрелков. При этом требовалось подобрать всех своих раненых бойцов, чтобы ни один из них не попал в руки османов, которые на поле боя способны были надругаться не только над живыми, но и над павшими. Командирам колонн приказывалось по возможности разрушить захваченные вражеские укрепления, подорвав их захваченными у врага боеприпасами.

Русские войска отступили с высот в полном порядке. При этом они отходили в полной готовности контратаковать, если карские сидельцы вздумают их преследовать. Однако турки на это не пошли даже на склонах гор, настолько оказались они устрашенными самоотверженностью противника в штыковых атаках.

Неудачный приступ Карской крепости дорого обошелся осаждающим. Урон Отдельного Кавказского корпуса в кровопролитном штурме 17 сентября составил убитыми 74 офицера и 2442 нижних чина, ранеными — 178 офицеров и 4784 нижних чина. Пехотные батальоны, шедшие на приступ в первых линиях колонн, потеряли треть списочного состава. Потери орудийных расчетов и особенно кавалерии оказались незначительными.

Неудача русских дорого обошлась и осажденному гарнизону Карса. Османы, находившиеся на хорошо защищенных позициях, тем не менее потеряли до четырех тысяч человек, пострадавших в своем большинстве в рукопашных схватках от холодного оружия — штыков и сабель. Особенно велики оказались потери защитников Шарохских и Чакмакских высот.

Русские воины в ходе приступа взяли на захваченных позициях 23 неприятельских орудия. Однако из них в качестве трофеев в осадный лагерь на руках смогли привезти только четыре пушки малого калибра. Остальные же или заклепали, или привели в негодность. Захваченный на батареях боезапас испортили, побросав снаряды в ров, а порох рассыпав по земле. Кроме того, в ходе боя было отбито 14 знамен и отрядных значков султанских войск.

В тот же день войска, участвовавшие в неудачном приступе Карской крепости, подавленные неудачей, но не потерявшие бодрости духа, разместились на своих прежних местах. Полковые священники отпели павших. Походные лазареты наполнились ранеными и контуженными. Командиров заботило теперь одно — чтобы люди не потеряли боевого настроя.

17 сентября обложение Карса возобновилось в прежних строгих правилах...

ПРИЕМ ПЕРСИДСКОЙ МИССИИ

Будучи полновластным наместником Кавказа, генерал от инфантерии Н.Н. Муравьев по долгу службы не забывал «приглядывать» за соседней Персией. Ни для кого в ходе Крымской войны

не было большим секретом, как настойчиво пеклись о ее позиции в Стамбуле, Лондоне и Париже. Там надеялись, что наступление шахской армии на Закавказье может заставить русских снять осаду Карской крепости и отойти назад, к государственной границе.

В штаб-квартире кавказского главноуправляющего под Карсом постоянно пребывали российские дипломаты, которые нуждались в советах и информации. Не без советов генерал-адъютанта Муравьева они смогли обеспечить нейтралитет южного соседа России в этой войне, которая всем своим ходом омрачала венец царствования Императора Николая Павловича.

Муравьев нашел и удобный повод для начала переговоров с Тегераном. Им стали официальные торжества в связи с вступлением на российский престол Императора Александра II.

Представительное шахское посольство 4 октября прибыло в столицу наместничества город Тифлис. По-восточному пышная свита окружала доверенное лицо персидского владыки Аббас-Клихана высокопоставленного сановника Сейф-Уль-Мулька. Посол счел своим долгом провести переговоры с русским полководцем. От него в немалой степени зависело положение дел в закавказских пределах, спокойствие на границе России с Ираном, торговые дела.

С этой целью в ставку главнокомандующего на Кавказе под Карс выехал сартип (полковник) Касим-хан, второе лицо в шахском посольстве и главный военный разведчик в его составе. Он до весны 1855 года являлся консулом Персии в России с резиденцией в Тифлисе и потому хорошо знал лично многих военачальников Отдельного корпуса.

Предупрежденный о визите консула Касим-хана, генерал от инфантерии Муравьев для встречи шахского посланника отдал небольшой домик, построенный для него в осадном лагере. Для ханской свиты поставили просторные теплые палатки, поскольку наступившая в горах осень дышала по ночам прохладой. То есть было сделано все, чтобы высокие гости ни в чем не испытывали неудобств.

Царский наместник перед приездом доверенного лица шаха Персии, его «глаз и ушей», отдал специальное распоряжение о встрече посланца с «приличною важностью». Ответственными за организацию встречи гостя Николай Николаевич назначил начальника своей походной канцелярии действительного статского советника А.Ф. Крузенштерна. В помощники ему он выделил своего

адъютанта капитана Ермолова, сына бывшего кавказского полководца и наместника А.П. Ермолова.

Наместник устроил шахскому сановнику «блистательную встречу». От города Александрополя сартипа Касим-хана сопровождал почетный кавалерийский эскорт из драгун. Он оказался не лишним, поскольку мелкие разбойные партии куртинцев и башибузуков «шалили» на больших и малых дорогах. Об этом шахский посланец знал не хуже русских.

У границы осадного лагеря под Карской крепостью знатных гостей встречали и приветствовали конные сотни воинов-мусульман — азербайджанцев и курдов, входивших в состав кавказских войск. Это произвело на персов немалое впечатление, поскольку немалую часть населения Ирана составляли эти два народа. В самом лагере пехотный батальон, выстроившийся вдоль дороги, под барабанный бой отдал воинские почести прибывшим гостям.

Дипломатические переговоры под стенами осажденной султанской крепости прошли успешно. Муравьев, свободно владевший азербайджанским языком, вел переговоры без переводчика. Касим-хан по поручению и от имени шаха вручил русскому генералу от инфантерии высшую награду Персии: осыпанную алмазами орденскую ленту и фирман о награждении. Иранский владыка, царь царей, подарил кавказскому наместнику еще две дорогие шали.

Подарки, по традиции, делал не только шах, но и его приближенные. Садр-азам (первый министр тегеранского двора) и принц Фейруз-мирза, правитель Южного Азербайджана, подарили по превосходной лошади. Азербайджанский каймакам Садых-хан преподнес генерал-адъютанту мозаичную мебель, которая удивительно смотрелась среди походной обстановки рубленного из дерева домика главнокомандующего.

Кавказский наместник, как лицо немалое в Российском государстве, отдарился золотой табакеркой и драгоценным перстнем. И естественно, пышным приемом, учитывая, что «взгляд» сартипа Касим-хана на войну под стенами Карса может серьезно повлиять на колеблющуюся позицию шахского двора.

Для шахского посланца и его свиты, состоявшей в своем большинстве из профессиональных разведчиков, устроили смотр кавказских войск. Он состоялся на равнине вдоль берега Карс-чая. Муравьеву важно было показать действительную мощь русской армии по одной простой, но немаловажной причине — весть о

неудачном штурме Карса дошла до Тегерана, как сообщали оттуда из российского посольства, в искаженном виде. И этим незамедлительно воспользовались сторонники Англии и Франции, которые находились на «содержании» посольств этих двух европейских держав, воюющих с Россией.

Посетив русский лагерь под Карсом, Касим-хан «вместо уныния, вместо войск, расстроенных неудачею, находит стройную армию, везде и во всем встречает он довольство». И что самое главное — высокий моральный дух солдат, их подтянутость и веселый взгляд. У сартипа-разведчика в ранге шахского дипломата во время визита сложилось реальное представление о положении дел в войне русских против Оттоманской Порты.

Это представление еще больше закрепилось после того, как Муравьев любезно предоставил персидскому посланцу возможность увидеть большое количество пленных турок и побеседовать с ними. Рассказы беглецов из крепости лишь только укрепили шахского разведчика в том, что Персии вступать в войну против России противопоказано.

От всего увиденного и услышанного у сартипа Касим-хана сложилось весьма невыгодное для Турции впечатление. Такое донесение и ушло из Тифлиса к шахскому двору. Русско-иранская граница осталась в прежнем спокойствии...

ПАДЕНИЕ КАРСКОЙ ТВЕРДЫНИ

Осадная война день за днем шла своим чередом. Муравьев приказал еще больше ужесточить контроль за всеми дорогами и тропами, ведущими в неприятельскую крепость. Выходы из нее по ночам фуражиров совсем прекратились. Те немногие лошади, которые имелись у старшего гарнизонного начальства, теперь совсем остались без подножного корма. Сторожевыми заставами перехватывалось немало вражеских лазутчиков.

Мушир Вассиф-паша по совету британского бригадира Вильямса старался «соблюдать» законы войны. Стороны произвели обмен пленными. В турецком гарнизоне, отдавая русских раненых солдат, захваченных во время штурма, откровенно избавлялись от лишних ртов. Причем делалось это с видимым удовольствием. Своих же рядовых и офицеров, плененных русскими конными дозорами, в Карсе принимали с большой неохотой.

Тем временем в горах наступали осенние холода. В стане осажденных, помимо нехватки продовольствия, стал сказываться недостаток теплой одежды. Уже давно в султанском гарнизоне бедствовали с топливом, и в городе были вырублены все сады, деревья и кустарники. Дров едва хватало только на приготовление немудреной пищи.

Горожане, испытывавшие на себе все невзгоды наглухо блокированного многолюдного Карса, волновались. Мушир с опаской следил за поведением местных жителей, немалую часть которых составляли армяне-христиане. В их симпатиях к русским Вассиф-паше сомневаться не приходилось.

Беглецов из Карской крепости становилось все больше. Теперь ими являлись в своем большинстве голодающие люди в военной форме. Особенно участились побеги из редифа — султанского ополчения. Призванные под знамена своего правителя, ополченцы или сразу «шли» в плен, или старались горами пробраться в Анатолию, сирийские города (арабистанцы составляли немалую часть гарнизонной пехоты). Теперь карский гарнизон стал терять дезертирами и умершими от болезней по 150 человек в сутки и более.

Мушир Вассиф-паша, боясь кары Стамбула, продолжал упорствовать. Командующий Анатолийской армией приказал сократить суточную норму солдатам до небольшого хлебца весом чуть более полфунта и горсточки риса, из чего варился суп шурба. Верховых лошадей давно перебили и съели. Только генералы-паши, английские советники и командиры полков сохранили коней.

В сложившейся обстановке главнокомандующий кавказскими войсками мог уже безо всякого риска предпринять новый штурм. Но Муравьев прекрасно знал по данным разведки и опросам пленников, что дни султанской крепости сочтены и что она сама сдастся без боя, без пролития крови русских солдат. Николай Николаевич теперь не скрывал от окружающих скорого ожидания парламентеров от Вассиф-паши

Кавказские же войска, стоявшие после неудачного приступа в полном бездействии, просто рвались в бой. Им хотелось «отплатить» врагу за Севастополь...

12 ноября передовые казачьи пикеты заметили, как из главных крепостных ворот выехало верхом пять человек парламентеров. Из осадного лагеря незамедлительно высылается офицер встретить долгожданных гостей и сопроводить их к главнокомандующему.

Генерал от инфантерии Муравьев при «полном параде» принял посланцев мушира в своем лагерном домике. Старший из парламентеров, адъютант британского бригадира Вильямса майор Тиздель, передал личное письмо русскому полководцу от своего шефа. Тот просил о личной встрече. Николай Николаевич дал согласие. Накормленные за обильным столом парламентеры вернулись в крепость.

Весть о прибытии назавтра к наместнику для переговоров английского военного советника коменданта вражеской крепости молнией облетела осадный лагерь:

— Карс сдается! Вот вам и возвратный должок за наш Севастополь!..

На следующий день два офицера с десятью казаками самого молодцеватого вида встретили советника от британской короны при главнокомандующем Анатолийской армией. Бригадир Фенвик Вильямс выехал из крепости на белой лошади, в полной форме, стараясь быть во всем невозмутимым. Его сопроводили к кавказскому наместнику.

Английский комиссар представился полководцу Российского государства, хорошо известному на Британских островах. Военное министерство английского двора внимательно следило за развитием искусства бранного дела, и генерал от инфантерии Николай Николаевич Муравьев, естественно, стал лицом для «изучения». К тому же воевал он не где-нибудь, а на Кавказе, столь недалеком от британской Индии.

Впрочем, Муравьев, как старый кавказец, тоже прекрасно знал о правой руке всесильного в Азиатской Турции Вассиф-паши. Знал и о его подчеркнутой старой неприязни к России.

Бригадир Фенвик Вильямс в вежливом тоне сказал, что считает ныне своей прямой обязанностью по высокому чувству человеколюбия сдать (он, а не султанский паша — главнокомандующий Анатолийской армией) крепость Карс русским на капитуляцию. Что со своей стороны он исполнил долг чести и защищал турецкую крепость до последней возможности, пока надеялся на успех дела. И что на сегодняшний день опекаемая им одна из армий султана изнемогла...

Британец просил русского главнокомандующего назначить общие условия сдачи османской крепости, в которой укрылась от полевого сражения Анатолийская армия Блистательной Порты. Вернее, то, что от нее осталось после долгих блокадных месяцев.

После непродолжительных переговоров условия сдачи крепости сторонами были определены. Бригадира Фенвика Вильямса при этом больше всего интересовала собственная персона и судьба других офицеров английской короны, находившихся в Карсе. Договорились же о следующем.

Иностранные волонтеры на султанской службе отпускались в Турцию с личным оружием. Здесь нельзя не сказать о благородстве русского полководца. Такое его решение спасало многочисленных поляков и венгров, бывших повстанцев, от царского суда за участие в революционном движении, ссылки в Сибирь или выдачи властям габсбургской Вены.

Турецким офицерам сохранялись как личное оружие шпаги. Султанская Анатолийская армия сдавалась как военнопленная, а Карская крепость — со всем наличным вооружением и военным имуществом.

Генерал от инфантерии Муравьев проявил благородство и в отношении простых турок. С его согласия ополчение — редиф — после сдачи оружия распускалось по домам. Он знал, что среди ополченцев было очень много местных жителей, горожан и окрестных селян.

Акт о капитуляции Карской крепости с русской стороны подписал генерал-адъютант Н.Н. Муравьев, с турецкой — бригадир Фенвик Вильямс. Обрадованный таким исходом дела, британский комиссар возвратился в Карс.

15 ноября он вновь приехал в русский лагерь, чтобы закончить переговоры. Бригадир Фенвик Вильямс привез сообщение, что на сегодняшний день от личного состава Анатолийской армии осталась едва ли половина. Всего 16 тысяч кадровых военнослужащих вместе с больными в госпиталях и ополченцами редифа.

На что обычно сдержанный в официальной обстановке Муравьев только развел руками и сказал парламентеру:

— Почтеннейший сэр. О людях надо было думать раньше. А не тянуть с капитуляцией...

Сдачу неприятельских войск назначили на следующий день. Когда об этом объявили в русском осадном лагере, радость всех была неописуемой. Все поздравляли друг друга с долгожданной и большой победой, с тем, что весть о падении Карской крепости будет радостной и для России.

16 ноября 1855 года войска действующего Отдельного Кавказского корпуса ранним утром выстроились на равнине за рекой

Карс-чай, изготовившись как для парада. Солдаты надели свои короткие тулупчики, офицеры стояли в сюртуках. Все были при оружии и боевых наградах. Развевались под порывами холодного ветра с гор знамена полков, батальонов... Старшие военачальники, одетые в парадные мундиры, собрались около домика главнокомандующего.

Первыми выехали из главных ворот Карса мушир Вассиф-паша с окружением только из английских советников. Главнокомандующего Анатолийской армией и британского комиссара провели в кабинет Муравьева. Николай Николаевич по-турецки приветствовал полководца султана Оттоманской империи. Между ними состоялся небольшой разговор за чашечкой черного кофе.

Англичане, чтобы не терять достоинства британской короны в глазах победителей и побежденных, просили наместника российского Императора разрешить им не присутствовать при сдаче в плен Анатолийской армии. Тот, щадя самолюбие англичан, разрешил им остаться в осадном лагере и не показываться на берегу Карс-чая.

Наконец все приготовления к церемонии капитуляции, торжественной для одних и безрадостной для других, закончились. Султанская Анатолийская армия, выйдя из крепости, выстроилась на равнине перед рядами русских войск. Генерал от инфантерии Николай Николаевич Муравьев с муширом Вассиф-пашой вышли из домика, держась под руку. За ними двинулась блестящая в парадных мундирах свита. Пройдя мостик через речушку, все сели на коней и не торопясь поехали к войскам.

Сначала кавказский главнокомандующий под приветственные возгласы батальонов, эскадронов, сотен и батарей объехал ряды русских войск. Барабанщики от всей души отбивали «ход». Затем Муравьев направил своего коня к выстроившимся напротив молчаливыми рядами анатолийцам.

Навстречу генералу от инфантерии с неподдельно виноватым видом выехал Керим-паша. По условиям церемонии капитуляции он должен был поднести русскому полководцу символические ключи от города Карса. Но он подъехал к Муравьеву смущенный, весьма растерянно разводя руками. Тот спросил пашу:

— Где же ключи от крепости?

На что султанский генерал только раскланялся и извинился. Оказалось, что таковых ключей у городских властей просто не оказалось, как и не было раньше.

Есть символические ключи от сдающегося на милость победителей города-крепости или их нет как таковых — было уже все равно. Муравьев разъяснил окружающим так: Азия — не Европа. После этой небольшой заминки началась церемония капитуляции вражеской армии.

К русскому полководцу и стоявшему за его спиной муширу Вассиф-паше один за другим, прижимая руку к сердцу и склоняя голову, подъезжали турецкие генералы. Паши через толмача говорили примерно одно и то же:

— Это все ваше. И войско, и оружие, сложенное в Карсе, и запасы, и жители его, и сам город. Списков солдат, описей военного снаряжения у нас нет. Берите все и считайте сами...

Из рядов турецкой Анатолийской армии вынесли 12 полковых знамен, которые несли специально подобранные один к одному офицеры. Чуть ли не половина из них оказалась чернокожими африканцами. Султанские знамена, разрисованные надписями, богато украшенные кистями, рисовались на фоне пасмурного неба яркими красками. Знаменщики молчаливо приблизились к Муравьеву и остановились перед ним.

Из ближайшего русского пехотного батальона выступили такие же рослые унтер-офицеры и стали ассистентами у неприятельских знамен, у каждого по два человека. Потом знамена анатолийцев заколыхались, и процессия из 12 военных стягов двинулась мимо рядов русских войск, под возгласы «ура!», под музыку полковых оркестров, к осадному лагерю. Так знамена вражеской армии стали почетными трофеями армии победителей.

Таким стал финал победы русского оружия в Крымской войне над турецкой Анатолийской армией, праздник взятия Карской крепости. То было большое воинское торжество.

Когда знаменная группа с трофейными знаменами стала удаляться, в рядах поверженной армии местами началось некоторое волнение. Оно было вызвано тем, что некоторые полковые и батальонные командиры начали возбужденно кричать своим солдатам, что виновники такого позора не они, а англичане и паша Вассиф.

Когда минутное нервное возбуждение улеглось, мимо главнокомандующего кавказскими войсками и мушира Вассиф-паши, восседавших на конях, потянулось султанское ополчение. Колонну редифа возглавлял Стамбульский гвардейский батальон, отли-

чившийся при защите Шарохских высот. Впереди ехал верхом его командир — Абдеррахман-паша.

Распускаемый по домам редиф нестройной толпой потянулся по дороге. Лица солдат изобличали сильное изнурение и полное равнодушие к происходящему. Ополченцы несли на себе жалкий походный скарб, котомки и тряпье, неизвестно где добытое, которым спасались от холодов. Понурые на вид офицеры редифа имели при себе сабли и пистолеты.

Пропустив мимо себя редиф, генерал-адъютант Муравьев со свитой подъехал к депутации почетных горожан Карса. Старейшие из них на жестяной тарелочке преподнесли «главному муширу русского царя» сухую тонкую лепешку из пшеничной муки — лаваш с солью. Николай Николаевич сказал почтенным городским жителям:

— Ведите себя хорошо, законопослушно, и тогда вам не будет никаких обид...

После этого русский главнокомандующий объехал регулярные войска Анатолийской армии. Собранные в полки и батальоны стрелки — турки и арабистанцы, сувари — спешенные кавалеристы, артиллеристы полевых и крепостных батарей стояли нестройными толпами за спинами пашей и офицеров. Над рядами анатолийцев стояла гнетущая тишина.

Капитуляция во все времена оставалась капитуляцией. Но на всякий случай орудия близстоящих русских батарей были заряжены картечью. Возле пушек с зажженными фитилями стояли молчаливые канониры. Но в тот день на берегу Карс-чая все обошлось без эксцессов. Ослепленных ненавистью к гяурам фанатиков «священной войны» — джихада в рядах сдававшихся в плен просто не нашлось.

День капитуляции Анатолийской армии оказался праздником не только для победителей. После объезда ее рядов царский наместник приказал допустить теперь уже военнопленных оголодавших турецких солдат и офицеров к заранее приготовленному для них обеду. Он состоял из русских щей с говядиной и каши. Все это было наварено в большом количестве в котлах, стоявших на речном берегу.

Пока продолжалось угощение побежденных, Муравьев в присутствии мушира Вассиф-паши сделал смотр драгунам и конно-артиллерийской батарее. Ее командир Есаков продемонстрировал, как батарейцы слаженно выезжали на позиции, снимали орудия

с передков. Только стрелять холостыми зарядами было нельзя, поскольку в орудийных стволах находились заряды картечи.

Тысячи накормленных военнопленных-анатолийцев со своими личными вещами партиями, в сопровождении конных конвоев, потянулись на восток, к государственной границе России. Только часть плененных оставалась в осадном лагере для использования на различных работах и для ухода за своими же ранеными и больными, которых набралось в крепостных госпиталях немало.

Рано утром следующего дня солнце сквозь разрывы облаков высветило над Карской цитаделью российский флаг. И тогда в поверженной крепости, среди армейских палаток осадного лагеря, на бастионах Шарохских высот — всюду началась под возгласы «ура!» традиционная победная, праздничная пальба.

САМАЯ БЛЕСТЯЩАЯ ПОБЕДА КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Русский главнокомандующий, генерал от инфантерии и генерал-адъютант Николай Николаевич Муравьев в день капитуляции неприятельской крепости Карс отдал следующий приказ по Отдельному Кавказскому корпусу:

«Поздравляю вас, сотрудники мои. Как наместник Царский, благодарю вас. Кровью вашею и трудами повержены к стопам Государя Императора твердыни Малой Азии. Русский флаг развевается на стенах Карса; в нем является торжество Креста Спасителя. Исчезла, как прах, вся 30-тысячная Анатолийская армия. В плену главнокомандующий ее со всеми пашами (всего 8 пашей), офицерами и английским генералом, управляющим обороной, со своим штабом. Тысячи пленных турок отправляются на родину нашу свидетельствовать о подвигах ваших. Не сочтены еще приобретенные нами большие запасы оружия и казенного имущества, оставшиеся в Карсе; но, кроме отбитых вами в течение кампании орудий и знамен, еще 130 пушек обогатят арсеналы наши. Множество знамен украсят святые соборы России, на память постоянных доблестей ваших. Вторично поздравляю — от большого до меньшего, — сотрудники мои. Вторично благодарю вас и от себя лично, сослуживцы. Вам я обязан счастием обрадовать сердце Царя. Вы довершили в нынешнем году совершенное вами в течение прошедших двух лет.

Итак, возблагодарите, вместе со мною Господа сил, в неисповедимых судьбах своих даровавшего нам ныне торжество в самом испытании, чрез которое еще в недавнем времени прошли мы.

Вера в Святое Провидение Божие соблюдает у вас дух воинов и удваивает бодрые силы ваши. С надеждою на покровительство Всевышнего приступим к новым трудам».

Благодарственный приказ главнокомандующего по случаю падения Карской крепости зачитали в войсках Отдельного Кавказского корпуса. Спустя совсем немного времени он станет широко известен в России, дав еще большую популярность воинам-кавказцам и лично Николаю Николаевичу Муравьеву.

Блистательная победа в Закавказье поставила, по сути дела, точку в боевых действиях в Восточной (Крымской) войне. Карс во многом смягчил боль в сердцах россиян за утрату героического Севастополя, города-крепости русской воинской славы. Поэтому общественное звучание знатной виктории на южных границах Российского государства было огромно.

После падения мощной Карской крепости и полного разгрома оттоманской Анатолийской армии военные действия на русско-турецкой границе не возобновлялись. Случилось такое по двум причинам.

Во-первых, из-за отсутствия неприятеля как такового и Императорского указа идти дальше вперед. Воцарившийся Александр II не желал продления войны, которая тяжелым бременем ложилась на страну.

Во-вторых, наступала горная зима, в ходе которой на Кавказе во все времена традиционно прерывались боевые операции. Стороны в своих главных силах расходились при молчаливой договоренности по зимним квартирам.

Наградой за Карс Николаю Николаевичу Муравьеву стал орден Святого Георгия 2-й степени. Это была полководческая орденская награда, дарованная Высочайшим указом от 4 декабря предпоследнего года Крымской войны. В указе прямо говорилось, что награда дается «...за взятие крепости Карса 16 ноября 1855 года».

Орден Святого Георгия 2-й степени, не говоря уже о высшей, 1-й степени, не решались испрашивать и возлагать на себя всероссийские императоры-самодержцы и члены Императорской фамилии, хотя многие из них имели Георгия 4-й степени за военные заслуги. Если не считать, разумеется, Императрицу Екатерину II Великую, при которой была утверждена эта награда, и Императора Александра II Николаевича, удостоенного Георгия высшей степени в честь столетия этой орденской награды Российской державы.

Получил Николай Николаевич и почетное добавление к своей фамилии, став на времена вечные Муравьевым-Карским. Такой исторической почести в свое время заслужили славными победами А.В. Суворов, М.И. Голенищев-Кутузов, П.А. Румянцев, А.Г. Орлов, Г.А. Потемкин, В.М. Долгоруков, И.Ф. Паскевич, И.И. Дибич...

Покорению турецкой твердыни за Кавказским хребтом посвятил прекрасные строки поэт И.С. Никитин, написавший стихотворение «На взятие Карса». А великий русский композитор М.П. Мусоргский сочинил воинский марш «Взятие Карса», ставший популярным в русской армии...

Успех под Карсом стал толчком для новых полководческих задумок. Теперь уже в военной кампании будущего, 1856 года. Кавказский главнокомандующий начал разработку смелого по замыслу похода через всю Анатолию на Стамбул. Поход мыслился как стратегическая наступательная операция. Муравьев-Карский, его ближайшие помощники и единомышленники верили в возможность такого дерзкого, стремительного удара по столице вражеского государства.

Существует много мнений о реальности планировавшегося прорыва русской армии через Анатолию к проливам Босфор и Дарданеллы. Всех их просто не перечесть. Но, по крайней мере, воины-кавказцы верили в успех такого военного похода. Они верили и в полководческий талант генерала от инфантерии Н.Н. Муравьева-Карского.

Как знать — удайся такое, и многое было бы по-другому в финале Восточной (Крымской) войны. Но история, как и обыденная жизнь, не любит сослагательного наклонения. Похода на Царьград в кампании 1856 года не случилось — начались мирные переговоры.

В целом война закончилась для России безрадостно. Карская победа просто не могла «перевесить» в умонастроении народа и зарубежном общественном мнении до боли обидное для нас поражение под Севастополем. Открыть боевые действия в наступательном духе весной следующего года полководцу Муравьеву-Карскому не удалось. 12 февраля 1856 года начал свою работу

Парижский мирный конгресс, который подвел черту под войной коалиции европейских держав против Российской империи.

Представителям России в Париже — графу А.Ф. Орлову и барону Филиппу фон Бруннову, опытным отечественным дипломатам, противостояли делегации Великобритании, Франции, Австрии, Пруссии, Сардинии и Турции. Героическое поведение защитников Севастопольской морской крепости и покорение неприступного Карса требовали от союзников уважительного отношения к Российскому государству.

По поводу состоявшихся во французской столице мирных переговоров подполковник Генерального штаба Аверьянов в своих записках со всей справедливостью замечал:

«Против неудач наших на Дунае и в Крыму одни только трехлетние победы и успехи кавказских войск в Азиатской Турции могли быть поставлены на весы на Парижском конгрессе, на котором так страдала вековая военная слава и народная гордость России... Все завоевания кавказских войск... в несколько десятков раз превосходившие занятое союзниками пространство в окрестностях Севастополя и Кинбурна, были той ценой, которую России пришлось заплатить за возвращение Севастополя».

Если выразиться короче и проще, то за столом парижских переговоров сухопутную крепость Карс обменяли на морскую крепость Севастополь. Такой обмен договаривающиеся стороны нашли равноценным. С той лишь существенной разницей, что обладание главной базой русского Черноморского флота обошлось англичанам и французам во много раз дороже, чем кавказским войскам покорение Карской крепости.

Такое соотношение в истории и не забудешь, и не утаишь...

ОПАЛЬНЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ

В том же 1856 году генерал от инфантерии Николай Николаевич Муравьев-Карский, полководец в зените славы, по личному прошению был уволен от должностей царского наместника на Кавказе и главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом.

На его место Император Александр II назначает генерала от инфантерии князя Александра Ивановича Барятинского. Самодержец подписал прошение об отставке с легким сердцем: ни он, ни его отец, Император Николай I, не питали особых симпатий к

Муравьеву, вынужденно терпя генерала на столь ответственном посту царского наместника на дышащем войной Кавказе.

Однако очевидная для многих неблагодарность к истинному герою Крымской войны могла навредить царскому двору. Ибо не только в простом народе, но и в самых широких общественных и военных кругах прекрасно понимали, что Россия, проиграв Восточную войну под Севастополем, выиграла ее на Кавказе под Карсом. Официальному Санкт-Петербургу с таким мнением приходилось считаться.

Отставного героя назначают членом Государственного совета Российской империи. Само по себе такое назначение являлось большой честью, наградой за труды на ратном поприще.

А еще через два года Муравьева-Карского ставят во главе комиссии, учрежденной для расследования злоупотреблений во время Крымской кампании. Ход проведенного расследования лишний раз засвидетельствовал, что Николай Николаевич и здесь проявил себя человеком безупречной честности и порицавшим любое лихоимство со стороны самых высокопоставленных лиц.

Последней военной должностью кавказского полководца Н.Н. Муравьева-Карского наделили в 1861 году. Высочайшим Императорским указом Самогитский гренадерский полк получил нового шефа, именем которого полку можно было только гордиться...

Сослуживцы героя Карса стали для нас теми современниками, которые наиболее правдиво, достоверно составили словесный портрет Николая Николаевича Муравьева-Карского. По ним лучше всего судить о неординарной личности одного из выдающихся полководцев войн России на Кавказе. Приведем только три из многих свидетельств.

Генерал Д.Е. Сакен, бывший при Муравьеве начальником штаба Отдельного Кавказского корпуса, оставил самые теплые, даже несколько восторженные воспоминания о личности главнокомандующего русскими войсками в Кавказском крае. В 1874 году в журнале «Русская старина» он писал:

«Всегда любовался я блистательною неустрашимостью Николая Николаевича Муравьева, невозмутимым спокойствием и стройностью действий состоявших под начальством его войск, которые имели к нему полную доверенность. В минуту самой жестокой бойни — под картечным огнем, в штыковой работе, был он весел и любезен более, нежели в другое время... Приехав в 1855 году

на Кавказ, он собрал там 16 тысяч войск, не потребовав от казны ни денег, ни оружия, ни пороху, довольствуясь тем, что застал. Нравственным влиянием удержал Шамиля, пребывавшего в бездействии в горах во все время войны, когда малейшее предприятие его было бы для нас пагубно...

Имя Николая Муравьева светлыми чертами отмечено в летописях России. Служить на пользу Отечества личным трудом многие десятки лет с такой любовью и самоотвержением едва ли всякий может!»

Лечивший («пользовавший») кавказского главноуправляющего врач И.И. Европеус в том же журнале «Русская старина» засвидетельствовал иное о личности генерала от инфантерии Муравьева-Карского:

«Он избегал всякой роскоши, спал обыкновенно в своем кабинете, на соломенном тюфяке, накрываясь шинелью. Вставая довольно рано, он выходил к утреннему чаю в той же шинели внакидку; так принимал и у себя в кабинете не только своих адъютантов, но и штаб-офицеров, являвшихся к нему по службе. Стол его был русский, сытный и несложный, к обеду подавали, да и то не всегда, по бутылочке белого и красного вина, но сам Николай Николаевич почти ничего не пил, был страстный охотник попариться, но умел переносить и жесточайший холод. В самые трескучие морозы он прогуливался в одном сюртуке и не любил изнеженных маменькиных сынков, увидев на ком-нибудь из офицеров шинель с бобровым воротником, делал замечание, что-де шинель — роскошь для солдата, что он сам шинели с бобровыми воротниками не нашивал.

Сколько я мог заметить, Николай Николаевич не проводил даже часу без дела и мало заботился о собственных своих удобствах. Он был строг к самому себе и взыскателен к подчиненным. Но солдаты его любили: он мало налегал на фрунтовую службу, заботясь больше об их удобствах, довольствии, помещении, даже о развлечениях».

Это всего лишь одно из свидетельств, говоривших, что Муравьев-Карский никогда не являл себя барином и потому вел суровую спартанскую жизнь воина. Впрочем, такое было характерно большинству командного состава кавказских войск, находившихся в беспрестанных боевых тревогах. Тем самым царский наместник привлекал к себе любовь подчиненных нижних чинов и офицеров Отдельного корпуса и доверительное расположение воинов-добровольцев из иррегулярных кавказских формирований.

И наконец, третье, несколько иное описание личности полководца. Есаул Кавказского линейного казачьего войска И.С. Кравцов оставил для потомков описание трогательных проводов генерала от инфантерии Муравьева-Карского из степного города-крепости Ставрополя и устроенного в его честь представителями всех сословий местного населения прощального обеда. На страницах все той же «Русской старины» есаул Кравцов отметил следующее:

«На Северном Кавказе любили Муравьева за его правду и прямоту характера, чисто русские, тогда как в Закавказском крае лица, облагодетельствованные его предместником разными широкими милостями, напротив, отнеслись к нему холодно по той простой причине, что Муравьев на подобные милости был очень скуп. А был он скуп потому, что с народными деньгами, именуемыми казенными, он обходился так же, как Петр Великий, который говаривал, что он за каждый рубль, взятый с народа на нужды государственные, обязан дать отчет Богу».

Полковник князь А.М. Дондуков-Корсаков дополнил слова казачьего есаула-линейца более кратко и емко:

«Под суровою оболочкою его скрывалось самое теплое и сострадательное сердце. В мерах взыскания он всегда отклонял все, что могло уничтожить будущность виновного. В командование свое на Кавказе он не решился подписать ни одного смертного приговора, не сделал никого несчастным».

...Последние годы своей жизни Николай Николаевич Муравьев-Карский мало бывал в свете, ведя жизнь деревенского отшельника в небогатом родовом имении. На то была своя, и весьма веская причина. Герой войн на Кавказе спешил завершить теперь написание собственных, мемуарных трудов.

Более полувека он вел обстоятельный личный дневник, настолько обширный и интересный для историков и просто широкого круга читателей, что популярнейший в старой России журнал «Русский архив» смог напечатать его только в отрывках. Причем публикация дневника Н.Н. Муравьева-Карского велась несколько лет — в 1868-м, 1877-м, 1885—1889-м и 1891—1894 годах. И каждая такая публикация только поднимала интерес людей к жизни прославленного полководца, его осмыслению жизни государства Российского, отечественной военной истории.

В своем дневнике Николай Николаевич и оставил завещание потомству, вернее, тем людям, которые разделяли его взгляды,

зачастую и вызывавшие неприятие в придворных кругах. Свою последнюю запись в дневнике он сделал 7 июля 1865 года:

«Но полно писать. Через неделю должен миновать 71 год. Часто память изменяет, слабеют силы телесные и нравственные, тускнеют глаза. Совершается век мой, я пережил всех друзей, постепенно разрушается мой семейный быт, впереди — одиночество.

Прекращая сей дневник, посвящу остальные дни, насколько оставшееся время и силы позволят, приведению в порядок собранных и составленных мною в течение целой жизни «Записок».

Великое было бы для меня утешение, если б встретил личность, которая при разумении дела охотно приняла бы от меня на сохранение обильный труд всего моего века, с тем чтобы при удобном времени и обстоятельствах приложить старание к добросовестному обнаружению событий, не лишенных занимательности».

Помимо дневника, Николай Николаевич Муравьев-Карский оставил и другое, не менее ценное рукописное наследие. О своей деятельности по управлению Кавказским краем и военных действиях против турок он рассказал на страницах замечательного военно-исторического сочинения — «Война за Кавказом в 1855 году». Оно вышло в свет лишь в 1876 году, но сразу в двух объемных томах.

Дневник кавказского полководца является, по сути дела, автобиографической повестью. Листая записи, познаешь тот жизненный путь человека, которому много пришлось повоевать, прежде чем перед ним сверкнула во всем блеске Карская победа. Труден и долог был тот путь. Но тем более он видится славным для российского Отечества. Ибо вся жизнь Муравьева-Карского посвящалась служению только России...

НАЧАЛО АРМЕЙСКОЙ СЛУЖБЫ

Расскажем, однако, и о том, как формировался наш герой.

Родился русский полководец Николай Николаевич Муравьев-Карский в многодетной семье подполковника, впоследствии генерал-майора, тоже Николая Николаевича, послужившего и в армии, и на флоте. Род дворян Муравьевых относился к числу древних, но уже оскудевших. Тем не менее отец и мать (Александра Михайловна, урожденная Мордвинова) дали своим шес-

терым детям прекрасное по тем временам образование, преимущественно домашнее.

Главным педагогом и наставником детей являлся отец, Муравьев-старший. Маленький Николай познал в отцовском доме многие науки, из которых две знал просто блестяще — математику и военную историю. Познаниями в них он поражал многих. Любовь, привитая с детства к военной летописи государства России, во многом предопределила его будущее.

Кроме Николая, в историю России вошли два его брата. Старший Александр, декабрист, провел два года в сибирской ссылке, но затем дослужился до чина генерал-лейтенанта, губернаторских и сенаторских должностей. Младший — Михаил, станет графом и генералом от инфантерии. Это он за подавление Польского восстания 1863—1864 годов получит от поляков и недругов бранный эпитет «вешатель». Сам о себе он говорил: «Я не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают».

Здесь нельзя не вспомнить полного тезку отца и сына описываемых Муравьевых, их сородича — Николая Николаевича Муравьева-Амурского, тоже выдающегося деятеля русской истории, графа с 1858 года. (Муравьевы Карский и Виленский были с Амурским по прямым мужским линиям в очень дальнем родстве, но по женским, через Мордвиновых, Амурский приходился им двоюродным племянником. — *Примеч. ред.*)

В старой России сын небогатого дворянина-офицера «привычно» выбирал для себя военную карьеру, то есть служение Отечеству в рядах русской армии или флота. В своем дневнике Н.Н. Муравьев-Карский пишет:

«Родился я 14 июля 1794 года. Воспитывался и учился в родительском доме. В феврале 1811 года отец привез меня в Петербург для определения в военную службу. Я не имел опытности в обращении с людьми, обладал порядочными сведениями в математике, не имел понятия о службе и желал поступить в нее».

Думается, что в выборе военной профессии Николаю Муравьеву помог старший, любимый брат Александр, офицер квартирмейстерской части. То есть офицер армейского штаба. Юный дворянин Муравьев-младший после блестящей сдачи вступительных экзаменов тоже зачисляется в Свиту Его Императорского Величества по квартирмейстерской части с первым офицерским чином прапорщика.

Должность ему определяется начальством в точном соотношении с показанными на экзаменах знаниями. Прапорщик Николай Муравьев в его-то годы — в шестнадцать лет — назначается дежурным надзирателем и преподавателем математики в Школе колонновожатых, детище его отца, то есть сразу же становится преподавателем одного из немногих в начале XIX столетия в России военных училищ.

О днях, проведенных в Школе колонновожатых, Муравьев вспоминал так: «Щи хлебали деревянной ложкой, чаю не было, мебель была старая и поломанная, шинель служила покрывалом и халатом».

Благодаря стараниям отца, который сам готовился в юности стать математиком, будущий творец победы русского оружия под Карсом обладал обширными познаниями в математических науках. Ему доверяют даже преподавание геометрии в математических классах при чертежной канцелярии квартирмейстерской части.

О Школе колонновожатых следует сказать особо. Она готовила офицеров штабной службы, которым предстояло по роду подготовки заниматься вождением войсковых колонн и на войне, и в мирное время, обеспечивать стоянки войск и делать многое другое. Не случайно многие выпускники этого военного училища отличились в Отечественной войне 1812 года, показав себя способными офицерами-оперативниками. Прапорщик Николай Муравьев, интересовавшийся военным делом во всем его многообразии, получил в стенах уникального для того времени военно-учебного заведения обширнейшие познания.

Однако увлечение утопическими идеями Жан-Жака Руссо и знакомство со столичными масонами так подействовали на пылкую душу юноши, что он одно время думал оставить военную службу. Прапорщик Николай Муравьев становится душой кружка дворянской молодежи, большинство из которых впоследствии станут членами тайных обществ декабристов.

Офицер из Школы колонновожатых даже стал прорабатывать идею создания поселения единомышленников на далеком острове Сахалин. Он мечтал создать там коммунистическую республику на принципах, которые проповедовал французский мыслитель.

Начавшееся в 1812 году нашествие Великой армии императора французов Наполеона на Россию оторвало (и навсегда) на-

чинающего офицера от прежних утопических мечтаний. Школа колонновожатых находилась в том же патриотическом возбуждении, которое царило в рядах всей русской армии и по всей стране. Александра и Николая Муравьевых назначают в квартирмейстерскую часть 1-й русской Западной армии, которой командовал военный министр генерал от инфантерии Михаил Богданович Барклай де Толли. Братья прибывают в город Вильно, где находилась армейская штаб-квартира. Там старшего оставляют при главной квартире, а младшего отправляют в качестве прикомандированного офицера к Гвардейскому корпусу, который был расквартирован в Видзах.

...Французская армия перешла государственную границу, форсировав реку Неман, без официального объявления войны. Русские 1-я и 2-я Западные армии начали отход, чтобы соединиться и объединить силы, которые позволили бы дать генеральную баталию завоевателю. К этому стремились и М.Б. Барклай де Толли и командующий 2-й русской армией генерал от инфантерии князь П.И. Багратион.

Гвардия отходила от границы на город Полоцк. Погода не баловала воюющие стороны, шли проливные дожди. Пехота, шедшая по размытым дорогам, утопала в дорожной грязи. Орудия и зарядные ящики то и дело застревали по пути в оврагах и колдобинах. Не хватало заготовленного провианта и фуража. Однако при всех немалых походных неудобствах гвардейская пехота сохраняла бодрость духа, надеясь с каждым днем на большую битву с французами.

То отступление по направлению к Москве стало для колонновожатого прапорщика Николая Муравьева лучшей школой организации переходов войск и марш-бросков разнородных армейских сил. Офицеры квартирмейстерской части хронически недосыпали, выбиваясь за сутки из сил. На них лежали такие емкие по времени задачи, как поиск удобных для боя позиций, проведение дислокации войск, размещение их по заранее выбранным квартирам и полевым бивуакам. Да и много иных поручений приходилось выполнять расторопному и старательному офицеру с эполетами прапорщика.

Под городом Смоленском ему пришлось стать свидетелем ожесточенного сражения. К тому времени Николай Муравьев состоял при штабе Гвардейского корпуса. Вскоре за свои способности он оказывается при новом главнокомандующем всеми русскими

действующими армиями генерале от инфантерии Михаиле Илларионовиче Голенищеве-Кутузове.

Тот, прибыв к войскам, провел реорганизацию своей главной квартиры. В числе прочего полководец потребовал, чтобы квартирмейстерская часть была «составлена» из лучших молодых офицеров, уже показавших себя в деле.

ОТ БОРОДИНА ДО ПАРИЖА

Боевое крещение будущий Муравьев-Карский получил в славный день Бородина. Восемнадцатилетний прапорщик все последние перед битвой сутки почти не слезал с коня, выполняя кутузовские поручения и безотлучно находясь при главнокомандующем. Вместе с Михаилом Илларионовичем Николай Муравьев видел и известное «Божественное знамение» русским воинам перед генеральной баталией — парящего над их головами орла.

Случилось это на правом фланге русских позиций, которые перед битвой объезжал Голенищев-Кутузов. Там будущий князь Смоленский на несколько минут задержался, чтобы поприветствовать один из выстроившихся пехотных полков. Вдруг высоко над ним взвился орел и начал делать круги над позицией русского воинства. В числе первых орла заметил главнокомандующий. Он обнажил голову и во весь голос воскликнул перед полковым строем:

— Ура! Братцы! Ура!..

Свита главнокомандующего, которая увидела в «чудесном» появлении величавого царя птиц благоприятное предзнаменование, восторженно вторила Кутузову. Громогласное «ура» дружно и звучно неслось и из рядов пехотинцев, далеко разносясь по полю предстоящей битвы.

Бородинское сражение, по вековой традиции, началось после торжественного молебна в русской армии. Свыше 100 тысяч нижних чинов и офицеров, генералов и самого главнокомандующего преклонили колени перед иконами полковых походных церквей.

Прапорщик Николай Муравьев в славный для русского оружия Бородинский день находился при главной квартире и смог увидеть грандиозную по своим масштабам битву во всем ее величии. Ему пришлось побывать и в ее пекле, на левом фланге русской позиции, в корпусе генерала Дмитрия Сергеевича Дохтурова.

Бородинское сражение произвело на юного офицера, у которого впереди было блестящее будущее, неизгладимое впечатление. В дневнике Николай Николаевич запишет немало откровений, сделанных в день Бородина. Есть среди них и такие строки:

«Подобной битвы, быть может, нет другого примера в летописях всего света. Одних пушечных выстрелов было сделано французами семьдесят тысяч, не считая миллионов ружейных выстрелов... От гула 1500 орудий земля стонала за 90 верст. Таким образом кончилось славное Бородинское побоище, в котором русские приобрели бессмертную славу».

В том сражении будущий полководец войн России на Кавказе познал воочию главный козырь русского солдата на поле брани. Он видел, как из атаки выходили поредевшие от залпов картечи кавалерийские полки, чтобы вновь и вновь ударить со всем бесстрашием по французам. Видел, как вся Можайская дорога была покрыта ранеными и умершими от ран, но при каждом из них находилось ружье с примкнутым багинетом. Видел, как выстраивались в грозные для атакующего неприятеля каре пехотные полки и батальоны, насчитывавшие в своих рядах к концу сражения всего сотню-другую людей. Видел, как русские войска стояли под вражескими ядрами в ожидании приказа пойти только вперед...

Познал прапорщик Николай Муравьев и гнев, и стыд за оставление древней русской столицы. Он вместе с войсками прошел по московским улицам, не смея поднять глаз, чтобы не встретиться с укоряющими взглядами горожан. Те молчаливо взирали на уходящие в сторону Рязани колонны кутузовской армии.

Генерал-фельдмаршал М.И. Голенищев-Кутузов, перед которым офицер-квартирмейстер засвидетельствовал личное мужество и блестящие способности порученца, все чаще стал поручать Муравьеву серьезные, не по его чину, дела. В Тарутинском сражении 6 октября он прикомандировывает его к авангардным армейским войскам.

Николаю Муравьеву, как обер-квартирмейстеру авангарда, приходилось принимать участие в рекогносцировках, которые не раз заканчивались скоротечными схватками с неприятельскими сторожевыми разъездами. Не раз приходилось ему обнажать свою офицерскую шпагу и при встречах с отрядами голодных, озлобленных французских фуражиров и мародеров.

В дневниковых «Записках» о тех днях контрнаступления русской армии сохранилось немало интересных записей. Среди прочего Николай Николаевич описал и такой случай на войне:

«Во время Тарутинского боя встретил я одного драгуна, который гнал перед собою русского, сильно порубленного. Русский кричал, просил пощады, но драгун не переставал толкать его лошадью и подгонять палашом. Я спросил, в чем дело. Пленный этот, как оказалось, был родным братом драгуна, ходил по воле в Москве и вступил в услужение к французскому офицеру, за что и не щадил его родной брат, который после строгого обхождения с ним отдал его в число военнопленных, собираемых в главную квартиру. Подобие римских нравов!»

Великая армия Наполеона Бонапарта, таявшая с каждым днем, продолжала отступать. Путь ее в скором времени преградила река Березина. Здесь, на ее стылых от порывов морозного ветра берегах, прапорщику Николаю Муравьеву довелось совершить настоящий воинский подвиг. Хотя ему и не пришлось при этом стоять под французскими ядрами и картечью, слушать над головой свист разящих пуль.

Дело обстояло так. В городе Борисове старый мост через Березину был сожжен. Требовалось всего за одну ночь выстроить новый, чтобы с рассветом русские войска могли начать переправу через реку, в студеных водах которой нашли свою погибель многие тысячи наполеоновских солдат и офицеров.

Задача, как понимали ее все, оказалась не из легких. Прапорщику-квартирмейстеру Муравьеву под начальство дали конно-саперную роту капитана Геча, в которой осталось всего с полсотни изнуренных солдат-пионеров. Да еще в помощь назначили пехотную роту, в которой налицо оказалось лишь 15 человек рядовых.

Ночь выдалась темная и ветреная. Мороз крепчал с каждым часом, обжигая лицо и делая малопослушными руки. На широкой реке лед только-только становился. Но он еще не мог выдержать тяжести вооруженного человека, не говоря уже о коннике. Муравьев с Гечем приняли следующее решение: устроить из связанных веревками бревен настил на льду там, где на речной глади возвышалось несколько островков. Такая задумка оказалась удачной.

Прапорщик работал наравне с нижними чинами. Таскал бревна к берегу Березины, связывал их веревками, спускал на трескавшийся лед. Николай Муравьев ободрял словами благодарности

свою небольшую воинскую команду, изнуренную не столько ночной работой на морозе, сколько предыдущими боями и преследованием отступавших французов. И за два часа до рассвета мост через водную преграду был готов...

Заграничные походы русской армии прапорщик Муравьев начал дивизионным квартирмейстером у генерала Чаликова, командира гвардейской легкой кавалерийской дивизии. В сражении под Бауценом молодому офицеру довелось отличиться. Взяв с собой трех улан, он ускакал на разведку в лесистые горы, где ему пришлось неожиданно для себя вступить в стычку с французскими стрелками. Взятый при этом в плен пехотинец-савояр сообщил в дивизионном штабе много ценных сведений.

Затем последовало участие в славном для русского оружия сражении у чешского селения Кульм. В ходе его Николай Муравьев оказался при генерале А.П. Ермолове, командовавшем гвардейской пехотной дивизией. В той битве оказался совершенно разгромленным корпус наполеоновской армии генерала Вандама. За проявленное личное мужество офицер-квартирмейстер получает орден Святого Владимира 4-й степени и производится в подпоручики.

Затем следует участие в «Битве народов» под саксонским городом Лейпцигом, в котором с обеих сторон сразилось полмиллиона человек. Здесь ратная слава вновь «высветила» Николая Муравьева. Он производится в поручики, получает в награду за «выказанную примерную доблесть» ордена Святой Анны 3-й и 2-й степени, а заодно и австрийский орден Леопольда.

Наступил 1814 год. Русская армия в составе союзных войск вступает на территорию самой наполеоновской Франции. Поручик-квартирмейстер в составе гвардейской кавалерии принимает участие в последних сражениях того года — под Фер-Шампенуазом и Парижем. Победный марш через пол-Европы закончился на Елисейских Полях неприятельской столицы. Затем последовало возвращение в Россию...

После окончания антинаполеоновских войн Николай Муравьев переводится в Генеральный штаб. Следует получение очередного воинского звания — штабс-капитана. Он много читает, продолжая изучать военные науки. Тем более, что перед его глазами стояли военачальники, достойные подражания, — Голенищев-Кутузов, Ермолов, Толь, Милорадович, Коновницын... Войны с Наполеоном Бонапартом дали прекрасную школу многим, кому в дальнейшем пришлось участвовать в войнах на Кавказе.

В ПЕРСИИ И ХИВЕ. ЕРМОЛОВСКАЯ КАВКАЗСКАЯ ШКОЛА

В Санкт-Петербурге молодой генштабист оказался в кругу тех, кому в скором времени довелось с оружием в руках выйти на Сенатскую площадь. Вне всяких сомнений, гвардейский штабс-капитан в тот день находился бы в их рядах. Но случай все изменил. Николай Муравьев оставляет столицу с тем, чтобы затем долгие годы своей жизни провести на Кавказе, который и стал в конечном счете его судьбой, открыв и закрепив в нем талант сперва заметного военачальника, а затем и полководца.

Случилось это так. Генерал А.П. Ермолов не захотел, отправляясь в Тифлис, расставаться с приглянувшимся ему молодым офицером с многообещающими перспективами по службе. Новый кавказский главнокомандующий и главноуправляющий берет гвардейского офицера с собой. Разумеется, с его полного согласия. У того в тот год было меньше всего желания оставаться в столице по вполне понятной причине — неудачного сватовства к дочери известного сановника адмирала Мордвинова, который не захотел брать в зятья скромного офицера. Так в 1816 году тот получает назначение состоять при ермоловском посольстве в Персию.

Поскольку отправка посольства по разным причинам задерживалась, то штабс-капитан по собственной инициативе произвел первую инструментальную (картографическую) съемку местности от крепости Моздок до столицы наместничества города Тифлиса. Так на карту легла Военно-Грузинская дорога. За это офицер-квартирмейстер получает благодарность главнокомандующего.

В Тифлисе Алексей Петрович Ермолов среди прочего дает гвардейскому офицеру и такое задание, как изучение восточных языков. Их знание во многом помогут Муравьеву в долгой жизни на Кавказе, как в мирной жизни, так и в условиях войны.

Состоявшееся знакомство с Персией в составе российского посольства во главе с наместником Кавказа дало Николаю Николаевичу довольно обстоятельное представление о будущем противнике. Муравьев собирает сведения о шахской армии, лично знакомится со многими ее военачальниками, в том числе и с наследным принцем Аббас-мирзой.

Думается, что и при тегеранском дворе обратили внимание на молодого русского офицера, довольно свободно объяснявшегося с

персами на их родном языке и интересовавшегося делами в иранской армии. Во всяком случае, сам шах одарил штабс-капитана орденом Солнца и Льва, черной дорогой шалью и двумя кусками еще более дорогой парчи.

Посольство генерал-адъютанта Ермолова в Тегеран имело успех. Николай Муравьев же в награду за проявленное усердие и сбор, назовем это своими словами, разведывательных данных о персидской армии получает повышение по службе. Он назначается обер-квартирмейстером Отдельного Кавказского корпуса.

Можно при этом заметить, что такая должность была не по годам и не по чину Муравьеву, однако царский наместник даровитый Алексей Петрович Ермолов редко ошибался в своих подчиненных. И почти никогда в тех, кого сам выбирал себе в ближайшие помощники. Не ошибся он и в Муравьеве.

Желая проложить путь российскому владычеству в Средней Азии, кавказский наместник в 1819 году командирует штабс-капитана в Хиву и Бухару. Цель поездки — исследование путей туда и установление дипломатических и торговых контактов с этими туркестанскими ханствами. Большие сложности виделись в пребывании в Хиве, вооруженные отряды которой разбойничали на землях киргизов (казахов) и постоянно нападали на русское Оренбуржье для захвата людей в полон и продажи их в рабство.

Путь в ханства с Кавказа лежал через Каспийское море. 3 августа военный двадцатипушечный корвет «Казань» и шкоут «Святой Поликарп» бросили якоря близ Серебряного бугра на восточном берегу Каспия. Наладив дружественные отношения в туркменских кочевьях, русские посланники беспрепятственно прибыли через пустыню в Хиву к ее деспотичному правителю Мегмед-Рагим-хану.

В столице этого ханства, надежно затерявшегося среди песков, Николай Муравьев не один день будет находиться в ожидании «злодейской» смерти. Уж слишком коварным человеком слыл правитель Хивы. Однако дипломатические способности посланца Ермолова позволили ему не только счастливо избежать гибели, но и выполнить поручение из разряда ответственных.

Алексей Петрович Ермолов рассказывал впоследствии Государю, что «злокозненный» хивинский хан Мегмед-Рагим в письмах своих к царскому наместнику на Кавказе величал его следующим образом: «Великодушному и великому повелителю стран между

Каспийским и Черным морями». Скорее всего, такое обращение шло благодаря усилиям старшего в посольстве Муравьева. Он сумел внушить владетелю ханства почтение к России. Тем более, что хан побаивался возможного и скорого ответа за разбойные набеги на север своих конных отрядов.

Туркестанская миссия закончилась удачно. 24 декабря корвет «Казань» бросил якорь в Бакинской бухте. Здесь вскоре Николай Муравьев получил депешу от кавказского главнокомандующего:

«С почтением смотря на труды ваши, на твердость, с какою вы превозмогли и затруднения, и самую опасность, противостоявшие исполнению возложенного на вас важного поручения, я почитаю себя обязанным представить всеподданнейше государю императору об отличном усердии вашем в пользу его службы. Ваше высокоблагородие собственно мне сделали честь, оправдав выбор мой исполнением столь трудного поручения.

Генерал Ермолов

31 декабря 1819 г.
С. Параул в Дагестане».

Прибыв в город-крепость Дербент, Муравьев доложил царскому наместнику подробности исполненной посольской миссии. Алексей Петрович отправляет офицера в Санкт-Петербург с докладом о результатах своей поездки в Хиву и переговорах с Мегмед-Рагим-ханом.

В столице следует аудиенция у Императора Александра I. Государь оказался доволен результатами организованного Ермоловым посольства в Туркестан. На Кавказ из стольного города на берегах Невы Николай Николаевич Муравьев возвращается уже в звании полковника. Такова была награда за хивинские труды.

Свою поездку в труднодоступное ханство он подробно описывает в книге «Путешествие в Туркмению и Хиву», которая вышла в Москве в 1822 году, будучи издана в двух частях. Книга имела большой успех. Более того, ее уже вскоре перевели на английский, французский и немецкий языки. Имя Н.Н. Муравьева благодаря опасному для жизни путешествию в среднеазиатское «разбойное» ханство стало достаточно хорошо известно и за рубежом, в Европе.

К слову сказать, то был уже второй печатный муравьевский труд. Еще в 1816 году увидел свет интересный для военного чело-

века «Курс фортификации». Он был полезен прежде всего для военных инженеров русской армии.

В 1822 году полковник Николай Николаевич Муравьев назначается командиром 7-го карабинерного полка. Впоследствии этот полк, прославившийся в боевых действиях на Кавказе, будет носить звание Эриванского (имя этого полка мы не раз уже упоминали).

Новоиспеченный полковой командир энергично взялся за обучение своих карабинеров. Вскоре полк принял участие в начавшейся в 1826 году войне с Персией — в первой ее кампании. Но перед этим Николаю Николаевичу пришлось пережить немало тревожных дней и ночей, отмеченных большой душевной печалью. Поражение восстания декабристов и последующее судебное разбирательство лишило его многих друзей и близких родственников...

НА ВТОРОЙ ПЕРСИДСКОЙ ВОЙНЕ

В 1825 году сама судьба хранила полкового командира 7-го карабинерного, чему в немалой степени помогла и начавшаяся война с иранцами. В той войне полковник Муравьев показал высокое знание шахской армии, полученное им во время пребывания в составе посольства А.П. Ермолова в Тегеран.

Когда в августе 1826 года многочисленные конные войска наследного принца Аббас-мирзы, нарушив договор между Россией и Персией, вторглись в Карабах и обложили крепость Шушу, Николай Николаевич сразу же оказался у дел. Вместе с князем Севарзедшидзе ему пришлось прикрывать приграничье в районе селения Караклиса от конницы Гассан-хана.

Кавказский главнокомандующий создает здесь для действий против персов отдельный отряд. Он состоял из девяти рот пехоты, конной артиллерийской бригады, сотни казаков и шестисот человек грузинского конного ополчения. Начальником отряда назначается герой Отечественной войны 1812 года, поэт-партизан, генерал-майор Денис Давыдов, а начальником штаба — полковник Николай Муравьев.

Последний разрабатывает план смелого рейда против шахской конницы, который блестяще удался. Русский отряд, заметно уступавший противнику в числе людей (но, конечно, не в боевых каче-

ствах), стремительным марш-броском спустился с гор в долину у селения Мирака и здесь в бою нанес полное поражение Гассан-хану. А затем, преследуя вражескую конницу, вошел в персидские пределы, заняв на сопредельной территории несколько населенных пунктов.

Военная удача проведенной операции была несомненной. Командир отряда генерал-майор Давыдов в донесении наместнику на Кавказе так отметил роль в одержанной победе своего начальника штаба:

«Полковник Муравьев выбил штыками из каменистых высот засевшего в них неприятеля, расстроив толпы оного картечными выстрелами, разорвав середину его линий, преследовал оного до наступления ночи и первый поставил ногу на неприятельскую землю».

После такого успеха полковник Муравьев предложил Денису Давыдову смелый и довольно рискованный план переноса боевых действий под стены крепостных городов Эривани (столицы Эриванского ханства) и Тавриза (столицы персидского Южного Азербайджана). В той обстановке, как считал начальник штаба отряда, этими пунктами можно было овладеть небольшими, мобильными силами. Но разумеется, при удачных и стремительных действиях.

Генерал-майор Давыдов, памятуя свое славное партизанское прошлое в Отечественной войне 1812 года, такой план поддержал сразу. Однако в Тифлисе его не утвердили по той причине, что главнокомандующий А.П. Ермолов считал, что время для переноса военных действий на территорию самой Персии еще не пришло.

Была и еще одна причина, более веская. Шла смена царских наместников на Кавказе. Алексея Петровича Ермолова, которому Император Николай I открыто выказывал большое личное недоверие, заменяли на более близкого Царю генерала, тоже с богатой боевой биографией, на Ивана Федоровича Паскевича. Последний имел немало заслуг в войне против наполеоновской Франции, теперь он должен был возглавить новое для себя дело — управление огромным Кавказским наместничеством.

Вскоре полковник Муравьев сдает карабинерный полк новому командиру, а сам получает назначение помощником начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса.

Перед второй кампанией в русско-персидской войне Николай Николаевич наконец-то устраивает свою личную жизнь, сыграв скромную свадьбу с Софьей Федоровной Ахвердовой. Ермолов был на свадьбе посаженым отцом.

Кавказские войска продолжали войну теперь уже под командованием генерала от инфантерии Паскевича. Тот не без основания мог быть доволен умелой оперативной работой корпусного штаба. Будущий граф Эриванский, равно как и А.П. Ермолов, умел ценить подчиненных деятельных, энергичных, лично храбрых.

Под крепостью Аббас-Абад полковник Николай Муравьев чуть не погиб. Во время рекогносцировки крепостных укреплений его с небольшим конвоем казаков едва не отрезала от своих персидская конница численностью в несколько сот всадников. Однако вовремя вышедшая из русского лагеря кавалерия пришла на помощь и отразила вражескую атаку.

Вскоре Муравьев отличается в большом деле. Под его командованием русский авангардный отряд стремительным рейдом захватывает город-крепость Тавриз. Это была столица наследника шахского престола принца Аббас-мирзы, откуда он управлял подвластными ему землями Южного Азербайджана. Многолюдный город с крепкими крепостными стенами имел для своей обороны достаточный числом гарнизон и немалый арсенал с запасами оружия, артиллерийских снарядов и ружейных зарядов. Известие о взятии русскими Тавриза вызвало панику в шахской армии, терпевшей одни поражения, и полное уныние в Тегеране.

Однако случилось то, чего в Отдельном корпусе вряд ли кто мог ожидать. Такой большой успех в ходе войны с Персией вызвал неудовольствие нового царского наместника. Генерал от инфантерии Паскевич мечтал покорить Тавриз сам.

Однако Император Николай I отдал дань справедливости — ведь план захвата Тавриза принадлежал не кому-то, а полковнику Муравьеву, за которого замолвил слово другой николаевский любимец — начальник Главного штаба Иван Иванович Дибич.

За боевые отличия в войне против Персии полковник, хотя и известный тесными связями с заговорщиками-декабристами, награждается чином генерал-майора. Высочайший указ был подписан 15 августа 1828 года. И одновременно следует его назначение командиром Кавказской резервной гренадерской бригады.

НА ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ. ШТУРМ КАРСА. ВЗЯТИЕ АХАЛЦЫХА

...В апреле 1828 года начинается новая русско-турецкая война. Она «вызрела» сама собой. Султан Блистательной Порты Махмуд II не скрывал своей подготовки к войне против «неверных», и России пришлось после Наваринского морского сражения объявить Турции войну.

Боевые действия сразу же развернулись от дунайских берегов до Закавказья. Граф Паскевич-Эриванский смело повел действующие силы Отдельного корпуса на сильную неприятельскую крепость Карс и овладел ею. Николай Николаевич Муравьев оказался одним из главных действующих лиц победного штурма главной твердыни турок-османов в Азиатской Турции.

Надо отдать должное кавказскому главнокомандующему, сумевшему забыть тавризскую «обиду». В победной реляции в Санкт-Петербург Иван Федорович Паскевич-Эриванский ничуть не умалил роли в одержанной победе командира гренадерской бригады:

«Корпусной командир отправил для взятия Карадага генерал-майора Муравьева с ротою Грузинского гренадерского и батальоном Эриванского карабинерного полков. Для обеспечения сего смелого движения, которое должно было производиться на открытом пространстве под картечными выстрелами из крепости и отдельного укрепления Карадаг, велено было вывести из траншей всю батарейную артиллерию, из двенадцати орудий состоявшую, и поставить правее занятого предместья Орта-капи, дабы отвечать неприятелю.

Рота Грузинского гренадерского полка под начальством генерал-майора Муравьева с отважностью бросилась на предместье Байрам-паша и овладела оным, взяв одно знамя; другая рота сего полка и батальон Эриванского карабинерного полка под начальством генерал-майора Муравьева почти по неприступным тропинкам взошли на высокую скалистую гору Карадаг и, несмотря на перекрестный огонь построенного на оной редута, шанцев и крепостных бастионов, вытеснили неприятеля, причем взято четыре орудия и два знамени».

Сами участники ожесточенного штурма Карской крепости в своих воспоминаниях единодушно называли имена двух человек, сказавших решающее слово для победы. Ими были начальник

траншей генерал-майор Муравьев и полковник Бурцев, дежурный офицер при корпусном штабе. Это были люди высочайшей личной отваги и доблести.

Взятие Карса доставило Николаю Николаевичу Муравьеву орден Святого Георгия 4-й степени. Семья георгиевских кавалеров пополнилась новым достойным членом.

После Карской виктории последовало дело под крепостью Ахалцых, тоже считавшейся одной из сильнейших на восточных границах Турции. Кстати, османы суеверно считали, что русским никогда не удастся ею овладеть. Ибо старинное предание гласило, что прежде надобно снять месяц с неба, а потом уже сделанную из металла позлащенную луну с минарета крепостной мечети. И действительно, пока в истории ахалцыхское предание сбывалось.

К крепости на скалах в долине реки Посхов-чай генерал-майор Муравьев подошел во главе авангарда кавказских войск. Обозрев ахалцыхские укрепления и лагерь османского корпуса на окраине города, он предложил главнокомандующему собственный план штурма. Паскевич-Эриванский, поразмыслив над ним, принял муравьевскую идею.

При атаке главными силами кавказцев турецкого лагеря под Ахалцыхом Муравьев руководил отвлекающей операцией, которая удалась. Вражеский корпус был разгромлен и обращен в бегство. Затем наступил черед и самой крепости, в стенах которой затворился сильный числом и духом гарнизон.

Генерал-майору Н.Н. Муравьеву довелось вести переговоры с осажденными. В своих «Записках» он описывает этот эпизод русско-турецкой войны во всех красках и с любопытными подробностями:

«Я и генерал Сакен и сопровождавшие нас адъютанты вошли в крепость, в коей двойные ворота за нами немедленно заперлись железными запорами. Толпа разноцветно одетых турок со свирепыми и удивленными взглядами окружила нас. Между ними слышен был ропот неудовольствия. Все толпилось, двигалось. Мы повернули направо ко двору большой мечети. У ворот ограды встретил нас сам Кессе-Мегмед-паша. Он имел гораздо более сорока лет, осанку благородную, простую, наружность приятную, одет был в шитой шнурками куртке и бархатных шароварах, с небольшой чалмою на голове. Он был вежлив и приветлив.

Сакен сказал несколько коротких приветствий, которые были мною переведены. Паша отвечал скромно и повел нас во двор

мечети, вмиг наполнившийся толпою, за нами шедшею. Паша и Сакен сели рядом на одну из скамей, более места не было, и я сел против них на камне. Пришедшие с нами офицеры остановились за скамьей, но так как теснота увеличивалась, то их совсем почти прижали к нам, невзирая на пашу и на повторенное его приказание толпе отдалиться. Надобно сказать, что Ахалцых был почти всегда в независимости от турецкого султана. Народ здесь хотя и считался подданными Порты, но состоял из горцев, людей буйных, не привыкших никому повиноваться. Присутствие наше не устрашало их.

Против нас были явно настроены некоторые из старшин Ахалцыха, и особенно Фет-Улла, человек заметный по безобразной величине головы своей, грубым чертам лица, высокому росту, нахмуренному и свирепому взгляду и громкому голосу.

Разговор был общий и самый живой. На статьи о сдаче, которые мы изложили, турки соглашались. Пашу со всем войском мы выпускали из крепости, куда они хотят, со всем их имуществом, жители должны были разойтись по своим домам. Мы ручались за неприкосновенность их. Все это было изложено на бумаге, но как только паша взял ее в руки, бешеный Фет-Улла вдруг вскочил и, подбежав к нему, вырвал у него бумагу из рук, закричав, что он сего не допустит. Толпа начала волноваться, турки закричали, что не хотят крепости сдавать русским, и по первому отголоску из толпы нас могли вмиг разорвать на части.

Видя смятение сие, которое могло дурно кончиться, я вскочил и, обратившись к паше, воскликнул:

— Паша! И ты позволяешь сим старшинам, сим жителям, за коих войско твое проливало столь храбро кровь свою в жарких битвах, ты позволяешь им толикую дерзость пред собою? Разве такая неблагодарность со стороны их заслуживает твое снисхождение?

Паша встал, не говоря ни слова, и, раздвинув толпу, почти вбежал по каменным ступеням на крепостную стену, близ коей это действие происходило, и, опершись на стоявшее там орудие, несколько минут смотрел неподвижно на наш лагерь, из коего вышли грозные колонны наши, покорившие Ахалцых и поглотившие всю предшествующую его славу. Все действия и движения паши обнаруживали человека, сильно чувствующего срам побежденного и непокорность подчиненных ему и опасавшегося еще неволи в руках победителей. Казалось мне, что он был

готов в эту минуту на все решиться, и если б он нас связанными выставил на стене, то мог бы надеяться получить какие ему угодно условия. Хотя Паскевич после говорил, что он на сие бы не посмотрел, оставил бы нас на жертву туркам и начал бы крепость снова бомбить...

Мы с Сакеном звали пашу сойти к нам, но паша даже не оглядывался. Мы находились среди разъяренной толпы. Но вот, наконец, паша повернулся и, спустившись несколько по лестнице, остановился, вызвал какого-то человека, одетого в красный кафтан, и что-то сказал ему на ухо. Человек сей взглянул на нас и, кивнув головою, как бы в знак того, что он понял отданное ему приказание, стал пробираться к стороне, где стоял Сакен с офицерами. Я не мог слышать приказания паши, но мне оно показалось подозрительным, тем более что получивший оное человек имел совершенный вид палача: смуглое и свирепое лицо его выражало какое-то... зверское существо. И я, схватившись крепко за эфес своей шашки, дабы защищаться в случае надобности, закричал своим:

— Господа, берегитесь человека в красном, который к вам приближается! (По-французски. — *А. Ш.*)

Сакен и офицеры остереглись. Между тем свирепый Фет-Улла, посоветовавшись со своими, со списком в руках пошел к воротам, толпа раздалась, и мы поспешили за Фет-Уллою. Мы подошли к воротам, их отперли, и мы хлынули из крепости, будучи весьма довольны, что так отделались.

Фет-Улла сам поехал договариваться о сдаче к корпусному командиру на главную батарею. Через час он возвратился с подписанной Паскевичем бумагой. Он вошел в крепость, ворота за ним заперлись, и мы около часа дожидались окончательного ответа у ворот. Наконец они отперлись настежь, и началось шествие. Паша ехал на богато убранном коне и тотчас повернул налево к селению Суклис, где стоял с отрядом Раевский, нисколько не спрашивая о Паскевиче, которого он и не видел, а тот и позабыл спросить о нем. За пашою ехал отряд богато одетых молодцеватых турок, а за ними человек четыреста пеших воинов с ружьями и среди них несколько женщин, закрытых чадрами, верхом или на носилках. А затем двинулась толпа жителей.

Как скоро шествие кончилось, мы вступили в крепость. Я занялся немедленно устроением везде постов, ибо был начальником вступивших в крепость войск и в эту ночь ночевал близ мечети.

Меня занимало видеть учебные заведения ахалцыхской мечети, и я в следующие дни осмотрел библиотеку, в которой было большое число редких восточных книг, которым я сделал опись. Я рассматривал книги с помощью одного ученого и умного муллы. При осмотре произошел такой случай: на полу лежало ядро, пущенное нами из орудия, которое пролетело в окно во время осады и, разбив угол в комнате, закатилось под стол. Подняв ядро сие, я подал его мулле и спросил в шутку:

— К какому разряду должно занести в опись вещь сию, найденную в библиотеке?

Мулла, повертев несколько в руках ядро, вздохнув, ответил:

— Ядро сие принадлежит к разряду превратностей мира сего, ныне оно восторжествовало.

Ответ прекрасный, исполненный глубокомыслия о переменах судеб наших».

Орден Святого Георгия 3-й степени стал боевой наградой генерал-майору Н.Н. Муравьеву за Ахалцыхскую крепость. Он был одним из главных действующих лиц того эпизода русско-турецкой войны 1828—1829 годов на Кавказском театре военных действий.

С наступившей зимой военные действия прекратились. Холода и снег в горах делали пути-дороги просто неодолимыми. Противники расходились в разные стороны, оставляя сильные гарнизоны в приграничных крепостях, сторожевые заставы в селениях, стоявших на дорогах.

Весной боевые действия возобновились. Военный совет Отдельного корпуса, состоявшийся в Карсе, наметил план дальнейших операций русских войск против султанской Анатолийской армии. Действовать требовалось быстро и решительно, поскольку неприятель первым начал наступательные «движения».

Требовалось подать незамедлительную помощь отряду Бурцева под Ахалцыхом, где под крепостью скопились значительные силы местных турецких ополчений. Генерал-майору Н.Н. Муравьеву поручается командование отрядом из карабинерного и Донского казачьего полков, егерского батальона и легкой конной артиллерией. Он совершает марш-бросок и неожиданно для противника появляется перед Ахалцыхской крепостью. Происходит жаркий бой, и турецкие войска из местных горцев рассеиваются в окрестных горах.

ВСТРЕЧИ С ПУШКИНЫМ. СЛОЖНОСТЬ ОТНОШЕНИЙ С ПАСКЕВИЧЕМ

Когда Муравьев с отрядом возвращался в главную корпусную квартиру, в Карс, то услышал приятную и удивительную новость. В действующий Отдельный корпус приехала российская знаменитость — поэт Александр Сергеевич Пушкин, давно искавший повода навестить любимого брата Льва, служившего в Нижегородском полку прапорщиком. В походном лагере кавказцев Николай Николаевич и познакомился лично с гостем.

Когда Пушкин прибыл под Карс, то ему пришлось делить время между наместником графом Паскевичем-Эриванским, который старался не отпускать от себя поэта вообще в любое время, братом Львом и многочисленными друзьями, среди которых было много разжалованных и сосланных на Кавказскую войну декабристов. Последние собирались в походной палатке Николая Раевского-младшего, полкового командира славных драгун-нижегородцев. Пушкин подарил ему, своему давнему товарищу, два любимых произведения — «Кавказского пленника» и «Андрея Шенье».

В палатке гостеприимного Раевского поэт читал близким ему людям «Бориса Годунова» и «Евгения Онегина». Среди присутствовавших находился и генерал Муравьев, известный в офицерской среде стремлением жить с подчиненными одной дружной «фронтовой» семьей. Однако к тому времени Николай Николаевич уже славился и колоссальным педантизмом, основы которого заложила в нем штабная работа.

Однажды Пушкин читал сцену, в которой самозванец Григорий Отрепьев в любовном порыве признается Марине Мнишек, что он не царевич Дмитрий. Генерал-майор Муравьев, внимательно слушавший поэта, не выдержал и остановил его:

— Позвольте, Александр Сергеевич, как же такая неосторожность со стороны самозванца? Ну а если она его выдаст?

Немало удивленный таким вопросом Пушкин, впадавший во время декламации в поэтическое забытье, ответил с заметной досадой:

— Подождите, увидите, что не выдаст...

После такой «выходки» дотошного слушателя в генеральском мундире горделивый поэт объявил друзьям: при нем он больше им ничего читать не будет. Те быстро нашли выход из конфликтного

положения. На следующий вечер они выставили в лагере из рядовых драгун сигнальщиков-махальщиков, чтобы знать, если Муравьев направится к палатке Раевского.

Получив своевременно условный сигнал, любители пушкинской поэзии разбежались из палатки вместе с ее хозяином и столичным гостем. Они собрались в нее только после того, как немало удивленный Николай Николаевич, намеревавшийся послушать в авторском исполнении «Евгения Онегина», удалился восвояси...

Боевые действия в Азиатской Турции шли своим чередом. Победно завершается большое сражение у селения Менджергонд, где генерал-майор Муравьев руководил действиями русской артиллерии. А в годовщину Полтавской баталии знамя Российской империи взметнулось над цитаделью Эрзерума.

Затем следует осада крепости Бейбурт. При ее взятии Муравьев командует Херсонским пехотным полком и стрелками-егерями. Наградой Николаю Николаевичу за Бейбурт стало почетное Золотое оружие.

Однако личные боевые заслуги и часто «выказанная» доблесть все же сослужили ему плохую службу. Виной тому стал главнокомандующий граф Паскевич-Эриванский, который, хотя и боролся со своей человеческой «слабостью», иногда весьма болезненно относился к чужой славе на войне, в том числе и к славе подчиненного ему генерала. Царский наместник на людях стал «затирать» Муравьева, все меньше и меньше давая ему самостоятельности в решениях. Тот же, человек по-армейски прямой и резкий, с трудом переносил такое отношение к себе со стороны главнокомандующего. Отношения между ними к концу войны испортились совсем.

Более того, вскоре излишне самолюбивый Иван Федорович в секретном донесении Императору Николаю I, благоволившему к нему, попросил убрать из кавказских войск трех генералов — Сакена, Раевского и Муравьева. Все они относились к числу боевых военачальников и были прославленными в русской армии личностями. Паскевич-Эриванский в письме указывал и причину такой просьбы, назвав генералов людьми, склонными к вольнодумству.

Однако содержание письма наместника в Санкт-Петербург не стало секретом для Муравьева. Он обращается в Главный штаб и лично к генерал-фельдмаршалу графу И.И. Дибичу-Забалканскому о переводе его в армейские войска подальше от Паскевича.

Письмо это имело для Николая Николаевича самые неблагоприятные последствия.

Ответ из Санкт-Петербурга пришел совсем не такой, какой ожидался Муравьевым. С одной стороны, Император «встал горой» за своего любимца — кавказского наместника, с другой — весной 1830 года из Главного штаба пришло решение, согласно которому генерал-майор Н.Н. Муравьев увольнялся в отставку из войск Отдельного корпуса по личному желанию.

Летом того же года семья Муравьевых покидает город Тифлис. Ставший отставным опальный генерал уезжает к отцу в его небольшое поместье, в деревню Осташево.

К этому повороту судьбы прибавилось еще и семейное несчастье. В том же 1830 году умирает при родах жена Николая Николаевича и на его руках остается маленькая дочь.

Впоследствии он вступит во второй брак — с графиней Натали Григорьевной Чернышовой (кстати, сестрой декабриста), которая родит ему еще трех дочерей.

КОМАНДИР ЛИТОВСКОГО КОРПУСА. ПОЛЬША

...Однако в столице, в Главном штабе, о боевом и способном военачальнике не забыли. Настойчивый генерал-фельдмаршал граф И.И. Дибич-Забалканский, императорский фаворит, добился у Императора прощения для Николая Николаевича. Причина для того оказалась веская. Начались военные действия в Царстве Польском и там требовались опытные, решительные командиры. Сам Дибич отправлялся туда в должности главнокомандующего русской действующей армией.

Муравьев без раздумий принял предложение взять на себя командование гренадерской бригадой Отдельного Литовского корпуса. Это возвращало его в армейскую среду, без которой он уже давно не мыслил своей жизни. Он вновь находил поприще, на котором мог блистать своими способностями и дарованиями. И в конечном итоге верой и правдой служить российскому Отечеству.

Трудно сказать, как же Николай Николаевич относился к польскому восстанию 1831 года, к «мятежу» в Варшаве и в рядах национальной армии Польши, которая в то время являлась частью сухопутных войск Российской империи. У исследователей вызывает немалое удивление, что в своем дневнике вернув-

шийся в армейский строй генерал не обмолвился об этом ни одной строкой. Можно только предполагать, что Муравьев просто опасался откровенничать на эту тему.

Под знаменами генерал-фельдмаршала Дибича-Забалканского Николаю Николаевичу воевать долго не пришлось. Весной полководец заболевает и в считанные дни уходит из жизни. На его место Император Николай I назначает графа Паскевича-Эриванского, в срочном порядке отозванного с Кавказа.

Гренадерская бригада Отдельного Литовского корпуса принимала участие во многих делах Польской кампании. Особенно она отличилась при штурме Праги — варшавского предместья на правом берегу реки Вислы. Приступ ее отличался редким ожесточением и большим кровопролитием. Возможно, что благодаря «стараниям» нового главнокомандующего русской армией генерал-майора Н.Н. Муравьева за все время боевых действий в Царстве Польском старательно обходили в любых наградах, хотя Император Николай I был на них в тот год весьма щедр.

Все же за несомненные отличия на поле брани командира Гренадерской бригады производят в чин генерал-лейтенанта. В его служебном формуляре годом очередного повышения в воинском звании значится 1831-й. Однако сам Муравьев в книге «Русские на Босфоре» утверждает, что это производство состоялось летом 1833 года. Может быть, представление «ходило» по канцеляриям целых два года?

После окончания войны в Царстве Польском следует назначение начальником 24-й пехотной дивизии. Однако командовать ею Н.Н. Муравьеву пришлось совсем недолго...

ЭКСПЕДИЦИЯ НА БЕРЕГА БОСФОРА

Уже вскоре после победного окончания русско-турецкой войны 1828—1829 годов Император Николай I, видя все возрастающую враждебность Англии по отношению к России, изменил отношение к побежденной Оттоманской Порте. На глазах изумленной Европы Российская империя вдруг превратилась в защитника территориальной целостности соседней империи турок-османов. Правда, на самое короткое время.

Причина такого исторического поведения российского самодержца оказалась таковой. Египетский паша Мехмед-Али, недавний вассал турецкого султана Махмуда II, объявил войну Стамбулу. Он двинул против Турции огромную египетскую армию, которой командовал его сын-наследник Ибрагим.

Султанские войска, посланные ему навстречу, потерпели ряд сильных поражений.

Тогда всерьез перепуганный владыка Блистательной Порты обратился за помощью к тем европейским державам, которые еще совсем недавно помогали Турции в ее войне против России. Однако Австрия, Франция и Британия под разными предлогами отказали турецкому султану в помощи. Более того, Париж и Лондон откровенно стали зариться на многие владения Махмуда II, надеясь прибрать их в собственные руки. Тем временем египетская армия «мятежника» Мехмед-Али продвигалась все дальше на север.

Император Николай I и его дипломаты заинтересованно наблюдали за ходом событий на Ближнем Востоке. Когда притязания Франции и Англии на турецкие владения лишились всякой ширмы, самодержец России усмотрел в этом прямую угрозу южным границам своей империи. Тогда он резко изменил внешнеполитический курс и пришел на выручку недавно побежденной им Оттоманской Порте.

Николай I предложил турецкому султану защиту от «мятежной» египетской армии и многочисленного военного флота Мехмед-Али. Правитель Блистательной Порты видит в сделанном предложении единственную возможность защитить от египтян Стамбул и собственный престол. Он с благодарностью принимает послание Российского Императора.

Николай I посылает на берега Босфора и одновременно в Египет, в портовый город Александрию, своего полномочного посланника в лице генерал-лейтенанта Николая Николаевича Муравьева. Человека с несомненными задатками восточного дипломата, свободно говорившего по-турецки и очень хорошо известного в Оттоманской империи своими победами на Кавказе. Для такой роли лучшего посланца в Санкт-Петербурге было просто невозможно отыскать.

Генерал-лейтенанту Муравьеву в столь ответственной дипломатической миссии Императором давались большие полномочия. Ему предстояло сыграть роль заинтересованного посредника между египетским правителем Мехмед-Али и турецким султаном Махмудом II, которому грозила участь оказаться побежденным собственным африканским вассалом.

Черноморский фрегат «Штандарт» скоро доставил николаевского посланника в османскую столицу. Уже вечером 9 декабря 1832 года состоялась продолжительная встреча Муравьева с послом России в Константинополе Бутеневым. Тот ввел Николая Николаевича в курс быстро разворачивающихся событий, рассказал об интригах французских и британских дипломатов.

Спустя два дня русского генерала принял султан. Махмуду II от имени Императора Николая I обещалась значительная помощь военным флотом и армией в действиях против мятежного египетского паши. Такое внешнеполитическое поведение российского самодержца объяснялось совершенно просто. Он не терпел любых мятежников, бунтовщиков и революционеров ни в Европе, ни в Азии.

После переговоров в Константинополе фрегат «Штандарт» 23 декабря отплыл в Египет. Русскому кораблю салютовали залпами турецкие береговые батареи. В Александрию российский посланник прибыл в первый день нового года. Мехмед-Али-паша принял генерал-лейтенанта Муравьева в своей резиденции уже на следующий день.

Российская дипломатическая миссия на Ближнем Востоке по своим результатам превзошла все ожидания. После недолгих переговоров египетский паша отдал окрыленному крупными победами сыну Ибрагиму письменный приказ прекратить наступательные действия. Армия Египта остановилась в Малой Азии на полпути к Стамбулу.

Вернувшегося в Константинополь русского генерала-спасителя ободренный происходящим султан Махмуд II наотрез отказался отпускать от себя. Официальный Санкт-Петербург на такое желание правителя Блистательной Порты откликнулся следующим образом. Высочайшим указом Муравьев назначается начальником экспедиционного корпуса, который Россия направляла на помощь Турции в ее «внутренней» войне против возмутившегося Египта.

Первым отправился в поход к берегам Босфора Черноморский флот. Оперативная эскадра в составе четырех линейных кораблей, трех фрегатов, корвета и брига в первый день февраля покинула Севастополь. Эскадрой командовал вице-адмирал М.П. Лазарев, один из самых прославленных флотоводцев России.

Через неделю севастопольские корабли встали на якорь в константинопольском заливе Буюк-Дере, прямо против посольств Великобритании и Франции. Послы этих держав, пораженные

таким «нахальством» русских, бросились на прием к султану с коллективным требованием убрать черноморскую эскадру из столицы Турции. Махмуд II не знал, что ответить. Однако Лазарев, Бутенев и Муравьев твердо сказали: «Нет!» На этом и закончился демарш дипломатов Лондона и Парижа.

Вскоре в Константинополь пришла вторая русская эскадра под командованием контр-адмирала Кумани, а затем подошла третья — под флагом контр-адмирала Стожевского. Они доставили на берега Босфора экспедиционный корпус России почти в 10 тысяч армейских войск. Командование над ними на турецкой земле принял генерал-лейтенант Николай Николаевич Муравьев.

Султан Махмуд II, посетивший русский военный лагерь, смог сам убедиться в весомости помощи российского монарха. После этого он впервые за последние месяцы вздохнул спокойно: теперь его столицу Стамбул было кому защищать от египетской армии.

Кровопролитный внутренний конфликт в Оттоманской империи в конце концов уладили. Русским солдатам не пришлось проливать кровь за престол турецкого султана...

Ближневосточная командировка по воле Императора Николая I дала «пишущему» Николаю Николаевичу Муравьеву обширный и интереснейший материал для создания новых исторических трудов. Ими стали книги «Русские на Босфоре в 1833 году» и «Турция и Египет в 1832 и 1833 годах». Правда, они увидели свет и признание читателей только после смерти автора, в 1874 году. Эти работы были изданы в четырех частях.

По возвращении из Босфорской военной экспедиции Н.Н. Муравьев был Высочайше пожалован в генерал-адъютанты к Его Императорскому Величеству. Это было признанием его дипломатических заслуг при «замирении» египетского Мехмед-Али-паши, возмутителя спокойствия в Оттоманской Порте.

НОВАЯ ЦАРСКАЯ ОПАЛА. НЕ У ДЕЛ. ВОЗВРАЩЕНИЕ В АРМИЮ

После пребывания на берегах Босфора следуют новые назначения по службе. Сперва Муравьев назначается начальником Главного штаба 1-й армии. Затем в следующем 1834 году — командиром 5-го пехотного корпуса. В этой должности он проводит поучительные маневры, на которых присутствовали Государь и

высший командный состав русской армии. Проводилась отработка нового в тактике ведения наступательных и оборонительных действий.

К тому времени относится вышедший из-под пера Муравьева документ большой практической и исторической ценности — докладная записка Императору «О причинах побегов и средствах к исправлению недостатков армии». Николай I весьма внимательно изучил ее содержание, сделав на страницах множество собственноручных пометок и предложений. Новоиспеченный генерал-адъютант в докладной записке поднимал самые больные вопросы в жизни русской армии.

Думается, что согласись самодержец с высказанными суждениями и предложениями Николая Николаевича, то вооруженные силы Российского государства смогли бы вступить в Крымскую войну более подготовленными и боеспособными. Однако этого не последовало.

Представленная на рассмотрение Государю докладная записка только повредила ее автору. Самодержец усмотрел в ней некое бунтарство со стороны командира пехотного корпуса. Если после экспедиции на берега Босфора Муравьев пользовался исключительным вниманием и расположением Государя, то теперь наступило резкое охлаждение в их взаимоотношениях. Начались беспричинные придирки, открытое недовольство генералом во многих его действиях.

Такое положение дел не могло продолжаться долго. Постоянное императорское неудовольствие побудило Николая Николаевича в 1837 году подать прошение об отставке.

Отставка без привычно долгой волокиты была ему дана. Но такое скоропалительное решение монарха удивило многих и в столице, и в рядах русской армии.

Так для кавказского полководца последовала вторая царская опала. На сей раз она была более продолжительной и тянулась вплоть до 1848 года. В российском Военном ведомстве второго генерал-фельдмаршала Дибича-Забалканского, который заступился бы за Муравьева, не оказалось.

Муравьев уезжает из опостылевшей столицы в село Скорняково (собственность покойной жены) на берега тихого Дона, расположенного поблизости от уездного городка Задонска. Отставной и опальный генерал-адъютант занялся хозяйством и семейными заботами. Но, если судить по его дневниковым записям, он слов-

но чувствовал, что судьба рано или поздно вновь призовет его в армейские ряды и на Кавказ. В том Муравьев не ошибся...

В середине XIX столетия вокруг России начали сгущаться тучи. Наследник султана Махмуда II, внезапно скончавшегося по неизвестной причине (есть версия, что его отравил собственный сын), воинственный Абдул-Меджид сумел-таки защититься от египтян Ункиар-Искелесским договором, который обеспечивал «коллективную защиту Турции». Этот договор свел на нет все дипломатические усилия Н.Н. Муравьева семилетней давности.

Вскоре лондонская конвенция по воле недоброжелателей России в лице Лондона и Парижа ограничила права черноморских государств. Русский Черноморский флот оказался запертым за проливами. Турция все больше попадала в зависимость от британской короны.

На Северном Кавказе — в Чечне и Горном Дагестане — имам Шамиль, создавший собственное теократическое государство и многочисленную армию мюридов, развернул «священную войну» против «неверных». Он жестоко расправлялся со всеми, кто входил в сношения с российскими властями или не подчинялся ему. Царские войска в борьбе с Шамилем в начале 40-х годов потерпели ряд серьезных неудач.

Отставной полководец Алексей Петрович Ермолов, внимательно следивший из Москвы за кавказскими делами, прочил в наместники на Кавказе вместо бездарного генерала Нейгардта только опального генерал-адъютанта Муравьева. В письмах, датированных 1844 годом, он уверял Николая Николаевича в том, что более подходящей кандидатуры Император просто не сыщет:

«...Так ведь твои неоспоримые достоинства не только нам, но и высоким особам ведомы. Ты же кроме дарований своих над всеми этими Герштейцвейгами и Нейгардтами еще великое преимущество имеешь: железную волю и непреоборимое терпенье, против которого ничто устоять не может. Я знаю, что ты в походе ведешь жизнь солдатскую, а с сухарем в руке и луковицею, коими ты довольствуешься, наделаешь таких чудес, какие им и не снятся. Никто из них самоотвержением, подобным твоему, не обладает».

Однако прямодушный Ермолов ошибался. Император Николай I, понимавший, что Кавказское наместничество ждет человека нового, по крайней мере более решительного и по-восточному дипломатичного, не остановил свой монарший выбор на

опальном Муравьеве. Хотя, вне всяких сомнений, кандидатура Николая Николаевича называлась в столичных кругах едва ли не самой первой.

Новым главнокомандующим кавказскими войсками и царским наместником стал граф М.С. Воронцов, много потрудившийся на посту новороссийского генерал-губернатора. Однако, будучи человеком уже преклонного возраста, он никак не годился для руководства военными действиями в горном крае. Посему он из Тифлиса и выезжал впоследствии крайне редко.

Если судить по дневниковым записям, Муравьев воспринял такое назначение на Кавказское наместничество довольно спокойно. Он продолжал усиленно приводить в порядок свои записи о поездках на фрегате «Штандарт» в Турцию и Египет. Ко всему прочему, говоря уже на десяти восточных и европейских языках, он продолжил их изучение, взявшись за штудирование латинского и еврейского.

Опала закончилась для него в самом конце 1848 года. Отставной генерал-адъютант получает из Санкт-Петербурга известие, что «Государю благоугодно, чтобы он находился в его распоряжении». Монаршее пожелание было равносильно Высочайшему указу.

Такое приглашение вновь встать в армейский строй можно расценить только как моральную победу Николая Николаевича.

В январе 1849 года Муравьев прибыл в столицу. В военном министерстве он узнал о том, что вновь зачислен на действительную армейскую службу в чине генерал-лейтенанта. Николай Николаевич был назначен главным начальником запасных батальонов 3-го, 4-го и 5-го пехотных корпусов. В них рекруты проходили начальную военную подготовку, прежде чем попасть в строевые полки.

Затем следует назначение состоять при Военном министерстве. А вскоре — членом Военного совета. Можно думать, что Император Николай I, достаточно мудрый монарх, исподволь знакомил Муравьева с истинным положением дел в русской армии перед высоким назначением на Кавказ.

Назначения следуют одно за другим. 30 декабря 1849 года Николай Николаевич назначается командиром Гренадерского корпуса. То было уже проявление Высочайшего доверия — гренадеры наравне с лейб-гвардией считались наиболее подготовленной к войне частью армии России. Не случайно сын-наследник Императора Великий Князь Александр Николаевич шефствовал над гренадерами.

Согласно тем же записям, в тот год Муравьев избегал острых публичных суждений, все больше вникая в происходящие события. Генерал словно чувствовал грозное для России приближение Крымской войны, не зная еще своего места в грядущих событиях. Но, во всяком случае, он понимал, что его опыт и полководческий талант еще сослужат хорошую службу Отечеству. Дважды георгиевский кавалер искренне надеялся на такое.

Во главе Гренадерского корпуса ему пришлось совершить поход к западным границам Российской империи. Генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич-Эриванский, светлейший князь Варшавский, наместник Царства Польского, которому в третий раз подчинили Муравьева, начал усмирение Венгрии, восставшей против австрийского владычества.

К границам Венгрии стягивались лучшие силы русской армии. Однако гренадерским полкам вместе с корпусным командиром не довелось повоевать в тот год. Революционная венгерская армия под командованием Гергея почти без сопротивления сложила перед русскими оружие и знамена...

Современники, хорошо знавшие отношение Императора Николая I к опальному, и не раз, Муравьеву, отмечают, что в 1853 году расположение Государя вернулось к нему в полной мере. Здесь тот и другой проявили известную долю такта, чтобы «помириться» во имя государственных интересов России.

В том же году Николай Николаевич Муравьев становится полным генералом — генералом от инфантерии. А в следующем, 1854-м, он снова Высочайше жалуется в генерал-адъютанты.

Однако на боевом поприще ему все же не находилось места. Восточная война, отгремев на берегах Дуная, перекинулась через Евпаторийский порт под Севастополь и стала называться теперь Крымской. Больших удач на сухопутном поле брани у русских войск пока не случалось.

Не менее тревожной, чем в Крыму, складывалась обстановка на Кавказе. Союзники сильным десантом занимают порт Анапа. Для вторжения в Грузию изготовляется экспедиционная армия под командованием Омер-паши. Господство на Черном море корабельных эскадр Британии и Франции позволяло десантировать их войска на морское побережье в Абхазии.

Турецкий султан «дарит» имаму Шамилю титул генералиссимуса черкесских и грузинских войск. Однако у предводителя горцев Чечни и Горного Дагестана такое громкое воинское звание

особого восторга не вызывает. Шамиль был согласен принять от турок только военную помощь, но не ходить у них в подчинении.

Все это было так в истории Кавказской войны. Но летом 1854 года многочисленные отряды мюридов имама Шамиля, прорвав линию заградительных постов, совершают большой набег на Алазанскую долину Грузии. И с богатой военной добычей и пленниками горцы уходят обратно за Большой Кавказский хребет, в пределы имамата.

Совсем состарившийся царский наместник граф Воронцов не мог взять под контроль обстановку ни на русско-турецкой границе, ни на Кавказской укрепленной линии. Он только просил у Санкт-Петербурга новых полков, которые так требовались в Крыму, и даже планировал отвод русских войск из нагорного Дагестана.

ВО ГЛАВЕ КАВКАЗСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА

Николай I видел, что наместника в Тифлисе надо менять. И чем быстрее, тем лучше. Полковнику Генерального штаба А.Е. Попову, человеку со способностями аналитика, поручается подготовить характеристики генералов, способных, по его мнению, управлять действующими войсками в Крыму и на Кавказе. Свои соображения он должен был представить на рассмотрение лично Государю.

Думается, что всероссийский Император не обманулся в представленном ему списке военачальников, с их характеристиками. Генштабист Попов со всей прямотой и ответственностью за порученное дело письменно докладывал монарху:

«Из всех генералов, известных мне лично или по репутации их, по глубокому моему убеждению, один только соответствует потребностям нашим — это Николай Николаевич Муравьев...

Если он остановится на каком-либо решении, то ни окружающие его, ни неприятель своими демонстрациями не в силах даже малейше уклонить его от предпринятых им действий, и он умеет подчинять действия других своей воле...»

В середине ноября 1854 года генерала от инфантерии Н.Н. Муравьева вызывают к новому военному министру князю В.А. Долгорукову, сменившему на этом посту князя Чернышева.

Генерал от кавалерии Василий Андреевич Долгоруков у приглашенного на официальную беседу старого кавказца Муравьева поинтересовался только одним:

— Кавказский наместник граф Воронцов уходит по болезни в отставку. Государю угодно знать, сможете ли вы, Николай Николаевич, по состоянию вашего здоровья принять на себя обязанности главнокомандующего в Тифлисе?

Генерал от инфантерии Муравьев, давние надежды которого не обманулись, ответил как можно более сдержаннее:

— Передайте Государю, что я готов послужить Отечеству там, где будет на то его воля.

Этот разговор в несколько минут стал и предложением принять новую должность, и согласием на нее. Итак, Кавказ снова входил в биографию старого воина, чтобы пополнить ее новыми страницами.

После доклада военного министра Николай I почти сразу принял нового наместника и сделал официальную встречу нарочито непринужденной. Хотя положение дел в Крыму, да и на Кавказе не давало причин для того. И не случайно та встреча с Императором дала Муравьеву повод сделать в дневнике следующую запись:

«Могло ли быть у царя на сердце веселье, когда срам положения его со дня на день увеличивался, когда союзники ежедневно усиливались в Крыму, а наши войска безотчетно исчезали под Севастополем, конечно, от неблагоустройства своего, в котором Государю трудно было сознаться. Скоро исчезло и на лице и в речах его это притворное веселье, которое он мне показывал.

— Итак, ты будешь наместником моим на Кавказе, — после нескольких обычных фраз сказал Император. — Мне оттуда пишут, что опасаются вторжения турок, просят войск, да где же я их возьму, я их все послал в Крым, и там их еще недостает...

А на Кавказе, кажется, войск достаточно, надобно изворотиться местными средствами при ожидаемом вторжении неприятеля с сухой границы и с моря, надобно обеспечить Кавказ от нападения Шамиля, словом, удержать край...

Тебе поручается это дело, полагаюсь на тебя, прошу о том...»

Свое согласие стать царским наместником на Кавказе и главнокомандующим расквартированными там русскими войсками Н.Н. Муравьев объяснил следующими словами:

«Когда Государь так убедительно просил меня помочь ему, устраняя лицо свое и призывая единственно любовь мою к Отечеству, я признал в обороте речей его тяжкое для него сознание в несправедливости ко мне и оскорблениях, прежде им нанесенных».

Еще с месяц Муравьев оставался в Санкт-Петербурге, улаживая различные кавказские дела, знакомясь прежде всего со «списочным» состоянием Отдельного корпуса. Картина вырисовывалась довольно безрадостная. Войска численностью более 200 тысяч человек были разбросаны на огромной территории Закавказья и Северного Кавказа, по Черноморскому побережью. Казаки и нижние армейские чины отвыкли от походов и больших тревог, жили оседло — чтобы прокормить себя, им приходилось хозяйствовать на земле.

Кавказская укрепленная линия требовала в то время только бдительной дозорной службы, поскольку большинство горского населения враждебности не выказывало. В годы Крымской войны имаму Шамилю много забот доставляли те области в горах, на которые он стремился распространить собственную власть. До нападений на укрепления Кавказской линии у него «не доходили руки».

Больше всего беспокоило нового главнокомандующего то, что кавказские войска, прежде всего пехота, потеряли былую подвижность, навыки совершать стремительные для врага маршброски по горным дорогам. Если при Ермолове стрелковый батальон, взяв в дорогу только запас патронов и сухарей, делал в сутки переход в 30 верст, то теперь с трудом осиливал чуть более десяти.

Перед отъездом Император еще раз принял Николая Николаевича. Тот доложил Николаю I о своих планах на ведение войны с Турцией. Что же касается борьбы с Шамилем, то Муравьев прямо сказал, что дела на Северном Кавказе надо стремиться улаживать миром, умной дипломатией, а только потом использовать силу оружия.

Ситуация в ходе Крымской войны вновь поставила Муравьева, теперь уже генерала от инфантерии, во главе действующих сил Отдельного Кавказского корпуса. Перед самым отъездом в Тифлис, уже находясь в Москве, 4 января 1855 года он сделал, без недавних опасений быть прочитанным, следующую откровенную дневниковую запись:

«Не милостью царской было мне вверено управление Кавказом, а к тому Государь был побужден всеобщим разрушением, там водворившимся от правления предместника моего...»

Войска, стоявшие на Кавказской линии, встретили нового наместника откровенно восторженно. Один из офицеров-линейцев заметит в своих записках, что генерала Муравьева русские солдаты считали обломком славной памяти времен Отечественной войны 1812 года, преемником Кутузова и Суворова. Даже излишняя требовательность Николая Николаевича расценивалась нижними чинами только как справедливая.

Инспекция кавказских войск, проведенная в Грозненской крепости, только озаботила наместника. Начал он командовать Отдельным корпусом с довольно резких по содержанию приказов. По собственному признанию Муравьева, первые его шаги на Кавказе были отмечены «маленькою нетактичностью».

Николай Николаевич даже написал в Москву Ермолову, с которым не терял дружественных и заинтересованных связей, письмо, в котором откровенно и резко высказался о порядках, воцарившихся при Воронцове в среде кавказского воинства. Он назвал их «ленью, усыплением и роскошью». Думается, что здесь наш генерал от инфантерии, обманувшийся на месте в каких-то частных надеждах, все же хватил, что говорится, через край.

Случилось так, что содержание письма получило огласку в войсках. Поскольку такая оценка жизни кавказцев звучала оскорбительной для тех, кто десятилетиями воевал и на Северном Кавказе, и в закавказском приграничье, среди части офицеров корпуса началось «раздражение» против нового тифлисского правителя.

Один из офицеров, князь Д.И. Святополк-Мирский, дал в ответ на такую оценку состояния кавказских войск со стороны Муравьева резкую отповедь. Она давалась в форме письма, которое в списках быстро разошлось среди армейцев. Попало оно и на стол главнокомандующего.

Тот при всей резкости и сарказме ответа признал его вполне справедливым. Осознав собственную нетактичность (черта человека, заслуживающая только уважения), Муравьев быстро загладил ее приказом по войскам.

Настраивая воинов на скорые боевые невзгоды, он в самых ярких чертах отметил ратные качества кавказцев. И заявил, что

благоволит перед правилами генерала Петра Степановича Котляревского, одержавшего немало громких побед, и что он найдет среди бойцов Отдельного корпуса немало людей тому подобных.

НАЛАЖИВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ С ИМАМОМ ШАМИЛЕМ

Николай Николаевич, обретя полноту власти на Кавказе, стал налаживать мирные отношения с воинственным Шамилем. От поведения того во многом зависели события на Кавказском театре Крымской войны. Нападения горцев на Грузию могли отвлечь на себя большие силы русских войск. Муравьев решил воспользоваться тем, что между имамом и Стамбулом неожиданно охладились отношения.

Это было вызвано в немалой степени тем, что могущественный посол Англии в Блистательной Порте лорд Стрэтфорд де Редклифф убедил султана направить Шамилю строгое письмо с выговором за «ведение войны против женщин и детей и с приказом немедленно освободить их». Речь шла о набеге мюридов на Алазанскую долину, когда среди пленников оказались жена князя Чавчавадзе с сестрой, княгиней Орбелиани, их дети и гувернантки-француженки. Известие о таком событии прокатилось по Европе и вызвало в официальном Лондоне негативную оценку.

Впоследствии имам Шамиль изложил свою версию тех событий, когда осложнились его отношения с Османской Портой и, естественно, с ее союзниками в войне против России. В самом начале Крымской войны он получил предложение приготовиться к встрече союзных войск в Имеретии. Известив о своем согласии, Шамиль сразу же приступил к реализации своего плана... Весной 1854 года он выступил в район Чарталаха... Его намерением было идти на Тифлис, но чтобы действовать наверняка, он направил османскому командованию в Карс и в Абхазию сообщение о своем намерении. В ожидании их ответа он послал своего сына с отрядом конников и пехоты в Кахетию, а сам с основными силами стал лагерем вблизи одного из русских редутов... Скоро пришел ответ, содержание которого показалось ему просто оскорбительным. Вместо благодарности за его готовность действовать в соответствии с планами союзников и за быстроту, с какой он исполнил свое обещание, его стали упрекать и отчитывать, как последнего подданного.

Чтобы наладить мирные отношения с Шамилем, кавказский наместник своим приказом возвращает ему любимого сына Джемал ал-Дина (Джемалэтдина), некогда отданного отцом в аманаты — заложники. Сын имама к тому времени уже вырос и служил в русской армии поручиком Владимирского уланского полка.

Начались переговоры с Шамилем, которые велись под покровом секретности. Начал их ведение командующий на Кумыкской равнине Л.П. Николаи. Русская сторона сделала «немирным» горцам большие послабления в торговых делах. Оказалось, что имам идет на установление связей с царским командованием «на выгодных для себя условиях» намного охотнее, чем можно было ожидать. В конце 1855 года стороны договорились организовать нормальный товарооборот имамата с Хасавюртом. Так Муравьевым был сделан первый шаг в длительном процессе мирного покорения Чечни и Горного Дагестана.

Переговоры русских с Шамилем стали известны в Стамбуле, и это вызвало там большую тревогу. Имам на какое-то время даже прекратил военные действия. Тем самым рушился план соединения отрядов горцев с турецкой армией, изготовившейся для вторжения в Грузию и «дальше».

Появление генерала от инфантерии Муравьева на Кавказе для высшего командования султанской армии означало только одно. Русские войска отказываются от стратегии обороны на государственной границе и переходят в наступление, причем на территорию самой Оттоманской Порты. В ситуации, когда началась блокада героически сражавшегося Севастополя, это стало для союзников весьма неприятным сюрпризом.

Муравьев, прибыв в Тифлис, стал действовать с присущей ему энергией. Он сосредотачивает в Закавказье максимум действующих сил Отдельного корпуса. Таких набиралось всего около 40 тысяч человек. Больше половины из них при 76 орудиях под начальством генерала Бриммера расположилось у Александрополя, прикрывая собой баязетское направление.

Остальные войска главнокомандующий расположил на флангах русско-турецкой границы. Отряд правого (западного) крыла под командованием генерал-лейтенанта Ковалевского встал у Ахалцыхской крепости — десять тысяч человек при 16 орудиях. Отряд левого крыла генерал-майора Суслова в пять тысяч человек при трех орудиях занял позиции под городом Эриванью. Такая диспозиция позволяла растянуть по пограничному рубежу

силы неприятеля, которому предстояло (с помощью лазутчиков) угадывать направление главного атакующего удара противной стороны.

Не менее серьезную проблему составляла защита Черноморского побережья Кавказа. Сложность здесь виделась в том, что после блестящей Синопской победы русский флот оказался запертым во внутренних гаванях Севастополя. Парусный преимущественно флот не мог соперничать с паровыми эскадрами Британии и Франции. Корабли союзников безнаказанно бороздили воды у берегов России.

Для охраны Грузии со стороны Черного моря был сформирован Гурийский отряд в 11 тысяч человек при 28 орудиях под командованием генерал-майора князя Багратиона-Мухранского. Этот отряд прикрывал от возможных вражеских десантов район побережья севернее Батума до Сухум-Кале (современного города Сухуми).

Часть войск оставалась на Кавказской линии, прикрывала Грузию от набегов джаро-белоканских лезгин, стояла гарнизонами по всему горному краю. Еще в Санкт-Петербурге новому наместнику устами Императора было сказано, что новых войск Отдельный корпус получить не сможет, поскольку обученные резервы предназначались прежде всего для Крыма.

Но это не беспокоило генерала от инфантерии Муравьева, как его предшественника. Благодаря его мудрой наместнической политике Шамиль и горцы не прельстились на воззвания турецкого султана и его европейских союзников. Русские войска в Закавказье удара в спину не получили.

В своих дневниковых записках Николай Николаевич объясняет сложившуюся в годы Крымской войны ситуацию на «немирном» Северном Кавказе следующим образом:

«Союзники не достигли сближения, коего домогались в сношениях с народом Кавказа. Турки употребили всевозможные усилия, чтобы склонить закубанских горцев к совокупным наступательным действиям против России, определяя каждому горцу по десяти рублей жалованья в месяц: но закубанцы решительно отказались следовать за ними и показали явное отвращение к туркам и англо-французам...

При большей опытности и лучшем знании народов, с коими союзники вступили в сношения, они должны были бы рассудить, что горцам, воюющим с нами за независимость, равно противно

было всякое иго и что введение порядков, которые они могли ожидать от наших врагов, столько же было для них тягостно, как и наше владычество. Если при этом принять во внимание силу привычки, составляющую вторую природу нашу, то будет понятно, почему горцы не решились избрать для себя новых врагов, каковыми были бы турки и англо-французы, людей с неизвестными обычаями, новыми распорядками и с незнакомым языком и нравами...

Надобно полагать, что бездействию Шамиля способствовало отчасти и присутствие возвращенного ему сына, покорного отцу, но не забывшего прежнего быта своего среди нас».

Такое письменное признание Николая Николаевича говорило прежде всего о том, насколько он владел обстановкой на Кавказе в дни, когда им готовилось наступление в пределы неприятельской Турции. Не случайно почти всю свою сознательную жизнь Муравьев «жил» горным краем. Думается, что возьми он в руки царское наместничество многими годами раньше, то даже сама Кавказская война против горцев Шамиля могла сложиться совсем иначе.

Впервые генерал Муравьев мог и как полководец, и как дипломат творить планы сам, без оглядки на Императора, военного министра или на Главный штаб. Восточная война и неудачи в ней подтолкнули Николая I к тому, чтобы развязать руки Муравьеву. Последний совершенно твердо знал одно — от него в Отечестве ждали больших побед в Азиатской Турции. И, что самое главное, — скорых, которые могли бы помочь сражавшимся на севастопольских бастионах. Николай Николаевич даже в мыслях, изложенных в «Записках», не тешил себя надеждами на царские милости после окончания войны, пусть даже победного. Но он четко осознал собственную роль в идущих событиях, в которых сама история отводила ему роль победителя.

Судьба выбрала крепость Карс главным мерилом полководческого таланта и дарования действующих здесь людей. И потому на военном совете, испытующе оглядев лица собравшихся соратников, уже состарившийся в войнах генерал, не всегда обласкивавшийся царскими милостями, уверенно произнес:

— Господа генералы и офицеры. Мы наступаем на Карс. Хочу заметить, что английские газеты считают крепость совершенно недосягаемой для русских. Нам следует поправить в том британцев...

И русский Отдельный Кавказский корпус малым числом пошел на вражескую твердыню на берегах реки Карс-чай. В авангарде в глубокой задумчивости ехал сам главнокомандующий генерал от инфантерии Николай Николаевич Муравьев. Дорогу к турецкой крепости он помнил хорошо.

О чем думалось ему, взирая на пылящие по каменистой дороге пехотные батальоны, казачьи сотни и драгунские эскадроны, батареи и караваны обозных повозок? О том, что он шел добывать именитого приращения к собственной фамилии старинного дворянского рода Муравьевых — Карский? Вряд ли.

Думалось ему, вернее всего, об ином.

Кавказский полководец Муравьев всю жизнь оставался для России солдатом в генеральских эполетах. Человеком, преисполненным ратного долга перед Отечеством.

Другим он просто не был. И не мог быть.

САРЫКАМЫШ. ЭРЗЕРУМ. ПЕТРОГРАД

Генерал от инфантерии Николай Николаевич ЮДЕНИЧ

Голгофой Российской империи стала Первая мировая война, или, как ее называли в то время, Великая Отечественная. Развал русской армии повлек за собой гибель старой России.

Однако Первая мировая война, в летописи которой Россия не значилась в числе стран-победительниц, дала русскому оружию немало славных побед, успешно проведенных наступательных и оборонительных операций, подвигов и героев. Многие из них состоялись на Кавказском фронте и были связаны с именем такого большого полководца, как генерал от инфантерии Николай Николаевич Юденич. Имя его из забытья вновь возвращается в отечественную историю.

Вступление в большую войну всегда было значимой вехой в биографии любого военного деятеля. Для генерал-лейтенанта Николая Николаевича Юденича оно началось с семейного приема, устроенного в его честь по случаю его дня рождения (ему исполнялось пятьдесят два года). Собралась семья, родственники, пришли многочисленные армейские сослуживцы. Торжество намечалось обычным для семей высокопоставленных лиц Русской Императорской армии.

Собрались действительно близкие люди, многих собравшихся генерал Юденич знал не один десяток лет. С одними учился в военном училище, с другими — в Императорской академии Генерального штаба. Другие были его сослуживцами по Средней Азии и Поволжью, Дальнему Востоку и Кавказу, Польше и Литве, Санкт-Петербургу и Казани. Уже одно такое перечисление мест военной службы свидетельствовало о том, что именинник не относился к числу лиц высшего военного состава, приближенного к царскому двору.

Столь обширная география мест его армейской службы была, с другой стороны, вполне объяснима — боевой заслуженный генерал, кавалер восьми российских орденов, почти тридцать шесть лет верой и правдой прослужил он в русской армии.

ЮНОСТЬ ПОЛКОВОДЦА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ. ТУРКЕСТАН

Николай Николаевич Юденич происходил из дворян, родословная которых шла из Минской губернии. Родился он 18 июля 1862 года в первопрестольной столице государства Российского — в Москве. Отец был типичным представителем столичного чиновничества Он дослужился до чина коллежского советника и слыл человеком достаточно образованным.

Для Юденича-младшего выбор военной профессии случайностью не стал, поскольку родительский дом располагался совсем рядом с находившимся на Знаменке 3-м Александровским военным училищем. Изначально оно относилось к разряду привилегированных, и из его стен вышло немало известных военачальников русской армии. Юденич, как и многие его однокашники по гимназии, еще с первых классов мечтал надеть привлекательную своей военной строгостью юнкерскую форму.

По окончании Юденичем-младшим гимназического курса обучения Юденич-старший предоставил сыну полное право выбирать для себя жизненную стезю. И тот, закончив с «успехами» московскую городскую гимназию, поступает в 3-е Александровское военное училище.

Одно из старейших военно-учебных заведений России готовило офицеров для царицы полей — пехоты, или, как ее еще тогда называли на иностранный лад, инфантерии. В курс обучения входили не только специальные военные дисциплины, но и общеобразовательные — отечественная история, география, обучение этикету, танцам и многое другое. Юнкерские годы кавказский полководец Первой мировой войны всегда вспоминал с большой теплотой. Училище сдружило его на всю дальнейшую жизнь со многими однокурсниками.

Учеба юнкеру Николаю Юденичу давалась легко, и в результате молодой дворянин оказался в числе самых успевающих юнкеров своего выпуска. Традиционно это давало ему почетное

право выбора не только места службы, рода войск, но даже и воинской части. Девятнадцатилетний подпоручик выбирает назначение в лейб-гвардии Литовский полк, прошедший со славой не только Отечественную войну 1812 года, но и русско-турецкую войну 1877—1878 годов, блеснув воинской доблестью на болгарской земле.

Подпоручик Николай Юденич был зачислен в состав гвардейского полка «со старшинством в чине с 1881 года», то есть с года окончания военного училища. Прохождение службы в одном из старейших и лучших полков русской армии послужило хорошей школой на будущее — офицерский коллектив офицеров-литовцев, как и других гвардейских полков, имел добрые традиции.

Однако на службе в Императорской гвардии молодой пехотный офицер не задержался. Вскоре он получил новое назначение с повышением в чине и должности в армейскую пехоту. Началась тяжелая из-за климатических условий и отдаленности от центральных российских губерний служба в Туркестанском военном округе. Этот военный округ к числу престижных никак не относился, хотя для офицерской карьеры давал многое.

Туркестанский округ во многом отличался по своей структуре от прочих военных округов старой России. Служба в нем для гвардейского обер-офицера проходила не в полку, а в отдельных батальонах — 1-м Туркестанском стрелковом и 2-м Ходжентском резервном. Командование ротами дало Николаю Юденичу прекрасную командирскую закалку и вполне заслуженное право подачи рапорта по команде с просьбой разрешить ему поступать в военную академию.

Молодой пехотный офицер вскоре воспользовался таким правом и получил направление для сдачи вступительных экзаменов в Николаевскую академию Генерального штаба Академия давала высшее военное образование и прекрасные перспективы для дальнейшего прохождения военной службы.

Курс обучения в академии продолжался три года и, конечно, давал солидные знания в области военных наук. Об уровне обучения в Николаевской академии Генерального штаба говорит, например, такой факт, что при получении хотя бы одной неудовлетворительной оценки слушатель незамедлительно отчислялся из списков и отправлялся к прежнему месту службы.

Поручик Н.Н. Юденич закончил академический курс обучения более чем успешно — по первому разряду и был причислен

к Генеральному штабу, получив очередное воинское звание — капитана. Он назначается старшим адъютантом штаба 14-го армейского корпуса Варшавского военного округа. Здесь бывший гвардейский офицер получил хороший опыт штабной работы по организации армейского управления.

Следующие пятнадцать долгих лет Николай Николаевич Юденич проходит службу в штабе хорошо знакомого ему Туркестанского военного округа. Он быстро продвигается по служебной лестнице — в 1892 году получает звание подполковника, а еще через четыре года становится полковником. В Туркестане он последовательно назначался на должности командира пехотного батальона и начальника штаба Туркестанской стрелковой бригады.

Один из его сослуживцев, генерал-лейтенант Д.В. Филатьев, хорошо знавший его, так пишет в своих мемуарах о чертах характера тридцатилетнего Н.Н. Юденича:

«Прямота и даже резкость суждений, определенность решений и твердость в отстаивании своего мнения и полное отсутствие склонности к каким-либо компромиссам».

В старой России для руководства Военного ведомства примерная служба офицеров редко оставалась незамеченной. И судьба была благосклонна к полковнику Н.Н. Юденичу. Он получает назначение в приграничный Виленский военный округ и становится командиром 18-го стрелкового полка, то есть следом за должностями командира роты и батальона он осваивает и обязанности командира пехотного полка.

Послужной список полкового командира свидетельствует, что командование такой боевой единицей русской армии для Юденича проходило достаточно успешно, но и не без трудностей.

На проходивших окружных учениях его стрелки демонстрировали хорошую выучку, а роты имели устроенный быт.

НА ПОЛЯХ МАНЬЧЖУРИИ

Боевое крещение полковник Н.Н. Юденич получил на Дальнем Востоке. С началом Русско-японской войны 1904—1905 годов его 18-й стрелковый полк вошел в состав 5-й стрелковой бригады 6-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. Путь на поля Маньчжурии лежал долгий и трудный — почти через всю Россию, сперва по Транссибирской железнодорожной магистрали, перегруженной воинскими эшелонами, а затем и своим пешим ходом.

Жизнь полковника Юденича к тому времени изменилась. Он стал степенным человеком, который смотрит на нас с почти всех его сохранившихся фотографий, нашедшим и свое семейное счастье. Он женился на Александре Николаевне, урожденной Жемчуговой. Брак армейского офицера оказался крепким, и супругов в совместной жизни отличали взаимопонимание и любовь.

По прибытии в Маньчжурию стрелковый полк Юденича без пребывания в армейском резерве довольно скоро оказался в самом пекле боевых действий. Русская Маньчжурская армия, не проигрывая японцам сражений, раз за разом все дальше отступала от осажденного Порт-Артура. Недальновидность командования стала уже притчей во языцех. Главнокомандующий генерал Куропаткин отводил войска на север порой только из одного видимого желания отступить еще дальше к российской границе. Восточно-Сибирские полки и дивизии несли при этом неоправданно большие потери в людях.

В послужном списке Н.Н. Юденича действительно «красной» строкой записано участие его во главе полка в Мукденском сражении, которое проходило с 6-го по 25 февраля 1905 года. Это была самая крупная операция Русско-японской войны, в которой довелось участвовать Юденичу, и она дала Николаю Николаевичу первую славу военачальника.

В ходе сражения 18-й стрелковый полк оказался в числе тех правофланговых русских войск, на которые обрушился обходной удар 3-й японской армии, стремившейся выйти в тыл противнику севернее Мукдена и перерезать там железную дорогу и удобный путь отхода в северном направлении.

Ранним утром 19 февраля 5-я и 8-я японские пехотные дивизии 3-й императорской армии, которой командовал генерал Моресуке Ноги, перешла в наступление на участке Мадяпу, Сатхоза, Янсынтунь. Последний населенный пункт обороняли стрелковые бригады 6-й Восточно-Сибирской дивизии. Сибирской она была только по названию, так как предназначалась для Сибири, но формировалась она в европейских губерниях страны.

Бойцы полковника Н.Н. Юденича занимали полевые позиции на окраине большого китайского селения Янсынтунь. Стрелки укрывались в наскоро вырытых неглубоких окопах среди полей чумизы и гарляна. Японская артиллерия обстреливала русские

позиции из своих батарей, близко подтянутых к передовым позициям. По всему чувствовалось скорое вражеское наступление.

Действительно, с восходом солнца японская пехота начала массированные, упорные атаки позиций полка Юденича. Лежа на мерзлой земле, под разрывами вражеской шрапнели стрелки отбили несколько сильных неприятельских атак. Полковой командир демонстрировал «примерное», как тогда писалось в наградных представлениях, личное мужество и бесстрашие. В одной из критических ситуаций боя полковник Юденич лично поднял батальоны своего полка в штыковую контратаку. В тот день он получил два ранения.

Только при получении приказа свыше 18-й стрелковый полк отошел с занимаемой позиции, уступив ее выдохнувшимся в бесплодных атаках японцам. Генералу Ноги, одному из лучших полководцев императорской Японии, в сражении под Мукденом так и не удалось совершить фланговый обхват русской армии. На пути атакующих японских дивизий со всей стойкостью встали полки сибирских стрелков. Многие из них прославили себя и в жарких боях на равнине к востоку от реки Ляохэ.

Известный российский историк-белоэмигрант А.А. Керсновский в своей «Истории русской армии», описывая Мукденское сражение, называет фамилии трех полковых командиров, составивших себе в февральские дни 1905 года блестящую репутацию. Это командир 18-го стрелкового полка — полковник Юденич, 1-го Сибирского — полковник Леш и 24-го Сибирского — полковник Лечицкий. Обращает на себя внимание то, что Николай Николаевич Юденич назван в этом коротком списке первым.

За отличие в проигранном русской армии сражении под городом Мукденом, проявленную стойкость и храбрость личный состав 18-го стрелкового полка Высочайшим указом Императора Николая II Александровича был удостоен особого знака отличия. Надпись на нем гласила: «За Янсынтунь. Февраль 1905 года». Этот почетный знак крепился на головных уборах нижних чинов — рядовых солдат и унтер-офицеров.

Полковой командир за бои под Мукденом на Янсынтуньской позиции удостоился высокой воинской награды, всегда особо чтимой в русской армии. Полковник Николай Николаевич Юденич был награжден Золотым оружием — офицерской саблей с гравированной надписью «За храбрость». С этим наградным оружием он затем пройдет через две войны — Первую мировую и Гражданскую.

В полководческой биографии Юденича Русско-японская война стала подлинной школой воинского искусства. В скором времени полученные им уроки найдут применение в Великой войне, впервые охватившей все континенты земного шара. Николай Николаевич станет в ней одним из ее героев на Кавказском фронте, как станет и одним из военных вождей Белого движения в России, когда некогда могучая держава оказалась испепеленной пламенем Гражданской войны.

Участие в войне с Японией открыло перед Юденичем новые перспективы в военной карьере. В июне 1905 года он назначается командиром 2-й бригады 5-й стрелковой дивизии. Это была уже генеральская должность, и генеральские погоны не заставили себя долго ждать. Юденич быстро производится в генерал-майоры. В далеком от Дальнего Востока Санкт-Петербурге смогли по достоинству оценить заслуги полкового командира, уже девятый год ходившего в чине полковника.

Русско-японская война сделала Юденича орденоносцем. Боевое искусство обладателя Золотого оружия, было отмечено еще и двумя боевыми орденами — Святого Владимира 3-й степени с мечами и Святого Станислава сразу высшей, 1-й степени и тоже с мечами. Такими военными наградами мог гордиться любой офицер русской армии.

Однако участие в Русско-японской войне обернулось для генерал-майора Н.Н. Юденича еще и боевыми ранениями. Особенно тяжелым оказалось последнее из них, и пребывание его в военном госпитале затянулось до 1907 года.

МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ. КАЗАНЬ И ТИФЛИС

За это время в российском Военном министерстве для залечившего боевые ранения генерала подыскали новую должность. После выхода из госпиталя Николая Николаевича ожидало высокое назначение по службе — генерал-квартирмейстером Казанского военного округа.

Можно утверждать, что армейская служба у Юденича складывалась вполне удачно. Боевой генерал, имевший за плечами Императорскую академию Генерального штаба и самое блистательное участие в Русско-японской войне 1904—1905 годов, на строевых командных должностях рос довольно быстро. Свое пятидесятиле-

тие он отмечал уже в должности начальника штаба Казанского военного округа, одного из самых крупных на территории Российской империи.

Однако долго служить в Казани ему не пришлось. Приближалась большая война в Европе, и генеральные штабы государств Антанты и Центрального блока торопливо разрабатывали стратегические планы на предстоящую большую коалиционную войну. Но той европейской войне, по исторической традиции, предстояло разразиться не только на континенте и прилегающих к ней водах. Сильная своей военной мощью в недалеком прошлом султанская Турция никак не могла остаться в стороне. Тем более, что у нее был традиционный противник — ее северный сосед — Россия.

Перед войной происходили большие перестановки в высшем эшелоне армейского командования всех стран. В российском Генеральном штабе, планировавшем военное противостояние турецкой армии в Закавказье, решили усилить руководство Кавказским военным округом. Ему в случае начала войны в Европе предстояло разворачиваться во фронт. В ходе организационно-штатных изменений вакантной оказалась должность начальника окружного штаба.

Военное министерство, Генеральный штаб рассмотрели несколько кандидатур на ее замещение. Предпочтение было отдано генерал-майору Н.Н. Юденичу из тыловой Казани. Получив соответствующее предписание, он прибыл на новое место службы в город Тифлис, где располагался штаб Кавказского военного округа и управление царского наместничества на Кавказе.

Старательный и энергичный Юденич быстро освоился на новом месте, встретив взаимопонимание со стороны своих ближайших помощников по штабной работе. Возглавив окружной штаб в январе 1913 года, он вскоре получил звание генерал-лейтенанта. Один из его сослуживцев по Кавказу генерал Драценко вспоминал:

«Он всегда и все спокойно выслушивал, хотя бы то было противно намеченной им программе... Никогда генерал Юденич не вмешивался в работу подчиненных начальников, никогда не критиковал их приказы, доклады, но скупо бросаемые им слова были обдуманы, полны смысла и являлись программой для тех, кто их слушал».

Самую теплую характеристику Н.Н. Юденичу дает его другой сослуживец генерал Веселозеров. Он писал о нем следующее:

«В самый короткий срок он стал и близким, и понятным для кавказцев. Точно он всегда был с нами. Удивительно простой, в котором отсутствовал яд под названием «генералин», снисходительный, он быстро завоевал сердца. Всегда радушный, он был широко гостеприимен. Его уютная квартира видела многочисленных сотоварищей по службе... Пойти к Юденичам — это не являлось отбыванием номера, а стало искренним удовольствием для всех, сердечно их полюбивших... работая с таким начальником, каждый был уверен, что в случае какой-либо порухи он не выдаст головой подчиненного, защитит, а потом сам расправится как строгий, но справедливый отец-начальник».

Николай Николаевич Юденич принадлежал к числу тех русских военачальников, которые, служа на Кавказе, интересовались не только служебными делами. Он старался хорошо познакомиться с обстановкой в горном крае, населенном многочисленными народами и где квартировались подчиненные ему войска. Кавказский регион всегда отличался сложностью обстановки даже в условиях мирного времени.

Начальнику штаба расположенного там военного округа приходилось заниматься еще и военно-дипломатической деятельностью. Среди прочих служебных обязанностей на генерал-лейтенанта возлагается непосредственное участие в работе военно-дипломатических миссий. В центре внимания Юденича по долгу службы, естественно, находились сопредельные с Россией государства — Турция и Иран (Персия). Приходилось ему заниматься, но в гораздо меньшей степени, и Афганистаном.

Еще в августе 1911 года в Санкт-Петербурге было подписано российско-германское соглашение по иранским делам. Оно частично смягчило возникшее в те годы острое противоречие государственных интересов Германии и России, оттянуло на несколько лет развязывание вооруженного конфликта между сторонами.

В начале следующего, 1912 года появились серьезные разногласия российской дипломатии с официальным Лондоном по поводу все того же Ирана. В предстоящих мировых военных событиях он занимал стратегически важное положение. Причиной этих разногласий стало назначение американца Моргана Шустера главным финансовым советником тегеранского правительства.

По этой веской причине начальнику штаба Кавказского военного округа персидскими делами пришлось заниматься вплотную. Буквально через месяц после своего назначения в Тифлис генерал-

лейтенант Н.Н. Юденич получил секретное распоряжение Генерального штаба подготовить несколько воинских частей для возможного ввода их на иранскую территорию для защиты там государственных интересов России.

Финансист Морган Шустер вел в Тегеране явно антироссийскую политику, прежде всего экономическую. Одновременно он давал возможность укрепиться в этой стране германской агентуре. Но вот после одного из инцидентов, спровоцированных Шустером, в северные провинции Персии вступили русские экспедиционные войска. Правительство Российской империи, угрожая военным походом на иранскую столицу, потребовало отставки Шустера. Шахские власти были вынуждены принять условия ультиматума из Санкт-Петербурга.

В те дни штаб Кавказского военного округа работал с полной нагрузкой, как в условиях военного времени. Помимо тех пехотных батальонов и казачьих полков, которые были введены в северные иранские провинции (преимущественно в Южный Азербайджан), в случае возникновения военного конфликта предстояло направить за государственную границу немало и других войск. Окружной штаб во главе со своим начальником продемонстрировал готовность отмобилизовать полки и бригады в самые кратчайшие сроки.

В ПРЕДДВЕРИИ ВОЙНЫ С ТУРЦИЕЙ

Другой «головной болью» командования русских войск на Кавказе стала Турция. Ее поражение в Первой Балканской войне побудило правительства Германии и Австро-Венгрии приступить к составлению секретных планов раздела не только европейских, но и азиатских территорий Оттоманской империи. Это было уже прямой угрозой национальной безопасности Российского государства.

Тому было достаточно свидетельств. Так, посол Германии в Константинополе (Стамбуле) Г. Вангенгейм во второй половине января 1913 года докладывал в Берлин следующее:

«Малая Азия теперь уже во многих отношениях похожа на Марокканскую империю до Алжесирасской (1856 года. — *А. Ш.*) конференции: быстрее, чем думают, на повестку дня может встать вопрос о ее разделе...

Если мы не хотим при этом разделе остаться с пустыми руками, то мы должны уже теперь прийти к взаимному согласию с заинтересованными державами, а именно с Англией».

Такого же мнения придерживался и германский канцлер Т. Бетман-Гольвег. Однако исторический опыт учил германских дипломатов, что любые «урезания» территории Османской Порты не могли происходить без самого заинтересованного участия Российской империи.

Посему Берлин и союзная ему Вена настойчиво пытались вовлечь Россию в раздел Балкан и Ближнего Востока на сферы влияния. Российское же правительство, напротив, было заинтересовано в целостности малоазиатской части Османского государства. Это обеспечивало большие гарантии безопасности государственных границ России в Закавказье.

Министр иностранных дел России С.Д. Сазонов 23 ноября 1912 года представил Императору Николаю II докладную записку. В ней прямо говорилось: «Скорое распадение Турции не может быть для нас желанным». Сазонов, будучи опытным дипломатом-государственником, предостерегал российского самодержца от опрометчивых шагов и одновременно указывал:

«Весь расчет Вены и Берлина строится на попытке подорвать доверие Балканского союза к России... Австро-Венгрия хочет получить свободу рук на западе Балкан, выдвигая иллюзорную для России приманку в районе проливов... Мы не можем становиться на почву компенсаций, которые невыгодно отразились бы на положении Балканских государств».

Одним словом, позиция России в «турецком» вопросе оставалась в силе: в сложившейся ситуации черноморские проливы и достаточная для их обороны зона на Балканском полуострове должны принадлежать Турции и никакому другому европейскому государству.

Однако такая позиция официального Санкт-Петербурга не разрядила взрывоопасной ситуации на кавказских границах России. В конце 1913 года русско-турецкие отношения заметно осложнились. Вызвано это было тем, что Стамбул переориентировался на военный союз с Германией. Как стало известно Великому Князю Николаю Николаевичу-младшему, дяде здравствующего Императора, от заграничной агентуры, в середине декабря в Турцию прибыла новая германская военная миссия. Ее возглавлял опытный штабной работник генерал Лиман фон Сандерс. На него возлага-

лась реорганизация султанской армии Мехмеда V, номинально считавшегося ее главнокомандующим.

Такая информация сразу же легла на стол начальника штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенанта Н.Н. Юденича. Вскоре поступила информация о назначении главы германской военной миссии командиром 1-го корпуса турецкой армии, расквартированного в Стамбуле. Это, по сути дела, означало, что Германия становилась действительной хозяйкой проливов.

Проливы всегда являлись «больной» темой для официального Санкт-Петербурга. Российское правительство и высшее военное руководство страны по вполне объяснимым причинам были очень обеспокоены таким положением вещей. Однако единодушия с союзниками по Антанте — Великобританией и Францией — во взглядах на эту проблему достигнуто не было.

8 февраля 1914 года в Санкт-Петербурге было созвано совещание, посвященное русско-турецким отношениям. В нем приняли участие представители трех ведомств — дипломатического, военного и морского. На совещании присутствовал и генерал-лейтенант Н.Н. Юденич, замещавший в то время заболевшего графа И.И. Воронцова-Дашкова, царского наместника и одновременно командующего военным округом на Кавказе.

На совещании высказывались самые различные точки зрения. Против военных акций в районе черноморских проливов выступали, в частности, от Министерства иностранных дел А.П. Извольский, морской министр адмирал И.К. Григорович и генерал-квартирмейстер Генерального штаба генерал Ю.И. Данилов. Последний, пригласив после совещания генерала Юденича к себе в кабинет, познакомил его с наметками мобилизационного плана и расчетом перегруппировки соединений и частей с Кавказа в европейскую часть страны на случай войны с Германией и союзной ей Австро-Венгрией.

«Прошу вас, Николай Николаевич, — подчеркнул при расставании Данилов, — при отработке штабом округа каких-либо документов исключить утечку этой информации. Мобилизационный план и план боевой деятельности на 1914 год рекомендую составить лично с привлечением только генерал-квартирмейстера, на утверждение представить нарочным обер-офицером...»

В штабе Кавказского военного округа скрупулезно собирали любую разведывательную информацию о сопредельном государстве. Оттуда приходили все более тревожные вести. Правительство

султанской Турции все более стремительно скатывалось на путь военного противостояния с Россией. К кавказской границе подтягивались самые различные военные формирования, мобилизовывались резервисты. В курдских племенах, проживавших на турецкой территории, создавались иррегулярные конные полки.

Неприятельская разведка заметно активизировала свою деятельность в российском приграничье, особенно в Аджарии и городе Батуме. У Отдельного корпуса пограничной стражи на кавказской границе, равно как и на западной, заметно прибавилось работы.

На второй день начавшейся войны между Германией и Россией, 20 июля, султанская Турция официально присоединилась к коалиции держав Центрального блока. Стамбул заключил с Берлином и Веной соответствующее соглашение. Секретом для российского правительства и государств Антанты это не стало.

Подлинная копия «добытого» германо-турецкого соглашения была направлена Министерством иностранных дел России в штаб Кавказского военного округа в начале августа. Соглашение, внимательно прочитанное и проанализированное генерал-лейтенантом Н.Н. Юденичем, содержало восемь пунктов:

«1. Обе договаривающиеся стороны сохраняют нейтралитет в существующем между Австро-Венгрией и Сербией конфликте.

2. В том случае, если Россия вмешалась бы при посредстве действительных военных мер в конфликт и сделала бы, таким образом, необходимым для Германии выполнение своего долга и своих обязанностей союзника по отношению к Австро-Венгрии, то этот долг и эти обязанности надлежали быть выполненными позже и Турцией.

3. В случае войны германская военная миссия останется в распоряжении оттоманского правительства. Оттоманское правительство обеспечит осуществление действительного влияния и действительной власти этой миссии в общих операциях турецкой армии.

4. Если оттоманские территории подвергнутся угрозе со стороны России, Германия защитит Турцию в случае нужды силой оружия...

...7. Настоящее соглашение останется секретным и может быть опубликовано лишь в случае согласия, установленного обеими договаривающимися сторонами...»

Следует отметить, что Турция без особых колебаний вступила в Первую мировую войну и 27 сентября 1914 года офици-

ально закрыла черноморские проливы для торговых судов государств Антанты. Этот шаг открытого недружелюбия стал как бы актом неофициального объявления войны противникам Германии и Австро-Венгрии.

Войну против своего северного соседа Турция начала коварно, без предварительного объявления. 16 ноября соединенная турецко-германская эскадра (в состав ее входили германские крейсеры «Гебен» и «Бреслау») под командованием немецкого адмирала В. Сушена бомбардировала портовый город Одессу и ряд других черноморских портов России, не имевших береговой обороны. В одесской гавани турецкими миноносцами была потоплена русская канонерская лодка «Донец».

В ответ на такие открыто враждебные акции со стороны соседнего государства Россия 2 ноября объявила Турции войну. 5 ноября такое же решение приняла Великобритания, а на следующий день — Франция.

Таким образом, Первая мировая война пришла на Кавказ и уже в самом скором времени сделала генерала Николая Николаевича Юденича признанным полководцем русской армии.

ОБРАЗОВАНИЕ КАВКАЗСКОГО ФРОНТА

На карте мировой войны появился новый фронт. 1 ноября 1914 года на основе Кавказского военного округа начала разворачиваться отдельная (безномерная) Кавказская армия. Ее главнокомандующим в силу занимаемой должности царского наместника на Кавказе автоматически становился престарелый генерал от кавалерии и генерал-адъютант граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков.

Случилось это на семьдесят восьмом году жизни графа, в свое время отличившегося в боевых действиях в Средней Азии и на болгарской земле. Он был одним из самых близких друзей Императора Александра III. В свое время командовал блестящей 2-й гвардейской кавалерийской дивизией, был удостоен многих боевых орденов, был министром Императорского двора и уделов, канцлером Российских Царских и Императорских орденов. За время своего наместничества Воронцов-Дашков, хороший администратор и большой государственник, много сделал для развития Кавказского края. Но возраст, конечно, давал о себе знать, и И.И. Воронцов-

Дашков почти никакого участия в командовании армейскими войсками и проведении операций не принимал. Его главное командование до скорой отставки было фактически номинальным. Всеми делами за него «правил» начальник армейского штаба, каковым стал генерал-лейтенант Н.Н. Юденич. На него и на генерала А.З. Мышлаевского Воронцов-Дашков фактически возложил командование Кавказской армией. Она разворачивалась на приграничной полосе от побережья Черного моря до озера Урмия протяженностью в 720 километров.

С получением телеграфного известия об объявлении Россией войны с Турцией утром 2 ноября в Тифлисе собрался военный совет только что образованной отдельной Кавказской армии. Об оперативной обстановке на русско-турецкой границе и сведения о вооруженных силах Турции собравшимся доложил Н.Н. Юденич.

Он напомнил участникам военного совета, что по данным его штаба турецкие сухопутные силы насчитывали в своих рядах до 1,5 миллиона человек. Султанская армия прошла обучение под руководством германских военных специалистов. Она состояла из 40 пехотных дивизий низама (кадровых) и 53 дивизий пехоты редифа (обученного государственного резерва). Мустафиз (султанское ополчение) могло быть доведено до 100 тысяч человек. Турецкая регулярная кавалерия насчитывала в своем составе более 60 полков, в том числе 20 — сформированных из ополчений курдских племен в турецкой Армении.

Генерал-лейтенант Юденич доложил военному совету Кавказской армии и о тех войсках, которые находились непосредственно на линии государственной кавказской границы. Он отметил следующее:

«3-я турецкая армия, непосредственно противостоящая нам, состоит из трех корпусов (9, 10 и 11-го), в составе каждого по три пехотных дивизии, а также 2-й отдельной кавалерийской дивизии, четырех конных курдских дивизий. Основные ее силы сосредоточены в районе Эрзерума. 10-й корпус развернут у Самсуна. На днях из Месопотамии начала перегруппировку пехотная дивизия 13-го корпуса. Всего в армии насчитывается около 130 пехотных батальонов, почти 160 эскадронов и курдских конных сотен, а также 270—300 орудий. Армию возглавляет Гасан-Иззет-паша, начальник штаба — немецкий генерал Бронзарт фон Шеллендорф. Мы полагаем, что это турецкое объединение имеет пока оборонительные задачи...»

Обрисовав неприятельские силы, начальник армейского штаба в своем докладе остановился на составе кавказских войск, развернутых в полосе от Батума до Сарыкамыша. Они состояли из 120 батальонов пехоты, 127 казачьих сотен (кубанских, терских, сибирских) и 304 орудий. То есть силы сторон были примерно равными. Русские войска располагались в пяти оперативных группировках, каждая из которых имела заранее поставленные им задачи.

На Приморском (Батумском) направлении находились отдельные части 66-й пехотной дивизии, 5-я Туркестанская стрелковая и 1-я Кубанская пластунская (командир — генерал-майор М.А. Пржевальский) бригады, 25-я бригада пограничной стражи (пограничная стража с началом войны вошла в состав сухопутной армии). На Ольтинском направлении действовала 20-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Н.М. Истомина. Она была усилена 26-й бригадой пограничной стражи.

Начальник армейского штаба подчеркнул, что главным операционным направлением на Кавказском театре военных действий является Сарыкамышское. Здесь были сосредоточены главные силы армии — 1-й Кавказский армейский корпус генерал-лейтенанта Г.Э. Берхмана в составе двух пехотных дивизий, 1-я Кавказская казачья дивизия и три бригады, а также 2-й Туркестанский армейский корпус генерала Слюсаренко, имевшего две стрелковые бригады. В крепости Карс заканчивала формирование 3-я Кавказская стрелковая бригада генерала Габаева. В Тифлисе сосредотачивалась Сибирская казачья бригада Калитина...

Беседуя с собравшимися военачальниками, Николай Николаевич Юденич особо подчеркнул, что в ближайшем обозримом будущем численного увеличения кавказских войск не будет. Все подготовляемые резервы с началом войны будут направляться на Северный и Западный фронты, которые действовали против германских и австро-венгерских войск.

Сравнительный анализ показывал, что силы 3-й турецкой армии и русской Кавказской были примерно равными. Но генерал-лейтенант Юденич обратил внимание участников военного совета на важное обстоятельство, которое могло сыграть решающее значение в начальный период войны на Кавказе. На Сарыкамышском направлении русские войска имели над неприятелем почти двойное превосходство в личном составе.

Совсем иной складывалась ситуация на других операционных направлениях. Начальника штаба армии особо тревожило Ольтинское — здесь неприятель превосходил только что сформированный отряд генерала Истомина по пехоте в шесть, по артиллерии — в три раза.

Однако, по мнению Юденича, Кавказская армия имела перед турецкой и серьезные преимущества. Так, турецкая кавалерия качественно заметно уступала русской казачьей коннице, хотя в условиях горного театра военных действий, особенно зимой, при почти полном отсутствии фуража на местах такое преимущество и не сулило больших выгод.

Таковой была расстановка сил сторон к началу боевых действий на Кавказском фронте. Свой обстоятельный доклад генерал-лейтенант Н.Н. Юденич заключил следующим предложением:

«Исходя из имеющегося соотношения сил и средств, учитывая горный театр войны и условия погоды, предлагаю в ближайшее время ограничиться активной обороной и ведением вдоль границы боевой разведки. Одновременно необходимо завершить мобилизацию и формирование резервов, готовить наступательную операцию».

Такое предложение начальника штаба военный совет поддержал. За него высказались строевые командиры, начальник армейской разведки, инспектор артиллерии и другие должностные лица армии. С мнением Николая Николаевича согласился и главнокомандующий генерал от кавалерии граф И.И. Воронцов-Дашков, который планирования боевых действий совсем не касался. Более того, по старости лет он почти не выезжал из столицы своего наместничества города Тифлиса.

Ведение активной обороны предполагало движение авангардами вперед. Русская армия на Кавказе первой начала наступательные боевые действия. Это делало честь армейскому штабу, сумевшему быстро отмобилизовать войска приграничного военного округа и выдвинуть их к государственной границе. Штабная культура генерала Юденича и его подчиненных оказалась на высоте.

Турки «проглядели» первые действия противной стороны. 15 ноября разведывательные отряды 1-го Кавказского армейского корпуса, с ходу заняв приграничные горные рубежи и перевалы, начали выдвижение в направлении на Эрзерум. В ходе наступательных действий завязались первые бои с боевым прикрытием главных сил 3-й турецкой армии. На следующий день государственную границу перешли главные силы корпуса генерал-лейтенанта Берхмана.

События первых дней войны показали, что многочисленные германские советники не зря «ели хлеб» в штабе 3-й армии султана. Они подготовили ее командование к такому ходу русских. Спустя всего два дня авангардные отряды 1-го Кавказского корпуса были атакованы частями 9-го и 10-го неприятельских корпусов и, опасаясь обхода своего правого фланга, отошли к линии государственной границы.

На отход они получили приказание главнокомандующего Кавказской армией или, вернее, начальника ее штаба. Генерал-лейтенант Н.Н. Юденич стремился уже в самом начале войны поставить оперативное управление действующими войсками на должную высоту. От этого во многом зависел успех проведения предстоящих армейских наступательных операций, которые уже разрабатывались в штабе армии, расположенном в Тифлисе.

Первые, пусть и частные, наступательные операции дали определенный выигрыш русским войскам. Эрзерумский отряд, сформированный из подходивших к границе частей 1-го Кавказского корпуса, углубился на 20—30 километров по ту сторону государственной границы. Кавказцы решительной ночной атакой заняли господствующие высоты в районе города Алашкерт. Оборонявшимся здесь туркам с боем пришлось отступить.

На этом Кавказский фронт на какое-то время словно замер. С приходом в конце ноября суровой горной зимы с многочисленными снежными бурями и обильными снегопадами дороги и тропы в горах сделались почти непроходимыми. О действиях многотысячными войсками не приходилось и думать.

Однако в горах шла настоящая «малая» война. Повсюду проходили ожесточенные стычки разведывательных отрядов. И русское командование, и Гасан-Иззет-паша бдительно стерегли действия друг друга, опасаясь внезапного нападения.

Возможно, такое спокойное состояние Кавказского фронта сохранилось бы до поздней весны, когда горные дороги вновь сделались бы проходимыми для артиллерии и обозов. Но начало боевых действий на Кавказе явно не устраивало Стамбул и германскую военную миссию. Ее глава генерал фон Сандерс рассчитывал активными боевыми действиями турок отвлечь с Восточного (Русского) фронта часть резервов России, которые перебрасывались туда из Туркестана и Сибири. Из Берлина настойчиво требовали от султана Мехмеда V и его командования активного наступления на Кавказе.

ЭНВЕР-ПАША СТАНОВИТСЯ ВО ГЛАВЕ 3-Й АРМИИ

Генерал фон Сандерс использовал все свое влияние при султанском дворе. В результате его усилий 3 декабря 1914 года в командование 3-й турецкой армией вступает не кто иной, как сам военный министр Турции Энвер-паша, который занял этот высокий пост во многом благодаря женитьбе на племяннице султана Мехмеда V. Прибыв на Кавказ, Энвер-паша фактически отстранил от командования Гаса-Иззет-пашу.

Маршал Турции был опытным военачальником. Он воевал против итальянцев в Триполитании, участвовал в обеих Балканских войнах. Был военным агентом (атташе) в Германии. Энвер-паша с началом Первой мировой войны фактически возглавил турецкую армию. Он выдвигал поистине фантастический план «победного» похода турок в британскую Индию через территорию Ирана и Афганистана. Являлся одним из главных идеологов панисламизма.

Появившись в лагере 3-й султанской армии, военный министр Турции объявил о своих ближайших планах. Энвер-паша вознамерился устроить русской Кавказской армии, вернее, ее главным силам, в районе Сарыкамыша тактическое окружение в духе «Канн» германского полководца генерал-фельдмаршала Альфреда фон Шлиффена.

Появление на Кавказе военного министра держалось противной стороной в строгом секрете. Первые сведения о фактической смене главнокомандующего неприятельской армией в штабе кавказских войск были получены от пленных. Затем пришло официальное подтверждение из города Могилева, где находилась Ставка Верховного главнокомандующего России Великого Князя Николая Николаевича.

Такая информация сильно насторожила Юденича. От имени генерала от кавалерии графа И.И. Воронцова-Дашкова он отдал приказание всем корпусам, дивизиям, бригадам, отдельным полкам и отрядам Кавказской армии активизировать разведку, усилить оперативное дежурство в штабах и на линиях связи.

Одновременно войскам приказывалось повсеместно усилить боевое охранение занимаемых позиций. В полную боевую готовность приводились армейские и корпусные резервы. Принимаются необходимые из числа срочных меры по инженерному оборудованию линии фронта. Армейский авиационный отряд ежедневно поднимает в воздух по несколько аэропланов для ведения воздушной разведки.

Такие меры предосторожности не должны казаться лишними. То, что сам военный министр Турции появился на Кавказском фронте, говорило о многом. И в первую очередь о том, что неприятель в скором времени предпримет наступательную операцию больших масштабов. Иначе не было бы никакого смысла Энвер-паше оставлять свой служебный кабинет в далеком Стамбуле.

В досье разведывательного отдела штаба Кавказского военного округа Энвер-паша характеризовался как опытный военачальник. Происходил он из бедной семьи, и отличали его решительность и настойчивость в осуществлении задуманного и даже определенная авантюрность в действиях. Было известно, что фактический глава султанских войск имел большой авторитет среди турецкого офицерского корпуса и у германской военной миссии.

Выработанная за долгие годы армейской службы профессиональная интуиция не подвела генерал-лейтенанта Н.Н. Юденича. Вскоре от агентуры на сопредельной стороне, от пленных поступили первые достоверные сведения о подготовке турецким командованием большого наступления с целью овладения российским Закавказьем. Но перед этим 3-й турецкой армии предстояло разгромить главные силы русской Кавказской армии.

Стало известно и то, что султанское главное командование в лице Энвер-паши очень рассчитывало на вооруженное выступление против русских войск мусульманского населения Батумской области, то есть горного населения Аджарии. Турецкие эмиссары с самого начала «священной войны» призывали мусульман-аджарцев присоединиться к ней. В таком случае турецкие войска, действовавшие на приморском направлении, получали хорошую поддержку в ближнем тылу своего противника и могли получить возможность захвата портового города Батума.

Столь важная оперативная информация поступила от перебежчиков с той стороны, преимущественно армян-христиан. Все эти сведения суммировались в армейском штабе, после чего принимались соответствующие оперативные решения для действий войск, находившихся как на линии фронта, так и в его тылу.

Стало также достоверно известно, что 11-му турецкому армейскому корпусу военным министром Энвер-пашой предписывалось совместно со 2-й кавалерийской дивизией и курдским конным корпусом своими действиями сковать русский Сарыкамышский отряд. Причем так, чтобы он оказался не в состоянии перебросить хотя бы часть своих сил в другое, угрожаемое место.

Энвер-паша и его германские военные советники разработали действительно широкомасштабную наступательную операцию. Военный министр, в частности, предписал 9-му и 10-му армейским корпусам, уничтожив малочисленный русский Ольтинский отряд, обходным маневром через селение Бардус отрезать главную тыловую базу противника, устроенную в селении Сарыкамыш (конечной станции узкоколейной железной дороги). Там находились большие артиллерийские, провиантские и прочие армейские склады.

Турецким войскам, нацеленным на Батумскую область, ставилась задача с ходу занять город Ардаган и обеспечить намеченный обходной маневр с конечной целью окружения главных сил русской армии. Захват Батума давал туркам хорошую перспективу переноса боевых действий в соседнюю Гурию и другие области Западной Грузии.

Проанализированная в Тифлисе разведывательная информация свидетельствовала о главном: в ходе начавшейся зимы первого года войны султанское командование одним атакующим ударом решило выйти к Главному Кавказскому хребту.

События на Кавказском фронте в самом конце 1914 года развивались быстро. Уже 5 декабря фронтовая разведка выявила начавшееся движение дивизии 9-го неприятельского корпуса в районе селений Пертанус и Кош. Они отстояли от Бардуса по плохим вьючным горным дорогам всего в 55 километрах. Другая турецкая дивизия, 51-я, была обнаружена на подходе к горному селению Ит.

Но это было еще не все. Две другие пехотные дивизии того же 10-го армейского корпуса — 30-я и 32-я — шли в направлении Ольты по дороге из селения Тортума. От позиций русского Ольтинского отряда их отделяло расстояние около 100 километров.

С получением таких оперативных донесений штаб Кавказской армии встревожился. Генерал-лейтенант Н.Н. Юденич от имени главнокомандующего приказывает на всех направлениях по возможности выдвинуть вперед как можно дальше конные разведывательные дозоры. Для этого требовалось подобрать в казачьих полках наиболее умелых бойцов.

Одновременно активную воздушную разведку начали вести экипажи летательных аппаратов авиационного отряда армии. Каждый такой экипаж аэроплана состоял из двух человек: пилота и летчика-наблюдателя. Помимо ведения разведки, армейские авиаторы

«бомбардировали» врага в местах его скопления сбросом небольших бомбочек и ручных гранат. Таких воздушных налетов турки, особенно их конница, панически боялись.

Вскоре кавказскому главному командованию стало известно и то, что ставший во главе 3-й турецкой армии Энвер-паша постарался посетить как можно больше воинских частей, поднимая тем самым наступательный дух султанских солдат и офицеров. Вернувшись в свою штаб-квартиру в Эрзеруме, военный министр стамбульского правительства отдал следующий приказ по армии:

«Солдаты, я всех вас посетил. Видел, что и ноги ваши босы, и на плечах ваших нет шинелей. Но враг, стоящий напротив вас, боится вас. В скором времени вы будете наступать и вступите на Кавказ. Там вы найдете продовольствие и богатства. Весь мусульманский мир с надеждой смотрит на ваши усилия...»

Ранним утром 9 декабря генерал-лейтенанту Н.Н. Юденичу по оперативной линии доложили, что турецкие войска перешли в наступление. Наиболее опасным виделось их стремление охватить крупными, во много раз превосходящими силами Ольтинский отряд генерала Н.И. Истомина. У него в подчинении находились только одна пехотная бригада, 3-й Горско-Моздокский полк терских казаков, армянская добровольческая дружина и несколько других небольших подразделений, 24 артиллерийских орудия.

Однако начав наступление по всему фронту, 3-я турецкая армия сразу же лишилась своего преимущества — внезапности. В штабе русской Кавказской армии знали о готовящемся вражеском ударе. Вопрос стоял лишь в том, куда нацеливался турецкий полководец со своими германскими советниками.

Ход наступательной операции турок довольно скоро прояснил то обстоятельство, что штабные работники неприятеля при планировании ее все же оказались не на высоте. Энвер-паша при всей своей опытности не смог решить проблему согласованности действий наступающих корпусов и дивизий по времени и месту. Это привело турок к самым плачевным последствиям.

Уже на следующий день начала наступления, то есть 10 декабря, две турецкие дивизии, выдвигавшиеся соответственно из селений Ит и Тортум, соприкоснулись и приняли друг друга за противника. Между ними завязался огневой бой, продолжавшийся около шести часов. Потери в обеих дивизиях составили до двух тысяч человек убитыми и ранеными. Известие об этом произвело на Энвер-пашу и его окружение ошеломляющее впечатление.

17-я и 29-я турецкие пехотные дивизии, подошедшие вечером к селению Бардус, без остановки двинулись на Сарыкамыш. Стоявшие в Бардусе две сотни русской пограничной стражи — конная и пешая — отошли на перевал и заняли там оборону.

Военный министр Турции, зная, что его 10-й корпус вместо предусмотренного планом наступательной операции поворота от Ольты на восток увлекся преследованием русского Ольтинского отряда, направил на Сарыкамыш еще и 32-ю пехотную дивизию. Однако из-за морозов и снежных заносов на горных дорогах она не смогла туда дойти и остановилась в Бардусе.

Вскоре для Энвер-паши случилось совершенно непредвиденное, которое на войне может спутать любые, даже самые смелые планы. 32-й дивизии турок совместно с 28-й пехотной дивизией 9-го корпуса пришлось не наступать, а прикрывать пути армейских сообщений, которым стал угрожать наступавший от селения Ени-кей один-единственный русский 18-й Туркестанский стрелковый полк.

Тем не менее обходившие русский правый фланг 9-й и 10-й турецкие армейские корпуса главными силами вышли на рубеж селений Арсенян, Косор. 11-й неприятельский корпус, наступавший на Сарыкамыш с фронта, завязал упорные бои на линии Маслагит, Арди.

Турецким войскам удалось захватить город Ардаган. Генерал-лейтенант Н.Н. Юденич сумел быстро парировать этот ход Энвер-паши. Из Тифлиса в направлении Ардагана по железной дороге, а потом походным порядком направляется Сибирская казачья бригада генерала Калитина с конно-пулеметной командой и Оренбургской казачьей батареей.

Такой ход русского командования оказался очень удачным — прорыва турок на Боржоми не произошло. Сибирские казаки, привычные к сильным морозам и обильным снегам, не «затерялись» в зимних горах, смело атаковали вражескую пехоту и заставили ее отойти.

САРЫКАМЫШСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Все эти события наступательной операции, задуманные Энвер-пашой, носили не главный характер. Главные же действия декабрьского наступления 3-й турецкой армии разворачивались

у селения Сарыкамыш. Султанский полководец располагал достоверными агентурными данными о численности гарнизона конечной станции фронтовой узкоколейной железной дороги русских. Те для защиты Сарыкамыша и огромных тыловых складов в нем сил почти не имели.

В Тифлисе вряд ли могли предвидеть такой глубокий неприятельский удар именно на Сарыкамыш. Поэтому его гарнизон состоял всего из двух дружин государственного ополчения, в которое призывались военнообязанные старших возрастов, а командный состав набирался из офицеров, призванных из запаса. Кроме того, здесь были расквартированы два железнодорожных эксплуатационных батальона. И ополченцы, и железнодорожники были вооружены давно устаревшими берданками, имея к тому же всего по 15 патронов на ружье.

Но, как говорится, сама судьба хранила русский Сарыкамыш. На конечной железнодорожной станции в тот день оказалось несколько стрелковых взводов, направляемых в тыл для формирования нового 23-го Туркестанского стрелкового полка, и два орудийных расчета с трехдюймовыми орудиями. И стрелки-туркестанцы, и артиллеристы имели положенные для них боеприпасы.

Совершенно случайно в тот день оказались в Сарыкамыше и 200 выпускников Тифлисской школы прапорщиков, ехавших на фронт в свои воинские части. Офицеры-прапорщики оказались не только при оружии, но еще и бывалыми солдатами-фронтовиками, отправленными в офицерскую школу за проявленную доблесть на войне.

В это время Сарыкамышский отряд Кавказской армии, у которого конечная железнодорожная станция находилась в глубоком тылу, возглавлял помощник главнокомандующего армией генерал Александр Захарьевич Мышлаевский. С получением первых сведений о наступающих в горах турецких колоннах он сумел разгадать неприятельский замысел и направление главного удара турок.

Мышлаевский принял исключительно смелое решение снять с передовой часть сил Сарыкамышского отряда и бросить их на защиту железнодорожной станции. 12 декабря с фронта в тыл, поспешая, двинулись пять батальонов 1-й Кубанской пластунской бригады, 80-й пехотный Кабардинский, 155-й пехотный Кубанский, 15-й Туркестанский стрелковый и 1-й Запорожский

кубанских казаков полки, 20 орудийных расчетов 20-й Кавказской артиллерийской бригады, Терская казачья батарея и Кавказский мортирный дивизион.

Этим фронтовым войскам предстояло проделать по горным дорогам многотрудный марш-бросок в 70—100 километров. За одни сутки, то есть 13 декабря, подойти к Сарыкамышу могли только кубанский казачий полк и один-единственный пехотный батальон, посаженный на обозные повозки.

С получением первого известия о приближении больших сил неприятеля к Сарыкамышу генерал-лейтенант Юденич выехал к месту событий. Армейское командование решило организовать оборону тыловой базы теми силами, которые оказались на железнодорожной станции. Эта боевая задача телеграфной строкой была возложена на оказавшегося в тот день в Сарыкамыше проездом на фронт полковника Генерального штаба И.С. Букретова, начальника штаба 2-й Кубанской пластунской бригады, офицера распорядительного и боевого.

Букретов незамедлительно принял на себя командование в Сарыкамыше. Он распределил наличные силы по секторам обороны, приказал свезти на вокзал артиллерийские боеприпасы из отдаленных складов. И после знакомства с описями тылового имущества неожиданно для себя оказался «обладателем» 16 станковых пулеметов системы «Максим». Из стрелков-туркестанцев казачий полковник сформировал две сводные роты пехоты, которые были направлены на помощь защитникам близкого от станции Бардусского перевала — двум сотням пограничной стражи.

Но вряд ли полковник Букретов и защитники селения Сарыкамыш предполагали, какие силы турок готовы были обрушиться на них с заснеженных гор. Думается, что прибывший сюда начальник армейского штаба генерал-лейтенант Н.Н. Юденич тоже не ожидал такого.

Турецкая пехота, обессиленная трудным маршем в зимних горах, где снег лежал по колено, продвигалась медленно. Дивизии и полки растянулись по горным дорогам, и их командиры оказались бессильны что-либо сделать. Когда турецкие колонны своими авангардами стали спускаться с гор в неширокую долину, их обнаружили еще издалека.

Навстречу спускавшимся с гор туркам Юденич на санях выслал два железнодорожных эксплуатационных батальона. Это неожиданное препятствие задержало неприятельские авангардные

батальоны на исходе 12 декабря в восьми километрах западнее Сарыкамыша.

Однако, сосредоточившись за ночь в больших силах, на рассвете следующего дня 17-я и 29-я турецкие дивизии, сбив заслоны на своем пути, повели наступление непосредственно на сам Сарыкамыш. Но продвигаться вперед им пришлось с трудом и немалыми потерями. Русские довольно умело оборонялись, используя главным образом огонь станковых пулеметов «максим».

В самый критический момент разгоревшегося упорного боя 13 декабря, когда турки овладели Северным Сарыкамышем, подошло обещанное полковнику Букретову подкрепление из состава Сарыкамышского фронтового отряда. К вечеру в бою с русской стороны участвовало уже до 9 батальонов пехоты и 7 конных сотен, казакам которых пришлось спешиться и вести огневой бой.

Неприятель в своих атакующих усилиях тоже упорствовал. Однако малочисленным силам защитников Сарыкамыша 13 декабря удалось отстоять большую часть селения и железнодорожную станцию. Но положение оставалось критическим: с заснеженных гор в долину спускались все новые и новые батальоны вражеской пехоты.

«Генерал мороз» был, однако, на нашей стороне. В результате наступательная операция в условиях суровой горной зимы складывалась совсем не так, как планировалось военным министром Турции Энвер-пашой. Много турецких солдат-аскеров отстало по пути от своих рот и батальонов. Много людей, выступивших в «победный» поход для быстроты движения без теплой одежды, замерзло в снежных сугробах по дорогам, в лесах на склонах гор.

Последствия такого горного перехода были ужасающи. 29-я турецкая пехотная дивизия потеряла замерзшими на ночных привалах и сильно обмороженными солдатами до половины своего списочного состава. В соседней 17-й пехотной дивизии ситуация была несколько лучше. Но и здесь санитарные потери составляли немыслимое число людей. Наступательные планы военного министра султана Мехмеда V начали рушиться еще во время горного марш-броска в тылы русской Кавказской армии.

«Драма, порожденная Энвер-пашой, завершилась» — так с сарказмом и болью оценивал сарыкамышские события в своих послевоенных мемуарах начальник штаба 9-го турецкого корпуса. Впрочем, о той трагедии 3-й султанской армии в Турции предпочитали не вспоминать.

Все же к полудню 15 декабря весь 10-й турецкий армейский корпус сосредоточился на позиции перед Сарыкамышем. Кольцо окружения, не без помощи местных жителей-курдов, почти сомкнулось. Железная дорога в сторону крепости Карс оказалась перерезанной неприятелем. Осколком вражеского снаряда была выведена из строя единственная радиостанция («искровая» станция) на железнодорожном вокзале, через которую полковник Букретов поддерживал связь со штабом армии, с начальником ее штаба.

В тот день казалось, что задуманный Энвер-пашой и германскими советниками план глубокой наступательной операции уже мог осуществиться. Тем более, что султанский полководец с потерями не считался.

Тем временем генерал-лейтенант Н.Н. Юденич продолжал наращивать силы под Сарыкамышем. Войска брались из всех мест, где только можно. К исходу дня 15 декабря они насчитывали в районе развернувшегося сражения более 22 батальонов пехоты, 8 конных сотен, около 30 орудий и почти 80 пулеметов. Однако неприятель продолжал сохранять почти двукратное превосходство в людях, имея 45 пехотных батальонов.

15 декабря вражеские войска многократно поднимались в атаку на позиции защитников Сарыкамыша. Султанские аскеры шли вперед с яростью обреченных, зная, что в большом селении их ждет кров и тепло, а на русских складах найдется огромное количество провианта и теплой одежды. Однако в тот день все турецкие атаки были отражены, хотя и не без труда.

Вечером 15 декабря Юденич, командовавший сражением, получил от главнокомандующего Кавказской армией генерала от кавалерии И.И. Воронцова-Дашкова приказ, который круто изменил его фронтовую судьбу. Телеграмма гласила:

«Ввиду прорыва турок предлагаю вам вступить в командование войсками 1-го Кавказского и 2-го Туркестанского корпусов (это была большая часть армейских войск. — *А. Ш.*)...

Вы должны разбить турок у Сарыкамыша и открыть себе выход на Карс вдоль железной дороги, а при невозможности — на Каракурт и даже по обходным путям в направлении к Карсу, уничтожая турок, которые перебросились с Ольтинского направления на пути между Сарыкамышем и Карсом.

Для облегчения вашего движения можно уничтожить часть ваших обозов и бросить излишние тяжести. В случае недостатка продовольствия широко пользуйтесь местными средствами.

Сам я переезжаю в Александрополь, чтобы принять дальнейшие меры. Необходимо, чтобы связь ваша с Тифлисом и Александрополем не прерывалась, организуйте ее на Кагызман, оттуда до Каракурта есть летучая почта».

Этой телеграммой, продублированной в могилевскую Ставку Верховного главнокомандующего, царский наместник на Кавказе фактически полностью передавал всю полноту командования на Кавказе Николаю Николаевичу Юденичу. Он давал полное право начальнику своего штаба отступить, бросая склады и обозы, с Сарыкамышской позиции к крепости Карс. Или, говоря иначе, отойти в глубь российской территории от государственной границы, позиции на которой и занимал отдельный Сарыкамышский отряд генерала Мышлаевского.

Для генерала Юденича сражение под Сарыкамышем стало поистине даром полководческой судьбы. Ему вверялась судьба главных сил Кавказской армии, атакованных корпусами 3-й турецкой армии. Для того чтобы отразить наступление неприятеля и разгромить его, требовалось высокое воинское искусство, большое тактическое мастерство.

Между тем оборонять Сарыкамыш становилось все сложнее. К вечеру 16 декабря в лесу севернее железнодорожного вокзала было замечено большое скопление турецкой пехоты. Солдаты сторожевой заставы 80-го пехотного Кабардинского полка перехватили вражеского аскера-посыльного с письменным приказом. Оно адресовалось командиру 10-го корпуса. Среди прочих сведений в нем имелись указания на подготовку общей ночной атаки русских позиций.

Защитники Сарыкамыша изготовились к ее отражению. Действительно, около 22 часов вечера, когда наступила ночная темень, 3-й батальон 1-й Кубанской пластунской бригады, занимавший высоту Орлиное гнездо, вокзал и мост на шоссе, был атакован плотными колоннами турецкой пехоты.

Неприятель знал, куда направить свой главный удар. Этот участок обороны Сарыкамыша являлся наиболее важным, так как непосредственно за ним находились склады боеприпасов и продовольствия, и к тому же он имел удобные для нападавших подходы. Через местных жителей-мусульман знали об этом и турки.

Под давлением нескольких тысяч атакующих кубанские пластуны, отбиваясь, начали вынужденный отход к селению. Начальник вокзального сектора обороны командир 1-го Запорожского

казачьего полка полковник И.С. Кравченко пытался остановить отступающих, но был убит.

Турецкая пехота, захватив железнодорожный вокзал, ворвалась в центральную часть селения Сарыкамыш и заняла расположенные здесь казармы 156-го Елисаветпольского пехотного полка. Неприятель стал спешно укрепляться в захваченных каменных зданиях, пытаясь продвинуться еще дальше.

ВО ГЛАВЕ КАВКАЗСКОЙ АРМИИ

Именно в эти часы в Сарыкамыш и прибыл спешивший сюда генерал-лейтенант Н.Н. Юденич, который решил исполнить возложенную на него роль в самом пекле сражения. Он сразу же взял в свои руки командование войсками, непосредственно защищавшими Сарыкамыш. Оценив ситуацию, генерал понял, что сдержать натиск турок и разбить их можно только активными, решительными действиями.

Жаркие рукопашные схватки и яростная перестрелка на узких сарыкамышских улочках и ближайших предгорьях продолжалась всю ночь. Лишь к утру 17 декабря серией настойчивых контратак, проведенных по приказу Юденича, удалось сдержать продвижение вперед турецкой пехоты. При этом обе стороны понесли большие потери.

В полдень того же дня — 17 декабря — дежурный по штабу Кавказской армии получил срочную телеграмму из могилевской Ставки Верховного главнокомандующего. В ней предписывалось генерал-лейтенанту Николаю Николаевичу Юденичу вступить в командование отдельной Кавказской армией. Приказ на него был уже подписан и Высочайше утвержден Императором Николаем II.

Прежний кавказский главнокомандующий генерал от кавалерии граф И.И. Воронцов-Дашков отстранялся от занимаемого поста. Он назначался Государем на специально учрежденную для него должность — «состоять при Особе Его Величества». Это была почетная отставка заслуженного в мирное время царского сановника.

Став во главе Кавказской армии, генерал-лейтенант Н.Н. Юденич продолжил битву за Сарыкамыш. Наступательные действия требовали свежих сил, резервы же были на исходе. С передовой войск снимать больше было нельзя, поскольку и там атаковали турки.

В донесениях командиров отдельных отрядов все больше говорилось о трудностях. Показательно здесь донесение одного из героев обороны Сарыкамыша полковника И.С. Букретова генералу Пржевальскому, у которого он в те дни находился в оперативном подчинении, датированное днем 19 декабря:

«Вчерашний день, 18 декабря, гнал людей на бой, а сегодня не желаем, пока не подойдут подкрепления. В ротах осталось по 70—80 человек, офицеры командуют 3—4 ротами; был случай, когда командир полка командовал ротой. Пока подкрепление не подойдет и не будут присланы боеприпасы, до тех пор в наступление переходить не буду. Люди изнурены, голодны. Как прикажете действовать дальше? Я сделал все возможное. Обстановка неизвестна. Страшные потери в людях; в особенности много пошло сопровождать раненых, не возвращаются больше назад. Пулеметов нет, орудия не стреляют якобы за отсутствием целей Держаться на позиции не в состоянии».

Сражение под Сарыкамышем шло с переменным успехом. Юденичу за несколько суток удалось наладить устойчивое полевое управление. Теперь связь осуществлялась через три десятка радиостанций, последнего слова военной техники. Теперь главнокомандующий мог видеть перед собой всю картину декабрьских боев и событий.

Он решил сам перейти в наступление. Атакующий удар наносился одновременно на район Сарыкамыша с фронта, Ольты и Ардагана, где на Ардаганском плато Сибирская казачья бригада ночью учинила турецким войскам страшный разгром. В тыл неприятелю посылались сильные обходные отряды, угрожая ему окружением.

Оперативный успех предполагалось достичь за счет скрытой перегруппировки 39-й пехотной дивизии, 1-й и 2-й Кубанских пластунских бригад, а также двух артиллерийских бригад, находившихся в Карской крепости. Переброска этих войск требовала оперативной маскировки, иначе турецкое командование в лице опытного Энвер-паши и германского генерала фон Шеллендорфа могло парировать удар русских войск.

Подготовка наступления продемонстрировала высокий уровень штабной культуры помощников главнокомандующего Кавказской армией. Он приказал оборудовать несколько радиолиний. На горных высотах и перевалах, в местах резких изгибов долин и ущелий находились промежуточные ретрансляционные радиостанции. По ним, как по цепочке, шли донесения и приказы.

По оперативным донесениям с мест боев генерал Юденич чувствовал, что силы 3-й турецкой армии для наращивания атак находились на исходе. 22 декабря Николай Николаевич отдал приказ по Кавказской армии о переходе в общее контрнаступление. Оно повелось в горах на широком фронте и всюду увенчалось успехом.

Под Сарыкамышем, в лесистых горах, в окружении оказался почти весь турецкий 9-й армейский корпус. Здесь 16-я рота 154-го пехотного Дербентского полка смелым ударом в штыки прорвалась в глубину вражеской обороны. Результат атаки на прорыв превзошел все возможные ожидания. Рота русской пехоты захватила корпусной штаб во главе с командиром корпуса и всех трех командиров дивизий с их штабами.

Полный разгром штабов корпуса и его дивизий повлек за собой потерю управления полками и другими частями. Они были разгромлены в снежных горах, и их остатки пленены. Было захвачено много трофейного оружия.

Понеся большие потери, 30-я и 31-я турецкие пехотные дивизии начали поспешно отступать от Сарыкамыша через горный перевал к Бардусу, надеясь там закрепиться. В это горное селение при-был сам Энвер-паша, сумевший счастливо покинуть 9-й армейский корпус до его полного разгрома. Военный министр султана Мехмеда V уверял всех в Бардусе, что его 3-я армия сражается успешно.

Не выдержал натиска контрнаступающих русских войск и 10-й армейский корпус турок. Его дивизии стали отступать повсеместно. От разгрома корпус спасло то обстоятельство, что противник по заснеженным горным дорогам не смог вовремя выйти к Бардусу. Здесь 32-я пехотная дивизия турок попыталась отразить удар кавказских войск, но безуспешно.

Контрудар этой дивизии отразил отряд генерал-лейтенанта князя Н.Н. Баратова, левая походная колонна которого в ожесточенном ночном бою в районе Бардуса захватила в плен остатки 32-й турецкой дивизии — две тысячи солдат и офицеров. Они уже не хотели сражаться, отчаявшись найти спасение в окрестных горах. Успех Баратова обеспечил победу на правом крыле русского Сарыкамышского отряда, который подвергался атакам 11-го неприятельского корпуса.

Вскоре и Сарыкамышский отряд, оборонявшийся на рубеже селений Ени-кей и Баш-кей, получил приказание Юденича перейти в контрнаступление. Войска медленно продвигались по глубо-

кому снегу, почти всюду встречая ожесточенное сопротивление турок. Дело доходило до рукопашных схваток.

Требовалось окончательно сломить сопротивление неприятеля. Главнокомандующий решает обойти левое крыло сил 11-го корпуса турок, хорошо закрепившееся на горной позиции к западу от селения Кетек. Выполнение такой задачи легло на 18-й Туркестанский стрелковый полк с четырьмя горными орудиями. Ему предстояло совершить труднейший марш-бросок. В ходе его стрелкам приходилось на руках переносить орудия в разобранном виде и снаряды к ним.

Появление в тылу 11-го корпуса русских с батареей горных пушек посеяло панику на вражеских позициях. Полки корпуса бросили окопы и стали поспешно отступать под угрозой полного окружения.

В ночь на 29 декабря турки начали отход на Ольту. На высотах к западу от Сегдасора они вновь заняли арьергардную позицию по обе стороны от шоссе. На рассвете следующего дня русские, не обнаружив перед собой неприятеля, начали его преследование. Однако, пройдя восемь километров, они были встречены сильным артиллерийским огнем.

Но сдержать наступающих здесь им не удалось. 2-я Оренбургская казачья батарея метким огнем накрыла вражеские артиллерийские позиции. Турки, упреждая обход своих флангов пехотой противника, отступили на три-четыре километра.

Ночь наступающие русские войска провели под открытым небом. Для разведки и наблюдения за неприятелем в Сегдасоре вперед ушли четыре сотни сибирских казаков с конно-пулеметной командой. Они и нашли новые турецкие позиции.

Их атака началась на рассвете следующего дня. Удача сопутствовала 263-му Гунибскому пехотному полку, который, хотя и попал под перекрестный огонь с высот, сумел сбить турок с позиции и обратил их в бегство. При этом множество аскеров рассеялось по окрестным лесам и горам.

ЦЕНА САРЫКАМЫШСКОЙ ВИКТОРИИ

Новый 1915 год русская Кавказская армия встретила в наступлении. К 5 января она вышла на линию селений Ит, Арди, Даяр. Отсюда можно было наступать в глубь Турции.

Сарыкамышская операция продолжалась почти месяц на фронте более 100 километров и в глубину на 100—150 километров. Она завершилась убедительнейшей победой русского оружия. Урон, понесенный 3-й турецкой армией, исчислялся в 90 тысяч человек убитыми и замерзшими в горах, не считая многих тысяч раненых. Турки оставили в руках победителей около 70 горных и полевых орудий.

Для Кавказской армии победа досталась немалой ценой. Она понесла хотя гораздо меньшие потери в людях, но все же значительные — около 26 тысяч убитыми, ранеными и обмороженными.

Сарыкамышская победа имела сильный резонанс в начавшейся всего полгода назад Первой мировой войне. В ходе операции новый главнокомандующий Кавказской армией продемонстрировал подлинное полководческое искусство. Оно было по достоинству оценено Императором Николаем II. Николай Николаевич Юденич производится в чин полного генерала русской армии — генерала от инфантерии. Одновременно он награждается самой прославленной командирской наградой Российской империи — орденом Святого Георгия (4-й степени).

Союзники России по Антанте высоко оценили победу русской армии на Кавказе. 6 января 1915 года посол Французской Республики в Петрограде записал в дневнике:

«Русские нанесли поражение туркам вблизи Сарыкамыша, по дороге из Карса в Эрзерум. Этот успех тем более похвален, что наступление наших союзников началось в гористой стране, такой же возвышенной, как Альпы, изрезанной пропастями и перевалами. Там ужасный холод, постоянные снежные бури. К тому же — никаких дорог, и весь край опустошен. Кавказская армия русских совершает там каждый день изумительные подвиги».

Кавказский полководец Николай Николаевич Юденич вошел в историю Первой мировой войны как продолжатель славных традиций вождей российского воинства, на протяжении двух столетий воевавших на Кавказе. Может быть, поэтому стиль управления войсками и личный быт Юденича был чем-то сродни таким личностям в военной летописи России, как прославленные генералы А.П. Ермолов и Н.Н. Муравьев-Карский.

Один из современников боевой деятельности генерала от инфантерии Юденича в Первой мировой войне так описывает его немудреный фронтовой быт:

«В небольшом, довольно грязном и неприветливом городишке стоит двухэтажный дом с двумя часовыми у подъезда с развевающимся над фронтоном флагом. Из-под крыши его выбегает целый пучок телефонных проводов, на дворе постоянно пыхтят автомобили. До поздней ночи, когда небольшой городок уже засыпает, светятся окна дома. Это ставка командующего Кавказской армии. Здесь помещение штаба, квартира генерала Юденича, ряда офицеров управления, точнее, кабинеты, в углу которых стоит кровать...

С вечера курьерами, по телефону и телеграфу поступают донесения. Некоторые из них немедленно докладываются командующему. Общий же доклад генерал-квартирмейстер обычно делает в 10 часов утра. Затем подается завтрак. Он проходит в общей столовой — отношения в ставке чисто товарищеские. После завтрака все приступают к работе...

Ее много. Она своеобразна. Дело в том, что отдельные армейские отряды по существу являются самостоятельными объединениями, небольшими армиями. Для каждого из них приходится оборудовать тыл, налаживать связь, думать об их усилении за счет армейских резервов. Если к этому еще добавить, что турки сохраняют численное превосходство, что действовать нашим войскам приходится зачастую среди воинственного мусульманского населения, то вся сложность работы генерала Юденича станет еще понятнее.

В 18 часов командующий и штаб сходятся за обедом. Он тянется недолго. После обеда генерал Юденич нередко выезжает в войска. Чаще же после часовой прогулки он возвращается в ставку, где до поздней ночи принимает доклады о снабжении войск, об организации тыла, о решении кадровых вопросов... Так изо дня в день тянется трудовая жизнь в затерянной среди гор Закавказья ставке командующего».

ВОЙНА В АЗИАТСКОЙ ТУРЦИИ И ПЕРСИИ

Боевые действия с начала 1915 года велись только на территории Турции. Кавказская армия получает долгожданное усиление — прибывший с Северного Кавказа 4-й Кавказский армейский корпус, насчитывавший в своем составе более 30 пехотных батальонов и почти 70 конных сотен. Но они были укомплектованы людьми всего

на 25—30 процентов. С таким приращением сил трудно было рассчитывать на оперативное превосходство над турками. Однако Юденич, понимая общую стратегическую обстановку, не просил могилевскую Ставку и Великого Князя Николая Николаевича о большем.

Генерал от инфантерии Н.Н. Юденич при планировании операций на вторую военную кампанию оказался в затруднительном положении. Поэтому он ставил войскам только реально выполнимые задачи. Так, 4-му Кавказскому корпусу предписывалось следующее:

«...Частыми атаками улучшить занимаемое положение, ведя боевые действия передовыми отрядами, комплектуемыми из наиболее боеспособных частей».

Подобная тактика имела успех. Этот корпус, благодаря действиям обходящих и передовых отрядов, в середине июня вышел к Арнису и создал сплошную позицию, примыкавшую к озеру Ван. Центр и правое крыло Кавказской армии занимали основные горные перевалы, надежно прикрывая Сарыкамышское, Ольтинское и Батумское направления.

По настойчивому требованию Берлина и Вены высшее военное командование Турции решило вырвать у противника стратегическую инициативу. Энвер-паше пришлось возвратиться в Стамбул без обещанных султану лавров победителя на Кавказе — генерала Юденича он переиграть не смог. Меняется командующий 3-й турецкой армией, во главе ее ставится генерал-лейтенант Махмуд Кемаль-паша. Он энергично взялся за подготовку нового «победоносного» наступления против «неверных».

Армейской разведке русских удалось установить факт готовящегося наступления. Генералу Юденичу было доложено, что новый начальник штаба 3-й турецкой армии германский майор Г. Гузе с группой штабных офицеров прибыл на передовую для проведения рекогносцировки. Как было установлено, он на местности уточнял исходное положение первого эшелона наступающих войск.

В начавшемся наступлении турки стремились перерезать растянутые коммуникации противника, проходившие по долине Северного Евфрата. Именно этой цели служил удар на Мелязгертском направлении по флангу 4-го Кавказского армейского корпуса. Здесь 9 июля 1915 года вперед двинулись более 80 батальонов и эскадронов вражеской пехоты и кавалерии.

Туркам удалось реализовать эффект внезапности наступления и застать боевое охранение русских врасплох. Оно, не оказав должного сопротивления, отошло к главным силам. В тылу 4-го Кавказского корпуса начали активно действовать диверсионные группы турок, находившие поддержку у местного мусульманского населения. В таких условиях командир корпуса генерал от инфантерии В.В. Де Витт обратился в штаб армии с просьбой разрешить отвести часть войск на рубеж севернее Алашкертской долины.

Юденич, прекрасно понимая всю тяжесть складывающейся ситуации, распорядился срочно сформировать сводный отряд под начальством генерала Н.Н Баратова. Отряд получился маневренный, состоявший из 24 батальонов пехоты, 36 сотен конницы и около 40 орудий. Он и нанес удар в тыл неприятелю.

Однако в полной мере такой маневр русским не удался. Горы и разрушенные мосты на дорогах замедлили движение баратовского отряда. Турки, потеряв только около 3 тысяч пленными, успели отойти от Кара-клиса. В середине сентября 4-й Кавказский корпус занял оборону от перевала Мергемир до Бурну-Булак, поставив к югу от Арджиша боевое охранение.

Русское командование частными наступлениями на других участках фронта сковало активность Кемаль-паши. Он не смог перебросить новые войска в Алашкертскую долину.

В ходе таких отвлекающих ударов большой успех выпал на долю отряда генерала Чернозубова, состоявшего из 8 дружин государственного ополчения, 48 казачьих сотен при 20 орудиях. Отряд продвинулся вперед на 35—40 километров и занял оборону в полосе 400 километров — от Арджиша до южного берега озера Урмия.

За умелое руководство действиями войск Кавказской армии по срыву широкого неприятельского наступления генерал от инфантерии Н.Н. Юденич награждается Военным орденом Святого Георгия 3-й степени.

Первая мировая война охватывала все новые и новые территории. Во второй половине 1915 года штаб Кавказской армии завершил с согласия Ставки Верховного главнокомандующего разработку плана операции в Северном Иране с целью исключить вступление этой страны в войну против России. Для проведения операции создается экспедиционный корпус под командованием

хорошо зарекомендовавшего себя в боях генерал-лейтенанта Николая Николаевича Баратова.

Экспедиционный корпус (39 казачьих сотен, 3 батальона пехоты и 5 артиллерийских батарей — около 8 тысяч человек при 20 орудиях) был перевезен по железной дороге из Тифлиса в Баку. Оттуда на судах он прибыл в иранский порт Энзели. Разделившись на две походные колонны, русские войска двинулись на города Хамадан и Кум, опорные пункты германо-турецких вооруженных формирований численностью около 8 тысяч человек.

Эти диверсионные формирования были разгромлены в Боруджарде, Доулетабате, Лалекяне и Куме. После этого русский экспедиционный корпус мог выйти к границам Ирака. Одновременно русский Харасанский отряд перекрыл путь вражеской агентуре в Афганистан.

Совместно с союзниками-англичанами русские войска установили подвижную завесу на юге Ирана по линии Бирджент, Систан, Оманский залив. Так были сорваны планы Стамбула и Берлина по закреплению своих позиций в Персии.

На 1915 год Ставка Верховного главнокомандующего не ставила перед Кавказской армией наступательных задач. Осенью ей предстояло занимать только оборонительное положение. Сложность состояла в том, что армии с ее ограниченными силами предстояло держать фронт протяженностью в 1500 километров. Поэтому Юденич создает армейский маневренный резерв и проводит инженерное оборудование занимаемых позиций. Войска обеспечиваются провиантом, теплой одеждой на зиму. Саперы прокладывают новые дороги и исправляют старые.

Однако спокойно пережить зиму 1915/16 года штабу Н.Н. Юденича не довелось. Вступление в войну Болгарии на стороне держав Центрального блока прямым образом отразилось на положении Кавказской армии, которая завоевала немалую часть турецкой Армении. Через болгарскую территорию открывалось прямое сообщение из Берлина со Стамбулом. Из Германии пошел поток боеприпасов и оружия для турецких армий.

Положение усугублялось еще и тем, что союзники — англичане и французы — потерпели поражение в Галлиполийской десантной операции. Им пришлось с большими потерями оставить полуостров Галлиполи. Теперь высшее военное командование получало возможность перебросить оттуда немалую часть войск на Кавказ.

ЗИМНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА ГОРНОМ ТЕАТРЕ

Полководец Юденич, обладавший стратегическим мышлением, не мог, естественно, допустить беспрепятственного усиления противостоящей ему 3-й турецкой армии. Он решил разбить ее еще раз, до подхода подкреплений с Галлиполи. Ставка Верховного главнокомандующего согласилась с таким предложением.

В декабре 1915 года Кавказская армия в своем составе имела около 130 пехотных батальонов, 372 орудия, более 200 сотен конницы, 52 дружины государственного ополчения, 20 саперных рот и воздухоплавательный отряд из 9 самолетов.

Противостоящая ей 3-я турецкая армия имела примерно такое же количество пехоты, немногим более 100 орудий, 40 кавалерийских эскадронов и около 10 тысяч иррегулярной курдской конницы, сведенной примерно в 20 отдельных отрядов.

По подсчетам разведывательного отдела штаба армии русская армия при примерном равенстве в пехоте превосходила турецкую в три раза по артиллерии и в пять раз по регулярной кавалерии. Однако такое преимущество требовалось еще и реализовать.

Хотя наступала суровая горная зима, генерал от инфантерии Н.Н. Юденич решил именно в это время провести широкомасштабную наступательную операцию. План ее заключался в одновременном прорыве обороны неприятеля сразу на трех направлениях — Эрзерумском, Ольтинском и Битлисском. Наступление планировалось силами трех армейских корпусов — 2-го Туркестанского, 1-го и 2-го Кавказских. Главный удар наносился в направлении селения Кепри-кей. С этой целью была проведена перегруппировка войск.

Подготовка зимнего наступления в горах турецкой Армении отличалась тщательностью. Предпринимались все меры для обеспечения людей теплой одеждой. Каждый боец получал пару валенок и теплые портянки, короткий полушубок, стеганные на вате шаровары, папаху с отворачивающимся назатыльником, варежки и шинель.

На случай маскировки в заснеженных горах генерал Юденич приказал заготовить достаточное число белых коленкоровых халатов и белые чехлы на шапки. Главнокомандующий Кавказской армией умело использовал опыт боевых действий в Балканских горах во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

Чтобы яркое солнце не слепило глаза, личному составу 1-го Кавказского корпуса, которому предстояло наступать в высокогорье, были выданы защитные очки.

Так как район предстоящего наступления был безлесный и подвоз дров почти невозможен, каждый солдат должен был иметь при себе два полена для обогрева на ночлегах.

Кроме того, в снаряжение наступавших пехотных рот входили толстые жерди или доски для устройства переправ через незамерзающие горные ручьи. Во время наступления под Сарыкамышем сотни турецких солдат получили обморожения ног из-за мокрой обуви.

Состоявшее при инспекторе армейской артиллерии генерале Слюсаренко метеорологическое отделение постоянно анализировало состояние погоды и выдавало рекомендации в войска. К концу года в полосе расположения армии было развернуто 17 метеорологических станций.

В армейском тылу развернулось большое железнодорожное строительство. От Карса до Мердекена с лета 1915 года эксплуатировалась узкоколейка на конной тяге — так называемая конка. Шли работы по строительству от Сарыкамыша до Караургана узкоколейки паровой тяги. Армейские обозы заметно пополнились вьючными животными — верблюдами и лошадьми.

Делалось все, чтобы скрыть от неприятеля перегруппировку войск. Горные перевалы маршевое пополнение преодолевало только ночью с соблюдением светомаскировки. Днем с русских позиций каждой дивизии в тыл демонстративно отводилось по батальону, которые под покровом темноты возвращались обратно. Такая дезинформация врага проводилась на участке фронта, где намечался прорыв — у селения Сонамер.

Проводилась оперативная маскировка подготавливаемого наступления. Был распущен слух о намечавшихся якобы ранней весной наступлении Ван-Азербайджанского отряда и Баратовского экспедиционного корпуса совместно с англичанами в Месопотамии. Было приказано провести в Иранском Азербайджане закупки большого количества верблюдов, а также гуртов скота для «мясных порций» довольствия войск, заготовлять пшеницу и фураж.

За несколько дней до начала наступления командиру 4-й Кавказской стрелковой дивизии была послана срочная нешифрованная телеграмма. В ней содержались «сведения» из разряда секрет-

ных — сосредоточиться у Сарыкамыша для дальнейшей отправки по железной дороге в Персию. Но только один 13-й стрелковый полк дивизии был переброшен в пограничную Джульфу, где после выгрузки совершил демонстративный суточный переход.

Умело проведенная штабной «командой» кавказского полководца игра своей цели достигла. Вот почему утро 28 декабря 1915 года стало для турецкого командования полной неожиданностью.

Первым перешел в наступление 2-й Туркестанский корпус. Но при этом он едва не «споткнулся» о сильные вражеские укрепления на вершине горы Гей-даг. Ее пришлось брать силами двух дивизий. Левый фланг корпуса с выходом на перевал Карачлы неожиданно для турок повернул на запад. 9 января русские овладели неприятельской позицией у Кизил-килиса и через три дня подошли к крепости Кара-гюбек, закрывавшей Гурджибогазский проход в Эрзерумскую горную равнину. Над флангом и тылом 10-го турецкого корпуса нависла серьезная угроза.

Согласно замыслам Юденича армейская группа прорыва вступила в бой на рассвете 30 декабря. Наступление велось по всей полосе фронта задействованных трех армейских корпусов. В долине реки Аракс турки оказали атакующим самое стойкое сопротивление. По долине этой реки проходили удобные пути в Эрзерум. В ходе боев стороны понесли большие потери и истощили немалую часть своих резервов.

Юденич интуитивно (и не ошибся) повернул наступающие войска с Ольтинского и Эрзерумского направлений на перевал Мергемир. Турецкое командование оставило этот участок фронта без должного внимания. Именно здесь совершили прорыв вражеских позиций авангардные отряды генералов Волошина-Петриченко и Воробьева. Сильная вьюга не стала помехой их бойцам. Затем в прорыв устремилась Сибирская казачья бригада. Она шла вперед при 30-градусном морозе по горным дорогам, занесенным снегом.

Большой успех выпал на долю 4-й Кавказской стрелковой дивизии. Ее передовые батальоны теснили турок вдоль северного берега реки Аракс, не давая им закрепиться на выгодных рубежах. Неприятель отступал в беспорядке, сжигая по пути селения и свои склады. Обходной отряд дивизии под командованием капитана В.И. Сорокина в ночном бою овладел окраиной крепости Календер, гарнизон которой капитулировал.

Вскоре у командующего 3-й султанской армией Кемаль-паши совсем не осталось резервов. Он уже не мог парировать удары русских. Лишь нераспорядительность штабных работников 1-го Кавказского корпуса при организации преследования позволила неприятелю довольно искусно совершить отход на промежуточный оборонительный рубеж.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ПОБЕДА ПОД ЭРЗЕРУМОМ

5 января вырвавшаяся вперед Сибирская казачья бригада под командованием генерала Калитина с 3-м Черноморским казачьим полком кубанцев подошла к Хасанкала. На следующий день сибирские и кубанские казаки решительно атаковали турецкий арьергард на ближних подступах к фортам Эрзерумской крепости.

Было взято в плен около 2 тысяч аскеров из состава 14 полков, входивших в состав 8 различных вражеских дивизий. Это свидетельствовало о том беспорядке, в котором отступала уже наполовину разгромленная 3-я турецкая армия.

7 января перед Эрзерумской крепостью появилась и русская пехота. 4-я Кавказская стрелковая дивизия и 263-й пехотный Гунибский полк неожиданно вышли к крепостной позиции Девебойну, которую турки спешно очищали от снега.

Взять с ходу Эрзерум не представлялось возможным, хотя это выглядело весьма заманчиво. Проведенные по приказанию Юденича расчеты показали, что для штурма требовалось немалое количество боевых припасов, прежде всего артиллерийских снарядов. Пехотинцам пришлось экономить винтовочные патроны. Неприкосновенный же боезапас Кавказской армии находился на складах в Карсе, а на подвоз самого необходимого требовалось время.

Поэтому штурм Эрзерума на время откладывался. Тем временем в крепость продолжали стекаться остатки 3-й турецкой армии. Эрзерумская твердыня, хорошо защищенная самой природой, представляла собой довольно обширную укрепленную позицию, развернутую фронтом на восток. Ее уязвимым местом являлись только тыловые обводы. Через них противник мог блокировать город-крепость, но перед этим ему предстояло проникнуть на Эрзерумскую равнину.

Прибывший под Эрзерум генерал от инфантерии Н.Н. Юденич лично провел рекогносцировку крепости и посему мог убе-

диться в силе ее укреплений, особенно бастионов. После этого главнокомандующий отдал приказ о начале подготовки к штурму Эрзерума. По утвержденному им графику армейский воздухоплавательный отряд вел разведку ближних и дальних подступов к городу.

Офицер разведывательного отделения полевого штаба Кавказской армии подполковник Б.А. Штейфон, участвовавший в подготовке и проведении штурма Эрзерумской крепости, вспоминал о своем главнокомандующем:

«В действительности каждый смелый маневр генерала Юденича является следствием глубоко продуманной и совершенно точно угаданной обстановки. И главным образом, духовной обстановки. Риск генерала Юденича — это смелость творческой фантазии, та смелость, какая присуща только большим полководцам».

Началось обложение вражеской крепости. Русские выбили турок из окрестных селений и, пользуясь ночами, все ближе подбирались к ее фортам. 27 января главнокомандующий Кавказской армией подписал приказ о штурме вражеской крепости. Он гласил:

«...Используя захват массива Карга-базар, господствующего над левым флангом Девебойнской позиции, произвести стремительный удар в полосе Чабан-деде, Далан-гез, с одновременным наступлением 2-го Туркестанского корпуса со стороны Гурджибогазского прохода на Кара-гюбекскую позицию и обходом Девебойну своим правым флангом... разбить противника...»

Для проведения штурма выделялось 88 пехотных батальонов, 70 казачьих сотен, 10 дружин государственного ополчения, 4 саперные роты, 166 орудий, 50 полевых гаубиц и 16 тяжелых осадных мортир. Штурмующим противостояли примерно такие же по численности неприятельские силы — более 80 батальонов пехоты.

Приступ начался в два часа пополудни 29 января 1916 года. Кавказские войска под прикрытием артиллерийского огня устремились на штурм крепостных фортов. За сутки ожесточенного боя удалось овладеть северной частью позиции Гурджибогазского прохода и фортом Далан-гез.

Вражеский форт занял пехотный штурмовой отряд подполковника И.Н. Пирумова. С рассветом 1 февраля турки повели огонь по утраченному укреплению более чем из 100 орудий. Защитники форта оказались отрезанными от своих, и у них стали кончаться

боеприпасы. Пять яростных атак было отбито ружейным и пулеметным огнем, шестую уже отбивали штыками. Перед седьмой атакой в строй встали даже раненые — турок вновь отбили штыковым ударом. Когда началась восьмая, к уцелевшим русским пехотинцам подоспела неожиданная помощь — неизвестный герой под вражеским огнем в вечерних сумерках вовремя доставил на ослах боеприпасы.

Из 1400 нижних чинов и офицеров полутора батальонов 153-го пехотного полка, оборонявших форт Далан-гез, в строю осталось всего около 300 человек, и то большей частью раненых. За ночь гарнизон укрепления усилили, а раненых эвакуировали.

Перелом произошел 1 февраля. В тот день русская пехота овладела последним из запирающих Гурджибогазский проход фортов. Войска Кавказской армии ворвались в Эрзерумскую долину. Воспрепятствовать этому турки не смогли, и теперь все свои усилия они сосредоточили на защите Девебойнской позиции.

Большой неожиданностью для главнокомандующего стало донесение авиаторов-разведчиков об оставлении турками собственно крепости Эрзерум. Все их силы были брошены в сражение за Девебойну. Юденич решил сыграть ва-банк — он переподчинил командиру 2-го Туркестанского корпуса генералу от инфантерии М.А. Пржевальскому колонны генералов Волошина-Петриченко и Воробьева, а также конницу полковника Раддаца, совершавшего рейд во вражеском тылу.

Пржевальский действовал решительно. 7 февраля русские войска ворвались в город Эрзерум. Вражеская крепость пала, а ее гарнизон капитулировал. В плен сдалось 137 офицеров и до 8 тысяч солдат, трофеями стало около 300 артиллерийских орудий.

В кавказских войсках по такому праздничному случаю был зачитан приказ главнокомандующего. В нем выражалась сердечная благодарность всем бойцам за мужественное исполнение своего воинского долга перед российским Отечеством.

Среди еще не погасших пожарищ поверженной вражеской крепости генерал от инфантерии Н.Н. Юденич лично вручал наградами отличившимся при штурме Эрзерума воинам. Георгиевскими кавалерами стали полковники Габаев и Фисенко, подполковник Воробьев, штабс-капитан Запольский, поручик Вачнадзе... Более 100 нижних чинов, рядовых, казаков и унтер-офицеров, получили «солдатские» Георгиевские кресты.

Сам Николай Николаевич Юденич был удостоен полководческой награды — ордена Святого Георгия 2-й степени. В Русской Императорской армии это было последним награждением столь высокой орденской наградой. В именном Высочайшем указе говорилось, что награждение производится «...в воздаяние отличного выполнения, при исключительной обстановке, блестящей боевой операции, завершившейся взятием штурмом Деве-Бойнской позиции и крепости Эрзерума 2 февраля 1916 года».

Полководческое искусство кавказского главнокомандующего при проведении Эрзерумской операции получило самую высокую оценку среди военачальников русской армии и военных теоретиков. Генерал Е.В. Масловский, бывший в его штабе генерал-квартирмейстером, позже отмечал в одной из своих работ:

«Генерал Юденич обладал необычайным гражданским мужеством, хладнокровием в самые тяжелые минуты и решительностью. Он всегда находил в себе мужество принять нужное решение, беря на себя и всю ответственность за него, как это было в Сарыкамышских боях и при штурме Эрзерума. Обладал несокрушимой волей. Решительностью победить во что бы то ни стало, волей к победе весь проникнут был генерал Юденич, и эта воля его в соединении со свойствами его ума и характера являли в нем истинные черты полководца».

После овладения Эрзерумской крепостью русская армия повела преследование остатков наголову разгромленной 3-й турецкой армии. Та спешила укрыться в Эрзинджане. Турок пришлось выбивать приступом из укреплений на горе Испир и хребта Думлу-даг. Наступление велось так, как оно было задумано в штабе Кавказской армии.

Трудностей хватало. В горах на дорогах мела пурга, горные склоны обледенели. Обозы не успевали за наступающими войсками. Запасы продовольствия оказались на исходе. Поэтому вскоре главнокомандующий отдал приказ 2-му Туркестанскому корпусу закрепиться на реке Западный Евфрат и перейти к обороне.

После этого генерал от инфантерии Н.Н. Юденич начал выравнивание линии фронта. 4-й Кавказский корпус в ночь на 17 февраля взял город Битлис. Турецкое командование решило отбить его силами одной пехотной дивизии и курдской племенной конницы, но русские упреждающим ударом разгромили неприятеля. Турки и курды рассеялись в окрестных горах.

Одновременно русский Приморский отряд, прорвав вражеские позиции по рекам Архаве и Вицесу, вышел на дальние подступы к важному портовому городу Трапезунду. Наступление сухопутных войск вдоль морского берега было поддержано артиллерийским огнем с кораблей Черноморского флота.

В наступление перешел и экспедиционный корпус генерала Н.Н. Баратова. Рейды казачьей конницы немало помогли англичанам, которые вели тяжелые бои с турками на юге Месопотамии (современного Ирака). 24 февраля берется город Керманшах, центр западной части Ирана. Теперь под ударом русской конницы оказалось Багдадское направление, и потому в Стамбуле не решились перебросить войска из Месопотамии в помощь терпящей разгром 3-й армии.

Эрзерумская наступательная операция завершилась в конце февраля 1916 года. В годы Первой мировой войны она стала одной из самых умело организованных операций, проведенной к тому же в труднейших зимних условиях горного театра военных действий. Наступление русской Кавказской армии решало стратегические задачи и отвечало полководческим воззрениям генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича, кавалера трех орденов Святого Георгия.

Эрзерумская наступательная операция проводилась на широком фронте в 300 километров, в горах. Кавказская армия пленила более 13 тысяч турецких солдат и офицеров, захватила 300 орудий (всю крепостную артиллерию Эрзерума и значительную часть полевых орудий), знамена и большие запасы продовольствия, заготовленные турками на зиму. В итоге 3-я турецкая армия потеряла больше половины своего состава и почти всю свою артиллерию.

Переход через заснеженные горы и 5-дневный штурм Эрзерума обошелся и победителям дорогой ценой. Они потеряли 2300 человек убитыми и 14 700 ранеными и обмороженными.

Стратегический успех Кавказской армии заключался в том, что она овладела единственным укрепленным районом Турции в Малой Азии — крепостью Эрзерум. Тем самым приоткрывались ворота через недалекий Эрзинджан в Анатолию — центральные провинции Оттоманской империи. Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии М.В. Алексеев отмечал:

«Этот успех приобрел на Ближневосточном театре особую значимость на фоне неудач в ходе Дарданелльской (Галлиполийской. — *А. Ш.*) операции и наступления англичан в Месопотамии».

ТРАПЕЗУНДСКАЯ ОПЕРАЦИЯ. ВОЙНА В ГОРАХ

Прямым продолжением Эрзерумской операции стала Трапезундская. Она проводилась силами Приморского отряда генерала Ляхова при поддержке кораблей Батумской военно-морской базы под командованием капитана 1-го ранга Римского-Корсакова. Часть кораблей пришло из Севастополя. Наступление вдоль берега Черного моря с самого начала имело успех.

Неприятельская оборона на западном берегу реки Карадера была прорвана с ходу благодаря артиллерийской поддержке со стороны моря. Огонь велся с линкора, двух эсминцев, двух миноносцев и нескольких канонерских лодок. С черноморских кораблей в Ризе и Хамургяне были высажены тактические десанты: две Кубанские пластунские бригады с приданной им артиллерией и их обозы.

Русские войска через четыре дня с начала операции заняли без боя город-порт Трапезунд (ныне Трабзон в Турции. — *А. Ш.*). Трапезундский гарнизон без всякого сопротивления бежал в окрестные горы. Так Кавказская армия выполнила личное пожелание нового Верховного главнокомандующего России Императора Николая II, переданное генералу от инфантерии Н.Н. Юденичу новым царским наместником на Кавказе Великим Князем Николаем Николаевичем-младшим.

Результаты последних наступательных операций русской Кавказской армии союзники по Антанте (Россия, Франция и Великобритания) закрепили секретным соглашением в апреле 1916 года.

В этом союзническом документе, важном для продолжения войны на Ближнем Востоке, в частности, отмечалось, что:

«...Россия аннексирует области Эрзерума, Трапезунда, Вана и Битлиса до подлежащего определению пункта на побережье Черного моря к западу от Трапезунда. Область Курдистана, расположенная к югу от Вана и Битлиса, между Мушем, Сертом, течением Тигра, Джезире-ибн-Омаром, линией горных вершин, господствующих над Амадией и областью Мергевера, будет уступлена России, которая взамен признает собственностью Франции территории, заключенные между Ала-Дагом, Кессарией, Ак-Дагом, Ильдиз-Дагом, Зарой, Эгином, Харпутом. Кроме того, начиная от области Мергевера, граница арабского государства пойдет по линии горных вершин, определяющих в настоящее время оттоманскую территорию от персидской...»

Приобретение порта Трапезунд заметно улучшило снабжение правого фланга Кавказской армии — здесь стала складываться крупная тыловая база. Для ее прикрытия был образован Платанский укрепленный район, куда морем были переброшены две третьеочередные пехотные дивизии, сформированные близ Мариуполя. Генерал от инфантерии Н.Н. Юденич создал из них 5-й Кавказский армейский корпус. Как показали последующие события, это было своевременной мерой.

Юденич относился к числу тех армейских руководителей, которые старались идти в ногу со временем, заинтересованно относясь ко всему новому в области военной техники и вооружения. Большие надежды он связывал с авиацией. На фронте он лично ставил ей задачи на ведение воздушной разведки. Воздухоплаватели не подвели командующего и на этот раз: было обнаружено передвижение крупных сил турецкой пехоты и конницы в направлении на Харпут. Как выяснилось позже, султанское командование вознамерилось вернуть себе Эрзерум, хотя к тому времени его 3-я армия еще не восстановила свои силы.

Вот тут-то и пригодился недавно созданный 5-й Кавказский корпус. По приказу главнокомандующего он нанес упреждающие удары на Гюмюш-Хене и Эрзинджан. Корпус поддержали другие войска. В итоге турки не смогли удержать за собой Бейбурт, Кильким и Эрзинджан. В Эрзинджанской операции русские войска захватили 17 тысяч пленных.

После поражения союзников в ходе Галлиполийской десантной операции у Стамбула появились немалые свободные силы. Поэтому там было решено сделать 1916 год переломным в борьбе за Кавказ. На помощь 3-й турецкой армии с берегов Дарданелл перебрасывается 2-я армия, состоявшая из семи дивизий. Свежие неприятельские войска 3 августа переходят в наступление на Огнот и Битлис, обрушившись на левый фланг 1-го Кавказского корпуса. В горах вновь завязались ожесточенные бои.

Русский полководец решил дать неприятелю встречное сражение. В район Киги он перебрасывает ускоренным маршем две

пехотные дивизии только что сформированного 6-го Кавказского армейского корпуса. После ожесточенных боев туркам пришлось отступить перед атакующими русскими войсками.

Вскоре на линии Кавказского фронта наступила стратегическая пауза — противные стороны исчерпали свои атакующие возможности. К началу сентября фронт стабилизировался на рубеже Элхеу, Эрзинджан, Огнот, Битлис, озеро Ван.

Новую военную кампанию 1917 года Кавказская армия (преобразованная в апреле в Кавказский фронт) встречала в сложных условиях. При планировании боевых действий Юденичу приходилось среди прочих учитывать следующие обстоятельства.

Во-первых, Кавказский фронт жил своей обособленной жизнью, будучи далек от Ставки Верховного главнокомандующего и от главных событий Первой мировой войны.

Во-вторых, кавказские войска оказались в тяжелом положении. Совершенно бездорожный и крайне ограниченный в продовольственных ресурсах горный край создавал все больше трудностей. Войска поразила эпидемия тифа, свирепствовала цинга. Зимой санитарные потери в людях в несколько раз превысили боевые. Из-за отсутствия фуража и болезней лошадей армейские обозы пришли в полнейшее расстройство. Немало артиллерийских батарей остались без конной тяги.

В-третьих, союзники-англичане все настойчивее требовали активизации действий русских войск на Кавказском фронте. Лондон больше всего беспокоило положение своих войск на других азиатских фронтах — в Палестине, Месопотамии.

И в-четвертых, войска продолжали бедствовать в силу непривычных климатических условий. Горные зимы сменились для них тропической жарой в долине реки Диалы.

И ко всему в Российской империи с каждым месяцем накалялась внутриполитическая ситуация. До удаленного от Петрограда Кавказского фронта пока доходили только отголоски той политической борьбы.

Однако и на Кавказе начался процесс разложения воинских коллективов. Во многих воинских частях падала дисциплина и исполнительность. Генералу от инфантерии Н.Н. Юденичу вскоре пришлось столкнуться с фактами, когда различные местные политические организации, всевозможные общественные комитеты пытались своими решениями парализовать деятельность коман-

дования Кавказского фронта. И это делалось в условиях идущей войны.

С учетом всего этого глава фронта на 1917 год счел возможным подготовить только две частные наступательные операции. Первую — на Мосульском направлении на севере современного Ирака силами нового 7-го Кавказского корпуса и экспедиционного корпуса генерала Н.Н. Баратова. Вторую — на левом фланге фронта. На остальных направлениях намечалось вести активную оборону.

Ставка Верховного главнокомандующего сочла такие планы вполне приемлемыми и не возражала против них. Однако союзнические обязательства России внесли свои коррективы в замыслы кавказского полководца.

СОЮЗНИКИ ПО АНТАНТЕ. ОТСТРАНЕНИЕ ОТ КОМАНДОВАНИЯ ФРОНТОМ

Британское командование было серьезно озабочено успешными действиями 6-й турецкой армии на юге Месопотамии. В конце января 1917 года в Тифлис прибыл английский представитель. Он высказал царскому наместнику на Кавказе Великому Князю Николаю Николаевичу и генералу от инфантерии Н.Н. Юденичу пожелание Лондона в ближайшее время оказать давление на фланг и тыл 6-й армии.

Идя навстречу просьбам союзников, русские войска 2 февраля перешли в наступления на двух направлениях — Багдадском и Пенджвинском. Операция протекала успешно. 1-й Кавказский корпус генерала П.П. Калитина вышел к границе Месопотамии, а 7-й Кавказский корпус генерала князя Н.П. Вадбольского — к Пенджвину.

Кавказские войска оказали англичанам неоценимую помощь и позволили им начать наступление и захватить город Багдад. Турецкая 6-я армия отступала на север, поскольку она оказалась под двойным ударом и ей в таком случае грозил разгром.

Февральская революция ввергла всю Россию в вихрь политических событий. Пала династия Романовых, которая правила страной более трехсот лет. Утром 2 марта штаб Кавказского фронта, в который была преобразована отдельная Кавказская армия, получил Высочайший манифест об отречении Императора Николая II от

российского престола. Одновременно пришел приказ о назначении вновь Верховным главнокомандующим Великого Князя Николая Николаевича.

В полдень того же дня в штаб фронта телеграфной строкой пришло заявление Великого Князя Михаила Александровича, в пользу которого отрекался Император Николай II. Михаил Александрович тоже в данный момент отказывался от императорской короны. Власть в России перешла в руки Временного правительства.

Начались большие перестановки в высшем эшелоне военной власти. Временное правительство назначило командующим Кавказским фронтом генерала от инфантерии Н.Н. Юденича.

Николаю Николаевичу, как и раньше, приходилось заниматься самыми неотложными делами. С начала года экспедиционный корпус генерала Баратова стал испытывать серьезные трудности с провиантом. Командующий английской армией отказался помочь в этом русским, хотя именно им он был обязан взятием Багдада.

С наступлением тропической жары в экспедиционном корпусе началась эпидемия малярии. В его пехотных батальонах началось брожение. Настроение людей стало определяться как неустойчивое. В штаб фронта от генерала Н.Н. Баратова пришла телеграмма, в которой сообщалось, что «созданный в корпусе солдатский комитет самочинно арестовал представителя английского военного атташе при корпусе капитана Грея».

Взвесив свои реальные возможности, командующий фронтом принимает решение однозначно прекратить наступление и с 6 марта перейти к позиционной обороне. 1-й и 7-й Кавказские корпуса отводились в районы с лучшими условиями базирования.

Такое решение обеспокоило союзников. Париж и, прежде всего, Лондон стали оказывать сильное давление на Временное правительство: Россия должна продолжать вести военные действия и выполнять свой союзнический долг перед Антантой. Из Петрограда последовало несколько депеш генералу от инфантерии Н.Н. Юденичу с требованием возобновить наступление на границах Месопотамии и тем самым помочь англичанам.

Николай Николаевич в ответ представил в Ставку Верховного главнокомандующего обстоятельный доклад о реальных возможностях Кавказского фронта и состоянии его войск. В ответ Временное правительство 7 мая 1917 года отстраняет Юденича от

командования Кавказским фронтом как «сопротивляющегося указаниям Временного правительства».

Так 1917 год вошел в полководческую судьбу генерала от инфантерии георгиевского кавалера Н.Н. Юденича. Русская армия в Первой мировой войне потеряла одного из лучших своих полководцев. Неумолимый ход времени превратил его из национального военного героя в политического изгоя...

Во второй половине мая, сдав дела генералу от инфантерии Михаилу Алексеевичу Пржевальскому, он прибывает в Петроград. Опальный полководец посетил Генеральный штаб, Военное министерство. Можно не сомневаться, военный министр Временного правительства А.Ф. Керенский принял заслуженного генерала более чем холодно.

Юденич не задержался в Петрограде, уехал в родную Москву. Там уже находилась приехавшая из Тифлиса семья. Теперь ему пришлось в условиях идущей большой войны становиться гражданским человеком.

Николай Николаевич делает попытку вернуться в армейские ряды, и он прибывает в могилевскую Ставку Верховного главнокомандующего на прием к находившемуся там военному министру. Но поездка желаемого результата не дала, и он возвращается в Москву.

ВО ГЛАВЕ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ

Октябрьские события Юденич, естественно, не принял. Отставной генерал эмигрирует в Финляндию. Там он сходится с генералом бароном Маннергеймом, с которым был хорошо знаком по годам учебы в Николаевской академии Генерального штаба, сознательным противником советской власти в Финляндии.

Именно встречи с Маннергеймом привели Н.Н. Юденича к мысли организовать здесь, за границей, борьбу против Советов. Опорой могли стать эмигранты, которых в Финляндии насчитывалось более 20 тысяч человек, в том числе свыше двух тысяч офицеров. Многие из них горели желанием с оружием в руках бороться против красных на стороне Белого движения.

В 1918 году в Финляндии создается Русский политический комитет монархической направленности. Он поддержал желание

военной части белой эмиграции в Финляндии и Эстонии организовать поход на красный Петроград с целью его захвата и оказания таким образом помощи белым вооруженным силам Юга России и единомышленникам в Сибири.

Для организации военных сил и командования ими во время похода на Петроград требовался боевой, прославленный и авторитетный генерал. Кандидатуры лучше генерала от инфантерии Н.Н. Юденича просто не было. Он принимает предложение Русского политического комитета без колебаний и в силу этого становится лидером антисоветского Белого движения на Северо-Западе России.

При Юдениче из лидеров белой эмиграции, оказавшихся тогда в финской столице Хельсинки, создается так называемое «Политическое совещание». Оно начинает налаживать контакты с Белым движением в других концах России. Адмирал Колчак присылает в распоряжение «Политического совещания» миллион рублей «на наиболее срочные нужды». Еще два миллиона рублей на нужды создаваемых белых воинских формирований собрали в финансово-промышленных кругах эмиграции.

В Финляндии, с согласия финского регента Маннергейма, Юденич негласно приступает к формированию воинских отрядов. Главные свои надежды он связывал с обосновавшимся в Эстонии Северным корпусом, вернее, с частью белой Северной армии, оставшейся после боев в конце 1918 года под Себежем и Псковом. Начали помогать недавние союзники России по Антанте — из Лондона к Юденичу прибыла военная миссия.

Британцы требовали от «Политического совещания» только одного — полного подчинения Верховному правителю России адмиралу А.В. Колчаку, обещая взамен помощь. Фигура Юденича настораживала английских союзников, которые не могли простить ему отказ во время пребывания во главе Кавказского фронта большим наступлением помочь союзникам в Месопотамии в 1917 году.

Пока шли переговоры, белый Северный корпус под командованием генерала А.П. Родзянко самостоятельно перешел в наступление на Петроград и потерпел поражение. Сил у него оказалось явно недостаточно для проведения такой наступательной операции.

Эти события ускорили приход генерала от инфантерии Н.Н. Юденича к власти. 24 мая 1919 года адмирал Колчак настоял на его вступлении в единое командование всеми русскими силами белых

на Северо-Западе России. Красный Петроград получил в его лице серьезного противника. В интервью газете «Северная жизнь» Юденич так изложил свое видение Белого дела:

«У русской белой гвардии одна цель — изгнать большевиков из России. Политической программы у гвардии нет. Она не монархическая и не республиканская. Как военная организация, она не интересуется вопросами политической партийности. Ее единственная программа — долой большевиков. Поэтому мы принимаем в нашу организацию людей независимо от их политических взглядов, лишь бы они не были большевики или коммунисты. Когда большевики будут низвергнуты, белая гвардия займется восстановлением порядка».

Было создано «Северо-Западное русское правительство» во главе с профессором Технологического института, членом конституционно-демократической партии (кадетов) А.Н. Быковым. Активного участия в его работе Юденич не принимал — он занимался военными вопросами, готовил наступление белых войск на Петроград, до которого от эстонской границы, казалось, было рукой подать.

Между ним и командиром Северного корпуса генералом Родзянко началось противостояние. Белоэмигрант В. Горн в своих мемуарах, изданных в Берлине, так описывает взаимоотношения командующего с корпусным командиром, который обладал реальной властью над главными силами белой армии:

«Постепенно, шаг за шагом, определенно выяснилось, что Юденич слабохарактерен, нерешителен, вял и совершенно не в состоянии произвести необходимых реформ в армии, — наоборот, Родзянко настойчив, упрям и явно стоит поперек дороги всем начинаниям правительства. Это не было открытием для нас всех: еще до образования правительства широкие общественные круги требовали удаления в первую очередь ген. Родзянко, а когда правительство медлило с этим, левой его части приходилось выдерживать яростные нападки со всех сторон, и тем не менее вопрос об удалении ген. Родзянко становился сложнее и сложнее, по мере того как выяснилась физиономия той военной среды, с которой нам ближе теперь пришлось столкнуться...

Ген. Юденич, что называется, не вез, не тянул».

Британские союзники в отношениях с командующим Белой армии на Северо-Западе России занимали «странную» позицию. Когда генерал от инфантерии Н.Н. Юденич попытался на деле

договориться о совместных действиях против Петрограда с командующим английской эскадрой в Балтийском море адмиралом Коуэном, то получил вежливый отказ.

Такое объяснялось тем, что адмирал Коуэн лавировал между двумя позициями, которые существовали в правительстве Великобритании в вопросе отношения к Советской России и Белому движению. Стоявший во главе британского военного министерства Черчилль был убежденным сторонником самой широкой помощи белым силам. Премьер-министр же Ллойд-Джордж вынужденно считался с движением под лозунгом «Руки прочь от Советской России». Поэтому его больше заботили предстоящие выборы, чем усиление помощи белогвардейским армиям.

Дело дошло до того, что правительство «Северо-Западной области» давало указания своим представителям, которые занимались закупкой продовольствия и боеприпасов для Северного корпуса, не знакомить союзников-англичан с закупочной документацией.

Немалые финансовые трудности правительство Н.Н. Юденича попыталось решить «законным» путем. С разрешения Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака в Швейцарии были отпечатаны денежные знаки, «обязательные к приему на русской территории». Было объявлено, что через три месяца после занятия Петрограда они будут обменены на государственные кредитные билеты, рубль за рубль.

«Новыми денежными знаками» стали выплачивать денежное довольствие в частях Северного корпуса. И сразу же среди его солдат и офицеров «создался нездоровый шум». Правительство Великобритании не стало «ручаться» за выпускаемые деньги, поэтому на банкнотах стояли только две подписи — главнокомандующего генерала Юденича и министра финансов Лианозова. Такие денежные знаки, естественно, обладали минимальной покупательной способностью.

Северо-Западная армия белых создавалась медленными темпами. По словесному заявлению генерала от инфантерии Н.Н. Юденича на заседании Совета министров в сентябре 1919 года его войска насчитывали 27 тысяч бойцов. На территории бывшей Псковской губернии была произведена военная мобилизация. Среди мобилизованных оказалось большое число унтер-офицеров и фельдфебелей старой русской армии.

Белое правительство на Северо-Западе России так и не выработало сколько-нибудь четкой линии в своей деятельности. Оно

стремилось внести «успокоение» в жизнь деревень, чтобы там найти себе некоторую опору. Так, в одном из проектов правительственных аграрных решений значился такой пункт:

«Охранить от хищения и захвата совхозы, коммуны, коллективы и др. советские имения, питомники и хозяйства, которые могли бы впоследствии послужить общим агрокультурным целям».

ПОХОД НА КРАСНЫЙ ПЕТРОГРАД. ЭМИГРАЦИЯ

В наступление на Петроград белая армия Юденича перешла 28 сентября 1919 года. Она сумела прорвать фронт 9-й Красной армии. Белым удалось в ходе упорных боев захватить Ямбург, Красное Село, Гатчину, Детское Село. До самого Петрограда оставалось всего 20 километров. Наступательная операция начиналась более чем успешно — на десятый день боев войска кавказского полководца были уже на ближних подступах к городу на Неве — конные разъезды белых «видели» со стороны Лигова золоченый купол величественного Исаакиевского собора.

Писатель-эмигрант А.И. Куприн, участник тех боев под Петроградом, в своей автобиографической повести «Купол Святого Исаакия Далматского» писал:

«Страшная стремительность, с которой С.-З. армия рванулась на Петербург, действительно вряд ли имела примеры в мировой истории, исключая разве легендарные суворовские марши...

Добровольцы — двадцать тысяч человек в «сверхчеловеческой» обстановке непрестанных на все стороны боев, дневных и предпочтительно ночных, с необеспеченным флангом, с единственной задачей быстроты и дерзости, со стремительным движением вперед, во время которого люди не успевали есть и выспаться. Армия не разлагалась, не бежала, не грабила, не дезертировала. Сами большевики писали в красных газетах, что она дерется отчаянно...»

Однако дальше для белого командования началось труднообъяснимое. Никаких вооруженных восстаний и рабочих забастовок в Петрограде не произошло. Зато большевистские агитаторы вовсю работали в белогвардейских воинских частях, и не без успеха.

Председатель Революционного военного совета (Реввоенсовета) Советской России Троцкий сумел быстро перебросить на защиту Петрограда сильные резервы из Москвы и Твери, снять часть войск с Северного фронта. В самом Петрограде и Кронш-

тадтской морской крепости были сформированы новые революционные отряды, которые без промедлений направлялись на передовую.

Правительство Юденича не смогло обеспечить свою армию самым необходимым. Отдельные полки порой по два дня оставались без хлеба, не хватало боеприпасов. Отсутствовали автомобили, и имелся всего один танк из большого числа, обещанного союзниками. В войсках стала падать воинская дисциплина, усилилось дезертирство мобилизованных крестьян.

С наступлением первых ночных заморозков Красная армия, имевшая заметное превосходство в численности и вооружении, перешла в наступление. Удар наносился в стыке между 2-й и 3-й дивизией белых. И «в беспрерывных арьергардных боях измученная, изголодавшаяся, не знавшая сна и отдыха Сев.-Зап. армия через две недели докатывается до границ Эстонии». Вместе с белогвардейскими войсками отступали и союзные — эстонские части.

Начавшийся развал Белой армии вызвал резкую оппозицию главнокомандующему. Командиры отдельных воинских частей устроили совещание и через командира одного из корпусов графа Палена передали генералу от инфантерии Н.Н. Юденичу требование передать командование армией другому лицу.

Юденич соглашается с требованием полковых командиров. 1 декабря 1919 года произведенный им в генерал-лейтенанты Глазенап приступает к исполнению новых для себя обязанностей. Северо-Западная армия отступает на территорию Эстонии и там разоружается по требованию местных властей. Бывшие военнослужащие правительства «Северо-Западной области» становятся вынужденными беженцами. 14 тысяч из них вскоре попадают в бараки для тифозных больных. Тысячи здоровых людей решением эстонских властей отправляются на лесоразработки.

В ночь на 28 января 1920 года бывший главнокомандующий был арестован в ревельской гостинице «Коммерс», где он проживал, своими бывшими соратниками из окружения генерал-майора С.Н. Булак-Булаховича. Арест производился в присутствии трех чинов эстонской полиции.

Однако по требованию белоэмигрантских лидеров Юденич был освобожден эстонскими властями. Вернувшись в Ревель (современный Таллин), он поселился в помещении британской военной миссии. Последние его действия как главы белого правительства

были следующие. Он добровольно выдал ордера на подотчетные ему денежные суммы для обеспечения чинов расформированной по его приказу Белой Северо-Западной армии на следующие суммы — 227 тысяч фунтов стерлингов, полмиллиона финских марок и около 115 миллионов эстонских марок.

Бывший глава белого правительства на Северо-Западе России дал при свидетелях подписку об отсутствии у него других средств, которые могли бы пойти на обеспечение чинов расформированной армии. Обо всем этом немедленно было сообщено в ревельских газетах. Думается, что такой поступок лучше всего характеризовал генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича в кругах белой эмиграции. Георгиевский кавалер и полководец русской армии в годы Первой мировой войны всегда больше всего дорожил своей солдатской честью.

Дальнейшая его судьба мало чем отличалась от судеб многих тысяч эмигрантов из России, которые после бескомпромиссной Гражданской войны оказались рассеянными по всему белому свету. Генерал Н.Н. Юденич из Эстонии окольными путями эмигрировал в Англию. Известно, что он внимательно наблюдал через лондонскую печать за жизнью в Советской России.

На первых порах лидеры белоэмигрантских кругов настойчиво пытались привлечь заслуженного и авторитетного генерала к антисоветской деятельности. Но Н.Н. Юденич, оказавшись в эмиграции, всегда отвечал на такие предложения отказом.

Чекисты из органов внешней разведки, которые «курировали» за границей деятельность русской белой эмиграции, неизменно доносили в Москву на Лубянку одну и ту же информацию: «Бывший белый генерал Юденич от политической деятельности отошел».

Последний большой полководец Российской империи в войнах на Кавказе скончался 5 октября 1933 года во французском городе Канны в возрасте семидесяти одного года. Во время похорон ему были отданы воинские почести его боевыми соратниками по Белому движению.

...Имя русского полководца Первой мировой войны на его родине долгое время увязывалось только с тем, что он являлся одним из военных вождей Белого движения. Более правильный образ генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича возвратился в Россию с публикацией трудов известного военного историка русского зарубежья А.А. Керсновского. Тот в своем очер-

ке «Мировая война» среди выдающихся военачальников России в 1914—1917 годах едва ли не чаще других упоминает главнокомандующего Кавказским фронтом Н.Н. Юденича. И его полководческие заслуги в ходе Первой мировой войны:

«...Армия Энвера была сокрушена и уничтожена Юденичем у Сарыкамыша. Мечтам о создании «пантуранского» царства от Адрианополя до Казани и Самарканда наступил конец.

Летом 1915 года Юденич разбил пытавшихся наступать турок на Евфрате.

Осенью турки разгромили англо-французов в Дарданеллах. Зная, что неприятель должен усилиться, а ему подкрепления не дадут, Юденич решил не дожидаться удара, а бить самому. В разгар ледяной кавказской зимы он перешел во внезапное наступление, разгромил турецкую армию при Азап-Кее, а затем — на свой страх и риск (наместник Вел. Князь Николай Николаевич на это не давал согласия) беспримерным в истории штурмом взял Эрзерум...

К концу 1916 года она (Кавказская армия. — *А. Ш.*) выполнила все, чего от нее требовала Россия в эту войну. Дело было за Царьградским десантом. Живая сила турецкой армии была уже сокрушена».

Немного сказано А.А. Керсновским о герое последней войны России на Кавказе Николае Николаевиче Юдениче. Но за каждой из этих строк стоял огромный полководческий труд во имя Отечества, во имя величия Российской державы.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. X—XII. Тифлис, 1836.

Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч.I—IV. СПб., 1840—1841.

Берже А.П. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Тифлис, 1858.

Бестужев И.В. Крымская война 1853—1856 гг. М., 1956.

Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.

Богданович М.И. Восточная война 1853—1856. В 4-х т. Т. I, II. СПб., 1876.

Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. Т. I—III. СПб., 1859—1860.

Богословский М. Учебник русской истории. Ч. III. СПб., 1917.

Борисенок Ю. Хозяин мятежного края: Штрихи к образу фельдмаршала Паскевича//Родина. 1994. № 12.

Бородино. 1812. Сборник статей. (Абалихин Б.С. и др.) М., 1987.

Бутурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. Ч. I, II. СПб., 1823—1824.

Венков А.В., Шишов А.В. Белые генералы. Ростов-на-Дону, 1998.

Веселовский Н.И. Военно-исторический очерк города Анапы. Петроград, 1914.

Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом. Т. X. Тифлис, 1886.

Галушко Ю.А. Казачьи войска России. М., 1993.

Гейрот. Описание Восточной войны 1853—1856 гг. СПб., 1872.

Гаммер М. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998.

Георгиевские кавалеры. Т. I. М., 1993.

Глинка В.М. Пушкин и Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1988.

Гордеев А.А. История казаков. В 4-х ч. Ч. III. М., 1992.

Готовцев А. Важнейшие операции на Ближневосточном театре в 1914—1918 гг. М., 1941.

Грачев В.И. Письма французского офицера из г. Смоленска в 1812 г. Изд. 2-е. Смоленск, 1911.

Давыдов Д.В. Военные записки. М., 1982.

Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50-е гг. XIX века. Сборник документов. Махачкала, 1959.

Дегоев В.В. Кавказская война: альтернативные подходы к ее изучению// Вопросы истории. 1999. № 6.

Достопамятные черты из жизни генерал-фельдмаршала, князя Варшавского, графа Ивана Федоровича Паскевича-Эриванского, и храбрых его сподвижников, заключающие в себе все военные события трех достопамятных кампаний: Персидской, Турецкой и Польской, прославивших русское оружие. С присовокуплением исторического обозрения польской революции, разных высочайших рескриптов, приказов фельдмаршала. Ч. I—VI. М., 1833.

Дубровин Н. Восточная война 1853—1856. Обзор событий... СПб., 1878.

Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и оборона Севастополя. СПб., 1900.

Дубровин Н.Ф. История войн и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб., 1888.

Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников. (1812—1845 гг.) СПб., 1882.

Дюпюи Р.-Э., Дюпюи Р. Всемирная история войн. Т. III. СПб.; М., 1997—1998.

Елпатьевский К. Учебник русской истории. Изд. 10-е. СПб., 1906.

Епанчин Ю.А. Батарея Раевского//Вопросы истории. 1991. № 2—3.

Ермолов, Дибич и Паскевич на Кавказе в 1826—1827 гг. Донесения и письма//Русская старина. 1872. № 7, 9.

Ермолов А. Алексей Петрович Ермолов. 1777—1861. Биографический очерк. СПб., 1912.

Ермолов А.П. Записки. Ч. II. М., 1868.

Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова. СПб., 1837.

Жилин П.А. Контрнаступление русской армии в 1812. М., 1953.

Задонский Н. Жизнь Муравьева. Документальная историческая хроника. М., 1985.

Зайончковский А.М. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. I. СПб., 1908.

Захарьин И.Н. Кавказ и его герои. СПб., 1902.

Земцов В.Н. Битва на Москве-реке. М., 1999.

Зиссерман А. История 80-го Пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726—1880). Т. II. СПб., 1881.

Знаменитые черты из жизни и военные подвиги фельдмаршала графа Ивана Федоровича Паскевича-Эриванского и храбрых его сподвижников. Ч. I—III. М., 1831.

Золотарев В.А. В грядущее глядим мы сквозь былое: Война 1877—1878 гг. — апофеоз восточного кризиса. М., 1997.

Золотарев В.А. От Карфагена до Карса. Очерки по истории военного искусства. М., 1993.

Зубов П. Подвиги русских воинов в странах Кавказских с 1800 по 1834 год. Т. II. СПб., 1836.

Ибрагимбейли Х.М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX века. М., 1969.

Иностранцев М. Отечественная война 1812 г. Операции второй Западной армии князя Багратиона от начала войны до Смоленска. СПб., 1914.

История народов Северного Кавказа. М., 1988.

Кавтарадзе А.Г. Генерал А.П. Ермолов. Тула, 1977.

Казаки в войнах России. Краткие исторические очерки. М., 1999.

Каллаш В.В. Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников. М., 1912.

Кандур Мухадин. Мюридизм. История кавказских войн 1819—1859 гг. Нальчик, 1996.

Керсновский А.А. История русской армии. Т. II. М., 1993.

Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816—1827). Ессентуки, 1999.

Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1991.

Ковалевский Н.Ф. История государства Российского. Жизнеописания знаменитых военных деятелей. XVIII — начало XX в. М., 1997.

Ковалевский П.И. Завоевание Кавказа Россией: Исторические очерки. СПб., 1911.

Корсун Н.Г. Кавказский фронт мировой войны 1914—1918. Изд. 2-е. М., 1941.

Корсун Н.Г. Сарыкамышская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1914—1915 гг. М., 1937.

Кухарук А. Вместо Парижа — на Будапешт!//Родина. 1999. № 11.

Леер Г.А. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. II. СПб., 1886.

Лудшувейт Е.Ф. Турция в годы Первой мировой войны 1914—1918 гг. Военно-политический очерк. М., 1966.

Лукьянович. Описание Турецкой войны 1828 и 1829. В 3-х ч. СПб., 1844, 1844, 1847.

Ляхов В.А. Русская армия и флот в войне с Оттоманской Турцией в 1828—1829 годах. Ярославль, 1972.

Марков Е. Очерки Кавказа. СПб., 1913.

Меньков П.К. Записки в 3-х т. Т. I. Дунай и немцы. Восточный вопрос 1853—1856. Б.м., б.г.

Меньков П.К. Записки в 3-х т. Т. III. Очерки Польской кампании князя Варшавского, графа Паскевича-Эриванского. Б.м., б.г.

Милютин Д.А. Воспоминания. 1816—1843. М., 1997.

Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия: политическая история России первой половины XIX века. М., 1990.

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война 1812 года. Ч. I—IV. СПб., 1843.

Мугуев Х.-М. Буйный Терек. Кн. I, II. Курск, 1995.

Муравьев Н.Н. Война за Кавказом в 1855. Ч. 1, 2. СПб., 1877.

Общие сведения о кавказских городах. Вып. I. Тифлис, 1868.

Окунь С.Б. История России. Ч. I. Конец XVIII — начало XIX в. Л., 1974.

Острогорский М. Завоевание Кавказа (1801—1864). Рассказ из отечественной истории. СПб., 1880.

Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы научных конференций. Бородино. 1988—2000.

Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998.

Перцев В. Жизнеописание генерал-фельдмаршала князя Варшавского, графа Ивана Федоровича Паскевича-Эриванского. Варшава, 1870.

Петров А.Н. Влияние турецких войн с половины прошлого столетия на развитие русского военного искусства. Т. I, II. СПб., 1893—1894.

Петров А.Н. Война России с Турцией. Дунайская кампания 1853—1854 гг. Т. I. СПб., 1890.

Погодин М.Н. Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии. М., 1863.

Подгорная Н.И. Кавалеры императорского Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия I и II степеней (1769—1916). Рига, 1993.

Под стягом России: сборник архивных документов. М., 1992.

Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сборник статей. М., 1923.

Полевой Н.А. Русские полководцы, или Жизнь и подвиги российских полководцев от времен императора Петра Великого до царствования императора Николая I. СПб., 1845.

Поливанов А. Очерк устройства продовольствия русской русской армии на Придунайском театре в кампании 1853—1854 и 1877. СПб., 1894.

Потто В. История 44-го драгунского Нижегородского полка. Т. I—X. СПб., 1892—1895.

Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. I—IV. СПб., 1885.

Прочко И.С. История развития артиллерии. СПБ., 1994.

Дневник Павла Пущина 1812—1814. Л., 1987.

Ржевуский А. Терцы. Сборник исторических, бытовых и географических сведений о Терском казачьем войске. Владикавказ, 1889.

Рихтер В.Г. Собрание трудов по русской военной медалистике и истории. Париж, 1972.

Романовский И. Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860.

Российские государи. Их происхождение, интимная жизнь и политика. М., 1993.

Рубцов Ю.В. Их подвигами дивился мир. М., 1997.

Руновский А. Записки о Шамиле. СПб., 1860.

Сборник Русского Исторического Общества. Россия и Северный Кавказ. Т. II (150). М., 2000.

Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. Тифлис, 1901.

Семина Х.Д. Трагедия русской армии Первой Великой Войны 1914—1918 гг. Кн. I, II. Нью-Мексико, 1964.

Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963.

Тарапыгин Ф.А. Известные русские военные деятели. Краткое их жизнеописание. СПб., 1911.

Тарле Е.В. Крымская война (1853—1856 гг.). Т. I. М.; Л., 1950.

Тарле Е.В. Избранные сочинения. Т. I. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1994.

Татищев С.С. Военная политика Николая I. СПб., 1887.

1812 год в воспоминаниях современников. М., 1945.

Уманец Ф.М. Проконсул Кавказа. СПб., 1912.

Утверждение русского владычества на Кавказе. К столетию присоединения Грузии к России. 1801—1901. Т. IV. Тифлис, 1908.

Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1961.

Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860.

Фельдмаршал Кутузов. Документы. Дневники. Воспоминания. М., 1995.

Харботл Т. Битвы мировой истории. М., 1993.

Хроника Мухаммеда Тахира Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. Л., 1941.

Чичагова М.Н. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. СПб., 1889.

Шеремет В.И. У врат Царьграда: Кампания 1829 г. и Адрианопольский мир//Военно-исторический журнал. 2000. № 2.

Шильдер Н.К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. М., 1996.

Шишов А.В. Век Екатерины. М., 1998.

Шишов А.В. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич//Военный вестник. 1993. № 8.

Шишов А.В. «Золотые ворота Кавказа» распахнул... генерал-инвалид// Военно-исторический журнал. 1999. № 3.

Шишов А.В. Империя. М., 1998.

Шишов А.В. «На негодующий Кавказ подъялся наш орел...»//Военно-исторический журнал. 1997. № 3.

Шишов А.В. Николай Николаевич Муравьев-Карский//Военный вестник. 1993. № 9.

Шишов А.В. 100 великих военачальников. М., 2000.

Щербатов П.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. I—VII. СПб., 1888—1904.

Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907.

Эсадзе С.С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Исторический очерк кавказско-горской войны в Чечне и Дагестане. Тифлис, 1909.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора ... 3

«ЗОЛОТАЯ НОГА» ФАВОРИТА
Генерал-аншеф Валериан Александрович Зубов

Разорение Грузии шахом Персии. Ответ Екатерины Великой ... 11
Генеральская судьба брата фаворита ... 15
Начало Персидской экспедиции ... 21
Штурм крепости Дербент ... 26
Присоединение к России ханств Северного Азербайджана ... 33
Нури-Али-хан, Ших-Али-хан и другие ... 36
Бой в Алпанском ущелье ... 41
Гянджинское ханство. На берегах Аракса ... 44
Воцарение Павла I. Неожиданный финал Персидского похода ... 48
Опала. Цареубийство. Последние благодеяния ... 54

АНАПА — КАВКАЗСКИЙ ИЗМАИЛ
Генерал-фельдмаршал Иван Васильевич Гудович

Потомственный шляхтич солдатской службы не познал ... 59
Первая русско-турецкая война. Хотинское дело ... 61
Командир бригады. Сражение на реке Ларге. Кагул ... 65
Война в Валахии и на Дунае ... 70
Генерал-губернатор. На второй русско-турецкой войне ... 75
Командующий войсками Кавказской линии ... 79
Анапа и еще раз Анапа ... 86
Поход на Анапу и ее осада ... 88
Штурм кавказского Измаила ... 94
Победа. Суджук-Кале. Флот Турции оставляет берега Кавказа ... 102
Укрепление кавказской границы Российской империи ... 106
Дела закавказские. Вновь генерал-губернаторство ... 112

Вновь на Кавказе. Война с Турцией ... 115
Сражение на Арпа-чае ... 119
Неудачный поход на Эривань ... 125
Отставка. Последние годы жизни ... 130

СМИРИСЬ, КАВКАЗ! ИДЕТ ЕРМОЛОВ!..
Генерал от артиллерии и инфантерии Алексей Петрович Ермолов

Армейская юность будущего полководца ... 135
Ссылка за «вольнодумство». Конфликт с Аракчеевым ... 138
На войнах с наполеоновской Францией. Служба в гвардии ... 140
Начальник штаба 1-й Западной армии ... 142
Герой Бородина и Малоярославца ... 145
Заграничные походы. Командир Гренадерского корпуса ... 149
«Кавказский проконсул» ... 153
«Обложение» крепости под названием Кавказ ... 158
После Чечни — Горный Дагестан ... 162
Поражение Сурхай-хана. Временное замирение Чечни ... 166
Грузия. Кабарда. Абхазия ... 169
«Возмущение» в Чечне. Ликвидация ханств ... 171
Главноуправляющий Кавказского края. Декабристы ... 174
Персидская война. Отставка ... 177
Последние годы ... 180

ГРАФ ЭРИВАНСКИЙ, КНЯЗЬ ВАРШАВСКИЙ
Генерал-фельдмаршал Иван Федорович Паскевич

Под знаменами Михельсона, Прозоровского, Багратиона ... 186
Начало Отечественной 1812-го ... 191
Бородино. Малоярославец. Красный ... 198
Заграничный поход. Возвращение в Россию ... 202
Кавказ. Сражение под Елисаветполем ... 205
Паскевич сменяет Ермолова. Поход на Эриванское ханство ... 214
Дело на Джеван-Булаке. Взятие Аббас-Абада ... 218
Падение Эриванской крепости ... 221
Вхождение Восточной Армении в состав России ... 228
Продолжение второй персидской войны ... 230
Туркманчайский мирный договор ... 237
Убийство посла России Грибоедова ... 241
Начало войны с Турцией ... 243
Поход на Карскую крепость ... 248
Штурм Карса ... 256
Капитуляция турецкого гарнизона. Победа ... 266
Взятие крепости Ахалкалаки ... 269
Поход на Ахалцых ... 273
Разгром войск Киос-Мухаммед-паши ... 279

Штурм. Ширванский пехотный полк ... 285
Новые победы кавказцев ... 291
Попытки османов вернуть потерянное ... 294
Сражение при Каинлы ... 298
Падение Эрзерумской крепости. Бейбурт ... 302
Война с имамом Шамилем ... 307
Штурм Варшавы. Наместник Царства Польского ... 310
Венгерский поход ... 316
На последней войне — Крымской ... 322

...ХОЧЕТ УДИВИТЬ МЕНЯ ПОБЕДОЙ
Генерал от инфантерии Василий Осипович Бебутов

Кавказцы на службе России ... 329
Служба у Тормасова и Паулуччи ... 332
Вновь на Кавказе ... 335
Защита крепости Ахалцых ... 337
Война с горцами. Командир Дагестанского отряда ... 342
Начало Восточной войны ... 345
Сражение при Баш-Кадыкларе ... 350
Награды за победу и упреки за нее ... 357
Сражение у Кюрук-Дара (или у горы Караяль) ... 359
Участие в управлении Кавказским наместничеством ... 366

ИЗ РОДА БАГРАТИДОВ
Генерал от кавалерии Иван Малхазович Андроников

Кавалерийский офицер ... 371
Герой Елисаветпольского сражения. Нижегородские драгуны ... 373
На новой войне — турецкой ... 378
На берегах Чороха ... 381
Командир Нижегородского драгунского полка. На войне с горцами ... 385
Военный губернатор Тифлиса ... 387
Начало Крымской войны на Кавказе ... 392
Сражение за Ахалцых ... 398
Блеск Ахалцыхской победы ... 404
Вторая военная кампания ... 408
Сражение на реке Чолок ... 411
В зените славы ... 417

ЧЕТЫРЕЖДЫ ШТУРМОМ ВЗЯТЫЙ КАРС
Генерал от инфантерии Николай Николаевич Муравьев-Карский

Во главе кавказских войск России ... 422
Осада Карской крепости ... 426
Неудачный штурм Карса ... 431

Прием персидской миссии ... 435
Падение Карской твердыни ... 438
Самая блестящая победа Крымской войны ... 445
Опальный полководец ... 448
Начало армейской службы ... 452
От Бородина до Парижа ... 456
В Персии и Хиве. Ермоловская кавказская школа ... 460
На второй персидской войне ... 463
На турецкой войне. Штурм Карса. Взятие Ахалцыха ... 466
Встречи с Пушкиным. Сложность отношений с Паскевичем ... 471
Командир Литовского корпуса. Польша ... 473
Экспедиция на берега Босфора ... 474
Новая царская опала. Не у дел. Возвращение в армию ... 477
Во главе Кавказского наместничества ... 482
Налаживание отношений с имамом Шамилем ... 486

САРЫКАМЫШ, ЭРЗЕРУМ... ПЕТРОГРАД
Генерал от инфантерии Николай Николаевич Юденич

Юность полководца Великой войны. Туркестан ... 494
На полях Маньчжурии ... 496
Между двумя войнами. Казань и Тифлис ... 499
В преддверии войны с Турцией ... 502
Образование Кавказского фронта ... 506
Энвер-паша становится во главе 3-й армии ... 511
Сарыкамышская операция ... 515
Во главе Кавказской армии ... 521
Цена Сарыкамышской виктории ... 524
Война в Азиатской Турции и Персии ... 526
Зимнее наступление на горном театре ... 530
Стратегическая победа под Эрзерумом ... 533
Трапезундская операция. Война в горах ... 538
Союзники по Антанте. Отстранение от командования фронтом ... 541
Во главе Белого движения на Северо-Западе России ... 543
Поход на красный Петроград. Эмиграция ... 547

Использованные источники ... 551